ДК
60
П31
Петрушевский Д. М.
"Очерки из истории средневекового общества и государства"
изд. 3-е,
М., 1913.

Б. Ш. 127

Д. М. Петрушевскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ СРЕДНЕВѢКОВАГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА.

909
П21

„НАУЧНОЕ СЛОВО".

DK
60
П31
У. III. 127.
10 экз.
940
П 31/5

Проф. Д. М. Петрушевскій.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ

СРЕДНЕВѢКОВАГО

ОБЩЕСТВА и ГОСУДАРСТВА.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ,

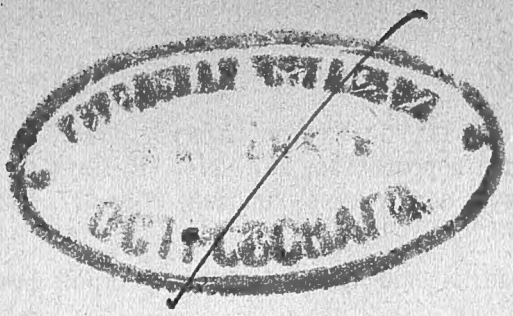
ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.

№ 5660

„НАУЧНОЕ СЛОВО“.
Москва—1913.

БИБЛИОТЕКА
№ 187885

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К⁰. Пименовская ул., с. д.
Москва—1913.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Предисловіе V

Введеніе. Задачи и методы науки всеобщей исторіи . . . . . 1—37

Очеркъ первый. Государство и общество Римской имперіи . . . . 38—192
Постановка вопроса, 38—39. I. Основныя причины возникновенія монархіи въ Римѣ, 39—47. II. Характеристика принципата, 48—52. III. Ростъ имперской администраціи, 52—63. IV. Организація правительственныхъ средствъ, 63—74. V. Военная организація имперіи, 74—81. VI. Провинціальныя собранія, 81—84. VII. Муниципальный строй имперіи и его эволюція, 84—106. VIII. Общая характеристика хозяйственной эволюціи римскаго міра, 107—120. Возникновеніе крѣпостного права (колоната) въ Римской имперіи, 120—141. X. Закрѣпощеніе коллегій, 141—154. XI. Ростъ аристократіи сенаторовъ и феодализація имперіи, 154—166. XII. Очеркъ исторіи отношеній между имперіей и германцами и разложеніе Западной Римской имперіи рядъ на варварскихъ королевствъ, 166—184. Общая характеристика основныхъ причинъ разложенія Западной Римской имперіи, 184—190. Литература предмета, 190—192.

Очеркъ второй. Общественный и политическій строй древнихъ германцевъ . . . . . 193—216
Характеръ источниковъ, 193—194. I. Характеристика хозяйственнаго, соціальнаго и политическаго строя германцевъ по даннымъ Цезаря, 194—197. II. Характеристика хозяйственнаго, соціальнаго и политическаго строя германцевъ по даннымъ Тацита, 197—215. Литература предмета, 215—216.

Очеркъ третій. Англо-саксонское развитіе . . . . . 217—260
Общія методологическія соображенія, 217—219. I. Степень романизаціи Британіи и общій характеръ англо-саксонскаго завоеванія, 219—222. II. Политическій строй англо-саксонскаго общества, 222—232. III. Соціальный строй англо-саксонскаго общества, 232—237. IV. Феодализація англо-саксонскаго общества и государства, 237—259. Литература предмета, 259—260.

Очеркъ четвертый. Общая характеристика остготскаго королевства въ Италіи . . . . . 261—278
I. Основаніе остготскаго королевства Теодорихомъ и его соціальный строй, 261—263. II. Общія черты государственной организаціи остготскаго королевства, 264—267. III. Власть остготскаго

Стр.

короля въ связи съ различными сторонами государственной организаціи остготскаго королевства, 267—274. IV. Неудача романистической политики остготскихъ королей, 274—277. Литература предмета, 277—278.

Очеркъ пятый. Политическій и общественный строй франковъ и его эволюція . . . . . 279—368

I. Основаніе франкскаго государства салическими франками съ Хлодвигомъ во главѣ, 279—282. II. Государственный строй франкскаго королевства, 282—309. III. Хозяйственный и соціальный строй франкскаго общества въ связи съ феодализаціей этого послѣдняго, 310—330. IV. Возвышеніе Каролинговъ, переходъ къ нимъ королевской власти и возстановленіе Западной Римской имперіи, 330—340. V. Характеристика государственной власти Карла Великаго и ея задачъ, 340—344. Государственная организація каролингской монархіи и ея феодальныя основы, 344—357. Основныя причины разложенія каролингской имперіи и торжества феодализма, 357—367. Литература предмета, 367—368.

Заключеніе . . . . . 369—380

Выпуская въ свѣтъ третьимъ изданіемъ эти «Очерки» (первымъ изданіемъ они вышли въ 1907, а вторымъ—въ 1908 г.), авторъ подвергъ ихъ предварительно тщательному пересмотру, чтобы устранить по возможности всѣ неясности и шероховатости мысли и стиля и заполнить существенные пробѣлы, которые ему пришлось допустить въ первыхъ изданіяхъ. Въ виду послѣдней цѣли авторомъ совершенно заново, въ болѣе широкомъ масштабѣ, написанъ послѣдній, пятый очеркъ, посвященный политическому и общественному строю франковъ и его эволюціи, слишкомъ краткій и схематическій въ прежнихъ изданіяхъ, и въ немъ болѣе отчетливо поставлены и болѣе обстоятельно и конкретно трактованы основныя проблемы варварской и феодальной государственности какъ съ ихъ чисто политической стороны, такъ и со стороны хозяйственной и соціальной. Если прежде государственный строй франковъ былъ очерченъ лишь общими штрихами, и притомъ преимущественно лишь въ эпоху Меровинговъ, то теперь дана по возможности конкретная его характеристика какъ въ меровингскую, такъ и въ каролингскую эпоху и, въ частности, съ возможной обстоятельностью разсмотрѣна сдѣланная Каролингами попытка организовать міровую христіанскую монархію Запада на феодальной соціальной основѣ, и указаны основныя причины этой попытки и вмѣстѣ съ тѣмъ и основныя причины торжества феодализма на западѣ Европы. Въ сотвѣтствіи съ этимъ дополнено и заключеніе. Дополнены и библіографическія указанія въ концѣ каждаго очерка. Если прежде они были ограничены лишь существующей на русскомъ языкѣ основной литературой по затронутымъ въ очеркахъ вопросамъ, то теперь указаны и главныя работы западно-европейскихъ ученыхъ, и не переведенныя на русскій языкъ.

Благодаря этимъ измѣненіямъ книга пріобрѣла бо́льшую полноту и законченность, и ея основныя точки зрѣнія получили бо́льшую ясность и отчетливость. Но основная задача книги осталась прежней. Мы не имѣли въ виду давать въ нашихъ «Очеркахъ» такъ называемую исторію среднихъ вѣковъ, въ которой читатель былъ бы въ правѣ искать изображенія самыхъ различныхъ сторонъ жизни средневѣковой Европы. Задача наша была и остается болѣе

узкой и скромной. Намъ хотѣлось лишь выяснить основные моменты въ генезисѣ западно-европейскаго феодализма какъ опредѣленной типической формы политическихъ и соціальныхъ отношеній, съ необходимостью возникающей въ человѣческомъ обществѣ при наличности извѣстныхъ политическихъ и хозяйственныхъ условій. Мы были при этомъ далеки отъ мысли дать читателю всесторонне освѣщенную картину всего чрезвычайно сложнаго процесса возникновенія феодальнаго строя на западѣ Европы изъ условій предшествующаго развитія. Наша цѣль не шла дальше попытки подчеркнуть и возможно отчетливѣе формулировать лишь основные моменты и причины этого процесса и тѣмъ вызвать въ читателѣ соціологическій интересъ къ этимъ явленіямъ и охоту къ ихъ болѣе конкретному изученію на матеріалѣ какъ западно-европейскаго, такъ и русскаго развитія.

Москва,
31 января 1913 г.

Г.Б.Ч.О.

ВВЕДЕНІЕ.

Задачи и методы науки всеобщей исторіи.

I.

Безъ преувеличенія можно сказать, что въ настоящее время болѣе, чѣмъ когда-либо, всякимъ, занимающимся или просто интересующимся всеобщей исторіей, ощущается потребность дать себѣ по возможности опредѣленный и ясный отвѣтъ на вопросъ о задачахъ и методахъ этой науки и о ея мѣстѣ среди другихъ общественныхъ дисциплинъ. Изученіе общества идетъ такими разнообразными путями, обществовѣдѣніе дробится на такую массу научныхъ вѣтвей, что невольно является сомнѣніе: не простой ли это анахронизмъ, не характерное ли это «переживаніе», не показатель ли это упрямаго научнаго старовѣрства, не желающаго считаться съ истинными, всѣмъ ходомъ научной жизни опредѣляемыми тенденціями науки въ ея естественномъ, нормальномъ развитіи, сама эта мысль о всеобщей исторіи, какъ объ особой наукѣ, вѣдающей историческія судьбы человѣческихъ обществъ? Съ другой стороны, для тѣхъ, кто не сомнѣвается въ правахъ всеобщей исторіи на существованіе, съ самымъ терминомъ «всеобщая исторія» соединяется далеко не одинаковое для всѣхъ представленіе: въ то время, какъ одни всеобщіе историки стараются окончательно порвать съ философскими традиціями «всемірной исторіи», съ ея пророческимъ тономъ и эстетическими и моральными тенденціями и поставить свою науку на почву сравнительнаго изученія историческаго процесса во всей пестротѣ и жизненномъ многообразіи его конкретныхъ проявленій съ цѣлью выясненія законовъ развитія человѣческаго общества, другіе все еще отстаиваютъ всемірно-историческую точку зрѣнія, стараясь подкрѣпить ее новыми, болѣе научными, аргументами и не замѣчая того, что, отказываясь отъ философскихъ представленій и вѣрованій, когда-то создавшихъ всемірно-историческую концепцію, они въ корнѣ подрываютъ ея основу, которую совсѣмъ не

могутъ замѣнить предлагаемые ими новые аргументы, къ тому же весьма далекіе отъ научной неуязвимости. Прибавимъ къ этому, что начавшаяся въ самое послѣднее время энергичная работа философско-критическаго пересмотра основныхъ историческихъ (соціологическихъ) понятій, въ значительной мѣрѣ вызванная недавними и еще до сихъ поръ не замолкнувшими спорами матеріалистовъ и идеологовъ и обѣщающая очень цѣнные результаты для общественной философіи и науки, да уже и теперь оказывающая свое освѣжающее и оздоровляющее вліяніе на научную атмосферу, успѣла уже поколебать не мало общепризнанныхъ воззрѣній и давно утвердившихся въ исторической наукѣ рубрикъ, схемъ и классификацій, показавъ всю ихъ, въ лушемъ случаѣ, поверхностность и наивную (въ философскомъ смыслѣ) субъективность, и поставила рядъ вопросовъ тамъ, гдѣ до сихъ поръ царила догматическая увѣренность и опредѣленность.

При такихъ условіяхъ у историка, выступающаго передъ читателями съ попыткой въ рядѣ очерковъ воспроизвести рядъ явленій и процессовъ, обыкновенно относимыхъ къ основному содержанію всеобщей исторіи, является настоятельная необходимость объясниться съ читателемъ относительно общихъ точекъ зрѣнія, подъ угломъ которыхъ онъ разсматриваетъ эти явленія и процессы, и этимъ предотвратить всякія возможныя недоразумѣнія.

Самый фактъ непрекращающагося дробленія общественной науки на рядъ все болѣе и болѣе обособляющихся дисциплинъ, спеціально изучающихъ отдѣльныя стороны общественнаго процесса, едва ли, на нашъ взглядъ, можетъ быть признанъ по существу рѣшающимъ аргументомъ противъ мысли о цѣлостномъ, синтетическомъ пониманіи общественнаго процесса. Чисто научная, соціологическая постановка этихъ спеціальныхъ общественныхъ дисциплинъ, видящая въ объектахъ этихъ послѣднихъ лишь отдѣльныя стороны единаго цѣлаго, тѣсно, органически связанныя другъ съ другомъ и представляющія каждая лишь продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, исходитъ, какъ видимъ, изъ этого понятія объ историческомъ процессѣ какъ о единомъ цѣломъ и въ этомъ понятіи черпаетъ свой научный смыслъ и резонъ. Понятіе это вовсе не метафизическій предразсудокъ, унаслѣдованный отъ эпохи господства апріоризма въ общественной наукѣ. Чисто индуктивное изслѣдованіе отдѣльныхъ явленій и процессовъ, совершающихся внутри человѣческихъ обществъ на самыхъ различныхъ ступеняхъ ихъ развитія, не только не подрываетъ этого понятія, но лишь все болѣе и болѣе подкрѣпляетъ и углубляетъ его болѣе и болѣе конкретными аргументами, все болѣе и болѣе осязательно обнаруживая

тѣсную, чисто органическую связь, соединяющую самыя различныя стороны эволюціонирующей общественной жизни. Эта идея объ историческомъ процессѣ (совершающемся въ каждомъ человѣческомъ обществѣ), какъ о единомъ цѣломъ, какъ о живомъ синтезѣ цѣлаго ряда переплетающихся, другъ друга обусловливающихъ эволюцій, представляетъ собою, можно сказать, центральную идею современной общественной науки, опредѣляющую и содержаніе этой послѣдней, и методъ, и мы позволяемъ себѣ утверждать, что будущіе успѣхи общественной науки во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ находятся въ прямой зависимости отъ того, въ какой мѣрѣ эта идея будетъ усвоена научнымъ сознаніемъ во всей глубинѣ и широтѣ ея научнаго смысла и значенія. Въ этомъ случаѣ чисто опытное знаніе оказывается вполнѣ солидарнымъ съ запросами чисто теоретической мысли въ ея стремленіи къ синтетическому пониманію явленій, и мы склонны думать, что теорія историческаго познанія, постепенно на нашихъ глазахъ превращающаяся изъ научно-философской проблемы въ строго научную дисциплину, навѣрное внесетъ много поправокъ въ это наше соціологическое пониманіе историческаго процесса, весьма возможно, перестроитъ его совсѣмъ по-иному, предварительно указавъ въ немъ много некритическихъ элементовъ, но едва ли разрушитъ его какъ чистѣйшую иллюзію нашей по существу субъективной мысли.

Только что охарактеризованное нами соціологическое пониманіе историческаго процесса, совершающагося внутри каждаго человѣческаго общества, сообщая чисто научную постановку отдѣльнымъ общественнымъ дисциплинамъ, изучающимъ отдѣльныя стороны общественнаго процесса, ставитъ въ то же время передъ научнымъ сознаніемъ и проблему синтетическаго пониманія общественнаго процесса, пониманія его какъ живого цѣлаго и выясненія основныхъ формъ, которыя онъ вырабатываетъ, главныхъ фазисовъ, черезъ которые проходитъ общественное развитіе, тѣхъ законовъ, по которымъ совершается это развитіе, и поскольку мы приближаемся къ правильной, вполнѣ научной постановкѣ этой проблемы и къ ея строго методическому рѣшенію, постольку мы и создаемъ настоящую общественную науку, изучающую эволюцію человѣческаго общества и ея законы. Есть ли это отдѣльная общественная дисциплина, отличная отъ другихъ общественныхъ дисциплинъ, изучающихъ отдѣльныя стороны общественнаго процесса, отдѣльныя эволюціи, изъ сложной совокупности которыхъ состоитъ общественный процессъ? Можно ли признать это возсозданіе мыслью, это конструированіе общественнаго процесса изъ массы явленій, въ свою очередь слагаемыхъ мыслью въ эволюціонные ряды, можно ли при-

знать эту творческую работу и непосредственно слѣдующую за ней работу выясненія самаго существа общественнаго процесса и законовъ, по которымъ онъ развивается, содержаніемъ особой научной дисциплины? Не вѣрнѣе ли будетъ сказать, что всякая попытка выдѣлить эту научную работу въ особую научную область съ опредѣленно обозначенными границами будетъ страдать значительной долей искусственности, что содержаніе этой науки выйдетъ изъ искусственныхъ предѣловъ и разольется по всѣмъ другимъ спеціальнымъ общественнымъ дисциплинамъ, изучающимъ отдѣльныя стороны общественнаго процесса, отдѣльныя эволюціи, что и возсозданіе общественнаго процесса, и выясненіе законовъ его развитія,—это та общая задача, надъ рѣшеніемъ которой работаютъ совмѣстно всѣ отдѣльныя общественныя дисциплины, та общая цѣль, которая служитъ путеводною звѣздою для всѣхъ и каждой изъ нихъ и имманентна каждой изъ нихъ? Не болѣе ли, слѣдовательно, будетъ согласнымъ съ логикой и психологіей научной работы видѣть единственно правильный путь къ возсозданію общественнаго процесса и къ выясненію его законовъ въ чисто научной, соціологической постановкѣ отдѣльныхъ общественныхъ дисциплинъ, изучающихъ различныя отдѣльныя стороны общественнаго процесса? Мы склонны думать, что это единственно правильный путь, и что этимъ путемъ и идетъ общественная наука, поскольку она приводитъ къ дѣйствительно научнымъ результатамъ. Мы твердо увѣрены, что, *вполнѣ сознательно ставъ на соціологическую точку зрѣнія*, какъ въ смыслѣ пониманія каждаго изъ общественныхъ явленій какъ сложнѣйшаго продукта всего общественнаго процесса, такъ и въ смыслѣ конечной цѣли, направляющей всякое спеціальное изысканіе и заключающейся въ возсозданіи общественнаго процесса и въ выясненіи законовъ его развитія, отдѣльныя общественныя дисциплины и приведутъ къ этой конечной цѣли. Повторяемъ, эта конечная цѣль должна быть присуща каждому отдѣльному изысканію, она направляетъ его и даетъ ему смыслъ. И нельзя представлять себѣ, будто достиженіе этой конечной цѣли есть дѣло отдаленнаго будущаго. Такое представленіе не согласно съ истиннымъ характеромъ научнаго творчества, въ которомъ отдѣльные моменты далеко не такъ разграничены и обособлены, какъ склонны думать обыкновенно. Поскольку спеціальная работа отправляется отъ мысли объ общественномъ процессѣ, какъ о единомъ цѣломъ, всѣ стороны котораго органически связаны другъ съ другомъ, она непремѣнно уже и непосредственно даетъ въ той или иной мѣрѣ общій выводъ, который немедленно же вступаетъ въ научный оборотъ и самъ является импульсомъ для дальнѣйшихъ работъ и для дальнѣйшихъ выводовъ. Аб-

стрáктная и конкретная стороны въ научной работѣ тѣсно переплетены между собою, и выдѣлить эти два ея момента можно, лишь анализируя ее со стороны.

Чтобы быть реальной наукой, общественная наука (развѣтвляющаяся на цѣлый рядъ спеціальныхъ общественныхъ дисциплинъ, объединяющихся на общей почвѣ соціологическаго пониманія своихъ спеціальныхъ, частныхъ задачъ) должна отправляться отъ общественныхъ реальностей, должна изучать дѣйствительно существовавшія и существующія конкретныя человѣческія общества въ ихъ историческомъ развитіи. Матеріалъ ея такимъ образомъ совершенно конкретенъ. Только тщательное, всестороннее выясненіе общественнаго процесса, какъ онъ развивался въ каждомъ отдѣльномъ конкретномъ человѣческомъ обществѣ съ всѣми его индивидуальными особенностями, можетъ дать намъ возможность понять общественный процессъ in abstracto, конструировать его соціологически и выяснить фазисы и законы его развитія. Увѣренность въ этой возможности даетъ намъ вполнѣ доказанный фактъ сходства основныхъ процессовъ, происходящихъ въ отдѣльныхъ человѣческихъ обществахъ въ ихъ историческомъ развитіи, и общественныхъ формъ, которыя этими процессами вырабатываются. Изучая рядъ обществъ въ ихъ историческомъ развитіи, мы изучаемъ рядъ сходныхъ процессовъ, рядъ варіацій на общія темы, и это даетъ намъ основаніе думать, что это изученіе дастъ намъ возможность конструировать, возсоздать эти общія темы, понять тѣ основные элементы, изъ которыхъ складывается всякая общественная реальность, и тѣ тенденціи, которыя присущи этимъ элементамъ въ ихъ основныхъ комбинаціяхъ, уразумѣть историческій (общественный) процессъ въ его существѣ и законы его развитія, понять ту связь, которая существуетъ между всѣми сторонами историческаго процесса.

Такимъ образомъ, общественная наука, стремящаяся къ уразумѣнію историческаго (общественнаго) процесса и его законовъ, во-первыхъ, является исторіей и, во-вторыхъ, становится по необходимости на почву сравнительнаго, сравнительно-историческаго изученія. Чтобы понять соціологически такое, напримѣръ, явленіе (вѣрнѣе— комплексъ явленій), какъ феодализмъ, нельзя ограничиться изученіемъ его во Франціи или въ Англіи; для этого необходимо изучить его въ цѣломъ рядѣ обществъ, въ каждомъ изъ которыхъ феодализмъ развивался въ той или иной мѣрѣ своеобразно, въ зависимости отъ той или иной индивидуальной комбинаціи общихъ условій, необходимыхъ для его возникновенія; въ одномъ обществѣ болѣе опредѣленно выступала одна его сторона, въ другомъ—другая, и только сравнительное изученіе его въ рядѣ такихъ обществъ даетъ намъ

возможность въ равной мѣрѣ освѣтить всѣ его стороны какъ извѣстной общественной формы, съ необходимостью возникающей и развивающейся въ человѣческомъ обществѣ при наличности извѣстныхъ общихъ условій. Такое сравнительное изученіе необходимо не только для выясненія феодализма (какъ и всякаго другого общественнаго явленія) вообще, феодализма in abstracto. Оно въ равной мѣрѣ необходимо при выясненіи феодальнаго процесса и его формъ и въ каждомъ отдѣльномъ обществѣ. Англійскій, напримѣръ, феодализмъ не будетъ понятенъ во всемъ своемъ своеобразіи, если мы не сопоставимъ его съ французскимъ, нѣмецкимъ и всякимъ другимъ феодализмомъ. Чтобы быть вполнѣ плодотворнымъ, сравнительное изученіе должно быть далекимъ отъ поверхностнаго сопоставленія сходныхъ явленій; оно должно идти рука объ руку съ самымъ тщательнымъ изученіемъ каждаго изъ сравниваемыхъ явленій во всей индивидуальности его конкретнаго бытія, въ контекстѣ тѣхъ спеціальныхъ условій, которыя породили каждое изъ этихъ явленій. Только при такомъ щепетильно внимательномъ отношеніи къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго изъ сравнимаемыхъ явленій мы можемъ надѣяться понять и то общее, что скрывается за индивидуальнымъ, по варіаціямъ возсоздать общую тему.

Такимъ образомъ, общественная наука, ставящая себѣ основную соціологическую цѣль—выясненіе общественнаго процесса, его фазисовъ, формъ и законовъ, общественнаго процесса, понимаемаго какъ единое цѣлое, какъ живой синтезъ цѣлаго ряда переплетающихся эволюцій—и стремящаяся быть наукой реальной, отправляющейся отъ данныхъ дѣйствительности и пытающейся понять историческій (общественный) процессъ, какъ онъ совершался и совершается въ дѣйствительно существовавшихъ и существующихъ человѣческихъ обществахъ, по необходимости должна быть исторической наукой,—наукой, изучающей рядъ сходныхъ процессовъ, рядъ конкретныхъ человѣческихъ обществъ въ ихъ историческомъ развитіи, должна быть всеобщей исторіей. По своимъ основнымъ цѣлямъ и задачамъ наука абстрактная, по своему матеріалу она наука вполнѣ конкретная, распадающаяся на рядъ отдѣльныхъ, нерѣдко крайне спеціальныхъ дисциплинъ, изслѣдующихъ тѣ или иныя отдѣльныя стороны историческаго (общественнаго) процесса, но объединяемыхъ общей, чисто соціологической цѣлью и оплодотворяемыхъ общей всѣмъ имъ идеей, историческаго процесса, развивающагося въ каждомъ человѣческомъ обществѣ, какъ единаго цѣлаго, и вполнѣ проникнутыхъ каждая той основной мыслью, что каждое изучаемое каждой изъ нихъ явленіе или комлексъ явленій представляетъ собою сложнѣйшій продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ данномъ обществѣ, сложнѣйшій про-

дуктъ общественнаго процесса въ его цѣломъ. Мы твердо вѣримъ, что именно такой наукой, именно всеобщей исторіей въ только что разъясненномъ смыслѣ, вполнѣ конкретной по матеріалу наукой съ широкими абстрактными, чисто соціологическими задачами только и можетъ быть общественная наука. Въ противномъ случаѣ она рискуетъ превратиться (примѣровъ этого слишкомъ много) въ рядъ произвольныхъ построеній, далекихъ отъ той дѣйствительности, которую они призваны объяснить, въ систему блѣдныхъ, безжизненныхъ абстракцій, принимающихъ во вниманіе ужъ очень общія стороны явленій, къ тому же вовсе не изученныхъ въ своей сложной и живой индивидуальности, а нерѣдко и въ праздную игру досужаго воображенія. Недавнее прошлое общественной науки и ея современное состояніе лишь подтверждаютъ эти общія соображенія, свидѣтельствуя о томъ, что, лишь вооружаясь строгимъ методомъ историческаго изслѣдованія и примѣняя его къ рѣшенію соціологическимъ проблемъ, что лишь становясь исторіей, общественная наука и достигла сколько-нибудь цѣнныхъ результатовъ. Да по существу дѣла иначе и быть не могло. Только черезъ конкретное, частное, индивидуальное познается общее, а не какимъ-либо инымъ путемъ.

Твердо усвоивъ соціологическую точку зрѣнія, видящую въ каждомъ общественномъ явленіи сложнѣйшій продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, сложнѣйшій продуктъ всего развивающагося въ данномъ обществѣ историческаго процесса, общественная наука должна быть чужда всякаго догматизма, какъ идеалистическаго, такъ и матеріалистическаго. Возражать противъ историческаго идеализма, видящаго творящее начало исторіи, главный факторъ историческаго (общественнаго) процесса въ идеяхъ, и противъ историческаго матеріализма, для котораго такимъ главнымъ факторомъ, «реальнымъ базисомъ» является экономія данной эпохи, организація производственныхъ силъ даннаго общества, идеи же—всего лишь отраженіе въ умахъ людей того, что совершается въ хозяйственномъ строѣ общества,—возражать противъ этихъ философско-историческихъ доктринъ на томъ только основаніи, что это доктрины апріорныя, что онѣ привносятъ въ работу изслѣдователя общественныхъ явленій, держащагося той или иной изъ нихъ, предвзятыя точки зрѣнія и такимъ образомъ въ извѣстной мѣрѣ заранѣе въ общихъ чертахъ предрѣшаютъ тотъ отвѣтъ, который долженъ получиться въ результатѣ изслѣдованія даннаго вопроса, и тѣмъ тормозятъ достиженіе истины,—чистѣйшее недоразумѣніе. Пора уже оставить эти (нерѣдко, впрочемъ, лицемѣрныя) хлопоты о какой-то свободной отъ всякихъ предвзятыхъ идей наукѣ. Такой науки не существуетъ и никогда не существовало, и кто искренно вѣритъ въ

ея существованіе, просто никогда не задумывался надъ процессомъ научной работы, надъ ея психологическимъ и логическимъ механизмомъ; въ противномъ случаѣ онъ бы зналъ, что всякая наша познавательная операція совершается обязательно при наличности той или иной «предвзятой» точки зрѣнія, что научное творчество и состоитъ въ сознательной и безсознательной обработкѣ воспринимаемыхъ данныхъ при посредствѣ цѣлаго ряда «предвзятыхъ» точекъ зрѣнія, которыя въ извѣстной мѣрѣ являются тѣми заранѣе готовыми формами, куда нашъ умъ вливаетъ воспринимаемый изъ внѣшняго міра матеріалъ. Сама постановка научнаго вопроса, даже самаго простого, предполагаетъ у ставящаго его извѣстныя общія точки зрѣнія, общіе взгляды, и самый вопросъ есть попытка провѣрить тѣ или иныя уже готовыя точки зрѣнія, есть уже въ значительной мѣрѣ готовый отвѣтъ. Эти общія точки зрѣнія не одинаковы по своей природѣ: однѣ изъ нихъ суть категоріи нашего разума, присущія всякому индивидууму, другія—наши историческія и соціологическія категоріи (мы ведемъ рѣчь объ общественной наукѣ), представляющія наше, такъ сказать, благопріобрѣтенное имущество, присущія намъ, какъ людямъ извѣстной культурной эпохи, но передающіяся нерѣдко черезъ цѣлые вѣка. Эти послѣднія, историческія и соціологическія категоріи и являются для историческаго матеріала формирующимъ началомъ, и работа научнаго творчества и заключается въ сущности въ переводѣ изучаемаго матеріала на языкъ этихъ категорій. Происхожденіе этихъ категорій весьма различно. Здѣсь мы встрѣчаемъ и идеологическіе отголоски давно угасшихъ культуръ и давно пройденныхъ стадій духовнаго развитія современныхъ обществъ (въ видѣ, напримѣръ, вполнѣ миѳологическаго «культа героевъ и героическаго въ исторіи», въ какомъ бы измѣненномъ и приспособленномъ къ болѣе мірскимъ вкусамъ видѣ онъ ни являлся), и переживанія болѣе новыхъ моментовъ въ жизни европейскаго человѣчества (въ видѣ религіозно-метафизической по своей природѣ идеи единаго человѣчества, шествующаго по безконечному пути прогресса), и сравнительно совсѣмъ новые продукты школьной учености филологовъ и историковъ стараго типа (въ родѣ «античнаго міровоззрѣнія», «возрожденія искусствъ и наукъ»), а нерѣдко и простыя метафоры, тропы и фигуры, развитыя въ цѣлую историческую философію. Встрѣчаемъ мы здѣсь, наконецъ, и новѣйшія, чисто научныя гипотезы, отправляющіяся отъ ряда болѣе или менѣе научно-обслѣдованныхъ фактовъ и наблюденій надъ исторической дѣйствительностью. Теоріи историческаго познанія предстоитъ много работы надъ всѣмъ этимъ матеріаломъ, чтобы выяснить его исторію и опредѣлить его внутреннюю цѣнность и чтобы такимъ обра-

зомъ сдѣлать вполнѣ здоровой ту атмосферу предвзятыхъ идей, безъ которой не можетъ дышать никакой изслѣдователь общественныхъ явленій, какъ бы онъ ни открещивался отъ всякой предвзятости какъ отъ смертнаго грѣха, и, несомнѣнно, дисциплина эта принуждена будетъ удалить изъ научнаго оборота девять десятыхъ тѣхъ историческихъ и соціологическихъ идей, съ помощью которыхъ средній интеллигентный человѣкъ мыслитъ объ общественныхъ явленіяхъ, а огромное большинство ученыхъ ихъ изслѣдуетъ. Но даже если бы ей пришлось и надъ всѣмъ этимъ вѣками накоплявшимся идейнымъ капиталомъ произнести безпощадно суровый приговоръ, то этимъ ничуть не была бы поколеблена полная законность потребности въ соціологическихъ и историческихъ предпосылкахъ. Вся суть дѣла лишь въ томъ, чтобы предпосылки эти представляли собою по возможности строго провѣренныя (научно и съ познавательно-критической точки зрѣнія) гипотезы, отправляющіяся отъ по возможности строго-методически и всесторонне изученныхъ фактовъ исторической дѣйствительности. Намъ уже приходилось указывать на то, что въ научной работѣ надъ явленіями общественной эволюціи нельзя сколько-нибудь рѣзко разграничивать абстрактный и конкретный моменты, что оба они въ разныхъ сочетаніяхъ сопровождаютъ эту работу, что, производя изслѣдованіе надъ даннымъ конкретнымъ фактомъ исторической дѣйствительности даннаго конкретнаго общества, мы въ то же время рѣшаемъ общую соціологическую проблему, пользуясь въ качествѣ общей соціологической предпосылки тѣми общими соціологическими результатами, которые дали всѣ другія предшествовавшія нашимъ спеціальныя изслѣдованія надъ конкретными историческими сюжетами. Конкретный и абстрактный моменты взаимно переплетаются, такимъ образомъ, въ процессѣ научнаго творчества, и индивидуальнаго, и коллективнаго, питая другъ друга и регулируя.

Таковы, на нашъ взглядъ, нормальныя отношенія между ними. Не слѣдуетъ только представлять себѣ дѣло слишкомъ академически, не слѣдуетъ думать, что работа происходитъ, начинается и кончается въ стѣнахъ ученаго кабинета, вдали отъ какихъ бы то ни было впечатлѣній живой жизни. Въ ученую работу, часто даже незамѣтно для изслѣдователя, проникаютъ тѣмъ или инымъ путемъ скорби и радости, сомнѣнія и мечты того общества и той эпохи, среди которыхъ онъ живетъ. Онѣ-то и направляютъ, въ конечномъ счетѣ, его кабинетную работу, и какъ бы энергично онъ ни отрекался отъ субъективизма, но его работа всегда будетъ представлять собою въ той или иной мѣрѣ зеркало его эпохи, ея умственныхъ запросовъ и ея общественныхъ стремленій, ея историческихъ и соціологическихъ

представленій и идей. Вытравлять всячески такой субъективизмъ— безплодная и безполезная работа. Его нельзя вытравить и не слѣдуетъ вытравлять. Въ немъ неизсякаемый источникъ жизни для самой общественной науки. Именно это вольное или невольное привнесеніе въ науку живыхъ впечатлѣній живой жизни и двигаетъ ее впередъ, создаетъ новыя точки зрѣнія и при свѣтѣ ихъ даетъ наукѣ возможность открывать новыя перспективы тамъ, гдѣ все уже казалось изслѣдованнымъ и гдѣ уже не было, казалось, мѣста ни для какихъ новыхъ вопросовъ. Стоитъ только вспомнить, какой переворотъ произвело въ наукѣ классической древности привнесеніе въ нее новыхъ, несомнѣнно, навѣянныхъ современной экономической и соціальной дѣйствительностью научныхъ точекъ зрѣнія, перемѣстившихъ центръ научныхъ интересовъ на вопросы экономической и соціальной эволюціи древняго міра. Застывшіе было въ своихъ классическихъ позахъ греки и римляне ожили, сошли съ своихъ пьедесталовъ, на которые ихъ благоговѣйно поставили романтики-энтузіасты классическаго міра еще съ такъ называемой эпохи возрожденія, и превратились въ обыкновенныхъ людей, по своему разрѣшавшихъ все тѣ же хозяйственныя и соціальныя проблемы, столь знакомыя новой Европѣ. Исчезъ классическій миражъ, и передъ нами встала жизнь, во многомъ подобная нашей и понятная намъ и отъ того еще болѣе интересная для научнаго изслѣдованія. Можно смѣло сказать, что безъ этого вторженія шума и тревоги современной жизни въ такъ тщательно оберегавшіеся отъ малѣйшаго соприкосновенія съ современностью и даже являвшіеся убѣжищемъ отъ нея кабинеты ученыхъ-классиковъ не были бы возможны замѣчательныя работы Эдуарда Мейера и Пэльмана, едва ли не крупнѣйшихъ изъ всѣхъ современныхъ историковъ на западѣ Европы.

Возвращаясь къ историческому идеализму и къ историческому матеріализму, повторяемъ: ставить имъ въ упрекъ то, что они доктрины въ той или иной мѣрѣ апріорныя, что они привносятъ въ работу изслѣдователя историческаго процесса предвзятыя точки зрѣнія,— не раціонально. Не въ этомъ ихъ слабыя стороны, на которыя слѣдуетъ обратить вниманіе. Не въ этомъ научный грѣхъ историческаго матеріализма, что онъ апріоренъ: грѣхъ его въ чисто метафизическомъ стремленіи свести къ одному началу все разнообразіе общественныхъ явленій въ ихъ историческомъ развитіи; съ этой стороны онъ представляетъ собою новѣйшій типъ запоздалой, метафизической по существу «философіи исторіи», и хотя экономія данной эпохи скромно зовется «реальнымъ базисомъ», но въ сущности она для приверженца этой доктрины — такое же творящее исторію «начало», какъ и «идея» для послѣдователя историческаго

идеализма. Въ этомъ отношеніи и историческій идеализмъ, и историческій матеріализмъ грѣшатъ противъ основного принципа современной общественной науки, противъ соціологической точки зрѣнія, видящей въ каждомъ общественномъ явленіи сложнѣйшій продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ данномъ конкретномъ обществѣ, сложнѣйшій продуктъ всего историческаго процесса, какъ онъ развивается въ данномъ обществѣ. Это ведетъ къ искусственному упрощенію научнаго анализа, а слѣдовательно, и къ не вполнѣ научнымъ результатамъ его.

Упрекъ этотъ заслуженъ обѣими этими доктринами, но не въ одинаковой мѣрѣ. Несомнѣнно, историческій матеріализмъ является значительнымъ шагомъ впередъ сравнительно съ историческимъ идеализмомъ. Дѣйствительно, въ то время, какъ историческій идеализмъ кладетъ въ основу своего воззрѣнія на историческій (общественный) процессъ понятіе объ идеѣ, какъ о чемъ-то вполнѣ понятномъ и простомъ, и представляетъ себѣ все безконечно сложное разнообразіе всѣхъ тѣхъ явленій, которыя составляютъ содержаніе общественнаго процесса, какъ простой и понятный результатъ творческаго воздѣйствія идеи на косную среду,—историческій матеріализмъ отправляется отъ изученія вполнѣ реальныхъ фактовъ хозяйственной и соціальной жизни даннаго общества и этимъ выдвигаетъ на первый планъ такія стороны историческаго процесса, которыя до того времени не привлекали къ себѣ надлежащаго вниманія историковъ, а между тѣмъ чрезвычайно важны для уразумѣнія самаго существа историческаго процесса. Въ этомъ крупнѣйшая заслуга матеріалистическаго движенія въ общественной наукѣ. Но не въ одномъ этомъ. Лишая идеи той творческой силы, которую приписывалъ и приписываетъ имъ историческій идеализмъ, и отводя имъ скромное мѣсто въ «надстройкѣ», возвышающейся надъ «реальнымъ базисомъ» экономическихъ отношеній, историческій матеріализмъ святотатственно поднималъ вопросъ о генезисѣ идей, о ихъ скромномъ происхожденіи изъ той самой общественной среды, надъ которой, въ глазахъ идеалистовъ, онѣ высоко носились, творя въ ней жизнь и движеніе впередъ. Въ какой мѣрѣ удовлетворителенъ отвѣтъ, который матеріалисты давали на этотъ вопросъ, это не такъ важно. Важна самая постановка этой проблемы, сводившая идею съ неба и видѣвшая въ ней продуктъ общественнаго процесса и показатель тѣхъ или иныхъ общественныхъ состояній, лишавшая идею той чисто мистической роли простого и творческаго абсолюта, какую приписывали и приписываютъ ей идеалисты. Только съ этихъ поръ стала все болѣе и болѣе утверждаться въ научномъ сознаніи мысль о крайней сложности и трудности

вопроса о генезисѣ идей и о ихъ роли въ историческомъ (общественномъ) процессѣ.

Такимъ образомъ, и привлеченіе къ историческому изслѣдованію съ чисто соціологическими цѣлями матеріальной стороны историческаго процесса (экономическихъ и соціальныхъ отношеній), и постановка проблемы о генезисѣ идей какъ продукта общественнаго процесса, попытка перевести идеи на языкъ хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній, вскрыть подъ идеями, какъ подъ символами, интересы составляющихъ общество соціальныхъ группъ— это здоровая, неумирающая сторона марксистскаго движенія, это крупная заслуга такъ называемаго историческаго или экономическаго матеріализма. Это была настоящая соціологическая программа, открывавшая широкія научныя перспективы, и какъ общую методологическую программу ее слѣдуетъ и понимать, и *въ этомъ смыслѣ* матеріалистическая доктрина еще долго будетъ служить богатымъ источникомъ плодотворныхъ импульсовъ для изслѣдователей общественной эволюціи, указывая имъ путь къ соціологическому пониманію историческаго процесса. Какъ ни упрощали иногда сами представители матеріалистическаго пониманія исторіи научную работу выясненія общественнаго процесса въ своихъ собственныхъ научныхъ попыткахъ, сводя сложнѣйшіе продукты общественной эволюціи къ простѣйшимъ факторамъ и въ этомъ отношеніи нерѣдко доходя до геркулесовыхъ столбовъ самого наивнаго схематизма и догматизма, но, во-первыхъ, это все же были попытки перенести объясненіе общественныхъ явленій изъ области метафизики на почву реальной науки, а, во-вторыхъ, именно матеріалистическая исторіографія, несмотря на всѣ свои научные грѣхи, и нерѣдко очень тяжкіе, въ весьма немалой мѣрѣ способствовала утвержденію въ научномъ сознаніи мысли, что изслѣдованіе общественнаго процесса необходимо начинать съ болѣе простыхъ и болѣе осязательныхъ, такъ сказать, явленій и процессовъ. Такими сравнительно менѣе сложными явленіями, несомнѣнно, можно признать прежде всего явленія хозяйственныя и тѣсно связанныя съ ними явленія соціальныя, а затѣмъ явленія политическія. Хозяйственная организація общества и его хозяйственная жизнь, соціальная структура общества (дѣленіе его на группы, сословія и классы) и его политическій строй, — все это конкретныя явленія, сравнительно легче поддающіяся описанію и изслѣдованію, и въ изученіи ихъ можно достигнуть весьма значительной точности. Съ нихъ, съ этой, такъ сказать, матеріальной стороны историческаго (общественнаго) процесса и слѣдуетъ начинать изученіе общественной эволюціи; только разобравшись сколько-нибуть въ ней, въ этой мате-

ріальной сторонѣ, только тогда и можно приступить къ изученію болѣе тонкихъ и неуловимыхъ явленій, каковы общественныя (въ самомъ широкомъ смыслѣ) идеи и общественныя настроенія; только тогда и станутъ они понятны какъ соціологическіе факты, какъ продукты общественной эволюціи, какъ символы общественныхъ взаимоотношеній и какъ факторы общественнаго процесса; только выяснивъ предварительно матеріальную, такъ сказать, физіономію общества, его экономическую форму, соціальныя группы, изъ которыхъ оно состоитъ, и ихъ взаимныя отношенія, а также ту политическую форму, которая соединяетъ всѣ общественныя силы въ одно государственное цѣлое,—только при этихъ условіяхъ можно приступить къ реальному изученію и пониманію идей и настроеній даннаго общества. Это очень важное методологическое пріобрѣтеніе современной общественной науки, и мы имъ въ весьма значительной мѣрѣ обязаны матеріалистической исторіографіи; это тотъ прочный теоретическій результатъ, который оставили въ общественной наукѣ ожесточенные споры объ относительномъ значеніи матеріальныхъ факторовъ и идей въ историческомъ процессѣ.

Строго научное, истинно соціологическое пониманіе общественнаго процесса въ одинаковой мѣрѣ далеко отъ обоихъ крайностей: и отъ приписыванія чудесной творческой силы идеямъ, и отъ низведенія ихъ къ роли простыхъ показателей того, что совершается въ нижнемъ, такъ сказать, этажѣ общественнаго зданія, показателей тѣхъ скрытыхъ матеріальныхъ процессовъ, которые совершаются въ глубинѣ общественной жизни, давая ей тотъ или иной основной тонъ, то или иное направленіе. Для него идея есть крайне сложный продуктъ общественнаго процесса, органически связанный со всѣми его сторонами и не сводимый на тѣ или иные элементарные процессы, требующій поэтому особенно, такъ сказать, деликатнаго съ собой обращенія со стороны изслѣдователя, желающаго дѣйствительно научно понять и генезисъ тѣхъ или иныхъ идей въ данномъ обществѣ, и ихъ роль въ данномъ общественномъ процессѣ; для него исторія общественныхъ идей и настроеній есть та научная область, которая требуетъ особенно тщательной исторической (соціологической) подготовки и, въ частности, глубокаго знанія и пониманія матеріальной стороны общественнаго процесса, безъ котораго его попытка проникнуть въ тонкій и заманчивый міръ идей должна будетъ потерпѣть полное научное фіаско; и эту участь испытали всѣ смѣлые путешественники, пускавшіеся въ эту манящую область безъ достаточныхъ рессурсовъ, хотя многіе изъ нихъ и возвращались оттуда украшеные литературными лаврами.

Въ такомъ видѣ представляются намъ задачи исторической науки

въ ея соціологической постановкѣ. По матеріалу своему это вполнѣ конкретная наука, изучающая конкретные процессы, развивавшіеся въ конкретныхъ человѣческихъ обществахъ, наука объ индивидуальномъ, но по своимъ основнымъ задачамъ и по своимъ конечнымъ цѣлямъ она—наука теоретическая, наука объ общемъ, стремящаяся образовать систему общихъ понятій о ходѣ развитія человѣческаго общества какъ такового, какъ явленія природы, установить законы этого развитія, соціологическіе законы. Историкъ и соціологъ должны совмѣщаться въ одномъ лицѣ; отъ разъединенія ихъ страдаютъ интересы исторической науки и какъ науки объ общемъ, и какъ науки объ индивидуальномъ.

II.

Наше объясненіе съ читателемъ было бы неполнымъ, если бы мы оставили безъ разсмотрѣнія одинъ чрезвычайно популярный въ исторической наукѣ, можно сказать, царящій въ современной исторической литературѣ взглядъ, входящій почти необходимымъ ингредіэнтомъ въ историческое міровоззрѣніе почти каждаго образованнаго человѣка и почти каждаго ученаго, какъ историка-идеалиста, такъ и историка-матеріалиста, и съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ отрочества впитываемый учащимся юношествомъ при посредствѣ всякаго рода рекомендованныхъ или просто одобренныхъ искаженій *древней*, *средней* и *новой* исторіи. Мы разумѣемъ *всемірно-историческую точку зрѣнія*, разсматривающую отдѣльныя исторіи народовъ древняго и новаго міра какъ одно непрерывное цѣлое, какъ исторію единаго человѣчества, въ которой исторія каждаго отдѣльнаго народа является ступенью, фазисомъ въ общемъ развитіи цѣлаго, движущагося по пути прогресса. Эта «философія исторіи» сложилась уже со второй приблизительно половины восемнадцатаго вѣка подъ вліяніемъ цѣлаго ряда общихъ условій, въ которыхъ жило тогда западно-европейское человѣчество, и получила свою классическую, можно сказать, формулировку у Гегеля въ его блестяще развитой и стройной системѣ историческаго идеализма, въ которой нѣкоторые конкретные факты изъ исторіи народовъ древняго Востока, Греціи, Рима и новой Европы развернулись въ величественную картину исторіи единаго человѣчества и были переведены на языкъ метафизическихъ категорій, превратившій частныя исторіи этихъ народовъ въ логически необходимый, по законамъ логики развивающійся единый процессъ.

Напомнимъ основныя черты гегелевской философіи исторіи.

Міромъ управляетъ разумъ. Исторія міра представляетъ собою постепенное осуществленіе плана, предначертаннаго разумомъ, во-

площающимся въ Богѣ. Все, что изъ этого плана вытекаетъ, что, слѣдовательно, разумно, то и прочно, дѣйствительно, а то, что несообразно съ этимъ разумнымъ планомъ, то непрочно, обречено на гибель. Управляющій всѣмъ міромъ разумъ управляетъ и историческими событіями, въ которыхъ предначертанный разумомъ планъ также получаетъ своё осуществленіе. Если постигнуть разумный планъ, по которому Богъ управляетъ міромъ, составляетъ задачу общей философіи, то постиженіе этого плана, поскольку онъ осуществляется въ историческихъ событіяхъ, является задачей философіи исторіи.

Міръ заключаетъ въ себѣ физическую и духовную природу. Эта вторая сторона, т.-е. духъ, и проявляется въ исторіи. Если сущность матеріи въ ея протяженности, то сущность духа въ его свободѣ и въ сознаніи имъ этой своей свободы. Во всемірной исторіи духъ постепенно и раскрываетъ свою сущность, т.-е. постепенно становится все болѣе и болѣе свободнымъ и постепенно все болѣе и болѣе приходитъ къ сознанію своей свободы. А въ этомъ-то и заключается прогрессъ. Такимъ образомъ, всемірная исторія представляетъ собою непрерывное прогрессивное движеніе, именно прогрессъ въ развитіи сознанія духомъ своей свободы, и познать этотъ прогрессъ въ его необходимомъ развитіи есть задача философіи исторіи.

Прогрессивное развитіе духа совершается по логической схемѣ *тезиса*, *антитезиса* и *синтезиса;* одна общая идея (тезисъ) смѣняется ей противоположной (антитезисъ), и обѣ онѣ затѣмъ примиряются въ синтезѣ. Разрушая свою старую форму, духъ, такимъ образомъ, не ограничивается переходомъ въ новую форму, но воспринимаетъ въ себя прежнюю, переработавъ ее въ себѣ, и является въ высшей формѣ, такъ что прежній моментъ его существованія всегда становится матеріаломъ или ступенью для слѣдующаго, и это есть тотъ путь, какимъ идетъ развитіе духа.

Происходящее только что описаннымъ чисто діалектическимъ путемъ (по схемѣ тезиса, антитетиза и синтезиса) развитіе всемірнаго духа совершается во всемірной исторіи черезъ посредство исторіи отдѣльныхъ такъ называемыхъ историческихъ народовъ (Гегель дѣлитъ народы на *историческіе*, черезъ посредство которыхъ совершается развитіе всемірнаго духа, и *неисторическіе*, лишенные этой привилегіи). Въ своемъ прогрессивномъ развитіи всемірный духъ переходитъ отъ одного историческаго народа къ другому, являясь въ каждомъ изъ нихъ въ формѣ *народнаго*, *національнаго* духа, такъ что каждый историческій народъ въ своей индивидуальности составляетъ моментъ въ развитіи всемірнаго духа, все болѣе и болѣе приближающагося такимъ путемъ къ полному сознанію своей сво-

боды. Но далеко не все время своего существованія каждый данный историческій народъ остается историческимъ народомъ, играетъ роль въ развитіи всемірнаго духа: сыгравъ свою роль въ извѣстный моментъ своей исторіи, данный народъ перестаетъ быть историческимъ, сходитъ со сцены всемірной исторіи и или умираетъ естественной смертью, или же продолжаетъ влачить свое теперь уже неисторическое, ничтожное существованіе, представляя уже собою «политическій нуль и скуку».

Эту точку зрѣнія Гегель проводитъ черезъ исторію древняго Востока, древней Греціи и Рима и исторію новой, романо-германской Европы, вездѣ находя обильный матеріалъ для ея подтвержденія. На Востокѣ, учитъ онъ, духъ еще не сознаетъ своей свободы; здѣсь человѣкъ подчиняется политическому и религіозному деспотизму; свободенъ здѣсь одинъ (монархъ), всѣ же остальные—безправная масса. Въ Греціи и Римѣ духъ уже сознаетъ свою свободу, но еще не вполнѣ: здѣсь свободны нѣкоторые, но не всѣ. Полной свободы духъ постепенно достигаетъ въ новой Европѣ, у германскихъ народовъ, именно въ новое время, съ осуществленіемъ церковной реформы.

Средства, съ помощью которыхъ всемірный духъ достигаетъ своей цѣли,—это потребности, наклонности и страсти людей. Какъ бы ни была возвышенна цѣль или идея, во имя которой дѣйствуетъ человѣкъ, необходимо, чтобы эта идея имѣла для него личный интересъ, сдѣлалась, такъ сказать, его личнымъ достояніемъ. Является вопросъ: какимъ же образомъ люди, преслѣдуя свои частныя, личныя цѣли, въ то же время осуществляютъ общія, историческія цѣли, работаютъ въ интересахъ развитія самосознанія всемірнаго духа, т.-е. его свободы? Какимъ образомъ свободная воля людей, выражающаяся въ ихъ дѣйствіяхъ, согласуется съ необходимостью, съ какою совершается развитіе всемірнаго духа въ исторіи?

На этотъ вопросъ Гегель даетъ такой отвѣтъ. Всякое понятіе въ силу внутренней, логической необходимости переходитъ въ свою противоположность. Поэтому свободный всемірный духъ, осуществляющій себя въ исторіи, проявляется въ своемъ противоположномъ, именно въ личныхъ интересахъ, частныхъ дѣлахъ и страстяхъ отдѣльныхъ лицъ. Люди думаютъ, что они дѣйствуютъ только по внушенію своей свободной воли, а между тѣмъ они, не вѣдая того, осуществляютъ общія цѣли, способствуютъ смѣнѣ одной общей идеи другою, такъ что то, что было прежде только возможностью, становится историческимъ фактомъ. Но не всѣ люди играютъ такую роль, не о всѣхъ людяхъ можно сказать, что ихъ частные эгоистическіе интересы и цѣли совпадаютъ съ цѣлями исторіи. Такими людьми являются только *историческіе люди*, великіе люди, герои. Это передовые люди

своей эпохи, доводящіе до общаго сознанія то, что безсознательно лежитъ въ душѣ ихъ современниковъ. Таковъ, напримѣръ, Цезарь. Онъ боролся за свой личный интересъ, и побѣда надъ врагами дала ему власть надъ всей имперіей. Но этотъ переходъ отъ республики къ имперіи былъ исторической необходимостью, былъ необходимымъ моментомъ въ исторіи Рима и міра. Такимъ образомъ, личный интересъ Цезаря совпадаетъ съ исторической необходимостью.

Не всегда великимъ людямъ, осуществляющимъ цѣли исторіи, удается осуществить въ то же время и свои личныя цѣли, которыя собственно и представляются ихъ сознанію во время ихъ дѣятельности. Въ этомъ проявляется хитрость историческаго, мірового разума, заставляющаго работать на себя этихъ людей, бороться другъ съ другомъ и погибать въ борьбѣ. «Судьбу этихъ историческихъ людей,—говоритъ Гегель,—нельзя назвать счастливой. Наслажденіе не дается имъ въ удѣлъ; вся жизнь ихъ заключается въ трудѣ и бываетъ истощаема страстью. Они рано умираютъ, какъ Александръ, или дѣлаются жертвой убійцъ, какъ Цезарь, или же ихъ отправляютъ на островъ св. Елены».

Мы представили лишь самый блѣдный остовъ этой метафизической поэмы. Подъ перомъ талантливыхъ историковъ, располагавшихъ къ тому же богатымъ матеріаломъ конкретныхъ историческихъ фактовъ, эта картина всемірно-историческаго развитія расцвѣчивалась иногда всѣми красками истинной поэзіи, согрѣтой теплымъ чувствомъ широкой гуманности, и увлеченный слушатель уносился за лекторомъ въ высокую, свѣтлую область идеала, отрѣшаясь отъ всѣхъ мелочей и скорбей современной ему, нерѣдко очень далекой отъ всякаго идеала дѣйствительности, и потомъ въ теченіе всей своей часто безпросвѣтно-сѣрой и варварски изуродованной жизни вспоминалъ съ благодарнымъ умиленіемъ какъ о лучшихъ, блаженныхъ минутахъ тѣ часы, когда онъ слушалъ своего профессора, вдохновеннымъ словомъ живописавшаго борьбу личностей и народовъ за идеалы свободы, знанія, цивилизаціи.

Мы не для того представили изложеніе философіи исторіи Гегеля, чтобы критиковать ее. Намъ лишь хотѣлось напомнить эту классическую формулировку всемірно-исторической точки зрѣнія, сообщившую этой послѣдней, благодаря философскимъ и литературнымъ чарамъ Гегеля, широкую и прочную популярность и обезпечившую ей глубокое и до сихъ поръ не исчезнувшее вліяніе на историческую литературу. Здѣсь въ абстрактной формѣ даны всѣ основные мотивы, разрабатывавшіеся потомъ на конкретномъ матеріалѣ цѣлыми поколѣніями историковъ въ ихъ спеціальныхъ работахъ и общихъ обозрѣніяхъ. Несомнѣнно, европейская исторіографія

№ 5660

многимъ обязана идеалистической философіи и ея всемірно-исторической концепціи. Для своего времени это была доктрина, удовлетворявшая самымъ высокимъ требованіямъ не только философской, но и научной мысли, высоко поднимавшая душу энтузіазмомъ вѣры въ творческую силу идеала и въ то же время открывавшая необъятно широкія перспективы для научнаго творчества. Для своего времени это идеалистическое движеніе было едва ли менѣе плодотворно и въ общественномъ, и въ научномъ отношеніяхъ, чѣмъ современное намъ матеріалистическое (марксистское) движеніе, и отрицать это значитъ закрывать глаза на крупнѣйшіе факты общественнаго и научнаго развитія первой половины девятнадцатаго вѣка. Но, вполнѣ признавая это, мы въ то же время не можемъ не признать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ уже отошедшимъ въ исторію важнымъ моментомъ въ развитіи европейской философской и научной мысли, что для насъ, привыкшихъ къ совсѣмъ иному трактованію фактовъ и явленій историческаго развитія, давно убѣдившихся въ чрезвычайной сложности общественныхъ явленій и въ крайней трудности дѣйствительно научно понять самый, казалось бы, простой фактъ въ этой области, а тѣмъ болѣе идею, понимая его какъ продуктъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ данномъ обществѣ,—что для насъ, при нашихъ навыкахъ къ соціологическому пониманію историческаго процесса, историческія воззрѣнія, лежащія въ основѣ всемірно-исторической концепціи, разрабатывавшейся въ гегельянской исторіографіи, представляетъ собою, помимо всего прочаго, крайнее упрощеніе научной проблемы, вполнѣ понятное и естественное въ то время, но совершенно недопустимое теперь.

А между тѣмъ въ современной исторіографіи еще вполнѣ живы традиціи идеализма съ его всемірно-исторической концепціей. Правда, стройное и величественное зданіе всемірной исторіи, возведенное трудами историковъ-идеалистовъ, уже сильно обветшало, и многія его части пришлось замѣнить новыми, изъ болѣе грубаго матеріала и въ болѣе новомъ стилѣ; но оно все еще стоитъ и продолжаетъ сохранять свое обаяніе. Мы не имѣемъ въ виду подробно останавливаться на всѣхъ «переживаніяхъ», сохранившихся въ современной исторической наукѣ отъ эпохи господства идеализма и находящихся въ такомъ рѣзкомъ несогласіи съ ея соціологическими тенденціями, охарактеризованными нами выше. Мы хотѣли бы разсмотрѣть лишь нѣкоторые изъ опорныхъ пунктовъ всемірно-исторической точки зрѣнія, представляющей исторію древняго и новаго міра какъ единый и единичный процессъ, какъ исторію *единаго человѣчества,* неуклонно шествующаго по пути *прогресса,*—какъ тѣ пункты, идеалистическое происхожденіе которыхъ очевидно, какъ и тѣ, которые въ духовномъ родствѣ

съ идеализмомъ не находятся, но возникли, несомнѣнно, подъ косвеннымъ вліяніемъ идеалистической концепціи «всемірной» исторіи. Въ частности, мы имѣемъ въ виду, съ одной стороны, рецепцію римскаго права и такъ называемое возрожденіе искусствъ и наукъ, съ другой — ученіе представителей такъ называемой романистической школы въ западно-европейской исторіографіи о происхожденіи средневѣковаго строя и историко-экономическую теорію, развитую Карломъ Бюхеромъ. Намъ необходимо познакомиться съ этими главными аргументами всемірно-исторической точки зрѣнія, чтобы видѣть, въ какой мѣрѣ ихъ можно считать дѣйствительно научными аргументами.

Рецепція юридическихъ, политическихъ, общефилософскихъ, научныхъ и эстетическихъ идей и формъ античнаго міра занимаетъ весьма почетное мѣсто въ арсеналѣ аргументовъ всемірно-исторической точки зрѣнія. Въ рецепціи римскаго права и въ возрожденіи искусствъ и наукъ обыкновенно видятъ факты, наглядно доказывающіе, что, только усвоивъ идейное наслѣдіе, доставшееся ей отъ классической древности, новая Европа пробудилась отъ многовѣковаго сна къ новой жизни и изъ варварской стала той, какой она является въ настоящее время, перешла въ новый фазисъ въ развитіи человѣчества. Идеалистическое воззрѣніе на историческій процессъ видитъ въ рецепціи римскаго права факторъ, глубоко повліявшій на новую Европу въ смыслѣ разрушенія средневѣковыхъ формъ общественной и политической жизни. Болѣе реальное изученіе дѣйствительнаго хода исторіи западно-европейскихъ обществъ приводитъ къ нѣсколько иному взгляду на рецепцію римскаго права. Рецепція эта, можно сказать, никогда не прерывалась, только въ иныя эпохи она совершалась съ большей интенсивностью, въ другія—съ меньшей. Такъ что, знакомясь съ исторіей юридической догмы народовъ новой Европы, мы на каждомъ шагу принуждены констатировать фактъ вліянія римскаго права на право этихъ народовъ, какъ на право частное, гражданское, такъ и на право публичное, государственное. Пока вопросъ ставится такимъ образомъ, пока мы не выходимъ изъ сферы исторіи юридическихъ и политическихъ доктринъ, реальная историческая наука ничего не имѣетъ возразить. Но дѣло принимаетъ совсѣмъ иной оборотъ, лишь только вопросъ переносится на другую почву, лишь только римское право и его рецепцію начинаютъ выдвигать въ качествѣ фактора, разлагавшаго средневѣковый общественный и политическій строй. Въ этомъ случаѣ реальной исторической наукѣ приходится выступать съ энергичнымъ протестомъ. Наличность теоріи вовсе не ручается за совпаденіе ея съ жизнью, за воздѣйствіе ея на реальную жизнь. Это фактъ чрезвычайно простой, но его почему-то не замѣчаютъ авторы

и приверженцы широкихъ историческихъ построеній, въ глазахъ которыхъ вліяніе одного общества на другое упрощается до крайности: стоитъ только юридической, общественной, политической и всякой иной идеѣ перешагнуть явно или тайно границу даннаго общества и государства, какъ оно неминуемо подпадаетъ ея вліянію, заражается ею какъ какой-нибудь инфекціонной болѣзнью, и она производитъ во всемъ его организмѣ цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ измѣненій. А между тѣмъ юридическая, политическая и всякая иная общественная идея только въ тѣхъ случаяхъ можетъ оказаться реальной общественной силой, когда она является живой формулой или символомъ уже сложившихся въ данномъ обществѣ въ той или иной мѣрѣ фактическихъ отношеній; въ противномъ случаѣ она представляетъ собою мертвый капиталъ и достояніе книжной учености. Взятый наудачу примѣръ пояснитъ эту мысль болѣе конкретно.

Знакомясь съ англійскими юридическими теоріями XIII вѣка и, въ частности, съ тѣмъ, что говорятъ онѣ объ англійскомъ крестьянинѣ, мы будемъ поражены, до какой степени англійскій вилланъ похожъ по своему юридическому положенію на римскаго раба. Но стоитъ намъ оставить страницы юридическаго трактата и углубиться въ чтеніе любой описи англійскаго помѣстья того же XIII вѣка, отчета управляющаго помѣстья или протокола помѣстной судебной куріи, гдѣ тотъ же вилланъ изображается въ его дѣйствительной, повседневной обстановкѣ, и мы увидимъ, до какой степени подвергшаяся сильному вліянію римскихъ юридическихъ доктринъ теорія не совпадаетъ съ практикой, съ дѣйствительными хозяйственными и соціальными условіями Англіи XIII вѣка, когда вилланъ во многихъ отношеніяхъ являлся свободнымъ человѣкомъ и даже въ извѣстной мѣрѣ гражданиномъ государства, когда его отношенія къ его сеньеру были до скрупулезной пунктуальности регулированы всемогущимъ обычаемъ, едва ли уступавшимъ по своей обязательной силѣ закону; да и самъ законъ далеко не всегда былъ для него безмолвенъ.

Объясненія такого рѣзкаго несоотвѣтствія между романистической теоріей и англійской дѣйствительностью XIII вѣка искать не далеко. Теорія была построена подъ сильнымъ вліяніемъ доктринъ, которыя въ свое время являлись формулировкой совсѣмъ иныхъ экономическихъ и соціальныхъ отношеній, чѣмъ тѣ, которыя господствовали въ Англіи XIII вѣка. Англія этой поры была еще страною натуральнаго хозяйства, когда господствовало земледѣліе, не имѣвшее обширнаго внутренняго и внѣшняго рынка, когда, слѣдовательно, вести хозяйство на широкую ногу, эксплоатируя для этого до послѣднихъ предѣловъ землю и трудъ, не было возможности и

надобности, когда хозяйственная дѣятельность имѣла цѣлью, въ общемъ, непосредственное удовлетвореніе потребностей, непосредственное потребленіе продукта и поэтому, естественно, должна была принимать сравнительно скромные размѣры и требовать сравнительно незначительнаго количества труда со стороны людей, въ ней участвовавшихъ. Естественно, что при такихъ общихъ хозяйственныхъ условіяхъ, общихъ для всей средневѣковой Европы, сеньеріальное хозяйство того времени не могло быть крупнымъ хозяйствомъ, и трудъ, который несли вилланы для обработки и уборки барской земли, далеко не могъ быть maximum'омъ того количества труда, какой могъ дать сеньеру его зависимый человѣкъ; кромѣ того, правильную барщину несло далеко не все зависимое населеніе помѣстья, а въ сущности только представитель группы, сидѣвшей на каждомъ крестьянскомъ надѣлѣ. Средневѣковый виланъ, какъ англійскій, такъ и всякій иной, не могъ, слѣдовательно, быть предметомъ такой эксплоатаціи, какой подвергается несвободный и такъ называемый свободный трудъ при господствѣ денежнаго хозяйства, дающаго мѣсто обширнымъ предпріятіямъ, работающимъ на обширный рынокъ, т.-е. при такихъ условіяхъ, въ какихъ между прочимъ находился римскій рабъ конца республики и начала имперіи, гдѣ и формулированы были теоріи о юридическомъ положеніи его въ отношеніи къ его господину, которыя оказали такое вліяніе на англійскую юридическую теорію о вилланахъ.

Уже одно это чисто экономическое, хозяйственное различіе между римскимъ обществомъ конца республики и начала имперіи и Англіей XIII вѣка дѣлало непремѣнимыми къ жизни англійскія юридическія теоріи о вилланахъ XIII вѣка, построенныя подъ сильнымъ вліяніемъ римскихъ юридическихъ идей. Мы уже не говоримъ о различіи между источниками римскаго рабства, возникшаго въ результатѣ плѣна, и источниками средневѣковаго вилланства, возникшаго въ результатѣ сложной экономической и соціальной эволюціи, происшедшей внутри такъ называемыхъ варварскихъ обществъ и разбившей массу когда-то равно свободныхъ людей на вполнѣ свободное и знатное меньшинство и на зависимое отъ него большинство, подчиненное ему въ политическомъ и частью и въ личномъ отношеніяхъ.

Римскія юридическія доктрины только тогда стали примѣнимы къ жизни обществъ новой Европы, когда эти послѣднія сами въ той или иной мѣрѣ доросли до нихъ, когда въ нихъ сложились и развились экономическія,, соціальныя и политическія отношенія, для которыхъ римскія юридическія доктрины, возникшія въ аналогичныхъ этимъ послѣднимъ условіяхъ, могли явиться готовой форму-

лировкой и санкціей. Само собою разумѣется, что и безъ римскаго права эти отношенія развивались бы и дальше въ направленіи, естественно обусловленномъ всей совокупностью наличныхъ матеріальныхъ и нематеріальцыхъ факторовъ, двигавшихъ исторію обществъ новой Европы по тому, а не иному пути. Если въ XIII вѣкѣ романистическія теоріи о неограниченныхъ правахъ сеньера надъ личностью и имуществомъ зависимыхъ отъ него людей оставались мертвою буквой, свидѣтельствуя лишь о юридической образованности ихъ авторовъ, то въ XVI вѣкѣ тѣ же теоріи явились формулировкой для весьма реальныхъ и осуществимыхъ интересовъ и стремленій нѣмецкихъ, напримѣръ, землевладѣльцевъ, которымъ измѣнившіяся общія хозяйственныя условія тогдашней Европы, именно развитіе денежнаго хозяйства, промышленности и торговли, позволяли превратиться въ сельскихъ хозяевъ-предпринимателей, производить для довольно обширнаго рынка и поэтому весьма интенсивно эксплоатировать и трудъ зависимыхъ людей, и землю и дѣлать для этого захваты какъ въ отношеніи къ личности трудящагося, такъ и въ отношеніи къ его землѣ, общинной и индивидуальной. Эта попытка возродить въ небывалыхъ до того размѣрахъ и формахъ крѣпостное право и захватить общинныя угодья и индивидуальные надѣлы крестьянъ, произведенная землевладѣльцами въ Германіи почти наканунѣ реформаціи, нашла союзниковъ въ воспитанныхъ на римскомъ правѣ юристахъ, которые учили объ абсолютномъ правѣ сеньера на землю зависимыхъ отъ него крестьянъ и подыскали цѣлый рядъ юридическихъ основаній для усиленія ихъ личной несвободы. Тѣмъ не менѣе нельзя сомнѣваться, что и безъ этихъ союзниковъ нѣмецкіе землевладѣльцы достигли бы своей цѣли, пока на ихъ сторонѣ былъ перевѣсъ организованной силы.

Едва ли не еще болѣе важную роль въ эволюціи обществъ новой Европы, чѣмъ рецепціи римскаго права, приписываютъ обыкновенно такъ называемому *возрожденію искусствъ и наукъ*. Это едва ли не самый популярный сюжетъ историковъ-идеалистовъ, съ особеннымъ торжествомъ выдвигаемый ими для доказательства силы вліянія идей въ исторіи. Возрожденіе это, начавшееся въ Италіи и въ той или иной мѣрѣ происшедшее и въ другихъ странахъ западной Европы, представляется обыкновенно какъ грандіозный культурный подъемъ, совершившійся въ обществахъ новой Европы, благодаря усвоенію ими идей античной образованности, разрушившихъ будто бы средневѣковое, аскетическое (такъ обыкновенно его опредѣляютъ) міросозерцаніе, которое, по принятому мнѣнію, тяжелыми веригами сковывало человѣческій духъ и не давало развиться его силамъ, которыя будто бы только теперь, отъ соприкосновенія съ

античными идеями, впервые вышли изъ мрачной тюрьмы вѣчнаго сокрушенія о грѣхахъ на свѣтъ и воздухъ и немедленно же расцвѣли пышнымъ цвѣтомъ наукъ и художествъ. Терминъ «возрожденіе» пріобрѣлъ чрезвычайно широкій и чрезвычайно многозначительный смыслъ. Подъ нимъ стали разумѣть уже не одно возрожденіе «искусствъ и наукъ», а возрожденіе къ новой душевной жизни самого западно-европейскаго человѣка, какое-то поистинѣ чудесное перерожденіе его подъ вліяніемъ античныхъ идей и художественныхъ формъ. Онъ какъ-то вдругъ сталъ интересоваться своимъ внутреннимъ міромъ, своими психическими движеніями, а также внѣшнимъ міромъ и его красотами, которыхъ онъ до тѣхъ поръ будто бы не замѣчалъ, занятый неотвязной мыслью о своей загробной участи и видя въ земномъ бытіи лишь юдоль скорби о грѣхахъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя свободнымъ существомъ среди радостей и утѣхъ жизни и проникся сознаніемъ полной законности своихъ личныхъ вкусовъ, склонностей и желаній. Изъ непримиримаго и мрачнаго врага жизни онъ вдругъ сталъ ея страстнымъ поклонникомъ, нетерпѣливо спѣшившимъ сбросить съ себя тѣ оковы, которыя налагалъ на него средневѣковый католическій режимъ. Эта свобода индивидуальнаго духа немедленно же стала давать себя знать въ научномъ и особенно въ художественномъ творчествѣ.

Едва ли нужно прибавлять, что вся эта картина расцвѣта «индивидуализма» (это слово очень любятъ употреблять примѣнительно въ «эпохѣ возрожденія»; «индивидуализмъ», это—тотъ «принципъ», который ввела въ жизнь «человѣчества» «эпоха возрожденія» и тѣмъ рѣзко отграничила «средніе вѣка» отъ «новаго времени», какъ обыкновенно говорятъ изслѣдователи «гуманизма»), если въ ней и есть краски, дѣйствительно взятыя изъ жизни европейскаго общества соотвѣтствующей эпохи, въ общемъ представляетъ собою типическій образчикъ чисто идеалистическаго, въ сущности логическаго, чисто дедуктивнаго построенія, весьма далекаго отъ чрезвычайно сложной и въ экономическомъ, и въ соціальномъ, и въ политическомъ, и въ культурномъ отношеніяхъ исторической дѣйствительности, которую оно какъ будто пытается возсоздать. Въ картинѣ этой все соединено на одной плоскости, и всему дано совершенно искусственное освѣщеніе. Большой интересъ къ классическому міру, пробудившійся у постепенно сложившейся интеллигенціи итальянскихъ городскихъ государствъ (интересъ, не чуждый, впрочемъ, образованнымъ людямъ и «среднихъ вѣковъ»), а потомъ перешедшій и къ представителямъ образованнаго общества и другихъ странъ западной Европы,—скорѣе показатель весьма серьезныхъ культурныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ обществами западной Европы той поры, чѣмъ причина этихъ

успѣховъ. То новое, чисто свѣтское міросозерцаніе, которое развилось въ образованныхъ кругахъ Европы къ началу такъ называемаго новаго времени, есть органическій продуктъ всего предшествующаго, очень сложнаго матеріальнаго и культурнаго (идейнаго) развитія западно-европейскихъ обществъ. Объ идеяхъ античной образованности, будто бы произведшихъ переворотъ въ средневѣковомъ міровоззрѣніи, можно сказать то же, что мы говорили, въ частности, о римскихъ юридическихъ идеяхъ: какъ и эти послѣднія, и идеи античной образованности вообще только тогда стали достояніемъ образованныхъ людей новой Европы, когда эти образованные люди, вопервыхъ, появились въ видѣ болѣе или менѣе значительныхъ безсословныхъ группъ (что было результатомъ очень сложнаго хозяйственнаго и соціальнаго процесса) и, вовторыхъ, доросли до нихъ, т.-е. когда культурное развитіе нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ обществъ Европы, поставленныхъ, благодаря особенно благопріятнымъ условіямъ, ускорившимъ ихъ хозяйственное преуспѣяніе и соціальную дифференціацію, достигло такой высоты, на которой уже стали понятными образованному европейцу, доступными его уму и чувству во всей полнотѣ своего идейнаго содержанія и во всей красотѣ своихъ формъ тѣ произведенія античной литературы, искусства и науки, которыя въ прежнее время, въ такъ называемую средневѣковую эпоху (когда классическіе писатели вообще были извѣстны и даже читались), совершенно не затрогивали ни ума его, ни чувства, благодаря своему полному несоотвѣтствію всему тогдашнему умственному и душевному складу. Не въ сопоставленіи литературныхъ и художественныхъ произведеній писателей и художниковъ такъ называемой «эпохи возрожденія» съ классическими образцами съ цѣлью выяснить вліяніе послѣднихъ на первыхъ должна заключаться работа изслѣдованія исторіи «гуманизма», а въ кропотливомъ изученіи цѣлаго ряда сложнѣйшихъ, прежде всего хозяйственныхъ и соціальныхъ, процессовъ, происшедшихъ въ нѣкоторыхъ обществахъ западной Европы (прежде всего въ итальянскихъ республикахъ и тираніяхъ) и вызвавшихъ такіе общественные вкусы и культурныя потребности, которымъ могли дать удовлетвореніе лишь высокіе образы античной литературы, искусства и науки.

Отвергая, какъ совершенно ненаучную, мысль о культурномъ переворотѣ, будто бы произведенномъ усвоеніемъ античной образованности въ такъ называемую «эпоху возрожденія», считая такое представленіе одной изъ многочисленныхъ иллюзій нереальной исторической мысли, современная реальная историческая наука вообще не склонна придавать такъ называемому «гуманизму» того

глубокаго значенія въ исторіи культурнаго развитія Европы, какое ему обыкновенно приписываютъ, и болѣе склонна видѣть въ немъ чисто литературное явленіе, страницу изъ исторіи литературныхъ формъ, художественныхъ стилей, филологическихъ и археологическихъ изученій и педагогическихъ идей, притомъ страницу не безусловно свѣтлую, если имѣть въ виду, съ одной стороны, достигшую весьма высокой художественности вполнѣ жизненную и самобытную оригинальность европейскаго искусства (искусства цѣлаго ряда отдѣльныхъ европейскихъ обществъ) предшествующей поры, повидимому, сильно пострадавшую, остановленную въ своемъ развитіи и уступившую мѣсто отвлеченно-художественнымъ тенденціямъ, навѣяннымъ знакомствомъ съ античными образцами и подражаніемъ имъ, съ другой стороны, тѣ совершенно искусственныя, въ сущности ничего общаго съ жизнью не имѣвшія литературныя формы, которыя мало-по-малу восторжествовали по всей Европѣ подъ названіемъ классицизма и надолго задержали появленіе реальной литературы, истиннаго органа и фактора общественнаго самосознанія и развитія.

Если чисто идеалистическіе аргументы въ пользу тѣснѣйшей связи древняго и новаго міра при ближайшемъ разсмотрѣніи оказываются далеко не убѣдительными, то и болѣе реальныя соображенія въ томъ же направленіи далеко не оправдываютъ тѣхъ надеждъ, какія возлагаютъ на нихъ тѣ, кто ихъ раздѣляетъ.

Въ западно-европейской исторіографіи существуетъ весьма вліятельная по учености и талантливости своихъ представителей школа такъ называемыхъ романистовъ. Самымъ знаменитымъ среди нихъ является французскій историкъ *Фюстель де-Куланжъ* (умершій въ концѣ 80 годовъ истекшаго столѣтія), своими замѣчательными изслѣдованіями по исторіи общественнаго строя древней Франціи («Histoire des institutions politiques de l'ancienne France, Volumes I—VI»; изъ нихъ первые пять томовъ уже переведены на русскій языкъ подъ редакціей проф. И. М. Гревса) создавшій широкую популярность этой школѣ. Въ Англіи самымъ виднымъ представителемъ романистическихъ воззрѣній, пришедшимъ къ нимъ совершенно самостоятельнымъ путемъ, является недавно умершій Фредерикъ *Сибомъ* (Seebohm), авторъ вышедшей въ первой половинѣ 80 годовъ прошлаго столѣтія книги объ англійской средневѣковой сельской общинѣ («English Village Community») и ея генезисѣ. Для школы романистовъ политическій и соціальный строй средневѣковой Европы представляетъ собою лишь дальнѣйшее развитіе явленій и формъ, уже выработанныхъ римскимъ міромъ, который, по ея мнѣнію, не былъ сокрушенъ подъ ударами варваровъ, потому

что то, что прежде понимали подъ такъ называемымъ нашествіемъ варваровъ, видя въ немъ катастрофу, насильственно разгромившую римское государство, общество и его цивилизацію, есть не больше, какъ историческая легенда; варвары вовсе не разгромили имперіи; скорѣе они мирно поселились на римской почвѣ, постепенно и мирно проникли въ римское общество и не только не разрушили его строя, но сами явились пластическимъ матеріаломъ, наполнившимъ выработанныя римскимъ обществомъ политическія и соціальныя формы.

Мы не будемъ здѣсь входить въ сколько-нибудь подробное разсмотрѣніе этого сложнѣйшаго вопроса западно-европейской исторіографіи, сводящагося въ сущности къ вопросу о генезисѣ средневѣковаго общества и государства. Онъ будетъ предметомъ нашего изученія на всемъ протяженіи этихъ очерковъ. Мы считаемъ необходимымъ ограничиться здѣсь лишь нѣсколькими общими замѣчаніями. Безспорно, работы школы романистовъ (въ частности, Фюстель де-Куланжа) внесли очень много новаго и вѣрнаго въ пониманіе западно-европейскаго развитія и въ положительномъ смыслѣ, въ смыслѣ новой постановки и новаго освѣщенія цѣлаго ряда крайне важныхъ вопросовъ хозяйственной и соціальной исторіи Римской имперіи и ея занятыхъ германцами частей, и въ отрицательномъ смыслѣ, въ смыслѣ разрушенія немалаго числа утвердившихся было въ западно-европейской исторіографіи догматовъ и предразсудковъ и привлеченія къ новому пересмотру въ цѣломъ и въ частяхъ всей конструкціи западно-европейской исторіи. Въ частности, теперь мы уже знаемъ, что Римская имперія, постепенно въ силу внутреннихъ процессовъ разложившаяся на рядъ варварскихъ королевствъ, а не разгромленная варварами на вершинѣ своего могущества и славы, уже выработала нѣкоторыя соціальныя формы, очень похожія на тѣ, съ которыми обыкновенно соединяется терминъ «феодальный»: мы разумѣемъ развитіе въ имперіи крупной землевладѣльческой аристократіи, сосредоточившей въ своихъ рукахъ огромныя помѣстья, населенныя полусвободнымъ крестьянствомъ, колонами, территоріально обособленныя, представлявшія собою настоящія феодальныя сеньеріи, очень мало склонныя особенно считаться съ центральной властью, въ сущности безсильной передъ ними и принужденной уступать имъ свои прерогативы. Но слѣдуетъ ли отсюда, что варварамъ оставалось только вступить въ готовыя соціальныя и политическія рамки, что феодализмъ былъ оставленъ въ наслѣдство древнимъ міромъ новому, и этому послѣднему оставалось лишь принять его и продолжать непрерванную такимъ образомъ нить античнаго развитія?

Не болѣе ли будетъ согласнымъ съ исторической дѣйствительностью, насколько она выясняется изъ всесторонняго, строго методическаго изслѣдованія какъ римскаго, такъ и варварскаго развитія, признать, что и римское, и германское общества пришли къ сходнымъ результатамъ каждое самостоятельнымъ путемъ, что феодальный строй могъ бы возникнуть среди германцевъ, если бы они и вовсе не встрѣтились съ Римомъ, но что, съ другой стороны, и въ самой Римской имперіи въ концѣ-концовъ восторжествовали бы феодальныя формы, если бы варварамъ и не удалось утвердиться на ея территоріи? Соціологическое пониманіе феодализма, видящее въ феодальномъ строѣ одну изъ общественныхъ и политическихъ формъ, органически связанную съ натурально-хозяйственной стадіей въ развитіи человѣческаго общества и необходимо возникающую при наличности извѣстныхъ общихъ условій, съ своей стороны дѣлаетъ такую постановку этого вопроса какъ будто болѣе пріемлемой.

Намъ остается еще разсмотрѣть всемірно-историческую концепцію въ ея чисто *экономической* формѣ. Въ экономической литературѣ господствуетъ взглядъ на древній міръ какъ на одну изъ стадій въ экономической эволюціи европейскихъ обществъ, именно стадію замкнутаго домашняго хозяйства. Извѣстный экономистъ Родбертусъ-Ягетцовъ въ своихъ изслѣдованіяхъ въ области экономическихъ отношеній классической древности проводитъ этотъ взглядъ съ полной опредѣленностью, и экономисты всѣхъ странъ Европы повторяютъ его какъ вполнѣ научную истину. Согласно этому взгляду и у грековъ, и у римлянъ хозяйственная жизнь была организована въ формѣ замкнутыхъ, домашнихъ хозяйствъ, хозяйствъ οἶκος'а, автономныхъ хозяйствъ каждаго отдѣльнаго дома, собственными силами удовлетворявшихъ всѣмъ своимъ потребностямъ, производившихъ продукты не для обмѣна, а для непосредственнаго удовлетворенія потребностей въ нихъ группы, весьма значительной по своему составу, во главѣ которой стоялъ крупный собственникъ, располагавшій организованнымъ трудомъ рабовъ и другихъ подвластныхъ людей. Взглядъ этотъ нашелъ себѣ новаго защитника въ лицѣ извѣстнаго экономиста, профессора лейпцигскаго университета *Карла Бюхера*. Бюхеръ заново развилъ эту точку зрѣнія въ своемъ сочиненіи о «*Происхожденіи народнаго хозяйства*», въ которомъ онъ предлагаетъ цѣлую схему хозяйственнаго развитія человѣчества.

Сущность теоріи Бюхера заключается въ слѣдующемъ. Отличительной особенностью хозяйственной жизни современныхъ цивилизованныхъ народовъ является то, что каждое отдѣльное лицо производитъ не тѣ хозяйственныя блага, какія необходимы ему

самому, но тѣ, которыя нужны другимъ, а въ обмѣнъ на нихъ оно пріобрѣтаетъ все ему необходимое, такъ что для снабженія каждаго отдѣльнаго лица всѣмъ необходимымъ ему требуется дѣятельность многихъ или всѣхъ. Хозяйственная дѣятельность каждаго отдѣльнаго лица не есть нѣчто самостоятельное и самодовлѣющее, а лишь часть цѣлаго, часть дѣятельности всего общества; только дѣятельность всего общества можетъ дать въ результатѣ совокупность предметовъ, необходимыхъ каждому отдѣльному лицу. Это—мѣновое хозяйство. Это *народное* хозяйство въ собственномъ смыслѣ этого слова. Имъ собственно и занималась классическая политическая экономія (созданная трудами Адама Смита, Рикардо, Милля и многихъ другихъ), которая въ сущности и представляетъ собою теорію обмѣна.

Было время, когда народнаго хозяйства съ характеризующимъ его обмѣномъ еще не существовало. Народное хозяйство есть продуктъ тысячелѣтняго историческаго развитія; въ теченіе цѣлыхъ періодовъ до возникновенія народнаго хозяйства человѣчество хозяйничало вовсе безъ обмѣна или же при такихъ его формахъ, которыя не могутъ быть отнесены къ категоріи народно-хозяйственныхъ. Прежде, чѣмъ дойти до стадіи народно-хозяйственнаго развитія, хозяйственное развитіе, по крайней мѣрѣ народовъ центральной и западной Европы, прошло двѣ болѣе раннихъ стадіи: стадію *замкнутаго, домашняго хозяйства* (производство исключительно для собственнаго потребленія, хозяйство безъ обмѣна) и стадію *городского хозяйства* (производство на заказъ, или періодъ непосредственнаго обмѣна).

Переходъ отъ одной хозяйственной ступени къ другой (отъ домашняго хозяйства къ городскому и отъ городского къ народному) представляется Бюхеру какъ постепенное удлиненіе пути, который совершаетъ продуктъ, направляясь отъ производителя къ потребителю. Въ періодъ замкнутаго, домашняго хозяйства продукты не выходятъ за предѣлы хозяйства, въ которомъ они произведены: они тутъ и потребляются. Въ періодъ городского хозяйства продукты переходятъ изъ произведшаго ихъ хозяйства непосредственно въ хозяйство, въ которомъ они потребляются. Въ періодъ народнаго хозяйства (періодъ товарнаго производства, обращенія продуктовъ) продуктамъ приходится проходить черезъ цѣлый рядъ хозяйствъ, прежде чѣмъ они будутъ потреблены.

При господствѣ замкнутаго, домашняго хозяйства хозяйственная жизнь общества распадается на цѣлый рядъ одинаковыхъ и даже тожественныхъ по своему строенію и отправленіямъ, хозяйственныхъ организмовъ, самодовлѣющихъ и потому независимыхъ другъ отъ

друга, не нуждающихся другъ въ другѣ, не обмѣнивающихся другъ съ другомъ. Потребность, трудъ, производство, средства производства, продуктъ, потребительные запасы, потребительная цѣнность, потребленіе, — вотъ тѣ немногія экономическія понятія, которыя свойственны періоду замкнутаго домашняго хозяйства. Раздѣленіе труда если и существуетъ здѣсь, то лишь внутри каждой изъ независимыхъ хозяйственныхъ группъ, на которыя распадается общество; а народно-хозяйственнаго раздѣленія труда, которое представляетъ собою характерную особенность такъ хорошо знакомаго намъ мѣнового хозяйства и выражается въ разнообразіи зависящихъ другъ отъ друга хозяйственныхъ отраслей, въ существованіи различныхъ по своимъ хозяйственнымъ задачамъ группъ, работающихъ, слѣдовательно, для обмѣна, производящихъ различные товары,—такого раздѣленія труда періодъ замкнутаго, домашняго хозяйства не знаетъ. Поэтому онъ не знаетъ и профессій, не знаетъ предпріятій (хозяйственной дѣятельности, имѣющей въ виду барышъ, прибыль отъ обмѣна), промышленнаго и торговаго капиталовъ, капиталовъ ссуднаго и производительнаго, не знаетъ товаровъ, цѣны, обращенія продуктовъ, дохода и его распредѣленія въ видѣ заработной платы, предпринимательской прибыли и процента на капиталъ. На этой ступени развитія говорить о доходѣ неумѣстно, потому что то, что мы называемъ доходомъ, здѣсь, въ замкнутомъ домашнемъ хозяйствѣ, есть сумма потребительныхъ благъ, получившихъ въ самомъ хозяйствѣ свое бытіе, вся хозяйственная выручка домовладыки цѣликомъ; доходъ и имущество образуютъ здѣсь одну нераздѣльную массу, часть которой постоянно созрѣваетъ для потребленія, другая часть уничтожается потребленіемъ, между тѣмъ какъ третья лежитъ въ сундукахъ и ларяхъ, въ погребахъ и амбарахъ, какъ своего рода страховой фондъ.

Замкнутая хозяйственная группа могла быть весьма значительной по своему составу: это была или родовая группа (на раннихъ стадіяхъ общественнаго развитія), или же (съ разрушеніемъ родового строя) обыкновенная семья, но нерѣдко очень расширенная рабскими и иными зависимыми элементами.

Періодъ только-что охарактеризованнаго замкнутаго, домашняго хозяйства простирается, по словамъ Бюхера, «отъ начала культуры вплоть до среднихъ вѣковъ» (приблизительно до начала текущаго тысячелѣтія). Таково, думаетъ онъ, было хозяйство грековъ, карѳагенянъ, римлянъ. Это—греческій οἶκος, римская familia. Слово familia прежде всего означаетъ совокупность famuli, домашнихъ рабовъ, челяди. Pater familias есть господинъ надъ рабами, входящими въ составъ семейной группы; въ его patria potestas сливаются по-

нятія о власти мужа и отца и о господскомъ правѣ рабовладѣльца. Каждый принадлежащій къ дому зарабатываетъ не для себя, а для pater familias, который можетъ распоряжаться жизнью и смертью каждаго. «Хозяйственной автономіей рабовладѣльческаго дома объясняется вся соціальная и значительная часть политической исторіи древняго Рима», говоритъ Бюхеръ. «Нѣтъ производительныхъ профессій, нѣтъ ни крестьянъ, ни ремесленниковъ. Существуютъ только крупные и мелкіе владѣльцы, богатые и бѣдные. Богатый лишаетъ бѣдняка владѣнія землей и превращаетъ его черезъ это въ пролетарія. Неимущій, хотя и свободный, пролетарій не имѣетъ безусловно никакой возможности найти себѣ заработокъ, ибо не существуетъ предпринимательскаго капитала, который бы за плату покупалъ работу; не существуетъ промышленности внѣ замкнутаго дома. Такъ называемые artifices источниковъ—не свободные люди, занимающіеся промыслами, а ремесленники-рабы, получающіе изъ рукъ рабовъ-земледѣльцевъ и пастуховъ зерно, шерсть, дерево для переработки ихъ въ хлѣбъ, одежду, орудія. Omnia domi nascuntur, говоритъ у Петронія гостямъ своимъ богатый выскочка: «все производится у меня, ничто не покупается». Вотъ откуда образовались колоссальныя латифундіи, вотъ какимъ образомъ появились тѣ безграничныя массы рабовъ, которыя сконцентрировались въ рукахъ отдѣльныхъ владѣльцевъ и при существованіи которыхъ раздѣленіе труда было настолько многосторонне, что ихъ продукты и услуги могли удовлетворять самые избалованные вкусы».

Итакъ, древній міръ находился на стадіи замкнутаго, безобмѣннаго, не знавшаго торговли и промышленныхъ профессій *домашняго хозяйства* и дальше этого не пошелъ въ своемъ хозяйственномъ развитіи, а если и пошелъ, то ужъ во всякомъ случаѣ не дальше зачатковъ *городского хозяйства* (производство на заказъ). Это послѣднее развилось уже въ средневѣковыхъ городахъ германскихъ и романскихъ странъ. Что же касается *народнаго хозяйства*, то образованіе его «есть главнымъ образомъ плодъ политической централизаціи, начавшейся въ концѣ среднихъ вѣковъ одновременно съ возникновеніемъ государственныхъ территоріальныхъ образованій и завершившейся въ настоящее время созданіемъ единаго національнаго государства. Хозяйственное соединеніе силъ идетъ рука объ руку съ подчиненіемъ частныхъ политическихъ интересовъ высшимъ цѣлямъ государственнаго цѣлаго».

Мы старались охарактеризовать взглядъ Бюхера по возможности его же собственными словами во избѣжаніе всякихъ неточностей. Категоричность его утвержденій не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Опредѣленнѣе выразиться едва ли можно. Вотъ эта-то опре-

дѣленность и поражаетъ прежде всего. Мы имѣемъ въ виду не общую схему саму по себѣ, а примѣненіе ея къ древнему міру и въ частности къ римской исторіи. Древній міръ въ хозяйственомъ смыслѣ представляетъ собою, по Бюхеру, лишь ступень въ исторіи Европы, и притомъ самую низшую ступень, ступень замкнутаго, домашняго хозяйства со всѣми его соціальными особенностями. Обмѣнъ, торговля, а также и всѣ другія явленія, характеризующія развитое народное хозяйство, по существу чужды ему. Эти послѣднія явленія развились уже у народовъ новой Европы, да и то уже поздно, съ конца среднихъ вѣковъ.

Какъ примирить съ такимъ взглядомъ на древній міръ цѣлый рядъ общеизвѣстныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о существованіи у древнихъ народовъ и высоко развитой промышленности, и обширной внѣшней и внутренней торговли, и весьма далеко ушедшей по пути соціальной дифференціаціи общественной структуры? Вспомнимъ финикіянъ и ихъ родственниковъ карѳагенянъ съ ихъ торговыми флотами, съ ихъ фабриками и заводами, съ ихъ богатой и могущественной буржуазіей; вспомнимъ Грецію эпохи Перикла, эллинистическую эпоху, Римъ въ эпоху .расцвѣта республики и въ первые вѣка имперіи. Развѣ было бы мыслимо это торговое, промышленное и культурное развитіе при господствѣ замкнутаго, домашняго хозяйства?

Возраженіе это невольно напрашивается при знакомствѣ съ теоріей Бюхера, и не удивительно, что эта теорія не осталась безъ возраженій. Противъ Бюхера выступилъ Эдуардъ Мейеръ (нынѣ профессоръ въ Берлинѣ, а тогда въ Галле), уже заявившій себя къ тому времени крупными работами по исторіи древняго міра, въ которыхъ онъ пролилъ очень много свѣта и на экономическую эволюцію древняго Востока и Запада, и имѣвшій что́ сказать на затронутую Бюхеромъ тему. Въ своемъ докладѣ объ *Экономическомъ развитіи древняго міра* (работа эта прекрасно переведена на русскій языкъ подъ редакціей М. О. Гершензона) онъ подвергъ выставленный Бюхеромъ взглядъ обстоятельной критикѣ и противопоставилъ ему свой взглядъ, сущность котораго заключается въ слѣдующемъ.

Мейеръ ополчается противъ «ложнаго мнѣнія, будто историческое развитіе народовъ, жившихъ вокругъ Средиземнаго моря, шло непрерывно по восходящей линіи»; распространеніе этого мнѣнія онъ приписываетъ «популярной философіи, которая, какъ извѣстно, охотно занимается теоріей прогресса и, не заботясь о фактахъ, составляетъ только красивыя системы; въ основѣ его лежитъ обычное дѣленіе исторіи на древнюю, среднюю и новую». Мейеръ

считаетъ необходимымъ «самымъ энергичнымъ образомъ указать на то, что исторія развитія народовъ, живущихъ у Средиземнаго моря, представляетъ два параллельныхъ періода, что съ паденіемъ древняго міра развитіе начинается сызнова, и что оно снова возвращается къ тѣмъ первымъ ступенямъ, которыя уже давно были пройдены». «Картина дѣйствительнаго хода экономическаго развитія древности», которую вслѣдъ за этимъ рисуетъ Мейеръ, представляетъ древность какъ цѣлый рядъ обществъ, изъ которыхъ каждое проходило разныя ступени хозяйственнаго развитія, отъ низшихъ до высшихъ; знакомо было имъ и замкнутое, домашнее хозяйство со всѣми характеризующими его соціальными особенностями, и непосредственный обмѣнъ, и народное хозяйство съ широко развитой промышленностью и торговлей, съ капиталомъ и доходомъ, съ предпринимателемъ и рабочимъ; и мелкій крестьянинъ-собственникъ, и свободный ремесленникъ, и наемный рабочій,— всѣ эти соціальныя категоріи знакомы были обществамъ древняго міра такъ же, какъ и намъ; рабство вовсе не было тогда такъ значительно и не играло такой крупной роли, какъ это думаютъ обыкновенно (на послѣднемъ пунктѣ Мейеръ еще разъ остановился въ другой своей работѣ, *Рабство въ древности*, также переведенной на русскій языкъ).

И нельзя не согласиться съ мнѣніями Эд. Мейера, нельзя не признать его взгляда на экономическое развитіе древняго міра дѣйствительно реальнымъ взглядомъ. Древній міръ не есть нѣчто цѣлое и однообразное, а распадается на рядъ отдѣльныхъ обществъ, изъ которыхъ каждое проходило разныя ступени хозяйственнаго и соціальнаго развитія. Не можетъ быть поэтому и рѣчи о древнемъ мірѣ какъ о фазисѣ въ экономическомъ (какъ и всякомъ другомъ) развитіи такъ называемаго человѣчества. Древнія общества проходили въ своемъ экономическомъ развитіи и стадію замкнутаго домашняго хозяйства. Но многія изъ нихъ проходили и стадію народнаго, капиталистическаго хозяйства. Конечно, нѣтъ надобности отождествлять капиталистическій строй древнихъ обществъ съ нашимъ. Если мы обратимъ вниманіе хотя бы на одно различіе въ техническихъ знаніяхъ древняго міра и нашего, то уже это одно заставитъ насъ быть осторожнѣе въ сближеніяхъ нашей цивилизаціи съ цивилизаціей (или вѣрнѣе цивилизаціями) древняго міра. Тѣмъ не менѣе сходство все-таки очень значительно; капиталистическій строй древнихъ въ основѣ тотъ же, что и капитализмъ новой Европы; разница лишь въ степени, разница лишь количественная. Исторія народовъ, жившихъ и живущихъ у береговъ Средиземнаго моря, такимъ образомъ, дѣйствительно представляетъ два параллельныхъ

періода, и народы новой Европы проходили ту же хозяйственную эволюцію, что и народы древняго міра.

Такимъ образомъ, какъ схема всемірно-историческаго развитія, историко-экономическая схема Бюхера едва ли можетъ быть признана убѣдительной. Но это не лишаетъ ея большой цѣнности въ качествѣ схемы соціологической. Не достаточно отчетливо разграничивая задачи экономиста-соціолога, устанавливающаго ступени въ хозяйственной эволюціи человѣческаго общества какъ такового, и задачи экономиста-историка, рисующаго конкретную картину экономическаго развитія даннаго общества во всей его индивидуальности, Бюхеръ наложилъ свое общее теоретическое построеніе, свои «хозяйственныя ступени», на конкретную экономическую исторію Западной Европы, убѣжденный въ ихъ совпаденіи. Въ этомъ его основная методологическая ошибка какъ историка. Но сами по себѣ эти его теоретическія построенія, эти его «хозяйственныя ступени имѣютъ большую научную цѣнность именно какъ соціологическія построенія, какъ попытка дать схему экономическаго развитія, которое имѣетъ тенденцію проходить каждое человѣческое общество, и могутъ служить руководящей нитью для изслѣдователя общественной эволюціи какъ въ ея конкретно-исторической, такъ и въ ея соціологической постановкѣ.

Мы не имѣли въ виду давать всесторонній анализъ всемірно-исторической концепціи: это завело бы насъ слишкомъ далеко и заставило бы насъ изучать чрезвычайно сложный генезисъ цѣлаго философско-историческаго міровоззрѣнія, въ которомъ элементы мистическіе, религіозные, какъ въ чистомъ видѣ, такъ и въ метафизической переработкѣ, причудливымъ образомъ переплелись съ конкретнымъ матеріаломъ исторической дѣйствительности нѣкоторыхъ обществъ древняго міра и новой Европы и дали въ результатѣ нелишенную импозантности, а иногда и высокой поэтичности картину планомѣрнаго и прогрессивнаго развитія «человѣчества», какъ единаго цѣлаго. Намъ хотѣлось подвергнуть пересмотру только нѣкоторые изъ опорныхъ пунктовъ этой концепціи, и притомъ такіе, которые еще и въ настоящее время пользуются репутаціей научныхъ аргументовъ, хотя ихъ прямое или боковое родство съ уже отошедшими въ прошлое пріемами философской и научной мысли не подлежитъ сомнѣнію, и въ итогѣ этого пересмотра мы приходимъ къ мысли, что новая Европа въ своемъ экономическомъ, соціальномъ и политическомъ развитіи не связана органически съ древнимъ міромъ, что исторія новой Европы не можетъ быть серьезно названа продолженіемъ древней исторіи, что общества новой Европы развивались въ сущности самостоятельно какъ въ

БИБЛИОТЕ
ИНСТИТУТ

матеріальномъ, такъ и въ культурномъ отношеніи. Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать, что культурное наслѣдство, оставленное древнимъ міромъ новому, оставалось мертвымъ капиталомъ. Но — скажемъ словами проф. Р. Ю. Виппера—«для современнаго историка и при изученіи этихъ любопытныхъ фактовъ воспріятія европейскими народами чужихъ, до нѣкоторой степени мертвыхъ продуктовъ давно минувшей дѣятельности,—воспріятія, такъ сказать, на разстояніи—все-таки на первомъ планѣ будетъ стоять вопросъ о томъ, какія же внутреннія основанія въ жизни новаго народа сдѣлали такое воспріятіе возможнымъ и необходимымъ... Самое воспріятіе чужой формулы является, такимъ образомъ, для историка фактомъ внутренней жизни того народа, развитіе котораго онъ изучаетъ; такое воспріятіе становится интереснымъ, какъ своего рода окончательный актъ, увѣнчаніе, завершающій символъ внутренняго процесса».

Исторія рецепціи обществами новой Европы идей и формъ древности—чрезвычайно интересная страница внутренней исторіи этихъ обществъ и увлекательный спеціальный сюжетъ для историческаго изслѣдованія, но и только. Центръ тяжести научнаго интереса историка новой Европы не здѣсь, а въ тѣхъ внутреннихъ процессахъ, которые развивались въ новоевропейскихъ обществахъ и аналогичны процессамъ, развивавшимся и въ обществахъ древняго міра, и во всякомъ вообще человѣческомъ обществѣ. Намъ кажется, что пора совсѣмъ оставить всемірно-историческія иллюзіи, разъ навсегда признавъ ихъ уже отошедшимъ въ прошлое культурнымъ фактомъ, и центръ тяжести научныхъ интересовъ окончательно перенести на изученіе именно этихъ внутреннихъ процессовъ, развивавшихся и развивающихся въ человѣческихъ обществахъ, на ихъ соціологическое изученіе; пора окончательно разстаться съ идеей единаго и единственнаго процесса, какой будто бы представляетъ собою исторію обществъ древняго и новаго міра, и окончательно утвердиться въ мысли, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ единымъ и единственнымъ процессомъ, а съ цѣлымъ множествомъ аналогичныхъ процессовъ, сравнительное изученіе которыхъ, щепетильно внимательное къ индивидуальнымъ особенностямъ каждаго изъ нихъ, и составляетъ содержаніе науки *всеобщей* исторіи, ставящей себѣ чисто соціологическіе цѣли выясненія механики общественнаго процесса, какъ такового, и законовъ, по которымъ онъ развивается. Пока традиціи *всемірной* исторіи сами окончательно не станутъ достояніемъ исторіи, пока онѣ будутъ сохранять свое вліяніе въ исторической наукѣ, до тѣхъ поръ этой послѣдней трудно будетъ окончательно стать на чисто научную почву.

Въ заключеніе естественнымъ является вопросъ: отвергая всемірно-историческую точку зрѣнія, какъ ненаучную, имѣемъ ли мы право говорить *о среднихъ* вѣкахъ, *о средневѣковой* исторіи, *о средневѣковомъ* обществѣ и государствѣ? Вѣдь терминъ *средніе вѣка* имѣетъ смыслъ только во всемірно-исторической концепціи, обозначая одно изъ главныхъ звеньевъ въ единой цѣпи всемірно-историческаго развитія, переходную эпоху отъ древняго міра къ такъ называемой *новой* исторіи. Отрицая органическую связь древняго міра съ новымъ, мы тѣмъ самымъ, строго говоря, лишаемъ себя права говорить *о средневѣковой* исторіи.

И тѣмъ не менѣе это—чисто-словесное затрудненіе. Въ самомъ дѣлѣ, всеобщая исторія, ставя себѣ чисто-соціологическія цѣли, превращаясь въ науку, стремящуюся выяснить законы развитія человѣческаго общества путемъ сравнительнаго изученія конкретныхъ обществъ въ ихъ историческомъ развитіи, интересуется каждымъ отдѣльнымъ развитіемъ постольку, поскольку оно является съ болѣе или менѣе опредѣленно выраженными индивидуальными особенностями, поскольку оно представляетъ собою дѣйствительно своеобразное сочетаніе общественныхъ элементовъ, обусловливающее собою дѣйствительно своеобразный ходъ общественнаго развитія. И поскольку такъ называемая *средневѣковая* исторія удовлетворяетъ этимъ условіямъ, поскольку она дѣйствительно представляетъ данныя, позволяющія говорить о средневѣковомъ обществѣ и о средневѣковомъ развитіи, какъ о чемъ-то своеобразномъ, постольку мы въ правѣ говорить и о среднихъ вѣкахъ, и о средневѣковомъ развитіи, и о средневѣковомъ обществѣ и государствѣ. Средневѣковому обществу и средневѣковому государству дѣйствительно присущи очень опредѣленныя типическія особенности, дѣлающія ихъ феодальнымъ обществомъ и феодальнымъ государствомъ, позволяющія намъ говорить о средневѣковомъ *типѣ* общества и государства.

Конечно, переходъ одного общественнаго типа въ другой совершается постепенно, путемъ незамѣтныхъ перемѣнъ въ разныхъ сферахъ жизни, и нельзя представлять себѣ дѣло такъ, что въ какой-нибудь опредѣленный моментъ мы можемъ констатировать чистый общественный типъ. Напротивъ, рядомъ съ признаками, характеризующими данный общественный типъ, мы всегда замѣчаемъ наличность признаковъ, не гармонирующихъ съ нимъ, идущихъ въ разрѣзъ съ нимъ. Весь вопросъ въ *преобладаніи* тѣхъ или иныхъ признаковъ. Все это примѣнимо и къ такъ называемому средневѣковому обществу. Несомнѣнно, въ такъ называемомъ средневѣковомъ обществѣ и государствѣ можно констатировать черты и явленія, которыя шли въ разрѣзъ съ общимъ характеромъ тогдаш-

нихъ общественныхъ отношеній. Тѣмъ не менѣе преобладали въ немъ, давали тонъ, сообщали типическій характеръ такъ называемому средневѣковому обществу и государству не эти черты и явленія. Постепенное развитіе этихъ нетипическихъ для средневѣковаго общества и государства чертъ и явленій и постепенное возобладаніе ихъ надъ прежде господствовавшими чертами и явленіями и составляетъ содержаніе процесса перехода отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, къ новому типу общества и государства. Какія именно черты характерны для такъ называемаго средневѣковаго общества и государства, что собственно является характерной особенностью такъ называемаго феодализма, это выяснится изъ послѣдующаго изложенія. А пока лишь замѣтимъ, что черты эти характерны не для однихъ лишь западно-европейскихъ обществъ, постепенно организовавшихся послѣ такъ называемаго паденія Западной Римской имперіи, что мы встрѣчаемъ ихъ и въ обществахъ классическаго міра и древняго Востока въ извѣстные періоды ихъ исторіи, что феодазизмъ мы находимъ и у славянскихъ народовъ и, въ частности, въ древней Руси и въ Московскомъ государствѣ, въ государствахъ, основанныхъ арабами, на Дальнемъ Востокѣ, что едва ли найдется человѣческое общество, которое бы не знало этой формы политическаго и общественнаго существованія, если не въ развитомъ ея видѣ, то по крайней мѣрѣ въ зачаточномъ ея состояніи.

Изучая средневѣковое, феодальное общество, мы такимъ образомъ, ничуть не сходимъ съ почвы чисто соціологическихъ интересовъ исторической науки. Изучая средневѣковое общество, мы, такимъ образомъ, изучаемъ одинъ изъ типовъ человѣческаго общества и вмѣстѣ съ тѣмъ одинъ изъ фазисовъ въ его развитіи. Наша ближайшая задача, задача, которую мы будемъ по мѣрѣ силъ разрѣшать въ этихъ очеркахъ, будетъ заключаться въ выясненіи генезиса средневѣковаго, феодальнаго типа общества на почвѣ западноевропейскаго развитія изъ всей совокупности условій предшествующей эпохи. Говоря болѣе конкретно, содержаніемъ нашихъ очерковъ будетъ изученіе эволюціи общества и государства Римской имперіи, приведшей къ разложенію имперіи на рядъ варварскихъ королевствъ, а также эволюціи нѣсколькихъ типичныхъ варварскихъ обществъ и государствъ, выясняющей процессъ возникновенія феодальнаго общества и государства.

Для болѣе обстоятельнаго ознакомленія съ главными по крайней мѣрѣ вопросами, затронутыми въ этомъ введеніи, рекомендуются слѣдующія сочиненія: Проф. Р. Ю. Виппер. *Обществен-*

ныя ученія и историческія теоріи XVIII и XIX вв. въ связи съ общественнымъ движеніемъ на западѣ. Второе изд. Москва, 1908 (блестящая попытка представить генезисъ общественныхъ ученій и историческихъ теорій названныхъ вѣковъ изъ современной имъ общественной дѣйствительности; въ частности, здѣсь читатель найдетъ генезисъ теоріи прогресса, этого базиса всемірно-исторической концепціи); проф. Н. И. Карѣевъ. *Введеніе въ изученіе соціологіи.* Изд. 2-е С.-Пб 1907 (обстоятельно знакомитъ съ историческими и соціологическими теоріями); проф. Р. Ю. Виппперъ. *Преподаваніе древней исторіи и новая историческая наука.* Москва. 1899 (оттискъ изъ журнала «Вѣстникъ Воспитанія», представляетъ собою очень тонкую критику всемірно-исторической точки зрѣнія); проф. Р. Ю. Виппперъ. *Нѣсколько замѣчаній о теоріи историческаго познанія* (статья, помѣщенная въ журналѣ «Вопросы философіи и психологіи» за 1900 годъ и перепечатанная авторомъ въ сборникѣ его статей «*Двѣ интеллигенціи и другіе очерки*». Москва 1912, рѣдкая по тонкости и глубинѣ мысли и по богатству содержанія); проф. Р. Ю. Виппперъ. *Очерки теоріи историческаго познанія.* Москва. 1911 (авторъ подвергаетъ глубокому и тонкому анализу основныя проблемы историческаго познанія; оригинальность, ясность и яркость мысли дѣлаютъ эту книгу незамѣнимой для всякого, кто хочетъ развить въ себѣ способность научно-философскаго пониманія историческаго процесса); Генрихъ Риккертъ. *Философія исторіи.* Перев. съ нѣм. С. Гессена. С.-Пб. 1908 и того же автора *Науки о природѣ и науки о культурѣ.* Пер. С. Гессена. С.-Пб. 1911 (въ обѣихъ работахъ авторъ выясняетъ логическую природу исторіи какъ науки объ индивидуальномъ, науки о культурѣ, въ противоположность наукѣ о природѣ какъ наукѣ объ общемъ). Карлъ Бюхеръ. *Возникновеніе народнаго хозяйства.* Перев. подъ ред. І. М. Кулищера. Выпуски первый и второй. С.-Пб. 1907. Эдуардъ Мейеръ. *Экономическое развитіе древняго міра.* Пер. подъ ред. М. О. Гершензона. 3-е изд. Москва. 1910. *Рабство въ древнемъ мірѣ.* Перев. съ нѣм. 2-е изд. Москва. 1907. Проф. И. М. Гревсъ. *Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія* (преимущественно во время имперіи). Томъ І. С.-Пб. 1899 (авторъ старается провести бюхеровскую точку зрѣнія на явленія римскаго экономическаго и соціальнаго развитія и въ своемъ живомъ и увлекательномъ изложеніи знакомитъ читателя съ цѣлымъ рядомъ основныхъ проблемъ исторической науки); проф. М. И. Ростовцевъ. *Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ* («Русская Мысль», 1900, мартъ).

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Государство и общество Римской имперіи.

Какъ бы мы ни рѣшали общій вопросъ объ отношеніи новой Европы къ древнему міру—будемъ ли мы вмѣстѣ съ Фюстель де Куланжемъ видѣть въ такъ называемыхъ среднихъ вѣкахъ прямое и непосредственное продолженіе эпохи Римской имперіи, а въ строѣ средневѣковыхъ обществъ и государствъ лишь дальнѣйшую эволюцію явленій и формъ, уже выработанныхъ римскимъ міромъ, или же признаемъ этотъ взглядъ лишь отчасти справедливымъ, именно, поскольку рѣчь идетъ о средневѣковыхъ соціальныхъ формахъ такъ называемыхъ романскихъ странъ (да и то съ очень значительными ограниченіями), и непримѣнимымъ къ государствамъ съ основнымъ германскимъ населеніемъ, самостоятельно вырабатывавшимъ свои соціальныя и политическія формы, по существу аналогичныя римскимъ послѣднихъ вѣковъ имперіи,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ намъ необходимо начинать наши очерки, имѣющіе въ виду выяснить генезисъ средневѣковаго общества и государства, какъ извѣстнаго общественнаго типа, съ разсмотрѣнія главнѣйшихъ по крайней мѣрѣ фактовъ и явленій, характеризующихъ политическій, соціальный и хозяйственный строй Римской имперіи и тѣ измѣненія, которыя совершились въ немъ за послѣдніе ея вѣка. Только внимательное отношеніе къ этимъ явленіямъ и фактамъ и дастъ намъ возможность сколько-нибудь оріэнтироваться среди цѣлаго ряда болѣе конкретныхъ вопросовъ, на которые распадается этотъ общій вопросъ. Даже не задаваясь вопросомъ о роли римской традиціи въ генезисѣ средневѣковаго строя, мы, приступая къ изученію этого генезиса, не можемъ обойти Римской имперіи, разъ мы желаемъ понять, какъ произошелъ самый фактъ поселенія германцевъ на территоріи имперіи и распаденія западной ея части на рядъ германскихъ, такъ называемыхъ варварскихъ королевствъ. Какія причины привели къ этому? Имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ разгромомъ имперіи варварскими полчищами, или же съ фактомъ внутренняго разложенія имперіи, сдѣлавшаго необходимымъ распаденіе ея на

рядъ варварскихъ королевствъ? Если послѣднее вѣрно, то какія причины вызвали этотъ внутренній процессъ, и какъ онъ совершался, и въ чемъ заключалась его сущность? Какую роль сыграли въ этомъ германцы?

I.

Чрезвычайно сложный и крайне болѣзненный процессъ постепеннаго превращенія римской республики въ имперію не можетъ быть предметомъ нашего разсмотрѣнія на страницахъ этихъ очерковъ. Самое большое, что мы можемъ здѣсь сдѣлать, это охарактеризовать его самыми общими чертами.

Несоотвѣтствіе политическихъ формъ города-государства тѣмъ широкимъ политическимъ задачамъ, которыя возникали передъ римской республикой по мѣрѣ расширенія ея предѣловъ, съ особенной силой стало давать себя знать съ того момента, какъ римскія завоеванія перешагнули границы Италіи, и римская республика стала объединять подъ своею властью племена и народы, населявшіе побережья Средиземнаго моря. Слишкомъ простой взглядъ на провинціи, какъ на помѣстья римскаго народа (praedia populi romani), безраздѣльно царившій среди правящихъ классовъ римскаго гражданства и обрекавшій провинціальное населеніе на самую безстѣнчивую эксплоатацію съ ихъ стороны, антиобщественный и антигосударственный по самому своему существу, тѣмъ меньше имѣлъ правъ на оправданіе, что, даже постепенно включивъ въ свой составъ всю Италію, римская гражданская община и по размѣрамъ своей территоріи, и по количеству своего населенія была неизмѣримо меньше своихъ «помѣстій», а нѣкоторымъ изъ нихъ далеко уступала и въ культурномъ отношеніи. Такое крайне ненормальное противопоставленіе господствующей общины гражданъ милліонамъ подданныхъ ея не могло оставаться постоянной или даже сколько-нибудь прочной политической формой, не могло обезпечивать на сколько-нибудь продолжительное время господство съ одной и подчиненіе съ другой стороны, слѣдовательно, въ концѣ-концовъ, шло въ разрѣзъ даже съ самыми узкими, чисто своекорыстными интересами правящаго класса самой господствовавшей общины, не говоря уже объ интересахъ всего гражданства, а тѣмъ болѣе провинціаловъ. Нужно было раздвинуть узкія рамки города-государства и создать новую политическую форму, въ широкихъ предѣлахъ которой нашли бы свое выраженіе и законное удовлетвореніе интересы всѣхъ, кто тѣмъ или инымъ путемъ связалъ свою судьбу съ римскимъ народомъ. Это былъ жизненный вопросъ, поставленный римской республикѣ ея завоевательной политикой, и

отъ удовлетворительнаго рѣшенія его зависѣла судьба римскаго государства и его мѣсто въ исторіи европейской культуры.

Сохраненіе прежняго порядка, подрывавшее основы хозяйственной жизни провинцій и ихъ культурнаго развитія, грозило римской общинѣ не только болѣе или менѣе отдаленными опасностями: оно и непосредственно давало себя знать цѣлымъ рядомъ чрезвычайно осязательныхъ явленій въ сферѣ внутренней жизни римской республики, весьма краснорѣчиво свидѣтельствовавшихъ о томъ, что жизнь эта совсѣмъ стала далека отъ нормальнаго существованія здороваго общественнаго организма.

Въ самомъ дѣлѣ, если прежнія войны, тѣ войны, которыя велъ Римъ внутри Италіи, способствовали силѣ и крѣпости римскаго государства, надѣляя его гражданъ все новыми и новыми землями, и въ значительной мѣрѣ парализовали естественныя послѣдствія давно начавшагося соціальнаго процесса, ведшаго къ сосредоточенію земли въ рукахъ высшаго класса и обезземеленію крестьянской массы, то войны, которыя сталъ вести Римъ за предѣлами Италіи, подрывали основы благополучія народной массы, того фундамента, на которомъ зиждилось величіе Рима, все болѣе и болѣе ускоряя указанный соціальный процессъ и грозя въ недалекомъ будущемъ окончательно расчленить римское гражданство на двѣ группы: на земельную и денежную аристократію и безземельный пролетаріатъ, вытѣсненный изъ всѣхъ хозяйственныхъ областей рабскимъ трудомъ, и довести римское государство до того, что оно не въ силахъ будетъ выставить самое незначительное войско. И войны прежняго времени, надѣлявшія землей (путемъ ассигнацій и вывода колоній) обезземеленныхъ крестьянъ, были очень выгодны и для правящаго класса, передавъ въ руки его членовъ, и безъ того сравнительно крупныхъ землевладѣльцевъ, путемъ оккупаціи и иными путями громадное количество отнятой у покоренныхъ общинъ земли. Зато войны, которыя сталъ вести Римъ за предѣлами Италіи, пошли исключительно на пользу крупному землевладѣнію и крупному денежному капиталу, также по условіямъ времени реализовавшемуся въ формѣ крупнаго землевладѣнія, которое открывало дорогу въ ряды правящей сенатской аристократіи.

Денежный капиталъ, представляемый классомъ всадниковъ, состоявшихъ изъ откупщиковъ и банкировъ, можно сказать, и возникъ благодаря завоеваніямъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ мы его знаемъ въ концѣ республики. Извлеченіе изъ провинцій всего того, что получала отъ нихъ господствующая община римскихъ гражданъ въ видѣ подати и всякихъ иныхъ поступленій, производилось, какъ извѣстно, черезъ посредство компаній (акціо-

нерныхъ компаній) публикановъ (societates publicanorum), которымъ государство поручало и всякаго рода поставки (на армію, на флотъ и т. п.), и всякаго рода общественныя предпріятія (постройка дорогъ, сооруженіе публичныхъ зданій и т. п.). Усилившійся благодаря присоединенію провинцій денежный обмѣнъ съ своей стороны способствовалъ развитію всаднической сословія, благопріятствуя появленію и развитію класса торговцевъ деньгами, всякаго рода мѣнялъ и банкировъ, также сосредоточивавшихъ въ своихъ рукахъ нерѣдко огромные капиталы.

Общественная и политическая сила этихъ денежныхъ людей станетъ для насъ вполнѣ ясной, если мы вспомнимъ, что, напримѣръ, въ спекуляціяхъ компаній публикановъ были непосредственно заинтересованы всѣ классы общества: и самые бѣдные люди несли къ нимъ свои сбереженія, чтобы имѣть пай (pars, particula) въ ихъ предпріятіяхъ; такъ что сдача на откупъ того или иного налога, сооруженіе военной дороги, поставки на армію и т. п. принимали всегда характеръ и значеніе факта, имѣвшаго крупный общественный интересъ. Разъ въ спекуляціяхъ публикановъ былъ заинтересованъ чуть ли не каждый гражданинъ, то естественно, что черезъ народныя собранія публиканы могли проводить едва ли не все, что только было для нихъ выгодно, и не удивительно, что въ послѣдніе вѣка республики они имѣютъ такое вліяніе на внутреннюю и внѣшнюю политику Рима. Откупная система была настоящимъ бичемъ для провинцій: вмѣстѣ съ представителями римской провинціальной администраціи, проконсулами и пропреторами, смотрѣвшими на провинцію какъ на объектъ самаго откровеннаго грабежа, публиканы высасывали изъ провинціальнаго населенія всѣ соки, не стѣсняясь при этомъ никакими средствами самаго вопіющаго насилія. Въ томъ же направленіи дѣйствовали и банкиры, ссужавшіе деньгами истощенныя римскими намѣстниками и публиканами провинціи за самые невѣроятные, превышавшіе всякую законную мѣру проценты и потомъ взыскивавшіе свои ссуды и проценты съ помощью самыхъ жестокихъ мѣръ при содѣйствіи благосклонной къ нимъ администраціи. Всѣ эти категоріи денежныхъ людей конечную цѣль своихъ пріобрѣтательскихъ усилій видѣли въ пріобрѣтеніи крупныхъ земельныхъ владѣній, которыя открывали имъ двери въ сенатъ, въ ряды правительственной аристократіи. И они начинаютъ пріобрѣтать крупныя помѣстья, становятся владѣльцами латифундій.

До поры, до времени, пока у государства было много свободныхъ, доставшихся ему въ результатѣ завоеваній земель, эта погоня за землей могла не обнаружить своихъ антисоціальныхъ

послѣдствій. Но вскорѣ и они начали давать себя знать. Помогли этому нѣкоторыя явленія чисто экономическаго характера, прямой результатъ римскихъ завоеваній. Уже объединеніе Италіи значительно понизило цѣны на хлѣбъ, такъ какъ благодаря этому политическому факту въ хозяйственную конкуренцію съ Лаціумомъ и горными областями вступали плодородныя мѣстности Италіи, именно Кампанія и область рѣки По, и рынокъ оказался заваленнымъ италійскимъ хлѣбомъ, что сдѣлало хлѣбопашество менѣе обезпечивающимъ крестьянина занятіемъ. Италійскому крестьянину становится еще труднѣе, когда Римъ соединяетъ подъ своею властью всѣ страны по берегамъ Средиземнаго моря. Съ италійскимъ хлѣбомъ начинаетъ конкурировать заморскій хлѣбъ, сначала изъ Сициліи, а затѣмъ и изъ Африки. Само правительство заботится о ввозѣ иноземнаго хлѣба, въ особенности съ эпохи Гракховъ, когда развивается дешевая продажа хлѣба государствомъ (нерѣдко превращающаяся въ даровую раздачу) пролетаріату, и это еще болѣе губитъ италійское хлѣбное производство. Множество крестьянъ разоряется, и поля ихъ или вовсе перестаютъ воздѣлываться, или же обращаются въ виноградники и масличныя плантаціи, а чаще всего берутся подъ пастбища. Уже во второй половинѣ второго вѣка умѣренно-прибыльное пастбищное хозяйство давало больше дохода, чѣмъ самое прибыльное земледѣліе. И виноградники, и масличныя плантаціи, и скотоводство,—все это пошло на пользу лишь крупному землевладѣльцу. Мелкому человѣку нельзя было тягаться съ нимъ на этой почвѣ, и онъ долженъ былъ уступить ему свое мѣсто и изъ собственника и арендатора превращался въ пролетарія, не находившаго себѣ въ большинствѣ случаевъ занятія и заработка въ деревнѣ и принужденнаго отправляться искать счастья въ столицу.

Свободное сельское населеніе начинаетъ постепенно превращаться въ столичныхъ пролетаріевъ. Этому въ сильнѣйшей мѣрѣ способствовалъ наплывъ рабовъ. Свободные крестьяне и арендаторы не могли превратиться въ вполнѣ удобное орудіе латифундіальнаго (крупнаго) хозяйства. Для владѣльцевъ латифундій нуженъ былъ дешевый трудъ, который къ тому же они могли бы эксплоатировать вполнѣ свободно, имѣя въ виду лишь выгоды своего предпріятія. Свободный же трудъ былъ и сравнительно дорогъ, и не такъ-то удобенъ для беззастѣнчивой и безконтрольной эксплоатаціи; къ тому же свободный человѣкъ долженъ былъ отбывать и свои политическія обязанности и прежде всего воинскую повинность, что могло крайне тормозить хозяйственную дѣятельность землевладѣльцевъ. Необходимый для крупнаго землевладѣльца дешевый человѣческій

товаръ въ изобиліи доставляли войны, а когда войны поутихли, страшно развившаяся работорговля и пиратство. Теперь-то рабскій трудъ и пріобрѣтаетъ въ жизни Рима то значеніе, которое обыкновенно ошибочно распространяютъ на всѣ его эпохи. Именно теперь, когда благодаря завоевательной политикѣ римлянъ, соединившей подъ ихъ властью всѣ племена и народы Италіи, а потомъ и всего побережья Средиземнаго моря, сталъ возможенъ хозяйственный обмѣнъ между ними, создалась широкая почва для народнаго хозяйства, и стали возможны крупныя хозяйственныя предпріятія, работающія для обширнаго рынка и, слѣдовательно, обладающія всѣми признаками настоящихъ хозяйственныхъ предпріятій въ самомъ строгомъ, экономическомъ смыслѣ этого слова,—именно теперь рабскій трудъ и сталъ играть въ жизни Рима крупную хозяйственную роль, которой онъ не могъ играть раньше, когда господствовало натуральное, замкнутое хозяйство. Теперь онъ отнялъ у свободныхъ сельскихъ жителей возможность сколько-нибудь обезпеченнаго существованія.

Положеніе римскаго крестьянства было, такимъ образомъ, подорвано въ корнѣ, и этимъ создавалась для республики величайшая опасность: наносился страшный ущербъ ея военному могуществу, покоившемуся какъ разъ на хозяйственно обезпеченной крестьянской массѣ, которая теперь, превращаясь въ пролетаріевъ, уже не была въ состояніи служить опорой противъ внѣшняго врага и въ то же время становилась опаснѣйшимъ внутреннимъ врагомъ римскаго государства и охранявшагося имъ соціальнаго строя, представляя собой готовый горючій матеріалъ для самыхъ жестокихъ революцій.

Разоренію римскаго крестьянства не въ малой мѣрѣ способствовали войны и другой своей стороной. Это были уже не краткосрочные походы, ненарушавшіе серьезно хозяйственной дѣятельности крестьянина. Теперь войны уже надолго отвлекали его отъ хозяйства, а нерѣдко и совсѣмъ отрывали его отъ земли и отъ ея интересовъ, превращая его въ настоящаго солдата, уже неспособнаго къ земледѣлію; къ тому же нерѣдки были случаи, что за время его отсутствія хозяйство приходило въ полное запустѣніе, а то и просто становилось добычей богатаго и алчнаго сосѣда.

Въ интересахъ самосохраненія республика должна была придти на помощь гибнувшему крестьянству, пока было еще не поздно. И мы видимъ рядъ попытокъ въ этомъ направленіи, начиная съ начала II вѣка (до Р. Хр.), съ такъ называемаго Лициніева закона (относимаго прежде къ 367 году), постановившаго, какъ извѣстно, что никто не долженъ владѣть государственной землей (ager publi-

cus) въ размѣрѣ болѣе 500 югеровъ (около 250 десятинъ) и держать на государственныхъ пастбищахъ болѣе 100 головъ крупнаго и 500 головъ мелкаго скота, и что часть рабочихъ въ хозяйствѣ землевладѣльца должна принадлежать къ числу свободныхъ людей. Законъ этотъ, какъ извѣстно, послужилъ точкою отправленія для реформаторскихъ попытокъ Гракховъ. Попытки эти въ общемъ потерпѣли фіаско. Правда, Гракхамъ удалось надѣлить землею не одну тысячу безземельнаго люда, но возродить римское крестьянство, римское общество и римское государство имъ не удалось. Можно даже сказать, что тѣ бѣдствія, бороться съ которыми они ставили себѣ цѣлью, благодаря нѣкоторымъ сторонамъ ихъ дѣятельности еще усилились. Разумѣемъ проведенные Гаемъ Гракхомъ законъ о дешевой продажѣ народу хлѣба государствомъ (lex frumentaria) и законъ, предоставлявшій всадникамъ право засѣдать въ судебныхъ комиссіяхъ, разбиравшихъ между прочимъ жалобы провинціаловъ на насилія со стороны публикановъ (lex iudiciaria), а также передачу имъ на расхищеніе публиканамъ провинціи Азіи и другихъ провинцій. Дешевая продажа народу хлѣба государствомъ скоро превратилась въ даровую раздачу его, и это привело, на ряду съ другими причинами, къ крайней деморализаціи столичнаго пролетаріата и къ его умноженію. Публиканы и другіе дѣльцы уже безъ всякаго контроля грабили теперь римскія провинціи совмѣстно и въ полномъ согласіи съ проконсулами и пропреторами, откровенно смотрѣвшими на свою должность какъ на источникъ собственнаго обогащенія на счетъ ввѣреннаго ихъ заботамъ провинціальнаго населенія. Такимъ образомъ, все осталось по-старому, и процессъ раложенія общества и государства римской республики развивался и вширь, и вглубь.

Что касается, въ частности, государственнаго строя римской гражданской общины, то онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ теперь тѣмъ соціальнымъ отношеніямъ, какія мы сейчасъ описывали. Формально онъ оставался прежнимъ. Попрежнему римскіе граждане собирались въ комиціи, избирали здѣсь магистратовъ республики и вотировали законы; попрежнему, слѣдовательно, народъ подъ контролемъ сената и съ помощью своихъ избранниковъ былъ вершителемъ своихъ судебъ. Но такова была лишь форма. Если и прежде земельная аристократія имѣла направляющее вліяніе въ политической жизни республики, то теперь она стала фактическимъ властелиномъ и во внутренней, и во внѣшней политикѣ государства. Съ тѣхъ поръ, какъ территорія гражданской общины (такъ называемый ager romanus) постепенно охватила всю Италію, народъ не могъ уже осуществлять своихъ политическихъ правъ въ формѣ

участія въ комиціяхъ, собиравшихся въ столицѣ: это стало физически невозможнымъ; слѣдовательно, онъ фактически пересталъ быть вершителемъ своихъ судебъ. Народныя собранія могли посѣщать только сравнительно очень немногіе; фактически на нихъ теперь преобладалъ городской пролетаріатъ, продуктъ описаннаго нами выше соціальнаго процесса, все съ большей и большей интенсивностью развивавшагося въ римскомъ обществѣ. Принужденный разстаться съ землей и съ деревней, римскій крестьянинъ отправлялся въ столицу и здѣсь реализовалъ принадлежавшую ему, какъ римскому гражданину, цѣнность, свои политическія права, подавая свой голосъ въ комиціяхъ и становясь такимъ образомъ готовымъ политическимъ орудіемъ въ рукахъ той или иной группы правящей аристократіи или ея вождя. Народныя собранія римской республики постепенно превращались въ собранія всецѣло зависѣвшаго въ средствахъ къ жизни отъ правящей аристократіи городского пролетаріата и ея кліэнтовъ (развитіе кліэнтелы дѣлало огромные успѣхи параллельно и въ органической связи съ развитіемъ крупнаго землевладѣнія) и поэтому перестали служить органомъ для выраженія интересовъ всей общины или по крайней мѣрѣ большинства ея гражданъ и становились политическимъ орудіемъ въ рукахъ боровшихся за преобладаніе честолюбцевъ.

Такимъ образомъ, и народныя собранія, и сенатъ, и магистратура—всѣ органы власти римской гражданской общины стали служить узкимъ и своекорыстнымъ интересамъ правящихъ группъ. Римская республика стала государственной формой соціальнаго господства и политическаго владычества земельной и отчасти и денежной аристократіи надъ массой римскаго народа и надъ провинціями, и пока строй ея какъ города-государства оставался неприкосновеннымъ, никакія попытки уврачеванія общественныхъ недуговъ, грозившихъ великими опасностями государству, не могли разсчитывать на успѣхъ: и обезземеленіе римскаго крестьянства, превращавшее его въ деморализованную толпу столичнаго пролетаріата, и хищническая эксплоатація провинцій,—все это были естественныя послѣдствія господства аристократическаго меньшинства, все это лишь увеличивало его матеріальную силу и соціальное могущество. Сохраненіе уже отжившей, уже давно переставшей соотвѣтствовать реальнымъ, фактическимъ отношеніямъ городской государственной формы неизбѣжно, въ условіяхъ римскаго развитія, приводило къ соціальному и политическому господству аристократіи и къ соціальному и политическому разложенію основной, крестьянской массы римскаго гражданства и тѣмъ въ корнѣ подрывало силу и крѣпость римскаго государственнаго организма. Когда-то

она была вполнѣ здоровой политической формой, вполнѣ отвѣчала условіямъ жизни узкаго политическаго соединенія и давала выраженіе интересамъ всего политическаго цѣлаго. Теперь, когда съ расширеніемъ территоріи государства непосредственная демократія, осуществленіе всѣми гражданами своихъ политическихъ правъ въ народныхъ собраніяхъ, стала невозможна, она превратилась въ бичъ общества и обрекла законнѣйшіе интересы массы гражданъ и милліоновъ провинціаловъ въ жертву сравнительно небольшой правящей группѣ. Единственнымъ средствомъ создать сколько-нибудь нормальныя соціальныя условія для гибнувшей соціально и морально массы гражданства и для разоряемыхъ провинціаловъ и тѣмъ самымъ предотвратить неизбѣжный при сохраненіи прежнихъ условій общій политическій крахъ могла быть прежде всего *политическая реформа*, превращеніе узкой городской формы государства въ болѣе широкую, соотвѣтствующую жизненнымъ условіямъ всего этого обширнаго и неустроеннаго политическаго соединенія, какимъ являлась раскинувшаяся уже по всей Италіи римская гражданская община со всѣми своими провинціями, созданіе такой политической организаціи, которая бы выражала матеріальные и культурные интересы по возможности всѣхъ общественныхъ группъ какъ внутри Италіи, такъ и внѣ ея и, хотя бы въ извѣстной мѣрѣ, приводила ихъ въ равновѣсіе.

Какова должна была или, вѣрнѣе, могла быть эта форма, въ какихъ именно публично-правовыхъ терминахъ она должна была найти свое опредѣленіе, это зависѣло отъ фактическаго взаимоотношенія общественныхъ силъ въ римской республикѣ въ послѣдній періодъ ея существованія и отъ цѣлаго ряда внутреннихъ и внѣшнихъ условій, среди которыхъ протекала ея жизнь въ эту эпоху, о чемъ мы сейчасъ поведемъ рѣчь. Но какова бы ни была юридическая конструкція и фактическая сущность этой формы, ея первой и главной задачей должно было быть смягченіе соціальныхъ контрастовъ, лишеніе земельной и денежной аристократіи соціальнаго и политическаго преобладанія и поднятіе массы, а также упорядоченіе провинціальнаго управленія и постепенное инкорпорированіе провинцій въ римскую гражданскую общину. Хищническая эксплоатація провинцій правящей аристократіей являлась страшнымъ тормазомъ для ихъ хозяйственнаго и культурнаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ въ сильнѣйшей мѣрѣ парализовала тотъ широкій обмѣнъ, который возникалъ между всѣми объединенными подъ римскимъ владычествомъ странами и, разбивая замкнутыя хозяйственныя формы тамъ, гдѣ онѣ еще преобладали, поднималъ хозяйственную жизнь по всему побережью Средиземнаго моря на высшую стадію,

на стадію народнаго хозяйства со всѣми его соціальными и общекультурными особенностями. Новая политическая форма, къ которой долженъ былъ перейти Римъ, являясь, такимъ образомъ, и постулатомъ экономической эволюціи, должна была обезпечить интересы начавшагося въ широкомъ масштабѣ народно-хозяйственнаго развитія.

Завоевательная политика Рима, создавшая всѣ разсмотрѣнныя нами соціальныя и политическія аномаліи, создала вмѣстѣ съ тѣмъ и средство противъ нихъ, создала ту соціальную силу, опираясь на которую, можно было насильственно раздвинуть тѣсныя политическія рамки въ соотвѣтствіе съ широкими запросами безмѣрно усложнившейся жизни. Примѣръ Гракховъ показалъ, что только продолжительная и надѣленная широкими полномочіями диктатура могла браться за уврачеваніе общественныхъ и политическихъ недуговъ. Но у Гракховъ не было въ распоряженіи военной силы, и имъ приходилось съ помощью крайне опасныхъ средствъ искусственно создавать то или иное благопріятное ихъ дѣлу сочетаніе общественныхъ силъ и въ концѣ-концовъ терпѣть фіаско. Такая сила скоро явилась. Хроническія войны создали, въ концѣ-концовъ, незнакомое Риму въ прежнія времена, фактически постоянное войско, которое представляло собою выдѣлившуюся изъ общества особую соціальную группу, имѣвшую свои особые интересы, связанную тѣснѣйшими узами съ своими вождями и готовую служить для нихъ послушнымъ орудіемъ для достиженія ими своихъ собственныхъ цѣлей. Если мы припомнимъ еще при этомъ, что, начиная съ Марія, въ войско стали принимать и пролетаріевъ, которые устремились сюда въ огромномъ количествѣ, видя въ военной службѣ выгодную въ матеріальномъ отношеніи профессію, и уже въ сравнительно скоромъ времени составляли въ немъ преобладающій элементъ, пролетаріевъ, у которыхъ было слишкомъ мало основаній дорожить существующимъ политическимъ строемъ, то намъ станетъ еще болѣе понятнымъ, что, опираясь на эту новую и грозную силу, такіе люди, какъ Марій, Сулла и, наконецъ, Цезарь, могли не стѣсняться никакими традиціонными политическими рамками и могли диктовать республикѣ свои собственные законы. Такимъ образомъ, новой политической формой, шедшей на смѣну городской аристократической республикѣ, была военная монархія, опиравшаяся въ значительной мѣрѣ на организованный въ военную силу пролетаріатъ. Именно монархіи предстояло создать настоящій государственный порядокъ въ римскомъ мірѣ, объединить всѣ племена и народы, завоеванные римскимъ оружіемъ, и дать каждому свободному человѣку на всемъ огромномъ протяженіи міровой имперіи право сказать: «Civis romanus sum».

II.

Первое время—и довольно продолжительное—римская монархія старалась избѣгать всякихъ монархическихъ аттрибутовъ. Да она и въ дѣйствительности не была еще вполнѣ монархіей. *Принципатъ*—таково утвердившееся въ наукѣ названіе той власти, которая находилась въ рукахъ Августа и его ближайшихъ преемниковъ—представлялъ собою съ формальной стороны республиканскую магистратуру, правда, магистратуру новую, но тѣмъ не менѣе обладавшую существенными особенностями магистратуры какъ делегаціи, какъ совокупности полномочій, переданныхъ данному лицу народомъ. Эта идея делегаціи, можно сказать, никогда не исчезала изъ понятія императорской власти; даже въ такія эпохи, когда римская монархія подъ вліяніемъ политической практики и теоріи восточныхъ народовъ, вошедшихъ въ составъ ея владѣній или тѣсно соприкасавшихся съ ними, проникласъ элементами настоящаго азіатскаго абсолютизма, даже тогда не умерла еще идея, что источникъ безграничной власти самодержца—воля народа. Августъ всѣмъ своимъ поведеніемъ старался показать народу, что онъ всего лишь первый человѣкъ (princeps) въ республикѣ. Онъ неоднократно слагалъ съ себя ту или иную часть своихъ полномочій и вновь получалъ ихъ черезъ сенатъ на тотъ или иной опредѣленный срокъ.

Замѣчательно, что полномочія эти съ формальной стороны ничего новаго не представляли. И въ прежнія времена они всегда передавались ординарнымъ или экстраординарнымъ магистратамъ республики. Разница съ прежнимъ была лишь въ томъ, что одному Августу передавались полномочія, въ прежнее время распредѣлявшіяся между нѣсколькими избиравшимися на короткій срокъ (обыкновенно на годъ) магистратами. Въ частности, Августъ являлся прежде всего носителемъ военнаго imperium'а и въ силу этого былъ главнокомандующимъ всѣми военными силами республики и назначалъ на всѣ военныя должности. Солдаты приносили присягу ему и передъ его изображеніемъ. Онъ производилъ наборъ, когда хотѣлъ и въ какомъ хотѣлъ размѣрѣ. Ему принадлежало право войны и мира. Другимъ существеннымъ элементомъ принципата была трибунская власть. Какъ обладателю трибунской власти, princeps'у принадлежала законодательная инціатива, а также veto въ отношеніи ко всякому акту, изданному всякимъ другимъ магистратомъ или сенатомъ. Свою законодательную власть princeps осуществлялъ совмѣстно съ сенатомъ, и законами въ собственномъ смыслѣ (leges) были только законы, изданные такимъ именно образомъ. Но на ряду съ leges издавались уже однимъ princeps'омъ эдикты. Право издавать эдикты принадлежало и республиканскимъ магистра-

тамъ прежняго времени, и они имѣли силу лишь въ теченіе того времени, когда издавшее ихъ лицо находилось у власти. Въ идеѣ такое временное значеніе имѣли и эдикты, издававшіеся императорами, хотя на практикѣ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія монархическаго строя, эта разница между законами въ строгомъ смыслѣ и императорскими эдиктами постепенно сглаживалась. Личность princeps'а, какъ трибуна, была священной (sacrosanctus), и всякое посягательство на него, даже словесное, влекло для посягателя смерть безъ суда, какъ нечестіе. Трибунская власть давала ему и право заступничества (jus intercedendi), уполномочивавшее его брать на себя защиту интересовъ массы отъ захватовъ со стороны сильныхъ, играть роль соціальнаго миротворца. Въ отношеніи къ части провинцій, именно къ тѣмъ изъ нихъ, которыя по пограничному своему положенію или въ силу другихъ условій нуждались въ военной защитѣ, princeps былъ надѣленъ безконтрольной властью проконсула и управлялъ ими черезъ своихъ легатовъ, имъ самимъ назначавшихся и предъ нимъ однимъ отвѣтственныхъ. Они отъ его имени и управляли этими провинціями, и командовали расположенными здѣсь войсками. Всѣ доходы изъ этихъ провинцій стекались въ особую казну императора, въ такъ называемый фискъ (fiscus). Остальныя провинціи находились въ вѣдѣніи сената, который управлялъ ими чрезъ обычныхъ проконсуловъ, избиравшихся на короткій срокъ по жребію изъ сенаторовъ, и доходы изъ этихъ сенатскихъ провинцій поступали въ казну республики, въ такъ называемый эрарій (aerarium). Не надо, впрочемъ, думать, что сенатскія провинціи стояли внѣ вліянія императорской власти. Императоръ контролировалъ и ихъ управленіе, посылалъ проконсуламъ ихъ свои инструкціи и въ сущности имѣлъ и въ этихъ провинціяхъ едва ли меньше власти, чѣмъ въ своихъ собственныхъ. Располагая властью цензора, императоръ имѣлъ контроль надъ нравами, надъ частной жизнью гражданъ, а также составлялъ списокъ сенаторовъ и всадниковъ, давалъ, кому хотѣлъ, права римскаго гражданина; можно сказать, что каждый человѣкъ занималъ въ обществѣ то мѣсто, какое ему назначилъ императоръ. Въ качествѣ верховнаго жреца республики (pontifex maximus) императоръ имѣлъ высшій надзоръ надъ религіей и культомъ. Подобно каждому республиканскому магистрату, облеченному правами такъ называемаго imperium'а (magistratus cum imperio), императоръ обладалъ и судебной властью, являясь верховнымъ и безапелляціоннымъ судьею во всей имперіи.

Насъ не должна смущать такая рѣзко бросающаяся въ глаза черта власти императора, какъ неограниченный характеръ этой власти: наличность ея ничего еще не говоритъ противъ чисто республиканской

конструкціи этой власти, ничуть не лишаетъ ея характера чисто республиканской магистратуры по той простой причинѣ, что черта эта искони была присуща всѣмъ республиканскимъ магистратурамъ древняго Рима, надѣленнымъ такъ называемымъ imperium'омъ. Передававшаяся народомъ своему избраннику временная власть, кому бы она ни была делегирована, всегда была абсолютной, полной, безграничной властью, и временный носитель ея являлся не чѣмъ инымъ, какъ владыкой народа (magister populi). И консулы, какъ впослѣдствіи императоры, въ качествѣ носителей государственной власти, переданной имъ республикой, были въ теченіе года, на который они были избраны народомъ, абсолютными владыками и соединяли въ своихъ рукахъ всю полноту и все разнообразіе правъ, обнимаемыхъ понятіемъ imperium'а: они были и администраторами, и начальниками войскъ, и предсѣдателями въ комиціяхъ и въ сенатѣ, и судьями, и въ извѣстной мѣрѣ законодателями. Раздробленіе функцій консуловъ, происшедшее съ теченіемъ времени по мѣрѣ расширенія предѣловъ римской общины и усложненія правительственныхъ задачъ, не измѣнило общей постановки власти народныхъ избранниковъ: она попрежнему оставалась абсолютной.

Какъ ни ново было соединеніе въ рукахъ императора нѣсколькихъ магистратуръ одновременно, какъ ни необычна была передача ему ихъ въ пожизненное владѣніе, тѣмъ не менѣе онъ являлся магистратомъ римской республики, которая продолжала существовать и сохранять свои основныя учрежденія. Первое время даже комиціи продолжали функціонировать и, въ частности, попрежнему выбирали обычныхъ магистратовъ (консуловъ, квесторовъ, эдиловъ и т. п.), правда, подъ сильнымъ давленіемъ императора, указывавшаго имъ своихъ кандидатовъ. Уже послѣ Августа комиціи постепенно сходятъ со сцены, и ихъ функціи переходятъ къ сенату. Мы уже видѣли, какое значеніе имѣлъ теперь сенатъ, управлявшій цѣлымъ рядомъ провинцій и завѣдывавшій казной республики.

Это положеніе сената давало ученымъ нѣкоторое основаніе называть начальный періодъ имперіи эпохой діархіи. Строго говоря, едва ли можно признать это названіе правильнымъ: едва ли можно признать власть сената равной власти императора, на сторонѣ котораго была военная сила, дававшая ему полную возможность, при всемъ видимомъ уваженіи его къ республиканскимъ учрежденіямъ и, въ частности, къ сенату, весьма внушительно диктовать имъ свою волю. Тѣмъ не менѣе сенатъ продолжалъ сохранять большое значеніе въ республикѣ, и съ исчезновеніемъ комицій значеніе его еще увеличилось, въ особенности его законодательная роль, выражавшаяся въ правѣ издавать совмѣстно съ императоромъ законы

(leges). Не надо только думать, что сенатъ, являясь необходимымъ колесомъ государственной машины, представлялъ собою политическую силу на ряду съ императоромъ. Даже передавая въ силу издаваемаго имъ спеціальнаго lex regia de imperio тому или иному лицу императорскую власть—а это было правиломъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ существованія имперіи, когда императорская власть не была еще наслѣдственной (принципъ наслѣдственности не вполнѣ утвердился и впослѣдствіи)—,сенатъ отправлялъ лишь формальную функцію, давая юридическую санкцію факту, уже совершившемуся, и не по его въ концѣ-концовъ винѣ.

Такимъ образомъ, возникновеніе въ Римѣ императорской власти не разрушало на первыхъ порахъ старыхъ, республиканскихъ формъ. Императоръ являлся лишь однимъ изъ органовъ республики, являлся республиканскимъ магистратомъ, получавшимъ свою власть, подобно другимъ магистратамъ республики, путемъ делегаціи отъ народа. Была, правда, одна черта, рѣзко подчеркивавшая всю нереальность этой конструкціи, несмотря на то, что конструкція эта не была лишь теоретической формулой политической теоріи, а неукоснительно проводилась политической практикой имперіи. Мы разумѣемъ занесенный съ Востока культъ императора, возникшій въ Римѣ уже при Августѣ. Императору, особа котораго признается священной (augustus), воздвигаютъ алтари и приносятъ жертвы. Какъ ни различно могли понимать этотъ культъ люди, стоявшіе на разныхъ ступеняхъ культурнаго развитія (одни видѣли въ немъ поклоненіе божеству, генію императора, а не самому императору, другіе такихъ тонкостей не понимали и кланялись статуѣ императора, какъ и всѣмъ другимъ идоламъ), тѣмъ не менѣе существованіе этого культа, несомнѣнно, нарушаетъ цѣльность чисто республиканской конструкціи императорской власти и въ эпоху принципата и въ то же время вскрываетъ истинное положеніе императора какъ обладателя власти и могущества, для человѣка необычныхъ, власти чрезвычайной, затмевающей всякую земную власть. Религія перевела на свой языкъ и освятила культомъ политическій фактъ, представлявшій собою продуктъ и итогъ всей предшествующей исторіи Рима и вмѣстѣ съ тѣмъ отправную точку новаго политическаго развитія. До поры, до времени фактъ этотъ облекался въ старыя, традиціонныя, республиканскія формы, болѣе или менѣе удачно прилаживаясь къ старымъ политическимъ рамкамъ. Но по существу онъ былъ враждебенъ, рѣзко противорѣчилъ этимъ формамъ, и ему было тѣсно въ этихъ рамкахъ. Онъ символизировалъ новое соотношеніе общественныхъ силъ, совсѣмъ иное, чѣмъ то, которое нѣкогда создало эти формы и эти рамки, и долженъ былъ создать для себя

новыя формы и новыя рамки. Принципатъ постепенно сбрасывалъ съ себя республиканскій плащъ и перерождался въ чистую монархію и постепенно создавалъ цѣлую систему чисто монархическихъ органовъ и учрежденій. Но какъ далеко ни ушло политическое развитіе Рима въ этомъ направленіи, идея народнаго, республиканскаго происхожденія императорской власти продолжала теплиться, еле-еле мерцая, и среди полнаго расцвѣта глубоко рабскихъ чувствъ и чисто азіатскаго деспотизма.

III.

Процессъ постепеннаго превращенія принципата въ чистую монархію не будетъ предметомъ нашего разсмотрѣнія. Мы отмѣтимъ лишь конечный пунктъ его, императорскую власть въ эпоху Діоклетіана и Константина. Если Августъ съ крайней, можно сказать, щепетильностью относился ко всему, что напоминало бы о его чрезвычайномъ положеніи въ республикѣ,всѣми способами стараясь показать римскому народу, что онъ—всего лишь первый гражданинъ въ республикѣ, то Діоклетіанъ и Константинъ сознательно стремились создать совершенно противоположный порядокъ, считали необходимымъ поставить императора и съ внѣшней стороны неизмѣримо выше всѣхъ остальныхъ людей. Тогда какъ Августъ носилъ лишь лавровый вѣнокъ и пурпурный плащъ, на которые имѣлъ право всякій полководецъ республики, за свои побѣды удостоенный тріумфа, Діоклетіанъ и Константинъ облеклись въ усыпанное драгоцѣнными камнями пышное одѣяніе властителей Востока и голову украсили царской діадемой. Образцомъ послужилъ, несомнѣнно, персидскій дворъ. Отсюда заимствовали они и пышный придворный церемоніалъ, и теорію государственнаго права, по которой царь являлся собственникомъ всей земли своего царства и всѣхъ живущихъ на ней людей. Римскій императоръ съ этого времени уже не первый гражданинъ римскій республики, а *господинъ* римскаго народа, dominus, абсолютный владыка своихъ подданныхъ (subjecti), обязанныхъ безпрекословно повиноваться его велѣніямъ и чтить его какъ воплощеніе божества (praesens et corporalis deus). Удостоенный высокой чести лицезрѣнія своего монарха, подданный обязанъ былъ повергаться передъ нимъ во прахъ и благоговѣйно цѣловать край его одежды. Статуямъ императоровъ молились въ храмахъ и до Константина приносили имъ жертвы. Императора называли «твоя божественность» (numen tuum), и все, что ему принадлежало, считалось «божественнымъ», «небеснымъ», «святымъ»; не удивительно, что скоро всякое нарушеніе закона стали считать и называть святотатствомъ (sacrilegium).

Конечно, при такой постановкѣ императорской власти уже не могло быть и рѣчи о діархіи и въ томъ ограниченномъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ, какъ мы видѣли, могъ бы быть примѣненъ къ политическому строю Рима въ эпоху принципата. Къ этому времени процессъ постепеннаго образованія монархическихъ, чисто бюрократическихъ учрежденій и постепеннаго вытѣсненія ими республиканскихъ учрежденій, къ которымъ на первыхъ порахъ прилаживался по существу новый политическій порядокъ, сдѣлалъ уже огромные успѣхи, и реформы Діоклетіана (284—305) и Константина (306—337) способствовали его окончательному завершенію. Мы остановимся нѣсколько на этомъ процессѣ и сдѣлаемъ по возможности сжатый очеркъ римской правительственной системы, какъ она сложилась къ половинѣ четвертаго вѣка.

Пока римскія владѣнія не выходили за предѣлы Италіи, но уже обнимали весь Апеннинскій полуостровъ, органы управленія оставались тѣ же, какіе были въ республикѣ и прежде. Это станетъ для насъ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что Риму мало приходилось вмѣшиваться во внутреннюю жизнь организованныхъ въ большинствѣ случаевъ по его образу и подобію политическихъ общинъ, во главѣ которыхъ онъ стоялъ: была ли то римская или такъ называемая латинская колонія, или же на тѣхъ или иныхъ условіяхъ подчинявшаяся Риму союзная община, а то и просто подданическая община,—всѣ онѣ внутри своихъ стѣнъ и въ прилегающей къ городскому центру области пользовались въ сущности полной свободой самоуправленія.

Послѣ пуническихъ войнъ, когда Римъ пріобрѣлъ Сицилію и Сардинію съ Корсикой, а затѣмъ цѣлый рядъ другихъ провинцій, мало-по-малу охватившихъ все побережье Средиземнаго моря, римская правительственная машина поневолѣ должна была усложниться. И однако усложненіе это далеко не соотвѣтствовало новымъ условіямъ, въ которыя эти завоеванія поставили римское государство. И превратившись въ міровую державу, Римъ сохранялъ, какъ мы указывали это и раньше, свои старыя, разсчитанныя на совсѣмъ иныя условія политическія формы. Провинціи передавались преторамъ, а если въ провинціи приходилось вести тяжелую войну съ сосѣдями, то ихъ передавали консуламъ, и эти магистраты римской республики являлись здѣсь полновластными, неограниченными властителями, получая отъ римскаго народа на короткій, годовой, срокъ всю полноту его абсолютной власти надъ завоеванной областью. Они и предводительствовали военными силами республики, расположенными въ провинціи, и издавали обязательныя въ теченіе срока ихъ намѣстничества узаконенія, и творили судъ среди мѣстнаго насе-

ленія, и слѣдили за исправнымъ поступленіемъ податей, которыя провинціалы платили Риму. Срокъ ихъ полномочій очень часто продолжали на нѣсколько лѣтъ, и тогда они, переставая быть преторами и консулами въ собственномъ смыслѣ, становились и назывались замѣстителями преторовъ и консуловъ, *пропреторами* и *проконсулами* (pro praetore, pro consule). Съ эпохи Суллы, издавшаго повелѣніе, чтобы всѣ высшіе магистраты республики непремѣнно отбывали свою годичную службу въ самомъ Римѣ, уже не поручали провинцій дѣйствующимъ преторамъ и консуламъ, но посылали туда уже отбывшихъ свой срокъ магистратовъ этого ранга, только пропреторовъ и проконсуловъ, и названіе pro praetore и pro consule стало обычнымъ наименованіемъ намѣстника провинціи, а къ концу республики его просто стали называть проконсуломъ (pro consule), былъ ли онъ передъ этимъ дѣйствительно консуломъ республики или всего лишь ея преторомъ.

Проконсулъ отправлялся въ провинцію не одинъ, а съ цѣлымъ штатомъ помощниковъ въ видѣ квестора (quaestor pro praetore) для завѣдыванія финансами провинціи, назначавшагося, какъ и самъ проконсулъ, по жребію изъ числа сенаторовъ, и легатовъ (они были тоже изъ сенаторовъ), которымъ проконсулъ могъ давать самыя различныя порученія какъ судебнаго, такъ и административнаго характера и которые замѣщали его во время его отсутствія, и цѣлаго ряда лицъ (обыкновенно молодыхъ людей знатнѣйшихъ фамилій), которыя составляли его совѣтъ (consilium); кромѣ того, въ распоряженіи проконсула находился немалочисленный персоналъ его канцеляріи (officium), состоявшій изъ всякаго рода низшихъ служащихъ (писцовъ, переводчиковъ, архиваріусовъ и т. п., чиновниковъ въ собственномъ смыслѣ, обыкновенно изъ вольноотпущенныхъ, если не прямо изъ рабовъ).

Это была въ сущности, какъ видимъ, очень несложная система, которая могла бы поразить насъ своей очень ужъ большой простотой, если бы мы не знали, что въ провинціяхъ, какъ и въ самой Италіи, Римъ предоставлялъ самому населенію вѣдать свои внутреннія дѣла, и что провинціи, подобно самой Италіи, являлись совокупностью самоуправляющихся общинъ, обязанныхъ платить своему коллективному государю, римскому народу, дань деньгами или натурой и находившихся подъ верховной властью и надзоромъ его уполномоченныхъ, но сохранявшихъ свой внутренній строй и свободу дѣйствія въ своихъ мѣстныхъ дѣлахъ. Римская провинціальная администрація представляла собою всего лишь внѣшнюю надстройку надъ цѣлой сѣтью мѣстныхъ организаній автономныхъ общинъ, тѣмъ болѣе простую по своему составу, что такая важ-

ная и сложная отрасль управленія, какъ государственное хозяйство, какъ финансовая организація провинцій, вовсе, можно сказать, и не существовала для римскаго республиканскаго правительства, передававшаго, какъ мы знаемъ, сборъ податей, слѣдуемыхъ съ провинціаловъ, а также и всякаго рода другихъ поступавшихъ съ провинціи доходовъ, въ видѣ таможенныхъ, рыночныхъ и дорожныхъ пошлинъ и т. п., въ руки частныхъ предпринимателей, которые сами уже заботились и о самомъ сборѣ ихъ, и объ его организаціи.

Если провинціальная администрація республики мало вмѣшивалась во внутреннюю жизнь провинціальныхъ общинъ, то сама она подвергалась еще меньшему воздѣйствію со стороны центральнаго правительства, со стороны сената. Проконсулъ былъ, въ сущности, безконтрольнымъ вице-королемъ провинціи. Мы уже знаемъ, чѣмъ грозила провинціаламъ эта безконтрольность, соединенная съ крайне простымъ и совершенно откровеннымъ отношеніемъ проконсула къ своей краткосрочной должности какъ къ источнику самой скорой и самой неумѣренной наживы на счетъ населенія провинціи, которое не только не находило въ немъ защитника отъ безграничной алчности публикановъ, но видѣло въ немъ—и вполнѣ справедливо—ихъ вѣрнаго заступника и покровителя. Отсутствіемъ контроля надъ провинціальной администраціей обусловливалось и отсутствіе особаго правительственнаго органа, который бы объединялъ въ той или иной мѣрѣ дѣятельность отдѣльныхъ проконсуловъ. Такого центральнаго органа, который бы спеціально вѣдалъ провинціальную администрацію, римская республика не создала: это не было въ интересахъ правящаго класса республики; это являлось бы большимъ тормазомъ какъ для сенатской, такъ и для всадническої аристократіи въ ея чисто эксплоататорской политикѣ въ отношеніи къ провинціямъ, и не ея заботой было создавать такой органъ. Поверхностность (въ смыслѣ слабаго вмѣшательства во внутреннюю жизнь самоуправляющихся общинъ), безконтрольность и децентрализованность,—вотъ въ трехъ словахъ отличительныя особенности провинціальнаго управленія, унаслѣдованнаго имперіей отъ республиканской поры. Мы уже видѣли, какія условія создавались этимъ для провинціальнаго населенія. Являясь вполнѣ естественнымъ результатомъ политическаго господства земельной и денежной аристократіи, отождествившей себя съ римскимъ народомъ, такая система, въ свою очередь, создавала для милліоновъ подвластнаго римскому народу населенія условія, отрицавшія и эту систему, и весь создавшій ее республиканскій режимъ, и новая политическая форма, неизбѣжно шедшая на смѣну республикѣ, должна была

внести въ эту систему весьма существенныя поправки. И она внесла эти поправки и первые два вѣка своего существованія являлась для провинціаловъ синонимомъ мира и благополучія и предметомъ религіознаго поклоненія, и императорскій культъ получилъ самое широкое распространеніе.

Совершившееся при Августѣ дѣленіе провинцій на сенатскія и императорскія отдало подъ непосредственный контроль носителя новой власти цѣлый рядъ областей, намѣстники которыхъ до тѣхъ поръ не знали надъ собой никакого контроля. Но и сенатскія провинціи не остались подъ безконтрольнымъ владычествомъ проконсуловъ: и онѣ, какъ мы указывали въ своемъ мѣстѣ, были поставлены подъ весьма осязательный контроль императора; и ихъ намѣстники получали отъ него инструкціи и едва ли имѣли возможность имъ не повиноваться; и на нихъ распространилось истинное благодѣяніе, оказанное провинціальному населенію императорами первыхъ вѣковъ въ видѣ постепеннаго упраздненія откупной системы и передачи сбора провинціальныхъ податей въ руки администраціи; и въ нихъ намѣстникъ и его штатъ постепенно стали получать отъ правительства опредѣленное содержаніе вмѣсто того, чтобы жить на счетъ провинціальнаго населенія и при этомъ грабить его безъ всякаго милосердія. Тѣмъ не менѣе, какъ это само собою понятно, императорамъ удобнѣе и легче всего было начать реформу провинціальнаго управленія съ тѣхъ провинцій, которыя находились подъ ихъ непосредственной властью, которыми они управляли черезъ своихъ уполномоченныхъ, черезъ легатовъ (изъ сенаторовъ). Уже Августъ отнялъ у легатовъ завѣдываніе поступавшими съ провинціи сборами и передалъ ихъ особымъ должностнымъ лицамъ, *прокураторамъ* (procuratores), которыхъ онъ назначалъ изъ всадниковъ, а иногда и изъ своихъ вольноотпущенниковъ.

По рангу прокураторы были ниже легатовъ, но не были имъ подчинены, завися непосредственно отъ императора и сообщая ему нерѣдко многое такое, что выходило далеко за предѣлы ихъ вѣдомства и о чемъ онъ едва ли могъ узнать отъ самого легата. Прокураторовъ назначалъ императоръ и для управленія своими имѣніями какъ въ императорскихъ, такъ и въ сенатскихъ провинціяхъ. Прокураторы подолгу жили въ провинціяхъ и могли основательно познакомиться съ хозяйственными условіями данной провинціи, съ платежными силами ея населенія и съ техникой сбора налоговъ, и это сдѣлало для нихъ возможнымъ дѣйствительный контроль надъ публиканами, а потомъ и полное устраненіе ихъ отъ главныхъ по крайней мѣрѣ отраслей податного дѣла, что было совершенно невозможно для краткосрочныхъ магистратовъ, если бы даже это и

входило въ ихъ намѣренія. Въ прокураторахъ Римъ пріобрѣлъ настоящихъ чиновниковъ, ему еще не знакомыхъ. Появленіе ихъ отвѣчало весьма серьезной общественной потребности. И это нужно сказать не объ однихъ прокураторахъ, но и о цѣломъ рядѣ другихъ должностей, созданныхъ имперіей, чтобы внести порядокъ въ управленіе огромнымъ государствомъ и положить конецъ тому административному хаосу, который такимъ тяжелымъ кошмаромъ давилъ милліоны провинціальнаго населенія въ послѣдніе два вѣка республиканскаго режима. Но, постепенно развиваясь, созданная имперіей бюрократія сравнительно скоро вышла за предѣлы поставленной ей общественными потребностями задачи и изъ блага превратилась въ величайшее зло, въ злѣйшій бичъ общества и одинъ изъ источниковъ его погибели, совершенно утративъ всякую связь съ интересами общества, превратившись въ самодовлѣющую силу, въ своихъ собственныхъ, можно сказать, классовыхъ интересахъ поработившую общество и высасывавшую изъ него жизненные соки. Но это произошло уже тогда, когда и сама верховная власть забыла о тѣхъ задачахъ, которыя ее самое вызвали къ жизни, и сама превратилась въ самодовлѣющую силу, грозную своей организованностью не столько внѣшнимъ врагамъ общества, сколько ему самому,—явленіе, весьма нерѣдко встрѣчающееся въ исторіи человѣческихъ обществъ и представляющее поэтому серьезный соціологическій интересъ. Но не будемъ забѣгать впередъ.

Въ интересахъ центральной власти было по возможности ослабить силу и власть намѣстниковъ провинцій, и однимъ изъ средствъ къ этому являлось дробленіе провинцій. И мы видимъ, что уже съ самаго момента утвержденія имперіи императоры дробятъ провинціи, умножая такимъ образомъ ихъ число и дѣлая ихъ губернаторовъ болѣе доступными воздѣйствію и контролю изъ центра. Систематически провелъ эту мѣру Діоклетіанъ, распространивъ ее на всю имперію, почти каждую провинцію раздѣливъ на двѣ и даже на три части и приведя такимъ образомъ къ одинаковому ничтожеству всѣхъ намѣстниковъ и введя между ними строгое дѣленіе по рангамъ. Къ этому времени дѣленіе провинцій на сенатскія и императорскія уже исчезло, и всѣ онѣ въ одинаковой мѣрѣ были подчинены императору и въ одинаковой мѣрѣ находились подъ контролемъ уже къ этому времени возникшей, а при Діоклетіанѣ и Константинѣ почти окончательно сложившейся цѣлой системы центральнаго управленія и подчиненныхъ ей промежуточныхъ инстанцій; и намѣстники ихъ уже перестали различаться какъ сенатскіе избранники и какъ уполномоченные императора, и если между ними и были различія, то лишь какъ между должностными лица-

ми, занимающими неодинаковыя положенія въ выработавшейся уже сложной табели о рангахъ (одни изъ нихъ носили титулъ pro consule, другіе—consulares, иные—correctores, а иные—praesides). Что касается тѣхъ административныхъ органовъ, которымъ всѣ они были подчинены, то возникли они и развились слѣдующимъ образомъ.

Императорская гвардія (такъ называемые преторіанцы) находилась подъ начальствомъ особаго командира, такъ называемаго *префекта преторія* (praefectus praetorio). Иногда мы встрѣчаемъ двухъ префектовъ преторія. Очень скоро этотъ чисто военный сановникъ сталъ играть огромную роль въ управленіи государствомъ (въ чемъ нельзя не видѣть слѣдствія тѣснѣйшей связи императорской власти съ военной силой). Сначала императоръ поручалъ ему тѣ или иныя изъ той массы дѣлъ, которыя лежали лично на императорѣ. Чаще всего онъ передавалъ ему рѣшеніе дѣлъ по апелляціямъ, шедшимъ изъ всѣхъ провинцій (отъ лицъ, недовольныхъ рѣшеніями намѣстниковъ), но нерѣдко и рѣшеніе дѣлъ въ первой инстанціи. При мало дѣятельныхъ императорахъ префекту приходилось очень многое дѣлать за нихъ, становиться замѣстителемъ императора, фактическимъ правителемъ государства (какимъ былъ, напримѣръ, при Тиберіи извѣстный Сеянъ). Мало-по-малу префектъ преторія превратился въ постояннаго апелляціоннаго судью; соединенныя съ этимъ положеніемъ обязанности такъ разрослись, что оттѣснили на задній планъ военную роль префекта, и на эту должность стали назначать лицъ прежде всего съ хорошей юридической подготовкой, нерѣдко знаменитыхъ юристовъ (префектами преторія были такіе юристы, какъ Папиніанъ, Ульпіанъ и Павелъ). Естественно, что, обладая такой обширной и разносторонней властью, префектъ преторія долженъ былъ оказывать вліяніе на всѣ стороны управленія и, въ частности, являлся промежуточной инстанціей между императоромъ и намѣстниками провинцій, могъ контролировать ихъ дѣятельность, давать имъ инструкціи и съ согласія императора смѣщать ихъ, если они не стояли на высотѣ призванія.

Діоклетіанъ, раздѣливъ имперію на четыре части между двумя августами и двумя цезарями, создалъ и четыре префектуры, т.-е. четыре должности префекта, по одной въ каждой изъ четырехъ частей. Каждый изъ префектовъ продолжалъ еще при немъ совмѣщать въ своихъ рукахъ гражданскую и военную власть. Если была война въ данной части имперіи и необходимо было раздѣлить армію, то одною частью арміи командовалъ августъ или цезарь, а другой—префектъ. Префектъ же заботился о провольствованіи войска, и это было причиной, почему именно къ нему перешла администрація натуральныхъ поступленій, введенныхъ, какъ потомъ увидимъ, Діоклетіаномъ на

всемъ протяженіи имперіи. Ежегодно префектъ разсылалъ намѣстникамъ провинцій приказы, въ которыхъ было точно обозначено, сколько хлѣба (зернового), вина, свинины, желѣза, платья, лошадей и т. п. каждый изъ нихъ долженъ взыскать съ населенія провинціи, и куда, въ какое складочное мѣсто онъ долженъ все это отправить; устройство такихъ складочныхъ мѣстъ, такихъ запасныхъ магазиновъ также лежало на префектѣ. Въ концѣ-концовъ префектъ превратился въ контролера провинціальной администраціи на всемъ протяженіи территоріи данной части имперіи.

Для того, чтобы контроль этотъ былъ еще дѣйствительнѣе, Діоклетіанъ раздѣлилъ всю имперію еще на тринадцать *діоцезовъ* (въ теченіе четвертаго вѣка число ихъ увеличилось до пятнадцати) и во главѣ каждаго діоцеза поставилъ *викарія*, т.-е. замѣстителя префекта (vicarius praefectorum praetorio), съ точно такими же обязанностями въ предѣлахъ своего діоцеза, какія были и у префекта. Несомнѣнно, контроль, который могъ осуществлять викарій надъ губернаторами какихъ-нибудь 5—10 входившихъ въ его діоцезъ провинцій (къ тому же доведенныхъ Діоклетіаномъ до возможно малыхъ размѣровъ), былъ гораздо дѣйствительнѣе, чѣмъ тотъ, какой былъ возможенъ для префекта, имѣвшаго дѣло съ четвертою частью огромной имперіи. Оригинально въ постановкѣ власти викарія было то, что викарій въ сущности не былъ подчиненъ префекту, что его власть конкурировала съ властью префекта, и апелляція отъ его суда шла не къ префекту, а къ самому императору. Этимъ создавалась почва для взаимнаго подсиживанья и доносовъ, что далеко не шло въ разрѣзъ съ интересами той инстанціи, куда этого рода документы направлялись.

Къ эпохѣ Діоклетіана, какъ увидимъ впослѣдствіи, варваризація римской арміи сдѣлала настолько значительные успѣхи, что контингентъ людей, настолько образованныхъ, чтобы быть въ состояніи совмѣщать военныя функціи съ функціями судьи и администратора, становился все болѣе и болѣе малочисленнымъ, и являлась потребность раздѣлить функціи намѣстника провинціи между нѣсколькими лицами. Примѣры (правда, рѣдкіе) такого раздѣленія встрѣчались уже въ третьемъ вѣкѣ, когда въ случаяхъ крайней опасности на ряду съ легатами назначали особыхъ полководцевъ, duces, и ставили ихъ въ совершенно независимое отъ легата положеніе. Діоклетіанъ возвелъ это въ систему и во всѣхъ провинціяхъ, въ которыхъ постоянно стояло войско (на границахъ имперіи), учредилъ должность отдѣльнаго военнаго начальника, носившаго названіе *dux* (а съ Константина и *comes rei militaris*). Въ интересахъ своей собственной власти Діоклетіанъ создалъ между намѣстникомъ такой провинціи и

начальникомъ ея военныхъ силъ (dux) весьма тѣсную взаимную зависимость: въ дѣлѣ продовольствованія своихъ войскъ dux зависѣлъ всецѣло отъ намѣстника, завѣдывавшаго натуральными поступленіями провинціи, шедшими и на содержаніе войска; зато въ дѣлѣ обороны провинціи отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ безъ содѣйствія военнаго начальника намѣстникъ былъ совершенно безсиленъ; въ результатѣ—постоянныя столкновенія этихъ двухъ властей провинціи и взаимныя жалобы императору, безпокойныя, конечно, но вполнѣ успокаивавшія его на счетъ возможности какихъ бы то ни было честолюбивыхъ поползновеній со стороны военнаго главы провинціи.

Константинъ отнялъ военную власть и у префектовъ, и главное командованіе военными силами было передано имъ въ каждой изъ четырехъ частей, на которыя была раздѣлена Діоклетіаномъ имперія, двумъ comites, изъ которыхъ одинъ командовалъ конницей и носилъ титулъ *comes et magister equitum*, а другой—пѣхотой и именовался *comes et magister peditum*, при чемъ каждый изъ нихъ вполнѣ зависѣлъ, что касается продовольствованія войска, отъ префекта; съ теченіемъ времени каждый изъ этихъ comites сталъ командовать и пѣхотой, и конницей одновременно и сталъ называться *magister equitum et peditum* или *magister utriusque militiae*, а то и просто *magister militum*. Придуманная Діоклетіаномъ крайне искусственная система раздѣленія и перехода власти между августами и цезарями уже при Константинѣ прекратила свое существованіе, но удержалось произведенное имъ при этомъ раздѣленіе всей имперіи на четыре части съ подраздѣленіемъ ихъ на діоцезы съ викаріями во главѣ; только теперь, когда власть опять перешла въ руки единаго императора, во главѣ каждой изъ четырехъ частей остались одни префекты, и части эти стали называться *префектурами*. Это были: Востокъ (т.-е. Ѳракія, Азія и Египетъ), Иллирія (собственная Иллирія, Дакія, Македонія, Греція), Италія (собственная Италія, западная Иллирія и Африка) и Галлія (собственная Галлія, Испанія, Британія и Мавретанія).

Въ то время, какъ въ такомъ видѣ складывалась областная администрація имперіи, постепенно создавались органы и центральной администраціи, напоминающіе наши министерства, съ огромной массой служебнаго персонала, распредѣленнаго по разнаго рода канцеляріямъ.

Отправной точкой этого развитія послужилъ *совѣтъ* (consilium), состоявшій при principe'ѣ, какъ и при всякомъ магистратѣ съ судебной властью (мы уже видѣли по существу такой же consilium при проконсулѣ). Вначалѣ, при Августѣ, въ составъ его входили

сенаторы (числомъ 15) по жребію, консулы и членъ низшихъ коллегій должностныхъ лицъ, а также лица, пользовавшіяся личнымъ довѣріемъ императора. Съ теченіемъ времени императоры стали приглашать въ свой совѣтъ, кого имъ было угодно. Діоклетіанъ переименовалъ совѣтъ въ *consistorium*, требуя, чтобы подававшіе свое мнѣніе члены совѣта вставали передъ императоромъ, уже ставшимъ равнымъ богамъ. При Константинѣ участіе въ совѣтѣ перестало быть удѣломъ приглашаемыхъ въ каждое засѣданіе все новыхъ лицъ и превратилось въ должность. Эти совѣтники императора стали называться *comites*, и должность ихъ, comitiva, была не пожизненной, а краткосрочной (иногда годовой). Съ ними императоръ совѣщался по самымъ разнообразнымъ дѣламъ и распредѣлялъ между ними самыя различныя отрасли правительственной дѣятельности: одному онъ поручалъ выработку новыхъ законопроектовъ и распоряженій, и онъ сталъ потомъ называться *comes et quaestor sacri palatii* или просто *quaestor;* другому онъ поручалъ управленіе своими домэнами и имуществами, поступавшими императору путемъ конфискацій и наслѣдственнымъ путемъ, и онъ сталъ впослѣдстіи называться *comes rerum privatarum;* еще одному поручалось наблюденіе за денежной наличностью казначейства (къ этому времени фискъ и эрарій уже слились), и онъ получилъ потомъ титулъ *comes sacrarum largitionum* (эти «священныя щедроты» потому фигурируютъ въ его титулѣ, что онъ долженъ былъ между прочимъ и выдавать обычные подарки солдатамъ).

Такъ мало-помалу были намѣчены главные органы центральнаго управленія, соотвѣтствующіе нашимъ министерствамъ, при чемъ *квѣсторъ священнаго дворца* превратился какъ бы въ перваго министра, *comes rerum privatarum* —въ министра удѣловъ, *comes sacrarum largitionum*—въ министра финансовъ. Къ нимъ нужно еще прибавить министра внутреннихъ дѣлъ, совмѣщавшаго въ своей особѣ и министра двора, и министра иностранныхъ дѣлъ, и главноуправляющаго всѣхъ центральныхъ канцелярій (officia, scrinia); это былъ такъ называемый *magister officiorum*. Подъ его полицейскимъ надзоромъ находилась и вся провинціальная администрація, и надзоръ этотъ онъ осуществлялъ съ помощью цѣлой сѣти шпіоновъ, такъ называемыхъ *agentes in rebus* или *curiosi*. Эти agentes in rebus первоначально были посланцами, отправлявшимися въ провинціи со спѣшными депешами и пользовавшимися для этого лошадьми императорской почты; иногда имъ передавали администрацію почтоваго дѣла въ той или иной провинціи. Съ теченіемъ времени они превратились въ вездѣсущихъ шпіоновъ, имѣвшихъ, помимо общаго надзора, еще и спеціальную миссію слѣдить за викаріями и за намѣстниками провин-

ціи. Карьера agentes in rebus завершалась назначеніемъ ихъ главами находившихся при каждомъ провинціальномъ сановникѣ канцелярій, *officia*, которыя не только должны были являться исполнительными органами сановника, но и органами надзора за сановниками со стороны центральнаго правительства; и нужно думать, что поставленный во главѣ канцеляріи заслуженный профессіональный соглядатай вполнѣ обезпечивалъ добросовѣстное исполненіе канцеляріей этой послѣдней ея роли.

Что касается служебнаго персонала всѣхъ этихъ все болѣе и болѣе размножавшихся канцелярій, то первоначально даже при дворѣ императора (какъ и при дворѣ всякаго крупнаго магната республиканской и императорской эпохи) онъ состоялъ изъ вольноотпущенниковъ и рабовъ. Постепенно, по мѣрѣ развитія монархическихъ формъ и монархическихъ понятій, оттѣснявшихъ все болѣе и болѣе общественныя понятія республиканской поры, служба въ канцеляріяхъ, представлявшихъ собою органы, черезъ посредство которыхъ правилъ міромъ всемогущій его владыка, равный богамъ по силѣ и святости, не только перестала быть унизительной для свободорожденнаго римскаго гражданина, но становилась источникомъ общественнаго почета и вліянія, и уже съ Діоклетіана установился принципъ, что самый фактъ поступленія на службу къ священной особѣ императора давалъ полную свободу тому, кто ея не имѣлъ передъ этимъ; но уже и до Діоклетіана на службу къ императорамъ поступало не мало людей даже всаднической сословія. Служба въ императорскихъ officia стала открывать дорогу въ сословіе всадниковъ и въ сенатъ, и не удивительно, что въ эти канцеляріи устремляется масса искателей почестей и привилегій, и они всегда находятъ тамъ для себя мѣста, потому что число канцелярій все увеличивается по мѣрѣ того, какъ управленіе принимаетъ все болѣе и болѣе бюрократическій характеръ и въ интересахъ контроля надъ правительственными лицами и учрежденіями безъ конца умножаетъ число должностей и канцелярій. Вырабатывается чрезвычайно сложная іерархическая система, появляется весьма пестрая табель о рангахъ, самымъ точнымъ и пунктуальнымъ способомъ опредѣлявшая каждому служащему его мѣсто на лѣстницѣ титуловъ и чиновъ, отъ самаго мелкаго чиновника провинціальной канцеляріи до *clarissimi*, *spectabiles* и *illustres* правительственныхъ верховъ.

Все это до невѣроятныхъ размѣровъ разросшееся чиновничество требовало отъ государства огромныхъ средствъ для своего содержанія, и лежавшее на народѣ налоговое бремя становилось все тяжелѣе и невыносимѣе. Но народу приходилось не только платить казнѣ на содержаніе бюрократіи. Онъ принужденъ былъ отдавать часто по-

слѣднее и непосредственно въ руки самихъ чиновниковъ: взяточничество, а то и прямой грабежъ населенія, сопровождаемый самыми возмутительными насиліями, отличали римскую бюрократію послѣднихъ вѣковъ имперіи не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ ея погоня за титулами и привилегіями и ея безграничное неуваженіе ко всякому праву и закону.

IV.

Познакомившись съ внѣшнимъ механизмомъ управленія, постепенно сложившимся въ Римской имперіи, мы обратимся къ тѣмъ матеріальнымъ средствамъ, которыми располагало правительство имперіи для содержанія своихъ органовъ и для выполненія ими тѣхъ задачъ, которыя ставила передъ ними все усложнявшаяся государственность. Правительственныя средства носятъ весьма различный характеръ въ зависимости отъ общаго характера хозяйственной жизни даннаго общества въ данный моментъ его существованія и въ свою очередь, въ ряду другихъ факторовъ, опредѣляютъ самую физіономію государства какъ политической организаціи общества. Эта истина не разъ обнаружится передъ нами во всей своей жизненной конкретности въ дальнѣйшемъ ходѣ нашего изложенія, и намъ не разъ придется убѣждаться, какую важную роль играетъ организація правительственныхъ средствъ, то, что называется государственнымъ хозяйствомъ, въ эволюціи какъ самого государства, такъ и общества, которое въ свою очередь испытываетъ на себѣ нерѣдко во многихъ отношеніяхъ опредѣляющее воздѣйствіе государственнаго хозяйства, нерѣдко вызывающее глубокія перемѣны въ хозяйственномъ и даже въ соціальномъ строѣ общества и отражающееся на его духовной жизни. Въ частности Римская имперія представляетъ въ этомъ отношеніи много чрезвычайно поучительнаго.

Въ эпоху царей и въ первые вѣка республики едва ли могла быть рѣчь о государственномъ хозяйствѣ въ истинномъ смыслѣ этого слова: тогдашнее правительство почти-что не нуждалось въ особыхъ правительственныхъ средствахъ, такъ какъ само общество или отдѣльные его представители на собственный счетъ отправляли несложныя функціи управленія, суда и внѣшней защиты. Республиканскіе магистраты, какъ извѣстно, несли свою службу безвозмездно, а находившійся въ ихъ распоряженіи персоналъ низшихъ служащихъ могъ состоять изъ ихъ кліэнтовъ, жившихъ на ихъ счетъ. Постояннаго войска тогда не было, и всякій гражданинъ во время войны обязанъ былъ нести военную повинность, разъ у него были необходимыя для этого средства, извлекаемыя имъ изъ его земельнаго надѣла; а у кого была земля, но самъ онъ не былъ въ со-

стояніи нести эту натуральную государственную повинность (вдовы, старики, дѣти), тотъ давалъ средства для содержанія во время войны восемнадцати сотенъ конницы. Потребности общественнаго культа удовлетворялись изъ доходовъ съ спеціально для этой цѣли предназначенныхъ государственныхъ земель, сдававшихся въ аренду каждыя пять лѣтъ публиканамъ; публиканы брали на себя и поставку необходимыхъ для культа предметовъ. Общественныя сооруженія воздвигались руками самихъ гражданъ или ихъ рабовъ. Какіе могли быть экстренные расходы, они покрывались изъ военной добычи и изъ судебныхъ штрафовъ и пошлинъ. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгали къ обложенію гражданъ, къ прямому налогу на имущество гражданъ; но къ этому средству стали обращаться въ сравнительно болѣе позднее время, когда отношенія осложнились, и, въ частности, войны изъ мелкихъ кратковременныхъ столкновеній съ ближайшими сосѣдями превратились въ сравнительно долгосрочные походы, требовавшіе отъ участвовавшихъ въ нихъ гражданъ такихъ средствъ, которыми они лично не располагали, и потому вызывавшіе необходимость содержать находящееся въ походѣ ополченіе на общественный счетъ. Первымъ постояннымъ налогомъ былъ введенный въ половинѣ IV вѣка до Р. Хр. (353 г.) налогъ на освобожденіе рабовъ, такъ назыв. *vicesima libertatis,* и онъ взимался въ размѣрѣ 5%, т.-е. 20-й части стоимости раба. Съ развитіемъ въ Римѣ торговли появляются таможенные сборы (portoria), которые, какъ и vicesima libertatis, отдавались на откупъ публиканамъ.

Когда римскія завоеванія перешли за границы Италіи, и къ владѣніямъ римскаго народа одна за другой стали присоединяться провинціи, какъ его «помѣстья» (praedia populi romani), государственные доходы Рима неизмѣримо увеличились. Провинціалы должны были платить завоевателямъ,—оставившимъ имъ жизнь и пользованіе землею (possessio), превратившейся въ государственную собственность Рима, въ ager publicus,—и поголовную, и поземельную подать (точнѣе: дань) (*stipendium*, *tributum*).

Для того, чтобы сколько-нибудь правильно поставить дѣло взиманія этихъ податей, правительство должно было отъ времени до времени производить *ценз* въ провинціяхъ, т.-е. опредѣлять число ихъ жителей и цѣнность ихъ земельныхъ владѣній. Первоначально ценз этотъ производился каждыя пять лѣтъ, но, начиная со II вѣка послѣ Р. Х., пятилѣтній срокъ между каждыми двумя переписными годами былъ замѣненъ пятнадцатилѣтнимъ. Производство ценза въ каждой провинціи поручалось сначала губернатору провинціи, а потомъ прокураторамъ и дававшимся имъ въ помощь такъ называемымъ censitores. Но прокураторы, какъ и ихъ помощники, сами ценза

не производили, а лишь контролировали результаты оцѣнки, производившейся внутри каждаго городского округа его выборными должностными лицами, контролировали составлявшіеся этими муниципальными магистратами списки, такъ называемые *libri censuales* (впослѣдствіи ихъ стали называть *polyptika*).

До насъ дошла составленная въ эпоху Северовъ общая формула, которой руководствовались муниципальныя власти при производствѣ переписи, собственно поземельнаго кадастра, такъ называемая *forma censualis* (она сохранилась въ Дигестахъ). Нужно замѣтить, что кадастръ составлялся на основаніи самооцѣнки, т.-е. каждый землевладѣлецъ долженъ былъ сообщать о своей землѣ необходимыя данныя (и эти его показанія назывались professio), точныя и обстоятельныя. Онъ долженъ былъ назвать имя городского округа и его подраздѣленія, въ предѣлахъ котораго его земля находилась, и имена пользователей его земли, а затѣмъ сообщить всѣ данныя, необходимыя для того, чтобы его владѣніе могло быть занесено подъ какую-либо изъ слѣдующихъ рубрикъ: 1) пахотная земля (съ точнымъ указаніемъ числа югеровъ), 2) виноградники (съ указаніемъ числа лозъ), 3) оливки (съ указаніемъ числа югеровъ и деревьевъ), 4) луга (съ указаніемъ числа югеровъ), 5) лѣса (съ тѣмъ же указаніемъ), 6) рыбныя ловли, 7) солончаки.

Не только составленіе податныхъ списковъ, дававшее возможность опредѣлить общую сумму подати, лежавшей на каждомъ данномъ городскомъ округѣ, но и распредѣленіе податной суммы между отдѣльными лицами каждаго даннаго городского округа и сборъ ея лежали на городскихъ властяхъ; на нихъ же была возложена и отвѣтственность за правильное поступленіе въ казну лежавшей на округѣ податной суммы, именно на сравнительно небольшую группу изъ состава муниципальнаго сената (куріи), на такъ называемыхъ *decemprimi*, самыхъ состоятельныхъ, почтенныхъ и вліятельныхъ членовъ куріи, которые и должны были возмѣщать изъ собственныхъ средствъ случавшіяся при сборѣ недоимки; имъ какъ бы отдавалась на откупъ слѣдуемая съ ихъ городского округа податная сумма, и въ этомъ отношеніи группа decemprimi уподоблялась компаніи публикановъ (societas publicanorum).

Повидимому, такимъ способомъ правительство повсемѣстно взимало поголовную подать, а также и поземельную, поскольку эта послѣдняя уплачивалась деньгами, что́ было далеко не повсемѣстнымъ явленіемъ. Для снабженія столицы хлѣбомъ, а также для продажи его, въ силу lex frumentaria Гая Гракха, по дешевой цѣнѣ бѣдному населенію столицы (продажа эта превратилась потомъ въ даровую раздачу) правительство нуждалось въ большомъ количествѣ зернового хлѣба,

и въ виду этого нѣкоторыя провинціи платили свою земельную дань не деньгами, а зерномъ, въ видѣ опредѣленной доли урожая (Сицилія платила $^1/_{10}$, Египетъ и Африка—$^1/_5$, другія провинціи—$^1/_7$). Сборъ этой подати, какъ общее правило, находился всецѣло въ рукахъ публикановъ. Правда, иногда городскимъ властямъ удавалось взять въ свои руки сборъ и этихъ натуральныхъ взносовъ; онѣ даже не жалѣли денегъ на отступное, лишь бы только избавиться отъ безграничныхъ вымогательствъ и притѣсненій со стороны публикановъ. Но все же въ республиканскую эпоху это были скорѣе счастливыя исключенія, чѣмъ факты повседневной жизни: правящая аристократія республики имѣла много основаній не идти наперекоръ интересамъ крупныхъ капиталистовъ и предоставляла имъ полную свободу дѣйствій. Положеніе измѣнилось съ утвержденіемъ императорскаго режима. Мы уже знаемъ, что съ этого времени откупная система или вовсе была постепенно уничтожена, или же переродилась въ нѣчто, хоть въ извѣстной мѣрѣ совмѣстимое съ болѣе или менѣе благоустроеннымъ государственнымъ порядкомъ. Съ этого времени и натуральные сборы, о которыхъ только что была рѣчь, постепенно выскользаютъ изъ рукъ публикановъ и окончательно переходятъ въ руки муниципальныхъ властей, и то, что было исключеніемъ, становится общимъ правиломъ; прибавимъ къ этому, что въ большинствѣ провинцій натуральные сборы были переведены на деньги, а гдѣ они остались (въ Африкѣ, въ Египтѣ), тамъ они были фиксированы въ видѣ постояннаго, опредѣленнаго для каждой провинціи количества мѣръ зерна.

О косвенныхъ налогахъ (ихъ платили какъ провинціалы, такъ и жители Италіи, и назывались они *vectigalia*) мы уже упоминали, говоря о пошлинѣ при отпускѣ на волю рабовъ (vicesima libertatis) и о таможенныхъ пошлинахъ (*portoria*). Что касается этихъ послѣднихъ, то, взимая ихъ (для этого вся страна была раздѣлена на девять таможенныхъ округовъ), правительство преслѣдовало непосредственно фискальныя цѣли, вовсе, повидимому, чуждое идеѣ протекціонизма, покровительства внутренней промышленности. Къ числу vectigalia принадлежалъ введенный Августомъ налогъ на наслѣдства холостяковъ (*vicesima hereditatium*), переходившія въ руки не родственниковъ, а также имъ же введенный налогъ на продажу (*centesima rerum venalium*) и налогъ спеціально на продажу рабовъ (*quinta et vicesima venalium mancipiorum*). Остается указать на *монополіи и регаліи*, существовавшія еще съ эпохи республики и получившія дальнѣйшее развитіе въ эпоху имперіи. Это была *соляная регалія*, исключительное право *эксплоатаціи рудниковъ* и *право чеканить монету*. Это послѣднее право

въ эпоху имперіи явилось источникомъ весьма серьезныхъ и крайне тягостныхъ для народа хозяйственныхъ пертурбацій, приведшихъ, въ ряду другихъ причинъ, къ коренной реорганизаціи всей податной системы имперіи и въ концѣ-концовъ и къ перестройкѣ всего римскаго общества на совсѣмъ новыхъ началахъ. Мы имѣемъ въ виду очень часто практиковавшуюся императорами порчу монеты, благодаря которой реальная стоимость монетныхъ знаковъ, а слѣдовательно, и собираемыхъ въ деньгахъ налоговъ, понизилась до крайнихъ предѣловъ и тѣмъ съ своей стороны вызвала необходимость реформы всего податного дѣла, чтобы не оставались безъ удовлетворенія безмѣрно возраставшія фискальныя нужды. Но, прежде чѣмъ заняться характеристикой предпринятой Діоклетіаномъ податной реформы, имѣвшей въ виду интересы государственнаго казначейства (aerarium и fiscus къ этому времени давно уже слились), скажемъ нѣсколько словъ объ императорскихъ домэнахъ и о частномъ имуществѣ императора.

Въ моментъ утвержденія въ Римѣ принципата на ряду съ эраріемъ (aerarium) и фискомъ существовала еще особая организація для завѣдыванія частнымъ имуществомъ императора, его такъ называемымъ *патримоніемъ* (*patrimonium principis*). Уже Августъ былъ крупнѣйшимъ землевладѣльцемъ имперіи, а при его преемникахъ императорскія помѣстья всѣми правдами и неправдами умножились, разбросанныя по всѣмъ частямъ государства и требуя для завѣдыванія ими немалаго числа всякаго рода низшихъ и высшихъ служащихъ, такъ называемыхъ прокураторовъ (procuratores) и ихъ подчиненныхъ, съ *procurator patrimonii* во главѣ. Съ Септимія Севера (193—211) рядомъ съ patrimonium principis (т.-е. рядомъ съ удѣльными имѣніями и удѣльнымъ управленіемъ) появляется, въ результатѣ естественной дифференціаціи, постоянно совершавшейся въ управленіи патримоніемъ, особое вѣдомство императорскихъ домэновъ, принадлежавшихъ императору не какъ частному лицу (что можно сказать о patrimonium principis), а какъ императору, главѣ государства, т.-е. домэновъ короны, появляется такъ называемая *res privata* подъ управленіемъ особаго сановника, такъ называемаго *procurator rationis privatae*. Въ составъ res privata входили имѣнія, попавшія въ руки императора путемъ конфискацій за преступленія, по завѣщаніямъ, по дарственнымъ, въ результатѣ секуляризаціи помѣстій языческихъ храмовъ и т. п. Окончательно сложилась организація какъ удѣльнаго управленія, такъ и управленія домэнами уже въ четвертомъ вѣкѣ, и къ этому времени изъ общаго управленія домэнами выдѣляется особое управленіе, завѣдующее имѣніями, спеціально предназначенными на содержаніе императорскаго двора, такъ называе-

мыми *praedia domus divinae;* главноуправляющимъ этими дворцовыми имѣніями является особый *comes domorum*, тогда какъ во главѣ общаго управленія домэнами стоитъ *comes reî privatae* или *comes rerum privatarum,* равный по рангу тогдашнему министру финансовъ, извѣстному уже намъ comes sacrarum largitionum, а во главѣ удѣльнаго управленія (завѣдующаго *fundi patrimoniales*, иначе *sacrum patrimonium*)—особый *comes patrimonii.*

Переходимъ къ податной реформѣ.

Еще до Діоклетіана въ тѣхъ случаяхъ, когда почему-либо не хватало столицѣ (и нѣкоторымъ другимъ городамъ Италіи) хлѣба, который въ видѣ подати поставляли Египетъ и Африка, императоры обращались въ другія провинціи съ приказомъ прислать въ Римъ необходимое количество хлѣба въ видѣ экстренной прибавки къ ихъ обычнымъ (денежнымъ) податямъ. Назначеніе такихъ экстренныхъ натуральныхъ взносовъ называлось *indictio*, а сама эта экстренная подать называлась *annona*, такъ какъ она служила для annona urbis, т.-е. для снабженія хлѣбомъ столицы. Особенно часто стали прибѣгать къ этимъ натуральнымъ взносамъ съ конца II вѣка (послѣ Р. Х.), въ эпоху анархіи, наступившей въ результатѣ борьбы узурпаторовъ. Въ это же время въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практиковалась самая неумѣренная порча монеты, что крайне понижало покупательную стоимость денежныхъ податей и съ своей стороны учащало случаи indictiones, т.-е. назначенія и требованія натуральныхъ взносовъ.

Политическій кризисъ, тянувшійся весь третій вѣкъ, подорвалъ основы укрѣпившагося было въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ широкаго политическаго порядка, а въ то же время произвелъ и сильнѣйшій хозяйственный разгромъ имперіи, подкопавъ основы той широкой *народнохозяйственной* (въ бюхеровскомъ смыслѣ) жизни, которая расцвѣла было подъ сѣнью широкой политической организаціи имперіи, и далъ ей сильный толчокъ назадъ, къ болѣе узкимъ и элементарнымъ формамъ. Этотъ крупный фактъ нужно прежде всего имѣть въ виду, когда мы хотимъ понять во всемъ ея значеніи податную реформу Діоклетіана. Уже до Діоклетіана начался поворотъ къ натуральному государственному хозяйству (естественный результатъ поворота къ натуральному общественному хозяйству). Уже до него жалованье войску стали платить почти исключительно натурой, выдавая солдату необходимое для него и для его семьи количество продуктовъ, а также платье и оружіе; а если при этомъ онъ получалъ еще и деньги, то, благодаря часто практиковавшемуся ухудшенію монеты, реальная стоимость этихъ денегъ равнялась уже почти нулю. Діоклетіану оставалось лишь урегулировать эту систему вознагражденія.

Для удовлетворенія потребностей солдата въ средствахъ къ существованію въ теченіе года была установлена опредѣленная норма, однообразная мѣра, носившая названіе *annona* и заключавшая въ себѣ опредѣленное количество зернового или печенаго хлѣба, свинины и телятины, соли, вина, оливковаго масла и уксуса. Поднимаясь на высшую ступень служебной лѣстницы, солдатъ получалъ двѣ annonae. И офицеры получали annonae, при чемъ число annonae варіировало сообразно рангу. Была установлена норма и для годового содержанія лошади и носила названіе *caput*. Уже при Діоклетіанѣ (если не раньше еще) получали содержаніе натурой и гражданскіе чиновники. Содержаніе ихъ состояло изъ опредѣленнаго числа annonae и capita, затѣмъ изъ платья, должности присвоеннаго, а также изъ цѣлаго ряда предметовъ, необходимыхъ для даннаго должностного лица, чтобы оно могло вести жизнь, приличествующую его положенію и рангу, до серебряной посуды, рабовъ и наложницъ включительно; нѣкоторые изъ этихъ предметовъ чиновникъ долженъ былъ возвращать, выходя въ отставку, другіе оставались его полной собственностью. Только болѣе важные чиновники получали еще и деньги.

Производя общую реформу государственнаго строя имперіи, расшатаннаго цѣлымъ вѣкомъ анархіи, Діоклетіанъ въ очень сильной мѣрѣ увеличилъ численность войска и въ не меньшей мѣрѣ умножилъ бюрократію. Все это требовало огромныхъ средствъ, которыя должны были быть немедленно извлечены изъ населенія. Естественно, что, приступая къ нетерпѣвшей въ виду этого никакого отлагательства реорганизаціи податного дѣла, Діоклетіанъ долженъ былъ отправляться отъ наличныхъ хозяйственныхъ условій, которыя, какъ мы только что видѣли, уже опредѣлили форму необходимыхъ для государства правительственныхъ средствъ. Если до сихъ поръ indictiones, несмотря на то, что къ нимъ очень часто прибѣгали, все еще сохраняли характеръ экстренной мѣры, то теперь Діоклетіанъ сдѣлалъ ихъ центральнымъ пунктомъ и основой всей податной системы имперіи, оттѣснивъ совсѣмъ на задній планъ прежнюю систему. Если прежде поземельную подать платили одни провинціалы, то теперь, когда всѣ свободные жители римскаго государства давно уже стали римскими гражданами, уже не было основаній дѣлать исключеніе для жителей Италіи, и земельную подать стали платить всѣ городскія общины, за исключеніемъ одного лишь Рима. Если прежде въ отношеніи къ податямъ господствовала крайняя пестрота въ отношеніяхъ между Римомъ и подчиненными ему провинціальными общинами (попавшими подъ власть Рима на самыхъ различныхъ условіяхъ), то теперь пестрота эта

уступила мѣсто полному однообразію. Состоя изъ продуктовъ земледѣлія, натуральная подать взималась лишь съ земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, падая лишь на прилегавшіе къ городскимъ центрамъ сельскіе округа и касаясь жителей городскихъ центровъ лишь постольку, поскольку они были въ то же время и землевладѣльцами въ сельскихъ округахъ (какъ мы потомъ увидимъ, главную роль въ муниципальной жизни играли какъ разъ жившіе въ городахъ землевладѣльцы).

Податная реформа была произведена Діоклетіаномъ въ 297-мъ году. Въ этомъ году произведена была по всей имперіи перепись, и былъ изданъ законъ, въ силу котораго перепись должна была производиться черезъ каждыя пять лѣтъ. Новый, составленный на основаніи всеобщей переписи поземельный кадастръ, который долженъ былъ пересматриваться черезъ каждыя пять лѣтъ, устанавливалъ для каждаго городского округа опредѣленное количество податныхъ единицъ, не одинаковыхъ и не равныхъ въ качествѣ реальныхъ земельныхъ владѣній, но равныхъ въ смыслѣ слѣдуемаго съ каждой изъ нихъ количества натуральныхъ поступленій. Такая податная единица носила въ большинствѣ мѣстностей техническое названіе *caput*. Она представляла собою опредѣленную мѣру воздѣлываемой земли, варіирующую въ зависимости отъ рода культуры (была ли это пахотная земля, лугъ, виноградникъ или оливковый садъ) и отъ того, была ли почва ровной или же гористой; въ Сиріи, напримѣръ, caput составляли 5 югеровъ виноградника или 20 югеровъ хлѣбнаго поля или 225 оливковыхъ деревьевъ. Но, что чрезвычайно характерно для податной организаціи, введенной Діоклетіаномъ, это то, что она представляетъ собою крайне своеобразное сочетаніе собственно поземельной подати (annona всегда была прежде всего земельной податью) съ податью поголовной. Дѣло въ томъ, что при опредѣленіи числа приходящихся на каждый данный городской округъ податныхъ единицъ, capita, принимали во вниманіе не одну лишь обрабатываемую землю, но и рабочія руки, ее обрабатывающія, будь то руки мелкаго крестьянина-собственника, мелкаго арендатора или руки раба, а также рабочій скотъ, и «головой» (caput), податной единицей, съ которой слѣдовало опредѣленное количество натуральныхъ взносовъ, являлась не только воздѣлываемая земля въ томъ или иномъ ея размѣрѣ: «головой» являлся и воздѣлывающій ее человѣкъ (жена его представляла половину «головы»), «головой» являлось и опредѣленное число находящагося на этой землѣ рабочаго скота; такъ что каждому земледѣльцу приходилось давать annona сразу за нѣсколько «головъ» (capita). Можно сказать, что главное вниманіе фиска было

устремлено не столько на самую землю, сколько на дѣлавшій землю доходной трудъ, на прилагавшіяся къ землѣ рабочія руки; и это станетъ понятнымъ, если мы прибавимъ, что къ этому времени уже началась убыль въ населеніи имперіи, и сталъ ощущаться недостатокъ въ рабочихъ рукахъ, которыя стали вслѣдствіе этого гораздо цѣннѣе земли; лежавшей впустѣ прекрасной земли становилось все больше и больше, и неудивительно, что въ податномъ отношеніи 25, 50 и даже 75 югеровъ земли приравнивались рабочей силѣ одного мужчины, составляя (въ Италіи), какъ и она, одну «голову», caput.

Производившаяся черезъ каждыя пять лѣтъ перепись основывалась, какъ и переписи прежняго времени, на самооцѣнкѣ. Назначавшіеся для производства ея чиновники, такъ называемые *censitores,* собирали на рыночныхъ площадяхъ городовъ всѣхъ землевладѣльцевъ даннаго городского округа, которые и должны были давать имъ подробныя и точныя показанія о характерѣ своей земли, о ея размѣрахъ, о ея состояніи, о ея доходности, о числѣ обрабатывающихъ ее рабовъ и арендаторовъ, о числѣ головъ рабочаго скота, находящагося въ имѣніи. Такъ какъ ничего, подобнаго личному осмотру цензиторами подлежавшей переписи земли, при этомъ не производилось, то показаніямъ этимъ не довѣряли и для провѣрки ихъ обращались къ сосѣдямъ, а также привлекали къ допросу рабовъ землевладѣльцевъ, прибѣгая и въ томъ, и въ другомъ случаѣ къ жестокимъ пыткамъ. Добытый такимъ путемъ переписной матеріалъ censitores отправляли изъ провинцій въ Римъ особому завѣдывавшему переписью во всей имперіи сановнику, такъ называемому *magister census,* который и редактировалъ его и такимъ образомъ составлялъ кадастръ на слѣдующія пять лѣтъ. Распредѣленіе лежавшаго на каждомъ городскомъ округѣ податного бремени и сборъ этой земельной подати (она получила названіе *capitatio terrena*) не входило въ задачу censitores: все это было предоставлено ими самимъ муниципіямъ въ лицѣ уже знакомыхъ намъ *decemprimi* (группа самыхъ богатыхъ, почтенныхъ и вліятельныхъ членовъ муниципальнаго сената, куріи) и подчиненнаго имъ служебнаго персонала (такъ назыв. tabularii).

Перепись устанавливала для каждаго городского округа то или иное количество податныхъ единицъ (capita), съ которыхъ и поступало опредѣленное количество натуральныхъ взносовъ ежегодно въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ. При этомъ правительство совершенно не принимало во вниманіе перемѣнъ, которыя могли произойти въ теченіе этихъ пяти лѣтъ въ хозяйственномъ положеніи городского округа (за это время могло здѣсь уменьшиться число рабочихъ рукъ, скота,

и могли выйти изъ-подъ обработки въ моментъ переписи еще воздѣлывавшіеся участки); до слѣдующей переписи городской округъ долженъ былъ непремѣнно вносить то количество продуктовъ, которое слѣдовало съ него на основаніи послѣдней переписи, хотя за это время число установленныхъ для него послѣдней переписью податныхъ единицъ (capita) фактически могло уже уменьшиться, и завѣдывавшимъ сборомъ подати членамъ городского совѣта приходилось, слѣдовательно, какимъ-нибудь способомъ покрывать образовавшіяся такимъ путемъ недоимки. Ставя ихъ такимъ образомъ въ затрудненіе, правительство тутъ же и выводило ихъ изъ этого затрудненія: оно возложило отвѣтственность за возникавшія именно этимъ путемъ недоимки на весь составъ муниципальнаго совѣта, на весь ordo decurionum (а не на однихъ лишь decemprimi, какъ это было съ податью, tributum, прежней поры). И только по истеченіи пяти лѣтъ, во время производства слѣдующей переписи, правительство посылало въ городскіе округа своихъ агентовъ (такъ назыв. inspectores или peraequatores), чтобы констатировать происшедшія въ нихъ къ этому времени хозяйственныя перемѣны и затѣмъ принять ихъ во вниманіе въ новой переписи. Къ какимъ послѣдствіямъ привело, въ связи съ другими причинами, возложеніе правительствомъ отвѣтственности за исправное поступленіе поземельной подати (capitatio terrena, иначе jugatio terrena) на членовъ муниципальныхъ сенатовъ и на кандидатовъ въ нихъ, на всю группу мѣстныхъ землевладѣльцевъ, это мы увидимъ впослѣдствіи, когда займемся эволюціей муниципальнаго строя имперіи, а пока лишь ограничимся общимъ указаніемъ, что организованная Діоклетіаномъ натуральная податная система въ сильнѣйшей мѣрѣ напрягала платежныя силы населенія, являясь для него тяжкимъ, нерѣдко невыносимымъ, крайне изнурительнымъ бременемъ, не только подрывавшимъ его хозяйственный базисъ, но и вызывавшимъ глубокія измѣненія въ его соціальномъ строѣ.

Констатинъ Великій ввелъ особый налогъ на членовъ сенаторскаго сословія, носившій названіе *follis* или *gleba senatoria*; этотъ денежный налогъ сенаторы платили въ качествѣ прибавки къ поземельному налогу натурой (capitatio terrena), который слѣдовалъ съ нихъ какъ съ землевладѣльцевъ (они были представители крупнаго землевладѣнія). Константину принадлежитъ введеніе еще одного новаго, и тоже денежнаго, налога, который долженъ былъ взиматься золотомъ и серебромъ разъ въ пять лѣтъ съ торгово-промышленнаго населенія городовъ. Это былъ такъ называемый «пятилѣтній сборъ», *lustralis collatio*. Землевладѣльцы, жившіе въ городѣ (и игравшіе здѣсь важную роль въ качествѣ выборныхъ

магистратовъ и муниципальныхъ сенаторовъ), его не платили (они платили capitatio terrena); не платили его и городскіе пролетаріи (жившіе на общественный счетъ); онъ падалъ исключительно на ремесленниковъ и торговцевъ, живших внутри города, при чемъ въ эту категорію заносили рѣшительно всѣхъ чѣмъ-либо торговавшихъ, даже торговавшихъ собственнымъ тѣломъ; его взимали даже съ помѣщика, если онъ самъ привозилъ въ городъ для продажи свои сельскіе продукты. Налогъ этотъ давалъ деньги для подарковъ войскамъ (такъ назыв. *donativa*), а также придворнымъ и другимъ сановникамъ, которые дѣлали императоры разъ въ каждыя пять юбилейныхъ лѣтъ своего царствованія. Для правильнаго его распредѣленія въ каждомъ городѣ долженъ былъ вестись (членами городского совѣта, именно decemprimi) списокъ подлежавшихъ подати торговцевъ и ремесленниковъ съ точнымъ указаніемъ принадлежащаго каждому изъ нихъ торговаго и промышленнаго капитала. Правительство не всегда строго соблюдало пятилѣтній срокъ и обращалось съ требованіемъ этого налога гораздо чаще, и это дѣлало этотъ и безъ того тяжелый налогъ еще невыносимѣе; къ тому же взимали его съ большими жестокостями, такъ что, по словамъ одного изслѣдователя, нерѣдко родители продавали дѣтей своихъ въ рабство или отдавали дочерей своихъ въ жертву пороку, чтобы императоръ могъ отпраздновать свой юбилейный годъ, а солдаты и высшіе сановники могли получить отъ него свои подарки.

Но, пожалуй, самымъ тяжкимъ бичомъ для населенія имперіи, выбивавшимъ изъ него, можно сказать, послѣднія силы, были всякаго рода *натуральныя повинности*, которыя во всякое время могли потребовать отъ каждаго изъ своихъ подданныхъ императоръ и его правительство для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. И подданный долженъ былъ немедленно же безпрекословно и безвозмездно исполнять каждое такое требованіе, хотя бы оно самымъ вопіющимъ образомъ нарушало его законнѣйшіе интересы и разстраивало его самые основные хозяйственные разсчеты. Нужно ли было императору построить себѣ новый, болѣе роскошный или изящный дворецъ, населеніе данной мѣстности должно было доставить ему необходимый для этого строительный матеріалъ, привести его на собственныыъ подводахъ, а также доставить необходимыя рабочія руки; то же было и при постройкѣ и починкѣ мостовъ, при прокладываніи дорогъ и т. п.; при этомъ нерѣдко случалось, что для этого какъ разъ въ страдную пору отрывали крестьянина отъ поля или выпрягали изъ плуга его воловъ, чтобы на нихъ везти казенное добро. Чрезвычайно обременительной была, между прочимъ, доставка натуральныхъ взносовъ (annona), о которыхъ раньше

была рѣчь, въ мѣста ихъ назначенія, а также поставка подводъ для императорской почты. Вся эта система *домашняго* государственнаго хозяйства была тѣмъ обременительнѣе для населенія, что она открывала широчайшій просторъ самому капризному произволу со стороны какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ агентовъ правительства, которые предъявляли народу всѣ эти почти всегда захватывавшія его врасплохъ и тѣмъ еще болѣе для него отяготительныя требованія не только въ интересахъ казны, но весьма часто и въ своихъ собственныхъ интересахъ, не особенно безпокоясь о томъ, что въ этихъ послѣднихъ случаяхъ они явно нарушали законъ, которому служили. Кто могъ, старался тѣмъ или инымъ путемъ освободиться отъ этихъ повинностей, и обыкновенно это удавалось тѣмъ, для кого онѣ были менѣе всего обременительны,—людямъ сильнымъ и богатымъ, не встрѣчавшимъ отпора отъ представителей закона, и вся эта система натуральныхъ государственныхъ повинностей всей своей тяжестью ложилась на плечи и безъ того безмѣрно обремененной народной массы, довершая ея хозяйственный разгромъ, начавшійся уже въ эпоху гражданскихъ войнъ, наполняющихъ все третье столѣтіе, и рѣшительно двинутый впередъ Діоклетіано-Константиновской реформой съ ея до громадныхъ размѣровъ доведеннымъ войскомъ и страшно увеличенной арміей чиновничества.

V.

Среди главныхъ статей государственныхъ расходовъ имперіи едва ли не первое мѣсто занимали расходы на содержаніе арміи. О римской арміи намъ уже не разъ приходилось говорить въ той или иной связи, и намъ не много остается прибавить къ уже сказанному.

Въ исторіи римскаго государства, какъ и въ исторіи другихъ государствъ, мы наблюдаемъ фактъ постепеннаго обособленія арміи отъ народа, съ которымъ на раннихъ ступеняхъ развитія общества она сливается, представляя собою вооруженный народъ, тѣхъ же гражданъ, но только исполняющихъ свою военную функцію, функцію самозащиты или нападенія. Въ римскомъ обществѣ такому обособленію арміи отъ народа способствовали многія причины, главнымъ образомъ частые и отдаленные походы, характеризующіе завоевательную политику римскаго государства, въ концѣ-концовъ объединившаго подъ своею властью все побережье Средиземнаго моря. Мы уже указывали въ своемъ мѣстѣ, какія хозяйственныя и соціальныя послѣдствія влекли за собой эти походы, отрывая земледѣльца отъ земли, отдавая на произволъ судьбы его хозяйство и постепенно превра-

щая его самого въ профессіональнаго солдата, тѣснѣйшимъ образомъ связавшаго свои итересы съ интересами своего полководца и всегда готоваго идти за нимъ, куда бы онъ ни повелъ его, преслѣдуя какъ чисто военныя, такъ и чисто политическія цѣли. Образованіе арміи профессіональныхъ солдатъ являлось не только послѣдствіемъ постоянныхъ войнъ, которыя вела римская республика, но и все болѣе и болѣе становившимся необходимымъ условіемъ ихъ успѣшности: взятый отъ сохи римскій ополченецъ не могъ бы справиться съ сдѣлавшимъ войну своей профессіей и имѣвшимъ для этого тщательную техническую подготовку солдатомъ-наемникомъ эллинистическаго востока. И въ Римѣ военное дѣло должно было стать профессіей спеціально посвящавшихъ ему себя людей, свободныхъ отъ всякихъ другихъ занятій и имѣвшихъ возможность непрерывно имъ заниматься. А пока военное дѣло было натуральной государственной повинностью, лежавшей на всѣхъ римскихъ гражданахъ, имѣвшихъ матеріальную возможность нести ее (обезпеиваемую земельнымъ надѣломъ) и несшихъ ее, что касается каждаго отдѣльнаго гражданина, все же лишь спорадически, а потомъ возвращавшихся къ своимъ обычнымъ занятіямъ, о такой спеціализаціи не могло быть и рѣчи.

Такимъ образомъ, военно-техническія требованія, предъявлявшіяся римской арміи съ расширеніемъ арены римскихъ завоеваній, шли въ разрѣзъ съ ея исконной общей постановкой въ римской республикѣ, съ своей стороны уже шедшей въ разрѣзъ съ хозяйственными и общекультурными интересами основной массы гражданства. Это коренное противорѣчіе должно было возможно скорѣе разрѣшиться, и этотъ гордіевъ узелъ былъ чрезвычайно просто разрѣзанъ Маріемъ съ помощью на первый взглядъ весьма незначительнаго нововведенія. Мы уже имѣли случай упомянуть о немъ. Мы разумѣемъ открытіе Маріемъ доступа къ военной службѣ и пролетаріямъ. Къ этой мѣрѣ прибѣгали и въ прежнія времена, но лишь въ критическіе моменты, въ видѣ исключенія. Марій исключеніе превратилъ въ общее правило, и съ этихъ поръ основу римскаго войска стали составлять пролетаріи, и это сразу измѣнило всю постановку военнаго дѣла въ республикѣ и въ сравнительно скоромъ времени отразилось и на судьбахъ самой республики. Уже знакомый намъ процессъ хозяйственной и соціальной эволюціи, совершавшійся въ римскомъ обществѣ подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ римскихъ завоеваній въ направленіи къ обезземеленью основной земледѣльческой массы населенія и образованію крупнаго, латифундіальнаго землевладѣнія, успѣлъ къ эпохѣ Марія далеко не одинъ десятокъ тысячъ крестьянъ-собственниковъ превратить въ пролета-

ріевъ, добывавшихъ себѣ скудное пропитаніе поденной работой въ экономіяхъ сосѣднихъ помѣщиковъ—поскольку эти послѣдніе нуждались въ свободномъ трудѣ, располагая въ это время гораздо болѣе удобными и дешевыми рабскими руками,—или совсѣмъ порывавшихъ съ деревней и отправлявшихся на легкіе, а то и вовсе даровые хлѣба въ столицу съ ея комиціями и ожесточенной борьбой партій, съ ея подкупами избирателей и законодателей, съ ея panis et circenses. Если крестьянина-собственника военная служба лишь разоряла, то для пролетарія она была настоящей находкой, и, сдѣлавъ ее доступной для всѣхъ римскихъ гражданъ, Марій открылъ къ ней доступъ какъ разъ тѣмъ, для кого она представляла собою самую привлекательную карьеру. И пролетаріи массами устремились въ армію, предлагая свои услуги вербовщикамъ въ качествѣ добровольцевъ, такъ что къ принудительному набору правительству республики приходилось прибѣгать лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Для пролетарія продолжительное пребываніе въ войскѣ не только не было губительнымъ въ экономическомъ смыслѣ, какимъ оно являлось для крестьянина-собственника (оставленнаго теперь въ резервѣ на случай крайности), но лишь упрочивало его матеріальное положеніе, обезпечивая ему на много лѣтъ и правильное жалованіе, и далеко не рѣдкую добычу. Естественно, что войско, составленное изъ такого соціальнаго матеріала, могло сравнительно легко превратиться въ дисциплинированное, хорошо обученное, усвоившее всѣ техническія усовершенствованія постоянное войско.

Было одно препятствіе къ тому, чтобы это вполнѣ стало совершившимся фактомъ: республиканскій режимъ, требовавшій быстрой смѣны командовавшихъ арміей магистратовъ. Правда, въ послѣдній вѣкъ республики этотъ принципъ очень часто нарушался, и такіе полководцы, какъ Марій, Сулла, Помпей и Цезарь, помногу лѣтъ подрядъ командовали одними и тѣми же войсками. Но это уже былъ переходъ къ монархіи, который вскорѣ и совершился въ значительной мѣрѣ не безъ содѣйствія фактически ставшаго постояннымъ войска. Монархія получила полную возможность создать настоящую постоянную армію. Императоръ былъ главнокомандующимъ всѣхъ военныхъ силъ государства. Ему уже не нужно было, подобно настоящему республиканскому магистрату, распускать войско по окончаніи срока его полномочій и предоставлять другому, столь же кратковременному, магистрату набирать новое войско. Если императоръ и былъ магистратомъ республики, то во всякомъ случаѣ его полномочія были пожизненны и въ томъ числѣ право командовать лично ему присягнувшей арміей. У него же было больше возможности внести порядокъ и систему и въ дѣло обезпеченія

ветерановъ, въ республиканскую эпоху поставленное въ полную зависимость отъ тѣхъ или иныхъ политическихъ комбинацій, опредѣлявшихъ силу и вліяніе того или иного полководца, да и по существу, нельзя сказать, чтобы удовлетворительно организованное. Едва ли не каждый полководецъ послѣдняго вѣка республики, распуская послѣ похода свое войско, добивался отъ правительства того, чтобы его солдаты, были надѣлены землей; и это едва ли не каждому изъ нихъ удавалось. А въ результатѣ—республика растратила такимъ путемъ весь свой земельный фондъ, свои домэны (ager publicus) и изъ хорошихъ, еще годныхъ къ службѣ солдатъ, создала весьма плохихъ земледѣльцевъ, очень скоро запутывавшихся въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и нерѣдко становившихся жертвой энергично округлявшихъ свои владѣнія сосѣдей.

Уже Августъ дѣятельно принялся за реорганизацію арміи. Онъ установилъ весьма большой срокъ для службы солдата и этимъ обезпечилъ арміи опытныхъ, хорошо дисциплинированныхъ, прекрасно обученныхъ воиновъ. Кончая срокъ своей службы, солдатъ не сразу получалъ земельный надѣлъ и средства для обзаведенія; онъ получалъ лишь право на это, и ему приходилось еще долго ждать, пока императоръ соблаговолитъ дать ему отставку, и онъ получитъ слѣдуемое ему матеріальное обезпеченіе. До Августа подданные римскаго народа, жители покоренныхъ областей, провинцій, не несли военной повинности: ихъ положеніе, какъ завоеванныхъ, не давало имъ права на несеніе такой почетной повинности. Нельзя сказать, чтобы въ республиканскую эпоху римскую военную силу составляли одни римскіе граждане: на ряду съ *легіонами* изъ римскихъ гражданъ (отъ 4.000 до 6.000 чел. въ каждомъ) стояли вспомогательные отряды (alae) изъ гражданъ союзныхъ съ Римомъ общинъ (такого же численнаго состава каждый), и обыкновенно консулъ командовалъ двумя легіонами и двумя alae; но когда въ 89 году (до Р. Х.) всѣ италики получили права римскаго гражданства, составъ римской арміи сталъ однообразнымъ, военная повинность легла всею тяжестью на римскихъ гражданъ, на жителей Италіи, вовсе не касаясь милліоновъ провинціальнаго населенія. Имперія, призванная постепенно заровнять пропасть, лежавшую между римскими гражданами и провинціалами, и всѣхъ ихъ подчинить общему для всѣхъ государственному порядку, должна была въ той или иной мѣрѣ привлечь къ несенію военной повинности и провинціаловъ. И Августъ сдѣлалъ это, и при немъ римское войско было усилено провинціальными элементами: каждый *легіонъ* (состоявшій въ общемъ изъ 5.000—6.000 человѣкъ) былъ соединенъ съ *вспомогательнымъ отрядомъ* изъ провинціаловъ, со-

стоявшимъ, самое большое, изъ 1.000, а обыкновенно изъ 500 человѣкъ. Въ то время, какъ легіоны пополнялись путемъ вербовки добровольцевъ, для составленія вспомогательныхъ отрядовъ прибѣгали къ принудительному набору. Жалованье солдатъ изъ вспомогательныхъ отрядовъ было меньше жалованья легіонеровъ, служба едва ли не длиннѣе; вообще ихъ положеніе было ниже положенія легіонеровъ. По выходѣ въ отставку они получали права римскаго гражданства, но матеріальнаго обезпеченія не получали.

Что касается привилегированной, составленной изъ римскихъ гражданъ части арміи, то, кромѣ легіонеровъ, она состояла изъ гвардіи преторіанцевъ и изъ такъ называемыхъ «когортъ добровольцевъ». Въ *гвардію преторіанцевъ* принимали лишь жителей Рима и близлежащихъ мѣстъ (Лаціума, Этруріи, Умбріи) или изъ древнѣйшихъ колоній римскихъ гражданъ; состояла она большую часть императорской эпохи изъ *10 когортъ* въ 1.000 чел. каждая. Въ *легіоны* брали жителей остальной Италіи; число легіоновъ колебалось между 20 и 30; каждый легіонъ состоялъ изъ 10 когортъ, заключавшихъ по 6 центурій (сотенъ) каждая. Что касается такъ назыв. *когортъ добровольцевъ*, то онѣ составлялись изъ римскихъ гражданъ, жившихъ въ провинціяхъ, и изъ вольноотпущенниковъ; число этихъ когортъ при династіи Августа было, самое меньшее, 32. Преторіанецъ долженъ былъ служить 16 лѣтъ и получалъ двойное жалованье, легіонеръ—20 лѣтъ (иногда и 40), а солдатъ изъ когорты добровольцевъ самое меньшее—25 лѣтъ; столько же, какъ и этотъ послѣдній, долженъ былъ служить и солдатъ изъ вспомогательныхъ отрядовъ. Въ общемъ до Діоклетіана число солдатъ изъ гражданъ едва ли достигало 180.000 чел., а все войско имперіи равнялось 300—350 тысячамъ человѣкъ.

Съ теченіемъ времени составъ римскаго войска сталъ подвергаться измѣненіямъ. Уже при Августѣ сталъ давать себя знать замѣчавшійся въ римскомъ обществѣ въ Италіи упадокъ военнаго духа. Чѣмъ дальше, тѣмъ число римскихъ гражданъ, желавшихъ посвятить себя военной службѣ, становилось все меньше и меньше. Правительству пришлось считаться съ этимъ фактомъ и сравнительно скоро пришлось оставить установленный Августомъ принципъ комплектованія войска. Уже при Клавдіи въ гвардію преторіанцевъ начинаютъ принимать не однихъ жителей Рима и близлежащихъ округовъ, но гражданъ изъ всѣхъ мѣстностей Италіи, въ легіоны—провинціальныхъ гражданъ, которые съ Траяна начинаютъ составлять въ нихъ большинство (а скоро и вовсе вытѣсняютъ изъ нихъ италиковъ), а въ когорты добровольцевъ—провинціаловъ-подданныхъ; италиковъ едва хватаетъ для гвардіи, а

вскорѣ ихъ не хватаетъ и для гвардіи, и уже при Адріанѣ среди преторіанцевъ много провинціальныхъ гражданъ. При Антонинѣ Піѣ въ легіоны стали принимать всѣхъ провинціаловъ, какъ бывшихъ римскими гражданами, такъ и просто подданныхъ. Съ этихъ поръ легіоны стали составляться изъ жителей тѣхъ мѣстностей, гдѣ они стояли, безотносительно къ ихъ правовому положенію, и, когда-то столь рѣзкая разница между легіонами и вспомогательными отрядами заключалась теперь лишь въ томъ, что вступавшій въ легіонъ провинціалъ, если онъ не былъ римскимъ гражданиномъ, немедленно же при вступленіи получалъ права римскаго гражданства, а провинціалъ, служившій въ вспомогательныхъ отрядахъ, становился римскимъ гражданиномъ лишь при выходѣ въ отставку. Эдиктъ Каракаллы (212 г.), даровавшій права римскихъ гражданъ всѣмъ свободнымъ людямъ имперіи, стеръ и это различіе. Провинціализація римской арміи и въ особенности ея локализація могла съ своей стороны способствовать развитію въ ней провинціальнаго партикуляризма, сыгравшаго, какъ извѣстно, не маловажную роль во время смутъ, наполнявшихъ третье столѣтіе, когда шла почти непрерывная ожесточенная борьба между многочисленными императорами, одновременно провозглашавшимися въ разныхъ частяхъ имперіи мѣстными легіонами.

Провинціализація армія шла параллельно съ ея варваризаціей. Сначала въ армію начинаютъ проникать азіаты и африканцы. Септимій Северъ даже гвардію преторіанцевъ наполнилъ иллирійцами, африканцами, сирійцами, видя въ этихъ варварахъ болѣе надежныхъ охранителей перерождавшейся въ азіатскій деспотизмъ императорской власти, чѣмъ въ прирожденныхъ римскихъ гражданахъ, какъ ни далеки были и эти послѣдніе отъ традицій уже давно отошедшей въ прошлое республиканской свободы; онъ даже вовсе исключилъ италиковъ изъ преторіанскихъ когортъ. За полуварварами и настоящими варварами далекихъ провинцій послѣдовали германскіе варвары, постепенно проникавшіе на римскую территорію и все въ большемъ и большемъ количествѣ вступавшіе на римскую военную службу въ видѣ ли отдѣльныхъ лицъ или цѣлыми племенными группами, и на римской службѣ продолжавшими жить по своимъ національнымъ обычаямъ.

Намъ еще придется изучать римско-германскія отношенія и, въ частности, слѣдить за процессомъ постепенной германизаціи римской военной силы, а здѣсь мы можемъ ограничиться лишь общимъ указаніемъ на то, что, поступая на римскую службу цѣлыми племенными группами и переселяясь для этого на римскую территорію, германцы устраивались тамъ или какъ *федераты* (*foederati*, т.-е. союзники),

т.-е. заключали съ римскимъ правительствомъ договоръ какъ равный съ равнымъ, обязываясь поставлять ему извѣстное число солдатъ, или какъ *dedititii* (т.-е. подчинившіеся); въ первомъ случаѣ ихъ разселяли по домамъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, заставляя этихъ послѣднихъ и содержать ихъ изъ трети своего дохода; въ послѣднемъ—ихъ надѣляли отдѣльными участками, обыкновенно на границахъ имперіи, и въ случаѣ надобности брали изъ нихъ солдатъ, которые и должны были защищать границы отъ нападеній другихъ варваровъ; этихъ послѣднимъ способомъ устроенныхъ на римской почвѣ варваровъ различали какъ *лэтовъ (laeti)* и *gentiles*, при чемъ лэтами называли обыкновенно поселенцевъ изъ ближайшихъ сосѣдей Рима по Рейну, а gentilles—поселенневъ разныхъ другихъ племенъ и націй. Нужно замѣтить, что еще раньше появленія лэтовъ и gentiles на такихъ же началахъ организована была защита границъ съ помощью коренного населенія имперіи: уже Септимій Северъ, а потомъ Александръ Северъ выдавали солдатамъ земельные участки на границахъ и, освобождая эту землю отъ всякихъ налоговъ, обязывали получившихъ участки изъ поколѣнія въ поколѣніе нести пограничную службу.

Это были такъ называемые *limitanei*, иначе *riparenses* (пограничныя, береговыя войска). Это уже былъ переходъ къ натуральной системѣ въ организаціи военныхъ силъ имперіи, къ системѣ, къ которой, какъ мы видѣли, Діоклетіанъ уже окончательно перешелъ и въ виду этого реорганизовалъ и финансовую систему государства. Если пограничныя войска были прямо посажены на землю, которая и должна была обезпечивать имъ средства къ существованію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность нести пограничную службу (этимъ они напоминаютъ нашихъ казаковъ, въ особенности прежняго времени, когда ихъ главной обязанностью было охранять границы Россіи отъ сосѣднихъ враждебныхъ степныхъ и горныхъ племенъ), то внутренняя армія, болѣе многочисленная, содержалась, какъ мы уже знаемъ, на продукты, поставлявшіеся земледѣльческимъ и землевладѣльческимъ населеніемъ имперіи въ видѣ прямой поземельной подати (capitatio terrena) и хранившіеся въ спеціально для этого устроенныхъ магазинахъ.

Число легіоновъ этой внутренней арміи съ эпохой Діоклетіана и Константина было увеличено, но составъ каждаго легіона былъ уменьшенъ съ 5.000 до 2.000 и 1.000 человѣкъ, что было вызвано новыми условіями военнаго дѣла, необходимостью дѣйствовать болѣе подвижными отрядами противъ врага, нападавшаго небольшими и быстро удалявшимися бандами; это же обстоятельство выдвинуло на видное мѣсто кавалерію, до сихъ поръ совершенно сту-

шевывавшуюся передъ основной массой пѣшихъ легіонеровъ. Названіемъ для внутренней арміи было теперь *palatini*, *comitatenses* и *pseudo-comitatenses*, очень характерное названіе, съ своей стороны весьма выразительно подчеркивающее общій характеръ тогдашней государственности, настолько отожествившейся уже съ личностью монарха, что войска, предназначенныя для внѣшней охраны государства, уже именовались дворцовыми войсками (palatini) и царской дружиной (comitatenses). При этомъ нужно замѣтить, что здѣсь рѣчь идетъ вовсе не объ императорской гвардіи; гвардія существовала отдѣльно; это были смѣнившіе прежнихъ преторіанцевъ такъ называемые *scolares*, *domestici*, *protectores*, находившіеся подъ командой министра внутреннихъ дѣлъ, уже знакомаго намъ magister officiorum. Намъ уже раньше приходилось упоминать о томъ, что командовали войсками въ каждой префектурѣ (послѣ отдѣленія военной власти отъ гражданской, окончательно совершившагося при Константинѣ) *vir illuster magister peditum* и *vir illuster magister equitum* (впослѣдствіи magister utriusque militiae), а въ каждой отдѣльной провинціи—*dux* (носившій титулъ spectabilis и comes), и что каждый изъ этихъ военныхъ сановниковъ зависѣлъ, что касается продовольствованія войска и снабженія его одеждой, отъ гражданскаго сановника соотвѣтствующаго округа (префекта и губернатора).

Намъ еще придется говорить о римской арміи въ другой связи и разсматривать тѣ политическія и общекультурныя послѣдствія, къ которымъ привела дѣлавшая огромные успѣхи варваризація ея, отдававшая военную силу и власть надъ постепенно утратившимъ военный духъ и интересъ къ военному дѣлу населеніемъ имперіи въ руки германскихъ наемниковъ и ихъ вождей.

VI.

Были ли у римскаго общества какія-нибудь гарантіи противъ произвола агентовъ неограниченнаго правительства, противъ представителей центральной и мѣстной администраціи? Въ сущности, какъ это можно было видѣть изъ предшествующаго изложенія, настоящихъ гарантій римское общество не имѣло, и это отражалось на немъ крайне тяжело, отъ этого страдали его самые основные интересы: въ сущности и жизнь, и имущество подданнаго римскаго императора, не говоря уже о его личной свободѣ, всегда находились въ опасности отъ посягательствъ со стороны носителей правительственной власти и всѣхъ тѣхъ, кто по какимъ-либо причинамъ пользовался ихъ поддержкой. Иначе и быть не могло, разъ

общество лишено было права серьезнымъ образомъ контролировать дѣятельность исполнителей велѣній высшей власти и было поставлено въ совершенно пассивное положеніе въ отношеніи къ самой этой власти. Сама власть, между тѣмъ, сознавала необходимость хоть нѣкотораго общественнаго контроля надъ мѣстной администраціей и принуждена была допустить существованіе общественнаго учрежденія, которое хоть въ скромныхъ размѣрахъ исполняло эту функцію. Мы имѣемъ въ виду *провинціальныя собранія* и отправлявшіяся ими къ императору депутаціи. Конечно, о сколько-нибудь самостоятельной политической роли этого учрежденія, о его серьезномъ политическомъ значеніи не приходится говорить послѣ того, что мы уже знаемъ объ общей постановкѣ государства въ Римской имперіи. Тѣмъ не менѣе нѣкоторое значеніе контрольнаго органа оно все же имѣло.

Учрежденіе, о которомъ мы говоримъ, возникло въ тѣснѣйшей связи съ императорскимъ культомъ, быстро распространившимся по провинціямъ съ момента утвержденія принципата. Болѣе обстоятельныя свѣдѣнія дошли до насъ о провинціальныхъ собраніяхъ въ Галліи, въ частности, о собраніяхъ, происходившихъ возлѣ Ліона и состоявшихъ изъ депутатовъ отъ городскихъ общинъ трехъ провинцій Галліи, именно: Ліонской провинціи, Аквитаніи и Бельгіи. Здѣсь въ концѣ I вѣка до Р. Хр. былъ сооруженъ великолѣпный храмъ въ честь Августа, и ежегодно къ первому числу посвященнаго Августу мѣсяца съѣзжались сюда названные депутаты на торжественный праздникъ въ честь сопричисленнаго къ сонму боговъ императора и богини Ромы. Жертвоприношенія, процессіи, игры, сценическія представленія и литературныя состязанія составляли содержаніе этого праздника. Все это требовало не малыхъ издержекъ, которыя и покрывались изъ спеціальной кассы (такъ называемой arca Galliarum), пополнявшейся взносами отдѣльныхъ городскихъ общинъ, а также и частными пожертвованіями и находившейся въ завѣдываніи трехъ выборныхъ должностныхъ лицъ; одно изъ нихъ носило названіе судьи, *judex*, слѣдовательно, имѣло и судебную власть, разбирало возникавшіе на этой почвѣ споры; другое было его помощникомъ, *allectus*, а третье именовалось слѣдователемъ, *inquisitor*, и было надѣлено полномочіями, въ точности намъ неизвѣстными. Собраніе вообще могло владѣть всякаго рода имуществомъ, являясь въ глазахъ права юридическимъ лицомъ, и у него была всякаго рода недвижимость, а также собственные рабы и вольноотпущенники. Предсѣдателемъ своимъ собраніе избирало завѣдывавшаго императорскимъ культомъ въ трехъ галльскихъ провинціяхъ *жреца* (*sacerdos*, въ другихъ провинціяхъ *flamen*).

Жрецъ избирался собраніемъ на годъ изъ лицъ, особенно уважаемыхъ и прошедшихъ уже всю лѣстницу муниципальныхъ должностей.

Подъ его предсѣдательствомъ собраніе занималось не одними дѣлами культа. Съѣхавшіеся изъ разныхъ городскихъ общинъ трехъ галльскихъ провинцій депутаты совѣщались о своихъ общихъ дѣлахъ и нуждахъ и въ результатѣ этихъ совѣщаній нерѣдко составляли общую петицію и отправляли ее черезъ спеціально для этого избранныхъ лицъ къ императору. Матеріаломъ для петиціи являлись жалобы, пожеланія и просьбы, которыя привозили отъ своихъ избирателей депутаты отдѣльныхъ городскихъ общинъ. Не мало мѣста въ этой петиціи занимали жалобы на губернаторовъ провинцій и вообще на представителей мѣстной администраціи. И нужно сказать, что даже самые деспотическіе императоры внимательно относились къ этимъ петиціямъ и къ этимъ жалобамъ и нерѣдко давали ходъ судебному преслѣдованію, начатому собраніемъ противъ губернатора; начинать его можно было уже по выходѣ губернатора въ отставку, равно какъ и дѣлать почетныя для хорошо зарекомендовавшаго себя губернатора постановленія, что тоже входило въ кругъ дѣятельности собранія; дѣло могло кончиться для губернатора иногда весьма серьезно, до удаленія на какой-нибудь уединенный и пустынный островъ включительно.

Такимъ образомъ, провинціальныя собранія и отправлявшіяся ими къ императору депутаціи являлись въ извѣстной мѣрѣ органами, черезъ которые центральное правительство могло узнавать о нуждахъ и желаніяхъ народа, а также о злоупотребленіяхъ своихъ агентовъ; при желаніи оно могло руководствоваться этими данными и принимать соотвѣтствующія мѣры. Возникнувъ на чисто монархической почвѣ, для возвеличенія и религіознаго освященія монархическаго принципа, провинціальныя собранія, ни на минуту не сходя съ своего пути, мало-по-малу превратились въ нѣкоторый по крайней мѣрѣ коррективъ неограниченной монархіи. Конечно, видѣть въ этихъ собраніяхъ политическую силу, представлявшую собою противовѣсъ самодержавному режиму, совершенно невозможно. Никакихъ политическихъ правъ провинціальныя собранія не имѣли, требовать они ничего не могли, и если всемогущему владыкѣ всего римскаго міра угодно было милостиво выслушать одновременно съ неумѣренно-пышной лестью преисполненнымъ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ робкія жалобы и почтительнѣйшія просьбы, благоговѣйно повергавшіяся къ его стопамъ уполномоченными провинціальныхъ собраній, то на то была его добрая, самодержавная и священная воля. Въ сущности императоры видѣли въ этихъ собраніяхъ и въ ихъ петиціяхъ лишь одно

изъ средствъ для собственнаго контроля надъ представителями провинціальной администраціи, которымъ они вообще не довѣряли, подозрѣвая у нихъ враждебныя имъ, честолюбивыя цѣли. Провинціальныя собранія Римской имперіи не были и не стали органами провинціальнаго самоуправленія, какъ не стали они и основой политическаго представительства. Даже въ послѣднія десятилѣтія своего существованія, уже фактически безсильная, уже поверженная въ прахъ грубой пятой всемогущихъ начальниковъ служившихъ имперіи варварскихъ войскъ, власть римскаго императора юридически попрежнему оставалась не менѣе неограниченной, чѣмъ во времена Діоклетіана и Константина, и имперская бюрократія попрежнему безраздѣльно царила и въ центрѣ, и въ областяхъ, все еще находясь внѣ всякаго правомѣрнаго контроля со стороны болѣе прежняго безправнаго и безмѣрно угнетеннаго народа.

VII.

Намъ уже не разъ приходилось указывать на то, что политическая организація Римской имперіи представляла собою колоссальную надстройку надъ необозримымъ количествомъ самоуправлявшихся городскихъ общинъ, обозначаемыхъ обыкновенно общимъ названіемъ *муниципіевъ* (*municipium*). И въ организаціи своихъ административныхъ органовъ, и въ своей фискальной организаціи правительство, какъ мы видѣли, никогда не упускало изъ вида существованія общественнаго самоуправленія въ этой дробной формѣ городскихъ общинъ; напротивъ, оно его предполагало и нерѣдко дѣлало базисомъ своихъ мѣропріятій. Въ нашу задачу не входитъ изучать процессъ возникновенія муниципальнаго строя на всемъ протяженіи имперіи, слѣдить за тѣмъ, какъ эта форма общественнаго существованія постепенно распространялась по всему римскому міру, ассимилируя себѣ самый разнообразный политическій матеріалъ постепенно вступавшихъ подъ власть Рима государствъ и народовъ, для однихъ являясь исконной формой ихъ собственной жизни (многія италійскія общины и когда-то самостоятельные города-государства греческаго востока), для другихъ—нововведеніемъ, властною рукою укладывавшимъ въ совершенно новыя рамки до тѣхъ поръ въ иныхъ формахъ и по иному пути двигавшійся процессъ ихъ общественнаго развитія. Мы будемъ отправляться въ нашемъ изученіи муниципальнаго строя Римской имперіи отъ уже сложившагося порядка, который мы и постараемся предварительно охарактеризовать типическими чертами, а затѣмъ остановимъ вниманіе читателя на тѣхъ перемѣнахъ, которымъ этотъ общій для всей

имперіи порядокъ съ теченіемъ времени сталъ подвергаться подъ вліяніемъ главнымъ образомъ все болѣе и болѣе развивавшейся и осложнявшейся римской государственности и ея непомѣрно возраставшихъ фискальныхъ требованій, въ концѣ-концовъ совершенно истощившихъ жизненныя силы когда-то полныхъ жизни и энергіи общественныхъ организмовъ и приведшихъ ихъ къ полному перерожденію и упадку.

Каждая провинція Римской имперіи представляла собою совокупность городскихъ общинъ, обозначавшихся весьма выразительными и очень характерными терминами—*civitas* и *respublica*. Эти городскія общины сохраняли всѣ основныя черты городскихъ государствъ, гражданскихъ общинъ, республикъ, какими ихъ зналъ греко-италійскій міръ въ классическую пору ихъ процвѣтанія. Нужно твердо помнить, что подъ городской общиной, муниципіемъ Римской имперіи, слѣдуетъ разумѣть не только городъ, но и весь тотъ округъ, въ центрѣ котораго этотъ городъ стоялъ, что, говоря о муниципальномъ самоуправленіи Римской имперіи, мы не должны понимать подъ нимъ чего-либо въ родѣ городского самоуправленія современной Европы, потому что въ системѣ римскаго муниципальнаго самоуправленія городъ игралъ роль лишь центральнаго пункта, въ которомъ сосредоточивалась общественная жизнь всего городского округа, и главными дѣятелями въ жизни муниципія являлись землевладѣльцы даннаго городского округа, possessores. Если брать термины для сравненія изъ русской дѣйствительности, то можно сказать, что муниципальный строй Римской имперіи напоминаетъ не наше городское самоуправленіе, но наше земство (въ какой мѣрѣ, это вопросъ иной).

Въ городскомъ центрѣ сосредоточивалась общественная жизнь муниципальнаго округа; но нельзя сказать, чтобы только здѣсь она и проявлялась: территорія округа дѣлилась на болѣе мелкіе округа, на такъ называемые *pagi* и *vici*, которые жили своей собственной мѣстной жизнью, правда, болѣе узкой, но тоже организованной на началахъ самоуправленія, выбирали своихъ должностныхъ лицъ (такъ назыв. *magistri*), издавали обязательныя постановленія, избирали жрецовъ для завѣдыванія мѣстнымъ культомъ, имѣли свои общинныя земли и всякое другое общинное имущество и т. п. Мы не имѣемъ, правда, сколько-нибудь обстоятельныхъ и точныхъ свѣдѣній объ этой болѣе мелкой общественной организаціи и, въ частности, не знаемъ, въ какого рода отношеніяхъ стояла она къ центральной организаціи муниципія; но и то, что мы знаемъ о ней, все-таки позволяетъ намъ догадываться объ ея общемъ характерѣ, вполнѣ гармонирующемъ съ общимъ тономъ римскаго

муниципальнаго самоуправленія (мы, конечно, имѣемъ въ виду эпоху его цвѣтущаго состоянія когда оно еще не стало жертвой фиска и объектомъ безконечнаго ряда бюрократическихъ воздѣйствій).

Какъ и въ суверенныхъ городахъ-государствахъ болѣе ранней эпохи, и въ муниципіяхъ Римской имперіи населеніе состояло изъ *гражданъ*, пользовавшихся всѣми политическими правами, т.-е. участіемъ въ муниципальномъ самоуправленіи, и изъ не-гражданъ, *обывателей (incolae)* (это были обитавшіе на территоріи даннаго муниципія граждане другихъ муниципіевъ), которые или вовсе никакихъ политическихъ (въ указанномъ смыслѣ) правъ не имѣли, или же пользовались ограниченнымъ правомъ голоса въ народномъ собраніи муниципія. Что же касается общинныхъ повинностей, то въ этомъ отношеніи между гражданами муниципія и его обывателями не существовало никакого различія. Въ муниципіяхъ, расположенныхъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ покоренными Римомъ дикими племенами, населеніе было пестрѣе, такъ какъ на ряду съ гражданами и обывателями здѣсь были еще и подданные, которыми и являлись эти дикіе народы, приписанные къ муниципію центральнымъ правительствомъ въ качествѣ подданныхъ муниципія, обязаннаго держать ихъ въ подчиненіи имперіи.

Какъ и въ Римѣ въ республиканскую эпоху и во всѣхъ городскихъ республикахъ древняго (да и новаго) міра, и въ муниципіяхъ Римской имперіи власть распредѣлялась между тремя органами: *народнымъ собраніемъ*, *сенатомъ* и *выборными магистратами*.

Повидимому, важную роль въ жизни муниципія народныя собранія играли лишь въ первые вѣка имперіи, и тогда въ нихъ принимали участіе всѣ граждане муниципія по достиженіи ими опредѣленнаго возраста и здѣсь тайной подачей голосовъ рѣшали всѣ важнѣйшіе вопросы внутренняго управленія, которыя предлагали на ихъ рѣшеніе созывавшія собраніе и предсѣдательствовавшія въ немъ высшія должностныя лица муниципія; здѣсь же они и выбирали всѣхъ должностныхъ лицъ муниципія; голоса въ собраніи подавались не отдѣльными лицами, но группами, носившими названіе курій или трибъ.

Должностныя лица муниципія, какъ и въ Римѣ, избирались на одинъ годъ и представляли собою коллегіи, по два человѣка въ каждой.

Высшее руководство дѣлами общины, высшая административная власть, судъ надъ гражданами и обывателями и подданными общины и распоряженіе ея матеріальными средствами принадлежали *дуовирамъ (duoviri* или *duumviri jure dicundo)*, которые соотвѣтствовали

римскимъ консуламъ и, подобно этимъ послѣднимъ, носили особую тогу (toga praetexta) и тунику (tunica laticlava), ходили въ сопровожденіи ликторовъ (правда, только двоихъ), несшихъ связки прутьевъ (но безъ воткнутаго въ нихъ топора), и возсѣдали на курульномъ креслѣ; всякаго рода юридическія сдѣлки (контракты, даренія, усыновленіе, отпускъ на волю рабовъ и т. п.) совершались въ ихъ присутствіи. Разъ въ каждыя пять лѣтъ, избирая дуумвировъ, надѣляли ихъ въ придачу къ ихъ обычнымъ функціямъ, еще и цензорской властью, и тогда они производили цензъ, т.-е. пересматривали списки гражданъ муниципія и списокъ членовъ муниципальнаго совѣта, внося въ эти списки новыя имена и вычеркивая имена умершихъ или тѣхъ, кто по другимъ какимъ-либо причинамъ подлежалъ исключенію изъ списковъ, и оцѣнивали, въ цѣляхъ обложенія, имущество всѣхъ постоянныхъ жителей муниципія, а также сдавали въ аренду на слѣдующія пять лѣтъ земли и другія доходныя статьи общины. Надѣлявшіеся такими чрезвычайными полномочіями дуумвиры получали названіе *пятилѣтнихъ (duoviri quinquennales)*, и ихъ выбирали изъ числа тѣхъ, кто уже раньше былъ обыкновеннымъ дуумвиромъ.

Полицейская власть въ муниципіи вручалась двумъ *эдиламъ*, въ обязанности которыхъ входила, между прочимъ, и забота о снабженіи города хлѣбомъ и регулированіе рыночныхъ цѣнъ, а также устройство игръ. Самыми низшими магистратами были два *квестора*, которые подъ высшимъ наблюденіемъ дуумвировъ завѣдывали муниципальными финансами.

Муниципальная касса составлялась изъ доходовъ съ отдававшихся въ аренду принадлежавшихъ муниципію земель, изъ штрафовъ, налагавшихся дуумвирами и эдилами, облеченными судебной и полицейской властью, изъ доходовъ съ налоговъ и пошлинъ (напримѣръ, рыночныхъ пошлинъ, пошлинъ за проѣздъ черезъ мосты и дороги и т. п.), которыми, съ разрѣшенія центральнаго правительства, облагало жителей муниципія муниципальное управленіе, а также изъ всякаго рода частныхъ, добровольныхъ и мнимо-добровольныхъ пожертвованій, которыя въ большомъ количествѣ (въ особенности въ первое время, въ періодъ расцвѣта муниципальной жизни) стекались въ городскую казну. Средства эти шли на содержаніе въ исправности дорогъ, мостовыхъ, улицъ и общественныхъ зданій (театровъ, храмовъ, бань и т. п.), на покрытіе издержекъ общественнаго культа, на устройство игръ, на содержаніе школъ и ихъ учителей, на плату общиннымъ врачамъ и на всякаго рода иныя общественныя нужды какъ обычнаго, такъ и экстреннаго характера (посольства къ императору, почетныя награды оказавшимъ особыя услуги муниципію лицамъ и т. п.).

Муниципальныя выборныя должности (дуумвиратъ, эдилитетъ и квестура), какъ и римскія магистратуры, были почетными должностями (honores) и не только были безплатны, но требовали весьма большихъ тратъ отъ лицъ, которыхъ народъ почтилъ своимъ выборомъ. Новоизбранный магистратъ вносилъ въ муниципальную кассу весьма солидный почетный взносъ (summa honoraria), а также прямо раздавалъ народу немалое количество денегъ и устраивалъ для него на свой счетъ роскошныя игры; обыкновенно онъ давалъ еще и обѣщаніе украсить городъ какимъ-нибудь общественнымъ сооруженіемъ. Прибавимъ къ этому, что магистраты отвѣчали своимъ имуществомъ за всякія пробѣлы въ финансовомъ хозяйствѣ муниципія, и что ихъ имущество являлось фондомъ, обезпечивавшимъ надлежащее употребленіе общинныхъ суммъ, проходившихъ черезъ ихъ руки, и намъ станетъ понятнымъ, что муниципалъное управленіе должно было находиться въ рукахъ богатыхъ людей, способныхъ къ подобнаго рода тратамъ. И дѣйствительно, самымъ малымъ имущественнымъ цензомъ, котораго законъ требовалъ отъ человѣка, выступавшаго кандидатомъ на самую низшую выборную муниципальную должность, было 100.000 сестерцій (около 10.000 рублей). Не рѣдки бывали случаи, что муниципальные магистраты отдавали все свое состояніе на общественныя нужды своего роднаго города, и законъ предусматривалъ такіе случаи и требовалъ, чтобы лицамъ, разорившимся на общественной службѣ, ихъ сограждане назначали пенсію.

По всѣмъ сколько-нибудь серьезнымъ вопросамъ, выходившимъ изъ круга повседневныхъ дѣлъ, муниципальные магистраты должны были совѣщаться съ членами *муниципальнаго сената, совѣта декуріоновъ,* иначе *куріи.* Мы уже упоминали о томъ, что черезъ каждыя пять лѣтъ дуумвиры въ качествѣ надѣленныхъ цензорской властью duumviri quinquennales просматривали списки гражданъ муниципія, а также списокъ членовъ муниципальнаго сената. Въ этотъ послѣдній списокъ они вносили имена всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ занимали муниципальныя магистратуры. Основу муниципальнаго сената (*senatus, ordo decurionum, curia*) и составляли бывшіе муниципальные магистраты, которые пожизненно засѣдали въ сенатѣ и могли, слѣдовательно, дѣлиться своимъ опытомъ со своими преемниками и этимъ въ извѣстной мѣрѣ пополнять пробѣлы въ направленіи и веденіи общественныхъ дѣлъ, неизбѣжно связанные съ краткосрочностью выборныхъ магистратуръ, и сообщить сенату роль вѣрнаго оплота муниципальныхъ традицій и надежнаго хранителя добрыхъ нравовъ; и не удивительно, что сравнительно скоро сенатъ сталъ настоящимъ

центромъ муниципальнаго управленія, а ежегодно смѣнявшіяся магистраты превратились лишь въ его исполнительные органы. Если бывшихъ магистратовъ не хватало для заполненія списка сенаторовъ до обычной нормы—обыкновенно муниципальный сенатъ состоялъ изъ *cta* декуріоновъ—duumviri quinquennales заносили въ списокъ и имена гражданъ, не несшихъ еще выборныхъ должностей, но удовлетворявшихъ требованіямъ необходимаго для занятія этихъ должностей имущественнаго ценза. Какъ и новоизбранные магистраты, и вновь назначенные муниципальные сенаторы вносили въ муниципальную кассу весьма крупные почетные взносы. Имена членовъ сената вырѣзывались на бронзовой доскѣ, которая и называлась *album* (curiae). Въ спискѣ этомъ имена декуріоновъ стояли въ строго опредѣленномъ порядкѣ: открывался списокъ именами бывшихъ квинквенналовъ (duovirі quinquennales), за ними непосредственно слѣдовали бывшіе обыкновенные дуумвиры, затѣмъ шли бывшіе эдилы, потомъ бывшіе квесторы и уже за ними слѣдовали имена сенаторовъ, не занимавшихъ муниципальныхъ должностей. Въ этомъ же порядкѣ предсѣдательствовавшій въ сенатѣ дуовиръ спрашивалъ мнѣніе присутствовавшихъ здѣсь декуріоновъ по всѣмъ подлежавшимъ обсужденію и рѣшенію куріи вопросамъ, и это вело къ тому, что дебаты сразу же принимали направленіе, какое имъ давали раньше другихъ высказанныя мнѣнія самыхъ опытныхъ и авторитетныхъ членовъ куріи, и обсуждавшійся въ куріи вопросъ получалъ всѣ шансы быть рѣшеннымъ возможно болѣе удовлетворительнымъ образомъ.

Муниципальный совѣтъ въ полномъ его составѣ былъ слишкомъ громоздкимъ механизмомъ, чтобы съ успѣхомъ исполнять скоро окончательно перешедшую къ нему роль центральнаго органа мѣстнаго самоуправленія. И вотъ изъ состава совѣта постепенно выдѣляется небольшая группа въ видѣ его постоянной комиссіи, такъ называемые *decemprimi,* названные такъ потому, что имена ихъ занимали первыя десять мѣстъ въ спискѣ сенаторовъ (album curiae); это были, слѣдовательно, самые вліятельные члены куріи (въ большинствѣ бывшіе duovirі quinquennales и просто duovirі) и самые вліятельные граждане муниципія. Комиссія эта являлась постояннымъ совѣтомъ при магистратахъ, и ея компетентными указаніями они могли и даже должны были пользоваться (рѣшеніе большинства комиссіи было для нихъ обязательно) во всѣхъ вопросахъ муниципальнаго хозяйства (обложеніе, взиманіе налоговъ, сдача въ аренду муниципальныхъ земель и другихъ доходныхъ статей, расходованіе денегъ и т. п.). И центральному правительству, и его мѣстнымъ агентамъ удобнѣе было сноситься и вообще имѣть дѣло

съ этой небольшой, но чрезвычайно вліятельной группой, чѣмъ со всей куріей, и оно само постаралось вызвать къ жизни этотъ институтъ decemprimi даже тамъ, гдѣ онъ являлся совершеннѣйшей новостью, не имѣя никакихъ корней въ прошломъ (напримѣръ, въ большинствѣ городовъ греческаго востока), и, какъ мы уже видѣли, возложило на decemprimi отвѣтственность за исправное поступленіе слѣдуемыхъ ему съ населенія муниципія денежныхъ податей (tributum). Члены муниципальнаго сената пользовались нѣкоторыми почетными отличіями въ родѣ права сидѣть на особыхъ почетныхъ мѣстахъ въ театрахъ, носить особое платье и особыя украшенія и т. п.

Изъ предшествующаго изложенія видно, что мѣстное самоуправленіе въ Римской имперіи опиралось на состоятельные элементы провинціальнаго общества, которые и должны были играть въ немъ главную роль, оттѣсняя на задній планъ массу населенія. Активное участіе въ муниципальной жизни требовало отъ человѣка слишкомъ много матеріальныхъ жертвъ, которыя были подъ силу лишь сравнительно богатымъ землевладѣльцамъ городского округа. Не удивительно, что сравнительно скоро въ каждомъ муниципіи изъ общей массы гражданъ выдѣлилась группа самыхъ богатыхъ и самыхъ вліятельныхъ людей, которая и правила муниципіемъ, выбирая изъ своей среды магистратовъ и составляя изъ своихъ членовъ муниципальный сенатъ; словомъ, здѣсь мало-по-малу возникъ правящій классъ, напоминающій римскій нобилитетъ республиканской эпохи. И нужно замѣтить, что въ эпоху процвѣтанія муниципальнаго самоуправленія, когда центральное правительство еще не начало своего угнетающаго вмѣшательства въ мѣстную жизнь, эта правящая аристократія чрезвычайно горячо относилась къ интересамъ своего родного города (civitas) и не жалѣла собственныхъ средствъ для украшенія его роскошными постройками, вообще полезными сооруженіями (театрами, термами, статуями, портиками, водопроводами, рынками) и для пополненія городской кассы добровольными пожертвованіями на общественныя надобности. Муниципальная жизнь носила тогда еще очень интенсивный характеръ, и всѣ классы общества принимали въ ней живѣйшее участіе, дробясь на группы и партіи, ведшія между собою нерѣдко очень страстную, а подчасъ и шумную борьбу. Муниципальная жизнь сохраняла тогда еще свой политическій характеръ,—остатокъ отъ той, тогда сравнительно еще недавней, поры, когда многія муниципальныя общины были еще настоящими городскими государствами.

Стояло ли муниципальное самоуправленіе на высотѣ своей задачи? Современные изслѣдователи, повидимому, не склонны давать

на этотъ вопросъ утвердительный отвѣтъ. Они указываютъ, напримѣръ, на то, что едва ли можетъ быть хорошимъ управленіе, персоналъ котораго мѣняется ежегодно, не имѣя, такимъ образомъ, никакой возможности хоть сколько-нибудь серьезно ознакомиться съ кругомъ дѣлъ и отношеній, которымъ онъ призванъ руководить, и что и постоянная сенатская комиссія изъ decemprimi едва ли устраняла вполнѣ этотъ основной дефектъ въ самой постановкѣ муниципальной магистратуры; такъ что фактическое веденіе муниципальныхъ дѣлъ попадало въ концѣ-концовъ въ не особенно чистыя руки низшаго служебнаго персонала (такъ называемыхъ писцовъ, scribae), нерѣдко изъ городскихъ рабовъ, людей подолгу сидѣвшихъ на своихъ мѣстахъ и до тонкости знакомыхъ со всѣми мелочными деталями дѣлопроизводства, мало доступными и еще менѣе интересными для кратковременнаго обладателя правительственной власти, не отвѣтственныхъ исполнителей высшихъ предписаній и совершенно чуждыхъ муниципальнаго патріотизма, воодушевлявшаго ихъ начальство. Въ результатѣ—отсутствіе сколько-нибудь правильной отчетности и продажность.

Въ особенности тяжело долженъ былъ отзываться безпорядокъ въ управленіи на муниципальныхъ финансахъ. Муниципальное хозяйство велось какъ-то ужъ очень по-домашнему и съ значительнымъ забвеніемъ разницы между своимъ и чужимъ. Общественная мораль требовала, чтобы удостоенныя высокой чести выбора въ муниципальные магистраты лица тратили чуть ли не половину своего состоянія на угощеніе и на увеселеніе города и на украшеніе его роскошными постройками, и въ то же время закрывала глаза на то, что они нерѣдко для своихъ личныхъ надобностей совершенно свободно брали деньги изъ общественной кассы, и даже какъ будто признавала за ними нѣкоторое право на такой способъ возвращенія себѣ издержекъ, сопряженныхъ съ ихъ должностью. Не мало способствовало безпорядочности муниципальныхъ финансовъ и то, что непосредственное завѣдываніе ими поручалось самымъ младшимъ и самымъ неопытнымъ должностнымъ лицамъ муниципія, какими являлись квесторы. Въ результатѣ пожертвованные городу капиталы дробились и тратились на текущія нужды вмѣсто того, чтобы получать то болѣе производительное назначеніе, которое имѣлъ въ виду ихъ жертвователь, а подаренныя городу земли или вовсе лежали впустѣ, или же подвергались самой нехозяйственной эксплоатаціи. Слѣдуетъ обратить вниманіе еще на одно чрезвычайно существенное обстоятельство, съ своей стороны не въ малой мѣрѣ вносившее хаосъ въ муниципальные финансы. Муниципальное хозяйство въ весьма большой мѣрѣ питалось част-

ными добровольными пожертвованіями, на которыя такъ были щедры граждане муниципій въ эпоху расцвѣта муниципальной жизни. Какъ ни часты и щедры могли быть эти пожертвованія, но элементъ нерегулярности и случайности былъ присущъ имъ по самому ихъ существу. Естественно, что при такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о ясномъ бюджетѣ и всякія случайности предусматривающей, точно расчитанной финансовой политикѣ. Къ тому же, получая подарки, общины и сами были щедры на подарки частнымъ лицамъ, что тоже неблагопріятно отражалось на обычномъ финансовомъ положеніи муниципія. Отсюда—хроническая задолженность и ростовщическіе проценты кредиторамъ.

Пока римской державой правили сенаторы и публиканы, имъ даже на руку было плохое хозяйничанье муниципальныхъ властей, такъ какъ оно открывало весьма широкое поле для помѣщенія ихъ огромныхъ капиталовъ: извѣстно вѣдь, что отдача денегъ взаймы провинціальнымъ общинамъ за самые неумѣренные, законами республики рѣзко осуждаемые проценты занимала весьма видное мѣсто въ хозяйственной дѣятельности вершителей судебъ римской республики и ничуть не шокировала даже самыхъ уважаемыхъ среди нихъ, вполнѣ мирно уживаясь съ ихъ тонкими эстетическими вкусами и философскими исканіями какъ эпикурейскаго, такъ и сурово-стоическаго характера, что, впрочемъ, представляло и представляетъ собою довольно обычное явленіе и не у однихъ римлянъ. Но когда республиканскій режимъ смѣнился монархическимъ и стали все болѣе и болѣе развиваться фискальныя тенденціи императорскаго правительства, финансовая неурядица муниципальныхъ общинъ не могла не обратить на себя безпокойнаго вниманія центральной власти, которая, впрочемъ, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, повидимому, не чужда была и искренняго желанія облегчить затруднительное положеніе провинціаловъ. И вотъ начинается и постепенно дѣлается все болѣе и болѣе систематическимъ и мелочнымъ вмѣшательство центральнаго правительства имперіи и его агентовъ въ областяхъ во внутреннюю жизнь муниципіевъ, постепенно ограничивающее самостоятельность муниципальныхъ магистратовъ и сенатовъ и вводящее ихъ дѣятельность въ узкую колею повседневныхъ мелочей и въ концѣ-концовъ перестраивающее муниципальную жизнь на совсѣмъ иныхъ началахъ и тѣмъ наносящее ей смертельный ударъ.

Уже и во времена республики являлись иногда въ муниципіи намѣстники провинцій и производили ревизію городской отчетности. Но дѣлалось это, во-первыхъ, рѣдко и, во-вторыхъ, едва ли съ особенно большимъ вниманіемъ. Дѣло измѣнилось съ возникновеніемъ имперіи. Теперь ревизіи эти стали вестись часто и система-

тически какъ намѣстниками провинцій, такъ и спеціально для этого отправлявшимися императоромъ комиссарами. Императоры начинаютъ запрещать муниципіямъ дѣлать займы и безъ ихъ разрѣшенія вводить новые налоги и воздвигать на общинный счетъ новыя зданія. Запрещаются муниципіямъ пышныя, дорого стоящія посольства къ императорамъ для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ. Всѣ эти мѣропріятія имѣли въ виду чисто фискальную цѣль: путемъ упорядоченія муниципальнаго хозяйства гарантировать правильное поступленіе въ имперскую казну слѣдуемыхъ съ муниципальныхъ округовъ податей. Но, какъ ни стѣсняли они свободу дѣйствій муниципальныхъ властей, все же они, повидимому, не вносили въ муниципальные финансы желаннаго порядка.

И вотъ при императорѣ Траянѣ учреждается особая должность муниципальныхъ *кураторовъ* (*curator civitatis*, *curator reipublicae*), которымъ императоръ поручаетъ на болѣе или менѣе продолжительное время надзоръ надъ хозяйствомъ того или иного муниципія. Сначала кураторовъ назначали лишь для надзора надъ общинами, болѣе другихъ нуждавшимися въ возможно скорѣйшемъ приведеніи въ равновѣсіе ихъ расшатаннаго бюджета, и лишь на то время, которое окажется необходимымъ для достиженія этой цѣли. Но съ теченіемъ времени число кураторовъ увеличивалось, и должность ихъ становилась постоянной. Въ концѣ-концовъ не было уже муниципія, у котораго не было бы своего куратора.

Такимъ образомъ, муниципальное хозяйство было окончательно взято подъ бдительный контроль правительственнаго агента, безъ разрѣшенія котораго городъ не могъ предпринять ни одного сколько-нибудь серьезнаго шага. При тѣснѣйшей связи финансовъ со всѣми другими сторонами муниципальнаго (какъ и всякаго другого) управленія не удивительно, что скоро кураторъ пріобрѣтаетъ большое вліяніе и на всѣ сферы муниципальной жизни и дѣлаетъ все большіе и большіе захваты въ областяхъ компетенціи муниципальныхъ магистратовъ и совѣта, и это было дня него тѣмъ легче, что кураторами назначали обыкновенно очень важныхъ и вліятельныхъ людей, римскихъ сенаторовъ или всадниковъ, совершенно подавлявшихъ своимъ положеніемъ уже привыкшихъ раболѣпствовать муниципальныхъ властей и отнимавшихъ у нихъ всякую возможность отстаивать передъ ними свою самостоятельносстъ. Въ III вѣкѣ кураторовъ стали назначать изъ римскихъ сенаторовъ и всадниковъ, вышедшихъ изъ муниципальныхъ декуріоновъ и жившихъ въ родномъ муниципіи. Это дѣлало контроль куратора еще болѣе дѣйствительнымъ: живя въ своемъ родномъ городѣ и обстоятельно знакомый съ деталями его финансоваго (и не только финансоваго) положенія, онъ имѣлъ

больше возможности, чѣмъ кураторъ прежней поры, жившій далеко отъ порученнаго его попеченію муниципія, направлять каждый шагъ муниципальныхъ властей и превращался въ настоящаго правителя общины, передъ которымъ выборные магистраты теряли всякое значеніе.

Но скоро и кураторъ былъ поставленъ въ такое же положеніе, въ какое онъ поставилъ выборныхъ магистратовъ муниципія. Случилось это при Діоклетіанѣ. Діоклетіанъ, какъ мы уже знаемъ, увеличилъ число провинцій путемъ дробленія ихъ на возможно болѣе мелкія части и въ то же время весьма значительно умножилъ провинціальный служебный персоналъ. Благодаря этому губернаторъ и его помощники получили возможность и безъ помощи куратора очень близко наблюдать за жизнью всѣхъ находившихся въ предѣлахъ его провинціи муниципальныхъ общинъ, и значеніе куратора немедленно же пало, чему способствовало еще то весьма существенное обстоятельство, что Діоклетіанъ, какъ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ, возложилъ отвѣтственность за правильное поступленіе введенной имъ главной подати (capitatio terrena) на всѣхъ декуріоновъ и тѣмъ устранилъ необходимость правительственнаго надзора за муниципальнымъ хозяйствомъ, которая, какъ мы знаемъ, и вызвала къ жизни институтъ кураторовъ. Правительство предоставило тогда самимъ общинамъ выбирать себѣ кураторовъ, но это уже окончательно довело должность куратора до полнаго ничтожества. Полнымъ хозяиномъ въ муниципіи остался губернаторъ провинціи, и муниципальные магистраты теряютъ всякую самостоятельность (насколько она еще оставалась у нихъ) и превращаются въ послушныхъ исполнителей его воли. Если вначалѣ вмѣшательство центральнаго правительства въ муниципальное самоуправленіе имѣло въ виду устраненіе тѣхъ или иныхъ злоупотребленій, то теперь, когда агенты центральной власти стали полными распорядителями въ муниципіяхъ, злоупотребленія нигдѣ не находили уже противодѣйствія, произволъ царилъ въ городахъ безконтрольно, и народная масса совсѣмъ была отдана въ жертву поддерживавшимъ другъ друга сильнымъ людямъ.

Тогда правительство нашло необходимымъ принять мѣры для охраны народа (plebs urbana) отъ притѣсненій сильныхъ людей (potentiores) и своихъ собственныхъ агентовъ, въ особенности фискальныхъ, и въ виду этого императоръ Валентиніанъ I учредилъ въ 364 году должность *дефенсора*, т.-е. защитника (*defensor plebis, defensor civitatis*). Какъ это было вначалѣ и съ куратором, дефенсора назначалъ императоръ или префектъ соотвѣтствующей префектуры изъ видныхъ, чиновныхъ и вліятельныхъ людей, которые

могли бы импонировать не только муниципальному населенію и его главарямъ, но и самому губернатору провинціи. Какъ въ свое время кураторъ, такъ теперь и дефенсоръ очень скоро расширилъ свою компетенцію далеко за предѣлы своей спеціальной функціи— защищать слабаго отъ притѣсненій сильнаго и власть имущаго, сталъ во все вмѣшиваться и на все оказывать давленіе и въ концѣ-концовъ захватилъ въ свои руки все управленіе общиной и окончательно оттѣснилъ куратора на задній планъ (что, какъ мы видѣли, этотъ послѣдній сдѣлалъ въ свое время съ дуовирами и другими выборными магистратами). Расширивъ свои права, дефенсоръ умножилъ тѣмъ самымъ и свои обязанности, которыя не замедлила закрѣпить за нимъ центральная власть и тѣмъ сдѣлала должность дефенсора, ставшаго вникать во всѣ докучливыя мелочи мелкой муниципальной жизни, мало привлекательной и весьма отяготительной для представителей высшаго класса общества, передъ которыми были открыты гораздо болѣе заманчивыя служебныя перспективы, и они стали уклоняться отъ этой должности; отяготительной сдѣлалась она и для среднихъ круговъ. Правительству пришлось превратить ее изъ пожизненной въ пятилѣтнюю, а затѣмъ сократить ея продолжительность и до двухъ лѣтъ. Значеніе ея все падало. Императоры сдѣлали попытку возродить ее и предоставили (съ Θеодосія I) самимъ общинамъ избирать себѣ дефенсоровъ, своихъ «защитниковъ», которые могли бы непосредственно сноситься съ главою государства и доводить до его свѣдѣнія объ утѣсненіяхъ и обидахъ, чинимыхъ беззащитному плебею (plebs urbana) сильными людьми и имперской бюрократіей, а также разбирать собственной властью судныя дѣла, возникавшія на этой почвѣ. Дефенсоръ сталъ, такимъ образомъ, какъ и въ свое время кураторъ, мѣстнымъ человѣкомъ (его теперь избирали всѣ классы муниципальнаго общества изъ среды самыхъ уважаемыхъ и вліятельныхъ декуріоновъ, изъ такъ называемыхъ principales), и ему могли быть болѣе близки и дороги интересы муниципія, который былъ поставленъ подъ его защиту.

Но реформа эта не оживила должности дефенсора и мало помогла муниципальному населенію. Она пришла слишкомъ поздно: процессъ перерожденія муниципальнаго строя и неуклонно шедшій по его стопамъ процессъ умиранія муниципальной жизни, развивавшіеся на почвѣ общихъ условій политической и соціальной эволюціи римскаго общества, сдѣлали уже къ этому времени слишкомъ большіе успѣхи. И дуовиры, и кураторъ, и дефенсоръ—всѣ эти три должности продолжали существовать въ каждой муниципальной общинѣ, отмѣчая собою три послѣдовательныя эпохи въ исторіи муниципальнаго строя и одинаково безсильныя удержать

его отъ дальнѣйшаго разложенія. Если тѣмъ не менѣе муниципальный строй все же въ той или иной мѣрѣ сохранился на римской почвѣ (когда на ней началась уже новая жизнь и стала развиваться въ болѣе узкихъ формахъ, уже внѣ широкихъ рамокъ римской государственности, къ этому времени уже разложившейся), то не въ малой мѣрѣ произошло это благодаря поддержкѣ со стороны новой общественной силы, постепенно формировавшейся въ нѣдрахъ стараго общества и концентрировавшей въ себѣ его отливавшую отъ старыхъ формъ энергію, чтобы потомъ явиться единственной широко и прочно организованой силой, способной не только устоять среди бурь и непогодъ, которыми ознаменовалось послѣднее столѣтіе Западной Римской имперіи, но и все болѣе и болѣе укрѣпляться и стать опорой новаго общественнаго и политическаго порядка, а также всего того, что еще сохранилось отъ прошлаго и не было обречено на немедленное исчезновеніе. Римской церкви удалось то, что не удалось римскому императору: удалось дать городамъ въ лицѣ епископа настоящаго «защитника» (defensor civitatis), своимъ огромнымъ религіозно-моральнымъ авторитетомъ подавлявшаго всякую свѣтскую власть и способнаго оказывать дѣйствительную защиту слабому отъ посягательствъ сильнаго и власть имущаго, ограждать его отъ повсемѣстно царившаго безграничнаго произвола. Сначала фактически, а съ теченіемъ времени и въ силу права епископъ постепенно пріобрѣтаетъ вліяніе и власть въ предѣлахъ муниципія (совпадавшихъ съ предѣлами его епархіи) и становится во главѣ его въ качествѣ администратора и судьи, съ юрисдикціей котораго долженъ былъ считаться и губернаторъ провинціи. Въ шестомъ вѣкѣ мы уже видимъ епископа предсѣдательствующимъ во всѣхъ избирательныхъ собраніяхъ своего города и контролирующимъ всѣ стороны муниципальнаго управленія, а также разбирающимъ тяжбы, возникавшія среди муниципальнаго населенія.

Мы прослѣдили лишь одну сторону процесса перерожденія муниципальнаго строя Римской имперіи, именно постепенное ограниченіе самостоятельности муниципальныхъ магистратовъ и переходъ принадлежавшей имъ власти и правъ въ руки новыхъ, назначавшихся центральной властью должностныхъ лицъ, а въ концѣ-концовъ въ руки представителя церкви, епископа. Уже одинъ фактъ этого ограниченія и этого перехода долженъ былъ сильно поубавить у высшаго класса муниципальнаго общества интересъ къ занятію выборныхъ должностей, уже не дававшихъ никакого удовлетворенія честолюбію и тщеславію и не располагавшихъ къ добровольнымъ жертвамъ на нужды и украшеніе родного города. Къ тому же съ теченіемъ времени, съ ростомъ имперскаго единства, мѣст-

ный патріотизмъ, унаслѣдованный отъ той поры, когда муниципіи были еще въ той или иной мѣрѣ самостоятельными республиками, и безъ того мало-по-малу ослабѣвалъ, провинціалы (послѣ эдикта 212 года послѣ Р. Хр.) начинали чувствовать себя гражданами имперіи, и имъ стала представляться болѣе заманчивой болѣе блестящая столичная карьера, золотое кольцо римскаго всадника и тога (toga laticlava) римскаго сенатора. Богатый провинціалъ, съ честью прошедшій лѣстницу муниципальныхъ должностей и располагавшій состояніемъ по меньшей мѣрѣ въ 400.000 сестерцій, могъ разсчитывать стать членомъ всадничѐской аристократіи; а отсюда недалеко было и до сената: имущество въ милліонъ сестерцій и занятіе даже самой незначительной имперской магистратуры, а то и простое полученіе отъ императора однихъ лишь знаковъ ея открывали такому всаднику возможность войти въ составъ высшаго сословія въ государствѣ, стать римскимъ сенаторомъ.

Но это былъ не единственный путь. Съ тѣхъ поръ, какъ стала развиваться и забирать власть имперская бюрократія, для честолюбія открылись новыя перспективы, и даже служба въ безчисленныхъ канцеляріяхъ (officia) стала сулить почести и знатность. Если прежде, когда еще живы были традиціи республиканской поры, всякій уважавшій свое гражданское достоинство муниципальный совѣтникъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ смотрѣлъ на продажнаго наемника, отдававшаго свой трудъ и свою личность въ полное и безконтрольное распоряженіе начальника канцеляріи, нерѣдко выслужившагося вольноотпущенника, вчерашняго раба, то теперь, по мѣрѣ того, какъ монархическій режимъ, торжествуя матеріально, въ то же время дѣлалъ все больше и больше успѣховъ и въ дѣлѣ разрушенія политическихъ и моральныхъ понятій римскаго общества, унаслѣдованныхъ отъ эпохи республиканской свободы, и замѣны ихъ совсѣмъ инымъ политическимъ и этическимъ кодексомъ, болѣе соотвѣтствовавшимъ интересамъ новой власти и новаго политическаго и общественнаго порядка, измѣнились взгляды и представителей муниципальной аристократіи, и честолюбивый провинціалъ уже не обнаруживалъ той брезгливости, которая отличала римскаго гражданина прежней поры, и, не интересуясь больше уже значительно утратившей свою привлекательность муниципальной карьерой, безъ особеннаго насилія надъ собою поступалъ въ одну изъ столичныхъ канцелярій, не безъ основанія разсчитывая, при наличности необходимыхъ условій, сдѣлать здѣсь болѣе блестящую карьеру и вернуться въ родной городъ римскимъ всадникомъ и даже сенаторомъ. А свою привлекательность муниципальная карьера утратила не только потому, что сфера дѣятельности муници-

пальныхъ властей была до крайности съужена и ограничена разсмотрѣнными нами правительственными мѣропріятіями. Были налицо еще другія условія, дѣлавшія несеніе муниципальныхъ должностей не только мало привлекательнымъ, но прямо-таки тяжелымъ дѣломъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ тяжесть эта все увеличивалась.

Мы уже знаемъ, что муниципальная магистратура (какъ и магистратура римская) была безплатной и требовала отъ облеченнаго властью лица большихъ расходовъ въ видѣ добровольныхъ жертвъ на пользу родной общины. Чѣмъ больше были жертвы, тѣмъ больше было чести муниципальному сановнику, и его окруженное славой имя переходило въ потомство, а благодарные современники воздвигали ему статую на общинный счетъ. Естественно, что граждане муниципія на выборахъ отдавали предпочтеніе тѣмъ кандидатамъ, отъ которыхъ они могли ждать самыхъ великихъ и самыхъ богатыхъ милостей. Очень скоро эти добровольныя жертвы стали обязательны для муниципальныхъ сановниковъ. Ихъ требовалъ если не законъ, то прочно укоренившійся обычай, не допускавшій никакихъ нарушеній. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того, какъ муниципальные honores вслѣдствіе указанныхъ выше причинъ утрачиваютъ свою привлекательность, обычай этотъ съ своей стороны начинаетъ отвращать многихъ отъ занятія общинныхъ должностей. Не давая прежняго удовлетворенія, магистратура представляется уже матеріально отяготительнымъ бременемъ, котораго многіе начинаютъ избѣгать, такъ что уже къ концу перваго вѣка до Р. Хр. центральному правительству приходится принимать мѣры къ тому, чтобы муниципальныя должности не оставались незамѣщенными. Августъ понижаетъ необходимый для занятія этихъ должностей возрастъ съ 32 до 23 лѣтъ. Въ городское право испанскихъ общинъ конца перваго вѣка пришлось вставить параграфъ, предусматривающій возможность недостатка въ кандидатахъ на выборныя должности и гласящій, что въ такомъ случаѣ руководящій выборами дуовиръ самъ долженъ предложить въ качествѣ кандидата на ту или иную должность подходящее лицо; это послѣднее можетъ съ своей стороны назвать еще двухъ лицъ, и выборъ между ними (всѣми тремя) рѣшало уже народное голосованіе; при этомъ избранный такимъ образомъ *обязанъ* былъ принять избраніе, въ противномъ случаѣ подвергаясь тяжелому штрафу.

Въ муниципальное самоуправленіе проникаетъ, такимъ образомъ, *принципъ внѣшняго принужденія*, правда, пока еще въ сравнительно ограниченномъ видѣ; но недалеко было время, когда онъ получилъ здѣсь совершенно неограниченное примѣненіе. Не слѣдуетъ упус-

кать изъ вида, что отсутствіе кандидатовъ на муниципальныя должности не только тормозило ходъ муниципальнаго управленія, но и грозило его матеріальнымъ рессурсамъ, такъ такъ добровольныя пожертвованія, дѣлавшіяся магистратами, составляли настолько важную статью общиннаго бюджета, что отсутствіе ея или сколько-нибудь значительное сокращеніе ставило общину въ немалое затрудненіе, и со стороны правительства было вполнѣ естественнымъ какъ-нибудь предотвратить подобнаго рода бюджетныя колебанія. И правительство не нашло ничего лучшаго, какъ сдѣлать для каждаго магистрата муниципальной общины обязательнымъ истратить на общинныя нужды опредѣленную, соотвѣтствующую высотѣ его должностного ранга сумму, не дѣлая при этомъ различія между людьми, добровольно принявшими выборную должность, и людьми, принявшими ее по принужденію. Положеніе это къ началу второго вѣка (послѣ Р. Хр.) получило уже повсемѣстное примѣненіе.

Разъ и занятіе муниципальныхъ должностей, и добровольная трата весьма значительныхъ суммъ на пользу общины во время отправленія магистратуры стали повинностью, къ несенію которой правительство принуждало каждаго муниципальнаго гражданина, удовлетворявшаго требованіямъ возраста и имущественнаго ценза, то въ интересахъ гражданъ каждаго муниципія было привлечь къ отбыванію этой повинности возможно большій кругъ людей и, въ частности, тѣхъ изъ жителей муниципія, которые, не имѣя въ немъ правъ гражданства, тѣмъ самымъ были освобождены и отъ тѣхъ тягостей, какія были соединены съ пользованіемъ ими и, въ частности, съ правомъ несенія муниципальныхъ магистратуръ. Припомнимъ, что на ряду съ гражданами въ каждомъ муниципіи жили простые обыватели (incolae) (обыкновенно граждане другихъ муниципіевъ), а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и подданные муниципія. И вотъ теперь граждане муниципіевъ начинаютъ обращаться къ правительству съ ходатайствами о томъ, чтобы были надѣлены правами муниципальнаго гражданства какъ обыватели, такъ и подданные.

Нужно замѣтить, что къ этому времени въ муниципальныхъ общинахъ уже сложился правящій классъ, служебная, вѣрнѣе сказать, должностная аристократія. Это были самые богатые граждане общины. Изъ нихъ выбирались магистраты, изъ нихъ же, слѣдовательно, составлялся и муниципальный сенатъ; сыновья и родственники сенаторовъ являлись естественными кандидатами въ квесторы, эдилы и дуовиры, а черезъ нихъ и въ сенаторы; въ сенаторы можно было имъ попасть и прямо, если бывшихъ магистратовъ нехватало для заполненія сенаторскаго списка (album curiae). Однимъ словомъ,

это были или уже внесенные въ списокъ сенаторы или болѣе или менѣе близкіе кандидаты въ сенаторы. Не удивительно, что терминъ ordo decurionum (такъ назывался муниципальный сенатъ) сталъ обозначать не только муниципальный сенатъ въ собственномъ смыслѣ, но и весь этотъ наслѣдственный правящій классъ муниципальной общины.

Если прежде, въ эпоху расцвѣта муниципальнаго самоуправленія и свободы, этотъ правящій классъ обнаруживалъ тенденцію къ сословной замкнутости, то теперь, когда въ муниципальную жизнь проникъ принципъ принужденія и несеніе муниципальныхъ должностей изъ высоко цѣнившейся привелегіи превратилось въ тяжкую повинность, тенденція эта смѣнилась ей противоположной, и сословіе декуріоновъ стало стремиться къ возможно большему расширенію своихъ рамокъ, и именно этотъ смыслъ имѣли отправлявшіяся отъ нихъ къ императору ходатайства, о которыхъ только что была рѣчь. Чѣмъ тягостнѣе становились муниципальныя повинности, тѣмъ все шире и шире раздвигались рамки декуріоната, и въ концѣ-концовъ въ ordo принужденъ былъ вступать каждый, кто обладалъ необходимымъ имущественнымъ цензомъ. А между тѣмъ всякій, кто только могъ найти къ этому способъ, старался уклониться отъ несенія муниципальныхъ должностей. Число лицъ, добровольно бравшихъ на себя общинныя должности, чтобы этимъ избавить отъ этого тяжкаго бремени другихъ, для которыхъ оно было еще тяжелѣе, становится все меньше и меньше. Дуовирамъ все чаще и чаще приходится при выборахъ самимъ указывать «подходящихъ» кандидатовъ, такъ какъ добровольныхъ кандидатовъ оказывается все меньше и меньше. А между тѣмъ эта такъ называемая «номинація» (nominatio) была вещью обоюдоострой: если указанный дуовиромъ кандидатъ не оказывался «подходящимъ», то-есть, если у него не оказывалось собственныхъ средствъ, необходимыхъ для несенія навязанной ему должности, то эти средства долженъ былъ доставить ему самъ дуовиръ, его указавшій, изъ собственнаго имущества. Это привело къ тому, что довиры въ интересахъ самосохраненія поставили номинацію въ зависимость отъ рѣшенія большинства ordo, декуріоновъ, къ которымъ такимъ образомъ и перешли фактически выборы должностныхъ лицъ и вмѣстѣ съ тѣмъ имущественная отвѣтственность за выбранное ими лицо. Если въ прежнее время, когда муниципальныхъ должностей домогались какъ высшей чести, декуріоны все свое вліяніе пускали въ ходъ во время выборовъ, чтобы обезпечить дуовиратъ, эдилитетъ или квестуру за своими сыновьями и родственниками, то теперь, когда выборы перешли прямо въ ихъ руки, они стали дѣйствовать совершенно наоборотъ, старясь всѣми

способами избавить своихъ сыновей и родственниковъ отъ этой ставшей непосильной чести.

Уже совершенно невыносимымъ стало лежавшее на декуріонахъ бремя, когда Діоклетіанъ, произведя уже знакомую намъ податную реформу и введя поземельный натуральный налогъ (capitatio terrena), взвалилъ на декуріоновъ взиманіеналога и отвѣтственность за его исправное поступленіе. Если и до этого муниципальныя повинности (въ которыя превратились когда то высокоцѣнившіеся муниципальные honores) разорили много состоятельныхъ семействъ и тѣмъ уменьшили контингентъ людей, способныхъ нести ихъ, и въ соотвѣтствующей мѣрѣ усилили тяжесть бремени, лежавшаго на тѣхъ, кто еще могъ выносить его, то теперь онѣ стали производить настоящій хозяйственный разгромъ въ сословіи декуріоновъ. Кто только могъ, бѣжалъ изъ куріи. У кого была протекція, тому удавалось получить отъ императора должность съ титуломъ vir egregius, освобождавшимъ отъ декуріоната, а то и просто одинъ лишь должностный рангъ (къ этому времени обычай раздавать одни лишь должностные ранги и привилегіи людямъ, никакихъ должностей въ дѣйствительности не занимавшимъ, получилъ самое широкое распространеніе). Многіе и дѣйствительно поступали на службу, и это было для нихъ тѣмъ легче, что Діоклетіанъ, какъ мы знаемъ, сильно увеличилъ войско и армію чиновничества и тѣмъ создалъ большой спросъ на людей, необходимыхъ для этого. Прежде въ муниципальной жизни не малое участіе принимали ветераны. Теперь имъ удается добиться освобожденія отъ декуріоната для себя и для своихъ сыновей. Въ виду этого многіе поступаютъ на военную службу лишь для того, чтобы поскорѣе откупиться отъ нея и выйти въ отставку человѣкомъ, свободнымъ отъ муниципальнаго бремени.

Все это вело все къ большему и большему опустѣнію курій. И правительство, и оставшіеся еще въ куріи декуріоны всѣ усилія употребляли на то, чтобы не дать куріи окончательно захирѣть и лишиться такимъ образомъ возможности играть ту важную фискальную роль, на которой покоилась вся податная система государства. Давно уже былъ открытъ доступъ въ курію и вольноотпущенникамъ. Теперь Діоклетіанъ издалъ повелѣніе, чтобы въ декуріоны записывали безграмотныхъ людей и людей, занимающихся грязнымъ ремесломъ, а также тѣхъ, кто запятналъ свою гражданскую честь предосудительнымъ поведеніемъ; онъ также отмѣнилъ до тѣхъ поръ имѣвшее законную силу постановленіе, что дѣти при жизни родителей не могутъ безъ ихъ согласія вступать въ ordo decurionum. Съ своей стороны декуріоны зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы не

ускользнулъ отъ муниципальной петли тотъ, у кого только они могли подозрѣвать сколько-нибудь значительные рессурсы. Но все это оказывалось недостаточнымъ для того, чтобы остановить неуклонно развивавшійся процессъ разложенія муниципальнаго строя. Тогда правительство рѣшило прибѣгнуть къ радикальному средству.

Въ 325 году Константинъ Великій издалъ слѣдующее постановленіе. Кто родился въ сословіи декуріоновъ, того ни постановленіе его ordo, ни даже рескриптъ императора не могутъ освободить отъ несенія муниципальныхъ повинностей той общины, къ которой онъ по рожденію принадлежитъ. Не имѣетъ онъ и права переселиться въ другую общину, и если онъ сдѣлаетъ это, то обязывается нести муниципальныя повинности обѣихъ общинъ. Не можетъ онъ также занимать какой бы то ни было гражданской или военной должности. Даже тѣ изъ сословія декуріоновъ, кто уже занималъ подобную должность, должны были оставить ее и вернуться въ ordo своей родной общины, если только они не имѣли уже за собой двадцати лѣтъ службы или не дослужились до опредѣленнаго значительнаго служебнаго положенія (primipilaris). Даже разрѣшеніе императора, котораго добивались (и получали) многіе, чтобы поступить на службу, даже его указъ объявлялъ не имѣющимъ уже силы. Все это было распространено также и на тѣхъ, кто, не происходя изъ сословія декуріоновъ, былъ уже привлеченъ въ силу «номинаціи» со стороны декуріоновъ данной общины къ несенію муниципальныхъ повинностей и путемъ поступленія на государственную службу хотѣлъ избавиться отъ нихъ. Не подлежали принудительному возвращенію въ ordo своей родной общины лишь тѣ изъ сословія декуріоновъ, кто уже служилъ въ придворныхъ канцеляріяхъ или уже былъ римскимъ сенаторомъ. Освобождались отъ разорительнаго декуріоната по понятнымъ фискальнымъ мотивамъ и наслѣдственные арендаторы императорскихъ земель. Не вступали попрежнему въ сословіе декуріоновъ и сыновья ветерановъ, но только въ томъ случаѣ, если они до двадцатипятилѣтняго возраста сами вступали въ войско; въ противномъ случаѣ и они приписывались въ сословіе декуріоновъ.

Черезъ годъ съ лишнимъ (въ 326 году) въ дополненіе къ этому указу Константинъ разослалъ префектамъ циркуляръ, который еще болѣе ограничивалъ кругъ должностей, занятіе которыхъ освобождало отъ муниципальнаго ига. Возвращенію въ ordo подлежали теперь и тѣ изъ сословія декуріоновъ, которые занимали придворныя должности; о тѣхъ изъ нихъ, которые уже носили титулъ comes, а также занимали высшія должности въ финансовомъ управленіи или были намѣстниками провинцій всаднического ранга, было сказано, что сами они оста-

ются на своихъ мѣстахъ, но сыновья ихъ обязаны вернуться въ ordo той общины, откуда они родомъ. Было признано недѣйствительнымъ прежнее постановленіе, что двадцать лѣтъ государственной службы освобождали отъ декуріоната. Лишь для нѣкоторыхъ разрядовъ офиціаловъ, служба которыхъ признавалась особенно необходимой для блага государства, и прежде всего для весьма немалочисленной арміи государственныхъ шпіоновъ («любопытныхъ», curiosi, иначе agentes in rebus), императоръ находилъ возможнымъ сдѣлать исключеніе: они и впредь, прослуживъ извѣстный срокъ (не для всѣхъ изъ нихъ одинаковый: для однихъ 25 или 20 лѣтъ, для другихъ 15 и даже десять), навсегда освобождались отъ декуріоната.

Законодательство Константина Великаго знаменуетъ собою уже совершенно открытый переходъ къ новому порядку отношеній между государствомъ и обществомъ и кладетъ прочныя правовыя основы этому порядку. Указъ 325 года и циркуляръ 326 года не болѣе и не менѣе, какъ *прикрѣпляютъ куріаловъ (иначе—декуріоновъ) къ куріи, превращаютъ ихъ въ наслѣдственно несущее бремя муниципальныхъ повинностей и фискальной отвѣтственности сословіе, въ сословіе тяглыхъ людей.*

Это прикрѣпленіе къ государственнымъ повинностямъ, къ государственному тяглу постигло не однихъ декуріоновъ. Оно распространилось, какъ мы скоро увидимъ, и на другіе классы римскаго общества и мало-по-малу перестроило общество на новыхъ началахъ кастовой наслѣдственности и неподвижности. Тотъ же Константинъ Великій въ 331 году издалъ указъ, направленный противъ декуріоновъ, которые, опираясь на законы 325 и 326 годовъ, пытались расширить рамки своего сословія тѣмъ, что записывали въ кандидаты на муниципальныя должности еще далеко не достигшихъ законнаго возраста сыновей офиціаловъ, жившихъ на территоріи данной общины, съ тѣмъ, чтобы они, достигнувъ соотвѣтствующаго возраста, уже не могли уклониться отъ муниципальной службы и поступить на государственную службу. Запрещая подобнаго рода пріемы, императоръ въ то же время постановляетъ, что всякій, кто происходитъ отъ офиціала, имѣетъ право быть принятымъ въ ту же канцелярію (officium), въ которой служилъ его отецъ. Указъ 331 года создаетъ, такимъ образомъ, *наслѣдственныхъ офиціаловъ,* какъ указъ 325 г. создаетъ *наслѣдственныхъ солдатъ,* предписывая, какъ мы видѣли, сыновьямъ ветерановъ до двадцатипятилѣтняго возраста поступать въ военную службу, если они не желаютъ быть записанными въ сословіе декуріоновъ. Мы скоро увидимъ, что такому же сословному закрѣпощенію подверглись и ремесленники, и крестьяне. Те-

перь же мы дополнимъ сказанное о декуріонахъ еще нѣкоторыми данными.

Законодательство не остановилось на указахъ Константина. Правительство неутомимо продолжало изыскивать мѣры, чтобы пріостановить непрекращавшееся опустѣніе курій. Уже съ конца третьяго вѣка уклоненію отъ участія въ муниципальной жизни не въ малой мѣрѣ способствовало дѣлавшее все большіе и большіе успѣхи христіанство. Управленіе общиной было тѣсно связано съ языческой религіей, которая освящала всѣ муниципальныя функціи и находилась въ вѣдѣніи муниципальныхъ властей. Не удивительно, что христіане избѣгали муниципальныхъ должностей, тѣмъ болѣе духовныя лица. Съ официальнымъ торжествомъ христіанства при Константинѣ дѣло измѣнилось: у христіанъ уже не было религіозныхъ основаній отказываться отъ несенія муниципальныхъ повинностей въ качествѣ магистрата и члена общиннаго совѣта. Свободными отъ этихъ повинностей могли быть только духовныя лица. И Константинъ Великій официально призналъ за ними эту привилегію. Но, признавъ несовмѣстимость декуріоната съ духовнымъ званіемъ, онъ этимъ создалъ вполнѣ законный путь для людей, желавшихъ освободиться отъ тяжкаго бремени, лежавшаго на куріалѣ, открывъ имъ двери въ духовное сословіе. Преемники Константина скоро замѣтили, къ какимъ результатамъ приводило его постановленіе, и рядомъ указовъ постарались парализовать неудобныя для муниципальнаго строя послѣдствія этого постановленія. Такъ, въ 364 году Валентиніанъ и Валентъ обязали всѣхъ декуріоновъ, желавшихъ вступить въ духовное сословіе, оставлять все свое состояніе кому-либо изъ своихъ родственниковъ, который бы вступилъ благодаря этому въ курію на мѣсто ушедшаго изъ нея, а то и просто оставлять его самой куріи; а въ 398 году Аркадій и Гонорій и вовсе запретили декуріонамъ вступать въ духовное сословіе, грозя ослушникамъ насильственнымъ возвращеніемъ въ курію.

У куріаловъ оставался еще одинъ выходъ: сдѣлаться римскимъ сенаторомъ. Правда, при тѣхъ ограниченіяхъ служебной карьеры куріала, о которыхъ была рѣчь выше, это завершеніе ея было вещью, очень мало доступной для куріала, но все же не вполнѣ недосягаемой, и императорскіе указы стремятся загородить и этотъ выходъ, все же остававшійся не вполнѣ закрытымъ. Такъ, въ 390 году императоры Валентиніанъ, Ѳеодосій и Аркадій объявляютъ, что вышедшіе изъ куріаловъ римскіе сенаторы должны вмѣстѣ со своими дѣтьми оставаться въ куріи своей родной общины. Правда, нѣсколько позже тѣ же императоры позволили имъ вмѣсто себя оставлять въ куріи замѣстителей, которыхъ они должны снабдить не-

обходимыми для этого средствами, но въ 439 году Ѳеодосій Младшій запретилъ всѣмъ безъ исключенія куріаламъ добиваться сенаторскаго достоинства и всякихъ вообще повышеній.

Тщательно закрывая выходъ изъ сословія куріаловъ, правительство продолжало изыскивать средства къ его пополненію. Всѣ, у кого была земельная собственность въ размѣрѣ не менѣе 25 югеровъ, обязаны были по достиженіи 18-лѣтняго возраста вступать въ курію. Разъ вступивъ въ курію, человѣкъ долженъ былъ сохранять неприкосновеннымъ свое имущество, обезпечивавшее ему возможность несенія лежавшихъ на немъ повинностей. У правительства окончательно складывается взглядъ на имущество куріала какъ на фондъ, гарантирующій исправное веденіе миниципальныхъ дѣлъ, а главное, исправное полученіе казной государственныхъ налоговъ, лежавшихъ на городскомъ округѣ, и оно зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы куріалъ какимъ-либо путемъ не уменьшилъ этого фонда. Куріалъ могъ продать свою недвижимость или своихъ рабовъ лишь съ разрѣшенія губернатора провинціи, и то только въ силу абсолютной необходимости, иначе актъ продажи считался недѣйствительнымъ. Если куріалъ по завѣщанію или еще при жизни дѣлалъ какія-либо отчужденія въ пользу лицъ, не принадлежавшихъ къ куріи, то онъ обязанъ былъ, съ IV вѣка, платить при этомъ пошлину въ пользу своей куріи. Юстиніанъ и вовсе запретилъ куріаламъ подобныя отчужденія. Въ 428 году Ѳеодосій и Валентиніанъ постановляютъ, что курія имѣетъ право на четвертую часть имущества куріала, которое по закону переходитъ къ лицу, не принадлежащему къ куріи, а Юстиніанъ принимаетъ рядъ мѣръ къ тому, чтобы во всѣхъ случаяхъ смерти куріала безъ законныхъ или узаконенныхъ дѣтей курія получала четверть, а затѣмъ и три четверти его имущества.

Мы не будемъ продолжать нашего перечня мѣръ, которыя императорское правительство принимало для пополненія пустѣвшихъ курій и для окончательнаго закрытія выхода изъ нихъ тѣмъ, кто разъ попалъ туда. Перечень этотъ вышелъ бы слишкомъ длиннымъ. И того, что уже сказано, достаточно, кажется намъ, для того, чтобы вполнѣ опредѣленными чертами обрисовалось передъ нами то положеніе, которое создавали эти мѣры для куріаловъ, прикрѣпляя ихъ къ государственному тяглу. «Всякій знаетъ, что куріалы—рабы республики (servi reipublicae)», выразился какъ-то одинъ изъ императоровъ пятаго вѣка. И куріалы дѣйствительно стали рабами государства и узниками своего муниципія. Курія стала для нихъ наслѣдственной тюрьмой. Приписать человѣка къ куріи было равносильнымъ ссылкѣ его на галеры, въ каторжныя

работы; и преступниковъ, вмѣсто того чтобы подвергать наказанію или отдавать на казнь (loco supplicii, ob culpam), зачисляли въ куріалы. То же дѣлали въ послѣдній періодъ гоненій и съ богатыми христіанами вмѣсто того, чтобы отдавать ихъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Рабы государственнаго интереса, обязанные все приносить ему въ жертву и единственный смыслъ своей жизни видѣть въ неусыпномъ служеніи ему, они какъ настоящіе рабы подвергались жесточайшимъ пыткамъ за малѣйшее уклоненіе отъ своего тяжкаго долга; за малѣйшую неисправность въ удовлетвореніи предъявляемыхъ къ нимъ непомѣрно тяжелыхъ фискальныхъ требованій императорское правительство не жалѣло для нихъ кнутовъ съ свинцовыми наконечниками и другихъ еще болѣе страшныхъ каръ. Если въ прежнія времена декуріоны тратили свои средства, свой умъ и свою энергію на пользу и на украшеніе своей родной общины, то теперь всѣ свои силы они направляли на то, чтобы сбросить съ себя ея оковы и бѣжать изъ страшной тюрьмы. И, несмотря на истинно драконовскія мѣры правительства, имъ удавалось бѣжать изъ нея. Бывали случаи, что они убѣгали цѣлыми массами (въ 388 году куріалы четырехъ городовъ Мизіи разбѣжались всѣ разомъ) и, скрывшись въ лѣсахъ, составляли разбойничьи шайки и жили грабежомъ.

Предшествующее изложеніе въ достаточной, какъ намъ кажется, мѣрѣ выяснило общій характеръ и соціальный и политическій смыслъ разсмотрѣнной нами эволюціи римскаго муниципальнаго строя. Мы внимательно наблюдали печальную картину того, какъ полные жизни и самой энергичной и свободной дѣятельности общественные организмы, какими были римскіе муниципіи въ эпоху своего процвѣтанія, императорское правительство мало-по-малу превратило въ свои фискальные органы, въ механически двигавшіяся колеса своей огромной административной машины и тѣмъ убило въ нихъ всякую энергію и всякую жизнь и, обрекая на невыносимо тяжкое рабство когда-то самые сильные и самые дѣятельные элементы муниципальнаго населенія, наносило непоправимый ударъ ихъ матеріальному и духовному существованію и все болѣе и болѣе развивало въ нихъ ненависть къ государству, заставляя ихъ видѣть въ немъ источникъ всѣхъ своихъ бѣдствій, страшную губительную силу и своего злѣйшаго врага. Убивая муниципальную свободу и разрушая соціальную основу муниципальной жизни, когда-то сильный классъ среднихъ землевладѣльцевъ, имперія неуклонно шла къ своей собственной погибели.

VIII.

Прикрѣпленіе къ государственному тяглу куріаловъ путемъ постепеннаго превращенія ихъ въ наслѣдственно несущее бремя муниципальныхъ повинностей и фискальной отвѣтственности сословіе представляетъ собою лишь одинъ изъ элементовъ общаго процесса закрѣпощенія, которому постепенно подверглось римское общество въ теченіе четвертаго и пятаго вѣка подъ все возраставшимъ бременемъ требованій, предъявлявшихся ему государствомъ. Общество Римской имперіи стало перестраиваться на новыхъ началахъ, стало расчленяться на рѣзко обособленныя сословныя группы, наслѣдственныя касты, обреченныя на подневольную службу государству въ качествѣ его органовъ и орудій. Наслѣдственной кастой, кромѣ куріаловъ, сдѣлались, какъ мы видѣли, и офиціалы, имперская бюрократія; характеръ наслѣдственной касты въ значительной мѣрѣ пріобрѣло и имперское войско; та же участь постигла и производительные классы римскаго общества, крестьянъ и ремесленниковъ; не избѣгли ея и торговцы. Мы и должны теперь заняться выясненіемъ того, какъ и въ какихъ формахъ произошло закрѣпощеніе этихъ представителей хозяйственной дѣятельности римскаго общества, и къ какимъ хозяйственнымъ, соціальнымъ и политическимъ послѣдствіямъ оно привело, предварительно ознакомившись съ главными чертами хозяйственной эволюціи римскаго общества въ эпоху, предшествовавшую закрѣпощенію и, какъ увидимъ, не въ малой мѣрѣ подготовившую его.

Намъ уже приходилось касаться римскаго землевладѣнія и отчасти хозяйства, когда шла рѣчь о соціальныхъ причинахъ перехода республиканскаго режима въ монархическій. Мы видѣли, что однимъ изъ крупнѣйшихъ результатовъ завоевательной политики Рима было развитіе въ римскомъ обществѣ крупнаго землевладѣнія. Если процессъ образованія большихъ помѣстій начался чуть ли еще не за предѣлами сколько-нибудь достовѣрной исторіи римской республики, то въ послѣдніе два вѣка этой исторіи онъ развивался съ особенной силой и быстротой, все болѣе и болѣе обнаруживая свои антисоціальныя тенденціи, все болѣе и болѣе губительно отражаясь на благосостояніи основной массы римскаго гражданства, крестьянъ, и тѣмъ создавая грозную опасность для всего государства. Мы указывали въ своемъ мѣстѣ, что это сосредоточеніе земли въ рукахъ правящаго класса и обезземеленье крестьянъ, дѣлавшее все большіе и большіе успѣхи, было одной изъ основныхъ причинъ, приведшихъ римскую республику къ политическому кризису, который и разрѣшился возникновеніемъ принципата.

Новой монархіи предстояло смягчить соціальные контрасты, отнявъ у земельной и денежной аристократіи соціальное и политическое господство надъ массой и поднявъ матеріально эту послѣднюю. Въ какой мѣрѣ ей удалось справиться съ чисто политической стороной этой обширной задачи, удалось сокрушить силу и крѣпость правившей міромъ олигархіи, безпощадно истребляя самыхъ неподатливыхъ и непримиримыхъ ея представителей и заставляя остальныхъ признать повый режимъ и приспособиться къ созданнымъ имъ условіямъ, объ этомъ вполнѣ опредѣленно и выразительно говоритъ исторія принципата съ самаго момента его утвержденія. Не такъ ясенъ и опредѣленъ отвѣтъ на вопросъ о результатахъ, достигнутыхъ монархіей въ ея борьбѣ съ соціальнымъ преобладаніемъ политически обезсиленной ею аристократіи.

Да и самый фактъ борьбы монархіи съ аристократіей на соціальной почвѣ представляется далеко не въ опредѣленныхъ терминахъ. Элементъ планомѣрнаго стремленія къ ясно сознанной цѣли, въ значительной мѣрѣ наблюдаемый въ исторіи отношеній представителей новой власти къ аристократіи, поскольку эта послѣдняя являлась политической силой, и дающій намъ полное право говорить о борьбѣ римской монархіи съ аристократіей изъ-за политической власти, далеко не въ такой мѣрѣ замѣтенъ въ соціальной политикѣ императоровъ, поскольку можетъ быть рѣчь о соціальной политикѣ, когда мы имѣемъ въ виду цѣлый рядъ самыхъ различныхъ мѣропріятій правительства, направленныхъ на самыя разнообразныя стороны хозяйственной и правовой жизни общества и преслѣдовавшихъ интересы самыхъ различныхъ соціальныхъ слоевъ, а то и просто своекорыстные интересы правившей династіи. Конфискаціи, такъ неумѣренно часто постигавшія колоссальныя владѣнія членовъ сенатской знати, носомнѣнно, экономически ослабляли это когда-то всесильное сословіе и укрѣпляли экономическую силу монархіи. Но можно ли усмотрѣть въ этихъ конфискаціяхъ сознательное стремленіе монархіи соціально ослабить аристократію? Не была ли это простая расправа императоровъ съ своими политическими врагами и одинъ изъ легкихъ способовъ расширить свои земельныя владѣнія? Къ тому же, захватывая въ свои руки латифундіи знати, императоры этимъ вовсе не облегчали хозяйственной и соціальной зависимости земледѣльческой массы, которая при этомъ только мѣняла одного господина на другого и, какъ скоро увидимъ, попадала въ еще болѣе тѣсную зависимость: вѣдь закрѣпощеніе крестьянъ раньше всего произошло какъ разъ на императорскихъ домэнахъ. То же можно сказать и о другихъ способахъ расширенія императорами своихъ земельныхъ владѣній, сравнительно скоро достигшихъ колоссальныхъ

размѣровъ. Императоръ сталъ крупнѣйшимъ римскимъ землевладѣльцемъ, и его многочисленные латифундіи, какъ главы государства и какъ частнаго лица, были разбросаны по всему признававшему римскую власть міру и находились въ завѣдываніи обширной и сложной администраціи,—вотъ вполнѣ реальный результатъ пріобрѣтательской дѣятельности представителей римской монархіи и, въ частности, произведенныхъ ими многочисленныхъ и нерѣдко колоссальныхъ конфискацій. Безспорно, это создавало императору очень твердую почву для дальнѣйшаго упроченія своей власти и, въ частности, давало ему матеріальную силу для борьбы съ враждебными ему элементами и теченіями въ римскомъ обществѣ; но едва ли здѣсь можно усматривать какую-либо соціальную политику римской монархіи, направленную къ поднятію массы путемъ ослабленія хозяйственнаго и соціальнаго могущества аристократіи.

Какъ будто больше данныхъ говорить о соціальной политикѣ мы находимъ въ мѣропріятіяхъ императоровъ, направленныхъ непосредственно къ поднятію матеріальнаго положенія крестьянской массы и землевладѣльцевъ средняго типа. Къ числу ихъ принадлежитъ основаніе колоній какъ въ Италіи, такъ и въ провинціяхъ, и организація правительствомъ имперіи поземельнаго кредита для мелкихъ и среднихъ собственниковъ Италіи, а также предоставленіе массѣ безземельнаго люда въ арендное пользованіе небольшими участками императорскихъ земель. Такимъ путемъ императоры достигали въ извѣстной мѣрѣ чисто политической цѣли, успокаивая соціальное недовольство низшихъ классовъ, не менѣе опасное для нихъ, чѣмъ политическая вражда представителей когда-то всесильной аристократіи. По существу всѣ эти мѣры были едва ли не тѣмъ же, чѣмъ были для столичнаго пролетаріата panis et circenses, и хозяйственнаго и соціальнаго преобладанія аристократіи онѣ не подрывали, да и едва ли имѣли въ виду подрывать.

Сознательной соціальной политики въ этомъ смыслѣ въ отношеніи къ аристократіи императоры не преслѣдовали. Они лишь имѣли въ виду вытравить изъ аристократіи республиканскія чувства и понятія, и воспитать ее въ монархическихъ чувствахъ и идеяхъ, и намъ уже приходилось отмѣчать успѣхи, достигнутые ими въ этомъ отношеніи. Постепенно превратившись въ дворянство, аристократія стала опорой трона, и ея представители высшую цѣль своего честолюбія стали видѣть въ титулахъ и отличіяхъ, жалуемыхъ монархомъ за вѣрную службу, а также въ тѣхъ великихъ и богатыхъ милостяхъ, которыми монархія щедрою рукой осыпала своихъ вѣрныхъ слугъ. Монархія не только не ослабила хозяйственнаго и соціальнаго преобладанія аристократіи, но въ силь-

нѣйшей мѣрѣ усилила его на счетъ своихъ собственныхъ колоссальныхъ владѣній, постепенно переходившихъ путемъ всякаго рода пожалованій въ руки чиновныхъ представителей высшаго класса общества, и тѣмъ въ концѣ-концовъ, въ ряду другихъ факторовъ, подготовила себѣ не мало крайне серьезныхъ и опасныхъ осложненій. Все это какъ будто даетъ намъ право утверждать, что если монархія, возникнувъ въ формѣ принципата, вела борьбу съ аристократіей, то борьба эта велась на чисто политической почвѣ. Уже самый фактъ возникновенія принципата знаменовалъ собою побѣду монархіи надъ всемогущимъ до тѣхъ поръ нобилитетомъ, и дальнѣйшая борьба имѣла въ виду лишь окончательно закрѣпить пріобрѣтенное.

Но эта чисто политическая борьба имѣла не одни чисто политическіе результаты. Побѣда монархіи была побѣдой широкой политической формы надъ выродившейся узкой формой городского государства, приносившей въ жертву небольшой сравнительно и тѣсно сплоченной общественной группѣ законнѣйшіе матеріальные и духовные интересы всего тогдашняго цивилизованнаго міра. Въ своемъ мѣстѣ мы старались въ возможно болѣе конкретныхъ терминахъ выяснить, какое положеніе создавало это неограниченное владычество нобилитета для массы римскаго гражданства и для милліоновъ провинціаловъ. Мы видѣли, что оно являлось полнымъ отрицаніемъ правильнаго государственнаго порядка и гарантируемаго имъ обезпеченія сколько-нибудь нормальнаго матеріальнаго и духовнаго развитія огромнаго конгломерата народовъ и странъ, подвластныхъ римской державѣ. Побѣда монархіи означала побѣду настоящаго государственнаго порядка надъ хаосомъ и анархіей своекорыстныхъ интересовъ правившей міромъ олигархіи, не говоря уже о томъ, что это была побѣда мира (pax romana) надъ ужасами давно уже не прекращавшейся междоусобной войны, страшно губительной для культурнаго развитія какъ Италіи, такъ и всѣхъ ея провинцій, повергавшей въ прахъ всякое право и законъ. Постепенное развитіе общеимперской администраціи, какъ областной, такъ и центральной, упразднившей между прочимъ безконтрольное хозяйничанье въ провинціяхъ публикановъ и замѣнившей представляемую ими поистинѣ варварскую фискальную систему иной, менѣе губительной для хозяйственныхъ интересовъ милліоновъ провинціальнаго населенія, развитіе и повсемѣстное распространеніе муниципальнаго самоуправленія, постепенное уравненіе въ правахъ провинціаловъ съ римскими гражданами Италіи, получившее свое завершеніе въ эдиктѣ Каракаллы, и созданіе стройной и тонкой, всѣ стороны широкаго гражданскаго оборота предусматривающей системы права,—всѣ эти

блага культурной гражданственности, естественно, должны были сильно двинуть мирный прогрессъ римскаго общества, поднять его производительныя силы какъ въ хозяйственной, такъ и въ духовной сферѣ и, въ частности, дать просторъ тѣмъ народно-хозяйственнымъ (въ бюхеровскомъ смыслѣ) тенденціямъ, которыя постепенно были вызваны къ жизни завоевательной политикой республики (объединившей мало-по-малу вокругъ одного политическаго центра сначала различныя въ хозяйственномъ отношеніи области Италіи, а потомъ еще болѣе различныя страны побережья Средиземнаго моря и тѣмъ создавшей возможность широкаго, проникающаго во всѣ концы міровой державы обмѣна), но при господствѣ республиканской олигархіи съ ея хищническимъ отношеніемъ къ провинціямъ не могли получить вполнѣ правильнаго и интенсивнаго развитія. Монархія создала условія для правильнаго и въ достаточной мѣрѣ интенсивнаго развитія этихъ народно-хозяйственныхъ тенденцій, создавъ твердый гражданскій порядокъ, обезпечивавшій широкій хозяйственный оборотъ и устранявшій тѣ тормазы, которые задерживали его развитіе при республиканскомъ режимѣ. А тормазы эти были весьма серьезны, и коренились они въ финансовой политикѣ римской республики, намъ уже въ достаточной мѣрѣ знакомой. Намъ нужно остановиться нѣсколько на общемъ характерѣ хозяйственной физіономіи римскаго міра въ послѣдніе вѣка республики, чтобы для насъ стало ясно, въ какой мѣрѣ финансовая и общая политика этой поры тормозила хозяйственное развитіе римской державы, и чѣмъ явилась для него имперія и созданный ею политическій и гражданскій порядокъ.

Въ послѣднее время принято съ особенной силой подчеркивать непродуктивность и спекулятивность римскаго капитализма, его неспособность оплодотворить промышленность, вдохнуть въ нее жизнь и развитіе и привести трудовую дѣятельность общества «къ правильной эволюціи и къ стройной дифференціаціи ея функцій, захватывая все общество и перерабатывая весь порядокъ его быта» (Гревсъ). Одни изслѣдователи готовы распространить эту характеристику на всѣ эпохи римскаго капитализма, другіе ограничиваютъ ее лишь эпохой республики. Для этихъ послѣднихъ капитализмъ республиканской поры—капитализмъ безплодный и губительный, основанный не на поднятіи производительныхъ силъ страны, а на пониженіи ихъ, на одностороннемъ поглощеніи центромъ продуктовъ окраинъ, а не на истинно-хозяйственномъ обмѣнѣ центра и окраинъ. Капиталы, сосредоточивавшіеся въ рукахъ отдѣльныхъ представителей римскаго общества этой эпохи, не являлись продуктомъ экономическаго развитія римскаго міра, а внезапно нахлынули въ

столицу благодаря причинамъ чисто политическимъ, благодаря завоеванію провинцій и въ результатѣ откупной системы, этой своеобразной, перенесенной изъ узкихъ рамокъ городского государства системы государственнаго хозяйства, а также въ результатѣ грабежа провинцій римскою знатью. Откупъ втягивалъ въ сферу своихъ операцій и мелкіе капиталы (particulae), которые, слѣдовательно, также не получали производительнаго примѣненія. Откупныя спекуляціи шли рука объ руку съ ссудными спекуляціями, также поставленными на очень широкую ногу и также очень выгодными благодаря тому, что нуждавшихся въ ссудѣ всегда было очень много среди провинціальныхъ городовъ и зависимыхъ отъ Рима восточныхъ царей, въ отношеніи къ которымъ римскіе капиталисты изъ сенаторовъ и всадниковъ не находили нужнымъ особенно стѣсняться ни въ смыслѣ высоты процента, ни въ смыслѣ мѣръ взысканія ссужаемыхъ суммъ. Такимъ образомъ, капитализмъ эпохи республики не поднималъ и не развивалъ производительности страны, не осложнялъ ея хозяйственной жизни, не развивалъ промышленности и не создавалъ новыхъ ея отраслей, а самъ жилъ на счетъ продуктивности провинцій, истощая хозяйственныя силы и убивая хозяйственную жизнь провинцій.

Римскій капитализмъ республиканской эпохи представлялъ собою, такимъ образомъ, продуктъ ненормальныхъ отношеній между государствомъ-городомъ и его провинціями, являлся результатомъ того зла, которое органически было связано съ устарѣвшей уже политической формой города-государства, и устраненіе котораго могло совершиться лишь съ политической реформой. Имперія, взявъ въ свои руки взиманіе налоговъ и постепенно перестроивъ весь политическій порядокъ, убила спекуляцію и тѣмъ дала болѣе здоровое направленіе развитію римскаго капитализма и всей хозяйственной жизни страны, создавъ условія для универсальнаго обмѣна и для мірового хозяйства на почвѣ объединенія всего грекоримскаго міра въ одно государство. Та народно-хозяйственная картина, которую легко набросать, остановивъ вниманіе на огромныхъ капиталахъ, сосредоточивавшихся въ рукахъ представителей правящихъ классовъ республики, на биржевой игрѣ, страстно увлекавшей и богачей, и мелкій людъ, на огромномъ притокѣ въ Римъ продуктовъ всего міра,—далеко не точная картина хозяйственной жизни республиканскаго Рима въ ея основахъ. Не мѣняется существо дѣла и тогда, когда мы обратимъ вниманіе на уже извѣстный намъ ростъ крупнаго землевладѣнія и хозяйства въ Италіи и въ провинціяхъ и на соотвѣтствующее ему обезземелье крестьянской массы; развитіе рабскаго плантаторскаго хозяйства

и обѣднѣніе крестьянства не позволили Италіи выйти изъ формъ натуральнаго хозяйства. На почвѣ развитія капитализма, явившагося результатомъ государственнаго хозяйства республики, и хозяйство Италіи получило другой характеръ; но сущность его не могла измѣниться, такъ какъ не измѣнились внутреннія экономическія условія производства и рынка, и формы хозяйства остались формами примитивнаго, натуральнаго хозяйства. Капиталъ внесъ только одно: ту неестественную систему хозяйничанья, которую зовутъ рабскимъ хозяйствомъ,—явленіе, возникшее не органически, а наносное, явленіе, не связанное съ сущностью экономической жизни древности и такъ же быстро исчезавшее, какъ и появлявшееся. Хозяйство Италіи и нѣкоторыхъ провинцій не выходило за предѣлы натуральнаго хозяйства. Въ Италіи οἶκος дѣйствительно удовлетворялъ самъ свои потребностями, и подъ это понятіе дома могутъ быть подведены и болѣе обширныя помѣстья, основанныя на рабскомъ трудѣ.

И торговля римская — всего лишь спекуляція. Изъ провинцій привозится въ Римъ и Италію все необходимое, особенно предметы роскоши. Для этого съ провинціями возникаютъ очень оживленныя торговыя сношенія; возникаютъ общества торговцевъ; римскіе капиталисты снаряжаютъ цѣлые торговые флоты. Но и это капитализмъ не продуктивный. Ввозъ здѣсь назначенъ для государства и аристократіи исключительно; странѣ нечѣмъ отвѣчать на ввозъ; ей нечѣмъ покрыть его; она ничего не производитъ, а покрываютъ его тѣ же провинціи, достигшія въ періодъ эллинизма съ его здоровой экономической жизнью значительнаго благосостоянія: оттуда черезъ откупщиковъ и магистратовъ плывутъ въ Римъ новые и новые капиталы.

Такимъ образомъ, настоящаго продуктивнаго помѣщенія капиталовъ мы не видимъ въ римской республикѣ. Капиталъ не оживлялъ тогда страны, не вносилъ культуры въ мало цивилизованныя страны, не вызывалъ къ жизни новыхъ отраслей промышленности, но исключительно жилъ на счетъ продуктивности провинцій, отчего продуктивность эта не росла, а падала.

Ключъ къ пониманію всего своеобразія римскаго капитализма республиканской поры нужно искать въ исторіи Рима. «Римъ прямо отъ формъ примитивной жизни переходитъ къ владычеству сначала надъ Италіей, затѣмъ надъ цѣлымъ міромъ. Онъ не жилъ съ начала своей завоевательной эпохи естественной экономической жизнью, онъ не развивался равномѣрно. Ростъ его государственности далеко опередилъ его экономическое развитіе, и на почвѣ этого противорѣчія и выросли странные на первый взглядъ элементы развитого

народнаго хозяйства на основѣ хозяйства натуральнаго. Не забудемъ, что въ числѣ римскихъ провинцій были такія, какъ Азія и Сирія, гдѣ экономическое развитіе шло медленно и естественно равномѣрно съ развитіемъ формъ государственности. Утрачивая свою государственность, эти страны сохранили свои экономическія особенности и вліяли въ этомъ отношеніи на Римъ, но главнымъ образомъ съ внѣшней стороны» (Ростовцевъ).

Въ этой картинѣ хозяйственнаго развитія римской республики немало глубоко вѣрныхъ штриховъ и основныхъ линій. Уже Моммзенъ рельефно отмѣтилъ спекулятивный характеръ римскаго капитализма республиканской эпохи и картинно сравнилъ его съ вавилонской башней; но едва ли бы онъ согласился со всѣми подробностями представленной нами картины. Подчеркивая спекулятивность и непродуктивность римскаго капитализма названной эпохи, оставили въ тѣни цѣлый рядъ весьма значительныхъ явленій и фактовъ римскаго хозяйственнаго развитія, которые не вполнѣ гармонируютъ съ такой характеристикой. Нельзя отрицать, что расцвѣтъ капитализма въ послѣдніе вѣка республики вызванъ не экономическими, а чисто политическими причинами: завоеваніемъ и своеобразной эксплоатаціей провинцій; нельзя также отрицать и того, что, принявъ такъ рѣзко выраженное спекулятивное направленіе, капитализмъ этотъ долженъ былъ въ силу указанныхъ выше причинъ весьма губительно отзываться на хозяйственной жизни провинцій. Но едва ли мы въ правѣ категорически утверждать, что капитализмъ этотъ никакихъ продуктивныхъ, истинно хозяйственныхъ цѣлей себѣ не ставилъ и вслѣдствіе этого никакого серьезнаго воздѣйствія на хозяйственную жизнь Италіи и провинцій въ народно-хозяйственномъ направленіи не оказалъ. Если крупное землевладѣніе было фактомъ хозяйственной жизни Рима уже въ очень отдаленныя времена, то наплывъ капиталовъ въ Римъ изъ провинцій черезъ хищныя руки публикановъ и проконсуловъ и пріумноженіе ихъ съ помощью спекуляцій въ сильнѣйшей мѣрѣ ускорили процессъ образованія латифундій, облегчая для сенаторской и всаднической аристократіи покупку земли и захватъ ager publicus и дѣлая для нихъ еще болѣе возможной эксплоатацію своихъ такимъ путемъ расширявшихся владѣній. Въ то же время безпрерывныя войны выбрасывали на рынокъ массы дешеваго человѣческаго товара, болѣе всего доступнаго богатѣвшимъ капиталистамъ и удобнаго для веденія крупнаго хозяйства на ихъ латифундіяхъ.

Самый фактъ развитія крупнаго латифундіальнаго хозяйства, по чисто хозяйственнымъ соображеніямъ ставшаго примѣнять болѣе дешевую и, слѣдовательно, сокращавшую издержки производства

рабскую рабочую силу, едва ли можетъ быть признанъ гармонирующимъ съ чисто натуральнымъ характеромъ, приписываемымъ италійскому хозяйству, и съ чисто спекулятивнымъ характеромъ, будто бы присущимъ римскому капитализму республиканской эпохи. Фактъ этотъ свидѣтельствуетъ о другомъ: во-первыхъ, о томъ, что хозяйственная жизнь Италіи стала подвергаться весьма существеннымъ измѣненіямъ какъ разъ въ народно-хозяйственномъ направленіи, и, во-вторыхъ, о томъ, что стекавшіеся въ Римъ не экономическимъ путемъ капиталы получали далеко не одно лишь чисто спекулятивное примѣненіе, но ставили себѣ и вполнѣ хозяйственныя цѣли. Войны и завоеванія, создавая спекулятивный капитализмъ и облегчая развитіе крупнаго землевладѣнія и хозяйства положительнымъ путемъ, въ то же время облегчали, какъ мы знаемъ, этотъ процессъ и отрицательнымъ путемъ, разрушая благосостояніе воиновъ-крестьянъ, привлекая на италійскій рынокъ дешевый, а то и вовсе даровой провинціальный хлѣбъ и тѣмъ подрывая крестьянское хозяйство и дѣлая крестьянскіе участки легкой добычей латифундіальныхъ собственниковъ. Пониженіе цѣнъ на хлѣбъ, вызванное конкуренціей провинціальнаго хлѣба, подрывая крестьянское хозяйство и крестьянское землевладѣніе, въ то же время опредѣляло характеръ хозяйственной дѣятельности владѣльцевъ латифундіевъ, направляя ее главнымъ образомъ на производство оливковаго масла и вина и на крупное скотоводство.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что путемъ завоеванія и спекулятивнымъ путемъ собиравшіеся въ Римъ капиталы оказывали вліяніе и на хозяйственную жизнь Италіи, а также и провинцій, облегчая и тамъ, и здѣсь развитіе крупнаго землевладѣнія и крупнаго хозяйства (въ смыслѣ хлѣбопашества, а больше всего винодѣлія, маслодѣлія и скотоводства) въ ущербъ самостоятельному мелкому и среднему землевладѣнію и хозяйству. Переходъ къ формамъ крупнаго хозяйства, располагавшаго къ тому же большими свободными капиталами, едва ли даетъ право говорить объ исключительно спекулятивномъ характерѣ римскаго капитализма, убивавшемъ продуктивность страны, а не поднимавшемъ ея, а также о томъ, что центръ римской державы лишь односторонне поглощалъ продукты окраинъ, самъ не дѣлая никакого хозяйственнаго прогресса и оставаясь все на той же прежней хозяйственной стадіи, на стадіи натуральнаго хозяйства. Что развитіе крупнаго землевладѣнія и крупнаго хозяйства, ускоренное собравшимися въ Римъ не экономическимъ, а фискальнымъ и спекулятивнымъ путемъ капиталами, подрывало и крестьянское, и среднепомѣстное хозяйство и землевладѣніе и этимъ увеличивало кадры

городского пролетаріата, это правда. Но этотъ безспорный фактъ самъ по себѣ ничего не говоритъ въ пользу пониженія производительности страны; скорѣе наоборотъ; во всякомъ случаѣ, констатируя его, мы отмѣчаемъ лишь соціальный результатъ хозяйственной эволюціи и перемѣну въ хозяйственныхъ формахъ.

Развитіе крупнаго латифундіальнаго землевладѣнія и хозяйства уже въ республиканскую эпоху знаменовало собою наступленіе новаго фазиса въ хозяйственной жизни Италіи и провинцій, фазиса народнаго хозяйства. Оно и возможно было потому, что объединеніе сначала Италіи, а потомъ и всего побережья Средиземнаго моря подъ властью Рима дѣлало возможнымъ между признавшими власть Рима странами широкій обмѣнъ, создавало рынокъ, для котораго и могли теперь работать крупныя хозяйства. Если можно говорить, да и то съ оговорками, о натурально-хозяйственной физіономіи крупныхъ помѣстій добраго стараго времени римской республики, когда, какъ въ эпохи феодализма, для крупнаго землевладѣльца главный интересъ представляла не столько власть надъ землей и ея хозяйственная эксплоатація, сколько власть надъ людьми, сидѣвшими на его землѣ и создававшими ему его политическое могущество, когда опредѣляющую роль игралъ, слѣдовательно, не столько экономическій, сколько соціальный интересъ, то въ послѣдніе вѣка республики, когда владѣльцы латифундіевъ превратились въ ревностныхъ винодѣловъ, маслодѣловъ и скотоводовъ, едва ли уже можетъ быть рѣчь о господствѣ натуральнаго хозяйства, объ ойкосѣ съ его хозяйственными и соціальными особенностями, и для насъ утвержденія въ родѣ того, что обѣднѣніе крестьянства и капиталистическій способъ пользованія имѣніями при посредствѣ рабскаго труда не позволили Италіи выйти изъ формъ натуральнаго хозяйства, не вполнѣ понятны. Крупныя хозяйства Италіи (какъ и провинцій) работали для обширнаго рынка, и Италіи было чѣмъ отвѣчать на ввозъ изъ провинцій, и ея торговля не была лишь спекуляціей и не состояла лишь въ привозѣ въ Римъ и въ Италію всего необходимаго и особенно предметовъ роскоши. Возникшіе въ Италіи и въ провинціяхъ огромные латифундіи (да и не они одни) въ послѣдніе вѣка республики вели крупное, разсчитанное на обширный рынокъ хозяйство и мало были похожи на самодовлѣющіе хозяйственные организмы эпохи натуральнаго хозяйства.

Такимъ образомъ, вполнѣ признавая, что внезапный расцвѣтъ римскаго капитализма еще въ эпоху республики заключалъ въ себѣ не мало элементовъ искусственности и далеко не являлся естественнымъ продуктомъ нормальнаго развитія хозяйственной жизни Италіи и провинцій, а представлялъ собою скороспѣлый плодъ чи-

сто политическихъ обстоятельствъ, и что капитализмъ этотъ въ сильной мѣрѣ проникнутъ былъ чертами спекулятивности, въ то же время нельзя отрицать, что расцвѣтъ этотъ отразился весьма серьезными, чисто хозяйственными послѣдствіями на Италіи и на провинціяхъ, двинувъ ихъ экономическое развитіе по пути денежнаго, мѣнового, народнаго хозяйства, прежде всего въ формѣ крупныхъ предпріятій, крупнаго производства на основѣ главнымъ образомъ рабскаго труда. Въ послѣдніе вѣка республики были уже налицо условія, дѣлавшія возможнымъ крупное, разсчитанное на обширный сбытъ хозяйство. И крупное хозяйство и явилось въ формѣ латифундіальнаго хозяйства съ рабскимъ преимущественно трудомъ. Въ интересахъ этого крупнаго мѣнового хозяйства началъ Римъ борьбу на жизнь и на смерть съ своимъ торговымъ соперникомъ Карѳагеномъ; тѣ же интересы главнымъ образомъ опредѣлили и его дальнѣйшія завоеванія. Утвержденіе принципата, создавая твердый политическій и гражданскій порядокъ для всей римской державы, тѣмъ самымъ создавало условія для дальнѣйшаго и уже безпрепятственнаго развитія мѣнового, денежнаго, народнаго хозяйства въ намѣченныхъ всей предшествующей исторіей формахъ.

Намъ необходимо теперь нѣсколько ближе приглядѣться къ внутренней организаціи латифундія, чтобы понять хозяйственную и соціальную сущность этой возобладавшей въ римскомъ мірѣ уже къ концу республики хозяйственной формы и ея общественную роль.

Когда мы говоримъ о крупномъ землевладѣніи въ Римѣ, мы должны строго различать тѣ фазисы, которые оно проходило въ своемъ историческомъ развитіи. Крупное помѣстье древнѣйшей поры, латифундій конца республики и первыхъ вѣковъ имперіи и крупное помѣстье позднѣйшей имперіи,—это три очень различныя хозяйственныя и соціальныя организаціи.

Не говоря уже о томъ, что крупное землевладѣніе болѣе ранней эпохи размѣрами своими далеко уступало латифундіямъ позднѣйшей поры, главной отличительной его особенностью являлось то, что здѣсь болѣе или менѣе крупное владѣніе было соединено съ мелкимъ хозяйствомъ: помѣстье распадалось на рядъ мелкихъ хозяйствъ, которыя вели и лично зависѣвшіе отъ владѣльца люди, его кліэнты, держа отъ него землю на прекарномъ правѣ, т.-е. безъ надлежащаго правового обезпеченія. Если самъ землевладѣлецъ и велъ собственное барское хозяйство, то едва ли оно было сколько-нибудь значительно по своимъ размѣрамъ, и весьма возможно, что рабочія руки для него давали жившіе во дворѣ землевладѣльца немногочисленные рабы, а также и кліэнты, платившіе за землю оброкъ натурой и помогавшіе землевладѣльцу вести его хозяйство. Есть данныя предпо-

лагать, что уже и тогда крупное помѣстье съ указанными сейчасъ хозяйственными особенностями не было чуждо коммерческихъ цѣлей, въ извѣстной мѣрѣ носило черты мѣнового хозяйства, что сбытъ доставлявшихся кліэнтами-арендаторами натуральныхъ оброковъ занималъ здѣсь видное мѣсто; тѣмъ не менѣе едва ли не главное значеніе крупнаго владѣнія для его собственника заключалось въ томъ, что власть надъ землей давала ему власть надъ людьми и этимъ обезпечивала ему видную роль въ обществѣ и государствѣ.

Уже чисто экономическій, коммерческій интересъ представляла земля для владѣльца латифундія конца республики, хотя не слѣдуетъ упускать изъ вида очень подчеркиваемый Фюстель де-Куланжемъ фактъ сильнѣйшаго развитія именно къ этому времени въ римскомъ обществѣ новой кліэнтеллы, превращавшей, по словамъ Ф. де-Куланжа, римскую республику въ «ассоціацію нѣсколькихъ сотенъ семействъ, очень богатыхъ и очень могущественныхъ, богатыхъ въ особенности благодаря захвату огромнаго домэна государства, могущественныхъ главнымъ образомъ благодаря тысячамъ подданныхъ, которыхъ каждое изъ нихъ имѣло на этихъ земляхъ», въ «соединеніе двухъ или трехъ сотъ фамилій, вокругъ каждой изъ которыхъ группировались тысячи людей». И теперь пріобрѣтаемая чрезъ посредство земли власть надъ людьми играла немаловажную роль въ глазахъ крупнаго землевладѣльца; но, поскольку земля его обширныхъ латифундіевъ получала хозяйственное назначеніе, чисто хозяйственный принципъ осуществлялся во всей своей силѣ. Теперь-то и появляется на латифундіяхъ крупное хозяйство, и рабскій трудъ начинаетъ играть въ немъ огромную роль. Это былъ расцвѣтъ мѣнового, народнаго хозяйства въ римскомъ мірѣ, объединенномъ республикой и организованномъ принципатомъ.

Не слѣдуетъ при этомъ думать, что рабскій трудъ, получившій теперь въ латифундіальномъ хозяйствѣ такое огромное значеніе, совершенно вытѣснилъ оттуда трудъ свободный. Населеніе латифундія далеко не состояло изъ однихъ рабовъ, жившихъ въ особыхъ, для нихъ выстроенныхъ казармахъ и выходившихъ на работу въ кандалахъ подъ удары бича своихъ же собратьевъ, рабовъ-надсмотрщиковъ. Далеко не всю свою землю воздѣлывалъ магнатъ съ помощью многочисленнаго персонала своей familia rustica. И теперь аренда занимала въ его помѣстьяхъ далеко не послѣднее мѣсто. Начать съ того, что рабское хозяйство имѣло много неудобныхъ и невыгодныхъ сторонъ, не говоря уже о его сравнительно малой продуктивности. Плиній Старшій прямо говоритъ, что самое плохое дѣло—обрабатывать поля исключительно съ помощью рабскаго труда, и что это приходится дѣлать лишь людямъ, у которыхъ нѣтъ другого выхода

(«Coli rura ab ergastulis pessimum est et quiquid agitur a desperantibus»). Чисто рабское хозяйство возможно было лишь въ формѣ скотоводства; вслѣдствіе этого оно дольше всего удержалось въ Калабріи, Апуліи, Луканіи и въ долинѣ рѣки По; въ другихъ же формахъ оно едва ли когда и существовало въ римскомъ мірѣ. Уже во времена Катона на ряду съ рабами, играющими уже главную роль въ крупномъ хозяйствѣ, мы встрѣчаемъ и вольнонаемныхъ рабочихъ (politores, operarii), пришлыхъ людей, безъ которыхъ нельзя было обойтись администраціи помѣстья въ страдную пору. Они получали за свой трудъ часть продукта. Насколько былъ необходимъ для барскаго хозяйства трудъ такихъ вольнонаемныхъ рабочихъ, видно изъ словъ Катона, который не совѣтуетъ покупать имѣнія, не убѣдившись заранѣе, что по сосѣдству легко будетъ найти такихъ рабочихъ. Еще до Катона, въ такъ называемыхъ Лициніевыхъ законахъ (начало II в. до Р. Хр.) предписывается, чтобы частью рабочихъ рукъ въ крупномъ хозяйствѣ были свободныя рабочія руки.

При все болѣе и болѣе расширявшихся предѣлахъ помѣстій вести въ нихъ хозяйство исключительно съ помощью одного рабскаго труда было совершенно невозможно. Выходомъ являлось *фермерское хозяйство*. Рабское хозяйство можно было вести безъ убытковъ, какъ оказывается, лишь на сравнительно небольшой земельной площади; остальную землю въ большомъ помѣстьи слѣдовало сдать мелкими участками въ аренду. Такимъ путемъ собственникъ помѣстья сваливалъ съ себя значительную долю риска по веденію хозяйства на своей землѣ и перекладывалъ ее на плечи арендаторовъ и тѣмъ обезпечивалъ себѣ вѣрный денежный доходъ, позволявшій ему жить въ Римѣ и участвовать въ политической дѣятельности его сословія. Центральнымъ пунктомъ помѣстья попрежнему оставалась барская усадьба (villa rustica) съ рабомъ управляющимъ (villicus) и съ болѣе или менѣе значительной familia rustica. Но съ помощью этой familia эксплоатировалась лишь сравнительно незначительная часть земли помѣстья, и возможно, что на этой части занимались маслодѣліемъ и винодѣліемъ, какъ наиболѣе выгодными статьями италійскаго экспорта. Остальная земля помѣстья, годная для хлѣбопашества и требовавшая большого количества рабочей силы и большого дохода не сулившая, сдавалась въ аренду небольшими участками.

Указаній на существованіе фермерскаго хозяйства въ Италіи дошло до насъ не мало, и съ довольно ранняго времени. Между прочимъ извѣстно, что Катилина сражался при Пистойѣ вмѣстѣ со своими кліэнтами и арендаторами (колонами). Развивалось фермерское хозяйство и въ провинціяхъ, гдѣ также рано обнаружилась сравнительно малая доход-

ность плантаторскаго хозяйства съ рабскимъ трудомъ на обширныхъ земельныхъ площадяхъ, и въ то же время оказались не менѣе очевидны выгоды, связанныя съ мелкой фермерской культурой въ смыслѣ большей производительности помѣстья, сдаваемаго мелкими участками, и большей обезпеченности дохода при сравнительно меньшихъ хлопотахъ по управленію и меньшемъ рискѣ. Крупные провинціальные собственники были тѣмъ болѣе заинтересованы въ большей продуктивности своихъ земель, что земли эти платили налоги государству. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ, напримѣръ, въ Египтѣ или Африкѣ, климатическія условія (засухи и ливни и періодическіе разливы Нила) требовали децентрализаціи рабочихъ силъ, которая и достигалась путемъ раздачи земли мелкими арендными участками. И въ провинціяхъ, какъ и въ самой Италіи, мы видимъ все тѣ же элементы сельскохозяйственной эксплоатаціи: плантаціи съ рабскимъ трудомъ, вольнонаемныхъ рабочихъ и арендаторовъ.

Соціальный матеріалъ для фермерскаго хозяйства доставляло все болѣе и болѣе обезземеливавшееся крестьянство, которое къ эпохѣ принципата еще не окончательно погибло, но уже было подорвано въ корнѣ и таяло безостановочно. Переходя на положеніе мелкаго арендатора, крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ попадалъ въ значительной мѣрѣ въ подневольное положеніе. Создававшаяся для него арендой экономическая зависимость отъ владѣльца латифундія нерѣдко осложнялась и отягчалась чисто личной отъ него зависимостью, которая создавалась назойливымъ вмѣшательствомъ помѣстной администраціи въ хозяйственную дѣятельность арендатора и развилась и усилилась впослѣдствіи, когда арендная система стала занимать преобладающее положеніе въ римскомъ хозяйствѣ и изъ денежной превращалась въ половничество (colonia partiaria). Но объ этомъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ параграфѣ, въ которомъ мы разсмотримъ генезисъ и характерныя особенности третьяго фазиса въ развитіи крупнаго землевладѣнія въ Римѣ, изучимъ перерожденіе денежно- или народно-хозяйственнаго латифундія, какъ онъ сложился и развился къ эпохѣ принципата и въ первые вѣка имперіи, въ натурально-хозяйственный латифундій послѣднихъ вѣковъ имперіи съ всѣми его хозяйственными, соціальными и политическими особенностями.

IX.

Утвержденіе принципата знаменовало собою побѣду настоящаго государственнаго порядка надъ хаосомъ и анархіей своекорыстныхъ интересовъ правившей всѣмъ римскимъ міромъ аристократіи и тѣмъ создавало гарантіи, необходимыя и для нормальнаго развитія эко-

номическихъ силъ и отношеній, какъ онѣ складывались по мѣрѣ объединенія странъ и народовъ, занимавшихъ побережье Средиземнаго моря. Общая и фискальная политика республики въ сильнѣйшей степени тормозила хозяйственное развитіе римской державы, принося въ жертву правительственной олигархіи хозяйственные интересы провинціальнаго населенія и давая хозяйственной жизни римскихъ гражданъ нездоровое, спекулятивное направленіе. Тѣмъ не менѣе было бы несогласнымъ съ цѣлымъ рядомъ совершенно безспорныхъ фактовъ утверждать, что республиканскій режимъ давалъ мѣсто лишь искусственному, чисто спекулятивному капитализму, вполнѣ будто бы совмѣщавшемуся съ неприкосновенностью элементарныхъ натурально-хозяйственныхъ основъ экономическаго строя Италіи и тѣхъ ея провинцій, которыя еще не достигли, до завоеванія ихъ римскими легіонами, болѣе высокой ступени хозяйственнаго развитія, на какой находились, напримѣръ, покоренныя Римомъ государства эллинистическаго востока. Вполнѣ признавая, что римскому капитализму послѣднихъ вѣковъ республики въ весьма значительной мѣрѣ присущъ былъ спекулятивный, нехозяйственный въ строгомъ смыслѣ характеръ, все же нельзя отрицать и того, что спекулятивностью далеко не исчерпывалось его сущность, и что на ряду со спекуляціями сосредоточивавшіеся въ рукахъ сенаторскаго и всаднической сословій капиталы получали и вполнѣ производительное назначеніе и съ своей стороны двигали хозяйственное развитіе Италіи и провинцій въ направленіи къ мѣновому, денежному, народному хозяйству. Развитіе уже въ это время крупнаго, латифундіальнаго землевладѣнія и хозяйства не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній. Разсмотрѣніе внутренней организаціи латифундія и знакомство съ хозяйственными задачами, которыя онъ себѣ ставилъ уже въ эпоху республики, окончательно насъ въ этомъ убѣждаютъ. Торжество монархіи, устранивъ мало-по-малу тормазы, которые задерживали болѣе широкое и болѣе интенсивное народно-хозяйствевное развитіе, еще болѣе подчеркнуло мѣновой характеръ латифундіальнаго хозяйства, которое теперь получало возможность уже безпрепятственно развивать свои чисто коммерческія тенденціи въ соотвѣтствіи съ запросами обезпеченнаго монархіей мірового рынка.

Первые два вѣка имперіи явились эпохой хозяйственнаго и культурнаго расцвѣта римской державы. Въ это именно время латифундій вполнѣ становится на народно-хозяйственную почву, являясь преобладающей формой сельскохозяйственнаго производства какъ въ Италіи, такъ и во всѣхъ провинціяхъ, съ тѣми ея особенностями, какія уже въ достаточной мѣрѣ опредѣленно намѣ-

тились еще въ республиканскую эпоху. Мы уже видѣли эти особенности и знаемъ, что хозяйственный строй латифундія этой поры отличался довольно значительной сложностью, что изображать латифундій исключительно какъ арену крупнаго, исключительно на рабскомъ трудѣ покоящагося хозяйства, какъ это было принято въ исторической литературѣ еще сравнительно недавно, значитъ игнорировать цѣлый рядъ весьма важныхъ фактовъ и явленій, весьма характерныхъ для хозяйственной жизни латифундія изучаемой нами эпохи. Мы видѣли, что чисто рабское крупное хозяйство возможно было лишь въ формѣ скотоводства и практиковалось лишь въ мѣстностяхъ, болѣе всего приспособленныхъ къ этому (напримѣръ, въ Калабріи, Апуліи, Луканіи, въ долинѣ рѣки По), крупное же земледѣліе всегда нуждалось и въ свободномъ трудѣ, и въ трудѣ вольнонаемныхъ рабочихъ (operarii, mercennarii, politores), безъ которыхъ оно совсѣмъ не могло обходиться въ страдную пору; и къ тому же оно занимало далеко не всю площадь латифундія, такъ какъ лишь на сравнительно небольшой земельной площади можно было безъ убытковъ вести рабское земледѣльческое хозяйство, остальную же землю приходилось сдавать въ денежную аренду мелкимъ арендаторамъ.

Не слѣдуетъ, конечно, преувеличивать ограниченность размѣровъ барскаго хозяйства на латифундіяхъ, т.-е. впадать въ крайность, противоположную той, въ какую впадала прежняя теорія, представлявшая латифундій въ видѣ огромной плантаціи чутъ ли не съ тысячами закованныхъ въ цѣпи рабовъ. Барское хозяйство, которое велъ владѣлецъ латифундія съ помощью весьма многочисленнаго рабскаго персонала своей familia rustica, было, несомнѣнно, крупнымъ капиталистическимъ хозяйствомъ, какъ объ этомъ между прочимъ свидѣтельствуетъ то, что мы знаемъ о составѣ и объ организаціи этой familia rustica. Здѣсь мы находимъ рабовъ самыхъ разнообразныхъ сельскохозяйственныхъ спеціальностей (officia, ministeria) и въ виду этого раздѣленныхъ на соотвѣтствующія группы съ особымъ для каждой magister operum во главѣ, въ свою очередь разбивающіяся на группы по десяти человѣкъ (decuriae), отданныя подъ наблюденіе десятниковъ (decurio). Нечего и говорить, что поставленный во главѣ помѣстнаго управленія рабъ, villicus долженъ былъ обладать, помимо агрономическаго опыта и знанія хозяйственныхъ условій данной мѣстности, еще и не малыми административными способностями, чтобы справляться съ нелегкой задачей планомѣрнаго воздѣйствія на эту сложную хозяйственную систему, какъ ни облегчалась эта задача тогдашнимъ правомъ, которое не признавало за носителями рабочей силы этого обширнаго и сложнаго

хозяйства человѣческой личности и тѣмъ устраняло многія изъ тѣхъ затрудненій, какія приходится собственными средствами, а то и съ помощью администраціи улаживать крупнымъ предпринимателямъ въ наше время, имѣющимъ дѣло съ свободными людьми и съ свободными гражданами.

Но если первые два вѣка имперіи были той эпохой, когда латифундій получилъ возможность развить въ болѣе или менѣе полной мѣрѣ свои народно-хозяйственныя тенденціи, вполнѣ отчетливо опредѣлившіяся уже въ послѣднія столѣтія республиканскаго режима, то, начиная, приблизительно, съ третьяго вѣка по Р. Х., въ жизни его намѣчается рядъ перемѣнъ, съ неуклонностью стихійнаго процесса ведшихъ къ постепенному подавленію этихъ тенденцій и къ перерожденію латифундія изъ народно-хозяйственнаго въ натурально-хозяйственный организмъ съ характерными для него хозяйственными и соціальными особенностями. Это уже былъ третій фазисъ въ эволюціи крупнаго землевладѣнія въ римскомъ обществѣ, представлявшій собою въ извѣстной мѣрѣ возвращеніе къ первому, также, какъ извѣстно, характерезующемуся господствомъ натурально-хозяйственныхъ тенденцій, и въ то же время органически связанный со вторымъ, а въ общемъ являющійся своеобразнымъ продуктомъ политической, соціальной и экономической эволюціи, которой въ силу сложнаго ряда причинъ постепенно подвергалось общество Римской имперіи, какъ это мы уже отчасти видѣли въ предшествующемъ изложеніи.

Причины хозяйственнаго упадка и регресса, весьма опредѣлено сказавшагося въ римскомъ обществѣ уже въ третьемъ вѣкѣ и выразившагося въ постепенномъ возвращеніи хозяйственной жизни къ формамъ натуральнаго хозяйства, весьма сложны. Сказать, что главной причиной этого процесса было прекращеніе во второмъ вѣкѣ завоевательныхъ войнъ, сдѣлавшее невозможной дальнѣйшую поставку на рынки человѣческаго матеріала, рабовъ, на трудѣ которыхъ покоилось крупное, разсчитанное на обширный спросъ хозяйство владѣльцевъ латифундіевъ, не значитъ разрѣшить поставленный вопросъ. Можно согласиться съ Максомъ Веберомъ (а мы имѣемъ въ виду именно его, автора книги «Römische Agrargeschichte» и статьи «Соціальныя причины паденія античной культуры»), что рабская казарма не могла пополняться сама изъ себя и была разсчитана на постоянную прикупку рабовъ, что рынокъ рабовъ съ правильной и удовлетворяющей спросъ поставкой человѣческаго матеріала составлялъ необходимое условіе существованія рабской казармы, производившей для рынка, и что лишь только подвозъ рабовъ надолго пріостановился, рабскія казармы должны были

пасть, и крупныя плантаціи съ ихъ лишенными брака и собственности рабами должны были рухнуть. Но почему же, лишившись рабовъ, латифундіальные собственники не обратились къ свободному, наемному труду, почему они не продолжали вести крупное хозяйство, но уже на иныхъ началахъ, съ помощью наемныхъ рабочихъ? Вѣдь свободныхъ рабочихъ рукъ было очень много въ то время, вѣдь процессъ концентраціи земельной собственности продолжался безостановочно, и безземельная масса все росла и росла. Очевидно, были налицо условія, дѣлавшія невозможнымъ дальнѣйшее существованіе крупнаго хозяйства вообще, какъ рабовладѣльческаго, такъ и всякаго другого. Что оставалось дѣлать крупнымъ собственникамъ съ землею, которую они не могли уже эксплоатировать прежнимъ, плантаціоннымъ способомъ, это вопросъ иной, и дальнѣйшая хозяйственная исторія римскаго общества дала на него вполнѣ ясный и опредѣленный отвѣтъ, къ которому мы скоро и перейдемъ; но предварительно мы должны такъ или иначе отвѣтить на вопросъ, оставленный безъ отвѣта и даже не поставленный Максомъ Веберомъ,—вопросъ о причинахъ невозможности продолжать веденіе крупнаго хозяйства въ какомъ бы то ни было видѣ.

Эд. Мейеръ (въ «Экономическомъ развитіи древняго міра») видитъ основную причину внутренняго разложенія, которому подверглось римское общество уже при Антонинахъ и которое выразилось въ страшномъ упадкѣ благосостоянія и уменьшеніи населенія, запустѣніи государства и возвратѣ къ варварству, не въ чемъ иномъ, какъ въ безпрерывномъ ростѣ крупнаго капитала и неизбѣжномъ рядомъ съ нимъ увеличеніи неимущаго пролетаріата: latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias (латифундіи погубили Италію, а также и провинціи). Полное развитіе капитализма, денежнаго хозяйства, капиталистическаго права со всѣми его послѣдствіями приводитъ, по его мнѣнію, къ разрушенію сельскаго строя въ пользу городского. Привлекая сельское населеніе матеріальными и соціальными выгодами, видами на быстрое обогащеніе и хорошо оплачиваемыя занятія, а также на даровое содержаніе, на возможность для бѣдняка просуществовать попрошайничествомъ и тунеядствомъ, городъ—такъ думаетъ Эд. Мейеръ—не только политически, но и матеріально поглощаетъ деревню, систематически уничтожаетъ естественныя и необходимыя для сельскаго строя жизненныя и торговыя сношенія и дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее существованіе сельскаго населенія. Но это разореніе сельскаго населенія въ скоромъ времени должно было отразиться и на благосостояніи самого города. Торговля прерывается, промышленность замираетъ, тысячи рабочихъ рукъ остаются безъ дѣла, и города начинаютъ

пустѣть, какъ раньше пустѣли деревни. Такимъ образомъ «городъ, первоначально бывшій главнымъ факторомъ культурнаго развитія и причиной колоссальнаго роста благосостоянія, въ концѣ-концовъ уничтожаетъ благосостояніе, культуру и наконецъ самого себя». Эд. Мейеръ готовъ видѣть во всемъ этомъ проявленіе особаго историческаго закона, сущность котораго заключается въ томъ, что культура, достигнувъ наивысшаго развитія, и при полной исправности внутренняго строя, и безъ вмѣшательства сколько-нибудь опаснаго внѣшняго врага, разлагается извнутри и снова уступаетъ мѣсто варварству.

Къ сожалѣнію, Эд. Мейеръ не развилъ этой послѣдней мысли достаточно конкретными соображеніями, набросанная же имъ картина разложенія римской культуры слишкомъ схематична. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать за соображеніями Эд. Мейера извѣстной, и не малой, цѣны, хотя они далеко не исчерпываютъ всей сложности вопроса. Эд. Мейеръ слишкомъупрощаетъ и процессъ, имъ изучаемый, и проблему, которую ставитъ это изученіе. Для него политическая, напримѣръ, эволюція, совершавшаяся въ римскомъ обществѣ, неуклонно прогрессировавшее превращеніе принципата въ абсолютную монархію, постепенно убившую всѣ возможныя въ то время формы общественной самодѣятельности, и непомѣрное развитіе фискальныхъ тенденцій самодержавнаго правительства, подчинившихъ интересамъ казны жизненные интересы всѣхъ общественныхъ группъ и организацій,—для него вся эта политическая сторона процесса почти что не существуетъ; для него все это слѣдствія основной хозяйственной группы причинъ, но не факторы процесса. Оставляетъ онъ безъ разсмотрѣнія и такой крупный политическій фактъ, какъ политическій кризисъ, тянувшійся весь третій вѣкъ и вызванный борьбою узурпаторовъ за императорскій тронъ.

Было бы преувеличеніемъ сказать, что кризисъ этотъ и является основной причиной упадка денежнаго хозяйства, особенно ясно обнаружившагося какъ разъ къ началу четвертаго вѣка. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что кризисъ третьяго вѣка подорвалъ основы утвердившагося и укрѣпившагося въ теченіе первыхъ двухъ вѣковъ широкаго политическаго порядка, гарантировавшаго широкій хозяйственной оборотъ и денежное, народное хозяйство, а кромѣ того и непосредственно произвелъ въ имперіи сильнѣйшій хозяйственный разгромъ, послѣ котораго обществу уже нелегко было оправиться и тѣмъ труднѣе было выносить все усиливавшійся фискальный гнетъ, вызванный, помимо другихъ причинъ, и начавшимся съ конца второго и особенно съ начала тре-

тьяго вѣка почти непрерывнымъ напоромъ германцевъ на римскія границы, требовавшимъ отъ имперіи большихъ военныхъ расходовъ. Правительство начинаетъ испытывать хроническую нужду въ деньгахъ. А между тѣмъ денегъ трудно достать, и не потому только, что правительству приходится употреблять для этого большія усилія: достать ихъ трудно потому, что ихъ уже мало и въ обращеніи, такъ какъ денежный обмѣнъ уже сильно ослабѣлъ, и деньги уже стали превращаться въ товаръ. Чтобы помочь бѣдѣ, правительство часто и безъ всякаго ограниченія начинаетъ прибѣгать къ порчѣ монеты. Дѣла эта операція, конечно, не поправляетъ, и Діоклетіану, какъ извѣстно, приходится рѣшительно перейти къ натурально-хозяйственной податной системѣ, уже и до него весьма нерѣдко практиковавшейся, теперь же дѣлающейся единственно возможнымъ способомъ обезпечить необходимыя для государства правительственныя средства.

Такимъ образомъ, уже къ началу царствованія Діоклетіана сказались во всей опредѣленности и полнотѣ результаты цѣлаго ряда причинъ, угнетающимъ образомъ дѣйствовавшихъ на хозяйственную жизнь римскаго общества и возвращавшихъ ее къ болѣе узкимъ и элементарнымъ формамъ. Естественно, что крупному капиталистическому предпріятію, какимъ являлось въ первые два вѣка имперіи сельскохозяйственное производство во владѣніяхъ земельныхъ магнатовъ, теперь уже не оказывалось мѣста. Государство уже не было въ состояніи гарантировать необходимыхъ для правильнаго широкаго обмѣна условій въ видѣ общественной безопасности, правильнаго и безпрепятственнаго сообщенія между всѣми частями имперіи и т. п. Съ другой стороны, у землевладѣльцевъ уже не было необходимыхъ для крупнаго предпріятія капиталовъ, и они такимъ образомъ не могли обезпечить себя необходимыми для крупнаго производства свободными рабочими руками, которыя бы замѣнили рабскій трудъ, теперь уже недостаточный въ виду прекращенія къ этому времени доставлявшихъ человѣческій матеріалъ завоевательныхъ войнъ. Не теряя власти надъ своими громадными помѣстьями, магнаты постепенно лишены были возможности ставить себѣ прежнія хозяйственныя цѣли, и имъ поневолѣ приходилось давать совершенно иное направленіе хозяйственной жизни латифундіевъ, единственно возможное въ новой политической и хозяйственной обстановкѣ, въ которой постепенно очутилось общество Римской имперіи. Мы и перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ формъ, въ какія постепенно отлились хозяйственная жизнь крупнаго помѣстья и его соціальный строй.

Постепенно все болѣе и болѣе дававшая себя знать невозмож-

ность вести крупное, на рабскомъ ли, или на свободномъ трудѣ основанное, на обширный рынокъ разсчитанное хозяйство заставляла землевладѣльцевъ все болѣе и болѣе сокращать размѣры собственной эксплоатаціи и рѣшительно переходить къ иной хозяйственной системѣ.

Система эта была не нова. Раздача земли въ аренду мелкими участками—а мы именно о ней и говоримъ—давно, какъ мы знаемъ, практиковалась крупными землевладѣльцами, являясь необходимымъ коррективомъ плантаціоннаго хозяйства. Но если прежде она занимала все-таки второстепенное мѣсто, то теперь она выступаетъ на первый планъ, являясь единственно возможной при новыхъ условіяхъ формой эксплоатаціи земельныхъ богатствъ владѣльцевъ латифундіевъ. Мелкій арендаторъ начинаетъ теперь играть роль главной фигуры на хозяйственной сценѣ Римской имперіи, принадлежавшую нѣкогда крестьянину-собственнику, а потомъ перешедшую къ клейменому и закованному въ кандалы рабу.

Переставъ существовать какъ система крупнаго капиталистическаго хозяйства, латифундій долго еще оставался въ качествѣ крупнаго владѣнія, и можно сказать, что тѣ же причины, которыя дѣлали необходимымъ дробленіе его на рядъ мелкихъ хозяйственныхъ организмовъ, въ то же время приводили къ еще большему укрѣпленію владѣльческихъ правъ латифундіальнаго собственника и вмѣстѣ съ тѣмъ къ созданію самаго внимательнаго и самаго назойливаго контроля этого послѣдняго надъ жизнью зависимыхъ отъ него арендныхъ хозяйствъ. Это послѣднее обстоятельство сообщаетъ хозяйственному строю латифундія послѣднихъ вѣковъ имперіи своеобразный характеръ и даетъ намъ право видѣть въ немъ какой-то компромиссъ (или синтезъ) двухъ совершенно различныхъ хозяйственныхъ системъ: арендныя хозяйства здѣсь представляютъ собою скорѣе тѣсно связанныя съ направляющимъ все центромъ клѣточки сложнаго хозяйственнаго организма, чѣмъ самостоятельныя хозяйственныя тѣла; они не сами ставятъ себѣ цѣли, а скорѣе служатъ средствами для осуществленія цѣлей, которыя ставитъ имъ центръ. Въ этомъ смыслѣ можно согласиться съ Максомъ Веберомъ, когда онъ говоритъ, что система римской фермерской культуры представляетъ собою не что иное, какъ одинъ изъ способовъ—и при томъ самый раціональный—эксплоатаціи помѣстья *самимъ землевладѣльцемъ*, что станетъ еще яснѣе, если мы обратимъ вниманіе на то, что обыкновенно самъ землевладѣлецъ снабжалъ своихъ мелкихъ арендаторовъ хозяйственнымъ инвентаремъ и получалъ съ нихъ теперь арендную плату обыкновенно уже не деньгами, а натурой, въ видѣ части продуктовъ ихъ труда (partes agrariae, отчего сами эти арендаторы назывались coloni par-

tiarii). Можно сказать, что, и раздробившись на рядъ мелкихъ арендныхъ хозяйствъ, латифундіальное хозяйство не вполнѣ утратило характеръ крупнаго предпріятія. Разница съ прежнимъ однако въ томъ, что это крупное предпріятіе не могло уже ставить себѣ прежнихъ капиталистическихъ цѣлей, что задачи его уже не имѣли коммерческаго характера, что оно не имѣло уже въ виду интересовъ рынка и руководствовалось интересами совсѣмъ иного порядка.

Если латифундій предшествующей народно-хозяйственной эпохи представлялъ собою явленіе чисто-экономическое, преобладавшую тогда форму хозяйственной жизни римскаго общества, направлявшейся свободной игрой хозяйственныхъ интересовъ, то теперь въ немъ слѣдуетъ видѣть своеобразную организацію хозяйственныхъ и общественныхъ силъ, призванную служить прежде всего интересамъ государства и раздѣлившую участь всѣхъ другихъ общественныхъ организацій имперіи, превратившихся, какъ мы знаемъ, въ служебные органы всемогущаго государства. Та чисто-экономическая зависимость, въ какую, естественно, попадалъ безземельный мелкій человѣкъ, становясь арендаторомъ крупнаго землевладѣльца, осложнялась теперь узами принудительнаго характера, которыми связывало его съ этимъ послѣднимъ государство, видѣвшее теперь въ земельномъ магнатѣ представителя своихъ собственныхъ фискальныхъ и полицейскихъ интересовъ, своего служилаго человѣка, обязаннаго отвѣчать передъ правительствомъ за исправное отбываніе всѣхъ лежавшихъ на населеніи его владѣльческой территоріи государственныхъ повинностей и содѣйствовать мѣстнымъ и центральнымъ властямъ въ охраненіи общественнаго порядка.

Среди этихъ повинностей, безспорно, первое мѣсто занимала уплата государству натурой поземельно-подушной подати (въ своемъ мѣстѣ мы видѣли, что введенная Діоклетіаномъ податная система представляла собою своеобразную комбинацію собственно поземельной подати съ податью поголовной), и единственно возможнымъ для государства средствомъ обезпечить себѣ правильное поступленіе продуктовъ труда земледѣльческаго населенія было поручить владѣльцу латифундія бдительный надзоръ за тѣмъ, чтобы трудъ этотъ правильно и продуктивно отправлялся экономически зависимыми отъ него людьми, что вполнѣ въ то же время совпадало и съ его собственными хозяйственными интересами.

Но государству важно было не только обезпечить правильное отправленіе земледѣльческаго труда, но и самую его наличность. Для него было необходимо не только то, чтобы земледѣлецъ надлежащимъ образомъ обрабатывалъ данный участокъ, но также и то, чтобы на данномъ участкѣ былъ всегда на лицо владѣлецъ не-

обходимыхъ для его обработки рабочихъ рукъ. Было это, конечно, и въ интересѣ самого землевладѣльца, хотя нужно сказать, что фискальный интересъ былъ здѣсь несравненно интенсивнѣе, и онъ-то и сыгралъ роль главнаго цемента, скрѣпившаго неразрывной связью отдѣльные хозяйственные атомы, на которые стала было распадаться хозяйственная жизнь латифундія, а также не въ малой мѣрѣ способствовалъ поддержанію самой этой жизни, поскольку она нуждалась во внѣшнихъ стимулахъ для своего продолженія.

Если поставить вопросъ, какимъ интересамъ давало удовлетвореніе существованіе латифундія въ послѣдніе вѣка имперіи, то можно смѣло сказать, что *хозяйственные* интересы собственника его играли здѣсь едва ли не послѣднюю роль. Какъ и въ древнѣйшую эпоху въ исторіи крупнаго землевладѣнія въ Римѣ, въ эпоху господства натуральнаго хозяйства, такъ и теперь, когда хозяйственная жизнь римскаго общества опять вернулась на эту первоначальную стадію, для земельнаго магната главный интересъ представляла уже не столько власть надъ землею, сколько власть надъ людьми, сидѣвшими на его землѣ, не столько хозяйственная эксплоатація этой земли, сколько соціальное и политическое могущество, которое онъ пріобрѣталъ благодаря власти надъ этими экономически-зависимыми отъ него людьми. Тѣ натуральные взносы, которые получалъ владѣлецъ латифундія въ видѣ арендной платы со своихъ колоновъ, конечно, имѣли для него не малый интересъ, представляя собою основу его матеріальныхъ, потребительныхъ рессурсовъ, и могли даже избавлять его отъ необходимости вести въ тѣхъ же чисто потребительныхъ цѣлямъ свое особое, барское хозяйство. Но, не говоря уже о томъ, что эта арендная плата представляла собою всего какую-нибудь седьмую долю чистой выручки колона, тогда какъ земельно-подушная подать, которую вносилъ казнѣ колонъ черезъ посредство владѣльца латифундія, брала у него цѣлую пятую часть продуктовъ его труда, такіе факты, какъ насильственное распредѣленіе правительствомъ брошенной земледѣльцами и запущенной земли между владѣльцами находившихся подъ обработкой участковъ, между крупными землевладѣльцами (эта мѣра носила техническое названіе ἐπιβολή) и дарованіе права собственности на землю, оставленную прежнимъ владѣльцемъ, тому, кто станетъ обрабатывать ее и платить за нее подати въ теченіе года или двухъ, а также созданіе правительствомъ особыхъ формъ льготной и долгосрочной аренды въ интересахъ улучшенія обработки земли (такъ называемой эмфитевтической аренды, ἐμφύτευσις), съ достаточной выразительностью указываютъ на то, что въ поддержаніи земледѣлія на территоріи латифундія въ наступившую вновь эпоху натуральнаго хозяйства было

заинтересовано прежде всего правительство имперіи, для котораго это былъ теперь вопросъ жизни и смерти во всей своей непосредственной осязательности. Для личныхъ потребительныхъ надобностей самого владѣльца латифундія не могло представлять особенной жизненной важности, что та или иная часть его земельнаго фонда оставалась неиспользованной: онъ и такъ могъ просуществовать вполнѣ удовлетворительно. Но государство не могло этого допустить; оно должно было зорко наблюдать за тѣмъ, чтобы ни одинъ клочокъ земли не вышелъ изъ-подъ обработки, вполнѣ понимая, что только такимъ путемъ оно можетъ обезпечить себѣ правительственныя средства, чтобы удовлетворять свои возраставшія потребности.

Нельзя сказать, чтобы соціальный матеріалъ, съ помощью котораго латифундіальные собственники эксплоатировали свой земельный фондъ въ формѣ мелкихъ зависимыхъ хозяйствъ, отличался особенно большой подвижностью. Хотя отношенія между арендаторомъ и собственникомъ арендуемаго имъ участка являлись свободно-договорными отношеніями, нормируясь пятилѣтнимъ контрактомъ, по окончаніи срока котораго арендаторъ воленъ былъ оставить арендуемый имъ участокъ, но уже очень рано мы наблюдаемъ факты болѣе продолжительнаго пребыванія арендаторовъ на занимаемыхъ ими участкахъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ факты этого рода все болѣе и болѣе учащаются, становясь постепенно общимъ правиломъ и рисуя намъ колона фактически-наслѣдственнымъ арендаторомъ.

Дѣло въ томъ, что полной свободой оставить арендуемую имъ землю по окончаніи срока аренды и по выполненіи всѣхъ своихъ обязательствъ въ отношеніи къ собственнику земли колонъ не всегда могъ и не всегда хотѣлъ воспользоваться и оставался на своемъ участкѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. И дѣйствительно, если арендатору жилось недурно на землѣ даннаго землевладѣльца, и если онъ успѣлъ обзавестись всѣмъ необходимымъ для веденія хозяйства, то у него не было расчета покидать насиженное мѣсто, и онъ могъ безпрепятственно возобновлять свой контрактъ черезъ каждыя пять лѣтъ, для чего требовалось простое согласіе землевладѣльца. А землевладѣльцу выгодно было имѣть постоянныхъ арендаторовъ, и онъ разными льготами старался сдѣлать для нихъ возможно болѣе привлекательной перспективу наслѣдственной аренды. Едва ли не болѣе часты были случаи другого рода, когда арендаторъ не могъ разорвать связи съ землей, на которой сидѣлъ, и волей-неволей долженъ былъ оставаться на ней, не будучи въ состояніи разсчитаться съ землевладѣльцемъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе запутываясь въ долгахъ (мы часто встрѣчаемъ

въ источникахъ эти reliqua colonorum). Самыя различныя въ каждомъ данномъ случаѣ обстоятельства приводили его въ такое положеніе. Всякій фактъ, неблагопріятно отражавшійся на его хозяйствѣ, способствовалъ этому. Съ другой стороны, арендаторъ съ перваго момента поселенія своего на данномъ участкѣ могъ стать должникомъ землевладѣльца, явившись арендовать у него землю съ пустыми руками и принужденный поэтому взять у него все необходимое, чтобы стать на ноги и быть въ состояніи приняться за хозяйство—а мы знаемъ, что такъ было въ огромномъ большинствѣ случаевъ—,и достаточно было одного или двухъ неурожайныхъ лѣтъ, чтобы положеніе его сдѣлалось настолько труднымъ, что онъ и думать не могъ о своевременномъ расчетѣ съ собственникомъ земли и фактически прикрѣплялся къ своему участку.

Такъ постепенно въ силу самыхъ различныхъ, какъ благопріятныхъ, такъ и неблагопріятныхъ, обстоятельствъ свободные мелкіе арендаторы превращались въ фактически крѣпкихъ землѣ колоновъ, и это въ значительной мѣрѣ облегчало задачу, которую взяло на себя правительство, озабоченное обезпеченіемъ правильнаго поступленія натуральной поземельно-подушной подати, этой основы правительственныхъ средствъ имперіи съ конца третьяго вѣка, и въ виду этого принужденное принимать мѣры къ тому, чтобы земледѣліе не приходило въ упадокъ, чтобы находившіеся подъ обработкой участки не забрасывались и для этого всегда были снабжены рабочей силой. Мелкая аренда представляла собою главный, если не единственный, ресурсъ безземельной массы, все болѣе и болѣе увеличивавшейся, и въ общемъ можно сказать, что и безъ принудительнаго содѣйствія правительства земля находила земледѣльца. Если въ интересахъ фиска было, чтобы на территоріи латифундія земледѣльческая обработка не только не прекращалась, но и по возможности не сокращалась, и латифундій продолжалъ оставаться хозяйственнымъ организмомъ, хотя уже иного строенія, чѣмъ въ народно-хозяйственную эпоху, то это было и въ интересахъ милліоновъ безземельнаго люда, который находилъ на землѣ крупнаго собственника приложеніе своей трудовой силѣ и обезпеченіе своихъ жизненныхъ потребностей.

Тѣмъ не менѣе правительство, потребности котораго все росли, не могло всецѣло положиться на естественную игру экономическихъ факторовъ, повелительно клонившую къ развитію мелкой аренды, такъ какъ среди этихъ факторовъ могли оказываться и такіе, дѣйствіе которыхъ могло тормозить желательные для фиска результаты вліянія другихъ факторовъ. Мы знаемъ, что податная система имперіи, какъ она сложилась послѣ реформы Діоклетіана,

взвалила на плечи земледѣльца чрезвычайно тяжелое бремя, которое по временамъ становилось прямо невыносимымъ и заставляло арендатора бросать все и уходить съ своего участка, куда глаза глядятъ; и это станетъ еще понятнѣе, если мы вспомнимъ, что тотъ же Діоклетіанъ сразу страшно увеличилъ войско (вчетверо) и армію чиновничества, а слѣдовательно, и количество необходимыхъ для ихъ содержанія натуральныхъ поступленій, и сдѣлалъ это какъ разъ въ тотъ моментъ, когда страна только что перенесла продолжительную гражданскую смуту, вызвавшую въ имперіи полный хозяйственный разгромъ. Арендаторы массами уходили съ насиженныхъ мѣстъ и устремлялись въ города, пополняя такимъ образомъ кадры городского пролетаріата, въ горы, гдѣ становились разбойниками, а нерѣдко присоединялись къ варварамъ, чтобы вмѣстѣ съ ними тревожить границы безмѣрно угнетавшаго ихъ государства. Деревни пустѣли, и большія пространства плодородной земли зарастали сорными травами.

Отъ этого сильно страдали интересы государства; не малый ущербъ терпѣли и интересы латифундіальныхъ собственниковъ, нерѣдко лишавшихся возможности имѣть въ своемъ помѣстьѣ даже то количество рабочей силы, какое необходимо было для производства продуктовъ для надобностей барскаго двора, не говоря уже о томъ, что они не оказывались благодаря этому въ состояніи гарантировать казнѣ лежавшую на ихъ землѣ согласно точнымъ указаніямъ кадастра подать. Какъ бы ни былъ могущественъ каждый отдѣльный собственникъ латифундія, но онъ не могъ съ помощью собственныхъ средствъ справиться съ этими затрудненіями. Приходилось бороться съ общимъ явленіемъ, и нужно было принимать общія, распространяющіяся на всю страну мѣры. А это могла сдѣлать только государственная власть. И правительство имперіи не заставило себя ждать, еще болѣе заинтересованное въ возможно скоромъ и по возможности коренномъ устраненіи аграрнаго и фискальнаго кризиса.

Нужно было разъ навсегда фиксировать податную стоимость каждаго отдѣльнаго помѣстья, не на бумагѣ только, не на страницахъ только земельнаго кадастра, а на самомъ дѣлѣ, необходимо было разъ навсегда обезпечить каждому данному помѣстью необходумое для него количество рабочей силы, чтобы владѣлецъ помѣстья дѣйствительно могъ отвѣчать передъ казной за опредѣленное количество продуктовъ труда, прилагаемаго къ его землѣ сидящими на ней земледѣльцами. Если сами землевладѣльцы ничего другого не могли предпринять для достиженія этой же цѣли, какъ сманивать другъ у друга колоновъ, привлекая ихъ возможно болѣе

льготными условіями, а то и просто насильственнымъ путемъ отнимать ихъ у своихъ сосѣдей, то съ точки зрѣнія фиска эта чисто-экономическая и вовсе не экономическая борьба не только не приводила къ желанному для него результату, но дѣлала еще болѣе нѣустойчивой экономическую почву, на которую онъ долженъ былъ опираться, и поэтому должна была вызвать къ себѣ со стороны правительства лишь отрицательное отношеніе. И правительство въ лицѣ Константина Великаго не замедлило вполнѣ опредѣленно высказаться именно въ этомъ вполнѣ отрицательномъ направленіи.

«Тотъ, у кого будетъ найденъ принадлежащій другому колонъ (colonus iuris alieni),—читаемъ мы въ постановленіи Константина отъ 332 года,—не только долженъ вернуть его туда, откуда тотъ родомъ (eundem origini suaerestituat), но и долженъ заплатить подать, (capitationem), причитающуюся съ него (колона) за все то время, какое у него колонъ находился». *(Cod. Theod., V, 91).* Но правительство этимъ запрещеніемъ экономической борьбы между землевладѣльцами изъ за рабочей силы не ограничилось. Оно направило свои удары и на самую эту рабочую силу. Оно рѣшило разъ навсегда закрѣпить за каждымъ даннымъ помѣстьемъ его рабочую силу и такимъ образомъ разрубить тотъ гордіевъ узелъ, который завязала хозяйственная и политическая исторія имперіи. Непосредственно за приведенными словами эдикта 332-го года читаемъ: «А самихъ колоновъ, которые вздумаютъ бѣжать, надлежитъ заковывать въ кандалы, какъ рабовъ, чтобы въ наказаніе заставить ихъ рабскимъ способомъ исполнять обязанности, приличествующія свободнымъ людямъ» (Ibid.).

Текстъ этотъ въ достаточной мѣрѣ выразителенъ и не оставляетъ никакихъ сомнѣній, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ настоящимъ прикрѣпленіемъ колона къ землѣ даннаго помѣстья. Прежде одна фактическая невозможность разсчитаться съ землевладѣльцемъ или соображенія личной выгоды могли удерживать арендатора дольше обусловленнаго арендным договоромъ (locatio-conductio) срока на арендуемой имъ землѣ. Теперь онъ лишается права оставлять ее когда бы то ни было, и если вздумаетъ тѣмъ не менѣе уйти, его уходъ уже объявляется «бѣгствомъ» (fuga), и его силою заставляютъ вернуться на прежнее мѣсто. Прежде уходъ колона, не расплатившагося съ землевладѣльцемъ, подвергалъ колона обыкновенной гражданской отвѣтственности, теперь его за это подвергаютъ наказанію. Совсѣмъ другое положеніе, совсѣмъ иныя точки зрѣнія. Законъ создаетъ такимъ образомъ новое общественное состояніе, юридически санкціонируетъ появленіе новаго общественнаго класса. Теперь мы имѣемъ дѣло не съ простой экономической зависимостью

арендатора отъ собственника земли, которую онъ держитъ, но и съ признанной закономъ властью землевладѣльца надъ арендаторомъ, властью, для осуществленія которой землевладѣлецъ имѣетъ къ своимъ услугамъ органы государства.

Сдѣлавъ этотъ крупный шагъ, законодательство пошло дальше въ томъ же направленіи, подтверждая, развивая и дополняя созданный такимъ образомъ юридическій фактъ. «Мы не думаемъ,—читаемъ мы въ законѣ Валентиніана I (371 г.),—чтобы колоны могли свободно уходить изъ деревни, къ которой, какъ извѣстно, ихъ привязываетъ происхожденіе и родство... Если они уйдутъ отсюда и перейдутъ къ другому, ихъ слѣдуетъ вернуть и подвергнуть наказанію, и пусть будутъ оштрафованы и тѣ, кто счелъ возможнымъ принять чужого и неизвѣстнаго (колона)... такимъ образомъ, что владѣлецъ помѣстья, въ которомъ будетъ найденъ чужой (колонъ), подвергнется возмездію сообразно качеству проступка... Штрафъ онъ заплатитъ по приговору судьи» *(Cod. Iust. XI, 53, 1)*.

Нѣсколько позже, въ одномъ изъ постановленій Ѳеодосія мы читаемъ, что «еще предками установленный законъ во всѣхъ провинціяхъ прикрѣпилъ колоновъ вѣчными узами права, такъ что имъ не позволяется оставлять тѣ поля, плодами которыхъ они пользуются, ни покидать ту землю, которую они разъ взяли для обработки», что «никто изъ колоновъ не можетъ по своей волѣ уходить, куда хочетъ, какъ это можетъ сдѣлать свободный человѣкъ», а если онъ уйдетъ, то собственникъ земли имѣетъ полное право потребовать его назадъ (Cod. Iust. XI, 51). «Если кто переманитъ (sollicitatione susceperit) или скроетъ у себя чужого колона—гласитъ законъ 386-го года,—то онъ обязанъ заплатить шесть унцій золота, если это колонъ частно-владѣльческій, и фунтъ (золота), если это колонъ удѣльный (patrimonialis)». (*Cod.* Theod. V, 9, 2). Рядомъ съ приведенными постановленіями идутъ другія, запрещающія колонамъ переходить въ другіе общественные классы: въ куріалы, въ администрацію, въ войско.

Если уже разсмотрѣнный нами законъ Константина Великаго (332 г.) является первымъ крупнымъ шагомъ въ юридической исторіи колоната, то относящееся къ пятому вѣку постановленіе императора Анастасія можно съ полнымъ правомъ признать однимъ изъ завершительныхъ моментовъ въ этой исторіи. Постановленіе это гласитъ, что всякій свободный человѣкъ, въ теченіе тридцати лѣтъ просидѣвшій въ качествѣ арендатора на данномъ участкѣ, по истеченіи этого срока, оставаясь лично свободнымъ, навсегда теряетъ право оставить землю и переселиться въ другое мѣсто.

Итакъ, колонъ окончательно прикрѣпляется къ землѣ, стано-

вится ея рабомъ (servus terrae). Изъ когда-то свободнаго арендатора въ предѣлахъ помѣстья онъ окончательно превращается въ неотдѣлимую часть латифундіальнаго организма и этимъ обезпечиваетъ ему правильное и постоянное функціонированіе, по крайней мѣрѣ настолько, насколько это было тогда возможно.

Но, прикрѣпивъ колона наслѣдственными узами къ землѣ помѣстья и подчинивъ его власти землевладѣльца, государство, руководствовавшееся при этомъ, какъ мы знаемъ, исключительно своими чисто фискальными интересами, видѣло въ этомъ лишь конкретную форму прикрѣпленія колона къ государственному тяглу. Наслѣдственно служа помѣщику, колонъ въ сущности служилъ государству, добывая своимъ несвободнымъ трудомъ средства, которыя были необходимы прежде всего для содержанія громадныхъ армій, многочисленной полиціи, огромнаго штата чиновниковъ, пышнаго и расточительнаго двора. Какъ и всѣ другія прежде свободныя профессіи, и занятіе земледѣліемъ, крестьянское дѣло, было превращено въ подневольное отбываніе казенной повинности.

Самому, съ помощью своихъ собственныхъ административныхъ органовъ наблюдать за тѣмъ, чтобы колонъ исправно и добросовѣстно отбывалъ свою казенную повинность, государство не было въ силахъ; да въ этомъ не было и надобности: разъ интересы его совпадали въ данномъ случаѣ съ интересами землевладѣльца, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что въ исправномъ и добросовѣстномъ хозяйничаньѣ колона на его участкѣ было заинтересовано не только государство, но и собственникъ участка, владѣлецъ латифундія, то вполнѣ естественнымъ со стороны государства было передать надзоръ надъ колонами землевладѣльцу, надѣливъ его соотвѣтствующей властью, но въ то же время возложивъ на него и отвѣтственность за правильное поступленіе въ казну слѣдуемыхъ съ колоновъ натуральныхъ взносовъ. Такимъ образомъ, власть землевладѣльца, собственника латифудія, надъ прикрѣпленными къ его помѣстью колонами совершенно естественно и необходимо вытекала изъ его положенія какъ представителя интересовъ государства, какъ служилаго человѣка, какъ своеобразнаго фискальнаго агента.

Не менѣе естественнымъ со стороны государства было передать послѣ этого крупному землевладѣльцу и иного рода власть, власть болѣе общаго характера, уже не въ одной только спеціальной сферѣ чисто хозяйственныхъ отношеній, но и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ сторонамъ поведенія колоновъ. Государству все труднѣе и труднѣе становилось самому справляться со всѣми деталями административнаго вмѣшательства въ мѣстную жизнь. Оно едва справлялось и съ болѣе широкими

задачами. А между тѣмъ въ крупномъ землевладѣльцѣ, стоявшемъ въ центрѣ и во главѣ обширнаго общественнаго соединенія, какимъ являлся латифундій, оно находило готовый общественный органъ, который оно безъ всякаго затрудненія могло приспособить къ своимъ административнымъ цѣлямъ. Передавъ землевладѣльцу права и обязанности фискальнаго агента, правительство надѣлило его и полицейскими функціями, возложивъ на него обязанность представлять на судъ привлекаемыхъ къ судебной отвѣтственности колоновъ и отвѣчать за ихъ появленіе предъ судомъ, а также право путемъ административнаго воздѣйствія пресѣкать всякаго рода мелкія правонарушенія и улаживать мелкія тяжбы среди своихъ колоновъ. Судебной власти землевладѣльцы не получали; но крупный магнатъ, могущественный человѣкъ (vir potens), располагавшій сотнями и тысячами зависимыхъ отъ него людей, легко могъ присвоить себѣ эту власть, не взирая на грозные на словахъ, но въ дѣйствительности мало страшные для него императорскіе указы, рѣшительно воспрещавшіе подобную узурпацію, и чѣмъ ближе къ концу имперіи, тѣмъ все чаще и чаще такого рода захваты. Обращаясь къ земельному магнату за податью съ сидѣвшихъ на его землѣ колоновъ, правительство обращалось къ нему и за рекрутами, которыхъ должны были ставить въ имперское войско эти же колоны.

Такъ мало-по-малу между крестьянской массой и государственной властью имперіи сталъ крупный земельный магнатъ. Съ нимъ непосредственно вѣдалась центральная власть, до крестьянъ же только черезъ него, сквозь призму его сословныхъ и классовыхъ интересовъ доходили велѣнія высшей власти. Надѣливъ соціально сильнаго человѣка аттрибутами административной власти надъ экономически зависимыми отъ него людьми, государство создало изъ него политическую силу, которой нетрудно было съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе эмансипироваться отъ контроля центральной власти, безостановочно слабѣвшей, и, постепенно втягивая въ сферу своего вліянія все большее и большее количество соціально слабыхъ элементовъ, явиться наконецъ чрезвычайно серьезной угрозой для самой центральной власти и олицетворявшагося ею имперскаго единства.

Мы отмѣчаемъ здѣсь только общую центробѣжную тенденцію разсматриваемой нами эволюціи; конкретными же формами, въ которыхъ она осуществилась, мы займемся въ другой связи. Тогда же мы сдѣлаемъ попытку и разобраться въ причинахъ, которыя привели къ тому, что въ то время, какъ превращеніе государствомъ въ свои органы другихъ общественныхъ ор-

ганизацій—и прежде всего муниципіевъ и, какъ потомъ увидимъ, ремесленныхъ и торговыхъ корпорацій—постепенно убило въ нихъ всякую жизнь, обрекло ихъ на медленную смерть отъ полнаго истощенія, та же политическая операція, произведенная надъ латифундіями въ лицѣ ихъ владѣльцевъ, не только не обезсилила ихъ, но дала совершенно противоположные результаты. Правильно поставить и разрѣшить этотъ вопросъ значитъ сдѣлать крупный шагъ къ разрѣшенію еще болѣе сложнаго и еще болѣе широкаго вопроса о причинахъ разложенія Западной Римской имперіи. Теперь же мы займемся нѣкоторыми болѣе частными вопросами.

Представленный нами очеркъ тѣхъ полномочій, которыми надѣлила латифундіальнаго собственника государственная власть, дѣлаетъ для насъ совершенно очевиднымъ тотъ фактъ, что, прикрѣпляя колона землѣ, государство вовсе не имѣло въ виду отдавать его на произволъ землевладѣльца, вовсе не предоставляло этому послѣднему права по своему желанію увеличивать свои требованія въ отношеніи къ колону, какъ къ своему арендатору. Всѣ эти полномочія носятъ вполнѣ ясно выраженный публично-правовой характеръ, рисуя землевладѣльца какъ должностное лицо, облеченное административной властью въ отношеніи къ части римскихъ гражданъ, живущей на его владѣльческой территоріи а вовсе не какъ рабовладѣльца, располагающаго тѣми или иными аттрибутами совершенно частной власти господина (dominus) надъ своей familia. Правда, съ теченіемъ времени зависимость колоновъ отъ помѣщика настолько увеличилась и настолько понизилось ихъ соціальное и личное положеніе, что законодательство очень нерѣдко смѣшиваетъ ихъ съ рабами и даже называетъ землевладѣльца, на территоріи котораго они живутъ, ихъ господиномъ (dominus). Тѣмъ не менѣе, несмотря ни на что, колонъ всегда въ глазахъ права являлся свободнымъ человѣкомъ и гражданиномъ, хотя и отдѣленнымъ отъ общаго права и закона высокою стѣною посреднической власти, но далеко не забытымъ имъ и продолжающимъ пользоваться его покровительствомъ и охраной и въ своихъ частно-правовыхъ отношеніяхъ къ собственнику своего участка и, въ частности, въ своихъ арендныхъ къ нему отношеніяхъ. Землевладѣлецъ не имѣетъ права измѣнять качество и количество арендной платы колона (обыкновенно въ видѣ части продуктовъ его труда), какъ она опредѣлена разъ заключеннымъ договоромъ или разъ установившимся обычаемъ помѣстья (consuetudo praedii, mos regionis), и въ случаѣ нарушенія этого принципа колонъ имѣлъ право обратиться съ жалобой въ судебныя учрежденія имперіи.

Колонъ былъ прикрѣпленъ не къ личности землевладѣльца, а

къ его землѣ, для того, чтобы земля эта могла давать казнѣ слѣдуемую съ нея подать. Это прикрѣпленіе колона къ землѣ являлось, такимъ образомъ, только условнымъ послѣдствіемъ приписки его къ лежавшимъ на землѣ государственнымъ повинностямъ, послѣдствіемъ того, что колонъ былъ censibus adscriptus; прикрѣпленіе его къ землѣ было только конкретной формой прикрѣпленія его къ государственному тяглу. Государство вовсе не отдавало колона въ полное распоряженіе землевладѣльца, вовсе не отказывалось отъ него въ пользу этого послѣдняго, какъ это случилось въ чисто феодальную эпоху съ виланомъ. Оно прикрѣпило колона къ землѣ какъ разъ настолько, насколько это нужно было въ виду чисто фискальныхъ цѣлей, для того, чтобы земля, обложенная податью, была всегда въ состояніи платить ее и для этого не оставалась «вдовой безъ земледѣльца» (viduatae cultoribus), по образному выраженію источника.

Прикрѣпленіе крестьянъ въ Римской имперіи было лишь одной изъ сторонъ общаго прикрѣпленія, которому подверглись всѣ классы римскаго общества. Для удовлетворенія все возраставшихъ потребностей государства, изъ которыхъ первой и самой настоятельной была непрекращавшаяся борьба съ варварами, все сильнѣе и сильнѣе напиравшими на границы имперіи, всѣ были призваны служить государству, каждый оставаясь въ сферѣ своей спеціальной, профессіональной дѣятельности, и императоры, начиная съ четвертаго вѣка, какъ мы уже отчасти видѣли это, замѣнили для этого свободный выборъ занятій постоянными, наслѣдственными занятіями, создавали классы людей, обязанныхъ наслѣдственно отправлять муниципальныя должности, наслѣдственно заниматься ремеслами и торговлей, наслѣдственно нести военную службу, наслѣдственно служить въ канцеляріи, и, наконецъ, людей обязанныхъ наслѣдственно обрабатывать землю и доставлять доходы землевладѣльцу (наслѣдственному куріалу или имперскому сенатору) и подати казнѣ. Деревня, какъ и городъ, становится фискальнымъ органомъ государства, и прикрѣпленіе крестьянина къ землѣ является лишь спеціальной формой постигшаго всѣ классы римскаго общества прикрѣпленія къ государственному тяглу.

Все время мы наблюдали развитіе колоната на частно-владѣльческихъ территоріяхъ, и нужно сказать, что именно здѣсь мы имѣемъ дѣло съ процессомъ этой эволюціи въ его типическомъ и самомъ распространенномъ видѣ. На императорскихъ земляхъ колонатъ сложился нѣсколько раньше, и слагался онъ здѣсь нѣсколько инымъ, болѣе ускореннымъ путемъ. Достаточно сказать, что тѣ права, которыми лишь мало-по-малу были надѣлены частные земле-

владѣльцы, съ самаго начала находились въ рукахъ администраціи императорскихъ помѣстій въ виду именно того, что владѣльцемъ этихъ помѣстій былъ глава государства, и представители этой администраціи обладали гораздо болѣе обширными полномочіями, чѣмъ частные владѣльцы. Съ другой стороны, если въ частныхъ помѣстьяхъ лишь медленно и постепенно держаніе земли по свободному срочному контракту уступило мѣсто наслѣдственному владѣнію по обычаю помѣстья (consuetudo praedii, mos territorii), то на земляхъ императора мы уже очень рано наблюдаемъ господство обычнаго порядка, при чемъ обычай, регулирующій арендныя отношенія даннаго помѣстья, очень рано кодифицируется въ видѣ разъ навсегда фиксированнаго вотчиннаго устава, такъ называемаго lex saltus, устраняющаго необходимость въ индивидуальныхъ арендныхъ договорахъ. Въ аналогичномъ положеніи находились и помѣстья римскихъ сенаторовъ. Они, какъ и помѣстья императора, представляли собою такъ называемые saltus'ы, т.-е. не включенные въ территорію какого-либо муниципальнаго округа и не подчиненные юрисдикціи муниципальныхъ властей округа (римскіе сенаторы вѣдь не были членами муниципіевъ), и сами являлись какъ бы особымъ видомъ муниципія (territorii municipalis instar), и поэтому ихъ владѣльцы являлись въ отношеніи къ населенію помѣстья своего рода муниципальными магистратами и, слѣдовательно, располагали въ отношеніи къ колонамъ полномочіями, которыя лишь постепенно попали въ руки обыкновенныхъ possessores. И здѣсь арендныя отношенія нормировались не отдѣльными договорами, а вотчиннымъ обычаемъ или закономъ.

Уже очень рано на императорскихъ и на сенаторскихъ saltus'ахъ колоны являются наслѣдственными арендаторами, для которыхъ помѣстье, гдѣ они снимаютъ землю, является въ глазахъ закона ихъ родиной, ихъ мѣстомъ приписки, *origo*, отчего и сами эти колоны носятъ названіе *coloni originarii* и противополагаются колонамъ, не приписаннымъ къ вотчинамъ и не обязаннымъ наслѣдственно держать свои участки, свободнымъ колонамъ, *liberi coloni*. Найденныя въ Африкѣ надписи рисуютъ подчасъ весьма конкретными чертами положеніе колоновъ въ императорскихъ вотчинахъ (saltus). Колоны здѣсь—исконные жители помѣстья. Держатъ они землю не по контракту, а по вотчинному уставу, въ которомъ точно опредѣлена ихъ арендная плата изъ части продуктовъ и ихъ барщинныя повинности, состоящія изъ полевыхъ работъ (для отбыванія ихъ они являются на барское поле со своимъ рабочимъ скотомъ), изъ всякаго рода строительныхъ работъ и изъ сторожевой службы въ помѣстьяхъ. Не всегда только параграфы вотчин-

наго устава точно соблюдаются тѣми, кто стоитъ во главѣ вотчинаго управленія. Крупные арендаторы (conductores), которымъ обыкновенно сдавались на срокъ императорскія помѣстья съ сидящими на ихъ землѣ колонами и которые являлись настоящими хозяевами помѣстій, пользуясь своими связями съ представителями высшей удѣльной администраціи, съ прокураторами, стоявшими во главѣ удѣльныхъ округовъ (procurator tractus), позволяли себѣ превышать опредѣленныя вотчиннымъ уставомъ нормы повинностей колоновъ и иными способами угнетать рабочее населеніе помѣстій и въ случаѣ протеста съ его стороны не останавливались передъ жестокими репрессіями съ помощью присылаемаго прокураторомъ карательнаго отряда.

Въ первые вѣка имперіи колоны, правда, еще могли иногда найти управу на угнетателя-кондуктора: иногда имъ удавалось добиться правосудія, подавъ слезную петицію на высочайшее имя и привлекши къ своей печальной участи высочайшее вниманіе. Положеніе измѣнилось, когда все болѣе и болѣе стали давать себя знать фискальныя нужды государства и заставили императоровъ сдавать свои домэны съ сидѣвшимъ на нихъ земледѣльческимъ населеніемъ уже наслѣдственнымъ кондукторамъ или передавать ихъ на правахъ, близкихъ къ собственности, въ руки всякаго, кто только имѣлъ желаніе и средства ихъ эксплоатировать и отвѣчать передъ казною за исправное поступленіе налоговъ съ обрабатывавшихъ ихъ колоновъ. Теперь колоны были отданы, можно сказать, въ полное распоряженіе ихъ новыхъ господъ, въ которыхъ правительство видѣло единственную свою надежду и въ виду этого все дѣлало, чтобы привлечь ихъ къ эксплоатаціи фискальныхъ земель какъ заселенныхъ, такъ и пустующихъ.

И первое, чего настоятельно потребовали отъ государства новые владѣльцы фискальныхъ земель, чтобы обезпечить для себя возможность выполненія взятыхъ на себя передъ государствомъ обязательствъ, это прикрѣпленія колоновъ къ занимаемымъ ими участкамъ. Правительству оставалось только пойти навстрѣчу этому требованію и рядомъ спеціальныхъ постановленій дать болѣе строгое примѣненіе принципу *origo* и истолковать его въ смыслѣ прикрѣпленія колона къ его участку. Извѣстная уже намъ конституція Константина Великаго (332 г.) является однимъ изъ шаговъ въ этомъ направленіи, которому предшествовалъ рядъ актовъ того же характера. Императорскіе указы, во всей строгости примѣнивъ къ колонамъ удѣльныхъ и бывшихъ удѣльныхъ помѣстій принципъ *origo*, окончательно прикрѣпивъ ихъ къ мѣсту ихъ приписки, приравняли въ то же время къ этимъ колонамъ (coloni originarii) и коло-

новъ всѣхъ остальныхъ, частно-владѣльческихъ помѣстій, перенеся, такимъ образомъ, порядки saltus'овъ на всѣ частно-владѣльческія вотчины.

Въ заключеніе укажемъ на то, что въ составъ крестьянскаго населенія имперіи вошло много посаженныхъ на землю рабовъ. Когда плантаціонное хозяйство оказалось уже невозможнымъ, и землевладѣльцамъ пришлось окончательно переходить къ системѣ мелкаго фермерскаго хозяйства, они отдавали свою землю не только мелкимъ свободнымъ арендаторамъ, но и своимъ рабамъ, такъ какъ только такимъ способомъ можно было теперь эксплоатировать рабскую рабочую силу. Рабъ становился, такимъ образомъ, quasi-арендаторомъ, фактически мало чѣмъ отличнымъ отъ настоящаго колона, и эта перемѣна въ его хозяйственномъ положеніи должна было въ концѣ-концовъ благопріятно отразиться и на его правовомъ положеніи.

X.

Закрѣпощеніе ремесленниковъ и торговцевъ происходило одновременно съ закрѣпощеніемъ другихъ классовъ римскаго общества и имѣло тотъ же характеръ прикрѣпленія къ государственному тяглу. Источники позволяютъ прослѣдить тѣ ступени, по которымъ свободные представители римской индустріи и торговли спустились мало-по-малу на положеніе такихъ же рабовъ казеннаго интереса, какими стали колоны и куріалы, а ихъ свободныя профессіональныя организаціи превратились въ принудительныя наслѣдственныя корпораціи, обреченныя на роль служебныхъ органовъ административной машины государства.

Римская промышленность и торговля отличались нѣкоторыми соціальными особенностями, значительно преувеличенными въ ученой литературѣ и послужившими основаніемъ для ряда общихъ заключеній о соціальной и хозяйственной эволюціи римскаго общества, съ которыми намъ уже приходилось отчасти считаться въ предшествующемъ изложеніи. Изслѣдователи, склонные представлять себѣ хозяйственное развитіе древняго Рима въ терминахъ «ойкоснаго» строя, указываютъ на то, что «въ римскомъ мірѣ не окрѣпли до самаго конца ни самостоятельное торгово-промышленное *купечество*, ни отдѣльная соціальная категорія *свободныхъ рабочихъ*, спеціально дифференцировавшихся для *ремесленнаго* или *заводскаго* труда, хотя и тѣ, и другіе появлялись въ обществѣ» (Гревсъ), и причину этого видятъ въ доминирующей роли крупнаго землевладѣнія, позволявшей земельнымъ магнатамъ выступать и въ качествѣ крупныхъ мануфактуристовъ и коммерсантовъ и вообще направлять промышленную и торговую жизнь римскаго общества. Соображе-

нія, приводимыя въ пользу такого мнѣнія, можно резюмировать такимъ образомъ.

Уже съ древнѣйшихъ временъ на внутреннихъ рынкахъ Рима господствовали продукты иноземной промышленности, греческой и карѳагенской, находившіе сбытъ среди высшихъ классовъ римскаго общества, и туземному ремеслу оставалось довольствоваться удовлетвореніемъ несложныхъ и крайне ограниченныхъ потребностей крестьянства, тѣмъ болѣе, что болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы въ своихъ собственныхъ хозяйствахъ производили все необходимое для повседневнаго обихода съ помощью рабовъ и другихъ подвластныхъ имъ людей. Естественно, что классъ ремесленниковъ, поскольку онъ успѣлъ выдѣлиться въ качествѣ обособленной соціальной группы, долженъ былъ занимать въ обществѣ крайне скромное мѣсто и принужденъ былъ для огражденія своего весьма необезпеченнаго существованія соединяться въ союзы взаимопомощи. Такъ возникли *коллегіи,* знакомыя уже царскому Риму и, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе развивавшіяся. Жалкое положеніе туземной индустріи, забитой иноземной конкуренціей и еще болѣе придавленной господствомъ въ хозяйственной жизни Рима недифференцировавшихся замкнутыхъ хозяйственныхъ единицъ, какими являлись помѣстья болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, естественно, не давало возможности развиться и туземной торговлѣ, не выходившей вслѣдствіе этого за предѣлы непосреднаго обмѣна между производителемъ и потребителемъ на мѣстномъ рынкѣ. Развивается, однако, внѣшняя торговля, и само собой разумѣется, что возникаетъ она не на почвѣ обрабатывающей промышленности. Предметомъ вывоза являлся сельскохозяйственный продуктъ, хлѣбъ, въ которомъ нуждались страны, снабжавшія Римъ издѣліями своей развитой промышленности, и прежде всего Грецiя, и поставщиками хлѣба на иностранные рынки являлись тѣ, у кого его было больше, чѣмъ было необходимо для удовлетворенія ихъ собственныхъ потребностей, т.-е. болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы.

Съ такими чертами хозяйственнаго строя переходитъ Римъ и въ слѣдующіе періоды своего существованія, и черты эти не только не мѣняются, но и получаютъ возможность дальнѣйшаго укрѣпленія и развитія. Римскія завоеванія превращаютъ иноземныя страны, снабжавшія Римъ продуктами своей индустріи, въ римскія провинціи и тѣмъ еще болѣе облегчаютъ наводненіе римскаго рынка заморскими издѣліями, и италійскому ремесленнику попрежнему приходится ограничиваться производствомъ для удовлетворенія ограниченнаго мѣстнаго спроса. Ему не приходится мечтать не только о

внѣиталійскомъ рынкѣ, но и о болѣе или менѣе крупномъ производствѣ для италійскаго рынка. У него нѣтъ для этого средствъ, и не изъ среды мелкихъ производителей могли явиться крупные предприниматели, почва для которыхъ все же постепенно создавалась по мѣрѣ осложненія и расширенія хозяйственной жизни Рима. Предшествующая исторія не способствовала процессу накопленія у нихъ необходимаго для крупнаго производства капитала. Капиталъ этотъ находился въ рукахъ представителей иного общественнаго класса.

Это были все тѣ же крупные земельные собственники, постепенно ставшіе еще болѣе крупными собственниками и сельскохозяйственными предпринимателями, располагавшими и большими денежными средствами, и массами несвободныхъ, полусвободныхъ и свободныхъ рабочихъ рукъ и пріумножавшіе свои богатства съ помощью грабежа провинцій откуповъ, ссудъ и всякихъ иныхъ финансовыхъ операцій. Естественно, что крупные землевладѣльцы стали и крупными мануфактуристами, и мы знаемъ доподлинно, что многіе изъ латифундіальныхъ собственниковъ, даже сенаторы и императоры, основывали въ своихъ помѣстьяхъ кирпичные, валяльные, ткацкіе, красильные, горшечные, металлическіе, каменные заводы, сбывавшіе свои продукты не только на италійскихъ, но и на провинціальныхъ рынкахъ.

Дѣло на этихъ заводахъ велось или самими землевладѣльцами съ помощью рабскаго труда (не исключался, впрочемъ, и трудъ свободный), при чемъ во главѣ предпріятія стоялъ рабъ-директоръ (dispensator или institor), или арендаторами на ихъ собственныя средства и на ихъ собственный рискъ, или же, наконецъ, вольноотпущенниками, которымъ владѣльцы передавали и заводъ, и всѣ необходимыя для веденія его средства, условившись съ ними насчетъ дѣлежа дохода. Вольноотпущенники, наживъ такимъ путемъ порядочныя деньги, могли брать заводы и на чисто арендныхъ основаніяхъ, а въ концѣ-концовъ основывать и свои собственные, и такимъ образомъ создавать самостоятельный классъ крупныхъ индустріальныхъ предпринимателей, крупной буржуазіи; но создать его они все-таки не могли, такъ какъ сфера примѣненія промышленной предпріимчивости въ крупныхъ хозяйственныхъ формахъ была вообще сравнительно ограничена и къ тому же была и безъ того почти цѣликомъ монополизирована земельными магнатами, конкуренція съ которыми не легка была безземельному, хотя бы и богатому человѣку. Еще болѣе она была трудна для мелкаго предпринимателя, для свободнаго ремесленника, который попрежнему принужденъ былъ прилагать свой трудъ къ наименѣе прибыльнымъ

видамъ индустріи, не привлекавшимъ крупныхъ предпринимателей, и производить лишь для мѣстнаго рынка.

Но и въ этой узкой сферѣ онъ не оставался одинъ. И сюда проникала рука вершителя хозяйственныхъ и политическихъ судебъ римскаго общества, крупнаго землевладѣльца, который нерѣдко снабжалъ своихъ рабовъ деньгами и всѣмъ необходимымъ, чтобы они могли на свой страхъ и рискъ заниматься ремесломъ, платя господину часть дохода со своего мелкаго предпріятія. Такой несвободный ремесленникъ имѣлъ передъ свободнымъ ремесленникомъ то весьма существенное преимущество, что въ лицѣ своего господина онъ имѣлъ опору, которой свободный ремесленникъ не находилъ и въ своей коллегіи и оттого еще болѣе терялъ почву подъ ногами. Если мы прибавимъ ко всему этому, что среди крупныхъ землевладѣльцевъ была широко распространена практика отдачи въ наемъ рабочей силы рабовъ (такъ назыв. locatio operum), то для насъ станетъ вполнѣ яснымъ, какъ серьезна была для свободнаго ремесла конкуренція рабскаго труда, и какъ тяжело она должна была отражаться на положеніи ремесленнаго класса, не давая ему возможности выбиться на болѣе широкую дорогу и обрекая его на положеніе едва сводившихъ концы съ концами мелкихъ предпринимателей, вытѣсненныхъ изъ всѣхъ наиболѣе выгодныхъ отраслей индустріи и слишкомъ хорошо знакомыхъ съ хронической безработицей и всякими превратностями жизни, въ такомъ изобиліи выпадающими на долю пролетарія всѣхъ временъ и народовъ.

Для того, чтобы спастись отъ окончательнаго разоренія, которымъ грозило имъ непосильное для нихъ соперничество съ руководимымъ земельными магнатами рабскимъ трудомъ, свободные ремесленники должны были какъ можно шире развивать въ своей средѣ существовавшую уже съ древнѣйшихъ временъ организацію взаимопомощи въ формѣ профессіональныхъ союзовъ, *коллегіи* (collegia), и мы видимъ, что число этихъ коллегій все растетъ и растетъ по мѣрѣ расширенія и осложненія хозяйственной жизни Рима.

Къ взаимопомощи приходилось прибѣгать и классу торговцевъ, поскольку онъ существовалъ въ римскомъ обществѣ въ качествѣ отдѣльной соціальной группы. И ихъ положеніе было не лучше положенія свободныхъ ремесленниковъ: и они были оттѣснены на задній планъ монополизировавшими въ своихъ рукахъ крупную торговлю земельными магнатами и денежными дѣльцами крупнаго калибра, въ большинствѣ случаевъ тѣми же собственниками латифундіевъ, и принуждены были пробавляться мелкой торговлей, удовлетворяя только нужды мѣстнаго распредѣленія продуктовъ, которое

къ тому же не могло быть очень широкимъ въ виду того, что владѣльцы крупныхъ помѣстій съ помощью подвластнаго имъ населенія сами изготовляли почти все необходимое для жизненнаго обихода помѣстій и поэтому мало нуждались въ услугахъ торговцевъ. Благодаря этому упоминаемые въ источникахъ *mercatores* или *negotiatores*—въ большинствѣ случаевъ мелкіе торговцы, имѣвшіе возможность существовать, только соединяясь въ союзы взаимопомощи, въ коллегіи.

Такова картина промышленнаго развитія римскаго общества, какъ ее рисуютъ приверженцы «ойкосной» теоріи. Мы старались по возможности смягчить рѣзкость красокъ, которыми они при этомъ пользуются, и рѣшительность общихъ соціологическихъ формулировокъ, къ которымъ они прибѣгаютъ для того, чтобы дать общее освѣщеніе набрасываемой ими картинѣ. И все же картина остается односторонней, хоть и вѣрной во многихъ своихъ чертахъ, поскольку она констатируетъ факты, не оспариваемые и противниками «ойкосной» теоріи и недвусмысленно свидѣтельствующіе, что италійская промышленность (но не римская вообще, не промышленность всей римской державы, какъ болѣе или менѣе категорически утверждаютъ послѣдователи «ойкосной» теоріи) благодаря иноземной, а потомъ провинціальной конкуренціи не могла достигнуть очень большого развитія и не создала вполнѣ развившагося отдѣльнаго класса крупныхъ фабрикантовъ и такого же класса крупныхъ коммерсантовъ; если и возникли здѣсь нѣкоторыя крупныя промышленныя и торговыя предпріятія то организаторами ихъ по указаннымъ выше причинамъ, явились главнымъ образомъ представители высшаго землевладѣльческаго класса, крупные земельные магнаты, весьма часто соединявшіе съ веденіемъ на капиталистическихъ началахъ устроеннаго и главнымъ образомъ на рабскій трудъ опиравшагося сельскаго хозяйства и этого рода дѣятельность и устраивавшіе для этого въ своихъ имѣніяхъ крупныя мануфактуры, на которыхъ работали прежде всего ихъ многочисленные рабы. Благодаря этому преобладавшей формой италійской индустріи являлось ремесло, мелкое предпріятіе и мелкое производство. Хотя ремесло это и страдало отъ конкуренціи со стороны рабскаго труда, но далеко не въ той мѣрѣ, какъ это обыкновенно представляется. Оно удовлетворяло весьма значительный спросъ и потому вовсе не обязательно обрекало италійскаго ремесленника на жалкое положеніе ничѣмъ не огражденнаго отъ всякихъ случайностей пролетарія, которому мало помогало и его участіе въ союзахъ взаимопомощи, въ коллегіяхъ. Мы имѣемъ въ виду, само собой разумѣется, эпоху расцвѣта хозяйственной жизни Италіи, послѣдніе два

вѣка республики и первые два вѣка имперіи, когда эта жизнь поднялась на стадію народнаго хозяйства. Впослѣдствіи дѣло приняло иной оборотъ, и мы еще будемъ имѣть случай отмѣтить тѣ перемѣны, которыя произошли въ положеніи италійской индустріи и ея представителей, когда наступилъ во всей имперіи сначала хозяйственный кризисъ, а затѣмъ безостановочно совершавшійся возвратъ къ элементарнымъ хозяйственнымъ формамъ. Видѣть въ профессіональныхъ союзахъ римскихъ ремесленниковъ и торговцевъ, въ такъ называемыхъ коллегіяхъ, во всѣ эпохи существованія ихъ лишь свидѣтельство слабаго развитія римской промышленности и торговли и жалкаго положенія ремесленниковъ и торговцевъ только потому, что это были союзы взаимопомощи, едва ли больше основаній, чѣмъ заключать о слабости индустріальнаго развитія современной Англіи по факту распространенности въ ней трэдъ-юньеновъ. Источники не оставляютъ сомнѣнія, что въ эпоху экономическаго расцвѣта Италіи организованные въ коллегіи ремесленники играли далеко не послѣднюю роль въ муниципальной жизни, дѣятельно и подчасъ весьма шумно участвуя во всѣхъ проявленіяхъ ея, и притомъ вовсе не въ качествѣ униженныхъ и обездоленныхъ враговъ существующаго порядка, жаждавшихъ его ниспроверженія, но въ качествѣ полноправныхъ гражданъ муниципія, не менѣе другихъ дорожившихъ его вольностями и готовыхъ на жертвы для его процвѣтанія, хотя и не столь богатыхъ и вліятельныхъ, какъ направлявшіе муниципальную жизнь мѣстные землевладѣльцы.

Несомнѣнно, нельзя смотрѣть на римскіе города той поры прежде всего какъ на промышленные и торговые центры съ характернымъ для этихъ послѣднихъ соціальнымъ составомъ. Той рѣзкой хозяйственной и соціальной разницы между городомъ и деревней, какая знакома, напримѣръ, нашему времени, въ римскую эпоху, какъ общее правило, мы не видимъ, такъ какъ городъ являлся тогда прежде всего средоточіемъ общественной, муниципальной жизни всего округа, въ центрѣ котораго онъ стоялъ, и главными муниципальными дѣятелями были мѣстные землевладѣльцы. Но не слѣдуетъ утрировать и ужъ вовсе сглаживать всякую разницу между ними въ этомъ отношеніи, слишкомъ рѣшительно оттѣсняя ремесленника и торговца на задній фонъ соціальной картины римскаго города, пряча ихъ за спины землевладѣльческой аристократіи муниципія. Даже въ очень отдаленныя времена римской исторіи присутствіе ремесленника и торговца, какъ скромно ни было ихъ положеніе, уже вносило въ жизнь и строй города элементы, сообщавшіе городскому развитію специфически городское

направленіе. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно это утверждать относительно городского развитія позднѣйшей поры, эпохи широкаго проявленія народно-хозяйственныхъ тенденцій въ римскомъ обществѣ. Представитель господствующаго класса, болѣе или менѣе крупный землевладѣлецъ, одинъ имѣвшій право нести почетное бремя муниципальныхъ должностей и засѣдать въ муниципальномъ сенатѣ, конечно, могъ сверху внизъ смотрѣть на городского ремесленника и причислять его къ низшему сословію, къ городской черни (plebs urbana), но долженъ былъ очень считаться съ тѣми корпораціями, къ которымъ тотъ принадлежалъ, такъ какъ отъ этихъ послѣднихъ не въ малой мѣрѣ зависѣло его избраніе въ муниципальные сановники и, слѣдовательно, вся его муниципальная карьера, открывавшая передъ нимъ и болѣе широкія перспективы (мы, конечно, имѣемъ въ виду то время, когда муниципальный строй былъ на высотѣ своего развитія, и участіе въ муниципальной жизни еще очень высоко цѣнилось мѣстнымъ населеніемъ); а число этихъ корпорацій въ каждомъ сколько-нибудь видномъ городѣ было весьма значительно, и въ составѣ населенія города имъ принадлежало весьма видное мѣсто.

Въ общемъ, какія бы оговорки мы ни дѣлали, характеризуя положеніе римской промышленности, все же мы не можемъ не признать, что въ народно-хозяйственную эпоху своего развитія Римъ зналъ не одни лишь зачатки свободной индустріи, но весьма значительный классъ свободныхъ ремесленниковъ, игравшій далеко не послѣднюю роль въ римской промышленности и благодаря своей организованности представлявшій собою серьезную общественную силу, съ которой приходилось считаться правящимъ классамъ, несмотря на все ихъ хозяйственное и соціальное преобладаніе. То же слѣдуетъ сказать и относительно торговаго класса.

Коллегіи, въ которыя въ интересахъ взаимопомощи группировались по профессіямъ римскіе ремесленники и торговцы, представляли собой опредѣленнымъ образомъ организованныя корпораціи, свободно возникавшія и такъ же свободно закрывавшіяся, имѣвшія свои собственные, ими же самими вырабатывавшіеся и измѣнявшіеся статуты, своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ,—магистровъ, дуовировъ, тріумвировъ, rectores, majores и т. п.,—свои собранія и свою казну, составлявшуюся изъ членскихъ взносовъ и изъ пожертвованій. Такими были коллегіи въ республиканскую эпоху и въ первые два вѣка имперіи. Но этотъ характеръ совершенно частныхъ и совершенно независимыхъ корпорацій коллегіи постепенно начинаютъ утрачивать по мѣрѣ того, какъ государственная власть, постепенно теряя подъ ногами народно-хозяйственную почву, стала переходить къ натуральной системѣ государственнаго хозяйства и для этого

всѣ виды труда и профессіональной дѣятельности начала принудительнымъ путемъ привлекать къ служенію государству, къ отбыванію натуральныхъ государственныхъ повинностей и съ этой цѣлью стала прикрѣплять ихъ вѣчными узами къ тѣмъ формамъ и къ тѣмъ организаціямъ, въ которыхъ прежде они свободно отправлялись свободными людьми.

Раньше другихъ подверглись закрѣпощенію корпораціи торговцевъ и ремесленниковъ, профессіональная дѣятельность которыхъ стояла въ непосредственной связи съ снабженіемъ съѣстными припасами столичнаго населенія (а также населенія и другихъ большихъ городовъ).

Какъ извѣстно, одной изъ серьезныхъ заботъ римскаго правительства еще со временъ Гракховъ было продовольствованіе столичнаго пролетаріата путемъ даровой раздачи хлѣба. Болѣе 150.000 гражданъ обыкновенно получали изъ казны даровой хлѣбъ, а впослѣдствіи стали раздавать имъ и масло (оливковое), соль, свинину и даже вино. Помимо раздачи даровой хлѣба неимущимъ, правительство заботилось и о томъ, чтобы и остальные жители столицы и другихъ большихъ городовъ не терпѣли недостатка въ хлѣбѣ и не страдали отъ его дороговизны. Это была очень важная сторона дѣятельности столичной администраціи, и императорское правительство вполнѣ сознавало всю ея важность, прекрасно понимая, какое значеніе для прочности новаго монархическаго режима имѣло хорошее настроеніе чрезвычайно легко возбудимой столичной массы, и уже при Августѣ дѣло снабженія столицы провіантомъ (прежде всего хлѣбомъ) (cura annonae) было передано императоромъ особому должностному лицу (praefectus annonae), на обязанности котораго лежала не только организація даровой раздачи хлѣба и другихъ продуктовъ, но и организація доставки его въ столицу и регулированіе хлѣбныхъ цѣнъ. Большія массы хлѣба правительство, какъ извѣстно, получало даромъ, въ видѣ подати, которую платили Риму нѣкоторыя его провинціи (Сицилія, Египетъ); но иногда этого даровой хлѣба не хватало какъ для даровой раздачи, такъ и для продажи по дешевой цѣнѣ (а значитъ, и для общаго пониженія хлѣбныхъ цѣнъ въ столицѣ), и тогда правительству приходилось покупать хлѣбъ у частныхъ предпринимателей.

Чтобы гарантировать правильную доставку въ Римъ казеннаго хлѣба изъ провинцій, императорское правительство обращается къ содѣйствію частныхъ компаній, занимавшихся транспортомъ кораблевладѣльцевъ (naviculariі) и для этого заключаетъ контракты съ отдѣльными членами этихъ коллегій и вознаграждаетъ

ихъ за трудъ деньгами, а также разнаго рода привилегіями и прежде всего освобожденіемъ отъ тяжелыхъ муниципальныхъ повинностей. Такіе же контракты заключало правительство и съ членами коллегіи хлѣботорговцевъ, чтобы обезпечить себѣ необходимое количество покупного хлѣба, и ихъ надѣляя подобными же привилегіями. Въ такого же рода договорныя отношенія вступало правительство и съ членами другихъ коллегій, снабжавшихъ столицы съѣстными припасами: съ коллегіями булочниковъ (pistores), мясниковъ (suarii), виноторговцевъ и др. Все это были частные договоры, не стѣснявшіе свободы членовъ коллегій и не измѣнявшіе характера коллегій, какъ совершенно свободныхъ частныхъ союзовъ.

Положеніе коллегій и отношеніе къ нимъ государства рѣзко измѣнились послѣ бурь третьяго столѣтія, расшатавшихъ хозяйственныя основы римскаго общества и государства и двинувшихъ общественное и государственное хозяйство имперіи назадъ, къ уже когда-то пройденной ими натурально-хозяйственной стадіи. До этого момента число коллегій, съ членами которыхъ правительство находилось въ договорныхъ отношеніяхъ, значительно увеличилось, и сами эти отношенія нѣсколько измѣнились въ томъ смыслѣ, что теперь государство договаривалось уже не съ отдѣльными членами коллегіи, а съ коллегіей какъ цѣлымъ, которую и надѣляло соотвѣтствующими привилегіями. Хозяйственный разгромъ третьяго вѣка заставилъ многихъ торговцевъ и ремесленниковъ бросить уже переставшее быть прибыльнымъ дѣло и выйти изъ коллегій, къ которымъ они принадлежали. Массовый выходъ изъ коллегій дѣлалъ невозможнымъ для оставшихся въ нихъ выполненіе взятыхъ на себя коллегіями обязательствъ въ отношеніи къ государству. А между тѣмъ само правительство, при измѣнившихся общихъ хозяйственныхъ условіяхъ, еще менѣе, чѣмъ прежде, могло обходиться безъ профессіональнаго содѣйствія частныхъ организацій, не располагая уже достаточными денежными средствами и не имѣя уже возможности извлекать ихъ въ достаточномъ количествѣ изъ общества, истощеннаго и возвращавшагося къ элементарнымъ формамъ хозяйственной жизни, и единственнымъ для него выходомъ была замѣна денежныхъ податей непосредственными продуктами производительной дѣятельности общества, а также возможно болѣе широкое привлеченіе на службу государству самой рабочей силы общества въ ея органически сложившихся формахъ. Естественно, что ослабленіе и разложеніе профессіональныхъ организацій, неизбѣжно слѣдовавшее за вызваннымъ смутами третьяго вѣка хозяйственнымъ разгромомъ имперіи, должно было встрѣтить рядъ энергичныхъ мѣропріятій со стороны правительства, имѣвшихъ цѣлью искусственно задержать естественный

процессъ, загородить выходъ изъ торговыхъ и ремесленныхъ корпорацій тѣмъ, кто разъ попалъ въ нихъ, и путемъ принужденія включить въ нихъ тѣхъ, кто еще оставался за ихъ предѣлами, и всѣхъ ихъ заставить служить государству въ качествѣ его органовъ и орудій. Если до сихъ поръ тѣ или иныя коллегіи служили государству по контракту, свободно заключенному ими съ нимъ, то теперь эти договорныя отношенія должны были уступить мѣсто отношеніямъ публично-правового характера: выполненіе частно-правового обязательства замѣнилось подневольнымъ отбываніемъ натуральной государственной повинности.

Прежде другихъ въ принудительныя, тяглыя корпораціи превратились коллегіи, дѣятельность которыхъ была связана съ снабженіемъ столицы и другихъ большихъ городовъ имперіи средствами къ существованію; произошло это при императорѣ Авреліанѣ (270—275 г.). Но за ними вскорѣ послѣдовали и другія торговыя и ремесленныя ассоціаціи. Въ извѣстномъ эдиктѣ Діоклетіана о цѣнахъ (edictum de pretiis rerum venalium 301 года) на ряду съ тяглыми коллегіями пекарей, навикуляріевъ и другихъ ремесленниковъ, снабжавшихъ провіантомъ столицу и другіе большіе города, мы встрѣчаемъ также тяглыя коллегіи ткачей, оружейниковъ, монетчиковъ, плотниковъ, колесниковъ, работниковъ въ рудникахъ. При Діоклетіанѣ, какъ видно изъ того же эдикта, существовали еще и свободныя коллегіи, но дни ихъ, можно сказать, были сочтены, и при преемникахъ Діоклетіана всѣ безъ исключенія ремесленники мало-по-малу были прикрѣплены къ государственному тяглу.

До поры, до времени прикрѣпленіе къ тяглу было обусловлено имущественнымъ положеніемъ члена коллегіи: каждый collegiatus обязанъ былъ нести повинности государству въ соотвѣтствіи съ размѣрами своего имущества, и можно сказать, что государственная повинность ложилась не столько на самого члена коллегіи, сколько на его имущество. Имущество прикрѣпляло коллегіата къ коллегіи, а черезъ нее къ государственному тяглу. Чтобы освободить себя отъ узъ государственнаго рабства, члену коллегіи оставалось бросить свое имущество, оставить его въ полное распоряженіе коллегіи и уйти изъ нея. Многіе такъ и поступали. За оставленіе коллегіи законъ (одинъ изъ эдиктовъ Діоклетіана, относившійся лишь къ части коллегій, и эдиктъ 480 года, распространившій узаконеніе Діоклетіана на всѣ коллегіи) [1])

[1]) „Всѣ тѣ, кто владѣетъ „обязаннымъ“ имуществомъ той или иной коллегіи (praedia obnoxia corpori) на основаніи ли покупки, или даренія, или на иномъ какомъ правовомъ основаніи, должны признавать себя обязанными исполнять государственную повинность (publicum munus) или отказаться отъ владѣнія имъ“.

грозилъ члену ея лишь конфискаціей его имущества въ пользу коллегіи, и угроза эта не многимъ уже была страшна. Правительству пришлось прибѣгнуть къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ, чтобы удержать коллегіатовъ въ ихъ корпораціяхъ, и рядомъ императорскихъ указовъ, изданныхъ въ разное время и касавшихся разныхъ коллегій, торговцы и ремесленники имперіи окончательно потеряли право какимъ бы то ни было способомъ выходить изъ состава своихъ коллегій и были прикрѣплены къ нимъ неразрывными узами (necessitatibus irretitis) наслѣдственнаго рабства, и всякому, кто принималъ къ себѣ бѣглаго члена корпораціи (въ колоны, въ приказчики и т. п.), законъ грозилъ суровыми карами. Не спасало коллегіата и вступленіе въ духовное званіе: эдиктомъ 445 года императоръ Валентиніанъ III предписалъ вернуться въ коллегіи всѣмъ клирикамъ, не достигшимъ сана діакона, а указомъ 452 года категорически запретилъ вступать въ духовное званіе и въ монастыри всѣмъ, кто принадлежалъ къ тремъ тяглымъ сословіямъ въ государствѣ: къ куріаламъ, ремесленникамъ и колонамъ.

Коллегія стала въ глазахъ закона для ремесленника и торговца тѣмъ, чѣмъ для куріала сталъ его городъ, а для колона его помѣстье, въ которомъ онъ снималъ землю, стала ихъ родиной, мѣстомъ ихъ приписки, ихъ *origo*, и чтобы окончательно отнять у ремесленниковъ уже всякую возможность разорвать свою связь съ этой родиной, ставшей для нихъ ихъ наслѣдственной тюрьмой, ихъ стали, начиная съ четвертаго вѣка, клеймить раскаленнымъ желѣзомъ, чтобы ихъ можно было вездѣ находить, куда бы они ни бѣжали, уклоняясь отъ тяжкаго бремени лежавшей на ихъ коллегіи государственной барщины (obsequium, necessitas, obnoxitas). Ремесленники и торговцы, какъ и куріалы и колоны, превратились въ тяглое сословіе, въ крѣпостныхъ, чтобы не сказать холоповъ, рабовъ государства, обязанныхъ отдавать свои силы и свой трудъ прежде всего на удовлетвореніе его потребностей и въ этомъ видѣть главный смыслъ своей жизни. Какъ и куріалы и колоны, и они всѣми силами рвались изъ своей тюрьмы, но правительство неустанно создавало одну преграду за другой, чтобы удержать ихъ въ ихъ корпораціяхъ, превратившихся *въ совершенно необходимые для самаго существованія государства его административные органы*. Ремесленники и торговцы, какъ куріалы и колоны, несли государственное тягло въ формѣ своей профессіональной дѣятельности; но то, что прежде было свободной дѣятельностью, имѣвшей въ виду потребности индивидуума или свободной общественной группы, къ которой онъ принадлежалъ, для всѣхъ ихъ превратилось мало-по-малу въ подне-

вольное и наслѣдственное отбываніе тяжкой государственной повинности. Какъ куріалы и колоны, какъ оффиціалы и солдаты, и римскіе ремесленники и торговцы превратились въ концѣ-концовъ въ замкнутое сословіе, въ наслѣдственную касту.

Закрѣпостивъ себѣ ремесленный трудъ, государство стало эксплоатировать его въ тѣхъ хозяйственныхъ формахъ, какія вполнѣ соотвѣтствовали тогдашней натурально-хозяйственной дѣйствительности. По всей имперіи были разбросаны императорскія мануфактуры, на которыхъ съ помощью рабскаго и крѣпостного труда изготовлялись продукты, необходимые для удовлетворенія потребностей двора, арміи и имперскаго чиновничества.

Если въ прежнія времена, когда господствовали народно-хозяйственныя отношенія, правительственныя средства имѣли соотвѣтствовавшую этимъ послѣднимъ денежную форму, то теперь они могли быть организованы лишь натурально-хозяйственнымъ способомъ: государству для содержанія своихъ военныхъ силъ и своего правительственнаго аппарата нужны были запасы сырыхъ и обработанныхъ продуктовъ. Сырые продукты и часть обработанныхъ оно получало въ видѣ податей, окончательно перейдя при Діоклетіанѣ къ натуральной системѣ обложенія, часть же, и притомъ самую значительную, оно получало путемъ обработки необходимаго количества сырья на спеціально устроенныхъ имъ для этого казенныхъ императорскихъ мануфактурахъ. Собиравшіеся со всѣхъ концовъ имперіи натуральные взносы хранились въ казенныхъ магазинахъ, откуда и поступали въ сыромъ и обработанномъ видѣ въ распоряженіе и пользованіе тѣхъ, для кого они предназначались. Изъ нихъ же поступалъ сырой матеріалъ и на казенныя мануфактуры.

Мануфактуры эти были организованы въ формѣ крупнаго домашняго производства. Во главѣ мануфактуры стоялъ императорскій чиновникъ, procurator. Къ каждой мануфактурѣ было приписано опредѣленное число рабскихъ familiae и было прикрѣплено опредѣленное число коллегій ремесленниковъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе обязанныхъ работать на мануфактурѣ. Каждому приписанному къ мануфактурѣ ремесленнику, какъ рабу, такъ и члену закрѣпощенной коллегіи, выдавали изъ государственныхъ магазиновъ опредѣленное количество сырья, и къ опредѣленному сроку онъ обязанъ былъ, подъ страхомъ суровой кары, представить опредѣленное количество продуктовъ. Насколько суровы были наказанія, налагавшіяся на рабочихъ казенныхъ мануфактуръ, видно изъ того, что за порчу, напримѣръ, казеннаго матеріала рабочему грозила даже смертная казнь. Въ случаяхъ, когда рабочій подвер-

гался денежному штрафу, штрафъ этотъ ложился на всю коллегію, къ которой рабочій принадлежалъ.

О какомъ бы то ни было вознагражденіи за трудъ тутъ не могло быть и рѣчи. Это были совсѣмъ иного рода отношенія, ничего общаго не имѣвшія съ частно-хозяйственными договорными отношеніями обыкновеннаго предпринимателя и рабочаго. Рабочій императорской мануфактуры—мы разумѣемъ членовъ коллегіи, не рабовъ—работалъ не по договору; его работа была подневольнымъ отбываніемъ государственной повинности, казенной барщиной. Изъ источниковъ мы узнаемъ о существованіи въ Римской имперіи императорскихъ шерстяныхъ (gynaecia) и полотняныхъ фабрикъ, оружейныхъ, монетныхъ, колесныхъ, ювелирныхъ, красильныхъ, о казенной организаціи рудниковъ.

Преслѣдуя чисто потребительныя цѣли, имѣя въ виду непосредственное удовлетвореніе потребностей двора, арміи и бюрократіи, это крупное казенное производство являлось въ полномъ смыслѣ слова домашнимъ производствомъ, и капиталистическій характеръ былъ чуждъ ему по самому его существу. Какъ ни тяжка была участь прикрѣпленнаго къ казенной мануфактурѣ рабочаго, но это не была кабала, въ какую попадаетъ свободный рабочій, отдавшій по свободному договору свою рабочую силу въ распоряженіе капиталиста-предпринимателя, преслѣдующаго чисто коммерческія цѣли и въ соотвѣтствіи съ этимъ стремящагося возможно производительнѣе и, слѣдовательно, возможно интенсивнѣе использовать трудовую энергію рабочаго. Постоянно колеблющійся рынокъ, необходимое условіе капиталистическаго производства, здѣсь роли не игралъ никакой, и если источники и сообщаютъ намъ о фактахъ продажи продуктовъ, изготовлявшихся на императорскихъ мануфактурахъ, то въ нихъ идетъ рѣчь почти исключительно о продажѣ излишковъ, остававшихся въ казенныхъ складахъ по удовлетвореніи казенныхъ потребностей и подвергавшихся риску испортиться отъ долгаго лежанія здѣсь; во всякомъ случаѣ сбытъ не являлся опредѣляющимъ моментомъ въ казенномъ производствѣ имперіи и имѣлъ чисто побочное значеніе, не нарушая по существу его основного характера домашняго, ойкоснаго производства.

Крупное производство капиталистическаго характера было теперь уже невозможно. Экономическая жизнь вернулась на элементарную ступень. Нѣкогда вызывавшій его обширный рынокъ съузился опять до размѣровъ мелкаго, мѣстнаго спроса, вполнѣ удовлетворявшагося издѣліями мелкаго ремесла, еле влачившаго жизнь въ мертвящихъ тискахъ принудительныхъ корпорацій. Когда-то процвѣтавшія въ помѣстьяхъ земельныхъ магнатовъ крупныя, поставленныя на широкую,

чисто капиталистическую ногу мануфактуры уже не могли существовать и должны были уступить мѣсто производству съ чисто потребительными цѣлями, для удовлетворенія надобностей самого землевладѣльца и зависимаго населенія его помѣстій. Уже эдиктъ Діоклетіана отъ 301 года, извѣстный уже намъ edictum de pretiis rerum venalium, не оставляетъ въ этомъ сомнѣнія, рисуя римскую промышленность въ терминахъ мелкаго ремесла, и притомъ въ его самыхъ элементарныхъ хозяйственныхъ формахъ, и давая всѣ основанія заключать, что крупная промышленность въ то время являлась лишь въ видѣ казенныхъ мануфактуръ съ ихъ указанными выше хозяйственными и соціальными особенностями.

Организація правительственныхъ средствъ натурально-хозяйственнымъ способомъ, приведшая къ закрѣпощенію производительныхъ классовъ римскаго общества, явившись естественнымъ результатомъ упадка хозяйственной жизни Римской имперіи и возвращенія ея на стадію натуральнаго хозяйства, съ своей стороны не могла не оказывать угнетающаго воздѣйствія на хозяйственную жизнь. Въ частности, римская промышленность должна была потерпѣть отъ этого особенно сильный ущербъ, тѣмъ болѣе тяжелый, что уже одинъ общій хозяйственный упадокъ имперіи, послѣдовавшій за бурями третьяго столѣтія, долженъ былъ сильно подкосить ее, возвращая хозяйственную жизнь въ узкія рамки замкнутаго существованія, и тѣ фискальныя требованія, которыя сурово поставило передъ ней государство, заключивъ для этого ее въ желѣзныя рамки принудительныхъ организацій и тѣмъ поработивъ и парализовавъ когда-то свободную энергію ремесленника, должны были оказаться для нея едва выносимымъ бременемъ, окончательно клонившимъ ее къ полному упадку. Если тѣмъ не менѣе она все еще продолжала существовать, поддерживаемая искусственно, путемъ суроваго принужденія со стороны боровшагося за свое собственное существованіе государства, то недалеко было время, когда долженъ былъ наступить конецъ и этому совершенно призрачному существованію, и хозяйственная жизнь имперіи, уже не встрѣчая на своемъ пути никакихъ искусственныхъ преградъ, должна была уже окончательно перейти въ то узкое русло, которое было приготовлено для нея всѣмъ ходомъ предшествующей эволюціи римскаго общества и государства.

XI.

Процессъ сословнаго расчлененія, совершавшійся въ римскомъ обществѣ и въ IV и V вѣкѣ постепенно превратившій куріаловъ, солдатъ, оффиціаловъ, крестьянъ, ремесленниковъ и торговцевъ въ

неподвижныя, рѣзко обособленныя наслѣдственныя группы, обреченныя на подневольную службу государству, захватилъ и верхній слой общества, его правящій классъ. И крупные землевладѣльцы, которыхъ, какъ мы видѣли, такъ подняло и въ хозяйственномъ, и въ соціальномъ, и въ политическомъ смыслѣ прикрѣпленіе крестьянства, также мало-по-малу сплотились въ наслѣдственную касту, въ сословіе имперскихъ *сенаторовъ* (ordo senatorius).

Возникновеніе сенаторскаго сословія относится въ сущности еще къ эпохѣ республики. Уже тогда въ римскомъ обществѣ, какъ извѣстно, образовалась весьма сплоченная группа, сосредоточившая въ своихъ рукахъ и земельныя богатства, и соціальное могущество, и политическую власть, монополизировавшая въ своей средѣ всѣ высшія должности въ государствѣ и мѣста въ сенатѣ и чрезвычайно энергично отстранявшая отъ нихъ всякаго новаго человѣка. Фактически это уже было высшее сословіе римскаго общества. Принципатъ, отнявшій политическую власть у этого сословія и нанесшій отдѣльнымъ его представителямъ рядъ жестокихъ и безпощадныхъ ударовъ, тѣмъ не менѣе не сокрушилъ его, какъ сословія, да и не имѣлъ этого въ виду. Напротивъ, онъ даже скрѣпилъ его юридически.

Уже Августъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи весьма серьезные шаги. Принадлежность къ сенаторскому сословію стала наслѣдственной до четвертаго поколѣнія, но при сохраненіи установленнаго Августомъ ценза въ милліонъ сестерціевъ (нѣсколько болѣе 100.000 рублей). Дѣти сенатора, достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, формально принимались въ сословіе сенаторовъ, носили титулъ clarissimus и, отбывъ претуру, получали право и засѣдать въ сенатѣ. Претура, какъ и другія магистратуры республиканскаго происхожденія (квестура, консулатъ), стала теперь лишь почетнымъ титуломъ, открывавшимъ двери въ сенатъ и сопряженнымъ съ немалыми расходами. Константинъ Великій сдѣлалъ прохожденіе претуры обязательнымъ для членовъ сенаторскаго сословія. Эта была въ сущности фискальная мѣра, своеобразная форма налога на сенаторскіе латифундіи. Преторъ долженъ былъ дать игры столичному населенію (императорское правительство очень, какъ мы знаемъ, заботилось объ удовольствіяхъ весьма перемѣнчиваго въ своихъ политическихъ симпатіяхъ столичнаго пролетаріата) или пожертвовать необходимую для этого, и притомъ весьма крупную, сумму на какое-либо сооруженіе или на какую-либо иную общественную цѣль, которую часто указывалъ самъ императоръ. Уклониться отъ этой тяжелой повинности было невозможно. Если кто удалялся изъ столицы, чтобы не давать игръ, то игры давали на государственный счетъ, а издержки взыскивали потомъ съ уклонившагося и еще заставляли его, въ

видѣ наказанія, пожертвовать городу пятьдесятъ тысячъ четвериковъ пшеницы. Тотъ же Константинъ Великій ввелъ и другой налогъ на сенаторскія владѣнія, такъ называемый *follis* (иначе *aurum glebale*, *glebalis collatio*). Кромѣ того, сенаторы платили еще въ началѣ каждаго новаго царствованія и въ юбилейные годы особый налогъ, такъ назыв. *aurum oblatitium*. Какъ не принадлежащіе къ числу гражданъ того или иного муниципія, римскіе сенаторы не несли никакихъ муниципальныхъ повинностей, хотя бы они жили въ предѣлахъ муниципальной общины; избавлены они были и отъ такъ называемыхъ *munera sordida*, разнаго рода натуральныхъ государственныхъ повинностей, лежавшихъ на земляхъ всѣхъ остальныхъ possessores (въ родѣ поставки подводъ, починки дорогъ и мостовъ и т. п.). Поземельный налогъ (capitatio terrena), лежавшій на всѣхъ земляхъ въ имперіи, платили и сенаторы, но для нихъ существовалъ съ императора Констанція особый кадастръ, и налогъ свой они вносили непосредственно представителямъ казны, а не черезъ посредство куріаловъ.

Помимо происхожденія въ сословіе сенаторовъ вступали и путемъ прохожденія имперскихъ должностей: сенаторское званіе являлось вѣнцомъ служебной карьеры. До поры, до времени могли получать сенаторское достоинство, какъ мы знаемъ, и прошедшіе всѣ муниципальныя должности куріалы.

Говоря о сенаторскомъ сословіи, мы до сихъ поръ имѣли въ виду соціальную группу, изъ среды которой выходили члены высшаго учрежденія въ государствѣ. Сенаторами были дѣйствительные члены римскаго сената, имѣвшіе право и обязанность засѣдать въ немъ. Но такъ было лишь до конца третьяго столѣтія, самое большое— до начала четвертаго. Съ этого времени замѣчается все болѣе и болѣе бросающійся въ глаза фактъ сенаторскаго абсентеизма. Сенаторы начинаютъ предпочитать дорогой и во многихъ отношеніяхъ стѣснительной, а нерѣдко и не вполнѣ безопасной жизни въ столицѣ привольное житье въ своихъ крупныхъ помѣстьяхъ, превращаясь въ провинціальную землевладѣльческую знать и вовсе не являясь въ столицу для исполненія своихъ служебныхъ обязанностей. Число сенаторовъ, дѣйствительно засѣдающихъ въ сенатѣ (римскомъ или константинопольскомъ), постепенно уменьшается. Право пошло навстрѣчу все болѣе и болѣе развивавшемуся жизненному факту, и конституціей императоровъ Ѳеодосія II и Валентиніана III (около 443 года) двумъ низшимъ категоріямъ сенаторовъ, носившимъ титулы clarissimus и respectabilis, разрѣшено было безпрепятственно жить въ своихъ помѣстьяхъ и вовсе не нести своихъ служебныхъ обязанностей. Возможно, что съ этого времени clarissimi и respecta-

bles и теряютъ право засѣдать въ сенатѣ, въ которомъ остаются, такимъ образомъ, лишь одни illustres, изъ высшихъ сановниковъ имперіи.

Сенатъ, такимъ образомъ, отдѣляется отъ сенаторскаго сословія, которое все болѣе и болѣе расширяется и включаетъ въ себя всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ имперіи. Сенатъ превращается въ муниципальную курію столицы, а сенаторы—въ могущественную аристократію имперіи, сильную своимъ богатствомъ, своей властью надъ массой и своими привилегіями. Вбирая въ себя все, что было въ обществѣ богатаго, сильнаго и чиновнаго, аристократія эта постепенно ассимилировала себѣ верхніе слои муниципальной знати (пока этому ослабленію муниципіевъ не былъ, какъ мы знаемъ, положенъ предѣлъ императорскими конституціями, постепенно закрывшими выходъ изъ курій и вѣчными узами прикрѣпившими къ нимъ куріаловъ), а также и когда-то соперничавшее съ ней сословіе всадниковъ (ordo equester), котораго съ IV вѣка мы уже не видимъ въ соціальномъ строѣ имперіи. Постепенно въ рукахъ этой аристократіи сосредоточились почти всѣ земельныя богатства имперіи и почти весь тотъ движимый денежный капиталъ, какой еще оставался въ римскомъ обществѣ послѣ крушенія его денежнаго хозяйства.

Безъ преувеличенія можно сказать, что всѣ тѣ перемѣны, которыя произошли въ строѣ римскаго общества подъ всемогущимъ воздѣйствіемъ фискальнаго фактора, послужили на пользу аристократіи, земельныя владѣнія которой все расширялись на счетъ земель разоренныхъ и обездоленныхъ куріаловъ и болѣе мелкихъ собственниковъ, не вынесшихъ непосильнаго бремени государственнаго тягла, и обезпечивались закрѣпощенной за ними государствомъ рабочей силой. Въ руки ея постепенно перешла и масса земель, скопившихся нѣкогда въ рукахъ фиска, масса императорскихъ домэновъ, составлявшихъ матеріальную основу могущества римскихъ самодержцевъ. Земельный фондъ римской монархіи уже въ III и IV вѣкѣ сильно поубавился благодаря тому, что императоры щедрою рукою раздавали свои земли высшимъ сановникамъ, а еще болѣе благодаря переходу множества императорскихъ помѣстій въ наслѣдственную аренду и владѣніе представителямъ того же сенаторскаго класса, и изслѣдователи не безъ основанія указываютъ на то, что это ослабленіе главной основы правительственныхъ средствъ имперіи должно было усилить податное бремя, ложившееся на населеніе, и ускорить тѣ соціальныя послѣдствія, о которыхъ мы вели рѣчь въ предшествующихъ главахъ.

Членъ сенаторскаго сословія являлся естественнымъ канди-

датомъ на всѣ высшіе административные посты въ имперскомъ управленіи, и это обстоятельство создавало тѣсную связь и солидарность между администраціей имперіи и ея правящимъ классомъ, не способствовавшую, какъ сейчасъ увидимъ, прочности деспотическаго режима и парализовавшую его даже искреннія стремленія охранять право и законъ. Сенаторское сословіе являлось настоящимъ правящимъ классомъ римскаго общества. Магнатъ, vir potens, былъ господиномъ положенія въ этой деспотической имперіи и въ качествѣ крупнаго землевладѣльца, располагавшаго массой закрѣпленныхъ за нимъ рабочихъ рукъ, и въ роли высшаго сановника, не встрѣчавшаго никакихъ дѣйствительныхъ преградъ для проявленія самаго широкаго произвола и не ставившаго ихъ тѣмъ, кто былъ достаточно силенъ, чтобы не считаться съ существующимъ правомъ и закономъ, и въ качествѣ господина (dominus) сидѣвшаго на его землѣ многочисленнаго крестьянскаго населенія.

Мы уже имѣли случай болѣе или менѣе подробно останавливаться на выясненіи общаго характера крупнаго помѣстья послѣднихъ вѣковъ имперіи и уже знакомы съ положеніемъ, которое занималъ въ немъ его собственникъ, надѣленный административными полномочіями со стороны центральной власти, безмѣрно увеличивавшими его и безъ того обширную власть надъ хозяйственно зависимыми отъ него людьми, его колонами, и сдѣлавшими для него въ концѣ-концовъ возможнымъ игнорировать центральную власть и ея законнѣйшія требованія. Центральная власть все болѣе и болѣе слабѣла, и императорскія конституціи IV и V вѣка полны безконечныхъ жалобъ на неисполненіе сильными людьми велѣній законодателя и столь же безконечныхъ угрозъ ослушникамъ. Общественная безопасность уже не находила своихъ законныхъ охранителей. Слабому человѣку все труднѣе и труднѣе становилось жить въ этомъ царствѣ сильныхъ, если онъ не отдавалъ себя и свое имущество подъ покровительство кому-нибудь изъ нихъ. Подъ покровительство магната бѣжитъ и куріалъ, чтобы избавиться отъ тяжкаго бремени муниципальныхъ повинностей, и еще не утратившій свободы и свободнаго участка мелкопомѣстный сосѣдъ (императорскія конституціи называютъ этихъ мелкихъ землевладѣльцевъ *agricolae*, *rustici*, *agricolae vel vicani propria possidentes*, а иногда и *possessores*), чтобы предупредить насильственный захватъ того и другого со стороны другого магната или его управляющаго, и вырвавшійся изъ своей наслѣдственной тюрьмы коллегіатъ. Заступничества его ищетъ и вовсе не слабый человѣкъ, желая выиграть тяжбу и зная, что изъ лицепріятія въ отношеніи къ его патрону, а то изъ простого страха передъ нимъ судъ непременно рѣшитъ дѣло въ его пользу,

какъ бы слабы ни были юридическія къ тому основанія. Ищетъ его и тотъ, кто хочетъ уклониться отъ платежа требуемыхъ государствомъ налоговъ, увѣренный, и не безъ основанія, что, находясь подъ защитой могущественнаго человѣка, онъ или вовсе ничего не заплатитъ казнѣ, или же отдѣлается взносомъ лишь части того, что слѣдуетъ съ него по закону. Земельный магнатъ является единственнымъ обладателемъ денежнаго капитала, какой еще оставался въ римскомъ обществѣ при торжествѣ натуральнаго хозяйства, и у него одного могъ взять ссуду средній и мелкій землевладѣлецъ, попавъ въ затруднительное положеніе отъ дурного ли урожая, отъ тяжести ли налоговъ, или же придавленный бременемъ муниципальныхъ повинностей (если это былъ куріалъ); но эта кредитная сдѣлка весьма нерѣдко приводила къ тому, что и самъ должникъ, и его земля попадали подъ власть могущественнаго кредитора, увеличивая его силу и богатство.

Къ такимъ же результатамъ вело и покровительство, котораго у него искали всѣ тѣ, кто въ немъ нуждался. Покровительство это, обозначаемое вошедшимъ въ то время въ широкое употребленіе терминомъ *patrocinium*, весьма опредѣленно изображается законодательными и литературными памятниками изучаемой нами эпохи какъ такое отношеніе, которое влечетъ за собою переходъ ищущаго покровительства лица подъ власть того, кого оно избираетъ своимъ патрономъ, и передачу его земли въ собственность этому послѣднему. Изъ императорскихъ конституцій мы видимъ, что мелкіе землевладѣльцы, желая по тѣмъ или инымъ причинамъ передать себя и свою землю подъ покровительство сильнаго человѣка, заключали съ нимъ у нотаріуса, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, юридическую сдѣлку, въ силу которой ихъ земля становилась полной собственностью магната. По существу, однако, эта сдѣлка была фиктивной, такъ какъ, если это былъ, напримѣръ, актъ продажи, то магнатъ при этомъ денегъ не платилъ, но результаты ея были вполнѣ реальны, обладали полной юридической силой. Но переходъ земли въ собственность патрона вовсе не влекъ за собою удаленія съ нея ея прежняго собственника. Прежній собственникъ оставался на ней; патронъ давалъ ему на это позволеніе, отдавая ему эту землю въ пользованіе въ качествѣ прекарія, т.-е. безъ юридическаго обезпеченія, съ правомъ во всякое время взять ее назадъ, и получая съ него за пользованіе ею ежегодно часть продуктовъ, а то и самый трудъ его, насколько онъ нуженъ былъ въ хозяйствѣ магната (мы имѣемъ въ виду тѣ случаи, когда покровительства сильнаго искалъ мелкій собственникъ, землевладѣлецъ). Становясь арендаторомъ, держателемъ когда-то ему самому принадле-

жавшей земли, искавшій покровительства человѣкъ терялъ и свою личную независимость и превращался въ кліента магната, въ подвластнаго ему человѣка, въ его подданнаго («они отдаются подъ защиту и подъ покровительство магнатовъ, становятся подданными богатыхъ», говоритъ марсельскій священникъ Сальвіанъ, «и какъ бы переходятъ подъ ихъ власть и въ подданство къ нимъ») [1]). Только такое положеніе и дѣлало для мелкаго люда возможнымъ существованіе; только подъ властью и защитой сильныхъ, sub umbra potentium, могли они не бояться царившаго въ обществѣ насилія и произвола, каждую минуту угрожавшихъ ихъ жизни, имуществу и свободѣ; только здѣсь они могли укрыться и отъ законныхъ требованій, которыя предъявляло къ нимъ становившееся все болѣе и болѣе требовательнымъ государство.

Императорскіе указы ничего не могли сдѣлать съ этимъ все болѣе и болѣе развивавшимся переходомъ всѣхъ, кто еще сохранялъ имущественную и личную независимость, а также и многихъ изъ тѣхъ, кто уже сталъ холопомъ государства, подъ частную власть сильныхъ людей, которые одни могли свободно дышать въ этой атмосферѣ всеобщаго угнетенія и безправія, одни могли не бояться ни одной изъ тѣхъ многочисленныхъ и разнообразныхъ бѣдъ, какими грозило всякому среднему человѣку деспотическое государство съ его свободной отъ всякаго общественнаго контроля, воспитавшейся на безграничномъ произволѣ, насиліи и грабежѣ бюрократіей и съ его полнымъ безсиліемъ заставить уважать законъ своихъ собственныхъ агентовъ какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ, а также и всѣхъ тѣхъ, кого весь ходъ общественной эволюціи поставилъ выше всякаго права и закона.

Образованіе союзовъ частнаго покровительства являлось такимъ же органическимъ продуктомъ эволюціи римскаго общества, какъ и образованіе помѣстнаго строя въ томъ его видѣ, какой онъ постепенно принялъ по мѣрѣ закрѣпощенія колоновъ и передачи крупному землевладѣльцу административныхъ функцій въ отношеніи къ зависимому отъ него населенію его помѣстій. Отдѣльныя ли лица переходили въ частную власть сильныхъ людей или цѣлыя общины, цѣлыя деревни (patrocinium vicorum), и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло, какъ и наблюдая возникновеніе помѣстнаго строя, съ органически развивавшимся процессомъ возникновенія новаго соціальнаго и политическаго строя, неудержимо шедшаго на смѣну отживавшему и

[1]) Salvianus, *De gubernatione Dei*, edit. Baluze, p. 111—112: Tradunt se ad tuendum protegendumque majoribus, dedititios se divitum faciunt, et quasi in jus eorum ditionemque transcendunt.

разлагавшемуся старому общественному и государственному порядку. Если мы обратимъ должное вниманіе на то, что патронами являлись представители высшаго сенаторскаго класса (какъ занимавшіе административныя должности, такъ и частныя лица), крупные землевладѣльцы, и что развитіе патроциніевъ увеличивало ихъ земельныя богатства и число ихъ зависимыхъ людей, то можемъ съ полнымъ основаніемъ утверждать, что развитіе частнаго покровительства представляло собою лишь одну изъ сторонъ совершавшагося въ Римской имперіи общаго процесса перехода широкой государственности и общественности въ узкія формы помѣстнаго существованія съ характеризующимъ его натурально-хозяйственнымъ самодовлѣніемъ и политическою властью крупнаго землевладѣльца надъ экономически и лично зависимыми отъ него и сидящими на его землѣ людьми.

Крупное помѣстье, все расширяясь на счетъ земель безостановочно таявшаго подъ бременемъ муниципальныхъ повинностей средняго земельнаго класса (куріаловъ) и столь же неудержимо убывавшаго и безъ того крайне тонкаго слоя свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ и одновременно съ этимъ притягивая въ составъ своего населенія все большее и большее количество соціально слабыхъ элементовъ, неспособныхъ сохранить личную и хозяйственную независимость и подъ частною властью магната (sub umbra potentium) находившихъ все то, чего не могла дать имъ власть государственная, и въ то же время получавшихъ возможность стряхнуть съ себя невыносимое бремя, которое налагала на нихъ эта послѣдняя, постепенно превращалось въ настоящее государство, лишь слабо, чисто внѣшнимъ образомъ связанное съ имперскимъ центромъ и почти окончательно утратившее внутреннюю связь съ нимъ и солидарность. Въ то время, какъ имперская государственность, вся эта крайне сложная бюрократическая система центральняго и мѣстнаго управленія, являлась для массы лишь желѣзной клѣткой, связывавшей всякое свободное движеніе и убивавшей всякую жизнь, грандіознымъ насосомъ, высасывавшимъ изъ нея послѣдніе соки, и въ то же время оказывалась совершенно неспособной обезпечить ей сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ самыя элементарныя условія личной и имущественной безопасности, подъ властью земельнаго магната, на территоріи его владѣній всякій могъ найти и землю для обработки, и право, и законъ.

Преслѣдуя свои чисто фискальныя цѣли, центральная власть, какъ мы знаемъ, надѣлила земельнаго магната административными функціями въ отношеніи къ подвластному его населенію его помѣстья, имѣя въ виду превратить помѣстье въ свой административный органъ, какъ это сдѣлала она съ муниципіями и съ коллегіями. Но то, что вполнѣ

удалось ей сдѣлать съ муниципіями и коллегіями, не удалось съ помѣстьями; то, что убило и муниципіи, и коллегіи, постепенно изсушивъ въ нихъ всѣ источники жизни и превративъ когда-то полные жизни общественные организмы въ мертвыя колеса правительственнаго механизма, всюду вносившаго смерть и разложеніе, оказалось безсильнымъ въ отношеніи къ помѣстьямъ. Мало того, помѣстья не только не утратили отъ этого своей самостоятельности, но стали еще сильнѣе и независимѣе. Возложивъ на крупнаго землевладѣльца отвѣтственность за исправное поступленіе въ казну подати съ сидѣвшаго на его землѣ крестьянства, имперія принуждена была передать ему власть надъ крестьянствомъ и этимъ увеличила его соціальную силу и укрѣпила основу его политической независимости.

Центральная власть сама, такимъ образомъ, въ своихъ собственныхъ интересахъ вынуждена была принимать мѣры, способствовавшія развитію такихъ общественныхъ силъ, которыя, развиваясь, подрывали ея собственныя основы. Подрывала она почву подъ собственными ногами и своей, подобной же, политикой и въ отношеніи къ муниципіямъ и къ ремесленнымъ и торговымъ коллегіямъ, изсушая и разрушая источники народнаго благосостоянія, а слѣдовательно, и своихъ собственныхъ правительственныхъ средствъ. Но въ то время, какъ закрѣпощеніе муниципіевъ и коллегій несло лишь смерть и разложеніе, та же попытка центральной власти превратить въ свой административный органъ помѣстье лишь укрѣпляла корни новой жизни, съ неуклонностью стихійнаго процесса развивавшейся на развалинахъ старыхъ формъ. Организуя, по мѣрѣ паденія своего денежнаго государственнаго хозяйства, всю хозяйственную жизнь общества въ формѣ одного грандіознаго ойкоса и внося для этого принципъ принужденія во всѣ до тѣхъ поръ свободно дѣйствовавшія общественныя организаціи, превращая ихъ въ механически функціонирующіе, безжизненные органы извнѣ направляемаго механизма, имперія, естественно, убивала этимъ самыя основы хозяйственнаго и общаго культурнаго развитія, несовмѣстимаго съ подавленіемъ личной и общественной энергіи и иниціативы, съ утратой свободы и личнаго и общественнаго самоопредѣленія, и тѣмъ съ своей стороны сильно двигала совершавшійся въ римскомъ обществѣ процессъ возвращенія на стадію натуральнаго хозяйства. Но, обезсиливая и, если можно такъ выразиться, окостеняя такія общественныя организаціи, какъ муниципіи и коллегіи, политика эта, не безъ успѣха примѣненная къ помѣстьямъ, уже давно успѣвшимъ сосредоточить въ себѣ едва ли не всѣ хозяйственные и соціальные элементы земледѣльческаго производства, все болѣе и болѣе становившагося главной, основной формой хозяйственной

дѣятельности общества, и заставившая ихъ служить интересамъ государства въ качествѣ составныхъ частей государственнаго ойкоса, именно въ помѣстьи натолкнулась на такую комбинацію общественныхъ силъ, которая не только не была ею сокрушена на подобіе муниципія и коллегіи, но еще болѣе укрѣпилась и стала еще болѣе жизнеспособной.

Помѣстье и было той формой хозяйственной, соціальной и политической организаціи, которая при тогдашнихъ условіяхъ (разумѣемъ торжество натуральнаго хозяйства, рѣзкое соціальное расчлененіе общества и деспотизмъ, соединенный съ полной дезорганизаціей и безсиліемъ правительственной власти) являлась единственно возможной формой нормальной, живой жизни. Въ немъ сосредоточивалась вся жизненная энергія общества, отливавшая отъ старыхъ формъ, и умиравшее государство безсильно было передъ нимъ, не могло вполнѣ ассимилировать его и тѣмъ обречь на неизбѣжную смерть. Человѣческое общество не умираетъ подобно индивидууму. Находящаяся въ немъ энергія лишь мѣняетъ формы своего проявленія; отливая отъ однихъ общественныхъ и политическихъ формъ, она переходитъ въ другія, являющіяся органическимъ продуктомъ измѣнившихся общихъ жизненныхъ условій и въ данный моментъ болѣе всякихъ другихъ жизнеспособныя и жизнеспособствующія.

Мы не имѣемъ рѣшительно никакой склонности представлять себѣ жизнь въ помѣстьи римскаго магната IV и V столѣтія въ видѣ трогательной соціальной идилліи; напротивъ, мы имѣемъ не мало основаній вполнѣ опредѣленно утверждать, что если самимъ магнатамъ спокойно и привольно жилось въ роскошныхъ и изящныхъ виллахъ, утопавшихъ въ прохладной зелени великолѣпныхъ парковъ, то далеко не веселымъ и не радостнымъ было существованіе ихъ подданныхъ, устраивавшихъ имъ эту роскошную и праздную жизнь. И тѣмъ не менѣе мы не можемъ отрицать того, что именно здѣсь, подъ властью и защитой магната, мелкій людъ могъ вести болѣе обезпеченное и болѣе спокойное существованіе, чѣмъ предоставленный самому себѣ, отданный на произволъ царившаго въ обществѣ права сильнаго и лишенный всякой защиты со стороны безсильнаго его защитить и въ то же время давившаго его всею тяжестью своихъ фискальныхъ требованій государства.

Общественная эволюція Римской имперіи давно уже привела къ сосредоточенію земли въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, и въ то же время цѣлый рядъ условій, между которыми все возраставшее давленіе фискальнаго фактора занимало особенно видное мѣсто, повернулъ хозяйственное развитіе римскаго

общества назадъ, къ давно уже пройденной имъ стадіи натуральнаго хозяйства, и, подкопавъ основы городской промышленности и торговли, выдвинулъ на первый планъ въ качествѣ главнаго, основного способа добыванія средствъ къ существованію земледѣліе, и естественнымъ, неизбѣжнымъ результатомъ всего этого явилось то, что пульсъ хозяйственной жизни римскаго общества перемѣстился въ помѣстье, представлявшее собою, какъ мы уже знаемъ, своеобразную систему мелкихъ хозяйствъ, тянувшихъ къ одному владѣльческому центру и направляемыхъ чисто потребительными, натурально-хозяйственными требованіями этого послѣдняго въ связи съ такими же притязаніями имперскаго фиска.

Вотъ, на нашъ взглядъ, основная причина торжества помѣстнаго строя въ Римской имперіи и постепеннаго разложенія имъ имперскаго единства.

Государственная организація имперіи, какъ мы уже имѣли случай указывать въ другомъ мѣстѣ, явилась отвѣтомъ на запросы хозяйственнаго развитія странъ и народовъ Европы, Азіи и Африки, объединенныхъ римскимъ оружіемъ и вступившихъ въ тѣсное хозяйственное общеніе, крайне стѣсняемое той узкой политической рамкой, какую представлялъ собою республиканскій Римъ, хищнически владычествовавшій надъ своими помѣстьями-провинціями (praedia populi romani). Имперія явилась политической формой, удовлетворявшей основнымъ потребностямъ развившагося въ объединенномъ римскимъ оружіемъ мірѣ мѣнового, народнаго хозяйства. Являясь, такимъ образомъ, въ значительной мѣрѣ постулатомъ народно-хозяйственнаго развитія, римская государственность эпохи имперіи всецѣло была построена, какъ на своей матеріальной основѣ, на народно- или денежно-хозяйственномъ базисѣ, т.-е. располагала, въ качествѣ своихъ правительственныхъ средствъ, необходимыхъ ей для содержанія своего огромнаго административнаго аппарата и колоссальной военной силы, денежнымъ фондомъ, слагавшимся прежде всего изъ денежныхъ поступленій обложеннаго поземельнымъ и всякими другими налогами населенія. Фискальная политика имперіи въ связи съ другими, столь же пагубно вліявшими на хозяйственную жизнь римскаго общества факторами нанесла непоправимый ударъ экономическому развитію римскаго міра и повернула это развитіе назадъ, вызвала переходъ къ натуральному хозяйству, чѣмъ въ сущности подкопала почву подъ широкой политической организаціей имперіи, разсчитанной, такъ сказать, на общество, поднявшееся на высшую, народно-хозяйственную ступень.

Тѣмъ не менѣе имперія не сразу уступила мѣсто болѣе узкимъ политическимъ формамъ. Прежде, чѣмъ разложиться на рядъ болѣе про-

стыхъ политическихъ тѣлъ, она сдѣлала попытку приспособиться къ новымъ хозяйственнымъ условіямъ, и мы видимъ постепенный переходъ правительства отъ денежнаго обложенія къ взиманіямъ натурой и наблюдаемъ едва ли не единственную по своей грандіозности попытку принудительной организаціи хозяйственной жизни всего огромнаго мірового государства въ формѣ единаго хозяйственнаго цѣлаго, направляемаго чисто потребительными интересами государственнаго механизма.

Но эта попытка не могла быть успѣшной. Превративъ въ безжизненные, чисто механически функціонировавшіе органы государства живыя общественныя организаціи, попытка эта лишь усилила хозяйственный упадокъ римскаго общества, лишь ускорила его попятное движеніе къ элементарнымъ хозяйственнымъ формамъ, а слѣдовательно, еще болѣе расшатала основы, на которыхъ зиждилась широкая политическая организація имперіи. И въ то же время эта система натуральнаго государственнаго хозяйства, къ которой попыталась перейти имперія, окостеняя такія общественныя организаціи, какъ муниципіи и коллегіи, превращая ихъ въ безжизненныя части своего правительственнаго механизма, не только не парализовала жизненнаго развитія помѣстья, но лишь расчистила почву для его торжества, какъ хозяйственной, общественной и политической организаціи, и даже съ своей стороны, путемъ положительныхъ мѣропріятій, способствовала постепенному превращенію собственника помѣстья, земельнаго магната, въ настоящаго владѣтельнаго князя, мало заботившагося о томъ, что существовало за предѣлами его обширной территоріи, и, въ частности, совершенно игнорировавшаго интересы и требованія центральной власти.

Широкая государственность имперіи, потерявъ подъ собою почву, разлагалась и должна была уступить свое мѣсто болѣе узкой политической формѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшей элементарнымъ хозяйственнымъ формамъ, къ которымъ постепенно перешло римское общество. А такой политической формой и являлось помѣстье въ томъ видѣ, какой оно постепенно приняло, мало-по-малу перейдя отъ крупнаго денежнаго хозяйства къ системѣ мелкихъ колонатныхъ и рабскихъ хозяйствъ, направляемыхъ чисто потребительными интересами фиска и собственника помѣстья, господина (dominus) сидѣвшаго на его территоріи многочисленнаго населенія зависимыхъ отъ него людей (homines), ихъ правителя и судьи и ихъ естественнаго защитника отъ всякихъ внѣшнихъ притязаній и обидъ.

Римской имперіи предстояло, такимъ образомъ, распасться на рядъ крупныхъ магнатскихъ владѣній, постепенно порывавшихъ связь съ

общегосударственнымъ центромъ и все болѣе и болѣе обособлявшихся въ своемъ хозяйственномъ и политическомъ самодовлѣніи. Таковъ былъ неизбѣжный результатъ всей предшествовавшей эволюціи римскаго общества и государства, тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которые въ немъ развивались, разрушая и матеріальныя, и моральныя основы имперскаго единства. Но прежде, чѣмъ распасться на внутри ея организма развившіяся болѣе мелкія политическія тѣла, имперія подверглась воздѣйствію одного очень важнаго внѣшняго фактора, значительно осложнившаго процессъ ея внутренней эволюціи и нѣсколько видоизмѣнившаго его естественные политическіе результаты. Мы разумѣемъ воздѣйствіе на Римскую имперію германскаго міра. Къ выясненію этого воздѣйствія мы и должны теперь перейти.

XII.

Первое знакомство римлянъ съ германцами относится приблизительно къ 100-му году до Р. Х., когда племена *кимвровъ* и *тевтоновъ* наводнили южную Галлію и сѣверъ Италіи, *настойчиво требуя уступки имъ земель на римской территоріи*. Извѣстно, что этотъ первый дебютъ германцевъ кончился для нихъ весьма плачевно, что Марій разгромилъ варварскія полчища, что остатки ихъ частью были захвачены въ плѣнъ и проданы въ рабство, а частью бѣжали, оставивъ, однако, о себѣ у римлянъ грозную память.

Лѣтъ черезъ пятьдесятъ послѣ этого сильное германское племя *свевовъ*, съ Аріовистомъ во главѣ, пыталось утвердиться въ южной Галліи, но Цезарь, занятый въ то время завоеваніемъ Галліи, вытѣснилъ ихъ обратно за Рейнъ.

Послѣ смерти Цезаря римляне захватили даже области мелкихъ германскихъ племенъ, жившихъ на лѣвомъ берегу Рейна, и здѣсь было положено основаніе «провинціи Германіи». Съ этихъ поръ, то-есть приблизительно съ момента утвержденія монархіи въ Римѣ, устанавливаются постоянныя отношенія между римлянами и германцами, различныя при различныхъ обстоятельствахъ съ той и съ другой стороны. Римляне заняли всю рейнскую линію и линію Дуная, и на этой пограничной чертѣ и происходили столкновенія между римскимъ міромъ и германцами и взаимное вліяніе ихъ. Иногда римляне переходили эту черту, проникая и за Рейнъ, и за Дунай; но эти попытки ихъ подчинить себѣ и дальнюю Германію продолжались недолго. Отдаленность театра войны, слишкомъ большая растянутость боевой линіи, храбрость варваровъ, убійственный климатъ и суровость природы страны,—все это должно

было положить конецъ этимъ попыткамъ. Пораженіе Вара въ Тевтобургскомъ лѣсу (въ 9-мъ году послѣ Р. Х.)—фактъ, очень въ этомъ отношеніи краснорѣчивый. Говорятъ, что послѣ этого Августъ завѣщалъ Тиберію оставить мысль о дальнѣйшемъ расширеніи имперіи. Побѣды Германика возстановили честь римскаго оружія, но завоевательная политика была оставлена императорами, и ее смѣнила политика обороны.

На рейнской границѣ германцевъ сдерживала 100.000-ная армія. На протяженіи слишкомъ 490 верстъ, отъ теперешняго Кобленца на Рейнѣ до теперешняго Регенсбурга на Дунаѣ, была постепенно возведена цѣлая система укрѣпленій, такъ называемый *Римскій валъ, Limes Romanus,* начатый, можетъ быть, Доміціаномъ, законченный Траяномъ и расширенный Адріаномъ. Непосредственно валъ этотъ защищалъ такъ называемыя *Десятинныя поля, Agri Decumates*, территорію, колонизованную римлянами внутри варварскаго міра, этотъ, по словамъ Тацита, заливъ въ глубь варварства (это треугольникъ, образуемый Дунаемъ, Рейномъ и Некаромъ, гдѣ теперь часть великаго герцогства Баденскаго и часть королевства Виртембергскаго; названіе *Agri Decumates* произошло, какъ думаютъ, отъ десятины, которую колонисты должны были платить фиску изъ продуктовъ полученныхъ ими казенныхъ полей).

Кромѣ военныхъ отношеній, между римлянами и германцами происходило мирное культурное общеніе и торговый обмѣнъ. Вокругъ лагерей римскихъ легіоновъ вырастали богатые и цвѣтущіе римскіе города, распространявшіе вокругъ себя римскую культуру и цивилизацію, которой не оставались чужды сосѣди-германцы, относившіеся къ Риму съ чувствомъ нѣсколько суевѣрнаго почтенія. Отдѣльныя германскія племена нерѣдко заключали съ римлянами союзы, а нѣкоторыя изъ нихъ даже обращались къ императорамъ съ просьбой назначить имъ ихъ князей. Отдѣльные германцы, а иногда цѣлыя дружины германцевъ съ своими вождями вступали на римскую службу. Кромѣ того, массы германцевъ увсдились въ плѣнъ и въ качествѣ рабовъ или колоновъ доставляли недостававшую рабочую силу для обработки казенныхъ земель и латифундіевъ знати. Такимъ образомъ, и римское войско, и римское крестьянство пополнялось силами варваровъ, и варварскіе элементы постепенно проникали такимъ путемъ въ организмъ римскаго общества, замѣщая въ немъ недостававшія ему его частицы. Пока эти элементы усваивались организмомъ вполнѣ, не оказывая еще замѣтнаго измѣняющаго вліянія на самый организмъ; но чѣмъ дальше, тѣмъ вліяніе это становилось все замѣтнѣе, и организмъ сталъ весьма замѣтно перерождаться. Болѣе близкія отношенія ме-

жду римлянами и германцами, познакомивъ германцевъ съ преимуществами цивилизованной жизни и развивъ въ нихъ жажду сдѣлаться причастными этой жизни, въ то же время болѣе близко познакомили римлянъ съ германцами, чему краснорѣчивымъ свидѣтелемъ является знаменитая *Германія* Тацита (въ концѣ I вѣка по Р. Х.).

Такимъ образомъ, *между римскимъ міромъ и германцами установилось извѣстное равновѣсіе,* и равновѣсіе это сохранялось около полутораста лѣтъ, обезпечивая имперіи извѣстное спокойствіе.

Въ 165 году, при императорѣ Маркѣ Авреліи, жившія на дунайской границѣ союзныя съ римлянами германскія племена—*маркоманны, квадды, германдуры, вандалы*—соединились и наводнили сосѣднія провинціи—Паннонію, Норикъ, Рэцію, Иллирію; часть ихъ проникла даже за Альпы и осадила городъ Аквилею. Опустошая римскія области, *варвары требуютъ теперь, какъ и во времена Марія, земель для поселенія.* Императоръ сталъ во главѣ легіоновъ, и началась извѣстная *Маркоманнская война,* тянувшаяся цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ (отъ 165-го по 180-й годъ). Сынъ и преемникъ Марка Аврелія Коммодъ прибѣгъ къ подкупу, чтобы окончательно замирить самыхъ упорныхъ изъ входившихъ въ составъ союза варваровъ, которыхъ нельзя было смирить силою оружія. Союзъ распался, и самое имя маркоманновъ скоро исчезло изъ исторіи, а сами они частью были переселены на территорію имперіи и размѣщены по провинціямъ, частью примкнули къ сосѣднимъ племенамъ.

Маркоманнская война была истинной прелюдіей такъ называемаго «*великаго переселенія народовъ*». Съ этихъ поръ, то-есть съ конца II и особенно съ начала III вѣка, начинается почти не прерывающееся движеніе германцевъ на пограничныя территоріи Римской имперіи. Съ этихъ же поръ римлянамъ приходится уже имѣть дѣло не съ мелкими германскими племенами, разрозненными, а потому и сравнительно легко уступавшими организованной силѣ имперіи, а съ большими племенными федераціями (первый опытъ такой федераціи германскихъ племенъ мы видѣли во время Маркоманнской войны), извѣстными намъ изъ современныхъ авторовъ подъ именемъ *аллемановъ, бургундовъ, франковъ, вандаловъ, лангобардовъ* и проч. *Всѣ эти германцы предлагаютъ имперіи военную службу и обѣщаютъ ей свою вѣрность, если она дастъ имъ земли на своей территоріи.*

Является вопросъ: какова причина открывшагося Маркоманнской войной движенія германцевъ на имперію? Почему до тѣхъ поръ германцы находились въ состояніи сравнительнаго покоя и относительно мирной осѣдлости?

Въ отвѣтъ на это можно указать на два обстоятельства, различныя по своему характеру. Переходъ германцевъ къ осѣдлости и земледѣлію имѣлъ своимъ прямымъ послѣдствіемъ приростъ населенія, а между тѣмъ земледѣльческая техника почти не сдѣлала никакихъ успѣховъ, во всякомъ случаѣ далеко не поспѣвала за ростомъ населенія. *Въ результатѣ такого несоотвѣтствія между ростомъ населенія и развитіемъ земледѣлія* явилось то, что занятыхъ германцами земель не хватило для нихъ, и явилась необходимость искать новыхъ земель для поселенія. Удобныхъ для земледѣлія мѣстъ было мало: германцевъ окружали лѣса и болота, и размножившіеся германцы, естественно, направляются къ границамъ имперіи.

Если *въ земельномъ вопросѣ слѣдуетъ искать основную причину начавшагося съ особенной силой съ конца второго вѣка движенія германцевъ на Римскую имперію,* то въ цѣломъ рядѣ другихъ фактовъ можно видѣть второстепенныя причины этого явленія. Среди этихъ другихъ фактовъ можно назвать прежде всего давленіе на болѣе близкихъ къ имперіи германцевъ болѣе отдаленныхъ германскихъ племенъ, среди которыхъ происходили различныя внутреннія движенія, приводившія къ переселенію ихъ. Исходной точкой въ данномъ случаѣ являются южные берега Балтійскаго моря, и германскимъ народомъ, начавшимъ движеніе, были *готы,* принадлежащіе къ восточной отрасли германской расы.

Предполагаютъ, что одна вѣтвь готовъ, жившихъ по берегу Балтійскаго моря, между Одеромъ и Вислой, переселилась на Скандинавскій полуостровъ, но во II вѣкѣ (по Р. Х.) опять вернулась къ своимъ соплеменникамъ, которые къ этому времени успѣли уже въ значительной мѣрѣ размножиться и почувствовать всѣ неудобства мало плодородной земли и низкаго уровня земледѣльческой техники. Это возвращеніе домой искавшихъ счастья въ Скандинавіи готовъ въ связи съ давленіемъ напиравшей съ востока славяно-литовской колонизаціи сдвинуло съ мѣста всю массу готовъ и направило ее къ югу (путь на западъ былъ уже прегражденъ другими германскими племенами). И вотъ, во второй половинѣ II вѣка (послѣ Р. Х.) все племя готовъ двигается къ Черному морю, и около половины III вѣка мы застаемъ ихъ уже разселившимися на обширномъ пространствѣ между Днѣстромъ и Дономъ. Двигаясь къ югу, готы потѣснили болѣе западныя германскія племена, и въ результатѣ этого было уже извѣстное намъ нашествіе маркоманновъ на римскую территорію, а также то, что жившіе за Эльбой *аллеманы* и *бургунды* (представлявшіе собою, какъ мы видѣли, племенныя федераціи) придвинулись къ

Рейну, предоставивъ свои земли другимъ германскимъ племенамъ, среди которыхъ образуются новые крупные союзы—*вандалы, лангобарды* и др. Утвердившись между Днѣстромъ и Дономъ, готы скоро становятся грозою имперіи и громятъ ея восточныя части съ суши и съ моря. Хотя императорамъ иногда удавалось наносить имъ страшныя пораженія (въ одномъ, напримѣръ, сраженіи, говорятъ, было убито 320.000 готовъ), но въ концѣ-концовъ пришлось уступить имъ провинцію *Дакію* (на лѣвомъ берегу нижняго Дуная, нынѣ Румынія и Трансильванія). Такія же послѣдствія имѣла для имперіи борьба съ аллеманами: аллеманамъ были уступлены *Agri Decumates*.

Утвердившіе на черноморскихъ берегахъ свое господство готы распадались на двѣ вѣтви: въ нижнедунайской равнинѣ, въ прежней Дакіи, превратившейся теперь въ Готію, жили *тервинги*, иначе *вестготы*, на востокѣ, за Днѣстромъ, до приволжскихъ странъ—*грейтунги*, или *остготы*. И вестготы, и остготы распадались на цѣлый рядъ мелкихъ племенъ, сохранившихъ въ той или иной мѣрѣ свою самостоятельность, что не мѣшало тому, что во главѣ каждой изъ двухъ названныхъ вѣтвей готовъ часто появлялись національные короли. Въ IV вѣкѣ среди готовъ распространилось христіанство (въ формѣ аріанства). «Моисей готовъ» *Ульфила* (происходившій изъ поселенной на Дунаѣ плѣнной семьи малоазіатскихъ грековъ, родившійся около 310 г.) составилъ для готовъ азбуку и перевелъ на готскій языкъ библію (отрывки этого перевода дошли до насъ и являются драгоцѣннѣйшимъ памятникомъ старо-германскаго языка). Отъ готовъ аріанство распространилось среди другихъ германскихъ племенъ. Во второй половинѣ IV вѣка среди готовъ преобладающее положеніе пріобрѣли остготы. Королю ихъ Германриху повиновались не только вестготскіе короли и вожди другихъ германскихъ племенъ, но и мелкіе финскіе народы Поволжья и, можетъ быть, нѣкоторыя славянскія племена.

Вотъ этому-то Германриху и его далеко не сплоченной державѣ и пришлось принять первый ударъ надвигавшихся на Европу *гунновъ* (тюркско-монгольскаго племени, долго кочевавшаго въ глубинѣ среднеазіатскихъ степей и постепенно подвигавшагося въ равнину Волги). Это произошло въ 375 году. Германрихъ палъ въ битвѣ, а остготы были увлечены гуннскою ордою на западъ, въ направленіи къ Панноніи (нынѣшняя Венгерская низменность). Вестготы, спасаясь отъ приближавшейся орды, ринулись къ Дунаю. И вотъ, въ 376 году къ императору Валенту въ Антіохію прибыло вестготское посольство. *Вестготы просили импе-*

ратора позволить имъ поселиться въ предѣлахъ имперіи и за это обѣщали ему свою службу и подчиненіе. Просьба ихъ была исполнена: около 200.000 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, съ женами, дѣтьми и стариками (всего до 700.000 или 900.000 человѣкъ), были размѣщены гарнизонами въ Мизіи (теперешняя Болгарія), и мѣстныя власти должны были снабжать провіантомъ это *варварское войско, поселенное на территоріи имперіи, чтобы защищать ее отъ внѣшнихъ враговъ.* Злоупотребленія, которыя позволяли себѣ римскіе чиновники, завѣдывавшіе продовольствіемъ, а также разныя другія притѣсненія, которымъ подвергали варваровъ представители имперской администраціи, вызвали среди готовъ открытое возстаніе. *Къ возставшимъ въ большомъ количествѣ присоединились римскіе крестьяне и рабы,* и весь Балканскій полуостровъ подвергся страшному разгрому. Императоръ Валентъ былъ разбитъ и убитъ въ сраженіи съ возставшими (въ 378 году) при Андріанополѣ. Только въ 382 году Ѳеодосію удалось усмирить возстаніе и заключить съ готами *договоръ, въ силу котораго они признали власть императора и въ качествѣ союзнаго войска получали квартиры и содержаніе въ разныхъ частяхъ Балканскаго полуострова.* Варваризація войска Восточной имперіи стала дѣлать большіе успѣхи.

Не иначе дѣло обстояло и въ Западной имперіи. *Здѣсь также, за недостаточностью собственныхъ военныхъ силъ, правительство принуждено было прибѣгать для защиты имперіи отъ варваровъ къ варварамъ же,* для чего вдоль рейнской границы селило группы варваровъ на положеніи *лэтовъ* или *федератовъ,* чтобы они отражали нападенія бургундовъ, аллемановъ и франковъ, часто вторгавшихся въ Галлію и державшихъ ее въ состояніи хроническаго разоренія. *Лэты (laeti),* какъ мы уже видѣли были германцы, поселенные на государственныхъ земляхъ и обязанные за это наслѣдственно нести военную службу; своихъ участковъ *(terrae laeticae)* они не могли отчуждать; они имѣли корпоративное устройство, жили, повидимому, по своему германскому праву и были подчинены такъ называемому *praefectus laetorum. Федераты (foederati),* какъ это тоже было указано, это — цѣлыя германскія племена, принятыя имперіею на свою территорію съ обязательствомъ защищать имперію; признавая верховенство императора, они сохраняли свое племенное политическое устройство, своихъ королей, свое право,—словомъ, являлись въ видѣ вассальныхъ королевствъ подъ верховенствомъ имперіи. Ихъ устраивало римское правительство на отведенной имъ территоріи на положеніи римскаго войска на постоѣ, съ той, однако, существенной разни-

цей, что римскіе землевладѣльцы, по домамъ которыхъ ихъ расквартировывали, должны были не только отводить имъ часть (третью) своего дома, но и отдавать имъ третью часть дохода со своей земли, а то и просто третью часть самой земли. Варваризація дѣлала немалые успѣхи и въ западной части римскаго міра, и варвары начинаютъ играть видную роль въ качествѣ римскихъ администраторовъ и полководцевъ.

Имперія, расшатавшая основы общественнаго благосостоянія и превратившая своихъ подданныхъ въ своихъ враговъ, видѣвшихъ въ ея гибели свое спасеніе, ослабившая общество и принужденная искать опоры противъ варваровъ въ самихъ же варварахъ, въ немалой мѣрѣ страдала и слабѣла и отъ придворныхъ интригъ,—явленія, весьма характернаго для государства, которое подавляетъ всякое участіе общества въ политической жизни и вслѣдствіе этого всегда легко упускаетъ изъ виду свою истинную цѣль—общественное благо—и превращается въ господство и борьбу частныхъ интересовъ лицъ, стоящихъ во главѣ правительства въ данный моментъ. И весьма серьезнымъ средствомъ въ такой борьбѣ изъ-за власти являлись все тѣ же варвары. Варварскіе вожди очень скоро начали понимать свое положеніе и не упускали случая пользоваться имъ въ интересахъ своихъ и своихъ племенъ. Не мало ослабляла имперію и вражда между западной половиной имперіи и ея восточной половиной.

Полный просторъ придворнымъ интригамъ открылся со смертью императора Ѳеодосія и съ началомъ царствованія его неспособныхъ сыновей—*Аркадія* на востокѣ и *Гонорія* на западѣ. Варварскимъ вождемъ, который рѣшился воспользоваться своимъ положеніемъ, былъ *Аларихъ* (изъ знатнаго рода Балта), котораго поселенные на Балканскомъ полуостровѣ въ качествѣ состоящаго на римской службѣ варварскаго войска *вестготы* подняли на щитъ и провозгласили своимъ *конунгомъ* (королемъ). Появленіе у вестготовъ національнаго короля свидѣтельствовало объ объединительныхъ тенденціяхъ, созрѣвшихъ среди этихъ разбросанныхъ по Балканскому полуострову варварскихъ гарнизоновъ, и въ свою очередь способствовало ихъ укрѣпленію. Непосредственно послѣ провозглашенія Алариха объединенные вестготы забываютъ о своемъ положеніи войска имперіи, переходятъ въ наступательное положеніе и рѣшаютъ идти на Константинополь. Назначенный Ѳеодосіемъ въ руководители Аркадію *Руфинъ*, мечтавшій объ императорской коронѣ, увидѣлъ въ движеніи, начавшемся среди вестготовъ, благопріятный случай и обратился къ Аларіху съ предложеніемъ, выгоднымъ для обѣихъ сторонъ: онъ обѣщалъ надѣлить вестготовъ землями, а са-

мому Алариху отдать военное управленіе провинціей Иллиріей, если только Аларихъ согласится поддержать его, окажетъ содѣйствіе его честолюбивымъ планамъ. Обѣщанія были подкрѣплены подарками, но исполнить ихъ Руфину не удалось: онъ вскорѣ былъ убитъ во время происшедшаго въ Константинополѣ военнаго бунта. Тогда Аларихъ со своими вестготами двинулся къ Константинополю, взялъ со столицы огромный выкупъ и спустился въ Грецію, предавая грабежу ея города и села. Только явившійся въ Грецію съ войсками руководитель западнаго императора (Гонорія) вандалъ *Стилихонъ* вытѣснилъ вестготовъ изъ Пелопоннеса въ сѣверную часть страны. Стилихонъ принужденъ былъ по требованію Аркадія удалиться съ своими войсками, а *съ Аларихомъ былъ заключенъ договоръ, по которому Аларихъ получилъ военное начальствованіе въ Иллиріи (съ титуломъ dux), а вестготы были поселены на территоріи этой провинціи, плодородной и богатой пастбищами, на положеніи федератовъ; ихъ снабдили оружіемъ, одеждами и провіантомъ и размѣстили по домамъ мѣстныхъ жителей, какъ это вообще дѣлало римское правительство съ своимъ войскомъ, которое оно ставило на постой; кромѣ того, всѣ крѣпости, арсеналы и государственные магазины въ Иллиріи попали въ руки вестготскаго короля.*

Аларихъ и его вестготы этимъ, однако, не удовлетворились. Ихъ манила Италія. И это не было тайной для Стилихона, который и сталъ производить дѣятельныя приготовленія въ виду предстоящей борьбы. Для этого были вызваны въ Италію римскіе легіоны изъ Британіи и значительная часть рейнской арміи. Такимъ образомъ, Британія была оставлена на произволъ судьбы и вскорѣ была завоевана англо-саксами, а для того, чтобы обезпечить защиту германской границы, *были заключены новые договоры съ франками и аллеманами, по которымъ они, въ качествѣ федератовъ, получили новыя земли въ Галліи и Рэціи.* Вестготы не заставили себя долго ждать. Въ ноябрѣ 401 года Аларихъ уже осаждалъ Аквилею. Походъ этотъ былъ, однако, неудаченъ. Стилихонъ съ полчищами наемныхъ варваровъ разбилъ вестготовъ при Полленціи (6 апр. 402 г.) и при Веронѣ, и Аларихъ вернулся въ Иллирію.

Хотя вестготы были отражены и Италія была спасена отъ варварскаго захвата, но для имперіи походъ Алариха имѣлъ весьма губительныя послѣдствія: обусловленное имъ сосредоточеніе римскихъ войскъ въ Италіи открыло варварскимъ племенамъ свободный путь на римскую территорію, несмотря на уже упомянутые нами союзы, заключенные Стилихономъ съ нѣкоторыми изъ

нихъ. *Бургунды, аллеманы и франки окончательно утверждаются на лѣвомъ берегу Рейна; свевы, вандалы и аланы* проникаютъ даже въ Испанію; что касается дунайскихъ провинцій Рэціи и Норика, то онѣ уже раньше были заняты варварами, а Паннонія находилась въ рукахъ гунновъ. Въ 404 году разноплеменныя полчища варваровъ подъ предводительствомъ *Радагайса* появляются даже въ Италіи и производятъ здѣсь не малое разореніе, и только энергіи Стилихона, быстро организовавшаго войско, преимущественно изъ варваровъ и рабовъ, была обязана Италія своимъ вторичнымъ спасеніемъ отъ варварскаго нашествія. Радагайсъ попался въ плѣнъ и былъ казненъ, и лишь жалкимъ остаткамъ его полчищъ удалось бѣжать обратно за Альпы.

Мы видимъ, что *имперія уже не имѣетъ силъ защищать свои провинціи, и варвары благодаря этому получаютъ возможность все болѣе и болѣе утверждаться на римской почвѣ, не встрѣчая никакого противодѣйствія со стороны римскаго населенія, видѣвшаго въ нихъ скорѣе своихъ избавителей, чѣмъ враговъ. Занимая части римской территоріи такимъ въ сущности мирнымъ путемъ (завоевательныя нашествія, завоеванія въ собственномъ смыслѣ являются въ видѣ исключеній), варвары вовсе не имѣютъ въ виду разрушать имперію; они обыкновенно признаютъ надъ собою ея верховную власть. Имперія такимъ образомъ постепенно раздробляется на рядъ вассальныхъ варварскихъ королевствъ.*

Такой исходъ представлялся единственно возможнымъ для обѣихъ сторонъ: варварамъ онъ давалъ главное, въ чемъ былъ смыслъ ихъ движенія на западъ, давалъ имъ землю для осѣдлаго существованія; для имперіи же это былъ единственный способъ обезпечить свое существованіе въ тѣхъ условіяхъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, въ которыхъ она находилась. И выдающіеся люди, руководившіе въ эту эпоху дѣлами имперіи, ясно представляли себѣ всю настоятельность этого modus vivendi. Къ этимъ людямъ принадлежалъ и Стилихонъ. Съ этой цѣлью онъ завелъ переговоры съ Аларихомъ; онъ предлагалъ вестготамъ въ собственность какую-нибудь пограничную провинцію и ежегодно опредѣленную сумму денегъ съ тѣмъ, чтобы они взяли на себя защиту имперіи. Массѣ римскаго населенія Италіи такая политическая дальновидность и широта пониманія едва ли были доступны; въ германцахъ она видѣла варваровъ и еретиковъ (аріанъ), и потому людямъ, желавшимъ устранить Стилихона и самимъ занять первое мѣсто послѣ императора, легко было опереться на это настроеніе массы. И вотъ, противъ Стилихона составился при дворѣ заговоръ, во главѣ

котораго стоялъ любимецъ Гонорія, нѣкто *Олимпій*, поднявшій знамя патріотизма и православія. Стилихона обвинили въ намѣреніи завладѣть престоломъ для своего сына, въ тайныхъ сношеніяхъ съ Аларихомъ и въ измѣнѣ имперіи, и въ 408 г. онъ былъ убитъ по приказанію императора. По всей Италіи начались жестокія преслѣдованія германцевъ, аріанъ и язычниковъ. 30.000 расквартированныхъ въ Италіи варваровъ ушли къ Алариху.

Смерть Стилихона, помѣшавшая осуществленію его обѣщаній вестготамъ, и сопровождавшее ее движеніе противъ германцевъ и аріанъ, вызвавшее необходимость вмѣшательства въ ихъ пользу, явились для Алариха серьезнымъ основаніемъ для того, чтобы двинуть свои полчища на Италію. Римъ былъ окруженъ ими со всѣхъ сторонъ. Начался голодъ и моръ. Только огромный выкупъ спасъ столицу имперіи отъ дальнѣйшихъ ужасовъ. Аларихъ снялъ осаду и отступилъ къ сѣверу, въ Тоскану, и здѣсь его войска расположились стоянками. *Къ нему массами перебѣгали римскіе рабы и колоны* (говорятъ, до 40.000 человѣкъ). Аларихъ ждалъ отвѣта отъ Гонорія на свое предложеніе союза. Императоръ и его равеннскій дворъ съ пренебреженіемъ отнеслись къ вождю вестготовъ и къ его предложенію. Тогда Аларихъ опять двинулся къ Риму и осадилъ его, но рѣшительныхъ дѣйствій не начиналъ, все еще надѣясь на мирный исходъ. Къ императору опять было отправлено посольство: Аларихъ предлагалъ за себя и за вестготовъ миръ, подданство и вѣрность имперіи, если вестготамъ уступятъ провинціи *Норикъ*, *Венецію* и *Далмацію* и ежегодно будутъ выдавать жалованье деньгами и хлѣбомъ, а ему дадутъ высшее военное званіе *magister militum*. Изъ переговоровъ этихъ ничего не вышло, и Аларихъ счелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ. По его требованію римскій сенатъ объявилъ Гонорія лишеннымъ престола и провозгласилъ императоромъ городского префекта *Аттала*. Такая сговорчивость сената объясняется тѣмъ, что Аларихъ предварительно занялъ гавань Остію и захватилъ всѣ хлѣбные магазины. Вскорѣ, однако, и Атталъ былъ низложенъ, оказавшись лишеннымъ всѣхъ необходимыхъ для правителя качествъ, и въ концѣ лѣта 410 года Аларихъ въ третій разъ осадилъ Римъ. 24 августа 410 года рабы открыли одни изъ воротъ, и въ теченіе трехъ дней и ночей, съ разрѣшенія Алариха, вестготы грабили столицу имперіи, еще обладавшую многими сокровищами. Послѣ этого съ награбленной добычей вестготы двинулись въ южную Италію. Аларихъ думалъ переправиться изъ Регіума въ Сицилію, а затѣмъ въ Африку; но буря разбила его суда, а внезапная смерть разстроила всѣ его планы.

Послѣ смерти Аллариха вестготы подняли на щитъ его родственника *Атаульфа*. Черезъ два года послѣ этого, въ 412 году Атаульфъ, заключивъ, повидимому, договоръ съ Гоноріемъ, покинулъ Италію и перешелъ съ своимъ племенемъ въ южную Галлію. Не встрѣтивъ здѣсь серьезнаго отпора, Атаульфъ овладѣлъ безъ затрудненій частью Галліи, между Роной, Гаронной и Пиренеями съ главнымъ городомъ *Нарбонной*, но вскорѣ погибъ въ Испаніи въ войнѣ съ вандалами. Его преемникъ *Валлія* заключилъ съ императоромъ Гоноріемъ договоръ, по которому *вестготы получили для поселенія провинцію Аквитанію съ главнымъ городомъ Толозою (т.-е. территорію между Пиренеями, Атлантическимъ океаномъ и Гаронною)*. Такимъ образомъ, вестготамъ удалось, наконецъ, послѣ долгихъ странствій, достигнуть своей цѣли, прочно основаться на римской почвѣ, и это *Тулузское королевство вестготовъ* было вмѣстѣ съ тѣмъ и первымъ варварскимъ королевствомъ на римской территоріи.

Получая отъ имперіи для своего поселенія Аквитанію, вестготы брали на себя обязательство защищать имперію отъ ея враговъ, становились имперской арміей, обязанной доставлять имперіи военную помощь. Въ качествѣ римскаго союзнаго вспомогательнаго войска вестготы были устроены въ Аквитаніи на основаніи римскаго закона о военномъ постоѣ, о такъ называемомъ *hospitalitas*. Подобно римскому легіонеру, каждый готъ съ семьею получалъ квартиру въ домахъ мѣстнаго галло-римскаго населенія. Ему отдавалась часть дома (обыкновенно $^1/_3$) и часть урожая съ земли владѣльца дома, у котораго онъ помѣщался. Разница съ прежнимъ временемъ была только въ томъ, что римскіе легіоны получали отъ мѣстнаго населенія только кровъ, содержаніе же имъ выдавалось изъ казенныхъ магазиновъ, теперь же, когда средства фиска истощились, податная система имперіи (доставлявшая казнѣ продукты натурой) пришла въ разстройство, содержаніе расквартированнаго войска также стало повинностью общества, мѣстныхъ землевладѣльцевъ. *Такимъ образомъ, ничего, подобнаго насильственному отнятію земель у туземнаго населенія и превращенію этого населенія въ крѣпостныхъ (какъ думали въ прежнее время), ничего, подобнаго завоеванію въ настоящемъ смыслѣ этого слова, мы здѣсь не видимъ.* Конечно, вооруженные, дикіе и необузданные варвары весьма нерѣдко нарушали установленныя нормы, опредѣлявшія ихъ отношенія къ туземному населенію, безоружному, разоренному, деморализованному. Порядокъ этотъ не могъ долго держаться, своей неопредѣленностью ведя къ цѣлому ряду неустройствъ, столкновеній, неурядицъ, и скоро пришли къ сознанію

необходимости *раздѣла территоріи между готами и туземнымъ населеніемъ*. Повидимому, вестготы получили *одну треть земель*, а остальныя двѣ трети были оставлены прежнимъ владѣльцамъ.

Глава этого вассальнаго королевства вестготовъ, оставаясь королемъ своего племени, становившагося теперь имперской арміей, въ то же время дѣлался главнокомандующимъ этой арміи съ титуломъ *magister militum*, становился военнымъ сановникомъ имперіи, подданнымъ императора. Кромѣ титула *magister militum*, вестготскіе короли часто называются еще и *патриціями*, т.-е. титуломъ высшихъ гражданскихъ сановниковъ имперіи, и это даетъ право предполагать, что и гражданское управленіе занятой вестготами римской провинціи, административная и судебная власть надъ туземнымъ галло-римскимъ населеніемъ также была передана королю вестготовъ, ставшему такимъ образомъ и высшимъ гражданскимъ сановникомъ имперіи. *Вестготскій король теоретически является въ полномъ смыслѣ слова намѣстникомъ императора (не имѣвшаго средствъ осуществить надъ нимъ свою власть), фактически же господиномъ всего населенія занятой имъ области.*

Это несоотвѣтствіе между теоретической постановкой власти вестготскаго короля и ея фактическимъ положеніемъ иллюстрируется каждымъ шагомъ короля и его войска. Вестготы воюютъ по порученію императоровъ съ занявшими (вмѣстѣ съ свевами и аллеманами) Испанію вандалами; но захваченныя у вандаловъ земли ихъ короли оставляютъ за собою, и не думая передавать ихъ имперіи; при удобномъ случаѣ они направляютъ оружіе противъ самой имперіи; такъ, они захватываютъ Нарбоннскую Галлію, и вслѣдствіе этого ихъ государство простирается уже отъ Альпъ до Океана и уходитъ въ глубь Испаніи. Размноженіе населенія (при вступленіи въ Галлію численность вестготовъ едва ли превышала 300.000 человѣкъ, считая женъ и дѣтей), а можетъ быть, просто фактъ усиленія и сознанія этой силы приводитъ къ *новому раздѣлу*, по которому у туземнаго населенія *была отнята еще одна треть земель*. Едва ли это разорило туземцевъ: раздѣлъ касался главнымъ образомъ латифундіевъ галло-римской знати; къ тому же съ установленіемъ варварскаго господства съ земли снято было тяжкое бремя государственныхъ налоговъ, и населеніе, даже лишенное части своихъ земель, вздохнуло при варварахъ свободнѣе. Въ концѣ-концовъ и та фикція, которая еще соединяла королевство вестготовъ съ имперіей, была уничтожена, и отъ совершенно ослабленной когда-то міровой монархіи совсѣмъ оторвалась одна изъ ея частей. Это произошло при королѣ Эйрихѣ (466—468). «Видя постоянную смѣну императоровъ и слабость имперіи,—говоритъ

историкъ *готскихъ дѣяній* Іорданисъ (Iordanis),—Эйрихъ занялъ какъ независимый государь (jure suo) Галлію и Испанію». Вестготское королевство становится совершенно самостоятельнымъ.

Возникновеніе Вестготскаго королевства представляетъ собою типическій случай въ исторіи расчлененія Западной Римской имперій на рядъ варварскихъ королевствъ. Въ общемъ это было дѣйствительно *разчлененіе,* обусловленное внутреннимъ ослабленіемъ имперіи, ослабленіемъ связей, нѣкогда соединявшихъ въ крѣпкое цѣлое всѣ части разбросаннаго по всему тогдашнему міру государства, а не простое завоеваніе, не разгромъ варварскими полчищами могучаго политическаго организма, какъ это представляли себѣ ученые прежняго времени. *Не внезапная катастрофа, но постепенный процессъ довольно медленнаго перерожденія римскаго государства и общества, постепенно воспринявшаго въ себя варварскіе элементы,* — вотъ фактъ, который вполнѣ можетъ быть констатированъ при изученіи смѣны древняго міра міромъ средневѣковымъ. Даже такіе факты, какъ завоеваніе англо-саксами Британіи (съ половины V вѣка) и вандалами Африки (въ 439 году), завоеваніе въ настоящемъ смыслѣ этого слова, не подрываютъ истинности этого общаго факта. Британія вѣдь была, какъ мы видѣли, предоставлена самой себѣ послѣ того, какъ изъ нея были вызваны Стилихономъ римскіе легіоны для борьбы съ Аларихомъ; что же касается вандаловъ, то они были призваны изъ Испаніи въ Африку римскимъ намѣстникомъ этой послѣдней провинціи Бонифаціемъ; такъ что и въ первомъ, и во второмъ случаѣ варварамъ оставалось только взять то, что или было оставлено на произволъ судьбы не могшей уже защищать своихъ владѣній имперіей, или же прямо предлагалось имъ ею въ лицѣ представителей ея власти, давно уже потерявшей изъ виду свою истинную цѣль—общественное благо—и попадавшей въ руки фаворитовъ неограниченнаго монарха, преслѣдовавшихъ свои личныя цѣли. Медленно и постепенно выдѣлялись изъ имперіи варварскія королевства, медленно и постепенно произошло и окончательное упраздненіе императорской власти на западѣ.

Возникновеніе *бургундскаго королевства* столь же характерно для разсматриваемаго нами процесса. Мы укажемъ только главные факты. Во второй половинѣ III вѣка (послѣ Р. Х.) мы находимъ *бургундовъ,* жившихъ прежде, во времена Плинія и Птолемея, между Одеромъ и Вислой, уже на Рейнѣ, въ сосѣдствѣ съ *аллеманами,* для которыхъ они являются то союзниками въ набѣгахъ на римскую границу, то врагами. Къ концу III вѣка аллеманамъ какимъ-то образомъ удалось прорваться черезъ *limes romanus* и распространиться отъ Майна

до Констанцкаго озера. Для борьбы съ ними императоръ Валентиніанъ I призываетъ бургундовъ, и эти послѣдніе вмѣстѣ съ римлянами сражаются противъ аллеманскаго короля (въ 370 году). Въ 410 году бургунды поддерживаютъ узурпатора Іовина, принявшаго императорскій титулъ въ Галліи, переходятъ Рейнъ и занимаютъ часть его лѣваго берега. Побѣдитель Іовина, римскій полководецъ Констанцій, утверждаетъ за ними эту мѣстность (въ 413 г.).

Бургунды, такимъ образомъ, сдѣлали первый шагъ въ своемъ утвержденіи на почвѣ Галліи. Они становятся федератами имперіи, что не мѣшаетъ имъ, какъ и другимъ римскимъ союзникамъ этой эпохи, дѣлать по временамъ нападенія на римскія области, чтобы съ помощью насилія расширить свои владѣнія. Попытки эти вызывали иногда серьезный отпоръ со стороны Рима; такъ, въ 436 году бургунды потерпѣли жестокое пораженіе отъ римлянъ: 20.000 человѣкъ съ королемъ Гондикаромъ пало подъ ударами гунновъ, служившихъ вспомогательнымъ отрядомъ въ римскомъ войскѣ. Оставшіеся въ живыхъ *бургунды были переселены римскимъ полководцемъ Аэціемъ (въ 443 году) въ Сабаудію (Sabaudia, нынѣшняя Савойя), т.-е. въ альпійскую область въ южной Галліи, между Женевскимъ озеромъ, Роной и Дюрансой, на положеніи римскаго вспомогательнаго войска.*

Съ этихъ поръ начинается усиленіе бургундовъ, которые постепенно начинаютъ играть немаловажную роль въ тогдашнихъ сложныхъ и часто мѣнявшихся, крайне неустойчивыхъ отношеніяхъ римско-варварскаго міра. Въ 451 году они подъ начальствомъ Аэція сражаются съ Аттилой. Въ 457 году въ исторіи бургундскаго королевства мы наблюдаемъ весьма любопытный фактъ, крайне характерный для тогдашнихъ отношеній между имперіей и варварами и вполнѣ гармонирующій со всѣмъ тѣмъ, что уже намъ извѣстно объ обществѣ Римской имперіи этого періода,—фактъ, въ которомъ въ болѣе яркой формѣ проявилось общее отношеніе римскаго общества къ государству: жители I-й Ліонской провинціи пригласили бургундовъ занять эту провинцію, желая такимъ путемъ избавиться отъ фискальнаго гнета имперіи. Границы бургундскихъ владѣній расширяются, такимъ образомъ, безъ согласія имперіи, но и безъ всякаго насилія; бургунды становятся защитниками-патронами галло-римскихъ землевладѣльцевъ («семифутовыми патронами», «septipedes patroni», какъ ихъ насмѣшливо называетъ одинъ современникъ). Владѣнія бургундовъ все расширялись, распространившись на долину Роны до Средиземнаго моря и къ сѣверу, и въ концѣ-концовъ заняли весь бассейнъ Роны. Несмотря на свое уси-

леніе, бургунды остаются послушными федератами, помогающими Риму въ его борьбѣ съ другими варварами. Не безъ связи съ этимъ обстоятельствомъ находится тотъ важный фактъ, что они расширяли свои владѣнія не путемъ завоеванія, не съ помощью силы, но покрывая своимъ покровительствомъ одну за другой провинціи, гдѣ почти совершенно исчезла безсильная римская власть; бургундскій король принимаетъ здѣсь на себя обязанности и права римскаго сановника съ титуломъ *magister militum*, а потомъ (съ короля *Гундобада*, отъ 474 по 516 г.) и *патриція*, соединяя, такимъ образомъ, въ своихъ рукахъ высшую военную и высшую гражданскую власть. Вѣрность бургундскихъ королей имперіи прекращается только со смертью послѣдняго изъ нихъ; ихъ королевство болѣе другихъ подвергается романизаціи. Какъ и у вестготовъ, экономическое, положеніе бургундовъ опредѣлилось въ результатѣ раздѣла земли между ними и туземнымъ галло-римскимъ населеніемъ, при чемъ раздѣлъ этотъ производился здѣсь раза три, все болѣе и болѣе увеличивая доли (sortes) бургундовъ по мѣрѣ того, какъ положеніе ихъ становилось все болѣе и болѣе самостоятельнымъ и владѣнія ихъ все болѣе и болѣе расширялись.

Сѣверо-востокъ Галліи постепенно заняли *франки*, и ихъ короли, подобно королямъ вестготовъ и бургундовъ, также получали титулъ *magister militum* и своими войсками защищали имперію отъ ея враговъ, а фактически были совершенно самостоятельными государями. Въ рукахъ римлянъ была въ Галліи лишь небольшая область, которой правилъ нѣкто *Эгидій*; но и она была въ сущности совершенно независимой отъ римскаго центральнаго правительства.

Если мы прибавимъ къ этому, что и Далмація находилась въ такомъ же положеніи, какъ находившаяся подъ управленіемъ Эгидія часть Галліи, то можемъ сказать, что *ко второй половинѣ V вѣка Западная Римская имперія состояла уже изъ одной только Италіи*, такъ какъ къ этому времени изъ нея выдѣлились одна за другой всѣ ея провинціи (Галлія, Испанія, Африка, Британія), образовавъ рядъ самостоятельныхъ варварскихъ королевствъ. Но не долго пришлось просуществовать Западной имперіи и въ такомъ скромномъ объемѣ. Мы считаемъ не лишнимъ нѣсколько остановиться на послѣдней страницѣ исторіи римской императорской власти на Западѣ, чтобы конкретно представить себѣ, до какой степени незамѣтнымъ и незначительнымъ фактомъ было ея окончательное упраздненіе, подготовленное всѣмъ ходомъ предшествовавшей эволюціи, разбившей имперію на рядъ варварскихъ королевствъ.

Послѣднее столѣтіе римской исторіи не безъ основанія, какъ мы уже могли видѣть, называютъ вѣкомъ господства германцевъ.

Цѣлыя германскія племена или отдѣльныя ихъ части составляютъ военную силу имперіи, а отдѣльныя личности изъ среды ихъ занимаютъ самыя высшія должности въ имперіи и фактически управляютъ римскимъ войскомъ и римскимъ государствомъ. И чѣмъ дальше, тѣмъ это преобладаніе варварскихъ элементовъ въ имперіи все болѣе и болѣе выступаетъ впередъ. Если имперіи удалось еще просуществовать нѣкоторое время, то этимъ она обязана все тѣмъ же варварамъ. Варвары же спасли ее, а вмѣстѣ съ тѣмъ и весь западный міръ отъ Аттилы, который соединилъ подъ своею властью всѣ гуннскія племена и цѣлый рядъ германскихъ племенъ по ту сторону Рейна и, причинивъ своими нападеніями немалый уронъ Восточной имперіи, всею массою своихъ пестрыхъ полчищъ ринулся на Западную имперію. Извѣстно, что отпоръ (въ 451 г.) дали ему вестготы, франки и бургунды, сражавшіеся подъ начальствомъ римскаго полководца Аэція, игравшаго въ имперіи роль Стилихона.

Аэцій, подобно своему предшественнику, палъ жертвою придворной интриги, убитый по приказанію императора Валентиніана. Послѣ его смерти наступила полная анархія. Валентиніанъ былъ убитъ сенаторомъ *Максимомъ*, занявшимъ послѣ этого императорскій тронъ. Вдова убитаго императора, Евдокія, въ отвѣтъ на требованіе Максима выйти за него замужъ призываетъ изъ Африки въ Италію вандальскій флотъ съ королемъ вандаловъ, грозою всего Средиземнаго моря, Гензерихомъ. Населеніе Рима поднимаетъ мятежъ и убиваетъ Максима, а вандалы въ теченіе четырнадцати дней предаютъ Римъ истинно вандальскому грабежу и, нагрузивъ корабли богатой добычей, возвращаются домой.

Послѣ смерти Максима главнокомандующій (magister militum) имперскихъ войскъ, то-есть наемныхъ варварскихъ отрядовъ, варваръ (свевъ) *Рицимеръ* признаетъ императоромъ *Авита*, провозглашеннаго въ Арлѣ императоромъ жителями Галліи при содѣйствіи вестготскаго короля Теодориха II. Авитъ вскорѣ отрекся отъ престола. Его преемникъ *Майоріанъ* (457 г.) дѣлалъ тщетныя попытки возстановить дисциплину и вести борьбу съ аллеманами и вандалами, вообще серьезно отнесся къ своему положенію главы имперіи, какъ онъ его себѣ представлялъ, но какъ не представлялъ его себѣ Рицимеръ, фактическій обладатель силы и власти въ имперіи, видѣвшій въ императорѣ свое орудіе, а не самостоятельнаго государя. Рицимеру не ко двору пришелся этотъ запоздалый послѣдователь Траяновъ и Адріановъ, и онъ отдѣлался отъ него убійствомъ (въ 461 г.), заставивъ провозгласить императоромъ *Севера III*, который дѣйствительно съумѣлъ понять свою роль и

ни во что не вмѣшивался, продолжая жить такъ, какъ жилъ и до своего возвышенія.

Когда Северъ умеръ, Рицимеръ въ теченіе двухъ лѣтъ вовсе не замѣщалъ никѣмъ императорскаго трона; и только желая пріобрѣсти содѣйствіе восточнаго двора въ борьбѣ съ вандалами, онъ обратился послѣ этого въ Константинополь съ просьбой назначить императора для Западной имперіи. Императоромъ былъ назначенъ патрицій *Антемій* (Аноимій). Въ какомъ положеніи находилась императорская власть на Западѣ, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ такой фактъ: чтобы упрочить свое положеніе, новый императоръ выдалъ за варвара Рицимера свою дочь. Согласіе Рицимера съ своимъ коронованнымъ тестемъ продолжалось недолго. Дѣло кончилось тѣмъ, что Рицимеръ призвалъ къ себѣ на помощь бургундовъ и свевовъ, провозгласилъ императоромъ рекомендованнаго ему вандальскимъ королемъ, знаменитымъ Гензерихомъ (иначе Гейзерихомъ), сенатора *Олибрія* и пошелъ на Римъ. Антемій защищалъ Римъ съ помощью готскаго отряда. Рицимеръ вошелъ въ сношеніе съ нѣкоторыми сенаторами. Римъ былъ взятъ и разграбленъ варварами, а Антемій по приказанію Рицимера былъ убитъ. Зараза вскорѣ унесла всемогущаго начальника римскихъ военныхъ силъ; за нимъ послѣдовалъ и новый поставленный имъ императоръ Олибрій.

Умирая, Рицимеръ передалъ главное начальство надъ составлявшими военную силу имперіи варварскими отрядами своему племяннику, бургундскому королю *Гундобаду*. Гундобадъ возвелъ на престолъ *Гликерія*, а византійскій дворъ назначилъ на то же мѣсто *Юлія Непота*, правителя Далмаціи. Когда Юлій Непотъ подступилъ къ Риму, Гликерій, не имѣя достаточнаго числа приверженцевъ, отказался отъ императорскаго сана, предпочитая ему санъ епископа. По формальному договору Юлій Непотъ уступилъ Овернь уже владѣвшимъ ею фактически вестготамъ.

Недолго оставался на тронѣ и Юлій Непотъ. Когда онъ попытался удалить въ Галлію новаго начальника римскихъ войскъ *Ореста* (когда-то правая рука Аттилы), этотъ послѣдній поднялъ возстаніе, и императору пришлось бѣжать въ Далмацію. Орестъ вступилъ въ Равенну (въ мартѣ 475 г.), и спустя нѣкоторое время его войска провозгласили императоромъ его малолѣтняго сына *Ромула Августула*. Не прошло и года, а Орестъ былъ уже лишенъ той власти, которую ему давало главное начальство надъ военными силами имперіи и положеніе отца малолѣтняго императора. Его свергли его же войска. Варвары-наемники, извлекавшіе огромныя выгоды изъ каждой смѣны императоровъ, заставляя каждаго новаго

императора давать имъ все новыя льготы (большое жалованье, награды и т. п.), потребовали отъ Ореста трети земли въ Италіи. Отказъ вызвалъ среди нихъ возстаніе, во главѣ котораго сталъ *Одоакръ* (какъ говорятъ, сынъ герульскаго или ругійскаго князя Эдекона, игравшій прежде значительную роль при дворѣ Аттилы, а послѣ смерти гуннскаго царя отправившійся искать счастія въ Италіи въ качествѣ простого солдата). Взбунтовавшіяся войска подступили къ Павіи, гдѣ искалъ спасенія Орестъ, взяли этотъ городъ и разграбили; Орестъ былъ схваченъ и казненъ. *Ромулъ Августулъ былъ низложенъ и отправленъ на житье въ Кампанію,* гдѣ въ его распоряженіе была предоставлена роскошная вилла на берегу Байскаго залива и назначена пенсія въ 6.000 червонцевъ. *Войска провозгласили Одоакра своимъ королемъ.* Одоакръ сдѣлался, такимъ образомъ, *королемъ германцевъ въ Италіи,* тѣхъ разноплеменныхъ варварскихъ отрядовъ, которые составляли военную силу имперіи, а теперь сплотились въ одно новое германское племя.

Это произошло въ 476 г. Восточный императоръ Зенонъ продолжалъ считать законнымъ властителемъ Запада жившаго въ Далмаціи Юлія Непота, но потомъ согласился на просьбу присланныхъ римскимъ сенатомъ депутатовъ оставить санъ августа римской имперіи исключительно за собой, утвердить Одоакра въ санѣ *патриція* и поручить ему управленіе Италіей. Такимъ образомъ, *Одоакръ сдѣлался военнымъ и гражданскимъ главою Италіи и управлялъ ею въ качествѣ намѣстника теперь опять единаго римскаго императора.* Онъ отдалъ провозгласившимъ его варварамъ требуемую ими треть италійскихъ земель (не въ смыслѣ настоящаго выдѣленія трети италійской территоріи въ ихъ полную собственность, а въ смыслѣ допущенія каждаго изъ варваровъ съ его семействомъ къ трети домовъ и доходовъ римскаго possessor'а, то-есть такъ, какъ это было сначала у вестготовъ, бургундовъ и другихъ германцевъ, основавшихъ свои королевства на территоріи имперіи), но уважалъ законы имперіи и сохранилъ нетронутыми ея учрежденія, оставивъ при этомъ всю администрацію въ рукахъ римлянъ. Это дѣлало еще болѣе незамѣтнымъ происшедшую перемѣну, окончательное исчезновеніе того призрака, той тѣни великаго прошлаго, которая носила пышный титулъ римскаго императора. И современники не обратили никакого вниманія на этотъ незначительный эпизодъ, перешедшій въ учебники исторіи подъ громкимъ названіемъ «*паденіе Западной Римской имперіи*».

Черезъ десять лѣтъ послѣ низложенія Ромула Августула погибъ и послѣдній независимый отъ варваровъ римскій правитель въ Галліи (въ той очень незначительной ея части, состоявшей изъ

города Суассона и прилегавшаго къ нему округа, которая еще не была занята варварами) *Сіагрій* (сынъ и преемникъ Эгидія), разбитый при Суассонѣ и убитый королемъ франковъ Хлодвигомъ (въ 486 г.), и такимъ образомъ вся территорія Западной Римской имперіи окончательно перешла въ руки германцевъ, основавшихъ на ней рядъ своихъ королевствъ.

Прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію тѣхъ формъ политической и общественной жизни, которыя возникли теперь на римской почвѣ вслѣдъ за поселеніемъ среди римскаго общества германскихъ племенъ, мы постараемся подвести итоги предшествующему изложенію и дать отвѣтъ на общій вопросъ, въ силу какихъ причинъ и какъ Римская имперія распалась на части, разложилась на рядъ варварскихъ королевствъ.

Римская имперія прекратила свое существованіе, распалась на рядъ варварскихъ королевствъ и очистила мѣсто для средневѣковаго развитія. Таковъ былъ окончательный результатъ той эволюціи, которая въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій совершалась въ римскомъ обществѣ и государствѣ.

Въ предшествующемъ изложеніи мы старались по возможности конкретными чертами изобразить этотъ сложный и длительный процессъ, останавливаясь на главнѣйшихъ фактахъ и явленіяхъ, характеризующихъ его политическую, соціальную и хозяйственную стороны, и имѣя въ виду дать читателю возможно ясное и точное представленіе о томъ, какъ совершался этотъ процессъ и каковы его основные факторы. Мы внимательно слѣдили за тѣми перемѣнами, которыя происходили въ политическомъ строѣ имперіи и постепенно превращали политическую форму, обезпечивавшую значительный просторъ общественной самодѣятельности и способствовавшую хозяйственному и общекультурному подъему странъ и народовъ, объединенныхъ для совмѣстнаго труда подъ охраной права и закона, въ узкій и неумолимо гнетущій деспотизмъ, мало-по-малу превратившій свободныя общественныя организаціи въ безжизненные, механически дѣйствующіе органы своего правительственнаго аппарата и тѣмъ подрывавшій самыя основы культурнаго развитія, несовмѣстимаго съ подавленіемъ личной и общественной энергіи и иниціативы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свои собственныя основы.

Съ неменьшимъ вниманіемъ наблюдали мы и за тѣми измѣненіями, которымъ подвергался соціальный и хозяйственный строй римскаго общества въ тѣсной связи съ его политической эволюціей, за постепеннымъ закрѣпощеніемъ, прикрѣпленіемъ къ государствен-

ному тяглу сословій и классовъ римскаго общества и за постепеннымъ возвращеніемъ общества на стадію натуральнаго хозяйства, приведшимъ государство къ необходимости реорганизовать свои правительственныя средства, а вмѣстѣ съ этимъ и всю систему удовлетворенія своихъ основныхъ потребностей на новыхъ, натурально-хозяйственныхъ началахъ, что повело лишь къ еще большему закрѣпощенію общества и ускорило его возвращеніе на стадію натуральнаго хозяйства.

Превращаясь такимъ образомъ въ грандіозный ойкосъ, обрекавшій на подневольную, наслѣдственно-каторжную работу сословія и классы общества, Римская имперія не укрѣпила этимъ, какъ мы видѣли, своей государственной организаціи, но лишь расшатала ее, подкопавъ ея хозяйственную основу и создавъ условія для дальнѣйшаго развитія въ обществѣ соціальныхъ силъ, разлагавшихъ государственное единство, а также развивъ въ массахъ ненависть къ государству, какъ къ источнику ихъ рабства и нищеты.

Имперіи предстояло распасться на рядъ болѣе узкихъ политическихъ соединеній, болѣе соотвѣтствовавшихъ новымъ хозяйственнымъ и соціальнымъ условіямъ, постепенно возобладавшимъ въ римскомъ обществѣ.

Крупное землевладѣніе, во всѣ почти эпохи существованія римскаго государства представлявшее собою характерную черту его аграрнаго строя, не только не потерпѣло ущерба отъ всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, которыя съ неуклонностью стихійнаго процесса развивались въ римскомъ обществѣ въ самой тѣсной связи съ измѣненіями его политической организаціи, но какъ разъ именно благодаря имъ дѣлало все большія и большія завоеванія, все болѣе и болѣе расширяясь на счетъ средняго и мелкаго землевладѣнія, постепенно поглощая землю невыдерживавшихъ фискальнаго бремени куріаловъ и столь же неудержимо таявшаго и безъ того крайне тонкаго слоя крестьянъ-собственниковъ, а также на счетъ императорскихъ домэновъ, постепенно переходившихъ на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ въ руки представителей того же правящаго сенаторскаго класса, класса крупныхъ землевладѣльцевъ.

По мѣрѣ паденія въ римскомъ мірѣ промышленности и торговли и возвращенія римскаго общества на стадію натуральнаго хозяйства пульсъ хозяйственной жизни постепенно перемѣщался изъ города въ деревню, въ крупное помѣстье, главнымъ занятіемъ массъ, основнымъ способомъ добыванія средствъ къ существованію становилось для нихъ земледѣліе, и земельный магнатъ все болѣе и болѣе укрѣплялся въ своемъ положеніи соціальной силы, къ

которой постепенно переходила власть надъ массой, ускользавшая изъ рукъ центральнаго правительства и его мѣстныхъ агентовъ.

Римская имперія постепенно разлагалась на рядъ крупныхъ помѣстій, представлявшихъ собою именно ту форму хозяйственной, соціальной и политической организаціи, которая съ естественной необходимостью возникала изъ общихъ условій, создававшихся всѣмъ ходомъ эволюціи римскаго общества и государства. Подкопавъ подъ собою народно-хозяйственную почву, на которой она возникла и утвердилась въ первые вѣка своего существованія, имперія, какъ широкая политическая организація, должна была уступить свое мѣсто именно этой болѣе узкой политической формѣ, вполнѣ соотвѣтствовавшей тѣмъ узкимъ и замкнутымъ формамъ, въ которыя постепенно отлилась хозяйственная жизнь римскаго общества.

Но этотъ процессъ распаденія имперіи на рядъ крупныхъ помѣстій съ хозяйственной, личной и политической властью земельнаго магната надъ сидящими на его землѣ людьми былъ осложненъ и временно задержанъ воздѣйствіемъ на него очень важнаго внѣшняго фактора, какимъ явился постепенно надвигавшійся на имперію германскій міръ, мало-по-малу захватившій въ свои руки рѣшеніе ея политическихъ судебъ и въ заключеніе раздробившій ее на рядъ варварскихъ королевствъ.

Мы видѣли, что если варвары нуждались въ имперіи и стремились къ ея предѣламъ въ поискахъ за землей, то и имперія нуждалась въ нихъ. Ей они нужны были для пополненія убывавшаго земледѣльческаго населенія, а главное—для охраны границъ государства отъ ихъ же соплеменниковъ, съ которыми уже не могло справляться римское войско, все болѣе и болѣе слабѣвшее. Населеніе имперіи въ результатѣ всѣхъ совершавшихся въ ея политическомъ, соціальномъ и хозяйственномъ строѣ перемѣнъ безостановочно убывало и уже не могло дать государству необходимую для защиты его военную силу. Къ тому же фискальные интересы имперіи заставляли ее очень дорожить рабочими руками земледѣльческой массы и замѣнять лежавшую на владѣльцахъ помѣстій поставку рекрутъ денежными взносами.

Римское войско все болѣе и болѣе варваризуется. Цѣлыя племена германцевъ поселяются на границахъ имперіи и несутъ сторожевую службу. Германская колонизація дѣлала все большіе и большіе успѣхи. Мало-по-малу германцы становятся главной, а скоро и единственной военной силой имперіи, а ихъ племенные вожди—высшими военными сановниками имперіи (magistri militum).

Принужденная, съ возвращеніемъ общества на стадію натуральнаго хозяйства, организовать свое государственное хозяйство нату-

рально-хозяйственнымъ способомъ, имперія не имѣла возможности матеріально обезпечивать свои варварскія войска инымъ путемъ, какъ давая имъ землю для поселенія или же размѣщая ихъ по домамъ мѣстнаго, римскаго населенія, т.-е. заставляя римскихъ, въ большинствѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, давать имъ въ своихъ помѣстьяхъ и кровъ, и полное содержаніе.

Проникновеніе германскихъ племенъ на территорію имперіи происходило весьма различными путями, какъ мирными, такъ и немирными. Не мало было случаевъ рѣзкихъ столкновеній между имперіей и варварами, приводившихъ нерѣдко къ прямымъ захватамъ со стороны германцевъ, къ настоящимъ завоеваніямъ той или иной части римской территоріи.

Захваты эти и эти завоеванія сравнительно легко доставались германцамъ, далеко не всегда встрѣчавшимъ серьезный отпоръ со стороны римскаго населенія. Это послѣднее имѣло, какъ мы видѣли, достаточно основаній не отожествлять своихъ интересовъ съ интересами римскаго правительства, и для него переходъ подъ власть варварскихъ королей означалъ освобожденіе отъ невыносимаго вѣкового гнета, фискальнаго и всякаго иного, и для насъ вполнѣ понятно такое, напримѣръ, заявленіе одного современника: «Да,—говоритъ марсельскій священникъ Сальвіанъ,—эта римская масса (plebs) проситъ у неба одной только милости—возможности провести жизнь между варварами. И мы удивляемся, что готы не побѣждены нашими войсками, когда римляне предпочитаютъ стоять на ихъ сторонѣ, а не на нашей. Вотъ почему наши братья не думаютъ оставлять варваровъ, чтобы перебѣжать къ намъ, но бѣгутъ изъ нашихъ провинцій, чтобы у нихъ искать убѣжища. Я бы, наконецъ, удивился, почему всѣ наши бѣдные и разоренные трибутаріи (колоны) не дѣлаютъ того же, если бы не зналъ единственнаго затрудненія, ихъ останавливающаго, — невозможности унести съ собой свое скудное наслѣдство, свою жалкую хижину и свое бѣдное семейство».

И это не простая фраза склоннаго къ риторикѣ писателя. Мы уже приводили въ своемъ мѣстѣ такой совершенно достовѣрный фактъ, какъ призывъ бургундовъ жителями Первой Ліонской провинціи въ Галліи. Подобныхъ фактовъ приглашенія варваровъ мѣстнымъ населеніемъ той или иной римской провинціи можно привести не мало. Въ Галліи, напримѣръ, во всѣхъ городахъ существовала партія приверженцевъ варварскаго владычества, а о галльскихъ крестьянахъ, подъ именемъ *багодовъ* поднимавшихъ возстанія противъ порабощавшаго и обездоливавшаго ихъ соціальнаго строя (съ конца третьяго столѣтія и до окончательнаго перехода Галліи подъ

власть франкскихъ королей), извѣстно, что они находились въ сношеніяхъ съ германцами и даже съ Атиллой.

И не удивительно. Варварскія государства, какъ мы увидимъ это при болѣе близкомъ ознакомленіи съ ихъ внутреннимъ строемъ, были организованы на болѣе простыхъ началахъ; и потребности ихъ были проще, и удовлетворялись онѣ самимъ обществомъ, отбывавшимъ свои натуральныя государственныя повинности, и для той фискальной организаціи, которая такимъ тяжкимъ бременемъ ложилась на плечи римскаго общества, пока оно находилось подъ властью императорскаго правительства, здѣсь не было мѣста. Подъ владычествомъ варваровъ римское населеніе могло наконецъ вздохнуть свободно. Къ тому же раздѣлъ земель, къ которому въ концѣ-концовъ прибѣгли варварскіе короли, коснулся главнымъ образомъ, если не исключительно, латифундіевъ знати, т.-е. того класса римскаго общества, соціальное и политическое преобладаніе котораго являлось для массы одной изъ формъ созданнаго имперіей гнета. Народная масса могла лишь привѣтствовать поселеніе варваровъ на территоріи имперіи и переходъ къ ихъ королямъ постепенно выскользнувшей изъ рукъ императора правительственной власти. Что же касается земельныхъ магнатовъ, то они, давно уже утративъ хозяйственную и политическую связь съ имперскимъ цѣлымъ, равно какъ и чувство нравственной съ нимъ солидарности, чувство имперскаго патріотизма, были глубоко равнодушны къ судьбѣ имперіи, и не въ нихъ могли встрѣтить варвары ея защитниковъ. Употребляя выраженіе одного изслѣдователя, можно сказать, что римское владычество хоронили безъ плача и причитаній.

Римская имперія благодаря встрѣчѣ съ германскимъ міромъ распалась не на магнатскія помѣстья, но на болѣе обширныя и болѣе сложныя по своему составу политическія тѣла, на варварскія королевства. Какъ увидимъ, это былъ лишь временный этапъ въ процессѣ перехода европейскаго человѣчества къ элементарнымъ общественнымъ и политическимъ формамъ, созданный временными обстоятельствами, значительно измѣнившими политическую обстановку, но не внесшими сколько-нибудь серьезныхъ перемѣнъ въ хозяйственныя условія, въ которыхъ находилось тогда римское общество. Варварскимъ королевствамъ еще рѣшительнѣе, чѣмъ имперіи четвертаго и пятаго вѣка, пришлось организовать свои силы и средства на той же основѣ натуральнаго хозяйства и придти къ еще болѣе опредѣленнымъ соціальнымъ и политическимъ результатамъ.

«Не варвары разрушили Римскую имперію, — говоритъ Моммзенъ,—она пришла въ упадокъ отъ собственнаго внутренняго

разложенія», и послѣ всего, сказаннаго въ предшествующемъ изложеніи, намъ остается только повторить эти слова знаменитаго историка.

Какъ совершался процессъ этого внутренняго разложенія имперіи, и какая роль принадлежала въ немъ варварамъ,—вопросы эти занимали насъ на всемъ протяженіи нашихъ этюдовъ о государствѣ и обществѣ Римской имперіи, и мы старались дать на нихъ возможно болѣе конкретный отвѣтъ.

Мы видѣли, что имперія постепенно впитала въ себя варварскіе элементы, и они, проникнувъ въ ея организмъ, довершили его разложеніе, вызванное цѣлымъ рядомъ глубокихъ внутреннихъ причинъ. Среди этихъ причинъ едва ли не самое видное мѣсто принадлежитъ самой римской государственности и тѣмъ отношеніямъ, въ какія постепенно стала она къ римскому обществу, мало-по-малу превратившись изъ когда-то гарантировавшей широкое хозяйственное и культурное развитіе объединеннаго ею цивилизованнаго міра организаціи въ противообщественную и губительную антикультурную силу, расшатавшую мало-по-малу свои собственныя основы и тѣмъ сдѣлавшую неизбѣжной свою собственную гибель.

Мы внимательно слѣдили за тѣмъ, какъ все болѣе и болѣе развивавшіяся требованія имперскаго фиска въ связи съ непрерывнымъ ростомъ бюрократическаго самодержавія мало-по-малу превратили свободныя общественныя организаціи въ мертвыя, механически двигавшіяся колеса правительственной машины и тѣмъ убили хозяйственную и всякую иную культурную энергію въ обществѣ и неуклонно двигали его назадъ, на стадію натуральнаго хозяйства. Обществу все труднѣе и труднѣе становилось содержать громадныя арміи, безмѣрно пышный и страшно расточительный дворъ и несмѣтныя полчища бюрократіи, щедро надѣленной всевозможными привилегіями, не знавшей надъ собой никакого общественнаго контроля, глубоко деморализованной и ненасытимо алчной.

Система принужденія и закрѣпощенія являлась лишь палліативомъ, не только не способнымъ поднять производительную энергію общества, но въ корнѣ ее подрывавшимъ. Разсчитанная на широкую народно-хозяйственную основу, явившись въ качествѣ постулата и гарантіи народно-хозяйственнаго развитія, римская государственность имперской эпохи неизбѣжно клонилась къ упадку и разложенію по мѣрѣ перехода истощеннаго и разореннаго ею общества къ элементарнымъ хозяйственнымъ формамъ. Попытка организоваться на новыхъ началахъ, превратиться въ грандіозный ойкосъ, удовлетворяющій свои государственныя потребности натурально-хозяйственнымъ способомъ, заставляющій работать на себя всѣ производительные классы общества, превращая ихъ въ свои служебные

органы, не могла имѣть прочнаго успѣха и лишь окончательно подкопала экономическую почву подъ политической организаціей имперіи. Не будучи въ состояніи приспособить къ себѣ новыхъ хозяйственныхъ условій, имперія—разумѣемъ ея политическую организацію—сама должна была приспособляться къ нимъ, давая мѣсто болѣе узкимъ, болѣе соотвѣтствующимъ имъ политическимъ формамъ.

Если имперія не разложилась на рядъ крупныхъ помѣстій съ хозяйственной, личной и политической властью земельнаго магната надъ сидящими на его землѣ людьми, то виною тому варвары. Они явились новымъ ингредіэнтомъ въ процессѣ внутренняго разложенія имперіи, опредѣлившимъ его ближайшій политическій результатъ. Вмѣсто того, чтобы распасться на магнатскія помѣстья, имперія разложилась на рядъ варварскихъ королевствъ.

Но хозяйственный и соціальный строй ея отъ этого никакимъ существеннымъ измѣненіямъ не подвергся. И римское, и германское населеніе варварскихъ королевствъ находилось на стадіи натуральнаго хозяйства, и это обстоятельство должно было сыграть опредѣляющую роль въ ихъ политической эволюціи.

Укажемъ нѣкоторыя работы, по которымъ читатель могъ бы болѣе подробно ознакомиться съ вопросами политическаго, соціальнаго и хозяйственнаго развитія Римской имперіи, трактуемыми въ этомъ очеркѣ.

Римская исторія Моммзена (есть русс. перев.), *Исторія римской республики* Нича (есть рус. перев.) и особенно *Очерки исторіи Римской имперіи* проф. Р. Ю. Виппера (Москва. 1908) познакомятъ читателя съ соціальнымъ и политическимъ кризисомъ, приведшимъ къ крушенію республики и утвержденію монархіи. О государственной и общественной организаціи Римской имперіи и ея эволюціи см.:

Фюстель-де-Куланжъ. *Исторія общественнаго строя древней Франціи*, т. I—II (рус. пер. подъ ред. проф. Гревса).

Проф. Карѣевъ. *Монархіи древняго міра.*

O. Seeck. *Geschichte des Untergangs der antiken Welt*, I—II (1898—1901).

E. Lavisse. *Histoire de France.* Tome premier, II. 1900. (Эта часть I тома написана проф. G. Bloch'омъ).

P. Viollet. *Histoire des institutions politiques et administratives de la France*, Tome premier. 1890.

I. Marquardt. *Römische Staatsverwaltung.* Erster Band. Zweite Auflage. 1881.

Съ ходомъ экономическаго и соціальнаго развитія Рима знакомятъ названныя книги Моммзена, Нича, Виппера, Карѣева, Ф. де Куланжа, Seeck'a и Bloch'a, а также *Очерки изъ исторіи римскаго землевладѣнія* проф. Гревса, *Экономическое развитіе древняго міра* Эд. Мейера, статья проф. Ростовцева *Капитализмъ и народное хозяйство въ древнемъ мірѣ* (*Русская Мысль*, 1900, мартъ), статья Макса Вебера. *Соціальныя причины паденія античной культуры* (рус. перев. въ журн. *Научное Слово*, 1904, VII).

Въ частности, исторіи римскаго землевладѣнія и вопросу о происхожденіи крѣпостного права (колоната) въ Римской имперіи посвящены, между прочимъ, слѣдующія сочиненія:

Названное изслѣдованіе проф. Гревса, а также его статьи: *Большое сельское помѣстье древней Италіи и крупное землевладѣніе въ римскомъ мірѣ къ концу I-го вѣка имперіи* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1897, сент. — окт.) и *Новое изслѣдованіе о колонатѣ* (тамъ же, 1886, ноябрь—декабрь).

Фюстель-де-Куланжъ. *Исторія общественнаго строя древней Франціи*, т. III (Аллодъ и сельское помѣстье) (Перев. подъ ред. проф. Гревса).

Фюстель-де-Куланжъ. *Римскій колонатъ* (перев. подъ ред. проф. Гревса).

Проф. П. Г. Виноградовъ. *Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи*. СПБ. 1880. (Первая глава посвящена вопросу о происхожденіи колоната.)

Проф. П. Г. Виноградовъ. *Средневѣковое помѣстье въ Англіи*. СПБ. 1911. (Глава II посвящена римскимъ отношеніямъ и, въ частности, организаціи земельной собственности и колопату.)

М. Бѣлоруссовъ. *Колонатъ*. Варшава. 1903.

Г. Пригоровскій. *Развитіе колонатныхъ отношеній въ римской Африкѣ* (изъ Ученыхъ Записокъ Имп. Моск. Унив. Отдѣлъ ист.-фил. Выпускъ 38. Москва 1909).

Beaudouin (E.). *Les grands domaines dans l'empire romain d'après des travaux récents* (изъ *Nouvelle revue historique de* droit *français et etranger*, 1897—98).

Schulten (A.). *Die römischen Grundherrschaften*. 1896.

Heisterbergk (B.). *Die Entstehung des Colonats*. 1876.

Weber (M.). *Römische Agrargeschichte*. 1891.

Rostowzew (M.). *Studien zur Geschichte des römischen Kolonates. 1910* (съ результатами этой своей работы проф. Ростовцевъ познакомилъ русскую публику въ журн. *Современный Міръ* (1911, янв.—февр.).

О римскихъ коллегіяхъ см.:

Кречмаръ (М.). *Къ вопросу о хозяйственномъ развитіи Рима. Промышленность въ Римѣ и теорія Бюхера.* Варшава. 1905.

Levasseur (E.). *Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France avant* 1789. Deuxième édition. Tome premier. 1900.

Waltzing (I. P.). *Etude historique sur les corporations professionnelles chez les Romains.* 1895—99.

Общимъ вопросомъ о паденіи Западной Римской имперіи занимаются: проф. Гревсъ въ названныхъ «Очеркахъ изъ исторіи римскаго землевладѣнія», проф. М. И. Ростовцевъ въ названной выше статьѣ, помѣщенной въ «Русской Мысли», Эд. Мейеръ (въ «Экономич. развитіи древн. міра»), а также Максъ Веберъ въ названной выше статьѣ «Соціальныя причины паденія античной культуры» и O. Seeck въ названной выше книгѣ.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ исторіей постепеннаго утвержденія германцевъ на территоріи Западной Римской имперіи и распаденія Западной Имперіи на рядъ варварскихъ королевствъ рекомендуется второй томъ «*Исторіи общественныхъ учрежденій древней Франціи*» Фюстель-де-Куланжа и статья проф. И. М. Гревса «*Аларихъ и вестготы*», помѣщенная въ первомъ выпускѣ «*Книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ*», составленной подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова, а также Wietersheim-Dahn. *Geschichte der Völkerwanderung. 1880*, L. Schmidt. *Allgemeine Geschichte der germanischen Völker bis zur Mitte des* sechsten *Jahrhunderts* («Handbuch der mittleren und neueren Geschichte», herausgegeben von G. von Below und F. Meinecke), Dahn. *Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker*. I. 2. Aufl. 1899.

ОЧЕРКЪ ВТОРОЙ.

Общественный и политическій строй древнихъ германцевъ.

Съ древними германцами, съ ихъ хозяйственнымъ, соціальнымъ и политическимъ строемъ, какъ и съ другими сторонами ихъ частнаго и общественнаго существованія, мы знакомимся главнымъ образомъ по тѣмъ даннымъ, которыя сообщаютъ намъ о нихъ Цезарь и Тацитъ. Какъ ни цѣнны эти данныя, какъ ни великъ авторитетъ писателей, ихъ сообщающихъ, несомнѣнно, дѣлавшихъ строгій выборъ въ томъ матеріалѣ чужихъ и собственныхъ наблюденій, который былъ у нихъ въ рукахъ, все же это не документальныя данныя, не сырой, непосредственно данный матеріалъ юридическаго памятника, государственнаго акта, хозяйственной описи, народной пѣсни. И «Записки о галльской войнѣ» Цезаря и «Германія» Тацита представляютъ собою тщательно обработанныя литературныя произведенія, носящія печать яркой индивидуальности своихъ авторовъ съ ихъ вполнѣ опредѣленными общественными, политическими и философскими взглядами, симпатіями и антипатіями, воспитанными въ опредѣленной политической и соціальной средѣ. Благодаря этому не такъ-то легко возстановить объективную и притомъ вполнѣ конкретную картину общественнаго и политическаго строя древнихъ германцевъ, тѣмъ болѣе, что свѣдѣнія, сообщаемыя о германцахъ римскими писателями, далеко не всегда отличаются полнотой и опредѣленностью, нерѣдко ставя передъ читателемъ почти неразрѣшимыя загадки. Приходится обращаться къ болѣе позднимъ свидѣтельствамъ, заключающимся въ памятникахъ германскаго права и поэзіи, появившихся значительно позже сочиненій Цезаря и Тацита, но рисующихъ жизненный строй, въ которомъ еще очень многое удержалось отъ самой ранней поры въ жизни германцевъ, а также искать разъясняющихъ указаній въ исторіи другихъ человѣческихъ обществъ на соотвѣтствующей стадіи ихъ развитія. Только такимъ путемъ мы можемъ придти къ болѣе отчетливому пониманію того, что лишь слегка намѣчено римскими писателями.

Между «Записками» Цезаря (Commentarii de bello gallico) и «Германіей» Тацита (Germania, иначе De situ ac populis Germaniae) прошло около полутора столѣтій, внесшихъ въ жизнь германцевъ немало весьма серьезныхъ перемѣнъ, рѣшительно двинувшихъ впередъ и ихъ хозяйственное, и ихъ политическое развитіе. Цезаревскіе германцы (Цезарь составлялъ свои «Записки» въ пятидесятыхъ годахъ перваго вѣка до Р. Хр.) и германцы Тацита (Тацитъ написалъ свою «Германію» въ концѣ перваго вѣка послѣ Р. Хр.),— это двѣ стадіи въ развитіи германскаго общества и государства. Не слѣдуетъ только слишкомъ прямолинейно и педантично проводить эту точку зрѣнія, рискуя въ противномъ случаѣ отнести къ позднѣйшимъ образованіямъ такія явленія въ жизненномъ строѣ германцевъ, которыя, несомнѣнно, существовали у нихъ еще въ доисторическую эпоху и если не попали на страницы цезаревскихъ «Записокъ», то лишь благодаря ограниченности поля наблюденій ихъ автора и недостаточности свѣдѣній, которыя ему удалось добыть отъ другихъ; эти же послѣднія условія нужно имѣть въ виду и вообще при сопоставленіи свидѣтельствъ названныхъ римскихъ писателей о древнихъ германцахъ.

I.

Но обратимся къ Цезарю. По его словамъ, германцы мало занимаются земледѣліемъ (agriculturae non student) и питаются главнымъ образомъ молокомъ, сыромъ и мясомъ. Скотоводство и охота— ихъ главныя занятія, если не считать войны. Земледѣліе находится еще въ зародышѣ, такъ какъ прочной осѣдлости еще нѣтъ, и германцы представляютъ собою еще полукочевой народъ. Ни у кого нѣтъ собственнаго поля съ опредѣленными границами. Каждый годъ племенныя власти (magistratus ac principes) назначаютъ отдѣльнымъ родовымъ группамъ (gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt) необходимое для каждой изъ нихъ количество земли и по истеченіи года заставляютъ ихъ переходить на другое мѣсто («neque quisquam agri modum certum aut fines habet proprios, sed magistratus ac principes in annos singulos gentibus cognationibusque hominum, qui una coierunt, quantum et quo loco visum est agri attribuunt atque anno bost alio transire cogunt», De bello gallico, lib. VI, cap. XXII).

Едва ли въ этихъ случаяхъ можетъ быть рѣчь не только о частной, но и вообще о какой бы то ни было собственности на землю. Такой аграрный строй, естественно и непроизвольно вытекающій изъ общихъ хозяйственныхъ условій стоявшихъ на еще очень низкой ступени культурнаго развитія германцевъ, изображается Цеза-

ремъ какъ продуктъ сознательной соціальной политики руководителей германскаго общества, боявшихся будто бы, чтобы осѣдлость, привязавъ германца къ землѣ и ея интересамъ, не превратила его изъ воина въ земледѣльца, не развила въ немъ жадности къ земельнымъ владѣніямъ, заставляющей болѣе сильныхъ людей отнимать землю у болѣе слабыхъ («ne latos fines parare studeant potentioresque humiliores possessionibus expellant»), не пріучила его слишкомъ тщательно устраивать свое помѣщеніе изъ боязни холода и жары и не породила бы въ немъ страсти къ деньгамъ, изъ которой рождаются партіи и раздоры («ne qua oriatur pecuniae cupiditas, qua ex re factiones dissensionesque nascuntur»); они будто бы имѣли при этомъ въ виду то соображеніе, что спокойствіе массы будетъ обезпечено, когда каждый будетъ видѣть, что самые могущественные люди не богаче его самого («ut animi aequitate plebem contineant, quum suas quisque opes aequari cum potentissimis videat»).

Нетрудно видѣть, что, вкладывая всѣ эти соображенія въ головы руководителей германскаго общества въ качествѣ принциповъ будто бы проводившейся ими соціальной политики, Цезарь просто переносилъ въ изображаемую имъ первобытную обстановку мысли и мечты, рожденныя въ обстановкѣ высококультурнаго общества, раздираемаго ожесточенной и не прерывавшейся борьбой рѣзко обострившихся соціальныхъ противорѣчій; это были мысли и мечты его современниковъ, задумывавшихся надъ тѣмъ, что давала имъ римская дѣйствительность послѣдняго вѣка республики, погибавшей въ кровавыхъ столкновеніяхъ соціальной борьбы. Первобытная мысль изображаемыхъ Цезаремъ германцевъ была очень далека отъ этой соціальной философіи, но ихъ соціальный строй дѣйствительно могъ представиться просвѣщенному римлянину тѣмъ идеаломъ, отъ котораго такъ далека была римская дѣйствительность. Причинная связь между отсутствіемъ въ германскомъ обществѣ соціальной розни и борьбы, въ такой рѣзкой и кровавой формѣ знакомыхъ римскому обществу, и тѣми аграрными порядками, которые господствовали тогда у германцевъ, отмѣчена Цезаремъ совершенно правильно. Отсутствіе частной собственности на землю дѣлало невозможной сколько-нибудь рѣзкую соціальную дифференціацію въ германскомъ обществѣ, а тѣмъ болѣе соціальную борьбу.

Говорить объ экономическихъ классахъ, ведя рѣчь о цезаревскихъ германцахъ, прибывавшихъ еще въ полукочевомъ состояніи и жившихъ самодовлѣвшими родовыми группами, сообща обрабатывавшими находящуюся въ ихъ общемъ кратковременномъ пользованіи землю, поскольку они занимались земледѣліемъ, а не скотоводствомъ и охотой, а еще охотнѣе войной, едва ли возможно. Но и

совершенно отрицать въ германскомъ обществѣ той поры всякіе признаки соціальнаго расчлененія мы тоже не имѣемъ права. Ни о знатныхъ, ни о рабахъ Цезарь ничего намъ не сообщаетъ, но на этомъ основаніи совершенно отрицать у тогдашнихъ германцевъ наличность сословій, являющихся черезъ какіе-нибудь полутора столѣтія уже исконнымъ фактомъ ихъ соціальнаго бытія, мы не считаемъ возможнымъ. Постоянно воюя, германцы эпохи Цезаря не могли не имѣть рабовъ изъ взятыхъ ими въ плѣнъ и инымъ способомъ покоренныхъ враговъ, и едва ли имъ была чужда мысль о хозяйственномъ примѣненіи рабской силы. Конечно, приписывать рабскому труду важную роль въ хозяйственной жизни цезаревскихъ германцевъ и считать германское общество перваго вѣка до Р. Хр. обществомъ рабовладѣльцевъ мы не имѣемъ основанія: общія хозяйственныя условія не давали мѣста такому порядку.

Рабовъ у германцевъ, надо думать, было сравнительно немного, и они были лишь помощниками своихъ господъ, раздѣляя съ членами ихъ семей необходимый для ихъ общаго существованія хозяйственный трудъ, какъ это вообще мы наблюдаемъ въ обществахъ на раннихъ ступеняхъ хозяйственнаго развитія, еще не вышедшаго изъ узкихъ рамокъ замкнутаго, домашняго хозяйства. Рабскій трудъ еще не могъ играть роль фактора, ускоряющаго процессъ общественной дифференціаціи въ смыслѣ расчлененія общества на неравныя въ имущественномъ отношеніи группы, возможную въ совсѣмъ иныхъ хозяйственныхъ условіяхъ.

Имѣя основаніе предполагать существованіе у германцевъ эпохи Цезаря рабовъ, мы въ то же время не находимъ основанія отрицать у нихъ и сословіе знатныхъ, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ отдѣльныхъ знатныхъ родовъ, выдвинувшихся на почвѣ присущаго родовымъ отношеніямъ іерархическаго начала. Вѣроятно, изъ среды такихъ старшихъ, знатныхъ родовъ происходили тѣ старшины, principes, которые, по словамъ Цезаря, творили судъ по округамъ и тѣмъ уменьшали родовыя распри, представляя собою единственную власть, какую знало германское государство, въ мирное время обходившееся безъ общихъ для всего государства правителей («in pace nullus est communis magistratus, sed principes regionum atque pagorum inter suos ius dicunt controversiasque minuunt»).

Политическій строй цезаревскихъ германцевъ, какъ видимъ, отличался крайней элементарностью. Отдѣльныя племена представляли собою отдѣльныя, совершенно самостоятельныя государства (civitates). Состоя изъ отдѣльныхъ, вполнѣ въ сущности самостоятельныхъ и самодовлѣющихъ родовыхъ группъ, такое государство не жило почти, можно сказать, общей политической жизнью, не

нуждаясь поэтому и въ общихъ для всего цѣлаго центральныхъ учрежденіяхъ. Только на время войны избирался общій предводитель съ правомъ жизни и смерти («magistratus, qui ei bello praesint, ut vitae necisque habeant potestatem, deliguntur»). Избирался онъ, надо думать, въ народномъ собраніи племени (concilium), собиравшемся, вѣроятно, лишь для подобнаго рода экстренныхъ надобностей, выходившихъ за предѣлы повседневнаго обихода отдѣльныхъ родовыхъ группъ, а также тѣхъ болѣе широкихъ общественныхъ соединеній, которыя Цезарь называетъ regiones atque pagi, сообщая, что въ нихъ творятъ судъ особые старшины (principes regionum atque pagorum), и которыя мы только съ большими колебаніями можемъ назвать округами, имѣя въ виду, что рѣчь идетъ о полукочевомъ народѣ, еще не утвердившемся на опредѣленной территоріи, состоящемъ изъ ряда родовыхъ группъ и ихъ болѣе или менѣе тѣсныхъ комбинацій. Въ народномъ собраніи организовались и частныя военныя предпріятія, не затрогивавшія непосредственно интересовъ всего племени и устраивавшіяся на страхъ и рискъ отдѣльныхъ племенныхъ главарей и набранныхъ ими охотниковъ. По словамъ Цезаря, какой-нибудь изъ главарей племени (quis ex principibus) являлся въ народное собраніе и приглашалъ всѣхъ желающихъ отправляться съ нимъ, куда онъ ихъ поведетъ («in concilio se dixit ducem fore, ut qui sequi velint profitantur»); желающіе вставали и тутъ же выражали свое согласіе присоединиться къ нему; дать свое согласіе и потомъ не пойти считалось равносильнымъ дезертирству и измѣнѣ; такой человѣкъ уже навсегда лишался всякаго довѣрія со стороны своихъ соплеменниковъ.

II.

Въ своемъ мѣстѣ намъ уже приходилось дѣлать краткій обзоръ тѣхъ отношеній, какъ враждебныхъ, такъ и мирныхъ, какія возникали между римлянами и германцами въ теченіе полутораста лѣтъ, отдѣляющихъ «Записки о галльской войнѣ» отъ «Германіи» Тацита, и мы уже знаемъ, что римлянамъ пришлось въ концѣ-концовъ отказаться отъ мысли подчинить своей власти жившія за Рейномъ германскія племена и ограничиться оборонительной тактикой въ отношеніи къ нимъ, занявъ для этого своими легіонами берега Рейна и Дуная и приступивъ къ сооруженію знаменитаго Римскаго вала (Limes Romanus). Если мы еще примемъ во вниманіе, что на оттѣсненныхъ такимъ образомъ съ запада и съ юга германцевъ съ востока напирали славянскія и финскія племена, а съ сѣвера съ ними граничило море, то увидимъ, что попрежнему

вести полукочевую жизнь германцы уже не могли и волей-неволей принуждены были перейти къ болѣе прочной осѣдлости. Если прежде, во времена Цезаря, охота и скотоводство совершенно оттѣсняли на задній планъ земледѣліе, то теперь пришлось серьезно заняться паханьемъ и сѣяньемъ и мало-по-малу обратить въ пахотныя поля многіе изъ тѣхъ тянувшихся на десятки, если не на сотни миль пустырей, которыми, по словамъ Цезаря, любили окружать свои владѣнія германскія племена, какъ въ интересахъ защиты отъ сосѣдей, такъ и для цѣлей охоты, игравшей такую важную роль въ ихъ хозяйственной жизни. Границы отдѣльныхъ племенъ сближались, сближая и самыя племена какъ для мирнаго, такъ и для враждебнаго общенія и создавая почву для болѣе широкихъ политическихъ соединеній, которыя съ своей стороны вызывала къ жизни непрекращавшаяся борьба съ Римомъ, равно какъ и для болѣе опредѣленной, сильной и прочной государственной организаціи. «Германія» Тацита является сплошной иллюстраціей этихъ общихъ положеній.

Германцы уже строятъ дома для постояннаго обитанія («domos figunt»); но они все еще любятъ ширяться и не терпятъ скученности и поэтому селятся не густо населенными деревнями съ близко примыкающими другъ къ другу жилищами, а болѣе разбросанными: каждый выбиралъ мѣсто по своему вкусу («nec pati quidem inter se iunctas sedes. Colunt discreti ac diversi, ut campus, ut nemus placuit. Vicos locant non in nostrum morem conexis et cohaerentibus aedificiis: suam quisque domum spatio circumdat, sive adversus casus ignis remedium sive inscitia aedificandi», Germania, 16). Земли еще сравнительно слишкомъ достаточно, и это сказывается не только на способѣ поселенія, но и на хозяйствѣ германцевъ.

Они попрежнему ведутъ экстенсивное хозяйство, придерживаясь все той же грубо-переложной системы, что и во времена Цезаря: какъ тогда, такъ и теперь они распахивали новь и сѣяли хлѣбъ до тѣхъ поръ, пока земля не истощится—удобрять ее они не умѣли—и затѣмъ бросали ее и брали подъ пашню новую землю; ни садоводствомъ, ни огородничествомъ, ни какими-либо иными видами интенсивной культуры они совсѣмъ не занимались; знакомо имъ было одно лишь хлѣбопашество. Разница съ прежнимъ была лишь въ томъ, что тогда вмѣстѣ съ полемъ передвигался и пахарь, теперь же этотъ послѣдній уже сидѣлъ на опредѣленномъ мѣстѣ, что, конечно, не могло не стѣснять его хозяйственной свободы, вводя практиковавшуюся имъ систему полеводства въ опредѣленныя, хотя все еще достаточно широкія территоріальныя рамки.

Мѣнялъ пашню не каждый отдѣльный хозяинъ, а всѣ вмѣстѣ,

всей деревней. Вся деревня, вся община одновременно переходила къ новой запашкѣ, занимая для этого необходимыя ей по числу ея рабочихъ рукъ опредѣленныя площади или еще вовсе не паханной, или уже достаточно отдохнувшей земли на принадлежавшей общинѣ территоріи и затѣмъ распредѣляя ихъ между своими сочленами по степени достаточности каждаго изъ нихъ («agri pro numero cultorum ab universis in vice occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur»); облегчалось это тѣмъ, что годной для обработки земли было много («facilitatem partiendi camporum spatia praebent (praestant)»): мѣняли пашню ежегодно, а земли все еще оставалось достаточно («arva per annos mutant, et superest ager», 26).

Какъ и во времена Цезаря, земля не являлась еще предметомъ частной собственности, но уже стала собственностью общественной, собственностью деревенской общины. Мы говоримъ о пахотной землѣ; что же касается земли, находившейся подъ усадьбой каждаго отдѣльнаго общинника, то трудно сомнѣваться въ томъ, что она уже находилась въ его полной собственности, точнѣе — въ собственности его семьи. Общей собственностью деревни, если не ряда сосѣднихъ деревень, были и пастбища, лѣса, луга и иныя угодья (такъ называемая впослѣдствіи *альменда*, die Almende). Являясь предметомъ общинной собственности, пахотная земля находилась въ частномъ пользованіи временно владѣвшихъ ею общинниковъ, распредѣленная между ними по участкамъ, состоявшимъ каждый изъ совокупности полосъ, нарѣзанныхъ, въ интересахъ справедливаго распредѣленія, во всѣхъ поляхъ деревни; черезполосность, принудительный сѣвооборотъ, отдача подъ временное пастбище всѣхъ полей послѣ уборки хлѣба, вѣроятно, и тогда, какъ и въ болѣе позднее время, являлись характерными особенностями общинныхъ порядковъ; то же, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ сказать и о совмѣстномъ пользованіи общинными угодьями. Совокупность правъ каждаго члена общины и его семьи на усадебную и пахотную землю и на общинныя угодья впослѣдствіи стала обозначаться словамъ Hufe и представляла собою нормальный общинный надѣлъ, соразмѣрный потребностямъ и повинностямъ свободнаго германца. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что въ эпоху Тацита германская община состояла изъ людей, пожалуй, еще тѣснѣе связанныхъ между собою кровными узами, чѣмъ хозяйственными, являясь прежде всего родовою группой, сохранявшей еще много характерныхъ для нея бытовыхъ особенностей.

Какъ и во времена Цезаря, хозяйственная жизнь германцевъ и въ эпоху Тацита вполнѣ сохраняла натуральный характеръ, ставя

себѣ чисто потребительныя цѣли; ихъ хозяйство продолжало оставаться болѣе или менѣе организованной дѣятельностью, совершенно чуждой пріобрѣтательскихъ интересовъ и направленной исключительно на производство продуктовъ для непосредственнаго потребленія самого производителя и того, подъ чьей властью онъ находился (если производитель не былъ свободнымъ человѣкомъ). Каждое хозяйство ставило здѣсь себѣ однѣ и тѣ же цѣли и стремилось къ нимъ съ помощью однихъ и тѣхъ же средствъ. Эти тождественныя по своему строенію и по своимъ функціямъ организаціи не нуждались другъ въ другѣ: замкнутость и самодовлѣніе—ихъ естественное состояніе. Обмѣна между ними не было и быть не могло. А вѣдь только на почвѣ обмѣна возможно хозяйство-предпріятіе, имѣющее въ виду барышъ, прибыль, и только на этой почвѣ оно получаетъ возможность все болѣе и болѣе расширять свои предѣлы и, сосредоточивая въ однихъ рукахъ большіе земельные комплексы, вызывать въ общественномъ организмѣ рядъ глубокихъ соціальныхъ и политическихъ измѣненій.

Господство въ германскомъ обществѣ тацитовской эпохи натуральнаго, замкнутаго, домашняго хозяйства являлось надежной гарантіей и противъ скопленія земли въ немногихъ рукахъ, и противъ соотвѣтствующаго ему обезземеленья массы. Пахотная земля, какъ мы видѣли, еще и вовсе не сдѣлалась предметомъ частной собственности, не стала видомъ частнаго богатства; единственнымъ видомъ богатства все еще, по словамъ Тацита, продолжалъ оставаться скотъ («ne armentis quidem suus honor aut gloria frontis: numero gaudent, eaeque solae et gratissimae opes sunt», 5). Если нѣкоторые члены общины и получали въ пользованіе (какъ и всѣ, во временное пользованіе) больше земли, чѣмъ остальные, вмѣсто одного надѣла нѣсколько («quos inter se secundum dignationem partiuntur»), то это не могло имѣть вредныхъ соціальныхъ послѣдствій, во-первыхъ, потому, что земли еще было много («et superest ager») и всѣмъ хватало, а во-вторыхъ, потому, что и такія сравнительно крупныя хозяйства никакихъ цѣлей, кромѣ непосредственно потребительныхъ, преслѣдовать не могли и въ сущности, благодаря этому, очень были далеки отъ крупнаго хозяйства въ собственномъ смыслѣ, лишь сравнительно немного превышая размѣрами хозяйство средняго германца. Тацитъ сообщаетъ намъ нѣкоторыя данныя, позволяющія намъ проникнуть во внутреннюю организацію этого «крупнаго» хозяйства. Если мы примемъ во вниманіе, что всѣ свободные германскаго общества имѣли совершенно обезпечивавшіе ихъ и ихъ семьи земельные надѣлы, къ которымъ они могли приложить всю свою рабочую силу, но принуждены будемъ исключить всякую

мысль объ участіи свободнаго наемнаго труда въ обработкѣ или уборкѣ полей тогдашняго «крупнаго» землевладѣльца: такой хозяйственно-соціальной категоріи не могло знать германское общество тацитовской эпохи; по той же причинѣ не могли быть знакомы ему и свободные арендаторы, снимающіе землю у «крупнаго» землевладѣльца и за это отдающіе ему часть своего труда для обработки или уборки его собственныхъ полей.

Остается предположить, что «крупныя» помѣстья могли эксплоатироваться лишь съ помощь несвободнаго труда. Мы не считали возможнымъ отрицать существованіе рабовъ у германцевъ эпохи Цезаря, совсѣмъ о нихъ не упоминающаго. Не могло не быть ихъ и у тацитовскихъ германцевъ. Тацитъ, впрочемъ, и не умалчиваетъ о нихъ и даже довольно точно опредѣляетъ ихъ хозяйственную роль въ германскомъ обществѣ. «Рабами,—говоритъ онъ,—они (германцы) пользуются не по-нашему, не путемъ распредѣленія между ними обязанностей по хозяйству (ceteris servis non in nostrum morem descriptis per familiam ministeriis utuntur); у каждаго изъ нихъ есть своя усадьба и свой домашній очагъ (свои пенаты) (suam quisque sedem, suos penates regit). Господинъ требуетъ съ него опредѣленное количество хлѣба, скота или одежды, какъ съ колона, и рабъ только это обязанъ исполнять (frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono iniungit et servus hactenus paret); обязанности по дому лежатъ исключительно на женѣ и дѣтяхъ (германца) (cetera domus officia uxor ac liberi exequuntur, 25)».

Это былъ въ сущности самый простой для свободнаго, любившаго больше войну и охоту германца способъ освободить себя отъ требующихъ совсѣмъ иного душевнаго склада и совсѣмъ иныхъ навыковъ хозяйственныхъ заботъ, которыми онъ по словамъ Тацита, такъ тяготился, взваливая ихъ на женщинъ, стариковъ и слабосильныхъ («delegata domus et penatium et agrorum cura feminis senibusque et infirmissimo cuique ex familia», 15) и вполнѣ добросовѣстно считая совершенно несовмѣстимымъ съ своимъ достоинствомъ добывать потомъ то, что можно достать кровью («pigrum quin immo et iners videtur sudore adquirere quod possis sanguine parare», 14). Методически пахать землю и терпѣливо ждать урожая для него было несравненно болѣе труднымъ дѣломъ, чѣмъ добровольно подвергать себя всѣмъ опасностямъ военныхъ приключеній («nec arare terram aut expectare annum tam facile persuaseris quam vocare hostem et vulnera mereri», 14), и еще много должно было пройти времени, чтобы подъ вліяніемъ осѣдлой жизни хозяйственность возобладала надъ этими воспитанными бродячей жизнью нехозяйственными привычками германцевъ.

На такой стадіи культурнаго развитія рабство должно было играть значительную хозяйственную роль: рабскій трудъ долженъ былъ не въ малой мѣрѣ замѣнять трудъ свободныхъ людей, направленный на нехозяйственныя цѣли, и вмѣстѣ съ трудомъ женщинъ и слабосильныхъ членовъ семьи создавать хозяйственныя блага, необходимыя для существовнаія семьи, будетъ ли то семья богатаго и знатнаго или же семья рядового, средняго германца. Когда община распредѣляла землю между своими сочленами secundum dignationem, то она имѣла въ виду, несомнѣнно, количество рабочей силы, находившейся въ распоряженіи той или иной семьи, а также количество рабочаго скота. Только тѣ, у кого было много рабовъ и много рабочаго скота, могли брать по нѣскольку надѣловъ и становиться «крупными» землевладѣльцами. Если въ хозяйствѣ самаго малоземельнаго, имѣвшаго всего лишь одинъ надѣлъ германца, рабскій трудъ являлся лишь подспорьемъ къ труду его самого и членовъ его семьи, то въ «крупномъ» помѣстьѣ онъ долженъ былъ играть главную роль: если на одномъ изъ его надѣловъ еще могла бы работать семья «крупнаго» землевладѣльца, то остальные онъ долженъ былъ передать исключительно въ руки рабовъ и въ полное ихъ распоряженіе, обязавъ ихъ лишь доставлять ему опредѣленное количество продуктовъ ихъ труда; организовать же эксплоатацію всѣхъ своихъ надѣловъ въ формѣ одного крупнаго рабовладѣльческаго хозяйства богатый и знатный германецъ не имѣлъ рѣшительно никакой возможности: такое большое и сложное хозяйственное дѣло было бы ему совершенно не по плечу какъ несовмѣстимое съ его закоренѣлой нехозяйственностью и, кромѣ того— и это главное, — предполагало бы наличность такихъ общихъ хозяйственныхъ условій (прежде всего наличность болѣе или менѣе обширнаго рынка), которыхъ не могло быть въ германскомъ обществѣ, пребывавшемъ еще на стадіи натуральнаго, замкнутаго, домашняго хозяйства. «Крупное» помѣстье германцевъ поневолѣ должно было представлять собою совокупность мелкихъ, арендныхъ хозяйствъ. Не удивительно, что германскій рабъ такъ напоминаетъ Тациту и намъ колона, какъ напоминаетъ его намъ и посаженный на землю римскій рабъ IV и V вѣка.

Соціальный строй германскаго общества вообще выступаетъ въ изображеніи Тацита съ болѣе опредѣленными очертаніями, чѣмъ въ «Запискахъ о галльской войнѣ», хотя работа Тацита все же не даетъ намъ достаточно матеріала для отчетливой и конкретной характеристики группъ, на которыя успѣло уже дифференцироваться германское общество. Хозяйственный строй, какъ мы сейчасъ видѣли, предполагаетъ у германцевъ существованіе людей богатыхъ

и людей обычнаго достатка, а также свободныхъ и рабовъ, но экономической зависимости между людьми, мыслимой лишь при условіяхъ, дѣлающихъ возможнымъ превращеніе земли въ частную собственность, скопленіе ея въ однихъ рукахъ и уходъ изъ другихъ, онъ не допускаетъ. Еще всѣ факторы сельско-хозяйственнаго производства находятся въ рукахъ производителя—и земля, и орудія производства, и трудъ, какъ его собственный, такъ и лично зависимыхъ отъ него людей,—и его хозяйство представляетъ собою независимый, замкнутый, довлѣющій себѣ міръ. Поэтому мы напрасно стали бы искать и въ германскомъ обществѣ тацитовской эпохи соціальныхъ группъ, которыя можно было бы подвести подъ категоріи экономически властвующихъ и экономически зависимыхъ и потому борющихся между собою общественныхъ классовъ. Германское общество этой поры еще не знаетъ экономическихъ классовъ. Къ германскому обществу этой поры еще вполнѣ примѣнимы тѣ соціально-философскія размышленія, которымъ предавался, какъ мы видѣли, Цезарь, изображая аграрные порядки современныхъ ему германцевъ.

Классовая борьба, какъ въ ея чистомъ, такъ и въ ея болѣе или менѣе замаскированномъ видѣ (factiones dissensionesque), была еще незнакома тацитовскимъ германцамъ, хотя имущественное неравенство у нихъ уже существовало. Тацитъ упоминаетъ о «locupletissimi», говоря, что они отличаются отъ остальныхъ одеждой («locupletissimi veste distinguuntur», 17); будемъ ли мы понимать это слово въ его первоначальномъ смыслѣ, понимая подъ locuples человѣка многоземельнаго, или же въ его позднѣйшемъ, болѣе общемъ смыслѣ просто богатаго человѣка, употребленный Тацитомъ терминъ во всякомъ случаѣ въ достаточной мѣрѣ выразителенъ. Основой богатства, дававшей возможность богатому человѣку становиться крупнымъ землевладѣльцемъ, являлся скотъ и рабы. И то, и другое легче всего можно было достать на войнѣ, и самая крупная доля этой добычи попадала въ руки тѣхъ, кто стоялъ во главѣ воевавшихъ. А это были если не самые знатные, то самые храбрые и предпріимчивые люди, умѣвшіе успѣшно довести до конца начатое дѣло и покрыть себя и свой родъ воинской славой. Потомство такихъ людей, если сами они не были знатнаго рода, уже вступало въ ряды знати и «крупныхъ» землевладѣльцевъ. Богатство и знатность здѣсь совмѣщаются въ однихъ родовыхъ группахъ. Богатство давало знатному человѣку *(nobilis)* возможность имѣть нѣсколькихъ женъ. Среди простыхъ свободныхъ *(ingenui)* многоженство не было распространено; повидимому, наблюдалось оно и среди знатныхъ далеко не у всѣхъ, а лишь у немногихъ, надо думать, у самыхъ

богатыхъ и знатныхъ, въ родствѣ съ которыми лестно и выгодно было состоять другимъ знатнымъ родамъ («nam prope soli barbarorum singulis uxoribus contenti sunt, exceptis admodum paucis, qui non libidine, sed ob nobilitatem plurimis nuptiis ambiuntur», 17). Богатство давало знатному человѣку и средства набирать и содержать дружину, тоже далеко, конечно, не всякому, а лишь самымъ богатымъ, самымъ прославленнымъ и самымъ вліятельнымъ изъ сословія знатныхъ, тѣмъ, кого Тацитъ обозначаетъ столь многозначнымъ у него словомъ *princeps*.

Когда Тацитъ употребляетъ выраженіе princeps civitatis, ставя его рядомъ съ rex («rex vel princeps civitatis, 10), мы, несомнѣнно, должны понимать, что рѣчь идетъ о самомъ могущественномъ человѣкѣ въ государствѣ, его фактическомъ властелинѣ, его «некоронованномъ королѣ» (такимъ былъ, напримѣръ, у херусковъ знаменитый Арминій, разбившій въ Тевтобургскомъ лѣсу Вара и истребившій его легіоны); когда мы читаемъ у него, что въ народномъ собраніи племени избираются principes, которые творятъ судъ по округамъ и деревнямъ («eliguntur in iisdem conciliis et principes qui iura per pagos vicosque reddunt», 12), то ясно, что тутъ говорится о должностныхъ лицахъ, объ органахъ германскаго государства; ихъ же разумѣетъ Тацитъ, когда говоритъ, что на пирушкахъ германцы между другими политическими дѣлами обсуждаютъ и возможныя кандидатуры тѣхъ или иныхъ лицъ на должности principes («et adsciscendis principibus», 22); но когда Тацитъ сообщаетъ намъ, что особенная знатность или великія заслуги предковъ даютъ даже юношамъ право на титулъ princeps'а («insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem etiam adulescentulis adsignant», 13), то мы, несомнѣнно, имѣемъ дѣло не съ политической, а съ чисто соціальной категоріей, съ какой, такъ же несомнѣнно, мы имѣемъ дѣло и тогда, когда Тацитъ говоритъ о principes, стоящихъ во главѣ дружинъ, и даетъ характеристику отношеній, устанавливавшихся между princeps'омъ и его дружинниками (comites) (Germania, 13, 14, 15).

Principes представляли собою верхній слой германской знати; это были самые знатные, богатые и могущественные ея представители, имѣвшіе и матеріальную, и моральную (блестящая воинская репутація) возможность окружать себя дружиной изъ отборныхъ юношей и, опираясь на нее, оказывать вліяніе и на международныя отношенія, и на внутреннія дѣла своего племени и его подраздѣленій («haec dignitas, hae vires, magno semper electorum iuvenum globo circumdari; in pace decus, in bello praesidium; nec solum in sua gente cuique, sed apud finitimas quoque civitates id nomen,

ea gloria est,si numero ac virtute comitatus emineat; expetuntur enim legationibus et muneribus ornantur et ipsa plerumque fama bella profligant», 13). Изъ ихъ среды избирались, вѣроятно, областные старшины, творившіе судъ по деревнямъ и волостямъ; они же, эти principes, предварительно обсуждали всѣ болѣе важныя дѣла, поступавшія потомъ на рѣшеніе народнаго собранія, и окончательно рѣшали менѣе важныя («de minoribus rebus principes consultant, de maioribus omnes, ita tamen ut ea quoque, quorum penes plebem arbitrium est, apud principes pertractentur», 11); изъ ихъ среды, при благопріятныхъ условіяхъ, выходили и фактическіе властелины племени (princeps civitatis), а инымъ удавалось основать и настоящую династію и поставить на настоящую юридическую основу свою королевскую власть.

Такимъ образомъ, въ германскомъ обществѣ эпохи Тацита мы можемъ констатировать существованіе высшаго класса, опиравшагося, какъ на свою матеріальную базу, на сравнительно большія земельныя владѣнія, отводившіяся представителямъ этого класса во временное пользованіе и эксплоатируемыя съ помощью несвободнаго юридически труда рабовъ, которыхъ у нихъ было больше, чѣмъ у простыхъ свободныхъ. Безъ несвободнаго труда, при тогдашнихъ условіяхъ, обезпечивавшихъ каждому свободному необходимое для него количество земли, существованіе этого высшаго класса было бы немыслимо, и въ особенности его высшаго слоя, вождей дружинъ. Правда, средства для содержанія дружины давала ея вождю война («materia munificentiae per bella et raptus», 14), и среди мотивовъ, побуждавшихъ дружину и ея вождя вмѣшиваться и въ чужія войны, когда ихъ собственное государство ни съ кѣмъ не воевало («коснѣло въ продолжительномъ мирѣ и бездѣйствіи, longa pace et otio torpeat», 14), Тацитъ вполнѣ опредѣленно указываетъ и мотивы часто матеріальные, чтобы не сказать хозяйственные: необходимость добыть для дружины и боевыхъ коней, и окровавленныя побѣдоносныя копья, и продукты для ея пропитанія («exigunt enim principis sui liberalitate illum bellatorem equum, illam cruentam victricemque frameam, nam epulae et quamquam incompti, largi tamen apparatus pro stipendio cedunt», 14). Тѣмъ не менѣе едва ли можно допустить, чтобы сталъ набирать дружину человѣкъ, у котораго не было готовыхъ средствъ для вооруженія ея хотя бы на первое время, у котораго не было большихъ владѣній и большого числа рабовъ, сидѣвшихъ на отдѣльныхъ участкахъ и поставлявшихъ ему все, необходимое для него и для его дружины.

Положеніе *рабовъ (servi)* въ германскомъ обществѣ, при всемъ ихъ безправіи, было несравненно лучше того положенія, которое

рабы занимаютъ въ высоко-культурномъ обществѣ съ развитымъ мѣновымъ хозяйствомъ, дѣлающимъ возможнымъ безграничную эксплоатацію какъ несвободнаго, такъ и свободнаго труда въ капиталистическомъ производствѣ, съ рѣзкимъ соціальнымъ неравенствомъ и сопутствующимъ ему неравенствомъ духовнаго развитія. Сидя на отведенномъ ему земельномъ участкѣ и платя своему господину оброкъ изъ продуктовъ своей въ сущности самостоятельной хозяйственной дѣятельности, германскій рабъ былъ почти внѣ контроля со стороны своего господина и менѣе всего былъ похожъ на его хозяйственное орудіе. Да и въ качествѣ дворового раба онъ не переставалъ быть для него человѣческой личностью. Какъ и въ другихъ обществахъ на соотвѣтствующей ступени матеріальнаго и духовнаго развитія, и въ германскомъ обществѣ конца перваго вѣка послѣ Р. Х. господинъ видѣлъ въ рабѣ еще человѣка, а не хозяйственную вещь, отличающуюся отъ другихъ хозяйственныхъ предметовъ лишь человѣческимъ даромъ слова; здѣсь рабъ еще не сталъ для своего господина instrumentum vocale, и при всей своей грубости и нерѣдко жестокости германскій рабовладѣлецъ едва ли бы могъ понять глубоко циничныя хозяйственныя наставленія высокообразованнаго римскаго агронома и даже рѣдко билъ своихъ рабовъ, а убивалъ еще рѣже, лишь въ состояніи крайняго раздраженія; столь же рѣдко сажалъ онъ ихъ въ оковы и наказывалъ чрезмѣрной работой («verberare servum ca vinculis et opere coercere rarum; occidere solent,non disciplina et severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod impune», 25); ему тѣмъ легче было не забывать въ рабѣ человѣка, что нерѣдко это былъ другъ его дѣтства, съ которымъ онъ проходилъ одну и ту же воспитательную и образовательную школу, по цѣлымъ днямъ нагишомъ валяясь въ грязи среди домашняго скота, и съ которымъ разставался лишь съ наступленіемъ зрѣлаго возраста («in omni domo nudi ac sordidi in hos artus, in haec corpora quae miramur excrescunt... dominum ac servum nullis educationis deliciis dignoscas: inter eadem pecora, in eadem humo degunt, donec aetas separet ingenuos, virtus agnoscat», 20). Рабомъ могъ стать и свободный германецъ, проигравъ свою свободу въ кости; но такихъ рабовъ немедленно продавали за границу.

Давая намъ свѣдѣнія о простыхъ свободныхъ (ingenui), о знатныхъ (nobiles и principes) и о рабахъ (servi), Тацитъ вовсе не упоминаетъ о несомнѣнно исконномъ элементѣ соціальнаго строя германцевъ, объ извѣстномъ намъ изъ позднѣйшихъ источниковъ сословіи полусвободныхъ, такъ называемыхъ *литовъ* или *летовъ* (litus, letus) (иначе *лаццовъ* или *лассовъ*, lazzi, lassi), или

альдіевъ (aldio). Весьма возможно, что Тацитъ смѣшалъ ихъ съ рабами, потому что и они, подобно рабамъ, сидѣли на чужихъ участкамъ и давали владѣльцамъ ихъ, своимъ господамъ, вѣрнѣе патронамъ, оброкъ натурой. Возникновеніе этого сословія относится еще къ доисторической эпохѣ въ жизни германцевъ и объясняется, повидимому, фактомъ добровольнаго подчиненія сильному, побѣдоносному племени болѣе слабаго. Само собою разумѣется, что то, что мы говорили о хозяйственной роли рабовъ, трудомъ своимъ не въ малой мѣрѣ, если не совсѣмъ, снимавшихъ хозяйственныя заботы съ простого свободнаго германца и дѣлавшихъ возможнымъ существованіе у германцевъ «крупнаго» землевладѣнія и «крупныхъ» землевладѣльцевъ, знати и вождей дружинъ, относится и къ полусвободнымъ литамъ.

Почти на одной съ литами юридической линіи стояли вольноотпущенные *(liberti)*. Тацитъ о нихъ упоминаетъ, говоритъ, что у германцевъ они едва возвышаются надъ рабами, и затѣмъ, имѣя, несомнѣнно, передъ своимъ умственнымъ взоромъ глубоко оскорблявшую его аристократическія чувства родную картину, соціальную и политическую роль вольноотпущенниковъ въ императорскомъ Римѣ, прибавляетъ, что у германцевъ вольноотпущенники не имѣютъ значенія ни въ домашнемъ хозяйствѣ, ни въ государственной жизни, и что лишь въ государствахъ, гдѣ уже есть королевская власть, положеніе ихъ иное: тамъ они возвышаются и надъ простыми свободными, и надъ знатными; у другихъ же существованіе ихъ лишь подчеркиваетъ свободу остальныхъ («liberti non multum supra servos sunt, raro aliquod momentum in domo, nunquam in civitate, exceptis dumtaxat iis gentibus quae regnantur. Ibi enim et super ingenuos et super nobiles ascendunt: apud ceteros impares libertini libertatis argumentum sunt», 25). Едва ли число вольноотпущенниковъ было значительно въ германскомъ обществѣ.

Какъ и во времена Цезаря, германцы и тацитовской эпохи селились группами («gentibus cognationibusque hominum qui una coierunt» по терминологіи Цезаря), и родовые порядки продолжали еще играть серьезную роль въ ихъ общественной жизни, не смотря на то, что государственная связь, соединявшая родовыя группы, стала значительно крѣпче и выражалась въ болѣе опредѣленно организованныхъ политическихъ учрежденіяхъ. Родовыми группами германцы выстраивались и въ бояхъ, и это, по словамъ Тацита, удваивало ихъ храбрость («quodque praecipuum fortitudinis incitamentum est, non casus nec fortuita conglobatio turmam et cuneum facit, sed familiae et propinquitates», 7). Внѣ своей родовой группы, какъ индивидуумъ, германецъ былъ беззащитенъ, если только онъ

не былъ сильнымъ вождемъ храброй и преданной дружины или же дружинникомъ сильнаго вождя. Родовая группа не только обезпечивала ему средства къ существованію, но она и защищала его жизнь и его имущество, какъ внутри, такъ и со стороны внѣшнихъ посягательствъ, исходившихъ отъ членовъ другихъ родовыхъ группъ. На защиту всего сочлена вставалъ весь родъ и начиналъ войну противъ всего рода обидчика. Это были настоящія международныя отношенія: каждая родовая группа представляла собою еще въ сущности самостоятельное политическое цѣлое, и такъ называемая кровная месть была настоящей войной между враждовавшими родами. Тацитъ не оставляетъ у насъ сомнѣнія въ существованіи въ германскомъ обществѣ въ его время кровной мести, какъ вполнѣ правомѣрнаго факта («suscipere tam inimicitias seu patris seu propinqui quam amicitias necesse est», 21), но въ то же время онъ констатируетъ большую распространенность у германцевъ родового выкупа, шедшаго на смѣну родовой мести, сообщая, что вражда между родами не всегда бываетъ непримиримой, и что даже убійство возмѣщается опредѣленнымъ количествомъ крупнаго и мелкаго скота, которое получаетъ въ видѣ удовлетворенія весь родъ убитаго отъ рода убійцы («nec implacabibes durant: luitur enim etiam homicidium certo armentorum ac pecorum numero, recipitque satisfactionem universa domus», 21). Отдѣльныя семьи, изъ которыхъ слагалась каждая родовая группа, еще во многомъ должны были считаться съ родовыми узами, на каждомъ шагу дававшими имъ чувствовать, что онѣ—лишь часть цѣлаго, интересы котораго для нихъ обязательны. Глава семьи не могъ, напримѣръ, свободно распоряжаться собственностью семьи; естественными наслѣдниками являлись дѣти, а если дѣтей не было у него, то имущество непремѣнно переходило къ родственникамъ, прежде всего къ братьямъ и дядямъ со стороны отца и матери, и о завѣщаніи не могло быть и рѣчи («heredes tamen successoresque sui cuique liberi, et nullum testametum. si liberi non sunt, proximus gradus in possessione fratres patrui avunculi», 20).

Во главѣ рода стоялъ, надо думать, родовой старшина, какъ это было и у другихъ народовъ на соотвѣтствующей стадіи ихъ общественнаго и политическаго развитія; былъ ли онъ выборный или должность эта была наслѣдственной, объ этомъ мы тоже ничего не узнаемъ отъ Тацита, равно какъ и о томъ, какова была его хозяйственная и судебная компетенція въ смыслѣ регулированія хозяйственныхъ распорядковъ родовой общины и улаживанія возникавшихъ между членами рода столкновеній и споровъ.

Не многимъ больше узнаемъ мы отъ него и о старшинахъ, стояв-

шихъ во главѣ болѣе широкихъ общественныхъ и политическихъ соединеній, обозначаемыхъ у Тацита терминомъ pagi, объ окружныхъ старшинахъ. Pagus представлялъ собою округъ, занятый нѣсколькими родами, происходившими обыкновенно отъ одного естественно разросшагося рода и составлявшими подраздѣленіе племени, колѣно. Стоявшіе во главѣ колѣнъ старшины были единственными, по словамъ Цезаря, должностными лицами, которыхъ знало германское государство въ мирное время, и обязанность ихъ, по словамъ того же автора, состояла въ томъ, что они творили судъ по округамъ, занятымъ колѣнами, и тѣмъ уменьшали родовыя распри. Избирались ли они членами родовъ, входившихъ въ составъ колѣна, или же должность эта была наслѣдственной въ одномъ изъ его родовъ, Цезарь намъ ничего объ этомъ не сообщаетъ; но во времена Тацита эти окружные старшины (у Цезаря они назывались principes regionum atque pagorum) уже избирались въ народномъ собраніи всего племени и, какъ и въ прежнія времена, творили судъ по округамъ («eligunrur in iisdem conciliis et principes qui iura per pagos vicosque reddunt», 12). Тацитъ прибавляетъ еще, что при отправленіи ими правосудія присутствовали сто человѣкъ изъ мѣстнаго населенія въ качествѣ ихъ совѣтниковъ, увеличивая этимъ ихъ судебный авторитетъ («centeni singulis ex plebe comites consilium simul et auctoritas assunt», 12). Мы склонны думать, что въ данномъ случаѣ Тацитъ невольно представилъ судебный строй германцевъ въ терминахъ римскаго судоустройства, имѣя передъ умственнымъ своимъ взоромъ картину судебнаго трибунала римскаго проконсула, творившаго судъ среди населенія ввѣренной его почти неограниченной власти провинціи. Судя по тому, что мы знаемъ о древнегерманскомъ судѣ изъ болѣе позднихъ источниковъ, областной старшина являлся лишь предсѣдателемъ судебнаго собранія подраздѣленія волости (pagus), такъ называемой *сотни* (Hundertschaft, centena), лишь во всеуслышаніе провозглашавшимъ составленный собраніемъ приговоръ. По словамъ того же Тацита, каждая сотня должна была выставлять по сто воиновъ, когда племя вело войну съ другими племенами («centeni ex singulis pagis sunt», 6).

Ни о какихъ другихъ функціяхъ окружныхъ старшинъ Тацитъ, какъ и Цезарь, не упоминаетъ. Но это не даетъ еще намъ права думать, что никакихъ другихъ функцій кромѣ предсѣдательствованія на судебномъ собраніи округа у нихъ и не было. Едва ли можно сомнѣваться, что окружной старшина являлся и естественнымъ военнымъ вождемъ занимавшаго округъ колѣна, и предсѣдателемъ всѣхъ его собраній, рѣшавшихъ самые разнообразные вопросы, затрогивавшіе интересы всего колѣна, не всегда тоже-

ственные интересамъ цѣлаго, часть котораго оно составляло: племя далеко еще не успѣло изгладить политической индивидуальности своихъ подраздѣленій, и бывали случаи, что одни колѣна даннаго племени оставались въ мирныхъ отношеніяхъ съ тѣмъ племенемъ, съ которымъ вели войну его другія колѣна; едва ли можно сомнѣваться также и въ томъ, что въ собраніяхъ округа присутствовали или по крайней мѣрѣ имѣли право присутствовать всѣ свободные, жившіе въ его предѣлахъ.

Собраніе всѣхъ свободныхъ всего племени, его *народное собраніе* (Цезарь и Тацитъ обозначаютъ его словомъ *concilium*), является въ описаніи Тацита постояннымъ, правильно функціонирующимъ центральнымъ учрежденіемъ германскаго племени-государства (civitas), органомъ его верховной власти. Сюда въ опредѣленные дни, обыкновенно въ новолуніе или полнолуніе (въ экстренныхъ случаяхъ созываются экстренныя собранія), являются въ полномъ вооруженіи всѣ свободные племени рѣшать важнѣйшіе вопросы государственной жизни. Вопросы эти, по словамъ Тацита, предварительно разсматриваются въ собраніи окружныхъ старшинъ и другихъ главарей племени,—тѣ и другіе обозначены у него словомъ principes, которое обыкновенно переводятъ русскимъ, можетъ быть, слишкомъ опредѣленнымъ словомъ *князья,*—и только послѣ этого передаются ими для рѣшенія народному собранію; менѣе важныя дѣла собраніе старшинъ и главарей племени рѣшало собственною властью («de minoribus rebus principes consultant, de maioribus omnes, ita tamen, ut ea quoque quorum penes plebem arbitrium est apud principes pertractentur», 11).

За порядкомъ въ народномъ собраніи наблюдаютъ жрецы и имѣютъ при этомъ право прибѣгать къ дисциплинарнымъ взысканіямъ съ нарушителей порядка. Объясняется это, повидимому, тѣмъ, что народныя собранія препоручались съ помощью особыхъ религіозныхъ обрядовъ особому покровительству боговъ, и мѣсто собранія, на время по крайней мѣрѣ, становилось мѣстомъ священнымъ, какъ бы храмомъ, въ которомъ наблюденіе за благочиніемъ присутствующихъ лежитъ на обязанности жрецовъ. Въ качествѣ ораторовъ въ собраніи выступаютъ король (въ государствахъ, гдѣ уже была королевская власть) и тѣ изъ племенныхъ старшинъ и главарей, которые могутъ импонировать собранію или своимъ возрастомъ, или знатностью своего рода, или своей воинской славой, или краснорѣчіемъ («mox rex vel princeps, prout aetas cuique, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur», 11), и стараются склонить собраніе къ одобренію рѣшенія, принятаго на ихъ предварительномъ собраніи. Если доводы ораторовъ казались

народу убѣдительными, то онъ выражалъ свое одобреніе стукомъ оружія; въ противномъ случаѣ онъ шумно отвергалъ ихъ предложенія. Вопросы о войнѣ и мирѣ, конечно, стояли въ первомъ ряду вопросовъ, которые разрѣшались въ народномъ собраніи. Здѣсь же избирались, какъ намъ уже приходилось упоминать, и окружные старшины. Народное собраніе племени избирало и военныхъ вождей, *ducēs*, герцоговъ, когда племени приходилось воевать съ другими племенами. Тацитъ говоритъ, что при выборѣ герцога обращали вниманіе не столько на знатность его рода, сколько на его личныя свойства, хотя мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что выбирали герцоговъ изъ среды племенныхъ главарей, вождей дружинъ (principes), а не изъ среды простыхъ свободныхъ. При условіи хронической войны герцогъ, по существу временный вождь племени, избиравшійся лишь на время войны, становился постояннымъ военнымъ предводителемъ племени, незамѣтно превращаясь въ его *короля* (*rex*), и постепенно распространялъ свою власть и на другія стороны общественной жизни племени, изъ охранителя внѣшняго мира превращаясь постепенно и въ охранителя внутренняго мира. Въ народномъ собраніи германскій юноша получалъ изъ рукъ кого-либо изъ главарей племени (principes) или изъ рукъ отца или родственника щитъ и копье и превращался въ полноправнаго гражданина государства. Народному собранію принадлежала и судебная власть.

Мы уже упоминали о судебныхъ функціяхъ окружныхъ собраній. Является вопросъ: разъ всякаго рода правонарушенія внутри родовой группы принадлежали компетенціи родового старшины, а междуродовыя обиды влекли за собою войну между родами, кончавшуюся осуществленіемъ родовой мести, а впослѣдствіи родовымъ выкупомъ, то какъ объяснить возникновеніе судебныхъ функцій окружнаго и народнаго собранія?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить такимъ образомъ. Появленіе родового выкупа и создало почву для судебныхъ функцій какъ окружнаго, такъ и народнаго собранія. Родовой выкупъ предполагаетъ соглашеніе между двумя родовыми союзами, мирный договоръ между ними, въ силу котораго родъ убійцы (если вражда между родами возникла вслѣдствіе убійства членомъ одного рода члена другого рода) долженъ былъ заплатить роду убитаго стоимость убитаго, такъ называемый вергельдъ (отъ wer—человѣкъ и geld—деньги), первоначально выплачиваемый тѣмъ или инымъ количествомъ головъ скота и лишь въ болѣе позднее время деньгами. Первоначально цифры вергельдовъ не были нормированы и для каждаго даннаго случая опредѣлялись условіями заключавшагося

враждовавшими родами мирнаго договора, и лишь мало-по-малу выработались опредѣленные обычные тарифы вергельдовъ, различныхъ для людей разныхъ сословій. Когда потерпѣвшая сторона не получала отъ другой стороны установленнаго мирнымъ договоромъ возмѣщенія, въ такихъ случаяхъ она обращалась къ окружному (сотенному) или народному собранію, ища у нихъ управы на обидчика.

Въ качествѣ судебнаго учрежденія народное собраніе прежде всего разсматривало и рѣшало дѣла, касавшіяся всего племени: дѣла объ измѣнникахъ, о перебѣжчикахъ, о трусахъ, о людяхъ, повинныхъ въ противоестественныхъ порокахъ, при чемъ измѣнниковъ и перебѣжчиковъ оно приговаривало къ повѣшенію на деревьяхъ, а преступниковъ остальныхъ названныхъ категорій оно присуждало къ потопленію въ болотѣ. Разсматривало оно также и междуродовыя тяжбы (въ тѣхъ случаяхъ, когда враждовавшіе роды не могли собственными средствами достигнуть примиренія) и присуждало виновныхъ къ уплатѣ потерпѣвшему роду родового выкупа въ видѣ того или иного количества головъ скота, часть этого выкупа требуя въ пользу народа или его короля (если королевская власть уже существовала у даннаго племени) («sed et levioribus delictis pro modo poena: equorum pecorumque numero convicti mulctantur. pars mulctae regi vel civitati, pars ipsi, qui vindicatur, vel propinquis eius exsolvitur», 12) въ качествѣ вознагражденія за трудъ.

Тацитъ совершенно ничего не сообщаетъ о характерѣ германсудопроизводства, но на основаніи данныхъ позднѣйшихъ юридическихъ памятниковъ (мы разумѣемъ такъ называемыя Варварскія Правды, Leges Barbarorum), представлявшихъ собою записи обычнаго права германскихъ племенъ, слагавшагося вѣками и, несомнѣнно, въ основныхъ своихъ чертахъ уже дѣйствовавшаго и въ эпоху Тацита, мы смѣло можемъ утверждать, что судебная процедура и тогда носила сакрально-формалистическій характеръ, состоя въ произнесеніи ряда формулъ и въ совершеніи ряда дѣйствій, имѣвшихъ цѣлью побудить божество открыть истину, и что роль суда и сводилась въ сущности къ регулированію всей этой обрядности, къ режиссерской роли, и къ произнесенію приговора примѣнительно къ тому результату, какой получался послѣ выполненія всѣхъ этихъ обрядовъ, послѣ произнесенія каждой изъ сторонъ и ея родственниками-соприсяжниками очистительныхъ клятвъ, послѣ такъ называемыхъ *ордалій*, т.-е. испытанія водой или раскаленнымъ желѣзомъ, или послѣ судебнаго поединка. Это по существу былъ судъ божій, а не человѣческій; люди здѣсь лишь устраивали матеріальную обстановку, черезъ посредство которой божество могло

бы открыть имъ истину, лишь вопрошали божество. Это былъ не столько судъ, сколько гаданіе.

Въ такихъ чертахъ вырисовывается передъ нами германская государственность тацитовской эпохи. Государство здѣсь, это — самъ организованный народъ, рѣшающій всѣ свои важнѣйшія дѣла, еще не выдѣлившій изъ себя особой правительственной организаціи. Общество живетъ еще замкнутыми и во многомъ еще самодовлѣющими родовыми группами, менѣе узкими (родами) и болѣе широкими (колѣнами), въ мирное время не чувствуя почти никакой потребности въ болѣе широкомъ общеніи. Соединяетъ эти группы въ болѣе широкое цѣлое лишь сознаніе ими своего племенного единства, происхожденіе отъ общихъ предковъ, общій культъ и необходимость дѣйствовать совмѣстно противъ внѣшняго врага. Этотъ послѣдній мотивъ едва ли не былъ тѣмъ факторомъ, который болѣе всего способствовалъ постепенному сплоченію родовыхъ группъ въ политическое цѣлое и вызвалъ къ жизни зачатки общегосударственной организаціи, заставляя все племя собираться для совмѣстнаго обсужденія общаго плана дѣйствій и для выбора общаго военнаго вождя для предстоящаго общаго похода. Не удивительно, что въ народное собраніе германцы являлись вооруженные и стукомъ оружія выражали свое одобреніе ораторамъ; не удивительно, что въ качествѣ судебнаго трибунала народное собраніе судило почти исключительно людей, совершавшихъ преступленія на полѣ битвы— измѣнниковъ, перебѣжчиковъ, трусовъ, и что въ народномъ собраніи германскому юношѣ, когда онъ достигалъ совершеннолѣтія, вручали щитъ и копье. Внѣшнія, международныя отношенія племени, война и миръ,—вотъ чѣмъ главнымъ образомъ занималось народное собраніе племени. Никакихъ внутреннихъ задачъ ему разрѣшать не приходилось: ихъ еще не было у племени, какъ у цѣлаго, такъ какъ племя дробилось на родовыя группы, разрѣшавшія каждая за себя свои внутреннія задачи. Не всегда эти группы справлялись съ своими внѣшними задачами, возникавшими на почвѣ междуродовыхъ отношеній, и тогда, и только тогда онѣ обращались къ содѣйствію народнаго собранія племени, и оно брало на себя трудъ помирить враждовавшіе роды, склонить своимъ авторитетомъ родъ убійцы къ уплатѣ роду убитаго выкупа за убитаго; но это была добрая воля враждовавшихъ родовъ: они могли и не обращаться къ содѣйствію народнаго собранія, и никто ихъ принудить къ этому не могъ.

Разрѣшая собственными силами свои немногочисленныя и внѣшнія общегосударственныя задачи путемъ отправленія каждымъ германцемъ лежавшей на немъ натуральной государственной повин-

ности—отправленія на собственныя средства въ походъ и посѣщенія народнаго собранія—, германское племя, естественно, не нуждалось въ особой правительственной организаціи. Во времена Цезаря у германскихъ племенъ не было въ мирное время общихъ для всего племени должностныхъ лицъ («in pace nullus est communis magistratus»). Не было ихъ у большинства племенъ и въ эпоху Тацита; да и у тѣхъ племенъ, гдѣ уже возникла королевская власть, правительства все же еще не было.

Власть короля была ограничена («nec regibus infinita aut libera potestas», 7) и совершенно отступала на задній планъ передъ правами народа, осуществлявшимися имъ въ народномъ собраніи, сводясь къ военному предводительству (изъ котораго она и возникла) и къ взиманію въ свою пользу штрафовъ съ нарушителей общественнаго мира, а также, повидимому, къ нѣкоторымъ жреческимъ функціямъ короля какъ представителя племени передъ богами. Появленіе королевской власти пока еще не вносило никакихъ серьезныхъ перемѣнъ въ жизнь племени, и племя попрежнему собственными силами и средствами разрѣшало свои еще несложныя и чисто внѣшія политическія задачи.

Не имѣя особой правительственной организаціи, племя не нуждалось и въ особомъ государственномъ хозяйствѣ, которое давало бы необходимыя для содержанія правительства и для рѣшенія имъ своихъ задачъ правительственныя средства. Ни о какихъ налогахъ мы не слышимъ ни отъ Цезаря, ни отъ Тацита. Да ихъ ни одинъ свободный германецъ и не допустилъ бы и увидѣлъ бы въ нихъ покушеніе на свою свободу. У королей, какъ и у областныхъ старшинъ, были свои земельныя владѣнія и рабы, доставлявшіе имъ все необходимое для содержанія ихъ и ихъ дружинъ; а чего недоставало, то добывали на войнѣ. Тацитъ этого прямо не говоритъ, но это съ необходимостью вытекаетъ изъ общихъ условій изображаемой имъ жизни. Тацитъ говоритъ лишь о почетныхъ подаркахъ, которые давали германцы своимъ главарямъ въ видѣ скота и зернового хлѣба, чѣмъ доставляли имъ и матеріальную поддержку («mos est civitatibus ultro ac viritim conferre principibus vel armentorum vel frugum, quod pro honore acceptum etiam necessitatibus subvenit», 15), прибавляя при этомъ, что для нихъ еще пріятнѣе были подарки, которые они получали отъ сосѣднихъ племенъ въ видѣ цѣнныхъ коней, дорогого оружія, пышнаго убранства для боевого коня и драгоцѣнныхъ ожерелій.

Остается сказать нѣсколько словъ о германской дружинѣ (comitatus) въ изображеніи Тацита, въ дополненіе къ тому, что уже было сказано о ней въ предшествующемъ изложеніи. Мы указы-

вали на матеріальныя условія существованія дружины и на ея роль въ соціальномъ строѣ германскаго общества, какъ базиса соціальнаго и политическаго значенія верхняго слоя германской знати, тѣхъ, кого Тацитъ называетъ principes. Тацитъ съ большимъ интересомъ останавливается на дружинѣ и подробно описываетъ видимо поразившія его дружинныя отношенія. Его въ особенности поразило то, что вступленіе въ число дружинниковъ не считалось унизительнымъ для свободнаго человѣка («nec rubor inter comites aspici», 13). Онъ не могъ понять, какъ могли вступать въ отношенія личной зависимости свободные и даже знатные юноши—а эти послѣдніе едва ли не представляли главный контингентъ дружинниковъ—, какъ они могли отказываться отъ своей личной независимости и добровольно отдавать себя въ подчиненіе вождю дружины и жертвовать за него жизнью, за него, а не за отечество, не за общее дѣло. «Въ бою для вождя было бы позоромъ быть превзойденнымъ въ доблести, а для дружины не сравняться съ вождемъ; но уже значило бы заклеймить себя на всю жизнь—выйти живымъ изъ боя, въ которомъ палъ вождь. Защищать его, оберегать и свои подвиги ему приписывать, это—самый главный и священный долгъ дружинника; вожди сражаются изъ-за побѣды, дружинники—за вождя». Съ своей стороны вождь обязанъ былъ содержать дружинниковъ, давать имъ вооруженіе и боевыхъ коней и доставлять имъ возможность проявлять свою храбрость, удовлетворять своему военному честолюбію и обогащаться добычей. Дружина являлась военной школой для знатнаго германскаго юношества и въ то же время почвой для развитія отношеній, которымъ предстояло въ сравнительно недалекомъ будущемъ играть серьезную роль въ общественномъ и политическомъ строѣ германскихъ государствъ.

На русскомъ языкѣ обстоятельный очеркъ общественнаго и политическаго строя древнихъ германцевъ сдѣланъ С. П. Моравскимъ въ статьѣ его «Германцы до великаго переселенія народовъ», помѣщенной въ первомъ выпускѣ «Книги для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ», изданной подъ редакціей проф. П. Г. Виноградова.

Западная литература о древнихъ германцахъ очень обширна. Назовемъ лишь нѣсколько книгъ, по которымъ читатель могъ бы оріентироваться въ этой литературѣ и подробнѣе ознакомиться съ самими германцами.

Brunner (H.). *Deutsche Rechtsgeschichte.* Erster Band. Zweite Auflage. 1906.

Schröder (R.). *Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte.* Fünfte, verbesserte Auflage. 1907.

Waitz (G.). *Deutsche Verfassungsgeschichte.* Band I. Dritte Anflage. 1880.

Sybel (H. von). *Entstehung des deutschen Königthums.* Zweite, umgearbeitete Auflage. 1881.

Inama-Sternegg (K. Th. von). *Deutsche Wirtschaftsgeschichte.* Zweite, verbesserte und vermehrte Auflage. 1909.

Fustel de Coulanges. *Recherches sur quelques problèmes d'histoire.* Deuxième èdition. 1894.

Wittich (Werner). *Die Frage der Freibauern.* 1901.

Hildebrand. *Recht und Sitte auf den verschiedenen wirtschaftlichen Kulturstufen.* 1896.

Lamprecht (K.). *Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter.* Band I. 1886.

Meitzen (A.). *Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostergermanen, der Kelten, Römer, Finnen und Slawen.* Band I. 1895.

Baumstark. *Ausführliche Erläuterung der Germania des Tacitus,* 2 Bände, 1875—81.

Müllenhoff. *Deutsche Altertumskunde,* Band IV. 1900.

ОЧЕРКЪ ТРЕТІЙ.

Англо-саксонское развитіе.

Познакомившись съ экономическимъ, соціальнымъ и политическимъ строемъ германцевъ въ тотъ моментъ, когда они уже вступили въ соприкосновеніе съ римскимъ міромъ, но еще сохраняли въ общемъ нетронутыми элементарныя основы своего общественнаго существованія, и зная условія, при какихъ происходило послѣдовавшее затѣмъ ихъ поселеніе на территоріи Римской имперіи, а также ту среду, въ которой они тогда очутились, мы можемъ приступить теперь къ изученію тѣхъ формъ политической и общественной жизни, которыя сложились и развились у германцевъ на новой почвѣ. Утвержденіе германцевъ на римской территоріи совершавлось различными путями. Въ нѣкоторыхъ, напримѣръ, случаяхъ они болѣе или менѣе мирно размежевывались съ римскимъ населеніемъ, а ихъ вожди вступали въ права намѣстниковъ императора, въ другихъ, болѣе рѣдкихъ, случаяхъ происходилъ прямой захватъ и рѣшительное вытѣсненіе и прежняго населенія, и прежнихъ порядковъ, въ иныхъ же мы наблюдаемъ нѣчто въ родѣ компромисса этихъ двухъ тенденцій, значительно осложнявшаго общую картину политическаго и общественнаго строя при такихъ условіяхъ возникавшаго варварскаго королевства. Чтобы понять и отчетливо представить себѣ генезисъ хозяйственныхъ, соціальныхъ и политическихъ формъ, которыя съ теченіемъ времени восторжествовали во всѣхъ государствахъ, основанныхъ германскими племенами на территоріи Римской имперіи, и въ частности, сдѣлать для себя хоть сколько-нибудь яснымъ, какую роль въ процессѣ выработки этихъ формъ сыграли римскія формы и идеи, необходимо ознакомиться съ эволюціей нѣсколькихъ варварскихъ королевствъ, изъ которыхъ каждое представляло бы собою своеобразную комбинацію политическихъ и соціальныхъ элементовъ, возникшую въ результатѣ своеобразныхъ условій, при какихъ оно было основано. Англо-саксонское королевство, Остготское королевство, основанное Теодорихомъ Великимъ въ Италіи, и Франкское королевство Меровинговъ представляютъ

собою, на нашъ взглядъ, характерныя разновидности варварскаго развитія, параллельное изученіе которыхъ поможетъ намъ разобраться въ поставленныхъ вопросахъ, сдѣлаетъ для насъ въ той или иной мѣрѣ яснымъ и генезисъ политическихъ и общественныхъ формъ, съ теченіемъ времени восторжествовавшихъ во всей Западной Европѣ, и роль, которая въ этомъ сложномъ процессѣ принадлежала римскимъ формамъ и идеямъ.

Англо-саксонское развитіе совершалось въ обстановкѣ, исключавшей возможность сколько-нибудь замѣтнаго воздѣйствія римскихъ формъ и идей; оно представляетъ собою болѣе или менѣе чистый типъ германскаго развитія, т.-е. дальнѣйшаго развитія политическихъ и общественныхъ формъ, знакомыхъ намъ изъ Цезаря и Тацита, и позволяетъ намъ надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе общаго факта перехода германцевъ къ болѣе широкимъ формамъ политической жизни въ процессѣ выработки съ теченіемъ времени восторжествовавшихъ во всей Западной Европѣ политическихъ и общественныхъ формъ безотносительно къ индивидуальнымъ особенностямъ той обстановки, въ какой этотъ фактъ для тѣхъ или другихъ германцевъ совершился, и его естественныхъ соціальныхъ и политическихъ послѣдствій. Съ другой стороны, знакомство съ исторіей Остготскаго королевства, основаннаго Теодорихомъ въ самомъ очагѣ римской культуры и государственности, нашедшихъ въ остготскомъ королѣ своего самаго искренняго почитателя, задавшагося вполнѣ сознательно поставленной цѣлью сдѣлать причастными имъ своихъ остготовъ, поможетъ намъ разобраться въ вопросѣ о характерѣ и степени воздѣйствія римскихъ условій на политическій и общественный строй варварскихъ королевствъ и опредѣлить роль этого воздѣйствія въ процессѣ ихъ дальнѣйшей эволюціи. Исторія франкскаго государства обильно снабжаетъ насъ данными для изученія этой эволюціи. Остготское королевство просуществовало всего лишь пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, и эволюція его политическихъ и общественныхъ формъ далеко не сказала своего послѣдняго слова, хотя и успѣла сказать много для насъ поучительнаго. Иной была судьба королевства Меровинговъ. Оно существовало цѣлые вѣка, и все, что могла дать ему римская государственность и культура при непосредственномъ соприкосновеніи съ нимъ на почвѣ романизованной Галліи и путемъ идейной традиціи, имѣло полную возможность проявить всю силу своего воздѣйствія на его политическій и общественный строй. Исторія Франкскаго государства знакомитъ насъ и съ дальнѣйшей эволюціей римскихъ политическихъ и общественныхъ формъ, съ которыми Галлія вошла въ составъ королевства Меровинговъ, и тѣмъ дѣлаетъ для насъ еще болѣе возможнымъ уразумѣніе

истиннаго характера отношеній древняго міра къ средневѣковому. Возстановленіе Западной Римской имперіи Карломъ Великимъ и ея быстрое разложеніе при его ближайшихъ преемникахъ съ своей стороны бросаетъ яркій свѣтъ на дѣйствительную роль римской традиціи въ процессѣ образованія феодальныхъ формъ средневѣковой Европы и на самое существо этого процесса, который къ тому же именно въ областяхъ, входившихъ въ составъ франкской державы, сказалъ свое послѣднее и самое характерное слово.

I.

Сравнительно съ Галліей и Испаніей Британія оставалась слабо романизованной римской провинціей. Безъ преувеличенія можно сказать, что римская государственность всегда являлась здѣсь лишь поверхностной надстройкой надъ національными формами мѣстной жизни, и распространявшаяся ею гражданственность и культура коснулась главнымъ образомъ верхняго слоя туземнаго населенія, не пустивъ корней въ глубину народныхъ массъ, продолжавшихъ попрежнему говорить на своемъ кельтскомъ языкѣ и жить по своимъ унаслѣдованнымъ отъ предковъ обычаямъ. Правда, съ римскимъ владычествомъ явилась въ Британіи и городская жизнь—изслѣдователи насчитываютъ въ римской Британіи до тридцати трехъ городскихъ поселеній—и римскія дороги, облегчавшія общеніе между разными частями страны и дѣлавшія возможнымъ хозяйственный обмѣнъ между ними, и крупныя помѣстья съ великолѣпными, снабженными всѣми предметами изысканной римской роскоши и комфорта виллами-дворцами своихъ владѣльцевъ и съ усовершенствованными способами земледѣльческой культуры, весьма продуктивно эксплоатировавшія плодородную почву страны и трудъ туземнаго населенія и скоро превратившія Британію въ одну изъ житницъ имперіи. Но эти города являлись больше опорными пунктами военной оккупаціи страны римской державой, чѣмъ средоточіями муниципальной жизни, не оставившей замѣтныхъ слѣдовъ своего сколько-нибудь значительнаго развитія въ Британіи; римскія дороги служили также болѣе стратегическимъ цѣлямъ, чѣмъ интересамъ хозяйственнаго и общекультурнаго развитія страны. Что же, касается крупныхъ помѣстій, то они, несомнѣнно, не въ малой мѣрѣ способствовали болѣе рѣшительному переходу пастушескихъ и охотничьихъ племенъ Британіи къ земледѣлію, которое до тѣхъ поръ играло весьма незначительную роль въ ихъ хозяйственной жизни, но не создали здѣсь по существу новыхъ хозяйственныхъ и соціальныхъ порядковъ, характерныхъ для крупнаго римскаго помѣстья индивидуали-

стическаго типа, принужденныя приспособляться къ господствовавшимъ въ Британіи примитивнымъ условіямъ мѣстной жизни въ видѣ экстенсивнаго земледѣлія и общинныхъ формъ владѣнія землей.

«Господствующій типъ хозяйства, этого періода» говоритъ проф. П. Г. Виноградовъ въ своей блестящей работѣ *Средневѣковое помѣстье въ Англіи*, «былъ построенъ такъ, что не допускалъ энергичной обработки почвы и потому исключалъ возможность сильнаго организующаго давленія сверху на земледѣльцевъ» (стр. 109). Признавая существованіе въ римской Британіи значительнаго класса римскихъ или романизованныхъ магнатовъ, владѣльцевъ крупныхъ помѣстій, тотъ же изслѣдователь находитъ всѣ основанія предполагать, что въ Британіи, какъ и вообще въ провинціяхъ, недавно отвоеванныхъ Римомъ у варварскаго міра, должно было быть особенно велико число мелкихъ землевладѣльцевъ, крестьянъ-собственниковъ, сохранявшихъ свою личную и хозяйственную независимость на ряду съ крупными землевладѣльцами и въ той или иной мѣрѣ зависимыми отъ нихъ людьми. Все это дѣлаетъ совершенно непріемлемой теорію Сибома, представляющаго себѣ римскую Британію сплошь покрытой крупными помѣстьями, организованными на началахъ строгой централизаціи и самымъ интенсивнымъ образомъ эксплоатировавшими трудъ порабощенной магнатами массы туземнаго населенія. Самое большее, что можно сказать о римскомъ вліяніи на жизненный строй бриттовъ, это—признать вмѣстѣ съ проф. Виноградовымъ, что на почвѣ римской Британіи можно было найти «всевозможныя разновидности соціальныхъ учрежденій той эпохи, начиная съ самыхъ первобытныхъ племенныхъ обычаевъ и кончая самыми законченными образчиками городской и сельской романизаціи» (стр. 61).

Съ половины третьяго вѣка (послѣ Р. Хр.) Британія начинаетъ подвергаться нападеніямъ со стороны саксовъ, англовъ, ютовъ и фризовъ. Когда вызванныя Стилихономъ для борьбы съ Аларихомъ римскія войска навсегда покинули Британію, набѣги эти участились и къ половинѣ пятаго вѣка уже приняли характеръ настоящей иммиграціи цѣлыхъ племенъ. Германцамъ пришлось выдержать продолжительную, упорную и жестокую борьбу съ кельтскимъ населеніемъ, чтобы заставить его уступить имъ свое мѣсто. Много погибло въ этой борьбѣ и людей, и продуктовъ римской цивилизаціи и культуры. Римскія виллы и римскіе города стали жертвой огня и разрушенія. Лишь самая незначительная часть избѣжавшихъ гибели бриттовъ осталась на своихъ мѣстахъ и не была оттѣснена къ западной и сѣверной части острова. Для германизаціи страны заложены были, такимъ образомъ, самыя прочныя и самыя широкія

основы. Если, можетъ быть, и не все, что далъ Британіи Римъ, погибло отъ огня и меча завоевателей, то въ возобладавшихъ теперь на островѣ культурныхъ условіяхъ, принесенныхъ варварами, которые у себя на родинѣ, пожалуй, болѣе всѣхъ германскихъ племенъ были далеки отъ римскаго вліянія и сохраняли въ чистотѣ свои первобытныя общественныя формы, едва ли могла быть почва для дальнѣйшаго существованія уцѣлѣвшихъ отъ разгрома остатковъ римской культуры. Не сдѣлавшись подъ римскимъ владычествомъ страной романской, Британія съ приходомъ англовъ, саксовъ, ютовъ и фризовъ стала страной германской и по языку, и по культурѣ, и по учрежденіямъ.

Продолжительная и упорная борьба съ кельтскимъ населеніемъ Британіи, требовавшая сосредоточенія силъ и власти, естественно привела къ усиленію королевской власти у тѣхъ германскихъ племенъ, у которыхъ она уже существовала и до переселенія ихъ въ Британію, и къ возникновенію ея у тѣхъ, которыя еще не знали ея и на время войны избирали герцоговъ (duces), и общимъ политическимъ результатомъ англо-саксонскаго завоеванія явилось образованіе на британской территоріи цѣлаго ряда германскихъ королевствъ. Лишь только прекратилась борьба съ бриттами, какъ началась явная и скрытая борьба между самими этими королевствами, не прекращавшаяся въ сущности до второй половины десятаго столѣтія, когда закончился многовѣковый процессъ объединенія Англіи, совершавшійся въ этой борьбѣ.

Постепенно изъ всей совокупности мелкихъ государствъ образовалось приблизительно семь болѣе крупныхъ (это эпоха такъ называемой *гептархіи*). Изъ нихъ преобладающее положеніе принадлежало сначала королевству Нортумбріи (во второй половинѣ седьмого вѣка), потомъ (въ VIII вѣкѣ) королевству Мерсіи, а съ IX вѣка королевству Западныхъ Саксовъ (Уэссексу), при чемъ каждое изъ трехъ названныхъ королевствъ пыталось объединить подъ своею властью всѣ остальныя, что удалось, однако, лишь послѣднему изъ нихъ. Король Уэссекса Экбертъ (въ началѣ IX вѣка) уже былъ королемъ для всѣхъ англосаксовъ, хотя и не всѣ ихъ королевства превратились въ провинціи Эссекса, и нѣкоторыя еще продолжали имѣть своихъ собственныхъ королей, признававшихъ надъ собою высшую власть уэссекскаго короля.

Окончательное объединеніе Англіи относится къ значительно болѣе позднему времени, и совершилось оно подъ сильнымъ воздѣйствіемъ новаго, внѣшняго фактора, какимъ явились набѣги и иммиграція датчанъ и норвежцевъ въ восьмомъ, девятомъ и десятомъ вѣкѣ, вызывавшіе настоятельную потребность въ сплоченіи разроз-

ненныхъ силъ англо-саксовъ и въ ихъ болѣе централизованной организаціи. Одно время вся Англія была во власти датчанъ, и только Западные Саксы съ своимъ королемъ Альфредомъ дали имъ отпоръ и отвоевали у нихъ западную часть страны. Договоръ между Альфредомъ и королемъ датчанъ Гутрумомъ (879 г.) опредѣлилъ взаимныя отношенія датскаго и уэссекскаго королевствъ, подѣлившихъ, такимъ образомъ, между собою всю Англію. Сравнительно скоро датчане слились съ англо-саксами въ одно цѣлое, и въ 959 году король Эдгаръ возложилъ на себя корону короля всей Англіи. Въ началѣ XI вѣка Англія подверглась новому датскому нашествію, и ею въ теченіе тридцати лѣтъ управляла датская династія (самый извѣстный представитель ея—король Кнутъ, царствовавшій отъ 1017 по 1035 годъ). Въ 1042 году англійская корона опять перешла къ уэссекской династіи, къ ея послѣднему представителю Эдуарду Исповѣднику, а въ 1066 году послѣ битвы при Сенлакѣ, что возлѣ Гэстингса, она досталась нормандскому герцогу Вильгельму Незаконнорожденному. Англо-саксонскій періодъ кончился, и Англія вступила на новый путь политическаго развитія.

II.

Характеристику эволюціи англо-саксонскаго общества мы начнемъ съ обзора его политическаго строя, въ томъ его видѣ, какой онъ принялъ съ момента объединенія англо-саксовъ въ одно государственное цѣлое. Политическій строй англо-саксовъ (какъ и другихъ германскихъ племенъ, утвердившихся на территоріи Римской имперіи) опредѣлился прежде всего внѣшними факторами, тѣми условіями и обстоятельствами, при какихъ происходило ихъ поселеніе на римской почвѣ, а затѣмъ ихъ объединеніе подъ властью королей уэссекскаго дома. Менѣе всего онъ можетъ разсматриваться какъ политическій результатъ внутренней эволюціи англо-саксонскаго общества, происходившихъ въ этомъ послѣднемъ хозяйственныхъ и соціальныхъ измѣненій. Мало того: эти хозяйственныя и соціальныя перемѣны сами явились результатомъ перехода англо-саксовъ къ новымъ, болѣе широкимъ политическимъ формамъ и только впослѣдствіи, все болѣе и болѣе развиваясь, съ своей стороны стали оказывать видоизмѣняющее воздѣйствіе на вызвавшій ихъ къ жизни политическій строй. Естественно поэтому начать разсмотрѣніе англо-саксонскаго развитія съ его политической стороны.

Отправной точкой политической организаціи англо-саксонскаго общества является *деревня* (tún, township), сельская община. Сельскій сходъ (moot) представлялъ собою регулирующій центръ дере-

венской жизни: онъ не только контролировалъ хозяйственные распорядки общины (передѣлы, сѣвооборотъ, право выпаса и т. п.) и въ силу этого обладалъ соотвѣтствующей юрисдикціей, но оказыдалъ юрисдикціонное и просто полицейское воздѣйствіе и на всѣ другія стороны жизни деревенской группы, а также приводилъ въ исполненіе всѣ требованія фискальнаго и полицейскаго характера, съ которыми обращалось къ деревнѣ государство. Органами его были избиравшіяся имъ должностныя лица, и главное мѣсто среди нихъ принадлежало старостѣ (tûn-gerefa).

Первоначально всѣ свободные общинники англо-саксонской деревни должны были отправляться на судебныя собранія округа, въ предѣлахъ котораго данная деревня находилась (этотъ округъ назывался *сотней)*, на созывавшіяся разъ въ мѣсяцъ *сотенныя собранія* (hundred-moot). Это былъ порядокъ, унаслѣдованный отъ германцевъ тацитовской поры, когда подъ предсѣдательствомъ окружныхъ старшинъ собирались по сто полноправныхъ, носящихъ оружіе гражданъ округа и творили судъ по тѣмъ дѣламъ, которыхъ своими средствами не могли разрѣшить родовыя группы, жившія на территоріи округа. Англо-саксонская *сотня* (hundred), какъ и древне-германская, представляла собою первоначально группу въ сто семействъ (обезпеченная общиннымъ надѣломъ семья свободнаго англо-сакса обозначалась словомъ *hiwisc*), организованную государствомъ для военныхъ, судебныхъ, а впослѣствіи и фискальныхъ цѣлей. Съ теченіемъ времени лежавшая на всѣхъ свободныхъ сотеннаго округа повинность являться на собранія округа была замѣнена обязанностью сельскаго схода посылать на эти собранія четырехъ самыхъ уважаемыхъ людей деревни вмѣстѣ со старостой и священникомъ. Кромѣ представителей отъ деревень, на сотенныхъ собраніяхъ должны были присутствовать и всѣ болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы округа.

Сотенному собранію принадлежала какъ уголовная юрисдикція, такъ и гражданская. Первоначально судьями являлись всѣ присутствовавшіе на собраніи, но уже сравнительно рано изъ общей массы стала выдѣляться особая комиссія изъ двѣнадцати самыхъ вліятельныхъ землевладѣльцевъ сотеннаго округа (такъ назыв. «старшихъ тэновъ»), которая и стала играть главную роль въ собраніи. Непосѣщеніе сотенныхъ собраній, какъ и неисполненіе другихъ государственныхъ натуральныхъ повинностей, подвергало виновнаго въ этомъ особому штрафу.

Сотенное собраніе являлось не только судебнымъ трибуналомъ: въ его присутствіи совершались разнаго рода юридическіе акты (въ родѣ передачи земельной собственности изъ однихъ рукъ въ

другія и т. п.), а также производилась раскладка падавшаго на сотню налоговаго бремени; лежали на немъ и разныя другія заботы, связанныя съ положеніемъ сотни какъ административнаго округа королевства..

Во главѣ сотни стоялъ избиравшійся сотеннымъ собраніемъ (по крайней мѣрѣ въ болѣе раннюю пору) *сотенный старшина (hundreds ealdor, hundredman)* который первоначально и предсѣдательствовалъ въ собраніи сотни. Съ развитіемъ королевской власти рядомъ съ нимъ появляется представитель интересовъ короля, прежде всего его фискальныхъ интересовъ, особый сотенный *gerefa;* сначала онъ лишь собиралъ штрафы, слѣдовавшіе королю (судебные штрафы — сотенное собраніе должно было отдавать королю часть поступавшихъ въ его пользу судебныхъ штрафовъ—, штрафы за неисполненіе государственныхъ натуральныхъ повинностей и т. п.), но съ теченіемъ времени онъ совершенно вытѣсняетъ сотеннаго старшину.

Сотня являлась частью болѣе обширнаго округа, *графства (shire, шайръ).* Нѣкоторыя изъ графствъ еще на памяти исторіи были самостоятельными королевствами (Эссексъ, Кентъ и др.) и лишь постепенно превратились въ провинціи, а потомъ въ округа единаго королевства. Такихъ племенныхъ государствъ было много основано англо-саксами на британской почвѣ, и типъ ихъ намъ хорошо знакомъ изъ *Германіи* Тацита. По мѣрѣ объединенія Англіи они постепенно теряли свою самостоятельность, входя въ составъ болѣе широкихъ политическихъ соединеній, но не всегда при этомъ теряли свою индивидуальность и въ качествѣ составныхъ частей болѣе обширнаго цѣлаго. Стоявшій во главѣ графства *элдормэнъ (ealdorman)* нерѣдко являлся потомкомъ и преемникомъ королей, правившихъ графствомъ въ тѣ времена, когда оно еще представляло собою самостоятельное или уже въ той или иной мѣрѣ утратившее свою независимость королевство; формально избранники короля и высшаго въ объединенномъ королевствѣ учрежденія (уитенагемота), элдормэны нерѣдко были наслѣдственными князьями графства, связанными съ населеніемъ графства и съ его интересами многовѣковою связью. Рядомъ съ элдормэномъ, естественнымъ вождемъ населенія графства въ мирное и военное время и представителемъ его мѣстныхъ, областныхъ интересовъ передъ государственнымъ цѣлымъ, стоялъ блюститель интересовъ внѣшней, королевской власти, назначаемый однимъ королемъ изъ числа его королевскихъ людей и вполнѣ зависимый отъ короля *шериффъ (scir-gerefa, sheriff).* По мѣрѣ усиленія королевской власти увеличивалось и значеніе шериффа: сначала представитель лишь фискальныхъ и просто хозяйственныхъ интересовъ короля, соби-

равшій слѣдуемую королю третью часть судебныхъ штрафовъ (другая треть шла элдормэну) и управлявшій королевскими имѣніями въ графствѣ, онъ постепенно превратился въ охранителя интересовъ общественной безопасности и порядка въ графствѣ и въ блюстителя закона; къ нему перешло и предсѣдательство въ собраніи графствъ, и онъ сталъ получать въ свою пользу третью часть судебныхъ доходовъ.

Дважды въ годъ шериффъ созывалъ *собраніе графства (shiremoot,* болѣе характерное названіе *folkmoot,* «народное собраніе»). Сюда должны были являться элдормэнъ, епископъ и всѣ другія должностныя лица графства, всѣ болѣе или менѣе крупные землевладѣльцы графства и отъ каждой деревни староста, священникъ и четверо самыхъ уважаемыхъ крестьянъ. Собраніе графства въ историческія времена являлось прежде всего судебнымъ собраніемъ, обладавшимъ какъ уголовной, такъ и гражданской юрисдикціей и рѣшавшимъ прежде всего дѣла, не нашедшія удовлетворяющаго стороны рѣшенія въ сотенномъ собраніи; какъ и въ этомъ послѣднемъ, судьями въ «народномъ собраніи» графства сначала были всѣ присутствовавшіе, но и здѣсь судебныя функціи перешли постепенно къ выдѣлившейся изъ общей массы комиссіи изъ двѣнадцати «старшихъ тэновъ»; какъ и въ сотенномъ собраніи, и здѣсь совершались разнаго рода юридическіе акты. Собраніе графства разсматривало и разрѣшало вопросы, связанные съ обложеніемъ графства тѣми или иными, главнымъ образомъ натуральными, сборами для общегосударственныхъ цѣлей, а также съ обороной страны какъ съ суши, такъ и съ моря. Сохранились въ историческое время слѣды и законодательной власти, принадлежавшей нѣкогда «народному собранію» графства, когда оно своимъ принятіемъ того или иного изданнаго центральною властью закона сообщало этому послѣднему его настоящую юридическую силу.

И въ эпоху гептархіи, и въ объединенномъ королевствѣ англо-саксовъ король раздѣлялъ верховную власть въ государствѣ съ *уитенагемотомъ (witenagemot, собраніе мудрыхъ),* съ собраніемъ епископовъ королевства и аббатовъ самыхъ крупныхъ монастырей, элдормэновъ графствъ и королевскихъ дружинниковъ, королевскихъ тэновъ. Если въ древнѣйшихъ королевствахъ англо-саксовъ, какъ и въ государствахъ германцевъ эпохи Тацита, рядомъ съ собраніемъ князей (principes), съ уитенагемотомъ, могло оставаться и сохранять свое значеніе и народное собраніе (folkmoot), то въ государствахъ, возникшихъ путемъ соединенія такихъ королевствъ въ болѣе широкое политическое цѣлое, народныхъ собраній мы уже не видимъ, а если и встрѣчаемъ ихъ, то лишь въ видѣ собраній

графства (folkmoot); да и они уже не народныя собранія въ собственномъ смыслѣ, а скорѣе собранія представителей населенія графствъ.

Почему ни въ королевствахъ эпохи гептархіи, ни въ объединенномъ королевствѣ англо-саксовъ не оказалось мѣста для народныхъ собраній, для непосредственнаго осуществленія народомъ своихъ политическихъ правъ? И это мы видимъ не у однихъ англосаксовъ, но и у всѣхъ другихъ германскихъ племенъ, основавшихъ болѣе или менѣе обширныя государства на римской территоріи. У всѣхъ у нихъ мы замѣчаемъ упадокъ, а вскорѣ потомъ и полное исчезновеніе народныхъ собраній. Такіе факты, какъ сильное развитіе у многихъ изъ нихъ королевской власти, вызванное успѣшной борьбой съ Римомъ и объединительной дѣятельностью нѣкоторыхъ варварскихъ королей, и сравнительно быстро и энергично начавшаяся у нихъ въ новыхъ условіяхъ соціальная дифференціація въ смыслѣ аристократизаціи общества, все болѣе и болѣе оттѣснявшей на задній планъ нѣкогда самодержавную массу, должны были сыграть не малую роль въ качествѣ причинъ этого упадка и полнаго прекращенія дѣятельности народныхъ собраній. Но едва ли не главное, рѣшающее значеніе имѣлъ при этомъ самый фактъ перехода германцевъ къ широкимъ формамъ политическаго существованія. Непосредственная демократія въ смыслѣ непосредственнаго осуществленія народомъ своихъ политическихъ правъ въ правильно организованной формѣ народнаго собранія возможна лишь въ рамкахъ сравнительно небольшихъ политическихъ соединеній, вмѣщающихъ лишь столько политически правоспособныхъ, сколько фактически можетъ собираться на предназначенномъ для собраній мѣстѣ и совмѣстно рѣшать свои общественныя дѣла. Пока германцы жили небольшими племенными государствами съ населеніемъ въ нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ, народное собраніе являлось у нихъ главнымъ политическимъ органомъ, непосредственно выражавшимъ и осуществлявшимъ волю всего народа; такимъ оно было и въ городскихъ государствахъ античнаго міра. Но, перейдя къ широкимъ политическимъ соединеніямъ, основавъ на римской почвѣ большія государства, германцы тѣмъ самымъ сдѣлали фактически неосуществимымъ непосредственное участіе всего народа въ политической жизни, фактически невозможнымъ дальнѣйшее существованіе, въ новыхъ условіяхъ, непосредственнаго народоправства и его органа, народнаго собранія, какъ собранія всѣхъ свободныхъ и правоспособныхъ гражданъ государства. Права народнаго собранія и его функціи переходятъ къ королю и къ собраніямъ магнатовъ королевства; но идея народнаго суверенитета не умираетъ и

во всѣ важные моменты жизни государства находитъ свое оффиціальное признаніе въ тѣхъ или иныхъ актахъ правительства и правящихъ классовъ.

Компетенція уитенагемота была весьма обширна: не было ни одного сколько-нибудь важнаго вопроса, при рѣшеніи котораго король могъ бы обойтись безъ совѣта и согласія уитановъ, и рѣшеніе, принятое королемъ и его уитанами, представляло собою, по оффиціальной терминологіи, «волю короля и его князей» («haec est voluntas regis et principum ejus»). «По совѣту и съ согласія» уитановъ англо-саксонскій король издавалъ какъ свѣтскіе, такъ и духовные законы, рѣшалъ вопросы о войнѣ и о мирѣ, о флотѣ и арміи, облагалъ народъ налогами, назначалъ и смѣщалъ эдлормэновъ, замѣщалъ епископскія каѳедры, жаловалъ отдѣльнымъ лицамъ и корпораціямъ тѣ или иныя права на тѣ или иныя земли и территоріи (при этомъ уитаны скрѣпляли своими подписями выдававшіяся въ этихъ случаяхъ королемъ дарственныя грамоты). Уитенагемотъ являлся и верховнымъ судебнымъ трибуналомъ, рѣшавшимъ въ послѣдней инстанціи какъ уголовныя дѣла, такъ и гражданскія тяжбы по апелляціямъ отъ сотенныхъ собраній и отъ собраній графствъ, а также судившимъ лицъ, по своему общественному положенію или просто въ силу своей близости къ королю подлежавшихъ юрисдикціи короля и уитенагемота. Къ уитенагемоту обращался магнатъ и тогда, когда хотѣлъ сдѣлать крупное пожертвованіе землею въ пользу церкви или монастыря, обходя своихъ законныхъ наслѣдниковъ. Уитенагемоту принадлежало еще одно право, подчеркивавшее его значеніе какъ верховнаго учрежденія въ государствѣ: уитенагемотъ имѣлъ право избирать короля и низлагать его; избиралъ онъ королей обыкновенно изъ одного опредѣленнаго королевскаго рода; обыкновенно выборъ падалъ на старшаго сына умершаго короля, если только онъ не былъ совершенно неспособенъ къ управленію; въ моменты революцій съ этимъ обычнымъ порядкомъ, конечно, не считались и передавали корону не сыну и не брату послѣдняго короля.

Ознакомленіе съ компетенціей уитенагемота даетъ намъ право примѣнить къ англо-саксонскому королю слова Тацита о королях древнихъ германцевъ: «nec regibus infinita aut libera potestas» («у королей не неограниченная и не свободная власть»). Правда, энергичный король, къ тому же обладавшій обширными матеріальными рессурсами, дававшими ему возможность создавать себѣ крѣпкую опору изъ лично зависимыхъ отъ него и всѣмъ ему обязанныхъ людей, могъ не слишкомъ стѣсняться тѣми рамками, въ какія была заключена его власть; но вѣдь то же можно сказать о королях современныхъ

Тациту германцевъ. Но это уже вопросъ не права, а силы; мы же имѣемъ въ виду указать юридическія границы королевской власти у англо-саксовъ.

Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы власть англо-саксонскихъ королей и съ этой, юридической стороны не претерпѣла измѣненій сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ была королевская власть у тацитовскихъ германцевъ, а въ первое время и у англо-саксовъ. Хотя еще въ очень отдаленныя времена короли германскихъ племенъ, а въ томъ числѣ и племенъ, завоевавшихъ Британію, сопричислили себя и свой родъ, если не прямо къ сонму боговъ, то къ ихъ прямымъ потомкамъ, тѣмъ не менѣе еще на памяти исторіи земные законы трактовали англо-саксонскаго короля, не вполнѣ сообразуясь съ его столь высокимъ происхожденіемъ, но больше видя въ немъ высшее должностное лицо, несущее высшую службу своему народу и въ соотвѣтствіи съ этимъ имѣющее право на самыя высшія ставки въ тарифѣ обычныхъ вергельдовъ и другихъ взысканій, слѣдовавшихъ за убійство человѣка, за нанесеніе ему матеріальнаго или нематеріальнаго ущерба и за нарушеніе его правъ, въ пользу родственниковъ его или его самого. Такъ, за убійство короля родъ убійцы платилъ роду убитаго, какъ и за убійство простого англо-сакса, стоимость жизни убитаго, его вергельдъ; только вергельдъ этотъ во много разъ былъ больше вергельда простого англо-сакса (по обычному праву королевства Мерсіи жизнь короля оцѣнивалась въ 7.200 шиллинговъ, т.-е. въ 36 разъ дороже жизни простого свободнаго, стоившей 200 шиллинговъ; но тѣми же 7.200 шиллинговъ оцѣнивалась и жизнь архіепископа). Но не только родъ убитаго короля получалъ матеріальное возмѣщеніе отъ рода убійцы. Такъ какъ убійство короля причиняло ущербъ не только его роду, но и народу, которому служилъ король, то право на возмѣщеніе принадлежало и народу, которому родъ убійцы и уплачивалъ ту же сумму, что и роду убитаго короля. Лишь значительно позже возникаетъ понятіе о покушеніи на жизнь короля какъ объ особенно тяжкомъ преступленіи, наказуемомъ смертью. За нарушеніе мира въ предѣлахъ королесвкаго жилища въ болѣе раннюю пору платили просто штрафъ, какъ и за нарушеніе мира въ предѣлахъ жилища всякаго другого члена англо-саксонскаго общества, только болѣе высокій; впослѣдствіи же человѣкъ, затѣявшій, напримѣръ, драку въ домѣ короля, былъ казнимъ смертью, а имущество его конфисковалось въ пользу короля. Первоначально слову короля, какъ и слову всякаго другого англо-сакса, вѣрили на судѣ только тогда, когда оно было подтверждено клятвой его самого и его соприсяжниковъ; впослѣдствіи же оно и само по себѣ получило полную юридическую убѣдительность.

Всѣ эти перемѣны въ личномъ положеніи короля не отразились, однако, на существѣ политическаго строя англо-саксовъ. Какъ ни высоко поднялся король надъ тѣмъ положеніемъ, которое онъ занималъ въ древнегерманскомъ государствѣ, и юридически, и фактически, тѣмъ не менѣе политическія учрежденія англо-саксовъ, какъ мѣстныя, такъ и центральныя, продолжали оставаться по существу народными учрежденіями, независимыми отъ королевской власти и по своему происхожденію, и въ своей дѣятельности. Королевская власть лишь стояла рядомъ съ ними; они ставили ей опредѣленныя границы, хотя и принуждены были считаться съ нею и даже подъ ея флагомъ отправлять свои функціи, не поступаясь, однако, своимъ положеніемъ органовъ народной самодѣятельности и народнаго самоопредѣленія. Попрежнему самъ народъ или черезъ своихъ представителей, сообразуясь съ строгими нормами народнаго обычая и закона, судилъ и наказывалъ преступниковъ, разбиралъ гражданскія тяжбы, сообщалъ правовую силу юридическимъ актамъ, обсуждалъ и рѣшалъ свои мѣстныя, а частью и общегосударственныя дѣла въ «народныхъ собраніяхъ» графствъ, въ сотенныхъ собраніяхъ и на своихъ сельскихъ сходахъ. Присутствовавшій и даже предсѣдательствовавшій на собраніяхъ сотенъ и графствъ агентъ короля въ сущности лишь наблюдалъ за тѣмъ, чтобы при этомъ не страдали фискальные интересы короля, чтобы слѣдовавшая королю часть судебныхъ взысканій дѣйствительно попадала въ руки короля, какъ оффиціальнаго верховнаго охранителя правъ народа, охранителя всего его правового строя. И уитенагемотъ не былъ по существу лишь королевскимъ совѣтомъ. Принадлежавшее ему право избранія и низложенія королей, равно какъ и вся совокупность принадлежавшихъ ему правъ, устраняетъ всякую мысль о уитенагемотѣ какъ о монархическомъ учрежденіи и даетъ намъ всѣ основанія видѣть въ немъ не прекращавшее со временъ Тацита своего существованія германское учрежденіе совсѣмъ иного типа, именно собраніе старшинъ и главарей германскаго племенного государства, тѣхъ, кого Тацитъ обозначаетъ многозначнымъ у него словомъ *principes*, но унаслѣдовавшее на англійской почвѣ многое изъ тѣхъ правъ, которыя нѣкогда принадлежали народному собранію, органу верховной воли и власти народа.

Организація военнаго дѣла въ англо-саксонскомъ государствѣ была построена на тѣхъ же началахъ, что и въ государствахъ древнихъ германцевъ: защита страны отъ вражескихъ нашествій, какъ и участіе въ наступательныхъ походахъ, являлась натуральной государственной повинностью, лежавшей на каждомъ свободномъ англосаксѣ, владѣвшемъ обычнымъ надѣломъ, *гайдой (hide)* (гайда состояла

изъ усадьбы и около 120 акровъ пахотной земли, а также права на общинныя угодья). Повинность эта носила названіе *trinoda necessitas* и состояла кромѣ обязанности участвовать въ ополченіи (*fyrd, expeditio*) еще и въ обязанности чинить мосты и поддерживать укрѣпленія. Сравнительно рано въ постановкѣ военнаго дѣла у англо-саксовъ стали происходить весьма серьезныя перемѣны, тѣсно связанныя съ общей эволюціей соціальнаго и политическаго строя англо-саксонскаго общества, и о нихъ мы поведемъ рѣчь, когда перейдемъ къ разсмотрѣнію этой эволюціи; здѣсь же ограничимся лишь указаніемъ на то, что сущность этихъ перемѣнъ заключалась въ постепенномъ образованіи профессіональнаго военнаго класса, малу-по-малу оттѣснившаго на задній планъ народное ополченіе, и что зародыши этого класса были уже налицо какъ у древнихъ германцевъ, такъ и у англо-саксовъ въ самый ранній періодъ исторіи государствъ, основанныхъ ими на британской территоріи, въ видѣ дружинниковъ королей и другихъ магнатовъ.

Удовлетворяя свои потребности съ помощью натуральныхъ государственныхъ повинностей своего свободнаго населенія, англо-саксонское государство, какъ и государство древнихъ германцевъ, естественно, не нуждалось въ особыхъ *правительственныхъ средствахъ* (въ строгомъ смыслѣ этого слова), пока населеніе дѣйствительно было въ состояніи отбывать эти свои государственныя натуральныя повинности, и поэтому въ немъ мы не найдемъ настоящаго государственнаго хозяйства, по крайней мѣрѣ въ ранній періодъ его исторіи. Да и само правительство какъ особая организація, направляющая политическую жизнь общественнаго организма, еще въ сущности почти что не существовало. Король, какъ военный вождь общества и верховный оффиціальный охранитель его правового строя, и его агенты въ центрѣ и областяхъ, обязанные прежде всего блюсти его, строго говоря, частные, прежде всего фискальные интересы,—вотъ и всѣ элементы того, что можно бы назвать правительствомъ англо-саксонскаго государства. Политическая жизнь общества не отъ него получала направляющіе импульсы; она шла въ сущности мимо него и въ немъ едва ли нуждалась. Тѣ матеріальныя средства, которыми располагалъ король и изъ которыхъ онъ вознаграждалъ своихъ агентовъ, а также своихъ дружинниковъ, только съ немалой натяжкой можно назвать правительственными средствами въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это было въ сущности частное, движимое и недвижимое имущество короля, которымъ онъ и распоряжался какъ своей частной собственностью, пользуясь имъ самъ или передавая его въ другія руки, но вовсе не фондъ, предназначенный для удовлетворенія государственныхъ потребностей.

При господствѣ въ англо-саксонскомъ обществѣ натуральнаго хозяйства въ видѣ земледѣльческаго производства основой матеріальныхъ средствъ короля являлось владѣніе землей и правомъ на продукты труда и на самый трудъ земледѣльческаго населенія. И король, и его агенты, а также его дружинники, всѣ были въ томъ или иномъ смыслѣ землевладѣльцами, или прямо владѣя землей въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и извлекая изъ нея продукты съ помощью труда посаженныхъ на нее рабовъ или полусвободныхъ или безземельныхъ свободныхъ, принужденныхъ брать въ аренду чужую землю, или же получая въ свою пользу часть продуктовъ труда совершенно свободныхъ сельскихъ общинъ на томъ или иномъ совершенно не экономическомъ основаніи. Англо-саксонскіе короли, въ особенности первое время послѣ объединенія Англіи подъ властью уэссекской династіи, владѣли очень обширными домэнами, состоявшими изъ цѣлаго ряда деревень, населенныхъ какъ свободными, такъ полусвободными и несвободными крестьянами, на своихъ подводахъ доставлявшими въ королевскіе дворцы оброкъ въ видѣ разнаго рода сельскихъ продуктовъ, а отчасти и работавшими на собственной королевской запашкѣ, гдѣ она была заведена.Въ то же время король имѣлъ право на полученіе продуктовъ и съ совершенно свободныхъ и независимыхъ общинъ: онъ имѣлъ право, переѣзжая съ мѣста на мѣсто, жить на счетъ своихъ подданныхъ, которые обязаны были въ этихъ случаяхъ доставлять ему и его свитѣ полное содержаніе и кормить его лошадей (это называлось *feasting*). Повинность эта постепенно принимала нѣсколько иную форму: населеніе просто обязано было поставлять для надобностей короля и его двора то или иное количество пролуктовъ, такъ называемую *фирму* (*feorm*, по-латыни *pastus*, *victus*).

Таковъ былъ основной фондъ королевскихъ рессурсовъ. Дополненіемъ къ нему являлись доходы съ тѣхъ зачатковъ промышленности и торговли, которые уже существовали въ англо-саксонской Англіи (доходы съ рудниковъ и соляныхъ варницъ, торговыя пошлины), а также судебные доходы, часть судебныхъ взысканій, которую получалъ король въ качествѣ верховнаго охранителя общественнаго мира, ставшаго миромъ королевскимъ.

Изъ всѣхъ этихъ источниковъ король и вознаграждалъ своихъ агентовъ и своихъ дружинниковъ, раздавая имъ въ пользованіе земли и предоставляя имъ права на всѣ виды своихъ доходовъ. Только съ эпохи борьбы съ датчанами появляются въ Англіи зачатки настоящаго государственнаго хозяйства и настоящихъ правительственныхъ средствъ. Это были такъ называемыя *датскія деньги* (*Dane-*

geld), прямой поземельный налогъ (отъ 1 до 4 шиллинговъ съ гайды), взимавшійся въ экстренныхъ случаяхъ для того, чтобы откупиться отъ датскаго набѣга.

III.

Древнѣйшія записи обычнаго права англо-саксонскихъ государствъ рисуютъ *соціальный строй англо-саксовъ* тѣми же чертами, какія намъ знакомы изъ Тацита: какъ и древне-германское общество, и общество англо-саксонское складывалось изъ *простыхъ свободныхъ*, *знатныхъ*, *полусвободныхъ и рабовъ*, и эта соціальная схема была наполнена и тамъ, и здѣсь однороднымъ соціальнымъ содержаніемъ.

Какъ и у германцевъ эпохи Тацита, и у англо-саксовъ *простые свободные*, *кэрлы* (*ceorls*), составляли основу и общественнаго, и политическаго строя. Полноправные члены сельскихъ общинъ, они были въ то же время и полноправными гражданами государства. Общинный надѣлъ кэрла (*гайда*, *hide*) являлся базисомъ его хозяйственнаго, соціальнаго и политическаго положенія: на немъ зиждилось благосостояніе кэрла, примѣнительно къ нему опредѣлялся его вергельдъ, равный 200 шиллинговъ; онъ же обезпечивалъ кэрлу возможность несенія натуральныхъ государственныхъ повинностей (такъ называемой trinoda necessitas, судебной повинности и др.) и уплаты выкуповъ и штрафовъ по судебному приговору, а также дѣлалъ для него возможнымъ брать подъ свое частное покровительство (*mundium*) тѣхъ, кто къ нему прибѣгалъ. Этотъ надѣлъ, какъ и у свободнаго германца тацитовской эпохи, состоялъ изъ усадьбы, пахотной земли и общинныхъ угодій (пастбищъ, лѣсовъ, луговъ и т. п.). Какъ и во времена Тацита, пахотный участокъ кэрла представлялъ собою совокупность полосъ, разбросанныхъ по всѣмъ полямъ общины вперемежку съ полосами остальныхъ общинниковъ, но уже сталъ семейной собственностью кэрла, наравнѣ съ его усадьбой, что не освобождало, однако, его владѣльца отъ обязанности попрежнему подчиняться принудительному сѣвообороту и другимъ общиннымъ распорядкамъ; размѣръ участка опредѣлялся въ среднемъ въ *120* акровъ, фактическая же его величина опредѣлялась физическими и всякими иными фактическими условіями каждой данной мѣстности. Если мы прибавимъ, что кэрлъ имѣлъ право давать на судѣ очистительную присягу въ качествѣ соприсяжника, и что всякое нарушеніе его правъ и всякая обида, ему нанесенная, влекла за собою матеріальное возмѣщеніе въ пользу его и его рода со стороны обидчика и его рода, то этимъ будетъ исчер-

пано все существенное, что можно сказать, характеризуя положеніе основной соціальной категоріи англо-саксонскаго общества въ начальный періодъ англо-саксонской исторіи.

Въ *знатныхъ* англо-саксонскаго общества, въ *эрлахъ* (*earls*), мы имѣемъ полное основаніе видѣть такую же родовую знать, какъ и въ *nobiles* древне-германскаго общества, какимъ рисуетъ его намъ Тацитъ, и едва ли мы будемъ слишкомъ далеки отъ истины, если все то, что мы говорили, характеризуя хозяйственное и соціальное положеніе высшаго сословія древне-германскаго общества и его политическую роль, мы найдемъ примѣнимымъ и къ англо-саксонскимъ эрламъ, по крайней мѣрѣ въ первые вѣка послѣ завоеванія Британіи. Источники немного намъ даютъ для характеристики эрловъ, сообщая лишь о вергельдахъ эрловъ и о другихъ судебныхъ взысканіяхъ, на которыя имѣли право эрлы въ случаѣ нарушенія ихъ правъ. Оказывается, что первоначально вергельдъ эрла былъ втрое больше вергельда кэрла, тогда какъ судебныя взысканія за нарушеніе его правъ были лишь вдвое больше соотвѣтствующихъ взысканій за нарушеніе правъ кэрла. Но и изъ этихъ скудныхъ данныхъ мы можемъ заключить, что между знатными и простыми свободными и въ англо-саксонскомъ обществѣ, какъ и въ обществѣ древнихъ германцевъ, не легла еще глубокая пропасть, какъ ни значительны могли быть и матеріальная сила, и политическое вліяніе представителей высшаго класса. Весьма возможно, что сильное развитіе королевской власти, обусловленное фактомъ борьбы англо-саксовъ съ кельтскимъ населеніемъ Британіи, требовавшей сосредоточенія силъ, нѣсколько ограничило политическую роль эрловъ сравнительно съ ролью, какую играли въ политической жизни древне-германскаго общества самые могущественные представители его высшаго сословія, вожди дружинъ и крупные землевладѣльцы, ведшіе хозяйство руками рабовъ и полусвободныхъ; но едва ли оно могло внести сколько-нибудь существенныя измѣненія въ положеніе эрловъ со стороны хозяйственной и соціальной. Едва ли можетъ быть сомнѣніе, что и эрлы сравнительно съ кэрлами были крупные землевладѣльцы и извлекали изъ своей земли, которой они теперь владѣли на правахъ собственности, продукты съ помощью труда посаженныхъ на нее рабовъ и полусвободныхъ, лэтовъ, а также, чего не было у древнихъ германцевъ, свободныхъ безземельныхъ людей, которые уже стали появляться въ англо-саксонскомъ обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ земля стала предметомъ частной собственности, и что если они вели собственное хозяйство съ помощью рабскаго, полусвободнаго и свободнаго труда, то оно не могло быть крупнымъ хозяйствомъ и преслѣдовало чисто потребительныя цѣли, един-

ственно возможныя при господствѣ натуральнаго, замкнутаго, домашняго хозяйства. Не имѣемъ мы основаній отрицать и существованіе у самыхъ сильныхъ и богатыхъ (богатыхъ землей и трудомъ зависимыхъ отъ нихъ лично и по землѣ людей) представителей сословія эрловъ дружинъ военныхъ товарищей, жившихъ въ домѣ своего вождя и получавшихъ отъ него боевого коня и всѣ воинскіе доспѣхи; возможно, что на ряду съ дружинниками, жившими въ домѣ вождя и содержавшимися на его средства, уже стали появляться дружинники, которымъ вождь выдѣлялъ изъ своихъ земель отдѣльныя помѣстья; такъ поступали англо-саксонскіе короли, и ничто не мѣшаетъ намъ допустить, что этотъ же порядокъ сталъ развиваться и у магнатовъ.

Мало чѣмъ отличались по своему юридическому и фактическому положенію отъ древне-германскихъ литовъ и рабовъ лэты и рабы англо-саксонскіе. Что касается, въ частности, *лэтовъ* (*laets*), то они со стороны личнаго status мало чѣмъ отличались и отъ простыхъ свободныхъ, кэрловъ; какъ и эти послѣдніе, они имѣли вергельдъ (онъ только былъ меньше вергельда кэрла, равняясь 80, 60 и 40 шиллингамъ), давали клятву на судѣ въ качествѣ соприсяжниковъ и даже являлись въ ополченіе. Не имѣли только они собственной земли и сидѣли на чужой землѣ, на землѣ короля, эрловъ и кэрловъ, платили за нее оброкъ натурою и находились подъ ихъ частнымъ покровительствомъ (mundium), были кліэнтами ихъ какъ своихъ патроновъ, за что тоже несли имъ нѣкоторыя повинности. Среди лэтовъ было немало остатковъ прежняго, кельтскаго населенія.

Объ англо-саксонскихъ *рабахъ* (среди которыхъ было много покоренныхъ кельтовъ) тоже не приходится много распространяться. Какъ и древне-германскій рабъ, и рабъ англо-саксонскій (общее названіе для него—*theow*) въ глазахъ закона собственной личности не имѣлъ, не имѣлъ и закономъ признаваемыхъ родственныхъ узъ, поэтому вергельда въ собственномъ смыслѣ также не имѣлъ, и за убійство его, равно какъ и за увѣчья и за обиды, ему нанесенныя, платили его господину, а за вредъ, причиненный рабомъ третьему лицу, а равно и за убійство, имъ совершенное, отвѣчалъ его господинъ на томъ же основаніи, на какомъ онъ отвѣчалъ и за ущербъ, причиненный кому-либо его скотомъ. Но, безправный юридически, фактически и англо-саксонскій рабъ далеко не являлся лишь хозяйственнымъ орудіемъ своего господина. Общія хозяйственныя условія, всегда представляющія собою ту среду, которая онредѣляетъ ту или иную степень эксплоатаціи рабочей силы человѣка тѣми, кто имѣетъ на нее то или иное право, а также и форму этой эксплоатаціи, и здѣсь явились рѣшающимъ моментомъ. Невозможность вести

въ условіяхъ натуральнаго хозяйства крупное хозяйство-предпріятіе заставляло и англо-саксонскихъ болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ сажать рабовъ на землю, превращать ихъ въ родъ арендаторовъ, и, найди англо-саксы своего Тацита, и онъ, несомнѣнно, описалъ бы положеніе ихъ рабовъ тѣми же словами, какими описано положеніе древне-германскихъ рабовъ, и сказалъ бы, что англо-саксы «рабами пользуются не по-нашему, не распредѣляя между ними обязанности по хозяйству: у каждаго изъ нихъ есть своя усадьба и свой домашній очагъ (свои пенаты), что господинъ требуетъ съ него (раба) опредѣленное количество хлѣба, скота или одежды, какъ съ колона, и рабъ только это обязанъ исполнять». Едва ли слишкомъ большой эксплоатаціи подвергался рабъ и въ хозяйствѣ простого свободнаго, кэрла (владѣя, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, такимъ крупнымъ надѣломъ, какъ гайда въ *120* акровъ пахатной земли, кэрлъ едва ли могъ обходиться безъ рабовъ), которому (ему и его семьѣ) онъ помогалъ въ хозяйственныхъ работахъ, если тоже не сидѣлъ на отведенномъ ему кэрломъ оброчномъ участкѣ. Были и дворовые рабы у крупныхъ землевладѣльцевъ, и ихъ было немало: если у англо-саксонскихъ магнатовъ не могло вестись настоящее крупное хозяйство въ смыслѣ крупнаго производства, то въ организаціи болѣе или менѣе крупнаго потребленія они, несомнѣнно, нуждались не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ и nobiles и principes древнихъ германцевъ: все, что въ видѣ натуральнаго оброка доставляли лэты, посаженные на землю рабы и свободные арендаторы, все это свозилось во дворъ магната и здѣсь же съ великой расточительностью потреблялось семьей магната и многочисленнымъ штатомъ его военныхъ товарищей и всякихъ другихъ обитателей его дома, какъ временныхъ, такъ и постоянныхъ, и нужно было немало рукъ, чтобы организовать такое большое дѣло; такими руками и являлись руки дворовыхъ рабовъ.

Характеризуя соціальный строй древнихъ германцевъ, мы указывали на то, что въ германскомъ обществѣ эпохи Тацита еще не существовало соціальныхъ группъ, которыя можно бы было подвести подъ категоріи экономически властвующихъ и экономически зависимыхъ общественныхъ классовъ, несмотря на то, что въ немъ уже были налицо богатые и знатные, свободные и рабы, и основную причину этого мы видѣли въ томъ, что пахотная земля еще не стала предметомъ частной собственности, и ея хватало еще всѣмъ, кто хотѣлъ ее обрабатывать, собственными ли руками, или руками лично зависимыхъ отъ него людей, имѣя въ виду чисто потребительныя цѣли, единственно возможныя въ условіяхъ господствовавшаго тогда натуральнаго хозяйства. Здѣсь еще всѣ факторы

производства находились въ рукахъ производителя: и земля, и орудія производства, и трудъ, какъ его собственный, такъ и лично зависимыхъ отъ него людей, и благодаря этому въ хозяйственномъ отношеніи онъ былъ совершенно независимъ. Обиліе пахатной земли и отсутствіе права частной собственности на нее дѣлали невозможнымъ разъединеніе этихъ факторовъ и распредѣленіе ихъ между экономическими классами, обладающими каждый какимъ-либо однимъ изъ этихъ факторовъ и въ силу этого въ хозяйственномъ отношеніи несамостоятельными. Если и были въ древне-германскомъ обществѣ люди сравнительно многоземельные, то людей безземельныхъ—разумѣемъ безземельныхъ полноправныхъ гражданъ германскаго государства—,принужденныхъ брать землю у людей многоземельныхъ и благодаря этому попадавшихъ въ экономическую къ нимъ зависимость, въ немъ не было и не могло быть. Благодаря указаннымъ причинамъ скопленіе въ однихъ рукахъ нѣсколькихъ надѣловъ не могло имѣть въ древне-германскомъ обществѣ времени Тацита вредныхъ соціальныхъ послѣдствій и не могло оказаться факторомъ важныхъ соціальныхъ и политическихъ перемѣнъ, неизбѣжно наступающихъ въ обществѣ при другихъ хозяйственныхъ условіяхъ.

Сравнительно съ соціальной картиной древне-германскаго общества, какой она рисуется намъ въ описаніи Тацита, соціальный строй англо-саксовъ уже въ ранній періодъ англо-саксонской исторіи какъ разъ съ только что разсмотрѣнной стороны представляетъ весьма существенное отличіе: земля у англо-саксовъ уже стала предметомъ частной собственности, и этимъ открылась возможность для возникновенія и развитія и тѣхъ соціальныхъ явленій, для которыхъ не было мѣста въ германскомъ обществѣ тацитовской поры. На ряду съ людьми многоземельными стали появляться люди малоземельные и люди вовсе безземельные, принужденные брать землю у многоземельныхъ и становиться въ зависимыя отношенія къ нимъ. Земля стала источникомъ власти, соціальнаго преобладанія. Крупное землевладѣніе, представлявшее собою въ древне-германскомъ обществѣ фактъ соціально индифферентный, въ обществѣ англо-саксонскомъ уже начинаетъ проявлять свои соціальныя послѣдствія, начинаетъ становиться крупной соціальной силой.

Мы съ особенной настойчивостью указываемъ на непосредственное соціальное значеніе крупнаго землевладѣнія какъ источника власти надъ людьми, прежде всего надъ людьми, собственной земли не имѣвшими, потому что именно это значеніе имѣло крупное землевладѣніе не только у англосаксовъ, но и во всѣхъ другихъ средневѣковыхъ государствахъ. Господство въ средневѣковыхъ

обществахъ натуральнаго хозяйства дѣлало невозможнымъ, какъ это было и у другихъ германцевъ, возникновеніе у нихъ крупнаго хозяйства-предпріятія. Развитіе крупнаго землевладѣнія въ обществахъ средневѣковой Европы не вносило, слѣдовательно, никакихъ существенныхъ перемѣнъ въ ихъ хозяйственную жизнь, и по существу не хозяйственными въ строгомъ смыслѣ слова интересами оно вызывалось. Стремленіе къ расширенію земельныхъ владѣній въ средневѣковыхъ обществахъ преслѣдовало не хозяйственныя прежде всего цѣли, но являлось стремленіемъ къ власти надъ людьми, прежде всего надъ людьми, сидѣвшими на землѣ, и къ обусловленному этой властью соціальному и политическому преобладанію. Развитіе крупнаго землевладѣнія въ обществахъ средневѣковой Европы было явленіемъ не столько экономическимъ, сколько соціальнымъ и политическимъ. Политическимъ явленіемъ оно было въ двухъ отношеніяхъ: и тѣмъ, что соціально сильный крупный землевладѣлецъ естественно становился крупной политической силой, вершителемъ политическихъ судебъ общества, а также и въ томъ смыслѣ, что развитіе крупнаго землевладѣнія въ средневѣковыхъ обществахъ, какъ скоро увидимъ, въ весьма большой мѣрѣ явилось результатомъ натурально-хозяйственнаго способа удовлетворенія государствомъ основныхъ своихъ потребностей, приведшаго именно къ такому результату послѣ того, какъ несеніе натуральныхъ государственныхъ повинностей оказалось уже не по силамъ всей свободной массѣ и стало обязанностью особаго профессіональнаго военнаго класса, постепенно выдѣлившагося изъ этой массы. Мы и перейдемъ теперь къ изученію эволюціи англо-саксонскаго общества, къ изученію тѣхъ перемѣнъ, которыя уже сравнительно рано стали въ немъ развиваться и среди которыхъ только что указанный фактъ занималъ одно изъ самыхъ центральныхъ мѣстъ.

IV.

И перейдя къ широкимъ формамъ политическаго существованія, къ жизни сравнительно большими государствами, даже объединившись подъ властью королей уэссекской династіи, англо-саксы продолжали удовлетворять свои основныя государственныя потребности все тѣмъ же способомъ, какимъ они удовлетворяли ихъ, живя еще мелкими политическими соединеніями, знакомыми намъ изъ Тацита племенными государствами, т.-е. путемъ отбыванія каждымъ свободнымъ англо-саксомъ лежавшихъ на немъ натуральныхъ государственныхъ повинностей и прежде всего повинности военной. А между тѣмъ внутри общества, въ тѣсной связи съ расширеніемъ его

политическихъ рамокъ, совершался рядъ серьезнѣйшихъ соціальныхъ перемѣнъ, дѣлавшихъ все болѣе и болѣе невозможныхъ такой способъ разрѣшенія государствомъ своихъ основныхъ задачъ, тѣмъ болѣе, что и сами эти задачи становились все сложнѣе и сложнѣе и требовали отъ свободной массы гораздо больше жертвъ, чѣмъ прежде. Государству пришлось по необходимости перейти къ инымъ способамъ разрѣшенія своихъ задачъ, болѣе соотвѣтствовавшимъ измѣнившимся общимъ политическимъ и соціальнымъ условіямъ, и этимъ съ своей стороны въ сильнѣйшей мѣрѣ способствовать развитію въ обществѣ глубокихъ соціальныхъ и политическихъ перемѣнъ.

Естественный ростъ населенія, помимо всякихъ другихъ причинъ, велъ къ тому, что надѣлъ средняго англо-сакса, простого свободнаго, кэрла, постепенно уменьшался, и изъ владѣльца *гайды*, общиннаго надѣла въ 120 приблизительно акровъ земли, дававшаго ему средства для несенія военной и другихъ натуральныхъ государственныхъ повинностей, кэрлъ превращался въ собственника *виргаты* (равной четвертой части гайды), *бовагы* ($^1/_2$ виргаты) и еще болѣе мелкихъ участковъ, превращавшихъ его въ крестьянина, принужденнаго отдавать всю свою энергію своему хозяйству и лишеннаго средствъ и возможности отправляться въ отдаленные и продолжительные походы; самое большее, что могло требовать отъ него государство, это встать на защиту своего ближайшаго округа, когда ему грозило вражеское нашествіе.

Но къ тому же результату вели и другія причины, не только уменьшавшія первоначальный надѣлъ кэрла, но нерѣдко и вовсе обезземеливавшія его. Несомнѣнно, поскольку отъ кэрла требовали несенія самой тяжелой изъ его государственныхъ натуральныхъ повинностей, участія въ ополченіи (fyrd), въ особенности, когда требованіе это предъявлялось къ нему часто, какъ это бывало въ эпоху борьбы между отдѣльными англо-саксонскими государствами и во время борьбы съ датчанами, это не могло не отражаться на его хозяйствѣ, отрывая отъ хозяйства рабочія руки и приводя его въ разстройство и дѣлая его землю жертвой успѣшныхъ посягательствъ со стороны сильнаго сосѣда, не говоря уже о томъ, что она очень легко могла стать непосредственной жертвой случайностей, которыми такъ изобилуетъ всякая война. Въ томъ же направленіи дѣйствовала господствовавшая у англо-саксовъ, какъ и въ другихъ варварскихъ королевствахъ, система выкуповъ и судебныхъ штрафовъ, нерѣдко ведшая къ полному разоренію правонарушителя и къ матеріальному подрыву его родственниковъ, помогавшихъ ему въ уплатѣ этихъ страшно тяжелыхъ судебныхъ взысканій. Не малую роль въ этомъ процессѣ должно было играть и прямое насиліе, не встрѣ-

чавшее въ этомъ обществѣ серьезныхъ преградъ, въ особенности, когда къ нему прибѣгали сильные и власть имущіе. Наконецъ, не слѣдуетъ упускать при этомъ изъ вида и такой фактъ, какъ отсутствіе въ свободной сельской общинѣ англо-саксовъ, какъ и другихъ германскихъ племенъ той эпохи (въ позднѣйшую эпоху, въ эпоху зависимой общины было иначе), юридическихъ препятствій для дробленія надѣловъ, перехода ихъ изъ рукъ въ руки и скопленія нѣсколькихъ надѣловъ въ однихъ рукахъ на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ.

Въ результатѣ всего этого основная масса англо-саксонскаго общества изъ владѣльцевъ гайдъ превратилась постепенно въ крестьянскую массу, одна часть которой сидѣла на четвертяхъ прежнихъ надѣловъ, другая—на еще болѣе мелкихъ участкахъ, а третья и вовсе оказалась обезземеленной. И владѣльцы виргатъ, и владѣльцы болѣе мелкихъ участковъ, не говоря уже о людяхъ вовсе безземельныхъ, всѣ они уже не могли нести натуральныхъ государственныхъ повинностей—и прежде всего военной повинности—,которыя были по силамъ владѣльцамъ гайдъ, да и то лишь въ первое время, пока съ расширеніемъ политическихъ рамокъ общества и для нихъ повинности эти не стали слишкомъ тяжелы и разорительны. А между тѣмъ потребность государства въ сильной и крѣпкой военной организаціи не только не слабѣла, но все болѣе усиливалась, въ особенности, когда пришлось вести хроническую борьбу съ датскими набѣгами, требовавшую къ тому же не только постоянно готоваго къ отпору войска, но и войска, обученнаго всѣмъ пріемамъ сравнительно развитого военнаго искусства и соотвѣтствующимъ образомъ вооруженнаго. Передъ государствомъ жизнь поставила такимъ образомъ серьезнѣйшую проблему, отъ разрѣшенія которой зависѣло самое его существованіе.

Но это была не единственная проблема, которую ему предстояло разрѣшить.

Давая характеристику англо-саксонской государственности, мы упустили въ ней одну черту, на которую теперь считаемъ необходимымъ обратить серьезное вниманіе. Какъ и въ государствахъ древнихъ германцевъ, и у англо-саксовъ описанная нами выше государственная организація могла болѣе или менѣе правильно функціонировать лишь при наличности родовыхъ союзовъ, являвшихся необходимымъ подспорьемъ государственной власти въ ея стремленіи обезпечить внутренній миръ, охранять право и законъ. Родовой союзъ (у англо-саксовъ онъ назывался the maegth) и защищалъ индивидуума, и отвѣчалъ за его поведеніе и тѣмъ облегчалъ государству его задачу. Но родовая организація уже и въ началѣ англо-

саксонской исторіи была сильно расшатанной и чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше разлагалась, чему въ сильнѣйшей мѣрѣ способствовало переселеніе англовъ, саксовъ, ютовъ и фризовъ въ Британію небольшими группами, почти трехсотлѣтняя упорная борьба ихъ съ бриттами, смѣшеніе этихъ племенъ другъ съ другомъ и съ побѣжденнымъ населеніемъ. Не исчезнувъ окончательно, родовая организація являлась уже лишь тѣнью прошлаго и уже не могла оказывать государству прежняго содѣйствія въ охранѣ внутренняго мира. Благодаря этому общество—и прежде всего его основная масса, простые свободные, которые, какъ мы видѣли, изъ обезпеченныхъ крупнымъ земельнымъ надѣломъ (гайдой въ 120 акровъ) воиновъ постепенно превращались въ крестьянскую массу, среди которой число малоземельныхъ и вовсе безземельныхъ все увеличивалось,—лишилось одного изъ самыхъ существенныхъ условій общественнаго существованія, общественной безопасности, и само должно было искать средствъ обезпечить себѣ то, чего не могло обезпечить ему государство. Однимъ изъ такихъ средствъ явилось образованіе въ обществѣ добровольныхъ ассоціацій, которыя и должны были взять на себя ту задачу, которую исполняли прежде родовые союзы, т.-е. защиту жизни и имущества входящихъ въ нихъ. Это были такъ называемыя *гильды* (guilds), возникавшія среди самыхъ различныхъ слоевъ англо-саксонскаго общества.

Но это было не единственное средство. Процессъ обезземеленья массы, поскольку онъ совершался въ англо-саксонскомъ обществѣ, былъ обратной стороной процесса образованія въ немъ крупнаго землевладѣнія. Но едва ли обезземеленье массы являлось главнымъ источникомъ роста крупнаго землевладѣнія у англо-саксовъ. Не говоря уже о томъ, что крупное землевладѣніе является изначальнымъ фактомъ соціальной исторіи англо-саксовъ, какъ и соціальной исторіи древнихъ германцевъ, дѣлившихъ землю secundum dignationem, съ той лишь разницей, что англо-саксонскіе эрлы владѣли своими помѣстьями на правѣ частной собственности, между тѣмъ какъ древне-германскіе nobiles брали сравнительно большіе участки лишь во временное пользованіе, однимъ изъ главныхъ источниковъ уже сравнительно ранняго развитія у англо-саксовъ крупнаго землевладѣнія были королевскія пожалованія. Англо-саксонскіе короли располагали, въ особенности послѣ объединенія Англіи подъ властью уэссекской династіи, большимъ земельнымъ фондомъ и щедрою рукою раздавали эти земли, какъ заселенныя, такъ и незаселенныя еще, своимъ дружинникамъ въ обезпеченіе ихъ вѣрной службы, а также церквамъ и монастырямъ въ обезпеченіе ихъ усердныхъ молитвъ; не упускали они при этомъ

и чисто хозяйственныхъ цѣлей, обязывая тѣхъ, кому доставались еще невоздѣланныя пространства, хоть часть ихъ привести въ культурное состояніе, поселивъ на нихъ охочихъ людей. Щедро надѣленные королемъ дружинники и другіе магнаты съ своей стороны раздавали полученныя отъ короля земли своимъ дружинникамъ, и такимъ образомъ крупныя владѣнія становились все болѣе и болѣе распространеннымъ явленіемъ въ англо-саксонскомъ обществѣ. Раздавали крупными помѣстьями свои земли и духовные магнаты, также имѣвшіе зависимыхъ отъ нихъ людей, и тѣмъ съ своей стороны способствовали развитію въ обществѣ крупнаго землевладѣнія.

Намъ уже приходилось указывать на то, что при господствѣ въ обществѣ натуральнаго хозяйства ростъ крупнаго землевладѣнія является прежде всего, если не исключительно, соціальнымъ фактомъ, является прежде всего ростомъ соціально сильныхъ людей, но не фактомъ хозяйственнымъ, вносящимъ тѣ или иныя измѣненія въ хозяйственную жизнь общества. Хозяйственный строй англо-саксовъ не подвергся никакимъ существеннымъ перемѣнамъ отъ того, что въ англосаксонскомъ обществѣ дѣлало все большіе и большіе успѣхи крупное землевладѣніе, какъ свѣтское, такъ и церковное. Англо-саксонское общество продолжало оставаться на стадіи натуральнаго хозяйства, допускавшаго лишь узкія формы хозяйственной дѣятельности, не выходящей за предѣлы производства съ чисто потребительными цѣлями, но оно пріобрѣтало носителей соціальной силы, у которыхъ могъ найти поддержку и защиту тотъ, кто въ этой поддержкѣ и защитѣ нуждался, не находя ихъ ни у родового союза, уже безсильнаго, ни у столь же неспособнаго дать ихъ ему государства. Нуждавшійся въ землѣ находилъ у крупнаго землевладѣльца необходимую ему землю, но находилъ у него и защиту отъ насилія и произвола, къ которой могли прибѣгать и люди, имѣвшіе достаточное количество собственной земли, но не менѣе терпѣвшіе отъ отсутствія общественной безопасности. Но на него же могло разсчитывать при разрѣшеніи своихъ проблемъ и государство.

Обращаясь прежде всего къ удовлетворенію населеніемъ своей земельной нужды, укажемъ на то, что нужда эта была тѣмъ болѣе острой, что при господствѣ въ обществѣ натуральнаго земледѣльческаго хозяйства человѣкъ, выбитый изъ рамокъ аграрнаго союза, лишившійся собственнаго участка, не могъ найти никакого другого примѣненія своей рабочей силѣ, кромѣ сельскохозяйственнаго, и оставаться безъ земли для него, означало быть обреченнымъ на голодную смерть. Къ счастью для него, перспектива голодной смерти была очень далека отъ него, потому что, насколько онъ нуждался въ землѣ, настолько же почти нуждался въ немъ, въ безземель-

номъ человѣкѣ, тотъ, у кого земли было много: тѣ же общія хозяйственныя условія, которыя заставляли безземельнаго искать земли, заставляли многоземельнаго раздавать землю нуждавшимся въ ней, потому что для собственнаго хозяйства ему не нужно было много земли—имѣя возможность преслѣдовать исключительно потребительныя цѣли, оно не могло быть крупнымъ хозяйствомъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова—,и единственное, что онъ могъ сдѣлать съ остальнымъ земельнымъ своимъ фондомъ, это—раздать его участками въ арендное пользованіе людямъ или вовсе безземельнымъ, или же тѣмъ, кому было слишкомъ тѣсно на собственномъ участкѣ. И мы видимъ, что на земляхъ свѣтскихъ и духовныхъ землевладѣльцевъ, равно какъ и на домэнахъ короля, возникаютъ цѣлыя деревни наслѣдственныхъ арендаторовъ, платящихъ собственникамъ земли оброкъ продуктами своего сельскохозяйственнаго труда, а отчасти и самымъ трудомъ, организованныя на обычныхъ въ то время общинныхъ началахъ.

Становясь арендаторомъ крупнаго землевладѣльца, безземельный и малоземельный человѣкъ обыкновенно отдавалъ себя и подъ частное покровительство этого богатаго и сильнаго человѣка, подъ его *mundium* (въ англо-сакс. формѣ *mund*), *коммендировался* ему, отдавалъ себя въ его руки (in manus или manibus se commendare или tradere), становился его *человѣкомъ*, *homo*; при этомъ онъ вкладывалъ свои руки въ его руки и приносилъ ему клятву вѣрности, а тотъ бралъ на себя обязательство оказывать ему свое покровительство и защиту (*defensio*, *tuitio*), пока онъ будетъ находиться въ числѣ его *людей*. Эта *коммендація* (*commendatio*), эта отдача себя подъ частное покровительство сильнаго, дѣлала этого послѣдняго *глафордомъ* (*hlaford*, новая форма—*lord*, *лордъ*, по-латыни *dominus*) коммендировавшихся ему людей, его homines. Становясь *человѣкомъ* (homo) богатаго и сильнаго, признавъ его своимъ *глафордомъ* (лордомъ), слабый человѣкъ пріобрѣталъ въ немъ защитника и покровителя (defensor, tutor, protector, advocatus) (для этой собственно цѣли онъ и коммендировался: «pro sua defensione se commisit»), который и защищалъ своего *человѣка* на судѣ своей очистительной клятвой, и принималъ на себя вчиненный противъ него искъ, и въ случаѣ убійства своего человѣка требовалъ съ убійцы и его родственниковъ особаго выкупа въ свою пользу (помимо выкупа, слѣдуемаго роду убитаго).

Такой защитникъ и покровитель, какъ мы видѣли, былъ нуженъ далеко не однимъ нуждавшимся въ землѣ людямъ. Коммендація являлась едва ли не единственнымъ средствомъ спасенія для огромной массы всѣхъ тѣхъ, кто не былъ богатымъ и сильнымъ человѣ-

комъ, имѣвшимъ возможность дать защиту другимъ. Не находя обезпеченія своей жизни и имущества у государства, англо-саксонская масса ищетъ его подъ частной властью глафорда, и не удивительно, что коммендація и глафордаты получаютъ все болѣе и болѣе широкое распространеніе въ англо-саксонскомъ обществѣ, что центры мѣстной самостоятельности, силы и власти все умножаются въ немъ и расширяются, дробя общественный организмъ на рядъ связанныхъ съ общимъ центромъ новыхъ политическихъ тѣлъ. Если люди безземельные находили у глафорда не только защиту, но и землю, то люди, имѣвшіе собственную землю, отдавали подъ защиту и власть глафорда какъ себя, такъ и свою землю («отправлялись со своею землею къ какому хотѣли лорду») и становились не только *людьми* (homines), но и какъ бы арендаторами своего лорда, его держателями, получая свою землю обратно, но уже обремененной тѣми или иными повинностями. Иногда, впрочемъ, не одну только свою землю, но съ придачей новаго участка. Послѣдняго рода случаи были особенно часты въ коммендаціонной практикѣ церквей и монастырей. Оказывая покровительство и защиту своимъ *людямъ*, глафордъ имѣлъ право и къ нимъ предъявлять тѣ или иныя требованія, будетъ ли то взысканіе ежегодныхъ натуральныхъ или денежныхъ взносовъ, или же требованіе тѣхъ или иныхъ какъ хозяйственныхъ, такъ и нехозяйственныхъ услугъ («службъ»). Для богатаго и сильнаго человѣка, какъ и для духовной корпораціи, имѣть подъ своей частной властью возможно большее число людей, обязанныхъ служить ему своимъ трудомъ и имуществомъ, являлось необходимымъ условіемъ его силы и могущества, и въ виду этого развитіе коммендаціи было въ интересахъ какъ беззащитной массы, такъ и поднявшагося надъ нею богатаго и сильнаго меньшинства.

Но оно было и въ интересахъ государства. Въ лицѣ глафордовъ государственная власть находила естественныхъ помощниковъ своихъ въ дѣлѣ охраны общественнаго мира, въ которыхъ она такъ нуждалась съ разложеніемъ родовыхъ союзовъ, и ей оставалось только дать коммендаціи и создаваемымъ ею отношеніямъ частной власти и частнаго подчиненія санкцію закона и съ своей стороны способствовать развитію этихъ отношеній и въ то же время сдѣлать ихъ возможно болѣе приспособленными къ служенію интересамъ общественной безопасности.

Уже въ Правдѣ уэссекскаго короля Ine (около 690 г.) мы находимъ такое постановленіе (cap. 39): «Если кто уйдетъ отъ своего лорда безъ его позволенія или тайно убѣжитъ въ другое графство и будетъ найденъ, пусть онъ возвращается туда, гдѣ былъ прежде, и заплатитъ своему лорду 60 шиллинговъ». Въ этомъ же

законодательномъ памятникѣ мы читаемъ о выкупѣ (manbot), который получалъ глафордъ въ случаѣ убійства коммендировавшагося ему человѣка отъ убійцы и его родственниковъ. «Кто составляетъ заговоръ на жизнь своего лорда,—гласитъ 4-ый параграфъ Правды короля Альфреда (около 890 г),—пусть жизнь его и все, что онъ имѣетъ, принадлежатъ лорду» [1]).

Особенно богата постановленіями относительно коммендаціи и частной власти глафорда Правда короля Ательстана (около 930 г.). Глафорду она запрещаетъ брать подъ свое частное покровительство людей, уже находящихся подъ покровительствомъ другого глафорда, если этотъ послѣдній не дастъ на это своего согласія («...ne quis recipiat alterius hominem sine licentia eius cui ante folgavit, nec intra mercam nec extra»). Запрещаетъ она глафорду и отказывать въ покровительствѣ и защитѣ коммендировавшемуся ему свободному человѣку, пока тотъ добросовѣстно исполняетъ въ отношеніи къ нему свои обязанности («et etiam ne dominus libero homini hlafordsoknam interdicat, si eum recte custodierit»). За всѣхъ своихъ *людей* глафордъ ручается, что они не будутъ виновны въ кражѣ («...ut omnis homo teneat homines suos in fideiussione sua contra omne furtum»). Если же этихъ находящихся подъ его частной властью людей у него такъ много, что онъ не можетъ лично услѣдить за ихъ поведеніемъ, то онъ обязанъ поставить въ каждой деревнѣ старосту, вѣрнаго человѣка, который бы бралъ на себя поручительство за крестьянъ этой деревни («si tunc sit aliquis qui tot homines habeat quod non sufficiat omnes custodire, praeponat sibi singulis villis praepositum unum, qui credibilis sit ei, et qui concredat hominibus») [2]). Мы видимъ, такимъ образомъ, цѣлыя деревни, находящіяся подъ частною властью сильнаго человѣка.

Государство совершенно не можетъ обходиться безъ помощи частной власти и въ одномъ изъ пунктовъ только что приведеннаго закона короля Ательстана вполнѣ откровенно въ этомъ сознается и въ виду этого *заставляетъ* тѣхъ, кто не находится подъ частной властью, отдать себя подъ ея покровительство и защиту. «И мы постановляемъ,—гласитъ этотъ пунктъ,—относительно тѣхъ не имѣющихъ глафордовъ людей, въ отношеніи къ которымъ не можетъ быть примѣненъ законъ, чтобы родственникамъ такого человѣка повелѣно было найти ему лорда» [3]). Законъ короля Эдмунда (около 943 г.) считаетъ необходимымъ съ своей стороны напомнить

---

[1]) Stubbs. *Select Charters*. Eighth edition, 63.

[2]) Stubs. *Select Charters*. Eighth edition, 66.

[3]) Ibid., 66.

глафордамъ объ ихъ отвѣтственности за поведеніе тѣхъ, кто находится подъ ихъ частною властью, постановляя, что «всякій человѣкъ отвѣчаетъ за своихъ людей и за всѣхъ, кто находится въ его мирѣ (т.-е. подъ его частной властью) и на его землѣ («et omnis homo credibiles faciat homines suos et omnes qui in pace et terra sua sunt») [1]).

До какой степени широко распространеннымъ и глубоко проникшимъ въ жизнь англо-саксонскаго общества явленіемъ была уже къ этому времени (къ половинѣ X-го вѣка) частная власть, показываетъ одинъ изъ параграфовъ сейчасъ цитированнаго закона короля Эдмунда, вводящій обязательную для всѣхъ присягу на вѣрность королю: всѣ обязаны поклясться, что будутъ вѣрны королю, «какъ *чѣловѣкъ* долженъ быть вѣренъ своему глафорду..., любя то, что онъ будетъ любить, не желая того, чего онъ не будетъ желать (sicut homo debet esse fidelis domino suo in amando quod amabit, nolendo quod nolet)» [2]). Насъ не должно удивлять здѣсь, что королевская власть трактуетъ себя въ терминахъ частной власти: и самъ король понималъ свою власть какъ частную власть, дававшую ему возможность осуществлять въ отношеніи къ обществу, во главѣ котораго онъ стоялъ, прежде всего свои частно-правовые и частно-хозяйственные (фискальные) интересы, и общество видѣло въ немъ прежде всего самаго сильнаго въ частномъ смыслѣ человѣка, болѣе всякаго другого глафорда способнаго оградить своимъ частнымъ покровительствомъ отъ царившаго въ обществѣ насилія и произвола того, кто имѣлъ возможность къ нему прибѣгнуть.

Возложивъ на глафордовъ отвѣтственность за поведеніе находившихся подъ ихъ частной властью людей, государство создало изъ глафордовъ свои полицейскіе органы. Такъ было на первыхъ порахъ, когда отвѣтственность глафордовъ выражалась лишь въ томъ, что они обязаны были представлять своихъ людей въ судъ сотеннаго собранія, если они совершали то или иное правонарушеніе и превлекались къ суду, и при этомъ часть судебныхъ взысканій шла въ пользу сотни, а часть получалъ глафордъ. Возможно, что у глафорда были и собственныя средства воздѣйствія на своихъ людей въ интересахъ общественнаго мира; но во всякомъ случаѣ они не выводили глафорда за предѣлы его чисто полицейской компетенціи и не дѣлали его обладателемъ юрисдикціи, судебной власти. Но сравнительно рано глафорды получили и эту власть и вмѣсто того, чтобы помогать сотнѣ въ дѣлѣ возстановленія нарушенныхъ правъ,

---

[1]) Ibid., 67.
[2]) Ibid., 67.

сами стали вѣдать разборъ дѣлъ, возникавшихъ среди находившихся подъ ихъ частной властью людей.

И это не было съ ихъ стороны узурпаціей, незаконнымъ захватомъ принадлежавшихъ государственной власти правъ: сама государственная власть передала глафордамъ юрисдикцію надъ ихъ *людьми,* не усматривая ничего противогосударственнаго въ перенесеніи на глафордовъ всей совокупности судебныхъ правъ въ отношеніи къ находившимся подъ ихъ частной властью людямъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимались тогда судебныя права, когда въ роли судей являлось само населеніе или его представители, а тотъ, кому принадлежало право юрисдикціи, лишь предсѣдательствовалъ на судебномъ собраніи (лично или черезъ своего замѣстителя), произносилъ вынесенный собраніемъ приговоръ и получалъ въ свою пользу ту или иную часть судебныхъ взысканій. Именно эти судебные доходы и дѣлали цѣннымъ право юрисдикціи. А между тѣмъ, еще и не обладая правомъ юрисдикціи въ отношеніи къ находившимся подъ ихъ частной властью людямъ и лишь обязанные представлять ихъ на судъ сотеннаго собранія, если они совершали то или иное правонарушеніе, глафорды, какъ мы видѣли, уже и тогда получали въ свою пользу часть судебныхъ взысканій. А въ такомъ случаѣ, разъ судебные доходы и безъ того уже поступали не королю, а частному лицу, для короля уже было совершенно безразлично, гдѣ и подъ чьимъ предсѣдательствомъ происходило судебное собраніе, разбиравшее судебныя дѣла находившихся подъ частной властью людей,—въ сотенномъ ли собраніи и подъ предсѣдательствомъ его собственнаго агента, представителя его королевской власти, или же во владѣніяхъ глафорда и подъ предсѣдательствомъ самого глафорда или его управляющаго. Право глафорда имѣть свою курію для разбора дѣлъ, возникавшихъ среди его *людей*, было скорѣе фискальнымъ правомъ, чѣмъ правомъ юрисдикціи въ собственномъ смыслѣ, такимъ же фискальнымъ правомъ, какъ и право королевской юрисдикціи. Возникновеніе частной власти глафорда, какъ и возникновеніе королевской власти, не вносило, повторяемъ, существенныхъ перемѣнъ въ дѣло отправленія правосудія въ англо-саксонскомъ обществѣ: и въ томъ, и въ другомъ случаѣ судъ попрежнему оставался судомъ народнымъ, и отправленіе правосудія продолжало оставаться натуральной государственной повинностью, лежавшей на мѣстномъ населеніи.

Санкціонированіемъ добровольной коммендаціи и созданіемъ коммендаціи принудительной не ограничилась государственная власть, стремясь облегчить непосильное для нея бремя обезпеченія внутренняго мира. Она не остановилась на передачѣ глафордамъ сначала

чисто полицейскихъ полномочій, а потомъ и юрисдикціи въ отношеніи къ добровольно или по принужденію сверху коммендировавшихся имъ людямъ. На ряду съ этимъ англо-саксонскіе короли щедрою рукою раздавали судебныя права (въ разъясненномъ смыслѣ), такъ называемую *еоку* (*sac and soc* или въ латинской формѣ *saca et soca* или просто *soca*), частнымъ лицамъ и духовнымъ корпораціямъ и въ отношеніи къ людямъ, большею частью къ цѣлымъ деревнямъ и даже округамъ, до тѣхъ поръ не находившимся подъ ихъ частной властью. Вмѣстѣ съ правомъ юрисдикціи короли обыкновенно передавали въ этихъ случаяхъ частнымъ лицамъ и духовнымъ корпораціямъ и другія свои фискальныя права въ отношеніи къ данной деревнѣ или данному округу, какъ право на *фирмы*, а также на рыночныя и торговыя пошлины, распоряжаясь ими какъ своимъ частнымъ достояніемъ, и въ результатѣ цѣлый рядъ мѣстностей въ королевствѣ, иногда представлявшихъ собою цѣлые округа, оказывался совершенно изъятымъ изъ-подъ власти общегосударственныхъ учрежденій, всецѣло находясь подъ частной властью тѣхъ или иныхъ лицъ или духовныхъ корпорацій, совершенно замѣнявшихъ здѣсь своими агентами королевскихъ чиновниковъ, которымъ здѣсь рѣшительно нечего было дѣлать послѣ того, какъ все, къ чему они должны были прикладывать свои руки, всецѣло перешло въ частныя руки. Всѣ эти права и частныя лица, и духовныя корпораціи получали отъ королей формулированными въ особыхъ грамотахъ (bóc или book), скрѣпленныхъ подписями членовъ утенагемота. Совокупность всѣхъ этихъ правъ представляла собою то, что на языкѣ континентальнаго права называлось *иммунитетомъ*, который и тамъ жаловался королями посредствомъ особой грамоты, носившей названіе *carta immunitatis*. У англо-саксонъ грамота эта называлась *freols-bóc*.

Но, выдавая частному лицу или духовной корпораціи иммунитетную грамоту на тотъ или иной округъ, король, какъ общее правило, не освобождалъ этого округа отъ такъ называемой «тройной повинности», trinoda necessitas, состоявшей, какъ мы знаемъ, изъ обязанности живущихъ на территоріи этого округа, какъ и всѣхъ другихъ округовъ, свободныхъ англо-саксовъ отправляться въ походъ и чинить мосты и укрѣпленія. «И пусть будетъ эта земля— читаемъ мы въ одной изъ такихъ грамотъ, выданной монастырю,— свободна отъ всѣхъ свѣтскихъ повинностей кромѣ починки мостовъ и укрѣпленій и общаго похода на врага (sit autem illa terra libera ab omni saecularis rei negotio, praeter pontis, arcisve restaurationem et contra hostes communem expeditionem)».

И это понятно: если бы король освобождалъ иммунитетный

округъ и отъ военной повинности, то этимъ онъ наносилъ бы серьезный ущербъ интересамъ общественнаго цѣлаго, сокращая его военные рессурсы, необходимые для его защиты, между тѣмъ, какъ передавая въ частныя руки юрисдикцію, право на «фирмы» и на торговыя и рыночныя пошлины, онъ этимъ непосредственно ничего по существу не измѣнялъ въ общественномъ порядкѣ, а лишь уступалъ другимъ свои фискальныя права, которыя представляли собою его частное имущество, находившееся въ его полномъ распоряженіи [1]). Ничего не измѣнялъ онъ при этомъ и въ частноправовомъ и хозяйственномъ строѣ населенія даннаго округа: и хозяйство, и владѣніе жившихъ на территоріи даннаго округа людей оставалось и послѣ этого, первое во всякомъ случаѣ время, такимъ же, какимъ оно было до перехода округа изъ-подъ непосредственной власти короля, какъ главы государства, подъ частную власть. Разница съ прежнимъ, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, заключалась лишь въ томъ, что всѣ поступленія, шедшія королю, какъ главѣ государства, какъ обладателю политическаго верховенства, получалъ теперь уже не король, а владѣлецъ иммунитета, замѣщавшій своими агентами королевскихъ чиновниковъ во всѣхъ тѣхъ функціяхъ, какія они отправляли въ народныхъ учрежденіяхъ даннаго округа. А населеніе округа попрежнему продолжало владѣть своею землею на тѣхъ же правахъ, на какихъ оно владѣло ею до перехода округа подъ частную власть.

Раздача англо-саксонскими королями иммунитетовъ, имѣя въ виду интересы внутренняго мира, обезпечить которые сама государственная власть не была въ состояніи, еще болѣе имѣла въ виду интересы внѣшняго мира, обезпеченіе страны достаточной для ея охраны отъ внѣшней опасности военной силой. Мы возвращаемся, такимъ образомъ, къ вопросу, уже подготовленному нами въ предшествующемъ изложеніи. Мы уже видѣли, какую серьезную проблему поставила передъ англо-саксонскомъ государствомъ постепенно усложнявшаяся жизнь, когда основная масса англо-саксонскаго общества благодаря цѣлому ряду причинъ постепенно превратилась въ крестьянскую массу, сидѣвшую на небольшихъ участкахъ собственной и взятой въ аренду земли, уже отвыкнувшую отъ военнаго дѣла и уже неспособную нести военную повинность и во вся-

---

[1]) Очень характерны въ этомъ отношеніи слова декрета короля Aethelbald'a (749 г.): „Concedo ut monasteria et aecclesiae a publicis vectigalibus et ab omnibus operibus oneribusque, auctore Deo, servientes absoluti maneant, *nisi sola quae communiter fruenda sunt, omnique populo, edicto regis, facienda iubentur*, id est, instructionibus pontium, vel necessariis defensionibus arcium contra hostes, non sunt renuenda". Maitland (F. W.). *Domesday Book and Beyond*, 1907, p. 271 n. 2.

комъ случаѣ не имѣвшую ни средствъ, ни навыка для того, чтобы, являясь въ ополченіе, создавать изъ него серьезную военную силу, годную для усложнившихся надобностей военнаго дѣла, уже требовавшаго и профессіональной выучки, и сравнительно дорого стоившаго вооруженія. Проблема эта во всемъ своемъ грозномъ значеніи стала передъ англо-саксонскимъ государствомъ особенно тогда, когда ему пришлось вести хроническую войну съ датчанами, и разрѣшеніе ея стало особенно настоятельнымъ. На смѣну народному ополченію (fyrd) должно было выступить ополченіе изъ профессіональныхъ воиновъ, и государство должно было пустить въ ходъ всѣ свои рессурсы, чтобы создать эту новую военную силу, безъ которой ему грозила неминуемая гибель.

Уже въ государствахъ древнихъ германцевъ на ряду съ народнымъ ополченіемъ существовали и профессіональные воины. Мы имѣемъ въ виду членовъ дружинъ, которыя содержали самые богатые и знатные германцы, германскіе князья и короли. Дружины были и у англо-саксонскихъ эрловъ, элдормэновъ и королей и являлись серьезной опорой ихъ могущества и власти. Если у древнихъ германцевъ военные товарищи жили въ домѣ своего вождя, то *gesith*'ы англо-саксонскаго короля, элдормэна или эрла, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше являются уже въ видѣ землевладѣльцевъ, надѣленныхъ своими вождями болѣе или менѣе крупными земельными участками, которые и обезпечивали имъ возможность посвящать себя исключительно военному дѣлу и являться по требованію своего вождя на конѣ и въ полномъ вооруженіи и въ сопровожденіи своихъ военныхъ слугъ. Уже съ момента утвержденія англо-саксовъ на британской почвѣ, не говоря уже объ эпохѣ борьбы съ бриттами, дружины королей, элдормэновъ и эрловъ и другихъ могущественныхъ людей играли весьма серьезную роль въ дѣлѣ военной обороны страны, являясь весьма существеннымъ подкрѣпленіемъ народнаго войска, и, чѣмъ дальше, тѣмъ эта роль становилась все болѣе и болѣе значительной по мѣрѣ того, какъ народная масса въ силу приведенныхъ выше причинъ оказывалась все менѣе и менѣе способной представлять собою достаточную и удовлетворяющую все болѣе и болѣе сложнымъ и тяжелымъ требованіямъ военную силу. Въ дѣлѣ военной обороны страны центръ тяжести все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе перемѣщался съ народнаго ополченія (fyrd) на отряды профессіональныхъ воиновъ, и государственной власти оставалось лишь увеличивать ихъ контингенты съ помощью тѣхъ средствъ, какія имѣлись въ ея распоряженіи.

А средства эти были все тѣ же, съ помощью которыхъ и короли, и магнаты обезпечивали себѣ службу своихъ военныхъ това-

рищей, своихъ *гезитовъ и тэновъ*. Прежде всего это были земельныя выдачи. У англо-саксонскихъ королей, въ особенности послѣ объединенія Англіи подъ властью королей уэссекской династіи, были большіе домэны, состоявшіе какъ изъ земель, приведенныхъ въ культурное состояніи и населенныхъ рабами, полусвободными и свободными съемщиками, такъ и изъ пустошей, еще ждавшихъ приложенія къ нимъ человѣческихъ рукъ, и они въ большомъ количествѣ раздавали и тѣ, и другія свои земельныя богатства и отдѣльнымъ частнымъ лицамъ, и духовнымъ корпораціямъ, обязывая первыхъ лично являться съ вооруженными отрядами, чтобы отправляться въ походъ съ королемъ, а вторыя поставлять во время войны то или иное число вооруженныхъ и обученныхъ военному дѣлу людей.

Но не однѣ земли раздавали англо-саксонскіе короли въ видѣ *бенефиціевъ* (beneficium), какъ назывались такія земельныя выдачи на условіи воинской службы на континентѣ. Если земельный фондъ короля являлся его недвижимостью, то принадлежавшіе ему, какъ главѣ государства, верховныя права на юрисдикцію, на «фирмы», на рыночные и торговые сборы представляли собою его движимую собственность, и этимъ движимымъ капиталомъ онъ распоряжался, пожалуй, еще болѣе свободно, чѣмъ недвижимымъ, и, въ частности, могъ давать ему то же назначеніе, что и этому послѣднему. И мы видимъ, что чѣмъ дальше, тѣмъ все чаще и чаще англо-саксонскіе короли раздаютъ иммунитеты въ видѣ бенефиціевъ, передаютъ цѣлые древни и округа подъ частную власть съ тѣмъ, чтобы тѣ, подъ чью частную власть эти деревни и округа передавались (будетъ ли то частное лицо или духовная корпорація), обезпеченные тѣми доходами, какіе давалъ иммунитетъ, тѣми поступленіями, какія прежде шли съ этихъ деревень и этихъ округовъ королю, а теперь переходили въ руки получившаго иммунитетную грамоту, во время войны выставляли опредѣленные контингенты вооруженныхъ и обученныхъ военному дѣлу людей.

Но не одни получившіе отъ короля бенефиціи, какъ въ формѣ земельныхъ пожалованій, такъ и въ формѣ иммунитетовъ, обязаны были являться на войну и приводить съ собою отряды вооруженныхъ людей. И независимо отъ королевскихъ пожалованій были въ англо-саксонскомъ обществѣ ботатые и состоятельные люди хотя бы уже потому, что процессъ обѣднѣнія и обезземеленья массы въ значительной мѣрѣ былъ въ то же время и процессомъ роста болѣе или менѣе крупнаго землевладѣнія. Считаясь съ фактомъ неспособности массы выставлять во время войны удовлетворявшую потребности военной обороны страны военную силу, правительство съ тѣмъ большей неуклонностью привлекало къ несенію военной по-

винности тѣхъ, кто былъ достаточно состоятеленъ, обезпеченъ землею и трудомъ сидѣвшихъ на его землѣ людей, чтобы въ качествѣ профессіональнаго воина являться для участія въ походѣ съ королемъ, и въ виду этого оно съ большимъ вниманіемъ относилось къ благопріятнымъ перемѣнамъ въ матеріальномъ положеніи свободныхъ и полусвободныхъ англо-саксовъ, чтобы сообразно съ этимъ зачислять ихъ въ ту или иную категорію въ качествѣ представителей военнаго класса. Съ теченіемъ времени вошло въ жизнь положеніе, что всякій, владѣвшій по крайней мѣрѣ пятью гайдами земли, обязанъ былъ по требованію короля конный и оружный отправляться въ походъ и разсматривался какъ королевскій дружинникъ, какъ тэнъ, фактически и не будучи дружинникомъ короля, и его вергельдъ равнялся вергельду королевскаго дружинника, теперь уже самаго знатнаго человѣка англо-саксонскаго общества, именно 1200 шиллинговъ, т.-е. въ 6 разъ былъ выше вергельда простого свободнаго, кэрла (200 шил.).

Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ мало-по-малу изъ массы англо-саксонскаго общества постепенно выдѣляется особый военный классъ, къ которому постепенно переходитъ лежавшая прежде на всѣхъ военная повинность, съ теченіемъ времени оказавшаяся слишкомъ обременительной для массы, все болѣе и болѣе отвыкавшей отъ военнаго дѣла и все болѣе и болѣе превращавшейся въ землепашцевъ, въ крестьянъ, исключительно занятыхъ хозяйствомъ, на собственныхъ ли участкахъ, или на участкахъ, снятыхъ у крупныхъ землевладѣльцевъ на условіяхъ болѣе или менѣе долгосрочной или наслѣдственной аренды, и только въ крайнихъ случаяхъ, во время вражескаго нашествія обязанныхъ съ оружіемъ въ рукахъ становиться на защиту своей округи.

Но этотъ же военный классъ былъ въ то же время и правящимъ классомъ. Вѣдь военную повинность могли нести прежде всего самые сильные и самые богатые люди англо-саксонскаго общества, тѣ, у кого все болѣе и болѣе слабѣвшая масса искала защиты отъ царившаго въ обществѣ насилія и произвола и для этого отдавалась подъ ихъ частную власть, коммендировалась имъ, признавала ихъ своими глафордами, а нерѣдко и брала у нихъ и землю, тѣ, кого само правительство принудительно рекомендовало ей какъ ея глафордовъ, а также и тѣ, кому правительство иммунитетной грамотой передавало свои собственныя права политическаго верховенства надъ массой, чтобы облегчить себѣ задачу управленія ею и въ то же время обезпечить себѣ матеріальными выгодами, связанными съ этими правами, воинскую службу иммуниста и его воруженнаго отряда. Тэны были въ то же время и глафордами, обладателями частной

власти, правъ политическаго верховенства надъ рабочей, крестьянской массой. И это слѣдуетъ сказать не только о магнатѣ, имѣвшемъ подъ своей частной властью цѣлыя деревни, а иногда и цѣлые округа, но и о тэнѣ, владѣвшемъ minimum'омъ того количества земли, которое могло обезпечивать ратную службу землевладѣльца и ставило его въ ряды высшаго военнаго класса и сословія, о тэнѣ, владѣвшемъ всего лишь пятью гайдами: и онъ, едва ли можетъ быть въ этомъ сомнѣніе, не былъ уже земледѣльцемъ и жилъ трудомъ людей, сидѣвшихъ на его землѣ и находившихся подъ его частной властью.

Такъ разрѣшило англо-саксонское государство поставленныя ему жизнью основныя политическія проблемы обезпеченія внутренняго и внѣшняго мира послѣ того, какъ прежнимъ способомъ, соотвѣтствовавшимъ болѣе простымъ, болѣе первобытнымъ политическимъ и соціальнымъ условіямъ, рѣшать ихъ оказалось, при переходѣ къ болѣе сложнымъ формамъ жизни, совершенно невозможнымъ. Государству оставалось лишь приспособляться къ постепенно слагавшимся въ обществѣ новымъ соціальнымъ отношеніямъ и съ своей стороны воздѣйствовать на нихъ въ своихъ собственныхъ интересахъ. Въ результатѣ англо-саксонское общество рѣзко расчленилось на рабочую, крестьянскую массу и на военный и правящій классъ, а его политическая жизнь отлила въ другое, болѣе узкое русло, раздробилась по цѣлому ряду мелкихъ политическихъ центровъ. Старая, родовая аристократія эрловъ уступаетъ мѣсто новой, служилой аристократіи, аристократіи королевскихъ служилыхъ людей, королевскихъ дружинниковъ, тэновъ, въ разрядъ которыхъ зачисляются всѣ, владѣющіе minimum'омъ земельнаго владѣнія (пятью гайдами), способнымъ обезпечить королю воинскую службу владѣльца хотя бы они и не получали бенефиція отъ короля и не вступали съ нимъ въ лично зависимыя отношенія. Представляя собою прежде всего военный классъ, тэновъ, аристократія эта, воспринявшая въ свой составъ старую, родовую аристократію, въ то же время являлась и правящимъ классомъ, глафордами, подъ частной властью которыхъ находилась рабочая, крестьянская масса, добровольно или по принужденію сверху коммендировавшаяся имъ или прямо отданная имъ правительственной властью, не имѣвшею силъ и средствъ охранять общественную безопасность и принужденной передать эту охрану общественнаго мира богатымъ и сильнымъ, которымъ она принуждена была передать и охрану внѣшняго мира, внѣшней безопасности, уже непосильную для всей массы свободныхъ англосаксовъ.

Хозяйственный строй общества не подвергся измѣненіямъ отъ этихъ соціальныхъ и политическихъ перемѣнъ. Англо-саксонское

общество попрежнему оставалось на стадіи натуральнаго, замкнутаго, домашняго хозяйства, и это обстоятельство сыграло опредѣляющую роль въ постановкѣ и военной защиты страны, и обезпеченія ея внутренняго мира послѣ того, какъ самъ народъ уже не могъ защищать страны, а сама правительственная власть не могла справляться съ задачей огражденія жизни и имущества членовъ общества. Господство замкнутаго, натуральнаго хозяйства исключало возможность того, чтобы у правительства были денежные фонды, изъ которыхъ оно могло бы содержать и постоянную армію, и необходимый для управленія страною административный механизмъ. Государственная власть могла передавать въ распоряженіе тѣмъ, кто бралъ на себя несеніе воинской службы, лишь свои земельные фонды и свои фискальныя права, связанные съ государственнымъ верховенствомъ. Передача правъ государственнаго верховенства въ частныя руки, разсматриваемая съ чисто-хозяйственной стороны, представляла собою передачу военному классу фискальныхъ правъ, принадлежавшихъ верховной власти, т.-е. правъ на часть продуктовъ хозяйственной дѣятельности рабочей, крестьянской массы. Но, разсматриваемая со стороны административной, передача эта представляла собою надѣленіе членовъ военнаго класса правительственными функціями, превращавшими ихъ какъ бы въ агентовъ государственной власти, обязанныхъ обезпечивать на мѣстахъ охрану внутренняго, общественнаго мира.

Англо-саксонское общество дифференцируется. Изъ когда-то болѣе или менѣе однородной массы воиновъ-земледѣльцевъ, подъ вліяніемъ главнымъ образомъ вызваннаго внѣшними причинами перехода общества къ болѣе широкимъ и сложнымъ формамъ политической жизни, постепенно выдѣляется особый военный и правящій классъ, классъ, въ хозяйственномъ смыслѣ непроизводительный, занятый дѣятельностью, не дающей въ результатѣ хозяйственныхъ благъ, но отъ этого не менѣе необходимой для блага общественнаго цѣлаго, направленной къ обезпеченію его внѣшней и внутренней безопасности. Не производя самъ хозяйственныхъ благъ, классъ этотъ, естественно, долженъ былъ получать эти блага, поскольку они были необходимы ему для его существованія и для исполненія имъ его общественныхъ функцій, отъ тѣхъ, кто эти блага производилъ, отъ класса въ хозяйственномъ смыслѣ производительнаго, отъ рабочей, крестьянской массы, и для этого онъ долженъ былъ получить право на часть продуктовъ хозяйственной дѣятельности этой рабочей, крестьянской массы. Право это было признано за нимъ какъ самой крестьянской массой, поскольку она добровольно коммендировалась представителямъ этого класса, отда-

вала себя подъ ихъ частную власть, такъ и государственной властью, санкціонировавшей эту частную власть и распространившей ее и на тѣхъ, кто еще находился внѣ ея рамокъ, а также надѣлившей эту власть политическими правами надъ массой, которыми она еще не обладала.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что переходъ къ одной части англо-саксонскаго общества правительственной власти надъ массой, а также права на часть продуктовъ хозяйственной дѣятельности массы былъ вызванъ политической необходимостью, необходимостью обезпечить внутренній и внѣшній миръ общества послѣ того, какъ само правительство и сама масса не могли уже собственными средствами сколько-нибудь удовлетворительно разрѣшать эту основную политическую проблему.

Переходъ къ военному и правящему классу политической власти надъ крестьянской массой и права на часть продуктовъ ея хозяйственной дѣятельности на первыхъ правахъ не приводилъ ни къ какимъ измѣненіямъ въ хозяйственной жизни массы. Организовавшаяся въ общины крестьянская масса попрежнему работала на своихъ участкахъ, подчиняясь всѣмъ общиннымъ распорядкамъ, и лишь удѣляла въ пользу своего глафорда ту или иную долю продуктовъ своей работы, отвозя слѣдуемые глафорду продукты на своихъ подводахъ въ резинденцію глафорда или же складывая ихъ въ амбары, устроенные на территоріи самой общины.

Но такой порядокъ отношеній между глафордомъ и политически подвластной ему общиной далеко не вездѣ оставался неизмѣннымъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе входилъ въ жизнь иного рода порядокъ. Глафордъ устраивалъ въ поляхъ общины свою собственную, барскую запашку и заставлялъ свободныхъ общинниковъ удѣлять для воздѣлыванія барской земли часть своего хозяйственнаго труда. Переходъ отъ одного порядка къ другому представлялъ собою очень сложный и разнообразный по своимъ конкретнымъ особенностямъ для каждаго отдѣльнаго случая процессъ, и совершался онъ постепенно, переходя рядъ промежуточныхъ формъ. Въ нашу задачу не входитъ разсмотрѣніе этого процесса въ его деталяхъ. Мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе лишь на одинъ весьма существенный пунктъ. Какимъ образомъ чисто политическое подчиненіе общины глафорду могло привести къ такимъ хозяйственнымъ результатамъ, какъ работа свободныхъ общинниковъ на барской землѣ, какъ превращеніе ихъ въ барщинниковъ?

Чтобы понять это, нужно обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: слѣдуемыя съ общины въ пользу короля, какъ обладателя верховной власти, поступленія натурой (будемъ называть

ихъ для краткости «фирмами»), перейдя въ частныя руки, уже окончательно теряли свой публично-правовой характеръ и превращались въ нѣчто, мало различимое отъ обыкновеннаго оброка, слѣдуемаго землевладѣльцу съ арендатора, и еще менѣе отъ натуральныхъ взносовъ, которыми находившійся подъ частной властью человѣкъ оплачивалъ защиту и покровительство, которыя оказывалъ ему глафордъ; вѣдь и въ глазахъ самого короля слѣдуемыя ему съ его подданныхъ фирмы, равно какъ и другія слѣдуемыя съ нихъ поступленія (судебные доходы, торговыя пошлины и т. п.), ничѣмъ не отличались отъ другихъ видовъ его частнаго имущества, совершенно утрачивая свой для насъ вполнѣ ясный публично-правовой характеръ и сливаясь съ его частными доходами съ лично и по землѣ зависимыхъ отъ него людей. Не удивительно поэтому, что получившій отъ короля иммунитетную грамоту человѣкъ трактовалъ переходившихъ подъ его частную власть людей какъ своихъ кліентовъ или какъ своихъ арендаторовъ. Трактовать ихъ въ этомъ послѣднемъ качествѣ глафорду было тѣмъ легче, что подъ его частной властью, какъ мы знаемъ, находилось обыкновенно немало людей, искавшихъ у него не только защиты отъ царившаго въ обществѣ произвола, но и земли, а также крова и всего, необходимаго для того, чтобы начать хозяйничанье на взятомъ у него въ аренду участкѣ. Арендаторы и сокмены (люди, находившіеся подъ его частной юрисдикціей) постепенно сливались для него въ однородную массу частно-зависимыхъ отъ него людей, и, заводя въ общинѣ свое собственное, барское хозяйство, онъ привлекалъ для него какъ трудъ арендаторовъ, такъ и трудъ лишь въ политическомъ отношеніи зависимыхъ отъ него людей.

Такъ постепенно на остававшейся неподвижной основѣ натуральнаго хозяйства возникало въ англо-саксонскомъ обществѣ барское помѣстье, питавшееся соками общинныхъ хозяйствъ, какъ хозяйственно зависимыхъ отъ глафорда, ведшихся руками сидѣвшихъ на землѣ глафорда людей, такъ и хозяйствъ въ экономическомъ смыслѣ независимыхъ, но обязанныхъ поддерживать барское хозяйство въ силу политической зависимости ведшихъ ихъ людей отъ частной политической власти глафорда, въ одинаковой мѣрѣ простиравшейся какъ на арендаторовъ, держателей глафорда, такъ и на экономически независимыхъ отъ него людей. Постепенно въ англо-саксонскомъ обществѣ возникала и развивалась *мэноріальная* система, сущность которой заключалась въ томъ, что возникавшее въ предѣлахъ общины барское хозяйство существовало на счетъ хозяйствъ членовъ общины, какъ общины, экономически независимой, такъ и общины, возникшей и организовавшейся на землѣ глафорда.

Мэноръ представлялъ собою въ хозяйственномъ смыслѣ барское помѣстье, ведшее хозяйство съ помощью хозяйствъ членовъ общины, въ предѣлахъ которой онъ возникалъ, а въ политическомъ смыслѣ политическую клѣточку общественнаго организма, во многомъ обособленную отъ общаго политическаго центра, но еще не утратившую жизненной связи съ нимъ и служившую общегосударственнымъ цѣлямъ обезпеченія внутренняго и внѣшняго мира. Стоявшій во главѣ мэнора глафордъ отправлялъ въ отношеніи къ общинѣ, надъ которой данный мэноръ былъ надстроенъ, правительственныя функціи, переданныя ему центральной властью, не имѣвшей средствъ справляться съ становившейся для нея все болѣе и болѣе трудной задачей обезпеченія внутренняго мира, и получалъ отъ нея матеріальную возможность нести какъ эту возложенную на него самой жизнью натуральную государственную повинность, такъ и другую столь же необходимую для блага общественнаго цѣлаго натуральную государственную повинность, ратную службу. Мэноріальная система, постепенно возникавшая въ англо-саксонскомъ обществѣ на почвѣ натуральнаго хозяйства и частной власти, возникала, какъ и сама частная власть, въ результатѣ политической необходимости, представляя собою форму хозяйственной и политической организаціи общества, принужденнаго рѣшать свои сравнительно сложныя политическія задачи съ помощью весьма элементарныхъ средствъ, какія давала натурально-хозяйственная дѣйствительность. Окончательно сложился мэноръ уже послѣ того, какъ англо-саксонское общество перенесло катастрофу нормандскаго завоеванія, разразившуюся надъ страной во второй половинѣ XI вѣка; но уже и до этого въ общихъ основныхъ очертаніяхъ мэноріальный строй уже сталъ фактомъ англо-саксонской дѣйствительности, являясь естественнымъ продуктомъ эволюціи англо-саксонскаго общества и государства.

Уже въ англо-саксонскую эпоху англійское феодальное помѣстье обладало тѣми типическими чертами, которыя такъ характерны для помѣстнаго строя всей средневѣковой Европы, и мы считаемъ необходимымъ отмѣтить эти черты болѣе конкретнымъ образомъ.

Политическая зависимость сидѣвшихъ на территоріи помѣстья людей отъ глафорда намъ уже достаточно извѣстна изъ предшествующаго изложенія, чтобы на ней слѣдовало здѣсь останавливаться. Мы видѣли также, что политическая власть осуществлялась глафордомъ какъ въ фискальной формѣ разнаго рода взиманій съ зависимаго населенія въ видѣ продуктовъ хозяйственной дѣятельности этого населенія, такъ и въ формѣ эксплоатаціи его труда, необходимаго для

веденія барскаго хозяйства глафорда, поскольку этотъ послѣдній велъ собственное хозяйство (онъ могъ и вовсе не вести въ помѣстьѣ собственнаго хозяйства, довольствуясь натуральными сборами съ населенія помѣстья), и что взиманіямъ этимъ подлежали какъ люди, экономически независимые отъ глафорда, сидѣвшіе на собственной землѣ и лишь политически подвластные глафорду, такъ и люди, сидѣвшіе на землѣ глафорда и въ равной мѣрѣ подвластные ему и политически и въ качествѣ экономически зависимыхъ людей обязанные еще давать ему и арендную плату также продуктами и трудомъ. Свести отношенія между глафордомъ и населеніемъ его помѣстья къ однимъ экономическимъ категоріямъ мы не имѣемъ, такимъ образомъ, права: отношенія эти гораздо сложнѣе, и очень часто ихъ и вовсе нельзя сводить къ этимъ категоріямъ, именно въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда въ основѣ этихъ отношеній лежала простая коммендація или иммунитетъ. То обстоятельство, что по существу политическая зависимость коммендировавшагося вмѣстѣ со своею землею или благодаря иммунитету попавшаго подъ частную власть глафорда мелкаго землевладѣльца выражалась также и въ хозяйственной формѣ, въ формѣ натуральныхъ платежей и барщины, не дѣлало этой зависимости зависимостью экономической: и превратившись въ *человѣка* (homo) своего глафорда, такой землевладѣлецъ оставался экономически независимымъ отъ глафорда, попрежнему обладая всѣми факторами производства—землею, инвентаремъ и рабочими руками.

Возникавшее въ силу тѣхъ или иныхъ причинъ на территоріи помѣстья барское хозяйство отличалось весьма своеобразными особенностями. Населеніе помѣстья, безотносительно къ тому, состояло ли оно изъ лишь политически зависимыхъ отъ глафорда мелкихъ землевладѣльцевъ или же изъ сидѣвшихъ на землѣ глафорда арендаторовъ (для простоты беремъ лишь крайніе случаи), представляло собою организованную группу, сельскую общину, направляющимъ центромъ которой являлся сельскій сходъ. Превращеніе общины въ помѣстье (какъ и возникновеніе ея одновременно съ помѣстьемъ на до тѣхъ поръ незаселенной землѣ глафорда) не разрушало общинныхъ распорядковъ. Помѣстье отправлялось отъ общины и приспособлялось къ ней въ своихъ фискальныхъ и чисто хозяйственныхъ интересахъ, не только не разрушая общины, но даже укрѣпляя, нерѣдко искусственнымъ путемъ, общинныя узы, связывавшія его населеніе. Сельскій сходъ попрежнему являлся судебнымъ собраніемъ, рѣшавшимъ всѣ споры и тяжбы, возникавшіе между членами общины; попрежнему онъ регулировалъ и хозяйственную жизнь общины, и, что особенно важно отмѣтить, этимъ

общиннымъ хозяйственнымъ распорядкамъ не могъ не подчиняться и самъ глафордъ, поскольку онъ являлся сельскимъ хозяиномъ, поскольку онъ велъ свое собственное, барское хозяйство.

Это барское хозяйство не представляло собою самостоятельной хозяйственной организаціи. Оно органически было связано съ жизнью общины, всецѣло питаясь жизненными соками общины. Начать съ того, что барская земля, какъ и земля каждаго члена общины, представляла собою совокупность полосъ, разбросанныхъ по всѣмъ полямъ общины вперемежку съ полосами общинниковъ, и подлежала наравнѣ съ ними всѣмъ условіямъ принудительнаго сѣвооборота. Уже это одно связывало по рукамъ и по ногамъ глафорда въ хозяйственномъ отношеніи, рѣшительно не давая мѣста его хозяйственной иниціативѣ. Правда, не поощряла его индивидуальной иниціативы и вся совокупность господствовавшихъ тогда общихъ хозяйственныхъ условій, ставившихъ барскому хозяйству скромныя, узкія, чисто потребительныя цѣли, вполнѣ достигавшіяся въ тѣсныхъ общинныхъ рамкахъ, тѣсноту которыхъ почувствовалъ глафордъ гораздо позже, когда натурально-хозяйственныя основы жизни стали колебаться, и нарождались новыя хозяйственныя условія, ставившія передъ барскимъ хозяйствомъ совсѣмъ иныя цѣли. Функціонировать могло барское хозяйство лишь съ помощью, при содѣйствіи хозяйствъ членовъ общины, которые давали ему и свой трудъ, и трудъ своего рабочаго скота, вспахивая вмѣстѣ съ своими и барскія полосы, убирая и барскій хлѣбъ, и барское сѣно. Безъ ихъ помощи глафордъ не могъ бы вести своего хозяйства, не могъ бы обойтись одними своими упряжками и жившими въ его дворѣ работниками. Все опредѣлявшій обычай чрезвычайно пунктуально опредѣлилъ и эти жизненно необходимыя для барскаго хозяйства повинности членовъ общины, постепенно ставшихъ, такимъ образомъ, барщинниками глафорда и его *вилланами*, и этимъ путемъ связавъ хозяйственную дѣятельность глафорда, опять-таки лишь въ гораздо болѣе позднія времена ощутившаго стѣснительность этого обычнаго порядка и необходимость замѣны его болѣе свободными условіями. Обычай лишь закрѣпилъ то, что диктовала хозяйственная дѣйствительность, ставившая барскому хозяйству скромныя, чисто потребительныя цѣли и требовавшая поэтому отъ общинниковъ лишь сравнительно скромныхъ услугъ для скромнаго по размѣрамъ и цѣлямъ барскаго хозяйства.

Такимъ образомъ, чисто хозяйственная эксплоатація общины барскимъ хозяйствомъ была сравнительно ограниченной: ей подлежали прежде всего, если не исключительно, владѣльцы общинныхъ надѣловъ, хозяева-общинники, благодаря чему ихъ повинности какъ

бы срослись съ землей, ставшей отъ этого рабочей, несвободной землею, и къ тому же ставшіе барщинниками хозяева-общинники должны были поддерживать задававшееся лишь скромными цѣлями барское хозяйство.

Не слѣдуетъ только дѣлать изъ этого выводъ, что англійскому крѣпостному крестьянину, какъ и его континентальнымъ собратьямъ, легко жилось подъ властью глафордовъ. Вѣдь кромѣ чисто хозяйственной эксплоатаціи его, степень которой опредѣлялась общими хозяйственными условіями того времени (а мы все время имѣли въ виду именно ее, чисто хозяйственную эксплоатацію виллана его глафордомъ, какъ сельскимъ хозяиномъ, ведшимъ въ предѣлахъ общины свое собственное, барское хозяйство), глафордъ могъ широко развивать свою чисто фискальную требовательность, какъ опиравшуюся на законъ и обычай, такъ и находившую свое оправданіе лишь въ властной волѣ и жадности его какъ сильнаго и могущественнаго человѣка, не встрѣчавшаго препонъ во внѣшнихъ, политическихъ условіяхъ и легко превращавшагося въ самаго необузданнаго утѣснителя своихъ подданныхъ. Но не слѣдуетъ и сгущать краски. Все же натурально-хозяйственный укладъ тогдашней жизни, не отрывавшій земледѣльца отъ земли (даже если онъ и переставалъ быть ея полнымъ собственникомъ) и требовавшій отъ него лишь того количества труда въ пользу его глафорда, какое необходимо было для того, чтобы тотъ могъ вести лишь чисто потребительное по своимъ цѣлямъ хозяйство, при всѣхъ эксцессахъ необузданной воли сильныхъ и богатыхъ, гарантировалъ крестьянской массѣ тотъ minimum средствъ къ жизни и жизненнаго самоопредѣленія, который въ болѣе позднее время, въ совсѣмъ иной хозяйственной обстановкѣ представлялся какъ самое несомнѣнное благополучіе. Не мало было въ этомъ представленіи иллюзорнаго, но далеко не все.

Для общаго ознакомленія съ исторіей англо-саксонской Англіи рекомендуемъ *Краткую исторію англійскаго народа* Грина въ переводѣ Н. Н. Шамонина (выпускъ первый), а для болѣе детальнаго изученія исторіи ея государственнаго строя — Stubbs (W.). *The Constitutional History of England* Vol. I. Sixth Edition. 1903 и Chadwick (H. M.) *Studies on Anglo-Saxon Institutions*. 1905.

Для соціальной и хозяйственной исторіи англо-саксонской Англіи см.:

Проф. П. Виноградовъ. *Средневѣковое помѣстье въ Англіи*. С.-ПБ. 1911.

Проф. П. Виноградовъ. *Изслѣдованія по соціальной исторіи Англіи въ средніе вѣка.* С.-ПБ. 1887.

Vinogradoff (P.). *English Society in the Eleventh Century.* 1908. Основное содержаніе этого изслѣдованія изложено въ брошюрѣ Д. М. Петрушевскій *Англійское общество въ одиннадцатомъ вѣкѣ.* 1909. (изъ *Журн. М. Н. Пр.*).

Maitland (F. W.). *Domesday Book und Begond.* 1907.

Seebohm (F.). *The English Village Community.* Third Edition. 1884.

ОЧЕРКЪ ЧЕТВЕРТЫИ.

Общая характеристика остготскаго королевства въ Италіи.

I.

Послѣ распаденія гуннской державы входившіе въ ея составъ *остготы* двинулись къ Балканскому полуострову, ища мѣстъ для поселенія. Силою оружія и путемъ переговоровъ имъ удалось утвердиться во Ѳракіи, въ Мизіи и Эпирѣ. Одному изъ князей ихъ Теодориху (изъ рода Амаловъ), постепенно соединившему въ своихъ рукахъ власть надъ большею частью остготскаго племени, византійскій императоръ Зенонъ далъ титулъ патриція, назначивъ его, кромѣ того, полководцемъ имперіи, magister militum praesentalis. Въ юности Теодорихъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ качествѣ заложника въ Константинополѣ и уже тогда имѣлъ возможность ознакомиться съ положеніемъ и отношеніями византійскаго двора, могъ оріентироваться среди тогдашней крайне сложной политической обстановки и понять, какъ въ свое время Аларихъ, какое широкое поле открывалось для него и для его племени при умѣньи пользоваться тогдашними обстоятельствами. И въ умѣньи этомъ у него не было недостатка, равно какъ и въ энергіи и въ желаніи ее примѣнять.

Въ 488 году Теодорихъ вмѣстѣ съ своимъ племенемъ двинулся въ направленіи къ Италіи, чтобы отвоевать эту страну у Одоакра. Со стороны императора Зенона онъ получилъ полное одобреніе своему плану: самъ императоръ и внушилъ ему этотъ планъ и поручилъ ему его выполненіе. Походъ длился нѣсколько лѣтъ. Одоакръ былъ разбитъ при Изонцо (Isonzo) (въ 489 г.), при Веронѣ, при Аддѣ (въ 490 г.) и заперся въ Равеннѣ; только въ 493 г. Равенна сдалась Теодориху, который заключилъ съ Одоакромъ договоръ, раздѣлившій власть надъ Италіей между Теодорихомъ и Одоакромъ. Теодорихъ скоро собственной рукой убилъ Одоакра, и Италія стала королев-

ствомъ остготскаго короля. Извѣстно, что остготское королевство просуществовало въ Италіи всего лишь полстолѣтіе съ небольшимъ и въ 555 году окончательно было завоевано Византіей.

Готовъ явилось съ Теодорихомъ въ Италію едва ли болѣе 200—300,000 человѣкъ. Устроились они здѣсь на первыхъ порахъ на положеніи римскаго войска на постоѣ, т.-е. такъ же, какъ и вестготы и бургунды: они были размѣщены по домамъ римскихъ землевладѣльцевъ, получивъ извѣстныя права на домъ и землю владѣльца. Какъ и вестготы и бургунды, изъ квартирующихъ солдатъ они скоро сдѣлались соучастниками римскихъ собственниковъ во владѣніи, а затѣмъ и самостоятельными собственниками выдѣленныхъ имъ изъ общаго владѣнія участковъ вмѣстѣ съ сидѣвшими на нихъ рабами и колонами; выдѣленіе это произведено было мирнымъ путемъ, съ возможнымъ соблюденіемъ интересовъ обѣихъ сторонъ; не всегда, впрочемъ, имѣлъ мѣсто настоящій раздѣлъ: иногда варваръ довольствовался полученіемъ причитавшейся ему доли доходовъ съ имѣнія, на часть котораго онъ получилъ право собственности.

Малочисленность остготовъ и разбросанность ихъ по разнымъ частямъ Италіи, а также хозяйственныя условія, въ которыя они вступили, должны были разлагающимъ образомъ повліять на ихъ общинные (точнѣе: общинно-родовые) распорядки. Они невольно должны были подчиниться римскимъ индивидуалистическимъ порядкамъ въ *сферѣ хозяйства и владѣнія*. Въ томъ же направленіи должна была дѣйствовать и раздача королемъ крупныхъ помѣстій своимъ дружинникамъ и вообще близкимъ людямъ. Къ тому же едва ли за долгій періодъ странствій и всякихъ приключеній готскій народъ сохранилъ въ чистомъ видѣ свой общинный строй, и въ мирное время не отличавшійся у германцевъ той поры большою устойчивостью, способностью давать отпоръ постепенно разъѣдавшимъ его индивидуалистическимъ тенденціямъ, выражавшимся въ дробленіи общинныхъ надѣловъ и скопленіи нѣсколькихъ надѣловъ въ однихъ рукахъ. Но, съ своей стороны, и готы должны были уже самымъ фактомъ своего поселенія въ Италіи оказать вліяніе на хозяйственныя условія Италіи: раздробивъ значительную часть латифундій на болѣе мелкіе участки и увеличивъ такимъ образомъ число среднихъ и мелкихъ собственниковъ, они сдѣлали возможнымъ нѣкоторый подъемъ земледѣльческой культуры въ этой странѣ (заброшенныя мѣстности могли снова попасть въ обработку); но все это, при малочисленности готовъ, могло произойти въ сравнительно ограниченныхъ размѣрахъ, такъ что подвозъ хлѣба изъ Сициліи и Испаніи попрежнему былъ необходимъ, и правительству вообще

приходилось обращать серьезное вниманіе на продовольственный вопросъ.

Въ соціальномъ строѣ Италіи поселеніе остготовъ также не произвело существенныхъ перемѣнъ, если не считать нѣкотораго измѣненія въ положеніи колоновъ, состоявшаго въ томъ, что крѣпость землѣ лично несвободныхъ колоновъ, т.-е. тѣхъ колоновъ, въ которыхъ превратились посаженные на землю рабы, была уничтожена Теодорихомъ, и ихъ господамъ было разрѣшено перемѣщать ихъ съ одного участка на другой и даже дѣлать изъ нихъ личныхъ слугъ («Liceat unicuique domino ex praediis, quae corporaliter et legitimo jure possidet, rustica utriusque sexus mancipia, etiamsi originaria sint, ad juris sui loca transferre, vel urbanis ministeriis adplicare, ita ut et illis praediis adquirantur, ad qua voluntate domini migrata fuisse constiterit, et inter urbanos famulos merito censeantur...» *Edict. Theodorici*, § 142).

Что касается соціальнаго строя самихъ остготовъ, то онъ подвергся въ общемъ тѣмъ же измѣненіямъ, какимъ подвергся вообще соціальный строй германцевъ, основавшихъ государства на территоріи Римской имперіи, и какія тѣсно связаны съ переходомъ германцевъ къ формамъ болѣе широкой государственности. Какъ и у англо-саксовъ и у другихъ германцевъ, и у остготовъ мы наблюдаемъ возникновеніе новой, *служилой, должностной аристократіи*, развившейся на основѣ службы королю, власть котораго получила совсѣмъ иную постановку, и крупнаго землевладѣнія, какъ вознагражденія за эту службу. Эта новая аристократія поглотила прежнюю, родовую знать и примкнула къ аристократіи римской, тоже, какъ мы видѣли при изученіи общества Римской имперіи, служилой, должностной и землевладѣльческой. Масса народная, простые свободные, постепенно стала понижаться въ своемъ положеніи въ обществѣ и государствѣ, гдѣ руководящая роль стала принадлежать королю и его дружинной и должностной знати.

Политическая жизнь остготовъ очень осложнилась. Съ одной стороны, тутъ дѣйствовалъ самый фактъ перехода ихъ къ болѣе широкой государственности, съ другой—политическая обстановка, въ которую они попали и которую ихъ король всячески старался сохранить въ прежней силѣ. Если имѣть въ виду эти два источника наступившихъ въ жизни остготовъ политическихъ перемѣнъ, то можно безъ особаго труда разобраться въ довольно таки сложномъ политическомъ строѣ остготскаго государства въ Италіи, представлявшемъ своеобразную комбинацію формъ высоко развитой римской государственности съ примитивными формами германцевъ, недалеко ушедшихъ отъ государственности тацитовской поры.

II.

Въ сущности остготскій король совмѣщалъ въ своемъ лицѣ главенство надъ двумя обществами, и двумя государствами. Дѣйствительно, оставаясь королемъ своихъ остготовъ, Теодорихъ въ то же время вступилъ во всѣ права римскаго императора въ отношеніи къ италійскому населенію, хотя титула императора онъ и не принялъ. Самъ Теодорихъ называлъ италійскую часть своей державы *respublica romana*, которая дѣйствительно продолжала свое существованіе подъ властью остготскаго конунга (короля), только занявшаго мѣсто ея императоровъ. Весь правительственный механизмъ имперіи остался неприкосновеннымъ. Префектъ преторія, magister officiorum, квесторъ, comes sacrarum largitionum, comes patrimonii, comes rerum privatarum съ ихъ многочисленнымъ служебнымъ персоналомъ попрежнему стояли во главѣ центральнаго управленія Италіи, которая попрежнему оставалась раздѣленной на провинціи (семь въ верхней Италіи и девять въ нижней), попрежнему находившіяся подъ управленіемъ консуляровъ, ректоровъ, президентовъ; продолжали существовать и муниципіи съ своими curiales, defensores, curatores. Съ другой стороны, рядомъ съ римскимъ государствомъ, внутри его возникло государство остготовъ съ своей собственной постановкой верховной власти, съ своими собственными отношеніями между государствомъ и обществомъ, съ своей собственной организаціей военнаго дѣла, суда, управленія, съ своими собственными взглядами на государственныя задачи и на способы ихъ рѣшенія. Остготское государство недолго просуществовало для того, чтобы входившія въ его составъ два государства и два общества могли органически слиться, выработавъ какое-нибудь политическое и соціальное цѣлое. Но времени этого было достаточно для того, чтобы двѣ рядомъ стоявшія организаціи не сохранились въ чистомъ видѣ, чтобы онѣ оказали воздѣйствіе другъ на друга, не говоря объ общихъ причинахъ, въ одинаковой мѣрѣ дѣйствовавшихъ разлагающимъ образомъ на ту и на другую.

Можно сказать, что уже самый способъ поселенія остготовъ въ Италіи долженъ былъ немедленно же сказаться на ихъ политической организаціи: разбросанность ихъ по разнымъ частямъ полуострова дѣлала очень затруднительнымъ функціонированіе главнаго политическаго учрежденія древнихъ германцевъ — народнаго собранія, и *народное собраніе въ королевствѣ Теодориха прекращаетъ свое существованіе*, чему не въ малой мѣрѣ способствуетъ такое политико-соціальное явленіе, какъ возникновеніе у остготовъ служилой аристократіи, оттѣснившей на задній планъ массу про-

стыхъ свободныхъ, истинную основу демократическаго строя прежней поры, находившаго свое самое дѣйствительное выраженіе именно въ народномъ собраніи. *Права народнаго собранія перешли къ королю и служилой аристократіи, и королевскій дворъ сталъ центромъ политической жизни остготовъ.*

Извѣстно, что *королевская власть* у готовъ развилась гораздо раньше, чѣмъ у другихъ германскихъ племенъ, еще когда готы жили у Балтійскаго моря, а потомъ у Чернаго. Тревожная эпоха передвиженій могла только способствовать усиленію этой власти, а занятіе Италіи, вступленіе остготскаго короля въ права римскаго императора должно было поставить эту власть на высоту недосягаемую. Король становится безконтрольнымъ, неограниченнымъ властелиномъ какъ своихъ новыхъ, такъ и своихъ прежнихъ подданныхъ. Онъ одинъ назначаетъ должностныхъ лицъ какъ для римлянъ, такъ и для остготовъ; какъ римскіе префекты, президенты, и прочіе представители центральной и областной администраціи—не болѣе, какъ его агенты, послушныя орудія его самодержавной власти, которыхъ онъ одинъ назначаетъ, награждаетъ, контролируетъ, повышаетъ и смѣщаетъ по своему усмотрѣнію, такъ и *графы* (comites), *герцоги* (duces) *готовъ* и другія должностныя лица готской администраціи, совмѣщавшія въ своихъ рукахъ административныя, судебныя и военныя функціи (явленіе, обычное для такъ называемой варварской эпохи), тоже—не болѣе, какъ его агенты, имъ назначаемые и смѣщаемые. И управленіе, и военное дѣло, и судъ—все это отправляется отъ имени короля, и всякое беззаконіе является оскорбленіемъ особы короля, охранителя и источника права и справедливости. На ряду съ общимъ королевскимъ миромъ, въ равной мѣрѣ ограждающимъ жизнь, имущество, законные интересы всѣхъ, существуетъ, какъ и въ другихъ варварскихъ государствахъ, особый, спеціальный королевскій миръ, который король даетъ тѣмъ, кто спеціально прибѣгаетъ подъ его защиту; это—такъ назыв. «*tuitio regii nominis*» или «*tuitio nostri nominis*». Если прежде рѣшеніе важнѣйшихъ дѣлъ въ государствѣ, а также и верховный судъ принадлежалъ народному собранію, то теперь все это принадлежитъ королю и осуществляется при дворѣ *(comitatus noster*, какъ называютъ его указы Теодориха, иначе *aula)*, который, такимъ образомъ, становится верховнымъ трибуналомъ, привлекающимъ къ себѣ судебныя дѣла по усмотрѣнію короля, безъ опредѣленнаго апелляціоннаго порядка; между прочимъ трибуналъ этотъ вѣдаетъ и дѣла лицъ, находящихся подъ спеціальной охраной короля, подъ «tuitio regii nominis».

Все это—явленія, наблюдаемыя нами, на той или иной ступени

развитія, у всѣхъ германскихъ племенъ, основавшихъ государства на территоріи Римской имперіи, и объясненіе имъ нужно искать не въ воздѣйствіи римскаго міра на германскій, а въ естественной эволюціи чисто германскихъ (не въ смыслѣ, конечно, какого-нибудь германскаго національнаго «духа» или національнаго характера, а просто присущихъ тогда германцамъ, какъ и всякимъ другимъ племенамъ, находившимся на одинаковой съ германцами ступени общественнаго развитія) формъ жизни, эволюціи, происшедшей какъ въ результатѣ роста населенія и расширенія территоріи государства и другихъ чисто внутреннихъ причинъ, такъ и подъ вліяніемъ такихъ внѣшнихъ фактовъ, какъ частыя передвиженія и столкновенія съ другими племенами и народами. Въ этомъ отношеніи, повторяемъ, остготы ничѣмъ по существу не отличаются отъ другихъ германцевъ, представляя собою только одинъ изъ многихъ варіантовъ варварскаго развитія.

Но не эта сторона остготскаго строя въ настоящій моментъ насъ занимаетъ. Насъ интересуетъ теперь вопросъ о томъ вліяніи, какое оказала на германскій строй остготовъ римская государственность и общественность, а также и обратное вліяніе. Дѣло въ томъ, что хотя римское общество и государство продолжало сохранять свою особность рядомъ съ обществомъ и государствомъ остготовъ, но правительство у нихъ было одно, во главѣ ихъ стояла одна центральная власть. Это обстоятельство непремѣнно должно было повести, съ одной стороны, къ проникновенію власти остготскаго короля элементами римской императорской власти, съ другой—къ привнесенію остготскимъ королемъ нѣкоторыхъ такихъ воззрѣній на свои новыя обязанности и права и въ особенности нѣкоторыхъ такихъ пріемовъ воздѣйствія на римское общество, которые всецѣло были присущи ему какъ германскому королю, т.-е. какъ главѣ общества, весьма еще недалеко ушедшаго по пути государственности. Такимъ образомъ, съ одной стороны мы имѣемъ дѣло съ романизаціей германской государственности (и общественности), съ другой—съ варваризаціей римской государственности.

Романизація эта тѣмъ больше должна была сдѣлать успѣховъ въ остготскомъ государствѣ, что она не оставалась на степени непроизвольнаго, отъ воли человѣка независѣвшаго результата чисто объективныхъ, фактическихъ отношеній даннаго момента и среды, но съ самаго же начала явилась опредѣленной цѣлью сознательной дѣятельности представителей верховной власти. Основатель остготскаго государства въ Италіи Теодорихъ Великій былъ восторженный поклонникъ римской культуры и цивилизаціи, и его высшей мечтой было сдѣлать причастными этой культурѣ и цивилизаціи и

своихъ остготовъ. «Мы лучше хотимъ сохранить старое, чѣмъ воздвигать новое, ибо мы не можемъ создать что-либо столь же прекрасное, какъ то, что мы можемъ сохранить: созданіе новаго не можетъ доставить намъ бо́льшую славу, чѣмъ сохраненіе стараго», говорилъ Теодорихъ о своей строительной дѣятельности, и слова эти вполнѣ примѣнимы ко всей его правительственной дѣятельности. Римская государственность была поэтому въ глазахъ Теодориха и школой для варваровъ-остготовъ, и образцомъ. Это идейное—и даже идеалистическое—отношеніе Теодориха къ римской государственности, безъ сомнѣнія, должно было сообщить бо́льшую интенсивность романизаціи остготовъ и ихъ политическаго строя, чѣмъ это было бы въ томъ случаѣ, если бы остготскій король просто вступилъ въ права римскаго императора, оставшись чуждымъ римскимъ политическимъ идеямъ. Такимъ образомъ, въ такомъ фактѣ, какъ *распространеніе Теодорихомъ своихъ унаслѣдованныхъ отъ римскихъ императоровъ правъ, которыя онъ осуществлялъ въ отношеніи къ римскому населенію, и на остготовъ,* мы не можемъ не признать присутствія элемента сознательности. А въ этомъ-то распространеніи и заключалась сущность романизаціи остготской государственности. Мы и перейдемъ теперь къ болѣе конкретному разсмотрѣнію этой романизованной государственности остготовъ.

III.

Несомнѣнно, центральнымъ пунктомъ остготской государственности является *королевская власть.* Развившись на счетъ правъ народнаго собранія подъ дѣйствіемъ причинъ, независимыхъ отъ вліянія римской государственности, власть остготскаго короля восприняла затѣмъ въ себя всѣ элементы императорской власти. Принадлежавшій остготскому королю, какъ и всякому иному германскому королю, такъ называемый *баннъ* (bannus, der Bann), т.-е. право издавать повелѣнія и требовать, подъ страхомъ наказанія, исполненія ихъ, право, осуществлявшееся первоначально въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ, поставленныхъ демократическимъ строемъ древне-германскаго общества съ его всемогущимъ народнымъ собраніемъ, постепенно развиваясь и захватывая все болѣе и болѣе широкую сферу общественныхъ отношеній, слился почти до неразличимости съ неограниченнымъ imperium'омъ римскаго императора. Ни о какихъ ограниченіяхъ со стороны какихъ бы то ни было общественныхъ элементовъ, ни о какомъ контролѣ со стороны какого бы то ни было учрежденія уже не могло быть и рѣчи. «Только наша собственная воля связываетъ насъ,—не условія, поставленныя другими. Можемъ мы, благодаря

милости Божіей, все, но считаемъ, что намъ прилично только похвальное». Вотъ какимъ языкомъ заговорилъ теперь остготскій конунгъ. И это не была риторическая фраза: и въ военномъ дѣлѣ, и въ дѣлѣ управленія и суда,—во всѣхъ этихъ областяхъ остготскій король былъ неограниченнымъ монархомъ какъ въ отношеніи къ своимъ новымъ подданнымъ, такъ и въ отношеніи къ своимъ остготамъ. Мало того: на остготовъ были распространены государственныя повинности римскаго населенія, остготы были введены въ рамки развитой римской государственности, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, и притомъ весьма существенныхъ.

Если въ прежнее время государство у остготовъ, какъ и у другихъ германскихъ и всякихъ иныхъ племенъ на низкой ступени развитія, могло представлять собою болѣе или менѣе внѣшнюю надстройку надъ обществомъ, мало проникавшую во внутреннія отношенія самоуправлявшагося общества, всецѣло предоставленнаго самому себѣ и только въ исключительныхъ случаяхъ обращавшагося къ органамъ своей еле намѣчавшейся государственности, то теперь государственная власть считаетъ себя признанной вмѣшиваться во все, неустанно проводя заимствованную изъ римской гражданственности идею общаго блага, salus publica, блага всѣхъ, въ противоположность интересамъ мелкихъ группъ, изъ слабаго сцѣпленія которыхъ и состояло, какъ извѣстно, древне-германское, какъ и всякое болѣе или менѣе первобытное, общество.

Теодориху, повидимому, доставляло высокое удовлетвореніе сознаніе, что онъ являлся возстановителемъ и продолжателемъ дѣла римскихъ августовъ, въ пурпурное одѣяніе которыхъ (vestis regia) онъ облекся, которыхъ другія инсигніи (знаки императорскаго достоинства) онъ получилъ обратно изъ Византіи (куда, какъ извѣстно, онѣ были отосланы Одоакромъ). Не нося титула императора, Теодорихъ, несомнѣнно, считалъ себя имъ фактически и даже именовался *romanus princeps;* мало того: въ его письмахъ (къ епископамъ) мы встрѣчаемъ названіе Flavius (Flavius Theodoricus rex), употреблявшееся только въ примѣненіи къ императорамъ; все, что непосредственно касалось особы остготскаго короля, называлось священнымъ, sacrum, какъ это было и при императорахъ. «Король Готовъ и Италійцевъ», «rex Gothorum et Italiorum» (держава его—«regnum Italiae») или просто «Theodoricus rex» въ такомъ, напримѣръ, тонѣ пишетъ (рукою своего секретаря, одного изъ «послѣднихъ римлянъ», Кассіодора) императору Восточной имперіи (Византіи), императору «Ромеевъ», какъ тогда говорили, Анастасію: «Насъ соединяетъ благоговѣйная любовь къ городу Риму, отъ котораго мы оба, связанные однимъ именемъ (princeps romanus и

βασιλεύς Ῥωμαίων), не можемъ себя отдѣлить. Между нашими двумя государствами, которыя при прежнихъ властелинахъ всегда составляли одно тѣло, не можетъ продолжаться несогласіе. Во всемъ римскомъ мірѣ (т.-е. въ обоихъ нашихъ государствахъ) пусть царствуетъ одна воля, одна мысль».

Разсмотрѣніе отдѣльныхъ сторонъ власти остготскаго короля дастъ намъ возможность составить болѣе конкретное представленіе объ особенностяхъ романизованной государственности остготовъ.

Постановка *военнаго дѣла* какъ будто всего менѣе подверглась романизаціи. Этому не въ малой мѣрѣ способствовало то, что римляне были совершенно освобождены отъ военной повинности, и несли ее одни готы, согласно древне-германскому принципу народнаго ополченія (свойственному всѣмъ народамъ на извѣстной ступени ихъ развитія). Въ силу своего права, такъ называемаго *Heerbann,* остготскій король (какъ и всякій другой германскій король) въ случаѣ надобности созывалъ ополченіе изъ всѣхъ свободныхъ готовъ, владѣвшихъ земельными надѣлами (такъ называемыми *sortes*). Если въ древнія времена осуществленіе королемъ права Heerbann не свидѣтельствовало о вполнѣ самостоятельномъ положеніи короля, о его верховенствѣ въ военномъ дѣлѣ, представляя собою лишь осуществленіе исполнительной власти (верховная военная власть, рѣшеніе вопросовъ о войнѣ и мирѣ, принадлежала самому народу-войску, организованному въ народное собраніе), то теперь, когда народнаго собранія уже не было, королевскій Heerbann превратился уже въ настоящее военное верховенство: одинъ король по своей неограниченной волѣ созывалъ народное ополченіе, которое, такимъ образомъ, превратилось въ *его* войско, «exercitus *noster*», обязанное ему безусловнымъ повиновеніемъ.

Если на юридической сторонѣ военнаго дѣла трудно замѣтить какіе-нибудь болѣе или менѣе опредѣленные слѣды римскаго вліянія, то на хозяйственной его сторонѣ вліяніе это несомнѣнно. Какъ извѣстно, у германскихъ племенъ (и у другихъ, стоявшихъ на той же ступени развитія) каждый воинъ ополченія, т.-е. каждый свободный, во время похода долженъ былъ содержать себя на собственныя средства (военная повинность была натуральной государственной повинностью въ полномъ смыслѣ этого слова). Вотъ этого-то мы у остготовъ и не видимъ. Остготы вѣдь представляютъ собою и находящееся на службѣ у римскаго государства постоянное войско (не даромъ Теодорихъ называетъ ихъ «*exercitus* noster») и въ качествѣ такового получаютъ ежегодно (если не всѣ остготы, то по крайней мѣрѣ владѣльцы надѣловъ, sortes, т.-е. какъ разъ тѣ, которые обязаны являться въ ополченіе въ случаѣ войны) такъ назы-

ваемыя *donativa*, т.-е. подарки, какіе получали прежде римскіе солдаты, составлявшіе, какъ извѣстно, постоянное войско; подобно же римскимъ постояннымъ войскамъ остготы-ополченцы во время похода получали провіантъ, такъ называемую *annona*.

Устраненіе римлянъ отъ военной повинности мотивировалось весьма возвышенными соображеніями, сводившимися къ тому, что правительство желаетъ избавить римлянъ отъ тяжелой повинности, которая могла бы лишить ихъ возможности служить высокому дѣлу культуры и цивилизаціи, просвѣщенной гражданственности: готы—«защитники Италіи въ интересахъ общей безопасности» (defensores Italiae pro generali securirate»), они—«щитъ для огражденія спокойствія римлянъ» («clypeus ille exercitus nostri quietem debet dare Romanis»). Мы не имѣемъ основанія считать эти заявленія простымъ лицемѣріемъ со стороны короля, дѣйствительно преданнаго интересамъ римской культуры и цивилизаціи, хотя въ то же время не можетъ отрицать, чтобы королю были при этомъ совершенно чужды и нѣсколько иного рода соображенія, въ которыхъ не малую роль могла играть осторожность, боязнь, чтобы получившіе доступъ къ военному дѣлу, вооруженные римляне не оказались опасными для готскаго владычества (не забудемъ, что остготовъ было въ Италіи сравнительно ничтожное число); притомъ же и сами римляне давно уже утратили военныя склонности, и освобожденіе отъ военной службы могло имъ представляться дѣйствительнымъ освобожденіемъ.

Законодательную власть остготскій король осуществлялъ совершенно неограниченно и безъ всякаго содѣйствія знати или народнаго собранія (котораго, какъ мы видѣли, и вовсе не было въ остготскомъ королевствѣ въ Италіи), какъ и римскіе императоры, отъ которыхъ онъ получилъ ее,—полная противоположность древнегерманскимъ порядкамъ (и порядкамъ другихъ народовъ, стоявшихъ на такой же ступени развитія), при господствѣ которыхъ въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда являлась потребность въ законодательной дѣятельностости (отношенія вѣдь регулировались обычными нормами), всегда для короля было необходимо содѣйствіе или по крайней мѣрѣ одобреніе со стороны знати и народа. Свой *Эдиктъ* Теодорихъ издалъ какъ неограниченный властитель: не только къ римлянамъ, но даже къ готамъ онъ не обращался за согласіемъ на него, хотя онъ имѣлъ обязательную силу и для этихъ послѣднихъ; да и по своему содержанію *Эдиктъ* представлялъ собою лишь весьма слабую переработку чисто римскаго юридическаго матеріала (сентенцій римскихъ юристовъ и постановленій римскихъ императоровъ).

Судебная власть остготскаго короля представляла собою сложный продуктъ судебнаго банна (Gerichtsbann) германскаго короля

и судебнаго верховенства, входившаго въ качествѣ одного изъ элементовъ въ содержаніе imperium'а римскаго кесаря. И безъ всякаго вліянія римскихъ понятій и формъ, какъ мы видѣли это на примѣрѣ англо-саксовъ, королевская власть, постепенно развиваясь, мало-по-малу захватила область общественнаго мира, превративъ его въ миръ королевскій, и сдѣлала возстановленіе нарушенныхъ правъ, правосудіе, своимъ дѣломъ, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что всякое правонарушеніе стало разсматриваться и какъ нарушеніе королевскаго мира, и правосудіе стало отправляться отъ имени короля. Несомнѣнно, это явленіе имѣло мѣсто и у остготовъ; но здѣсь такимъ образомъ развившаяся судебная власть короля была усилена унаслѣдованнымъ Теодорихомъ неограниченнымъ судебнымъ верховенствомъ римскихъ императоровъ.

Судебную власть остготскій король осуществлялъ непосредственно въ своемъ придворномъ судѣ и черезъ своихъ уполномоченныхъ въ провинціяхъ, т.-е. черезъ губернаторовъ провинцій среди римскаго населенія и черезъ *графовъ готовъ* (comes Gothorum) среди остготскаго населенія; при этомъ въ дѣлахъ между римлянами судили по эдиктамъ Теодориха и его преемника Аталариха и просто по римскому праву и процессу, въ дѣлахъ между готами — по тѣмъ же указамъ и по готскому обычному праву и процессу, а въ смѣшанныхъ случаяхъ, т.-е. въ дѣлахъ между готомъ и римляниномъ (для рѣшенія ихъ готскій графъ привлекалъ римскаго юриста)— по тѣмъ же эдиктамъ или по готскому обычному праву, или по римскому праву и процессу, смотря по особенностямъ каждаго даннаго случая. Что касается придворнаго суда (comitatus), то онъ является высшей апелляціонной инстанціей, съ одной стороны, а съ другой—судебнымъ мѣстомъ, куда съ разрѣшенія короля могли обращаться непосредственно, минуя низшія инстанціи. Король могъ самъ привлекать непосредственно къ своему дворцовому суду какія угодно дѣла; право обращаться непосредственно къ дворцовому суду король предоставлялъ всѣмъ, кто находился подъ его спеціальной охраной, подъ его mundium'омъ, подъ такъ называемымъ «tuitio regii nominis», которое состояло, кромѣ того, еще въ препорученіи даннаго лица королевскому чиновнику для охраны и въ угрозѣ усиленнымъ штрафомъ нарушителю безопасности лица, находящагося подъ спеціальной охраной короля. Забота о правосудіи, о справедливости, aequitas, была едва ли не главной заботой Теодориха. Справедливый судъ былъ цѣлью, къ которой онъ стремился со всѣмъ пыломъ искренняго одушевленія, его величайшей гордостью и славой (и наименованіемъ «Великій» онъ былъ ему главнымъ образомъ обязанъ). «Кто оскорбляетъ справедливость, меня

оскорбляетъ», говорилъ онъ. Передъ лицомъ справедливости для него всѣ были равны, несмотря на различіе въ національности, религіи, богатствѣ, рангѣ, происхожденіи, силѣ. Имѣя въ виду свою главную цѣль, Теодорихъ не стѣснялся и юридическими формами, давая полную свободу своему личному вмѣшательству, часто вовсе не предусмотрѣнному строгимъ, формальнымъ правомъ.

Наличность и широкое развитіе *полицейской и административной власти* короля, ненужной и невозможной у германцевъ до поселенія ихъ на территоріи имперіи, когда ихъ крайне несложная государственная организація ставила себѣ самыя несложныя задачи, въ особенности отличаетъ государственную жизнь остготовъ въ Италіи. Теодорихъ унаслѣдовалъ учрежденія и дѣятельность римской администраціи и примѣнилъ ихъ къ остготской части своего королевства, такимъ образомъ сразу расширивъ и крайне усложнивъ еще въ сущности весьма младенческую до тѣхъ поръ государственность остготовъ. Намъ уже приходилось упоминать о томъ, что дѣятельность Теодориха представляетъ собою самую раннюю попытку въ широкихъ размѣрахъ провести въ жизнь германцевъ выработанную Римомъ государственную идею, идею общественнаго блага, salus publica, блага всего политическаго цѣлаго, reipublicae. По своимъ задачамъ и по своимъ пріемамъ попытка эта съ полнымъ правомъ можетъ быть названа попыткой просвѣщеннаго деспотизма, стремящагося, какъ извѣстно, дѣлать все для народа и ничего съ помощью самого народа. «Ваше спокойное счастье—наша радость», «нашъ ежедневный трудъ—забота о спокойномъ счастіи всѣхъ», говоритъ Теодорихъ устами Кассіодора, и нѣтъ ни одной стороны общественной жизни, на которую не стремилось бы воздѣйствовать регулирующее вмѣшательство правительства остготскаго короля. Забота объ успѣхахъ италійскаго земледѣлія, реставрація старыхъ и сооруженіе новыхъ водопроводовъ, забота о горномъ промыслѣ и рыболовствѣ, о скотоводствѣ, урегулированіе торговли въ интересахъ равномѣрнаго распредѣленія по странѣ продуктовъ, принудительное пониженіе цѣнъ, забота о путяхъ сообщенія, о народныхъ увеселеніяхъ (древнихъ циркахъ, пантомимахъ, бѣгахъ на колесницахъ), о просвѣщеніи (doctores eloquentiae и magistri scholarum въ Римѣ должны были получать отъ правительства обычное вознагражденіе и отнюдь не уменьшенное), особенная забота объ украшеніи Рима новыми роскошными сооруженіями и реставрація древнихъ сооруженій, свидѣтельствующая объ истинно романтическомъ настроеніи ревнителя римской цивилизаціи, какимъ былъ Теодорихъ,—мы перечислили только незначительную часть того, чѣмъ ревностно была занята остготская администрація.

Не менѣе интересна *финансовая организація* остготскаго государства. При характеристикѣ государства древнихъ германцевъ мы видѣли, какъ натуральный характеръ хозяйства тогдашняго общества накладывалъ свой отпечатокъ на государственность древнихъ германцевъ, дѣлая совершенно невозможнымъ и ненужнымъ государственное хозяйство, т.-е. принудительную организованную дѣятельность государства, имѣющую цѣлью извлеченіе изъ общества средствъ для содержанія государства, его органовъ. Не можетъ быть рѣчи о настоящемъ государственномъ хозяйствѣ и у англо-саксовъ: хозяйство англо-саксовъ было натуральнымъ хозяйствомъ, слѣдовательно, такой же характеръ должно было носить и ихъ государственное хозяйство, если только можно назвать государственнымъ хозяйствомъ то, что дѣлалось на королевскихъ домэнахъ, и тѣ доброхотныя приношенія, какія получали англо-саксонскіе короли, какъ и ихъ древне-германскіе предшественники. Правительство поэтому содержалось у англо-саксовъ, какъ мы видѣли, не на денежное жалованье, а чисто натурально-хозяйственнымъ способомъ, т.-е. въ распоряженіе представителей англо-саксонской администраціи и суда выдавалась, пока они состояли на службѣ, въ томъ или иномъ количествѣ изъ королевскихъ домэновъ земля и воздѣлывавшія ея рабочія руки (такъ вѣдь и самъ король содержался), иными словами, поступленія натурою съ части королевскихъ домэновъ (полученіе шериффами трети штрафовъ отъ нарушителей мира въ ихъ графствахъ мало измѣняетъ дѣло). Такая постановка правительственныхъ средствъ (а съ нею мы потомъ встрѣчаемся у всѣхъ германскихъ племенъ, основавшихъ государства на территоріи имперіи) заключала въ основѣ своей элементъ политическаго разложенія, такъ какъ влекла за собою въ то время неизбѣжное расточеніе правительственнаго земельнаго фонда, т.-е. приведеніе королевскихъ домэновъ къ минимальнымъ размѣрамъ, при которыхъ этотъ земельный фондъ былъ уже недостаточенъ для содержанія органовъ государства, влекла, такимъ образомъ, къ неизбѣжному истощенію правительственныхъ средствъ, а, слѣдовательно, и къ ослабленію правительственной власти и вмѣстѣ съ другими факторами дѣлала неизбѣжнымъ переходъ къ болѣе узкимъ, болѣе элементарнымъ формамъ политической жизни, къ феодализму.

Остготское правительство было поставлено въ совершенно иныя условія. Теодорихъ унаслѣдовалъ отъ римскихъ императоровъ всю римскую финансовую систему, въ которой главную роль, какъ извѣстно, игралъ поземельный налогъ (capitatio terrena), пошлины со всѣхъ продающихся предметовъ (siliquaticum), сборъ съ купцовъ за право торговли (aurum negotiatorum) и разнаго рода монополіи и регаліи. Это давало ему въ руки средства, которыхъ не имѣли другіе вар-

варскіе короли, ставило его власть на прочную матеріальную основу. Эго были правительственныя средства въ полномъ смыслѣ слова, и на нихъ онъ могъ содержать войско, администрацію, судъ, не приводя эти средства неизбѣжно къ истощенію, такъ какъ налоги взимались ежегодно, и средства, такимъ образомъ, ежегодно возстановлялись. Естественно, что выдачи изъ королевскихъ домэновъ, которыя и здѣсь, у остготовъ, конечно, производились королемъ, не могли имѣть того значенія и тѣхъ послѣдствій, какія онѣ имѣли въ другихъ варварскихъ государствахъ, гдѣ онѣ являлись главнымъ, если не единственнымъ, средствомъ вознагражденія за службу королю и королевству.

Какъ и въ другихъ областяхъ государственной жизни (кромѣ военнаго дѣла), и въ области государственнаго хозяйства Теодорихъ поставилъ остготовъ въ одинаковое положеніе съ римлянами въ смыслѣ одинаковаго подчиненія ихъ требованіямъ, предъявлявшимся римской государственностью: остготы наравнѣ съ римлянами должны были платить поземельный налогъ, какъ ни противились они этому, видя въ этомъ, какъ и другія германскія племена, а также и всѣ другіе народы, находившіеся на такой же ступени общественнаго развитія, униженіе достоинства свободныхъ людей, которые могутъ добровольно давать королю подарки, но никакъ не подвергаться принудительнымъ взиманіямъ въ его пользу, характеризующимъ положеніе полусвободнаго или даже раба, но не приличествующимъ свободному.

Сравнительно съ предшествующей эпохой въ римской финансовой системѣ при Теодорихѣ произошли нѣкоторыя измѣненія. Кромѣ обычныхъ налоговъ, тѣ римляне, которые не отдавали части своихъ владѣній остготамъ при ихъ поселеніи и полюбовномъ раздѣлѣ территоріи (такъ какъ остготовъ было, какъ мы знаемъ, сравнительно съ римскимъ населеніемъ, весьма незначительное число, и поэтому не было надобности *всѣмъ* римлянамъ дѣлиться съ остготами), не отдавали имъ третей своихъ владѣній, *терціи*, *tertiae* (изъ которыхъ и составлялись надѣлы, sortes, остготовъ), должны были вносить въ фискъ треть своихъ доходовъ, и эти взносы поэтому также назывались *терціями*, *tertiae*. Слѣдуетъ также вспомнить и объ упомянутомъ уже нами фактѣ отмѣны Теодорихомъ крѣпости землѣ нѣкоторой части колоновъ. Отмѣна эта не могла не внести нѣкотораго безпорядка въ податную систему, опиравшуюся именно на неподвижность земледѣльческаго населенія.

IV.

Описанная нами правительственная система, представлявшая собою своего рода просвѣщенный абсолютизмъ, опиравшійся на

формы римской государственности и стремившійся пріобщить къ благамъ римской *civilitas* до тѣхъ поръ чуждыхъ ей варваровъ, не достигла тѣхъ результатовъ, къ которымъ стремилась. И въ прежнихъ, и въ новыхъ своихъ подданныхъ остготскіе короли встрѣтили вольное и невольное противодѣйствіе ей. И римское, и остготское населеніе не стояло на высотѣ тѣхъ большихъ требованій, которыя предъявляла къ нему эта система. Крайне неравномѣрное распредѣленіе богатства и силы въ римскомъ обществѣ попрежнему являлось основой для насилій и всякихъ иныхъ несправедливостей со стороны сильнѣйшихъ надъ массой народа, подававшихъ поводъ къ безпрестаннымъ волненіямъ и возстаніямъ. Съ другой стороны, римская бюрократія на службѣ у остготскаго короля не утратила своихъ свойствъ, выработанныхъ вѣками развращающаго деспотизма имперіи, и мы только и слышимъ, что о вымогательствахъ, насиліи, казнокрадствѣ и другихъ дѣяніяхъ этихъ главныхъ помощниковъ короля, только потворствующихъ всякому неповиновенію и самоуправству сильныхъ. Что касается готовъ, то они, до сихъ поръ ограничивавшіеся самыми элементарными общественными потребностями и соотвѣтствующими имъ политическими формами, чувствуютъ себя въ рамкахъ римской государственности какъ на прокрустовомъ ложѣ; и въ то же время они достаточно сильны, чтобы не особенно стѣснять себя навязанными имъ новыми формами болѣе сложной жизни; постоянные захваты, самоуправство, отказъ платить налоги,—все это такъ противорѣчитъ высокой роли «защитниковъ» римскаго общества, о которой такъ краснорѣчиво говоритъ рисующій такую мирную и трогательную идилію оффиціальный органъ рѣчи Теодориха, его канцлеръ Кассіодоръ. Такъ что, хотя римская государственная машина сохранилась, но пользоваться ею было весьма нелегко. Поэтому и самому королю приходилось не особенно стѣсняться формами римской государственности и въ интересахъ общественной безопасности и справедливости («aequitas») давать ходъ своему личному вмѣшательству, для котораго, впрочемъ, остготская, болѣе элементарная, государственность выработала уже и нѣкоторыя формы (въ основѣ общія остготамъ съ другими германскими племенами).

Намъ уже приходилось упоминать въ другой связи о такъ называемомъ «*tuitio regii nominis*», т.-е. объ общегерманскомъ *mundium*'ѣ (находящемъ себѣ параллель въ соотвѣтствующемъ учрежденіи и у другихъ народовъ, стоявшихъ на одинаковой ступени развитія), частномъ покровительствѣ, которое могъ оказывать король, какъ и всякій болѣе сильный человѣкъ, менѣе сильному, и которое у короля принимало разныя формы: форму изъятія дан-

наго лица изъ-подъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ и подчиненія его юрисдикціи королевскаго дворцоваго суда (comitatus), форму возвышенія его цѣнности, его вергельда, и форму препорученія его особому чиновнику или дружиннику. Къ подобнымъ примитивнымъ средствамъ приходилось прибѣгать остготскому королю вмѣсто того, чтобы пускать въ ходъ искусно устроенный механизмъ римской государственности: механизмъ этотъ часто бывалъ совершенно парализованъ благодаря слишкомъ сильному тренію, а также и неисправности собственныхъ органовъ.

Въ соотвѣтствіи съ этимъ развивается институтъ такъ называемыхъ *сайоновъ*, *sajones*. Это были приближенные, дружинники короля. Они не имѣли опредѣленной компетенціи, но выступали во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда необходимо было вмѣшательство короля. Они обыкновенно жили при дворѣ короля и представляли собой цѣлый штабъ его чиновниковъ особыхъ порученій, какъ бы мы сказали въ настоящее время, или генералъ-адъютантовъ, и не было такой сферы политической и общественной жизни, не было такой области администраціи, суда, военнаго дѣла, куда бы ни проникали со своими порученіями эти «*fortes sajones nostri*», олицетворяя собою *vigor regius* и нерѣдко превышая своими полномочіями и парализуя компетенцію самыхъ высшихъ представителей администраціи. «Весь характеръ этого учрежденія, — справедливо говоритъ проф. П. Г. Виноградовъ въ своей книгѣ о лангобардской Италіи, — совершенно не римскій: оно основано на непосредственномъ и довольно безпорядочномъ вмѣшательствѣ короля въ тѣ или другія части, на постоянныхъ изъятіяхъ изъ обыкновеннаго порядка администраціи, на недовѣріи къ этому порядку и безсиліи обыкновенныхъ административныхъ средствъ въ борьбѣ съ частными интересами и могуществами. Мѣсто правильно дѣйствующей и неотразимой власти римскаго императора занимаетъ порывистое, измѣнчивое вмѣшательство германскаго короля, который вліяетъ своимъ личнымъ авторитетомъ и могуществомъ, вліяетъ черезъ посредство своихъ личныхъ друзей или приближенныхъ».

Такимъ образомъ, основаніе въ Италіи остготскаго королевства, несмотря на весь романизмъ (и даже романтизмъ) его основателя, не внесло въ жизнь Италіи условій, которыя бы парализовали развивавшіяся здѣсь тенденціи къ разложенію римской государственности. Тенденціи эти слишкомъ глубоко коренились во всемъ строеніи римскаго общества, чтобы ихъ можно было пресѣчь, не посягая на самую сущность хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній римскаго общества, и поэтому переходъ къ болѣе элементарнымъ политическимъ формамъ при данныхъ условіяхъ былъ неиз-

бѣженъ. Этимъ самымъ опредѣлялся конечный исходъ попытки романизовать остготское, варварское общество, даже если бы остготы (что является совершенно фантастическимъ предположеніемъ) обнаружили, не въ примѣръ прочимъ германцамъ, способность сразу перейти отъ элементарныхъ формъ общественности къ сложной системѣ политическихъ отношеній, предполагающихъ весьма большую общественную и политическую подготовку. Разложеніе римской государственности въ остготскомъ государствѣ привело бы неизбѣжно и къ разложенію остготской государственности, несмотря на всю элементарность этой послѣдней, при чемъ оба параллельные процесса совершались бы въ одномъ направленіи, привели бы каждый къ однимъ и тѣмъ же результатамъ, къ разложенію центральной власти и раздробленію ея между крупными землевладѣльцами.

Одинъ изъ этихъ двухъ параллельныхъ процессовъ мы видѣли при изученіи имперіи наканунѣ среднихъ вѣковъ, а другой—на примѣрѣ англо-саксонскаго государства. Одинаковость политическихъ результатовъ объясняется здѣсь почти полнымъ тожествомъ экономическихъ и соціальныхъ основъ: и римское общество имперіи, и германское общество варварскихъ государствъ были построены въ сущности по одному типу: и въ томъ, и въ другомъ мы наблюдаемъ все развивавшееся сосредоточеніе богатства и силы въ немногихъ рукахъ и соотвѣтствующее этому матеріальное и соціальное приниженіе массы народа, а также господство натуральнаго хозяйства, изъ котораго варвары еще не вышли и къ которому, какъ мы видѣли при изученіи имперіи, римское общество стало постепенно и неуклонно возвращаться. И для того, и для другого на горизонтѣ виднѣлся въ достаточно ясныхъ очертаніяхъ феодализмъ. Только пришедшая извнѣ катастрофа предотвратила для остготовъ это неизбѣжное будущее, положивъ конецъ самому существованію ихъ государства. Разумѣемъ завоеваніе остготской Италіи Византіей и гибель основаннаго Теодорихомъ государства. Тѣмъ не менѣе и катастрофа не нарушила естественнаго теченія историческаго процесса, опредѣленнаго всею совокупностью условій той поры: завоеванная вскорѣ лангобардами, а затѣмъ франками Италія увидѣла у себя феодализмъ въ полномъ расцвѣтѣ.

На русскомъ языкѣ организацію остготскаго королевства въ Италіи выясняетъ проф. П. Г. Виноградовъ во 2-й главѣ своей магистерской диссертаціи «Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ лангобардской Италіи» (СПБ. 1880); внѣшній очеркъ исторіи остготскаго королевства читатель найдетъ въ книжкѣ Тарле «Исторія

Италіи въ средніе вѣка», ч. I. СПБ. 1901 (изъ серіи «Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время» подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго. Изд. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ).

Въ западно-европейской историографіи для изученія остготской Италіи назовемъ прежде всего работу Dahn'a *Die Könige der Germanen*, томы II, III и IV, и первый томъ сочиненія L. M. Hartmann'a *Geschichte Italiens im Mittelalter*. 1897.

ОЧЕРКЪ ПЯТЫЙ.

Политическій и общественный строй франковъ и его эволюція.

I.

Иниціатива основанія франкскаго государства принадлежала одной изъ вѣтвей племени франковъ, именно *салическимъ франкамъ*, иначе *саліямъ*. Во второй половинѣ IV вѣка послѣ Р. Хр. они заняли мѣстность къ югу и къ западу отъ нижняго Мааса, такъ называемую Токсандрію, и, побѣжденные императоромъ Юліаномъ, остались здѣсь, повидимому, на положеніи федератовъ имперіи. Отсюда они распространили свои поселенія къ югу по Шельдѣ и къ началу V вѣка уже, повидимому, захватили и лѣвый ея берегъ, а къ половинѣ столѣтія вся территорія до рѣки Соммы съ городами Камбрэ, Турнэ и др. была уже въ ихъ рукахъ.

Толкала саліевъ впередъ настоятельная потребность въ новыхъ мѣстахъ для поселенія, и поэтому распространеніе племени шло рука объ руку съ вытѣсненіемъ прежнихъ жителей и съ заселеніемъ занимаемыхъ областей. Можно сказать, что земельная нужда салическихъ франковъ была вполнѣ удовлетворена, когда они достигли береговъ Соммы, и иниціатива дальнѣйшихъ завоеваній, создавшихъ обширную франкскую монархію, исходила уже не отъ народа, а отъ франкскихъ королей, преслѣдовавшихъ уже собственные интересы и интересы близкихъ къ власти людей. Какъ увидимъ, это обстоятельство имѣло очень важныя послѣдствія, подпявъ королевскую власть на невиданную до тѣхъ поръ высоту и въ общемъ обезпечивъ личную и имущественную неприкосновенность подчинившагося этой власти галло-римскаго населенія, а также неприкосновенность его соціальнаго и хозяйственнаго строя.

Основателемъ франкской державы былъ *Хлодвигъ* (правильнѣе—*Chlodovech*) (481—511 гг.), наслѣдовавшій послѣ смерти своего отца, федерата римской имперіи, короля Хильдериха власть надъ частью салическихъ франковъ и ихъ столицей Турнэ (на Шельдѣ).

Въ союзѣ съ королемъ другой части салическихъ франковъ Рагнахаромъ (были у салическихъ франковъ еще и другіе короли кромѣ Хлодвига и Рагнахара) Хлодвигъ, какъ мы уже знаемъ, одержалъ въ 486 г. при Суассонѣ побѣду надъ Сіагріемъ, сыномъ и преемникомъ Эгидія, намѣстника еще остававшейся въ слабыхъ рукахъ римскаго правительства небольшой области въ Галліи, послѣ низложенія Ромула Августула въ 476 году признававшей лишь номинальный суверенитетъ восточнаго императора, и расширилъ свои владѣнія до Сены. Нѣсколько позже власти Хлодвига была подчинена и территорія между Сеной и Луарой. Въ 496 году Хлодвигъ предпринялъ походъ на аллемановъ, которые занимали тогда обширную область по среднему и верхнему Рейну и его притокамъ Неккару и Майну, съ запада ограниченную Вогезами, а къ югу уходившую въ Альпы. Въ сраженіи, происшедшемъ гдѣ-то въ долинѣ Рейна, аллеманы были разбиты и признали власть франкскаго короля, за исключеніемъ одной ихъ части (занимавшей склоны Альпъ), которая отдалась подъ покровительство Теодориха Великаго. Въ томъ же 496 году Хлодвигъ, уже женатый на католичкѣ, бургундской принцессѣ Клотильдѣ, принялъ съ нѣсколькими тысячами франковъ христіанство въ его ортодоксальной формѣ, въ формѣ тогдашняго католицизма, и этимъ сдѣлалъ крупный политическій шагъ, имѣвшій огромныя послѣдствія.

Какъ извѣстно, остготы, вестготы и бургунды и ихъ короли исповѣдывали аріанство, и это было причиной глубокой розни, которая существовала между ними и населеніемъ занятыхъ ими римскихъ территорій, тѣмъ болѣе глубокой, что съ ихъ стороны стала все болѣе и болѣе проявляться нетерпимость къ католицизму, грозившая ему большими опасностями. Естественно, что болѣе всего чувствительной къ этимъ опасностямъ была католическая церковь и ея руководители, епископы, которые къ тому же являлись не только духовными вождями галло-римскаго общества, но и представителями галло-римской знати, богатой землею и зависимыми людьми, и поэтому представляли собою крупную соціальную и политическую силу. Принявъ католицизмъ, Хлодвигъ пріобрѣлъ въ католической церкви могущественнаго и вѣрнаго союзника для своихъ дальнѣйшихъ завоевательныхъ предпріятій. «Ваше присоединеніе къ вѣрѣ есть наша побѣда», писалъ Хлодвигу глава бургундскихъ епископовъ, поздравляя его съ крещеніемъ, и убѣждалъ его распространять католицизмъ среди болѣе далекихъ варварскихъ племенъ, «которыхъ еще не испортили еретическія ученія». По словамъ Григорія Турскаго, «многіе въ Галліи хотѣли имѣть франковъ господами». Война Хлодвига съ вестготами

(507—510), которые, какъ извѣстно, занимали южную Галлію и огромную часть Пиренейскаго полуострова, носила въ глазахъ католической церкви религіозный характеръ, и во многихъ городахъ вестготскаго королевства католики открывали Хлодвигу ворота. Вся принадлежавшая вестготамъ область между Луарой и Гаронной попала въ руки франкскаго короля. Вскорѣ послѣ этого Хлодвигъ получилъ отъ восточнаго императора знаки консульскаго достоинства. Возможно, что Анастасій, дѣлая Хлодвига сановникомъ имперіи и какъ бы своимъ намѣстникомъ въ Галліи, хотѣлъ этимъ сохранить за собою родъ номинальнаго суверенитета въ отношеніи къ завоеванной франкскимъ королемъ когда-то римской территоріи; во всякомъ случаѣ онъ укрѣпилъ этимъ позицію Хлодвига, легализировавъ его власть въ глазахъ галло-римскаго населенія.

Устами Григорія Турскаго католическая церковь объявила всѣ завоеванія Хлодвига угодными Богу: «Богъ простеръ его враговъ передъ нимъ, ибо онъ шелъ съ сердцемъ, праведнымъ передъ Господомъ, и дѣлалъ все, что было пріятно въ глазахъ Его». И Хлодвигъ не остался въ долгу у церкви, щедро одаряя ее земельными богатствами, сооружая храмы, содѣйствуя распространенію католицизма и приглашая епископовъ къ обсужденію и рѣшенію государственныхъ дѣлъ.

Завоевавъ Галлію и покоривъ аллемановъ, Хлодвигъ все еще оставался королемъ всего лишь одной части салическихъ франковъ. Въ его военныхъ предпріятіяхъ принимали, правда, участіе и отряды, прибывавшіе изъ владѣній и другихъ франкскихъ королей; но короли продолжали сохранять свою полную независимость. Хлодвигу теперь нетрудно уже было стать королемъ всего племени франковъ, и онъ достигъ этого тѣмъ, что сначала истребилъ другихъ королей салическихъ франковъ, своихъ родственниковъ, и вступилъ въ ихъ права, а потомъ велѣлъ убить и короля такъ называемыхъ впослѣдствіи *рипуарскихъ* франковъ (*Ribuarii*), жившихъ по нижнему Рейну (столицей ихъ былъ Кельнъ), и склонилъ его подданныхъ признать его власть надъ собою.

Послѣ смерти Хлодвига его сыновья раздѣлили между собою его государство, но совмѣстно продолжали его дѣло. Въ 534 году они послѣ трехъ походовъ завладѣли бургундскимъ королевствомъ, а въ 536 году, во время похода Велизарія, отправленнаго Юстиніаномъ завоевывать для имперіи Италію, остготскій король Теодадъ уступилъ имъ за союзъ съ ними Провансъ, занятый Теодорихомъ Великимъ; тогда же они подчинили себѣ еще остававшуюся имъ неподвластной часть аллемановъ, которая, какъ мы знаемъ, отдалась подъ защиту Теодориха во время войны съ Хлодвигомъ. Та-

кимъ образомъ, власть франкскихъ королей распространилась, за исключеніемъ Септиманіи, оставшейся за испанскими вестготами, на всю Галлію. Но на этомъ она не остановилась. Покореніе аллемановъ уже выводило ее за предѣлы Галліи. Притокъ Дуная Лехъ отдѣлялъ аллемановъ отъ *баваровъ* (Baiowarii), имя которыхъ впервые появляется въ исторіи при сыновьяхъ Хлодвига. Въ пятидесятыхъ годахъ V вѣка и они вошли въ составъ франкскаго государства, сохранивъ, впрочемъ, вполнѣ свое право, свои учрежденія и своихъ племенныхъ вождей. Лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ было присоединено сыновьями Хлодвига королевство *тюринговъ* между Везеромъ и Зааломъ (притокомъ Эльбы). Въ извѣстной мѣрѣ признали франкскую власть и занимавшіе обширную германскую равнину племена *саксовъ*.

Такова въ двухъ словахъ внѣшняя исторія франкскаго государства въ эпоху меровинговъ, исторія основанія франкской державы Хлодвигомъ и его сыновьями. Запасшись этими краткими свѣдѣніями, приступимъ къ изученію внутренняго строя государства и тѣхъ измѣненій, которымъ этотъ строй подвергся.

II.

Начнемъ съ государственнаго строя франковъ.

Основаніе Хлодвигомъ и его сыновьями обширной франкской державы не только расширило территорію, подвластную франкскому королю, но и внесло крайне существенныя измѣненія въ характеръ власти этого послѣдняго, не замедлившія отразиться и на всемъ политическомъ строѣ франкскаго королевства.

Первоначально королевская власть занимала у франковъ, какъ и у другихъ германскихъ племенъ, весьма скромное мѣсто въ политической организаціи общества, являясь всего лишь служебнымъ органомъ, возникшимъ въ условіяхъ хронической войны и подчиненнымъ народному собранію. Такой, какъ мы видѣли, рисуетъ ее Тацитъ, изображая политическій строй современныхъ ему германцевъ. Такая королевская власть не вноситъ еще диссонанса въ общій тонъ государственной организаціи общества; здѣсь король является лишь магистратомъ республики (если переводить подобныя отношенія на языкъ римскаго государственнаго права и слово respublica употреблять, какъ это дѣлаетъ и Тацитъ въ примѣненіи къ племеннымъ государствамъ германцевъ, въ широкомъ смыслѣ государства вообще). Эпоха передвиженія германскихъ племенъ и ихъ сложныхъ и многообразныхъ отношеній съ Римской имперіей привела, какъ извѣстно, къ образованію большихъ политическихъ соеди-

неній среди германцевъ и выдвинула въ нихъ королевскую власть за предѣлы поставленныхъ ей въ прежнемъ государственномъ порядкѣ рамокъ. Занятіе римскихъ областей и вступленіе въ права римскихъ императоровъ въ отношеніи къ туземному населенію этихъ областей должно было еще болѣе увеличить власть и матеріальные рессурсы германскихъ королей и соотвѣтственно измѣнить взаимоотношеніе всѣхъ органовъ германскаго государства.

Все это мы уже наблюдали у другихъ германскихъ племенъ, все это вполнѣ примѣнимо и къ франкамъ. Но исторія образованія обширной франкской державы, можетъ быть, болѣе, чѣмъ всякая другая, подчеркиваетъ иниціативу короля въ дѣлѣ государственнаго строительства германцевъ на римской территоріи. Мы уже имѣли случай отмѣтить, что починъ въ завоеваніяхъ, отдавшихъ въ руки Хлодвига и его сыновей римскую Галлію и подчинившихъ имъ рядъ германскихъ племенъ, исходилъ не отъ франкскаго народа, а отъ франкскаго короля, преслѣдовавшаго собственные интересы и интересы близкихъ къ власти людей. Этотъ *моментъ личнаго интереса* носителя верховной власти, такъ рѣзко подчеркнутый въ исторіи образованія франкскаго государства, игралъ, несомнѣнно, весьма большую роль и въ исторіи другихъ государственныхъ образованій германцевъ, и онъ заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія со стороны всякаго изслѣдователя, который желаетъ составить себѣ правильное представленіе о характерѣ такъ называемой *варварской государственности*.

Та власть, которую пріобрѣталъ король въ основанномъ путемъ завоеванія или иного подчиненія себѣ племенъ и территорій государствѣ, по существу была отлична отъ власти типичнаго короля тацитовскихъ германцевъ. Личный элементъ былъ выраженъ въ ней съ рѣзкой опредѣленностью. Если прежній король былъ всецѣло однимъ изъ органовъ государства, то король государства, основаннаго путемъ завоеванія или иного подчиненія племенъ и территорій, стоялъ *надъ* государствомъ, которое, такимъ образомъ, являлось объектомъ его власти, преслѣдовавшей прежде всего личныя цѣли, личные интересы короля. Интересы короля не совпадали съ интересами государства какъ извѣстной организаціи общества, но были поставлены надъ этими послѣдними. Государство должно было служить личнымъ интересамъ короля, который основалъ его для себя и для своего рода. Власть короля надъ государствомъ была его личнымъ, точнѣе, фамильнымъ достояніемъ, частнымъ имуществомъ его и его рода. Королевская власть трактовалась и понималась *въ терминахъ частнаго права и хозяйства*.

Не удивительно, что король могъ передавать ее по наслѣдству

своимъ сыновьямъ, дѣлить ее между ними, какъ и всякое другое свое имущество, отчуждать ее по частямъ въ пользу своихъ близкихъ людей и своихъ слугъ. Не удивительно, что поступленія, шедшія въ казну въ видѣ судебныхъ штрафовъ, торговыхъ пошлинъ или сохранившихся отъ римской поры налоговъ, разсматривались какъ личные доходы короля, какъ его частное имущество, которымъ онъ могъ и распоряжаться совершенно свободно, что и сама казна была семейной сокровищницей короля. Не удивительно, что свободные граждане государства разсматриваются какъ лично связанные съ нимъ люди, какъ его *люди* (homines, leudes) въ спеціальномъ значеніи людей, находящихся подъ частной властью и подъ частнымъ покровительствомъ (mundium), и обязаны приносить ему присягу, закрѣпляющую эту его частную власть надъ ними. И это относится не только къ его подданнымъ въ точномъ смыслѣ этого слова, т.-е. къ жителямъ покоренныхъ имъ территорій, но также и къ его собственнымъ соплеменникамъ, потому что и въ отношеніи къ нимъ власть его пріобрѣтала всѣ особенности частной власти послѣ того, какъ онъ пріобрѣлъ ее надъ покоренными племенами. Можно сказать, что и свое собственное племя онъ подчинилъ своей личной власти, покорилъ его себѣ и сдѣлалъ объектомъ хозяйственной, фискальной эксплоатаціи.

Для осуществленія своихъ имущественныхъ правъ надъ государствомъ, объединеннымъ путемъ подчиненія всѣхъ введенныхъ въ его составъ элементовъ личной власти короля, король организуетъ необходимый хозяйственный, фискальный аппаратъ въ видѣ ряда центральныхъ и въ особенности мѣстныхъ агентовъ, личныхъ слугъ короля, которые обязаны были взимать съ населенія все, что слѣдовало королю въ видѣ судебныхъ штрафовъ, торговыхъ пошлинъ, добровольныхъ даяній и принудительно поступавшихъ податей, сохранившихся отъ римской поры, и были надѣлены для этого, а также и для обезпеченія личной власти короля надъ населеніемъ полицейской властью. Этотъ фискально-полицейскій аппаратъ и представляетъ собою то, что можно назвать правительствомъ германскаго варварскаго государства, и по существу является организаціей его личнаго, частнаго хозяйства.

Для основаннаго путемъ завоеванія и иного покоренія отдѣльныхъ племенъ и территорій германскаго варварскаго государства королевская власть является безспорно центральнымъ пунктомъ. Если что связываетъ эти племена и территорій въ одно политическое цѣлое, такъ это именно общее имъ всѣмъ подчиненіе личной власти короля и наложенному имъ на нихъ фискально-полицейскому аппарату. Правда, раздѣлъ власти между наслѣдниками короля по прин-

ципамъ частнаго права фактически дробитъ это цѣлое на части, хотя и не уничтожаетъ идеальнаго единства государства и идеальнаго единства власти, принадлежащей въ качествѣ фамильнаго достоянія всему королевскому дому, и не устраняетъ возможности совмѣстныхъ военныхъ дѣйствій отдѣльныхъ носителей власти и общихъ собраній магнатовъ и епископовъ для обсужденія свѣтскихъ и духовныхъ дѣлъ всего государства, какъ это мы и видимъ во франкскомъ государствѣ, въ которомъ владѣнія отдѣльныхъ королей (ихъ sortes, ихъ partes), хотя и назывались королевствами, разсматривались лишь какъ части единой франкской державы, и подданные одного изъ нихъ не являлись иностранцами въ глазахъ другого.

Являясь центромъ и источникомъ политической связи отдѣльныхъ племенъ и территорій, превращающимъ ихъ въ одно государственное цѣлое, королевская власть лишь внѣшне связываетъ ихъ, въ фискальномъ, а затѣмъ и въ военномъ отношеніи, но не является источникомъ дѣйствующаго въ нихъ права и закона. Каждое изъ племенъ, и войдя въ составъ обширной франкской державы, продолжаетъ жить по своему собственному праву, примѣняемому и охраняемому, какъ и прежде, судебными собраніями сотенныхъ округовъ, сохраняющими свою прежнюю организацію и свою прежнюю судебную процедуру. Королевская власть, соединяя въ одно политическое цѣлое отдѣльныя племена и территоріи, оставляла, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, неприкосновенными ихъ учрежденія, дѣйствовавшій у нихъ до тѣхъ поръ правовой и государственный строй, въ основныхъ чертахъ сохранявшійся отъ тацитовскихъ временъ. Это вполнѣ относится и къ тому племени, къ которому принадлежалъ и самъ король. Королевская власть лишь ставила теперь рядомъ съ исконными народными учрежденіями свой полицейско-фискальный аппаратъ, осуществлявшій ея частно-правовые и частно-хозяйственные интересы, соприкасаясь съ этими народными учрежденіями на первыхъ порахъ лишь постольку, поскольку они могли служить этимъ частно-правовымъ и частно-хозяйственнымъ интересамъ.

Государственный порядокъ въ настоящемъ, публично-правовомъ смыслѣ этого слова продолжалъ, такимъ образомъ, сохраняться въ большихъ варварскихъ государствахъ германцевъ въ прежнемъ видѣ, въ видѣ исконнаго народнаго права и исконныхъ народныхъ учрежденій. Но на ряду съ нимъ въ сильнѣйшей мѣрѣ проникнутая теперь частно-правовыми и частно-хозяйственными элементами и тенденціями королевская власть организовала какъ бы новую государственность, осуществлявшую интересы личнаго властвованія и фискальной эксплоатаціи. Въ результатѣ получалась пестрая картина,

приводившая въ смущеніе прежнихъ историковъ и юристовъ, и нѣкоторые изъ нихъ—одни съ прискорбіемъ, другіе съ торжествомъ—готовы были даже вовсе отказать германцамъ въ государственномъ смыслѣ и въ способности отличать публичное право отъ частнаго. Нельзя не признать очень большой доли справедливости, а иногда и всей правды въ утвержденіяхъ старыхъ историковъ, что королевская власть у франковъ заключала въ своемъ существѣ нѣчто частноправовое, и что это характерно для нѣмецкаго политическаго развитія (Вайцъ), что публичная власть во франкскомъ государствѣ имѣетъ патримоніальный характеръ, и союзъ подданства (Unterthanenverband) являетъ собою подобіе частно-правового подчиненія, вслѣдствіе чего подчиненіе свободнаго человѣка публичной власти является не выраженіемъ, а умаленіемъ древне-нѣмецкой полной свободы (Vollfreiheit) (Мауреръ), что франкская королевская власть представляетъ собой вещное право, родъ верховной собственности на землю королевства и т. п.

Но нельзя характеризовать этими утвержденіями всей германской и, въ частности, франкской варварской государственности. Все это было бы въ той или иной мѣрѣ справедливо, если бы королевская власть являлась здѣсь источникомъ *всего* государственнаго порядка. Но вѣдь рядомъ съ той государственностью, которая связана съ королевской властью въ ея частно-правовомъ и частно-хозяйственномъ существѣ и которая дѣйствительно была проникнута частно-правовыми и частно-хозяйственными тенденціями, представляя собою въ сущности фискальный аппаратъ для личныхъ надобностей носителя власти, въ германскихъ варварскихъ королевствахъ и, въ частности, во франкскомъ королевствѣ, основанномъ Хлодвигомъ и его сыновьями, оставалась другая государственность, сохранившаяся еще отъ тацитовскихъ временъ, съ настоящимъ публичнымъ правомъ и съ настоящими государственными учрежденіями, организовывавшими общество для суда и военнаго дѣла, для обезпеченія права и порядка, для охраны внутренняго и внѣшняго мира.

Да и сама королевская власть далеко не вся укладывается въ рамки частнаго права и хозяйства, какъ ни чрезмѣрно сильно развилась ея частно-правовая сторона, ея частноправовыя и частно-хозяйственныя тенденціи. Король вѣдь оставался и органомъ государства, элементомъ старой тацитовской государственности, и его публично-правовая позиція не только не ослабѣвала, но, на первыхъ по крайней мѣрѣ порахъ, рѣзко усилилась, какъ разъ одновременно съ рѣзкимъ усиленіемъ ея частно-правовыхъ и частно-хозяйственныхъ тенденцій. Публично-правовая позиція короля усиливается на счетъ другихъ органовъ государства, именно народнаго

собранія, отъ котораго къ нему переходитъ военное, судебное, а потомъ и законодательное верховенство какъ въ результатѣ самаго факта чрезмѣрнаго усиленія королевской власти, послѣ основанія королемъ для себя и для своего рода сравнительно обширнаго и большею частью разноплеменнаго государства на началахъ личнаго властвованія, понимаемаго въ терминахъ частнаго права и хозяйства, такъ и въ результатѣ того, что въ обстановкѣ большого государства осуществленіе народомъ своихъ верховныхъ политическихъ правъ въ организованной формѣ народнаго собранія становится, помимо всего прочаго, фактически невозможнымъ, и народное собраніе прекращаетъ свое существованіе, и его компетенція переходитъ къ другимъ органамъ государства.

Но не одинъ король унаслѣдовалъ публично-правовыя функціи отъ органовъ старой, тацитовской государственности, осложнившія, но не ослабившія частно-правовые элементы его власти. То же слѣдуетъ сказать и объ организованномъ имъ для осуществленія своихъ частно-правовыхъ и частно-хозяйственныхъ интересовъ аппаратѣ. И органы этой частно-правовой и частно-хозяйственной государственности—да позволено будетъ въ интересахъ ясности такъ выразиться,—постепенно заполняли свои по существу частно-правовыя рамки публично-правовымъ содержаніемъ. Королевскіе приказчики, нерѣдко изъ его вольноотпущенниковъ, собиравшіе съ населенія округовъ слѣдуемые королю судебные штрафы, торговыя пошлины и другія поступленія, постепенно захватывали въ свои руки функціи, до тѣхъ поръ всецѣло принадлежавшія должностнымъ лицамъ, стоявшимъ во главѣ старинныхъ округовъ и нѣкогда избиравшимся самимъ народомъ, и такимъ образомъ постепенно сами становились органами государственной организаціи въ настоящемъ, публично-правовомъ смыслѣ этого слова, сначала стоя рядомъ съ органами старой государственности и дѣля съ ними ихъ компетенцію, а съ теченіемъ времени и вовсе ихъ вытѣсняя и захватывая ихъ функціи во всей полнотѣ. Это мы наблюдали у англо-саксовъ на исторіи должностей эалдормена и шериффа, и еще съ большей ясностью увидимъ у франковъ, знакомясь съ эволюціей должности графа и его отношеній съ тунгиномъ. Но и ставъ органами государственной организаціи въ собственномъ смыслѣ этого слова, англо-саксонскіе шериффы и франкскіе графы не утратили своего характера королевскихъ приказчиковъ, обязанныхъ прежде всего блюсти частно-правовые и частно-хозяйственные интересы короля (utilitatem regis facere). Въ результатѣ государственность германскаго варварскаго королевства еще болѣе проникласъ частно-правовыми и частно-хозяйственными тенденціями.

Такимъ образомъ, государственность германскихъ варварскихъ королевствъ носитъ пестрый, смѣшанный характеръ и есть результатъ соединенія, какъ механическаго, такъ отчасти и органическаго, *двухъ совершенно различныхъ режимовъ:* настоящаго государственнаго порядка, сложившагося уже въ эпоху Тацита и гораздо раньше и представляющаго собою организацію общества для обезпеченія внѣшняго и внутренняго мира самимъ народомъ и избираемыми имъ органами, и порядковъ личнаго властвованія короля надъ основаннымъ имъ путемъ завоеванія и иного подчиненія племенъ и территорій королевствомъ, понимаемаго имъ и осуществляемаго въ терминахъ частнаго права и хозяйства. Этотъ *дуализмъ* лежитъ въ основѣ политическихъ образованій германцевъ, возникшихъ на территоріи Римской имперіи, и является фактомъ, опредѣляющимъ ихъ дальнѣйшую эволюцію; съ нимъ намъ приходится считаться, можно сказать, на каждомъ шагу при изученіи этой эволюціи на протяженіи цѣлаго ряда вѣковъ, и, только уяснивъ его себѣ во всемъ его значеніи, мы можемъ, въ частности, понять генезисъ и существо феодальнаго государства.

Со всею силою подчеркивая частно-правовые элементы, присущіе королевской власти въ германскихъ варварскихъ государствахъ, поскольку они отражаются на всемъ существѣ варварской государственности, мы должны еще указать и на то, что королевская власть еще и въ иныхъ формахъ проявляетъ себя какъ одинъ изъ видовъ столь обычной въ тогдашнемъ обществѣ частной власти. Какъ и всякій другой обладатель частной силы и власти, какъ и всякій другой магнатъ (vir potens), король бралъ подъ свою частную защиту тѣхъ, кто къ ней прибѣгалъ, кто признавалъ его своимъ патрономъ, сеньеромъ и для этого коммендировался ему, и эта защита, ничѣмъ по существу не отличаясь отъ той защиты, которую давалъ своему *человѣку* (homo) всякій другой сеньеръ, вовсе не совпадала съ той, какую обезпачивалъ всѣмъ и каждому изъ своихъ подданныхъ король какъ глава государства и охранитель общаго, королевскаго мира. Въ этомъ же качествѣ представителя частной силы и власти король имѣлъ вассаловъ, военныхъ товарищей и слугъ, связанныхъ лично съ нимъ узами частнаго договора, обезпечивающаго ихъ вѣрность ему, какъ сеньеру, помимо той общей вѣрности, которой они, какъ подданные, обязаны были ему какъ королю, главѣ государства. Все это еще болѣе усиливало частноправовую атмосферу варварскаго государства. Тѣмъ меньше правъ имѣемъ мы видѣть въ развитіи частной власти, дѣлавшемъ, какъ мы знаемъ, все большіе и большіе успѣхи въ германскихъ королевствахъ, нѣчто новое и чуждое существу ихъ государственнаго по-

рядка, прямое отрицаніе этого порядка, а въ этомъ послѣднемъ— воплощеніе принциповъ публичнаго права во всей ихъ чистотѣ и послѣдовательности.

Къ сказанному немного остается прибавить для общей характеристики королевской власти во франкскомъ государствѣ. Если у древнихъ германцевъ королей выбирали, хотя обыкновенно и изъ членовъ одного королевскаго рода, то въ государствѣ, основанномъ Хлодвигомъ и его сыновьями, о выборѣ короля народомъ нѣтъ уже и рѣчи, и королевская власть, какъ мы знаемъ, дѣлилась между наслѣдниками, какъ и всякое другое фамильное достояніе. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока успѣла вырости, въ значительной мѣрѣ при содѣйствіи самой королевской власти, новая общественная сила въ лицѣ франкской аристократіи, которая и стала оказывать вліяніе при рѣшеніи вопроса о переходѣ верховной власти и самой власти ставила опредѣленныя границы, тѣмъ болѣе необходимыя, что въ результатѣ завоевательныхъ успѣховъ власть эта временами вырождалась въ самый необузданный и дерзкій произволъ, попиравшій всякое право и законъ. Поднятію престижа королевской власти могло способствовать и перенесеніе на нее католическою церковью ветхозавѣтныхъ представленій о святости Богомъ дарованной царской власти. Не безъ вліянія римскихъ публично-правовыхъ понятій во франкскомъ государствѣ, при фактическомъ могуществѣ короля, очень быстро укоренилось и получило широкое развитіе понятіе объ оскорбленіи величества, не оставившее и слѣдовъ королевскаго вергельда, которые мы еще находимъ у англосаксовъ, ставившихъ нѣкогда, какъ мы знаемъ, короля въ этомъ отношеніи на одну линію со всѣми свободными людьми его королевства (см. выше. стр. 228), и въ Рипуарской Правдѣ мы, напримѣръ, читаемъ: «Если кто окажется невѣрнымъ въ отношеніи къ королю, поплатится жизнью, а все его имущество пусть будетъ отписано фиску (Si quis homo regi infidelis exstiterit, de vita conponat, et omnes res ejus fisco censeantur)». Вѣрность королю закрѣплялась присягой (можетъ быть, тоже не безъ римскаго вліянія), которую король или отбиралъ отъ всѣхъ своихъ подданныхъ лично, предпринимая для этого объѣздъ всѣхъ своихъ владѣній, или разсылалъ для этого своихъ чрезвычайныхъ уполномоченныхъ. Мы уже имѣли случай указать на то, что эта присяга ничѣмъ по существу не отличалась отъ той клятвы, которой связывалъ себя съ своимъ сеньеромъ тотъ, кто отдавалъ себя подъ его частную власть и такимъ образомъ становился однимъ изъ его *людей* (homines); да и сама терминологія не оставляетъ на этотъ счетъ никакихъ сомнѣній: изъ одной изъ дошедшихъ до насъ отъ эпохи меровинговъ формулъ

мы узнаемъ, что меровинги требовали отъ своихъ подданныхъ fidelitatem (вѣрность) et leudesamio (ср. leudes-homines-*люди*; leudesamio-hominium-франц. l'hommage). Былъ высказанъ взглядъ, что присяга была введена сыновьями Хлодвига какъ замѣна выбора короля народомъ, для того чтобы связать народъ клятвой вѣрности, заключавшей въ себѣ признаніе народомъ вступившаго во власть безъ его согласія короля.

Фактическая сила и могущество короля нашли свое правовое выраженіе, какъ это было и въ другихъ германскихъ государствахъ, въ развитіи королевскаго *банна*, этого принадлежавшаго еще древнегерманскимъ королямъ права издавать, въ предѣлахъ существующаго обычнаго права племени, распоряженія и подъ угрозой наказанія требовать повиновенія имъ. Изъ этого скромнаго права распоряженій очень скоро выростаетъ военное, судебное, полицейское, административное, отчасти законодательное верховенство короля. За нарушеніе королевскаго повелѣнія въ любой изъ областей государственнаго управленія слѣдуетъ штрафъ въ 60 солидовъ, или шиллинговъ, также носящій названіе королевскаго банна (bannus dominicus).

Въ какой мѣрѣ на развитіи королевскаго банна сказалось вліяніе imperium'а римскаго императора, въ права котораго въ отношеніи къ коренному населенію Галліи вступилъ франкскій король, да и вообще сказалось ли оно, сказать трудно. Осязательнѣе римское вліяніе въ организаціи королевской канцеляріи, въ монетной системѣ, отчасти въ податной организаціи, поскольку франкскій король пытается распространить сохранившуюся среди римскаго населенія Галліи систему податей и на своихъ германскихъ подданныхъ, не говоря уже о римскихъ титулахъ, которыми любили украшать себя франкскіе короли, въ родѣ vir inluster, proconsul, augustus, princeps, dominus.

Но и эти случаи несомнѣннаго вліянія римской государственности едва ли коснулись существа варварской государственности съ тѣми ея основными особенностями, которыя мы характеризовали въ предшествующемъ изложеніи, являясь лишь внѣшнимъ ея дополненіемъ и украшеніемъ. Въ частности, вступленіе франкскаго короля въ фискальныя права римскаго императора и во владѣніе принадлежавшими ему домэнами должно было очень усилить его могущество; но это усиленіе совершалось въ рамкахъ варварской государственности, скорѣе выдвигая частно-правовую сторону королевской власти, чѣмъ перестраивая эту власть въ новомъ, романскомъ стилѣ. Этимъ мы, конечно, еще не рѣшаемъ общаго вопроса о вліяніи на франковъ римской государственности и римской куль-

туры вообще и о дальнѣйшей судьбѣ римской государственности и культуры, которую застали франки въ покоренной ими Галліи. Намъ придется касаться этого большого вопроса еще не разъ.

Образованіе обширной франкской державы, вызвавъ рѣзкое усиленіе королевской власти, сдѣлало въ то же время невозможнымъ дальнѣйшее существованіе народнаго собранія, какъ правильно функціонировавшаго верховнаго органа политической власти и жизни народа. Мы уже имѣли случай указывать на несовмѣстимость непосредственнаго народоправства съ широкой государственностью, дѣлающей фактически неосуществимымъ непосредственное осуществленіе народомъ, всѣми свободными людьми государства, своихъ политическихъ правъ въ правильно организованной формѣ народнаго собранія (см. выше, стр. 226).

Пока франки, до объединенія ихъ Хлодвигомъ, жили разрозненными политическими группами, составлявшими небольшія самостоятельныя королевства, въ каждомъ изъ этихъ королевствъ могло существовать настоящее народное собраніе, на что указываютъ извѣстія о древнѣйшемъ періодѣ франкской исторіи, свидѣтельствующія даже о правѣ этихъ собраній избирать королей (самъ Хлодвигъ былъ избранъ въ короли рипуарскихъ франковъ въ народномъ собраніи этого племени). Собранія эти, какъ и народныя собранія (concilia) тацитовской поры, были собраніями вооруженнаго народа и поэтому могли являться и военными смотрами. Для военныхъ смотровъ собиралъ свои военныя силы и Хлодвигъ, уже стоя во главѣ обширнаго разноплеменнаго государства, и эти военныя собранія происходили весною, въ мартѣ, и поэтому носили названіе *Мартовскаго поля* (Campus Martius, Märzfeld). Повидимому, по традиціи и эти собранія продолжали въ той или иной мѣрѣ сохранять и характеръ политическихъ собраній. Когда при преемникахъ Хлодвига франкское государство фактически распалось на три королевства—Нейстрію, Бургундію и Австразію, Мартовскія поля сохранились лишь въ Австразіи, гдѣ преобладало германское населеніе; здѣсь они попрежнему отправляли и нѣкоторыя политическія функціи, и на нихъ попрежнему собравшіеся приносили королю обычные ежегодные подарки. Когда австразійскіе магнаты Арнульфинги въ качествѣ палатныхъ мэровъ возстановили единство франкской державы и основали на смѣну Меровинговъ новую династію, получившую по имени самаго знаменитаго изъ нихъ Карла Великаго названіе Каролинговъ, они распространили обычай Мартовскихъ полей на все франкское государство.

Чтобы представить себѣ яснѣе дѣйствительный характеръ и дѣйствительную роль Мартовскихъ полей какъ политическаго учре-

жденія, слѣдуетъ имѣть въ виду, что и австразійскіе Меровинги, и вновь объединившіе франковъ и ихъ государства Арнульфинги собирали свое войско на Мартовское поле одновременно съ созывомъ *собранія магнатовъ*, свѣтскихъ и духовныхъ. Можетъ быть, и это собраніе можно поставить въ связь съ исконнымъ германскимъ учрежденіемъ. Если Мартовскія поля въ извѣстной мѣрѣ продолжали традицію древне-германскаго народнаго собранія, то собранія магнатовъ, созывавшіяся меровингскими королями какъ Австразіи, такъ и Нейстріи и Бургундіи, а потомъ основателями и представителями новой династіи, правившей уже всей франкской державой, приводятъ на память собранія главарей древне-германскаго общества, которыя, по словамъ Тацита, предварительно обсуждали вопросы, поступавшіе затѣмъ на рѣшеніе народнаго собранія. Конечно, тутъ можетъ быть рѣчь о связи лишь самаго общаго характера, такъ какъ и составъ собранія, и его правовая позиція во франкскомъ государствѣ совсѣмъ иные.

Собранія магнатовъ пріобрѣтали все больше и больше значеніе по мѣрѣ роста служилой и землевладѣльческой аристократіи во франкскомъ обществѣ. Въ составъ ихъ входили высшіе придворные сановники, а также королевскіе дружинники, такъ называемые *антрустіоны*, королевскіе люди, *левды*, въ спеціальномъ смыслѣ этого слова, соотвѣтствующіе королевскимъ тэнамъ, засѣдавшимъ въ англо-саксонскомъ уитенагемотѣ, затѣмъ представители областной администраціи въ лицѣ герцоговъ, графовъ и доместиковъ (о всѣхъ ихъ рѣчь впереди) и, наконецъ, епископы, которые совмѣстно со свѣтскими магнатами обуждали представленныя на ихъ разсмотрѣніе общегосударственныя дѣла, но также замыкались въ отдѣльное чисто церковное собраніе, образуя синодъ, который короли считали удобнымъ созывать одновременно съ общимъ собраніемъ магнатовъ.

Повидимому, собранія эти и при Меровингахъ созывались королемъ два раза въ годъ: кромѣ марта еще и въ октябрѣ. Въ мартѣ, какъ было указано уже, они собирались одновременно съ Мартовскимъ полемъ, и рѣшенія ихъ оповѣщались собранному для смотра войску, которое такимъ образомъ играло здѣсь роль народа, формальнымъ согласіемъ котораго правительство считало нужнымъ заручиться, когда оно издавало выработанные въ собраніи магнатовъ законы или принимало какія-либо иныя особенно важныя рѣшенія.

Что касается компетенціи собраній магнатовъ, то она не была поставлена въ какія-либо опредѣленныя рамки: король предлагалъ на обсужденіе ихъ всѣ важныя дѣла государства, какія считалъ

нужнымъ обсудить внѣ болѣе тѣснаго круга своихъ придворныхъ совѣтниковъ. Созывать эти собранія было правомъ короля, но не было его обязанностью въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это былъ обычай, который король не считалъ удобнымъ нарушать, и только. Но такова была теорія. Фактически же все зависило отъ взаимоотношенія общественныхъ силъ и отъ обстоятельствъ каждаго даннаго момента. Когда и пока была сильна королевская власть, она могла чувствовать себя болѣе независимой, и собраніе магнатовъ могло являться всего лишь королевскимъ совѣтомъ, который король созывалъ, когда ему было угодно, и мнѣніе котораго онъ могъ считать для себя необязательнымъ. Но при ослабленіи королевской власти и при усиленіи служилой аристократіи собранія магнатовъ становились учрежденіемъ, все болѣе и болѣе ограничивавшимъ королевскую власть не только фактически, но и юридически, одновременно съ этимъ пріобрѣтая и болѣе опредѣленную организацію. Мы еще вернемся къ нимъ, когда будемъ разсматривать организацію каролингской монархіи.

Органомъ управленія франкской державой, ея правительствомъ являлся *королевскій дворъ* (palatium, domus regia, aula regis). У франкскихъ королей не было постоянной резиденціи, и они переѣзжали со всѣмъ своимъ дворомъ изъ одного изъ своихъ многочисленныхъ помѣстій (виллъ, villae) въ другое и устраивались здѣсь въ находившихся здѣсь и въ изобиліи снабженныхъ всѣми необходимыми приспособленіями и запасами дворцахъ (пфальцахъ, отъ лат. слова palatium—дворецъ). Эти постоянныя передвиженія королевской резиденціи, а вмѣстѣ съ этимъ и центра управленія находятъ свое объясненіе въ натурально-хозяйственной обстановкѣ, въ которой жило тогдашнее франкское общество: при слабомъ развитіи обмѣна и транспорта приходилось потреблять сельско-хозяйственные запасы на мѣстахъ ихъ производства и на недалекомъ разстояніи отъ нихъ. Можетъ быть и административныя соображенія играли здѣсь роль: періодическое появленіе правительства въ разныхъ частяхъ государства должно было оживлять и укрѣплять его авторитетъ среди населенія и парализовать стремленія къ независимости со стороны территоріальныхъ мѣстныхъ властей.

Смѣшанный характеръ королевской власти и всей представляемой ею государственности вполнѣ отразился на характерѣ и организаціи королевскаго двора. Королевскій дворъ является прежде всего разновидностью двора обыкновеннаго франкскаго магната. Какъ и въ этомъ послѣднемъ, здѣсь мы видимъ многочисленный штатъ личныхъ слугъ короля, распредѣленныхъ по разнымъ отра-

слямъ его обширнаго домашняго хозяйства, и лицъ, завѣдующихъ этими хозяйственными отраслями, а также сосредоточивающихъ въ своихъ рукахъ управленіе королевскими помѣстьями, не отданными въ чужія руки. Весь этотъ служебный персоналъ и стоявшіе во главѣ его министеріалы первоначально въ огромномъ большинствѣ состоялъ изъ рабовъ или вольноотпущенниковъ; на это указываютъ, между прочимъ, названія этихъ министеріаловъ, ставшихъ впослѣдствіи важными сановниками двора и государства, какъ сенешалъ (senecalcus, siniscalh — старшій рабъ), стоявшій первоначально во главѣ всего служебнаго персонала и, повидимому, имѣвшій и другое, латинское названіе maior domus (майордомъ), маршалъ (mariscalcus — рабъ, завѣдующій лошадьми, конюшій) и др. Среди слугъ франкскаго магната были и вооруженные слуги, составлявшіе вмѣстѣ съ его военными товарищами его военную силу, безъ которой въ тѣ времена ему было бы трудно сохранить свое матеріальное и соціальное положеніе. Были они и у короля.

Въ качествѣ двора королевскаго этотъ типичный дворъ франкскаго магната долженъ былъ подвергнуться нѣкоторымъ измѣненіемъ, которыя, однако, не привели къ его коренному переустройству. Хозяйство магната-короля чрезвычайно расширилось и усложнилось, въ особенности, когда онъ оказался во главѣ обширной разноплеменной державы, и ему пришлось организовать эксплоатацію новыхъ и богатыхъ источниковъ хозяйственныхъ благъ въ видѣ всякаго рода поступленій, слѣдуемыхъ ему какъ главѣ государства, и въ видѣ огромныхъ земельныхъ фондовъ, доставшихся ему отъ римскаго фиска и иными путями. Но, кромѣ эксплоатаціи новыхъ источниковъ хозяйственныхъ благъ, приходилось заботиться и объ организаціи военныхъ силъ большого политическаго цѣлаго и объ обезпеченіи въ немъ внутренняго мира и порядка, опираясь на существовавшую въ отдѣльныхъ частяхъ этого цѣлаго военную и судебную организацію; приходилось, однимъ словомъ, не только эксплоатировать создававшееся путемъ завоеванія обширное политическое соединеніе въ частно-хозяйственныхъ интересахъ короля и его дома, но и управлять имъ.

И всѣ эти сложныя заботы были возложены на тотъ же несложный по существу аппаратъ, созданный для хозяйственныхъ надобностей большого магнатскаго дома, соотвѣтственно осложненный новыми органами, иногда создававшимися по римскимъ образцамъ. Не удивительно, что должностныя лица меровингской (да и каролингской) центральной и областной администраціи являются больше приказчиками короля и министеріалами его магнатскаго дома, чѣмъ органами государственнаго управленія, совмѣщая со своими

обязанностями по дому и по хозяйству короля и обязанности по управленію государствомъ, тоже вѣдь понимавшимся королемъ въ терминахъ частнаго права и хозяйства.

Мы не будемъ перечислять всѣхъ этихъ королевскихъ слугъ, ставшихъ главными сановниками двора и государства. Назовемъ лишь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Thesaurarius или cubicularius завѣдывалъ королевской казной какъ въ деньгахъ, такъ и въ драгоцѣнностяхъ и въ то же время являлся чѣмъ-то въ родѣ министра финансовъ, у котораго хранились податные списки и который составлялъ роспись доходовъ и расходовъ; подъ его начальствомъ находились camerarii Marescalcus, ставъ придворнымъ сановникомъ, получилъ латинское наименованіе comes stabuli, constabulus и, сохраняя за собою руководство конюшеннымъ вѣдомствомъ, нерѣдко во время войны становился во главѣ франкскаго войска; титулъ marescalcus переносится на болѣе скромныхъ представителей конюшеннаго управленія. Если прежде сенешаломъ (seniscalcus) назывался старшій рабъ, стоявшій во главѣ всего служебнаго персонала и всего хозяйства магнатскаго дома, тотъ, кого на латинскомъ языкѣ того времени называли maior domus, то теперь, когда майордомъ сталъ во главѣ королевскаго двора въ качествѣ главнаго сановника франкскаго государства, онъ уже пересталъ называться сенешаломъ, и это названіе перешло къ двумъ другимъ должностнымъ лицамъ, которыя завѣдывали помѣщеніями королевскаго двора и распоряжались прислугой. Болѣе непосредственно связанными съ государственнымъ управленіемъ были двѣ должности: референдарія (referendarius) и пфальцграфа (comes palatii). Референдаріевъ, какъ и пфальцграфовъ, было нѣсколько. Они завѣдывали королевской канцеляріей, имѣя въ своемъ распоряженіи цѣлый штатъ канцеляристовъ (cancellarii, scribae, notarii), которые подъ ихъ наблюденіемъ изготовляли королевскіе дипломы и всякіе другіе документы и вели всю письменную часть; они представляли королю для подписи предварительно провѣренныя ими грамоты и прикладывали къ нимъ находившуюся у нихъ на храненіи королевскую печать; повидимому, во главѣ ихъ стоялъ главный референдарій (summus referendarius), настоящій канцлеръ меровингскаго государства. Пфальцграфы были главными помощниками короля въ его судебной дѣятельности, непосредственно осуществлявшейся имъ въ верховномъ трибуналѣ, организованномъ при королевскомъ дворѣ. Но они, какъ и всѣ другіе сановники меровингскаго двора, должны были исполнять и всякія другія порученія, которыя возлагалъ на нихъ король, и мы не должны удивляться, встрѣчая, напримѣръ, и пфальцграфовъ, и референдаріевъ и во главѣ франкскаго войска.

Мы уже упоминали о *майордомѣ* (maior domus), или *палатномъ мэрѣ*. Онъ стоялъ во главѣ королевскаго двора (былъ princeps, rector, praefectus palatii) въ его двойномъ значеніи магнатскаго дома и центра государственнаго управленія и, слѣдовательно, совмѣщалъ въ своихъ рукахъ обязанности по управленію дворомъ и по управленію государствомъ («palatium gubernat et regnum» говоритъ о немъ одинъ хроникеръ). Всѣ должностныя лица двора (и государства) были подчинены ему, назначались и смѣщались по его указанію, и всѣ отрасли управленія находились подъ его высшимъ руководствомъ и контролемъ. Онъ былъ первымъ министромъ франкскаго короля, а во время малолѣтства короля и его воспитателемъ. Источники называютъ его вице-королемъ (subregulus), и онъ дѣйствительно былъ главнымъ помощникомъ короля и его замѣстителемъ во всѣхъ областяхъ управленія, какъ гражданскаго, такъ и военнаго, и во время войны становился во главѣ всѣхъ военныхъ силъ государства.

Постепенное сосредоточеніе въ рукахъ палатнаго мэра всѣхъ нитей управленія, все болѣе и болѣе превращавшее его изъ довѣреннаго слуги франкскаго короля въ фактическаго главу франкскаго государства, должно было отразиться и на его правовомъ положеніи. Если первоначально король по своему усмотрѣнію назначалъ и смѣщалъ майордома, какъ и всѣхъ другихъ своихъ слугъ, то съ теченіемъ времени ему пришлось признать его несмѣняемость. Этотъ фактъ стоитъ въ связи съ соціальной позиціей, постепенно занятой майордомомъ какъ главою франкской служилой аристократіи, все болѣе и болѣе усиливавшейся, все болѣе и болѣе заставлявшей королевскую власть считаться съ ея интересами и выслушивать ея мнѣніе въ дѣлахъ государства. Палатный мэръ становится представителемъ интересовъ служилой аристократіи, и не удивительно, что франкскіе магнаты стремятся пріобрѣсти рѣшающій голосъ при замѣщеніи королемъ этой должности, и имъ это удается. И даже болѣе того: они начинаютъ сами выбирать палатнаго мэра, и король уже не можетъ смѣнять его по своей волѣ.

Связавъ свои интересы съ интересами служилой аристократіи, пріобрѣтавшей все большій и большій политическій вѣсъ и самъ являясь самымъ крупнымъ магнатомъ франкскаго общества, располагавшимъ вліяніемъ и властью надъ обширнымъ кругомъ соціально зависимыхъ отъ него людей, палатный мэръ тѣмъ независимѣе становился въ отношеніи къ франкскому королю, все болѣе и болѣе оттѣсняя его на задній планъ и все болѣе и болѣе превращая его въ номинальнаго лишь носителя верховной власти. Въ каждомъ изъ трехъ королевствъ, на которыя распадалась франкская держава,

былъ свой палатный мэръ, а когда въ 613 году Австразія и Бургундія были соединены съ Нейстріей въ одно королевство, управленіе ими попрежнему оставалось въ рукахъ отдѣльныхъ для Австразіи и Бургундіи палатныхъ мэровъ.

Если въ прежнія времена вели между собою войны короли отдѣльныхъ королевствъ франкской державы, побуждаемые къ тому честолюбіемъ и корыстолюбіемъ собственнымъ и своихъ магнатовъ, то теперь мы видимъ такія же войны между майордомами, и въ результатѣ этихъ войнъ вся фактическая власть надъ всей франкской державой переходитъ къ австразійскому майордому и герцогу Пипину, который послѣ побѣды, одержанной имъ въ 687 году при Тертри (Tertri) надъ нейстрійскимъ майордомомъ Берхаромъ сдѣлалъ должность и власть майордома наслѣдственнымъ достояніемъ своего рода (Арнульфинговъ). Если прежде дѣлили франкскую державу между своими сыновьями франкскіе короли, то теперь стали дѣлить ее между своими сыновьями франкскіе майордомы (изъ рода Арнульфинговъ), передавая имъ вмѣстѣ съ тѣми или иными областями и титулъ палатнаго мэра. До поры до времени продолжаетъ еще вести уже чисто призрачное политическое существованіе оффиціальный коронованный представитель верховной власти во франкскомъ государствѣ, уже всецѣло зависѣвшій отъ майордома и всѣмъ ему обязанный, даже короной; но въ 751 году уже и корона перешла къ палатному мэру, должность майордома перестала существовать, и занимавшій ее Пипинъ Короткій сталъ первымъ королемъ новой династіи Арнульфинговъ или Пипиннидовъ, болѣе всего извѣстной подъ именемъ Каролинговъ. Но объ этомъ позже.

Населеніе королевскаго двора было весьма многочисленно и разнообразно. Кромѣ должностныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ многочисленнаго служебнаго персонала и вѣдавшихъ разныя отрасли дворцоваго и государственнаго управленія, мы здѣсь находимъ цѣлые кадры близкихъ къ королю людей, не имѣвшихъ опредѣленныхъ должностныхъ обязанностей, но исполнявшихъ разныя возлагавшіяся на нихъ королемъ порученія и составлявшихъ главный контингентъ его совѣтниковъ, съ которыми онъ рѣшалъ важнѣйшія дѣла и которые входили въ составъ королевскаго суда, этого верховнаго трибунала франкскаго государства. Тѣ, кто составляетъ самый верхній слой этихъ придворныхъ (aulici, palatini), носятъ прямо таки оффиціальное наименованіе proceres, principes, optimates, seniores, priores, palatii, primi de latere regis, majores natu regni; но и между ними есть ранги: одни изъ нихъ magnifici, другіе magnificentissimi, третьи — illustres и т. п. Есть среди нихъ и военные слуги короля, члены его военной дружины (trustis), его *антрустіоны* (antrustiones), связан-

ные съ нимъ болѣе специфическими узами вѣрности и службы. Не мало при дворѣ короля и духовныхъ лицъ, какъ членовъ его капеллы, такъ и сановниковъ церкви, временно или постоянно пребывающихъ здѣсь и занимающихъ первыя мѣста въ рядахъ королевскихъ совѣтниковъ. Королевскій дворъ является и школой, гдѣ сыновья магнатовъ получаютъ подъ руководствомъ тѣхъ или иныхъ сановниковъ, подъ опеку которыхъ ихъ отдали ихъ отцы, воспитаніе и образованіе (eruditionem palatinam, aulicas disciplinas), подготовляющее ихъ къ дворцовой и государственной службѣ, которую они тутъ же и начинаютъ, какъ только пройдутъ весь курсъ «дворцовой науки».

Областная администрація франкскаго государства отличалась крайней несложностью. Да и задачи ея были несложны, въ особенности на первыхъ порахъ. Извлеченіе изъ населенія всего, что полагалось королю какъ главѣ государства, эксплоатація королевскихъ земельныхъ богатствъ и обезпеченіе повиновенія королю со стороны его подданныхъ, а также обезпеченіе внѣшней безопасности,—вотъ и всѣ эти задачи, и для ихъ рѣшенія не было надобности въ сложномъ административномъ механизмѣ. Разсылавшіеся королемъ на мѣста временные комиссары для взысканія слѣдуемой королю части судебныхъ штрафовъ (а можетъ быть, и для другихъ взысканій), такъ называемые *сацебароны* (sacebarones) и королевскіе агенты, постоянно находящіеся на мѣстѣ, поставленные во главѣ опредѣленныхъ округовъ *графы* (grafio, Graf, comes), надѣленные прежде всего военной и полицейской властью, но также и другими, въ частности, фискальными полномочіями,—въ такомъ видѣ представляется намъ франкская администрація при Хлодвигѣ по даннымъ Салической Правды (V в.) и по болѣе позднимъ даннымъ, ихъ дополняющимъ.

Не нужно забывать, что въ лицѣ сацебароновъ и графовъ мы имѣемъ лишь внѣшній полицейско-фискальный аппаратъ, съ помощью котораго королевская власть осуществляла свои прежде всего матеріальныя права надъ подвластнымъ ей обществомъ, которое попрежнему сохраняло свою собственную организацію, съ помощью которой оно удовлетворяло основныя потребности общежитія.

Это была все та же исконная общественная организація, которую общими штрихами рисуютъ намъ еще Цезарь и Тацитъ: деревенская община, представлявшая собою не хозяйственный лишь, аграрный союзъ, но основную ячейку общественной организаціи, компетентную собственными средствами рѣшать всѣ основные вопросы мѣстной жизни, и сотенный округъ, сотня, т.-е. соединеніе деревенскихъ общинъ въ группы для совмѣстнаго отправленія общественнаго правосудія.

Попрежнему всѣ свободные люди *сотеннаго округа* (centena, Hundertschaft) должны были въ опредѣленные сроки (разъ въ шесть недѣль) собираться на сотенное собраніе (въ Салической Правдѣ оно носитъ названіе *mallus*, а мѣсто, гдѣ оно происходитъ, называется *malloberg*) и подъ предсѣдательствомъ *тунгина* (thunginus), должностного лица округа, въ составъ котораго входила данная сотня, или подъ предсѣдательствомъ должностного лица, стоявшаго во главѣ сотни, такъ называемаго *центенара* (centenarius) (если это было экстренное собраніе), разбирать и улаживать тяжбы съ помощью той же сакральной процедуры суда божьяго, съ помощью которой разбирали ихъ и улаживали ихъ предки подъ руководствомъ избиравшихся для этого въ народныхъ собраніяхъ principes regionum atque pagorum.

Повидимому, уже въ раннее время изъ всей массы присутствовавшихъ въ сотенномъ собраніи свободныхъ выдѣлилась болѣе тѣсная группа самыхъ значительныхъ въ соціальномъ смыслѣ людей, такъ называемыхъ *рахимбурговъ* (rachinburgii, rachymburgii), или *boni homines*, къ которымъ и перешла болѣе активная роль въ судебной дѣятельности собранія. Подобное явленіе мы уже наблюдали у англосаксовъ: группа изъ 12 «старшихъ тэновъ» играла у нихъ ту же роль въ сотенномъ собраніи, что и франкскіе рахимбурги.

Ни сацебароны, ни графъ въ этомъ судѣ первоначально никакого участія не принимали. Они могли присутствовать здѣсь, чтобы получить слѣдуемую королю часть судебныхъ штрафовъ, которые должны были платить нарушившіе чужое право вмѣстѣ съ выкупами, которыми они возмѣщали истцамъ нанесенный имъ матеріальный уронъ. Что же касается, въ частности, графа, то онъ даже нуженъ былъ суду, чтобы заставить отвѣтчика уплатить въ опредѣленный срокъ истцу то, къ чему приговорило его сотенное собраніе, такъ какъ въ эпоху Салической Правды, т.-е. въ моментъ основанія Хлодвигомъ франкской державы, на графа была возложена обязанность приводить въ исполненіе приговоры народнаго суда (вѣдь въ этомъ фискально былъ заинтересованъ король). Но это вмѣшательство королевскаго агента въ судебное дѣло было поставлено въ очень опредѣленныя правовыя рамки, дѣлавшія его возможнымъ лишь послѣ того, какъ самъ судъ предварительно исчерпаетъ всѣ свои процессуальныя средства.

И въ правовую жизнь самой мелкой общественной ячейки, деревенской общины, графъ могъ вмѣшиваться лишь въ качествѣ послѣдняго средства, къ которому слѣдовало прибѣгать лишь послѣ того, какъ сама община пустила въходъ всѣ свои процессуальные рессурсы и не достигла цѣли: только послѣ троекратнаго торжественнаго предложенія, обра-

щеннаго къ неправомѣрно занявшему общинный участокъ, къ опредѣленному сроку оставить участокъ и послѣ перенесенія дѣла въ сотенное собраніе протестующіе члены общины обращаются за содѣйствіемъ къ графу, прося его выдворить неправомѣрнаго владѣльца общинной земли, и только тогда онъ примѣняетъ свою полицейскую силу.

И не только франки (салическіе и рипуарскіе), но и всѣ другія германскія племена, и войдя въ составъ основанной Хлодвигомъ и его сыновьями франкской державы, продолжали жить каждое по своему племенному праву, которое теперь было записано и постепенно дополнено новыми статьями. Такъ возникли (между половиной V и половиной IX в.) такъ называемыя «варварскія правды», «leges barbarorum», представлявшія собою сборники судебныхъ обычаевъ, судебники, въ которыхъ мы находимъ тарифы вергельдовъ и судебныхъ штрафовъ и описаніе формъ судопроизводства. Раньше другихъ, еще при Хлодвигѣ, возникла такимъ образомъ *Салическая Правда (Lex Salica)*, затѣмъ *Рипуарская Правда (Lex Ribuaria)*, затѣмъ двѣ записи швабскаго права, именно такъ называемый *Pactus Alamannorum* и *Lex Alamannorum*, и къ концу меровингскаго періода *Баварская Правда (Lex Baiuwariorum);* къ каролингской эпохѣ относятся *Фризская Правда (Lex Frisionum)*, *Саксонская Правда (Lex Saxonum)*, *Правда Англовъ и Туринговъ (Lex Angliorum et Werinorum)* и *Правда Хамавовъ* (одной изъ вѣтвей франкскаго племени), такъ называемая *Lex Chamavorum.*

И военная организація общества оставалась прежняя: попрежнему каждый свободный человѣкъ долженъ былъ во время войны выступать въ походъ и на свой счетъ содержать себя во время похода. И эта натуральная государственная повинность распространяется на всѣ племена, вошедшія въ составъ франкской державы, не исключая и римскихъ провинціаловъ Галліи. Графы лишь ведутъ на войну свободныхъ людей своего округа.

Что касается округовъ, во главѣ которыхъ были поставлены графы (нѣмецкимъ, названіемъ для этихъ округовъ является *Gau*, латинскимъ *pagus*) то и они были организованы примѣнительно къ существовавшимъ, еще до возникновенія обширной франкской державы, въ германскихъ и романскихъ областяхъ, потомъ вошедшихъ въ ея составъ, областнымъ дѣленіямъ. Въ Галліи такими административными округами франкскаго королевства стали уже знакомые намъ римскіе муниципальные (городскіе) округа, civitates, а въ чисто германскихъ областяхъ—старинные Gaue или pagi, извѣстныя намъ еще изъ Цезаря и Тацита подраздѣленія племенныхъ

государствъ, не вполнѣ утратившія свою индивидуальность и въ болѣе широкомъ политическомъ союзѣ. Не всѣ, правда, графства (Grafschaftsgau) совпадали со старинными Gaue или pagi: нерѣдко эти послѣдніе дробились на нѣсколько графствъ.

Должность графа скоро пріобрѣтаетъ руководящее значеніе въ мѣстномъ управленіи, и власть его все расширяется, съ одной стороны, на счетъ власти временныхъ комиссаровъ короля, сацебароновъ, которые и вовсе сходятъ со сцены, а съ другой—на счетъ компетенціи исконныхъ мѣстныхъ властей, которыя или вовсе сходятъ со сцены, или превращаются въ помощниковъ графа. Такова, въ частности, была судьба главы Gau, тунгина, который до сихъ поръ былъ единственнымъ обычнымъ предсѣдателемъ сотеннаго собранія: въ VI столѣтіи онъ и вовсе исчезаетъ, и всѣ его права переходятъ къ графу, въ частности, и предсѣдательство въ обычныхъ судебныхъ собраніяхъ сотенныхъ округовъ, входившихъ въ составъ его графства (обычныя сотенныя собранія, собиравшіяся каждыя шесть недѣль, носили названіе *mallus legitimus*, *das echte Ding* въ отличіе отъ экстренныхъ собраній, такъ называемыхъ *gebotene Dinge)*, а центенаръ превращается въ его помощника, не сдѣлавшись, однако, благодаря этому королевскимъ чиновникомъ, назначаемымъ королемъ и огражденнымъ тройнымъ вергельдомъ, и продолжая оставаться въ той или иной мѣрѣ общественнымъ избранникомъ.

Ставъ предсѣдателемъ сотенныхъ собраній, графъ такимъ образомъ окончательно превратился изъ королевскаго приказчика, изъ фискальнаго и полицейскаго агента короля, блюстителя его частно-хозяйственныхъ интересовъ, въ публично-правовую категорію, не утративъ, тѣмъ не менѣе, чертъ министеріальнаго происхожденія своей должности и ея частно-хозяйственныхъ тенденцій. Эти послѣднія давали себя знать во всей силѣ подвластному графу населенію, которое подчасъ очень страдало отъ слишкомъ ужъ откровеннаго трактованія графомъ своихъ должностныхъ функцій какъ источника дохода для короля и для самого графа, который нерѣдко (а можетъ быть, и всегда) покупалъ свою должность у короля за большія деньги, увѣренный, что она вернетъ ему съ лихвой затраченное. Можно только повторить слова Ф. де-Куланжа, что графъ былъ чѣмъ-то въ родѣ откупщика, эксплоатировавшаго графство для короля и для себя (VI, 435). Если по закону въ пользу графа шла лишь третья часть судебныхъ штрафовъ и доходы съ помѣстій, связанныхъ съ его должностью, то на практикѣ онъ далеко выходилъ изъ предѣловъ этого законнаго максимума, превращая его въ самый скромный минимумъ съ помощью средствъ, находившихся въ

рѣзкомъ противорѣчіи съ закономъ, который онъ долженъ былъ охранять. Объ этомъ свидѣтельствуетъ каждая страница Григорія Турскаго, франкскаго лѣтописца. Во время своихъ разъѣздовъ по графству (для предсѣдательствованія въ сотенныхъ собраніяхъ и для другихъ служебныхъ надобностей) графъ имѣлъ право требовать отъ населенія крова и содержанія для себя и для своей свиты и подводъ.

Командуя ополченіемъ графства, преслѣдуя бѣглыхъ преступниковъ, требуя съ населенія графства содержанія въ исправности дорогъ и мостовъ, взыскивая съ него подати и всякаго рода пошлины, призывая его къ отправленію натуральныхъ государственныхъ повинностей, графъ долженъ былъ постоянно осуществлять принадлежавшую ему принудительную власть (districtio, bannus) и за ослушаніе имѣлъ право штрафовать всякаго 15 шиллингами.

Разносторонность компетенціи графа еще увеличивалась тѣмъ, что графу иногда передавалось и управленіе находившимися на территоріи его округа королевскими помѣстьями (villae); но, повидимому, чаще оно находилось въ рукахъ особаго должностного лица, *доместика* (domesticus).

Нерѣдко въ интересахъ болѣе прочнаго обезпеченія внѣшняго и внутренняго мира во главѣ военныхъ силъ нѣсколькихъ графствъ ставили особое должностное лицо, *герцога* (Herzog, dux). Въ графствахъ, входившихъ въ составъ герцогскаго округа, власть графа не упразднялась, и это иногда давало поводъ къ коллизіямъ между герцогомъ и графами его округа, такъ какъ власть ихъ была по содержанію одинаковой. Въ концѣ концовъ выработался извѣстный modus vivendi, и за графомъ осталось руководство судомъ, а герцогу было предоставлено отчасти общее высшее руководство всей администраціей графства и контроль надъ ней, отчасти особое положеніе высшаго должностного лица. Въ тѣхъ случаяхъ, когда герцогства совпадали съ областями отдѣльныхъ, когда-то самостоятельныхъ племенъ, герцоги скоро пріобрѣли очень самостоятельное положеніе, являясь представителями племенной особности и самостоятельности. Въ Бургундіи и Провансѣ герцоги носили болѣе высокій титулъ *патриція* (patricius) и управляли ввѣренными имъ округами безъ посредства графовъ, которыхъ здѣсь не было.

Ознакомившись съ характеромъ франкской государственности, представлявшей собою въ сущности механическое сочетаніе двухъ политическихъ порядковъ—исконнаго народоправства еще тацитовской поры, при которомъ само общество отправляло свои политическія функціи въ формѣ натуральныхъ государственныхъ повинностей, и единичнаго властвованія короля съ рѣзко выраженными

частно-правовыми и частно-хозяйственными тенденціями, осуществлявшимися съ помощью наложеннаго сверху на исконный государственный порядокъ фискально-полицейскаго аппарата, — мы легко теперь поймемъ, что должно было представлять собою въ франкскомъ государствѣ *государственное хозяйство*.

Разъ само общество на свои собственныя средства отправляло военную и судебную функціи, т.-е. разрѣшало основныя изъ тѣхъ немногихъ задачъ, которыя ставило себѣ тогдашнее государство, то франкское государство, въ сущности, не имѣло нужды въ правительственныхъ средствахъ, въ которыхъ такъ нуждалась, напримѣръ, Римская имперія, содержавшая огромное войско и громадную армію бюрократіи и для этого взвалившая на плечи общества страшно тяжелое податное бремя. Для содержанія своего весьма несложнаго фискально-полицейскаго аппарата король выдѣлялъ часть ($^1/_3$) судебныхъ штрафовъ и поступленія со своихъ спеціально предназначенныхъ для этого помѣстій (виллъ), къ той или иной (напримѣръ, графской) должности приписанныхъ. А между тѣмъ фискальные интересы короля, какъ мы видѣли, играли чуть ли не опредѣляющую роль въ государственномъ управленіи франкскаго королевства. Насъ не должно удивлять это кажущееся противорѣчіе послѣ всего того, что было сказано нами объ общемъ характерѣ варварской государственности. Все то, что получалъ съ общества король въ качествѣ главы государства, онъ разсматривалъ какъ свое частное имущество, которымъ онъ могъ распоряжаться, какъ всякій частный человѣкъ. Это особенно рѣзко бросается въ глаза, когда мы слѣдимъ за судьбой римской податной системы во франкскомъ государствѣ. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ вообще о матеріальныхъ рессурсахъ короля.

Прежде всего король являлся самымъ крупнымъ земельнымъ магнатомъ, обогатившимся больше всего на счетъ римскаго фиска, которому принадлежало въ Галліи много земельныхъ богатствъ, перешедшихъ послѣ завоеванія Галліи къ Хлодвигу и его потомству. Мы уже имѣли случай упоминать о томъ, что завѣдываніе королевскими помѣстьями въ графствѣ принадлежало или самому графу, или особому должностному лицу, доместику. Упоминали мы также и о подаркахъ (dona annualia), которые приносили королю участники Мартовскихъ полей, а также о судебныхъ штрафахъ, которые поступали королю какъ охранителю общественнаго мира съ правонарушителей одновременно съ выкупами, поступавшими потерпѣвшимъ и ихъ родственникамъ. Получалъ король штрафъ и за нарушеніе своихъ повелѣній въ силу принадлежавшаго ему банна, и мы уже видѣли, что за нарушеніе королевскаго банна взыскивали

очень значительную по тому времени сумму въ 60 солидовъ, или шиллинговъ. Не малый доходъ доставляли королю конфискаціи, которымъ подвергалось имущество людей, поставленныхъ внѣ закона, а также приговоренныхъ къ смерти преступниковъ. Имущество не имѣвшихъ наслѣдниковъ лицъ послѣ смерти этихъ послѣднихъ также поступало королю, равно какъ и вергельды не принадлежавшихъ къ родовому союзу людей. Всѣ эти поступленія шли въ королевскую казну черезъ руки графовъ. Казна эта обогащалась еще данью, которую платили франкскому королю зависимыя отъ него племена, а также поступленіями отъ королей или князей иностранныхъ государствъ, искавшихъ дружбы и союза франкскаго короля. Сюда же поступала и слѣдовавшая королю часть военной добычи.

Когда король находился въ пути, подданные обязаны были во время его остановокъ давать кровъ и содержаніе ему и всей его свитѣ. Этотъ тяжелый долгъ принудительнаго гостепріимства падалъ прежде всего, если не исключительно, на духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, которые одни были въ силахъ выполнять его. Правда, упоминаемые въ источникахъ натуральные взносы, которые обязаны были дѣлать имъ зависимые отъ нихъ крестьяне «in adventu regis» («къ пріѣзду короля»), свидѣтельствуютъ о томъ, что магнаты и эти свои расходы покрывали все изъ того же источника, изъ котораго они черпали все, необходимое для собственнаго существованія и для удовлетворенія всѣхъ лежавшихъ на нихъ натуральныхъ государственныхъ повинностей. Съ теченіемъ времени установились опредѣленныя обычныя нормы всего того, что полагалось королю въ такихъ случаяхъ, и входившее въ ту или иную норму количество всякаго рода продуктовъ обозначалось словомъ pastus (вспомнимъ англо-сакс. feorm, pastus); продукты эти магнаты обязаны были отправлять въ мѣсто пребыванія короля, если самъ онъ не осуществлялъ своего права на гостепріимство и для этого не пріѣзжалъ со своей свитой во владѣнія того или иного изъ нихъ; въ этомъ можно видѣть уже выкупъ принудительнаго гостепріимства, замѣну его опредѣленными натуральными взносами. Подданные обязаны были ставить королю и лошадей (paravereda) и подводы (angeriae, parangariae). На все это имѣли право и королевскіе чиновники, когда они ѣхали по казенной надобности; въ такихъ случаяхъ имъ выдавались подорожныя (tractoria) отъ имени короля.

На ряду со всѣми этими источниками поступленій въ распоряженіи франкскаго короля находилась унаслѣдованная имъ отъ Рима податная организація, система прямыхъ и косвенныхъ налоговъ. Мы уже знаемъ, какое огромное значеніе имѣли эти налоги для самой

Римской имперіи, являясь необходимымъ условіемъ самого ея существованія какъ государственной организаціи, удовлетворявшей свои сложныя и разнообразныя потребности съ помощью настоящихъ правительственныхъ средствъ, необходимыхъ для содержанія огромныхъ армій и чрезвычайно сложнаго и дорого стоющаго административнаго механизма. Разложеніе имперіи на рядъ варварскихъ королевствъ, несложныя государственныя потребности которыхъ удовлетворялись самимъ обществомъ путемъ отправленія каждымъ свободнымъ натуральныхъ государственныхъ повинностей, устраняло необходимость правительственныхъ средствъ какъ таковыхъ, и доставшаяся варварскимъ королямъ римская податная организація, естественно, утратила свой государственный смыслъ и превратились въ одинъ изъ источниковъ личнаго обогащенія короля, такой же, какими были уже разсмотрѣнные нами доходы франкскаго короля, и имъ также онъ могъ распоряжаться какъ своимъ частнымъ, личнымъ достояніемъ, давая ему то или иное назначеніе въ зависимости отъ своихъ личныхъ интересовъ. Утративъ свою публично-правовую сущность и перейдя въ сферу частнаго права и хозяйства, въ которой уже находились всѣ другіе доходы франкскаго короля, римскіе налоги стали жить уже общею жизнью съ этими послѣдними, оторванные отъ государственной жизни въ собственномъ смыслѣ, уже не являясь необходимымъ условіемъ самаго существованія государственной организаціи.

Нужно еще принять во вниманіе, что сложная римская податная техника была мало доступна франкскому правительству, и чѣмъ дальше, тѣмъ все труднѣе и труднѣе становилось собирать поголовный и поземельный налогъ съ галло-римскаго населенія франкской державы, которое къ тому же обнаруживало большую неохоту платить его и встрѣчало въ этомъ поддержку со стороны своихъ духовныхъ руководителей, прежде всего епископовъ, игравшихъ, кромѣ того, и большую общественную роль въ качествѣ представителей галло-римской аристократіи. Епископамъ нерѣдко удавалось склонить короля къ освобожденію жителей того или иного городского округа отъ налогового бремени. Бывало, что и самъ король, по собственнымъ побужденіямъ, бросалъ въ огонь податные списки. Григорій Турскій сообщаетъ много любопытныхъ случаевъ въ этомъ родѣ, ярко характеризующихъ взглядъ на налоги какъ тѣхъ, кто ихъ долженъ былъ платить, такъ и самого короля. Разсказываетъ онъ, напримѣръ, о томъ, какъ въ 579 году король Хильперихъ увеличилъ размѣръ поземельнаго налога въ своемъ королевствѣ, и какъ это вызвало общее отчаяніе, заставивъ однихъ эмигрировать въ сосѣднія королевства, а другихъ поднять возмущеніе. Въ Ли-

можѣ толпа сожгла новые податные списки. Король расправился съ возставшими самымъ жестокимъ образомъ. Какъ разъ въ это время заболѣли дѣти короля, и одинъ изъ его сыновей умеръ. Королеву Фредегонду очень поразило это несчастье, и она увидѣла въ этомъ перстъ Божій, наказаніе за корыстолюбіе, проявленное ею и королемъ. «Мы собираемъ сокровища, но теряемъ нашихъ сыновей», сказала она королю. «Сожжемъ эти податные списки». И она приказала принести ей податные списки принадлежавшихъ ей городовъ и бросила ихъ въ огонь. «Сдѣлай, какъ я», сказала она королю, «чтобы по крайней мѣрѣ мы избѣжали мукъ ада, если ужъ наши умершіе сыновья не могутъ быть возвращены». И король сжегъ всѣ податные списки, вполнѣ раздѣляя мысль королевы, что сокровища, которыя онъ съ ихъ помощью собираетъ въ видѣ вина, наполняющаго его погреба, и пшеницы, отъ которой ломятся его житницы, это—слезы бѣдныхъ, вздохи вдовъ и сиротъ, это—скопленіе грабежей и проклятій. Разсказываетъ Григорій Турскій не одинъ случай и того, какъ короли сжигали податные списки того или иного города по просьбѣ епископа даннаго города или аббата. Во всѣхъ этихъ разсказахъ совершенно откровенно проводится взглядъ на налоги, какъ на источникъ личнаго обогащенія короля, къ тому же на счетъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ, у которыхъ, такимъ образомъ, отнимается ихъ послѣднее достояніе, что налогъ осуждается Богомъ и святыми, что взиманіе его не должно оставаться безнаказаннымъ передъ Богомъ, что лишь врагъ рода человѣческаго можетъ внушить королю мысль о немъ.

Попытки франкскихъ королей распространить римскіе прямые налоги на самихъ франковъ уже вовсе не имѣли успѣха, встрѣчая съ ихъ стороны рѣшительное сопротивленіе, опиравшееся на совершенно опредѣленное представленіе, что платить налоги несовмѣстимо со свободой свободнаго, который можетъ по своей доброй волѣ давать королю подарки, но не подлежитъ принудительному обложенію, приличествующему лишь человѣку зависимому.

Неумѣнье пользоваться римскимъ податнымъ механизмомъ, требовавшимъ регулярно измѣняемаго кадастра, который бы отражалъ перемѣны, происходившія въ хозяйственной жизни платящаго налоги населенія, отрицательное отношеніе къ налогамъ со стороны населенія и его духовныхъ руководителей, не видѣвшихъ уже въ обложеніи политической необходимости, которая давала ему санкцію въ эпоху имперіи, и смотрѣвшихъ на него какъ на источникъ ничѣмъ не оправдываемаго и всемѣрно осуждаемаго Богомъ личнаго обогащенія короля на счетъ его подданныхъ, нерѣдко принуждаемыхъ отдавать корыстолюбивому королю послѣднее, частые случаи

уничтоженія королемъ податныхъ списковъ по настоянію епископовъ и аббатовъ и еще болѣе частые случаи простого сложенія королями налогового бремени съ населенія городовъ и городскихъ округовъ,—все это привело къ тому, что доставшаяся франкскимъ королямъ римская податная система сравнительно очень скоро стала умирать естественной смертью, являясь инороднымъ тѣломъ въ новомъ государственномъ организмѣ, въ которомъ она очутилась по волѣ исторіи, чуждая ему и не нужная для его существованія, или вырождалась въ нѣчто, болѣе гармонизующее съ новыми политическими и общественными условіями, въ которыя она попала. Въ частности, мы имѣемъ въ виду римскій поземельный налогъ (capitatio terrena), превратившійся тамъ, гдѣ онъ сохранился, въ обыкновенный наслѣдственный оброкъ, который въ неизмѣнномъ размѣрѣ выплачивался съ нѣкоторыхъ участковъ королю или тому, въ чьи руки переходило вмѣстѣ съ участками и право на него.

Зато для римской системы косвенныхъ налоговъ политическая и культурная обстановка франкскаго королевства была болѣе благопріятной, и поэтому перешедшая отъ Рима система таможенныхъ и рыночныхъ пошлинъ обнаружила бо́льшую жизненность, хотя и превратилась, подобно римской системѣ прямыхъ налоговъ, въ частное право короля, которымъ онъ могъ совершенно свободно распоряжаться какъ своимъ личнымъ, частнымъ имуществомъ и, слѣдовательно, и свободно отчуждать его въ пользу третьихъ лицъ на тѣхъ или иныхъ условіяхъ, и въ источникъ его личнаго обогащенія и, подобно другимъ фискальнымъ правамъ короля, связаннымъ съ принадлежавшимъ ему какъ главѣ государства политическимъ верховенствомъ, постепенно перешла въ частныя руки духовныхъ и свѣтскихъ сеньеровъ. Не слѣдуетъ только думать, что все это чрезвычайно пестрое разнообразіе самыхъ разноименныхъ взиманій, просуществовавшихъ въ Европѣ во все продолженіе среднихъ вѣковъ и далеко въ глубь новаго времени, должно быть сведено къ исключительно римскому источнику. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что огромное большинство этихъ рыночныхъ пошлинъ и пошлинъ, взимавшихся при проѣздѣ или переносѣ товара по тѣмъ или инымъ дорогамъ, рѣкамъ, мостамъ, переправамъ, возникло совершенно самостоятельно, вовсе не нуждаясь для своего возникновенія въ римскихъ образцахъ, вызванныя къ жизни всецѣло хозяйственными и политическими условіями, какъ они сложились въ варварскихъ королевствахъ, условіями, въ равной мѣрѣ благопріятными какъ для сохраненія и приспособленія къ новой обстановкѣ римскихъ таможенныхъ и рыночныхъ пошлинъ, такъ

и для самостоятельнаго возникновенія здѣсь подобныхъ имъ, но болѣе разнообразныхъ и дробныхъ взиманій.

Подобно римской организаціи прямого обложенія и нѣкоторыя другія учрежденія, на которыя опиралась римская государственность умиравшей имперіи, не находили почвы для своего дальнѣйшаго существованія въ обстановкѣ варварскаго, франкскаго королевства. Разумѣемъ прежде всего римскую муниципальную организацію.

Мы уже видѣли, какъ и во что выродилось въ послѣдніе вѣка имперіи римское муниципальное самоуправленіе, и уже знаемъ, что когда-то живые и жизненные общественные организмы, какими были римскіе муниципіи во времена республики и въ первые вѣка имперіи, мало-по-малу были превращены правительствомъ имперіи въ мертвыя, механически двигающіяся колеса колоссальнаго фискальнаго аппарата, необходимаго для самого существованія имперіи какъ государственной организаціи опредѣленнаго типа. Существованіе муниципій какъ насильственно сохраняемыхъ государствомъ его фискальныхъ органовъ возможно было лишь, пока существовало само государство и его фискальныя требованія, въ жертву которымъ приносились и свобода, и благосостояніе муниципальныхъ землевладѣльцевъ, прикрѣпленныхъ къ своей куріи и наслѣдственно несшихъ тяжкое бремя муниципальныхъ повинностей. Съ распаденіемъ имперіи на рядъ варварскихъ королевствъ не стало той желѣзной руки, которая насильственно удерживала отъ естественнаго разложенія муниципальныя организаціи, и въ новой обстановкѣ варварскихъ королевствъ, не нуждавшихся въ той фискальной системѣ, которая являлась вопросомъ жизни для имперіи, муниципальный строй имперіи уже безпрепятственно могъ разлагаться, утративъ тотъ единственный стимулъ, который еще искусственно поддерживалъ въ немъ въ сущности уже призрачную жизнь. Мы уже знаемъ, что во франкскомъ королевствѣ муниципальные округа превратились въ обычные административные округа государства (pagi), и во главѣ ихъ были поставлены графы съ тѣми же разнообразными полномочіями, какими были надѣлены графы и въ чисто германскихъ округахъ королевства. Графы поселились въ центрахъ муниципіевъ, въ городахъ, и представляемый ими новый, чисто варварскій режимъ не оставлялъ уже никакого мѣста для дальнѣйшаго существованія римской муниципальной организаціи съ ея куріями, декуріонами, дуовирами, кураторами, дефенсорами, и всѣ эти обломки когда-то живой старины постепенно перешли въ исторію, оставивъ лишь словесные слѣды, не мало смущавшіе въ свое время историковъ, видѣв-

шихъ въ municipia, curia, curiales, quaestores и подобныхъ имъ муниципальныхъ терминахъ чисто феодальныхъ документовъ несомнѣнныя свидѣтельства того, что римскій муниципальный строй не только пережилъ имперію, но и явился живымъ источникомъ городского строя и городской свободы въ обществахъ среднихъ вѣковъ. Нечего и говорить, что между закрѣпощеннымъ муниципіемъ конца имперіи и свободнымъ городомъ средневѣковой Европы—цѣлая пропасть какъ въ историческомъ, такъ и въ логическомъ смыслѣ, и что каждый изъ нихъ является самостоятельнымъ продуктомъ своеобразнаго общественнаго и политическаго развитія.

И римскимъ коллегіямъ послѣднихъ вѣковъ имперіи не было мѣста въ варварскихъ королевствахъ. И онѣ, подобно муниципіямъ, насильственно были удержаны имперіей отъ естественнаго разложенія, превращенныя ею въ необходимые для ней органы управленія, въ такія же мертвыя колеса ея административнаго механизма. Варварская государственность въ нихъ не нуждалась, а сами они не имѣли жизненной почвы въ условіяхъ натуральнаго хозяйства, къ которымъ вернулась Римская имперія и съ которыхъ начали варварскія королевства. Видѣть въ римскихъ коллегіяхъ отправную точку въ генезисѣ средневѣковыхъ цеховъ—такое же заблужденіе, какъ и выводить строй средневѣковаго города изъ строя закрѣпощеннаго римскаго муниципія. Никакой исторической связи между римскими коллегіями и средневѣковыми цехами не существуетъ.

Поскольку римскому крупному помѣстью конца имперіи были присущи хозяйственныя и соціальныя особенности, непосредственно связанныя съ его фискальной и административной ролью какъ органа государственнаго управленія, и онѣ должны были изгладиться въ новой политической обстановкѣ. Разумѣемъ абсолютную прикрѣпленность колона къ своему участку и тѣсную связь его хозяйственной дѣятельности съ помѣстнымъ центромъ, превращавшія фермерскія хозяйства колоновъ даннаго помѣстья въ единое хозяйственное цѣлое, направляемое изъ центра помѣстья. Колонъ и его трудъ перестали быть однимъ изъ видовъ казеннаго имущества, его помѣщикъ перестали отвѣчать передъ казной за исправное поступленіе податей съ своихъ колоновъ, такъ какъ сами эти подати прекратили свое существованіе, и весь помѣстный строй галло-римскаго населенія постепенно ассимилировался помѣстному строю, самостоятельно слагавшемуся среди чисто германскихъ элементовъ населенія франкской державы въ соотвѣтствіи съ ея хозяйственной, соціальной и политической обстановкой. Но объ этомъ будетъ рѣчь въ другой связи.

III.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію экономическаго и соціальнаго строя франкскаго общества и тѣхъ измѣненій, которымъ онъ постепенно подвергался въ уже знакомой намъ политической обстановкѣ.

Мы уже имѣли случай указывать на то, что свою потребность въ землѣ франки успѣли удовлетворить еще тогда, когда въ своемъ движеніи на западъ распространили свои поселенія не дальше рѣки Соммы, и что поэтому ихъ короли, завоевавъ Галлію, не производили здѣсь раздѣла земли между завоевателями и галло-римлянами. Благодаря этому хозяйственныя и соціальныя условія обширной франкской державы на первыхъ порахъ представляли собою далеко не однообразную картину: въ то время, какъ въ чисто германскихъ областяхъ ея господствовали элементарные порядки хозяйства и владѣнія, мало чѣмъ отличавшіеся отъ тѣхъ, какіе знакомы намъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ, рисующихъ германскій бытъ, въ Галліи продолжалъ существовать тотъ несравненно болѣе сложный хозяйственный и общественный строй, съ какимъ мы познакомились при изученіи Римской имперіи наканунѣ разложенія ея на рядъ варварскихъ государствъ. Постепенно, однако, жизнь производитъ нивеллировку хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній германскихъ и романскихъ частей франкской монархіи, и въ концѣ-концовъ и тамъ, и здѣсь вырабатываются по существу одинаковыя формы, и государству оставалось только приспособлять ихъ къ своимъ интересамъ и самому къ нимъ приспособляться.

Свѣдѣнія о самой ранней извѣстной намъ стадіи хозяйственнаго и соціальнаго развитія франковъ даетъ намъ Салическая Правда. Какъ и у древнихъ германцевъ, у салическихъ франковъ V вѣка господствовало натуральное хозяйство, и главнымъ хозяйственнымъ занятіемъ населенія было земледѣліе, но уже болѣе развитое, чѣмъ у германцевъ эпохи Тацита, кромѣ хлѣбопашества уже знавшее садоводство и огородничество и культуру винограда. Жили салическіе франки, какъ и древніе германцы, сельскими общинами, но пахотная земля уже была раздѣлена между отдѣльными семьями на правѣ частной собственности, что вовсе, однако, не устраняло необходимости для владѣльцевъ отдѣльныхъ участковъ сообразоваться при обработкѣ ихъ съ общинными интересами: подчиняться принудительному сѣвообороту, оставлять свое поле неогороженнымъ съ момента его уборки до новаго посѣва, отдавая его, такимъ образомъ, на это время подъ общинное пастбище, и т. п. Въ какой мѣрѣ неумѣстно было бы примѣнять понятіе римской и современ-

ной собственности къ тому праву, которое принадлежало каждой отдѣльной семьѣ въ отношеніи къ находившемуся въ ея рукахъ земельному участку, объ этомъ даетъ понятіе въ особенности такой фактъ, какъ ограниченіе права наслѣдованія этого участка лишь сыновьями его владѣльца, за отсутствіемъ которыхъ участокъ переходилъ къ общинѣ, и соотвѣтствующее этому отсутствію права отчужденія этого участка. Кромѣ усадьбы и пахотной земли, которая представляла собою совокупность полосъ, разбросанныхъ вперемежку съ полосами другихъ владѣльцевъ по всѣмъ полямъ общины, каждый общинный надѣлъ состоялъ еще изъ соразмѣрнаго съ величиною земельнаго участка права владѣльца надѣла пользоваться пустошами, лѣсами и всякими иными общинными угодьями. Вѣроятно, въ болѣе раннюю эпоху общинные надѣлы опредѣлялись по жребію, если судить по термину, которымъ обозначался общинный надѣлъ въ эпоху Салической Правды. Мы имѣемъ въ виду латинскій терминъ *sors* и соотвѣтствующій ему франкскій терминъ hlut (Loos) (жребій). Съ половины VII столѣтія для обозначенія надѣла мы начинаемъ встрѣчать въ источникахъ другое латинское слово, *mansus* (собственно дворъ). Само собой разумѣется, что величина общиннаго надѣла опредѣлялась для каждой мѣстности физическими и всякими иными фактическими условіями этой послѣдней.

Мансъ являлся нормальнымъ надѣломъ свободнаго франка, того, кого Lex Salica называетъ *ingenuus* (baro ingenuus, ingenuus Francus, ingenuus barbarus qui legem salega vivit). Прямыхъ указаній на то, что въ эпоху Салической Правды уже существовали и крупные землевладѣльцы, въ самой Салической Правдѣ нѣтъ; но въ ней есть косвенныя указанія на это въ видѣ весьма обстоятельнаго перечня несвободныхъ слугъ и ремесленниковъ, жившихъ во дворѣ, несомнѣнно, богатаго и прежде всего многоземельнаго франка: здѣсь мы встрѣчаемъ и свинопаса, и егеря, и мельника, и виноградаря, и конюшаго, и виночерпія, и ключника, и золотыхъ дѣлъ мастера, и кузнеца, и каретника, и другихъ ремесленниковъ (artifices) и слугъ (ministeriales, ancillae ministeriales, famuli, pueri, vassi, vassali, vassi ad ministerium) со старшимъ рабомъ (maior) и старшей рабыней (maiorissa) во главѣ. Въ дополненіяхъ къ Салической Правдѣ, сдѣланныхъ главнымъ образомъ въ пятомъ и шестомъ столѣтіяхъ (въ такъ называемыхъ капитуляріяхъ къ Lex Salica), находимъ и прямыя свидѣтельства о крупномъ землевладѣніи и крупныхъ землевладѣльцахъ, *o meliores*, *o potentes* qui per diversa possident (о сильныхъ людяхъ, которые имѣютъ владѣнія въ разныхъ мѣстахъ), въ противоположность владѣльцамъ обычныхъ надѣловъ въ одинъ мансъ (*minoflidi*), а также такимъ, которые не имѣютъ,

чѣмъ жить и чѣмъ платить выкупы и штрафы, и бродятъ по лѣсамъ («malus homo qui male in pago faciat et non habet ubi consistat nec res unde conponat et per silvas vadit»).

Мы пока не будемъ входить въ разсмотрѣніе этого факта соціальной дифференціаціи франкскаго общества въ такую сравнительно раннюю эпоху его исторіи и лишь ограничимся его констатированіемъ, а также указаніемъ на то, что крупными землевладѣльцами во франкскомъ обществѣ являлись прежде всего король и тѣсно связанные съ нимъ узами личнаго подчиненія его дружинники и его агенты въ центральномъ и мѣстномъ управленіи, тѣ viri magnificentissimi obtimates vel antrustiones, съ которыми онъ рѣшалъ важнѣйшія дѣла въ государствѣ, а также щедро надѣленные имъ землею епископы и аббаты. Само собой разумѣется, что хозяйство на землѣ всѣхъ этихъ магнатовъ преслѣдовало непосредственно потребительныя цѣли и, какъ достаточно опредѣленно свидѣтельствуетъ выраженіе potentes qui *per diversa* possident, представляло собою совокупность ряда мелкихъ хозяйствъ, едва ли достаточно опредѣленно направляемыхъ изъ какого-нибудь одного общаго центра и ведшихся трудомъ несвободнаго населенія помѣстья.

Что касается соціальнаго строя франкскаго общества эпохи Салической Правды, то большой сложностью онъ въ то времм не отличался, очень напоминая соціальный строй древнихъ германцевъ, какимъ его изображаетъ Тацитъ.

Основную массу населенія составляли *простые свободные*, *ingenui*, какъ и у германцевъ Тацита, съ вергельдомъ въ 200 солидовъ. За ними слѣдовали *литы* съ вергельдомъ въ 100 солидовъ, а затѣмъ *рабы* (*servi*, *mancipia*) съ ихъ верхнимъ слоемъ *ministeriales*. На одну линію съ литами въ отношеніи къ вергельду поставлены были *вольноотпущенники* (*liberti*), а также королевскіе министеріалы, *pueri regis*, и представители галло-римскаго населенія, *Romani*: всѣ они имѣли право на вергельдъ въ 100 солидовъ, какъ вольноотпущенники, такъ и королевскіе рабы-министеріалы, какъ римскіе землевладѣльцы (Romani possessores), такъ и римскіе колоны (Romanni tributarii) (вергельдъ этихъ послѣднихъ, впрочемъ, колеблется между 100 и $62^1/_2$ солидовъ).

То обстоятельство, что вергельдъ галло-римлянина равнялся вергельду лита и вольноотпущенника, не дѣлалъ, однако, свободнаго галло-римлянина ни литомъ, ни вольноотпущенникомъ. Уже извѣстныя намъ обстоятельства, при которыхъ совершилось покореніе римской Галліи франкскими королями, не допускаютъ и мысли о томъ или иномъ порабощеніи свободнаго населенія Галліи завоевателями. Вергельдъ въ 100 солидовъ свободнаго римлянина (Romanus inge-

nuus) и римскаго землевладѣльца (Romanus possessor) долженъ имѣть какое-нибудь другое объясненіе [1]).

Если лишними сравнительно съ соціальной схемой древнихъ германцевъ являются во франкской схемѣ римляне (Romani), то недостающимъ въ ней элементомъ являются nobiles, сословіе родовой знати. Родовой знати у салическихъ франковъ (какъ и у франковъ рипуарскихъ) мы не находимъ въ эпоху владычества меровингскаго дома. Возможно, что знать эта была лишена своихъ преимуществъ, а то и просто истреблена Меровингами, которые остались, такимъ образомъ, единственнымъ знатнымъ родомъ франковъ. Но, лишившись родовой знати, франки очень скоро выдѣлили изъ себя новую, служилую знать, знать королевскихъ дружинниковъ, *антрустіоновъ* (antrustiones, отъ trustis, trustis dominica, trustis regalis—королевская дружина) и королевскихъ чиновниковъ, представителей и агентовъ королевской власти въ центрѣ и въ областяхъ. Мы уже знаемъ, что и королевскіе дружинники, и королевскіе чиновники были надѣлены помѣстьями, которыя имъ выдавалъ король въ вознагражденіе за ихъ вѣрную службу; прибавимъ, что они находились подъ особымъ покровительствомъ короля, подъ охраной его спеціальнаго мира и въ силу этого имѣли право на тройной вергельдъ и на тройное вознагражденіе за причиненные имъ обиды и убытки безотносительно къ тому, принадлежали ли они къ сословію полноправныхъ свободныхъ какъ франкскаго, такъ и галло-римскаго происхожденія (Салическая Правда говоритъ о «королевскихъ сотрапезникахъ» римскаго происхожденія, о «Romano homine conviva rege»), или къ сословію полусвободныхъ, или же были просто королевскими рабами, назначенными королемъ на должность сацебарона или даже гуафа (Салическая Правда предусматриваетъ случаи убій-

[1]) Брунперъ (Deutsche Rechtsgeschichte, I, 2 Aufl., 335—6) предлагаетъ такое объясненіе. У галло-римлянъ родового строя уже не существовало. Между тѣмъ вергельдъ свободнаго франка состоялъ изъ трехъ частей: $^1/_3$ его, т.-е. $\frac{200}{3} = 66^2/_3$ солида, шла въ видѣ выкупа родовому союзу, къ которому принадлежалъ убитый, другая $^1/_3$ доставалась въ видѣ выкупа ближайшимъ наслѣдникамъ убитаго, и третья $^1/_3$ уплачивалась королю въ качествѣ fredus, т.-е. какъ штрафъ за нарушеніе мира. Въ случаѣ убійства свободнаго римлянина выкупъ за него платили только его ближайшимъ родственникамъ, которые получали, такимъ образомъ, тѣ же $66^2/_3$ солида, которые доставались и ближайшимъ родственникамъ убитаго свободнаго франка; такъ какъ fredus у франковъ всегда долженъ былъ составлять $^1/_3$ всей уплачиваемой въ случаѣ убійства суммы, такъ называемой композиціи (compositio), то въ случаѣ убійства свободнаго римлянина онъ долженъ былъ равняться не $66^2/_3$ сол., какъ въ случаѣ убійства свободнаго франка, а всего лишь половинѣ этой послѣдней суммы, т.-е. $33^1/_3$ солидамъ. Сложивъ $66^2/_3$ сол. (выкупъ ближайшимъ родственникамъ убитаго) и $33^1/_3$ сол. (fredus), мы и получимъ вергельдъ свободнаго римлянина, т.-е. ровно 100 солидовъ.

ства sacebaronis aut obgrafionis или просто grafionis «qui puer regis fuit»).

Салическая Правда даетъ лишь чисто схематическое изображеніе хозяйственнаго и соціальнаго строя франковъ, и притомъ одного лишь племени салическихъ франковъ. Болѣе конкретную картину мы получимъ, обратившись къ болѣе позднимъ источникамъ, отражающимъ на себѣ общественныя отношенія не только салическихъ франковъ, но и другихъ германскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ франкской державы и по своему общественному строю лишь въ подробностяхъ отличавшихся отъ салическихъ франковъ. Изъ этихъ источниковъ мы узнаемъ, что общія хозяйственныя условія, господствовавшія во франкскомъ государствѣ, едва ли не все время его существованія и характеризующіяся преобладаніемъ, чтобы не сказать безраздѣльнымъ господствомъ, натуральнаго хозяйства, и здѣсь сыграли опредѣляющую роль въ процессѣ соціальной эволюціи общества и, въ частности, въ процессѣ окончательной кристаллизаціи общественныхъ группъ и со стороны хозяйственнаго положенія каждой изъ нихъ, и со стороны юридическаго status'a входившихъ въ составъ каждой изъ нихъ индивидуумовъ,—общественныхъ группъ, какъ онѣ складывались подъ могущественнымъ воздѣйствіемъ государства и его основныхъ потребностей.

Уже въ эпоху Салической Правды мы констатировали во франкскомъ обществѣ болѣе или менѣе крупное землевладѣніе. Чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе и болѣе оно развивается. Какъ и у англосаксовъ, однимъ изъ главнымъ факторовъ этого развитія и здѣсь была королевская власть, которая раздавала скопившіеся въ ея рукахъ послѣ завоеваній огромные земельные фонды своимъ дружинникамъ и чиновникамъ, а также церквамъ и монастырямъ. Уже во второй половинѣ VI вѣка король Хильперихъ жаловался на обѣднѣніе фиска, вызванное раздачею земли церквамъ. Не менѣе благочестивы и щедры въ этомъ отношеніи были и частныя лица, сами въ большинствѣ случаевъ обогащенныя, прямо или косвенно, щедротами королей, такъ же матеріально, какъ и онъ самъ, понимавшія религію и охотно жертвовавшія землю церквамъ и монастырямъ. Получали церкви и монастыри землю и отъ вовсе небогатыхъ людей, которые выговаривали себѣ при этомъ право пожизненнаго, а то и наслѣдственнаго пользованія жертвуемой ими землею. Разрушали прежнюю сравнительную равномѣрность въ распредѣленіи земли во франскомъ обществѣ, какъ и въ англо-саксонскомъ, и такіе факторы, какъ принадлежавшее свободному франку право поднятія нови на пустошахъ, право заимки (adprisio, comprehensio, captura, novale, runcale), какъ развитіе неограниченнаго наслѣдственнаго

права въ примѣненіи къ общиннымъ надѣламъ (двинутое впередъ эдиктомъ короля Хильпериха во второй половинѣ VI столѣтія, отнявшимъ у общины право на надѣлъ человѣка, умершаго безъ сыновей-наслѣдниковъ, и передавшимъ его дочерямъ, братьямъ и сестрамъ умершаго), какъ господствовавшая въ ту эпоху система судебныхъ выкуповъ и штрафовъ, ведшая нерѣдко къ полному разоренію подвергавшихся имъ и къ обѣднѣнію ихъ родственниковъ, помогавшихъ имъ въ уплатѣ ихъ, какъ чрезвычайно тяжелымъ бременемъ ложившіяся на мелкое крестьянское владѣніе натуральныя государственныя повинности и прежде всего военная и судебная повинности, наконецъ, какъ насиліе и угнетеніе со стороны сильныхъ и власть имущихъ, не брезгавшихъ никакими средствами обогащенія на счетъ болѣе слабаго и беззащитнаго.

И хозяйственныя, и соціальныя, и политическія послѣдствія обѣднѣнія массы и образованія крупнаго землевладѣнія во франкскомъ обществѣ были по существу тѣ же, что и въ англо-саксонскомъ.

И здѣсь, при господствѣ натурально-хозяйственныхъ условій, образованіе крупныхъ владѣній не привело къ образованію крупныхъ хозяйствъ и не оторвало отъ земли обезземеленныхъ. Крупныя владѣнія по необходимости дробились на рядъ мелкихъ хозяйствъ, включая и то хозяйство, которое велъ съ чисто потребительными цѣлями самъ крупный землевладѣлецъ (если онъ велъ его) на оставленной имъ для этой цѣли землѣ. Это было тѣмъ естественнѣе, что характерной для крупнаго землевладѣнія той поры особенностью была разбросанность владѣнія (Streubesitz), т.-е. то, что крупное владѣніе состояло въ огромномъ большинствѣ случаевъ изъ цѣлаго ряда мелкихъ участковъ (мансовъ), разбросанныхъ по разнымъ деревнямъ, постепенно попавшихъ въ руки крупнаго землевладѣльца (свѣтскаго или духовнаго) путемъ покупки, даренія, наслѣдованія и всякими иными путями. Хозяйственнымъ центромъ крупнаго помѣстья являлся барскій дворъ (sala, curtis salica по терминологіи франкскихъ источниковъ, по нѣмецки Salhof, Herrenhof, позже Fronhof).

Поскольку самъ крупный землевладѣлецъ (какъ свѣтскій, такъ и духовный) велъ хозяйство, онъ велъ его руками рабовъ, какъ рабовъ, жившихъ въ его дворѣ (mancipia non casata, praebendarii), такъ и рабовъ, посаженныхъ на выдѣленные имъ участки (servi casati, mancipia casata), которые они держали на положеніи какъ бы арендаторовъ, обязанныхъ давать за нихъ оброкъ (натурою) и работать барщину въ собственномъ хозяйствѣ своего господина, а также руками сидѣвшихъ на оброчныхъ и барщинныхъ

участкахъ литовъ и свободныхъ арендаторовъ, а также надѣленныхъ оброчной и барщинной землей вольноотпущенниковъ. Земля, которую обрабатывалъ руками рабовъ и разныхъ категорій барщинниковъ самъ землевладѣлецъ, называлась *terra salica*, *terra indominicata*, *mansus dominicus*, *mansus indominicatus*, *seliland*, *selihova*. Дворы и участки, сданные въ держаніе, смотря по тому, были ли они заняты свободными людьми, литами или посаженными на землю рабами, назывались *mansi ingenuiles*, *mansi litiles* и *mansi serviles*. Съ теченіемъ времени опредѣляющимъ моментомъ для зависимаго двора сдѣлались лежавшія на немъ повинности безотносительно къ личному состоянію того, кто въ данный моментъ занималъ его; благодаря этому mansus ingenuilis могъ находиться въ рукахъ раба, а mansus servilis въ рукахъ свободнаго. Участокъ, сданный въ держаніе, назывался *mansus vestitus;* участокъ, почему-либо оказавшійся несданнымъ, носилъ названіе *mansus absus*.

Образованіе крупныхъ владѣній и во франкскомъ обществѣ не разрушало общинныхъ распорядковъ деревни. Поскольку крупное владѣніе возникало не путемъ поднятія нови на пустошахъ, оно представляло собою совокупность ряда сосредоточившихся въ рукахъ отдѣльнаго лица или церковной корпораціи и разбросанныхъ по разнымъ деревнямъ общинныхъ надѣловъ, состоявшихъ, какъ и всѣ остальные надѣлы каждой общины, изъ полосъ, разбросанныхъ по всѣмъ полямъ каждой данной общины; благодаря этому въ своей хозяйственной дѣятельности, поскольку онъ велъ собственное хозяйство, крупный землевладѣлецъ долженъ былъ по необходимости сообразоваться съ общинными распорядками и подчиняться имъ, какъ подчасъ ни велико могло быть вліяніе, которое онъ могъ оказывать на общинную жизнь въ силу своего положенія и въ обществѣ, и въ государствѣ; въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ не велъ собственнаго хозяйства (а такіе случаи были весьма не рѣдки, особенно на земляхъ церковныхъ корпорацій), неизмѣнность общиннаго строя была тѣмъ болѣе обезпечена.

Переходя къ соціальнымъ послѣдствіямъ образованія крупныхъ владѣній, укажемъ прежде всего на то, что и во франкскомъ обществѣ крупное помѣстье оказало нивеллирующее воздѣйствіе на соціальныя группы, непосредственно соприкасавшіяся съ нимъ, поднявъ разныя категоріи несвободнаго населенія и соціально понизивъ свободныхъ.

Намъ уже не разъ приходилось отмѣчать въ разныхъ обществахъ и въ разныя эпохи тотъ фактъ, что выдѣленіе рабу особаго оброчнаго или барщиннаго участка, на которомъ онъ велъ бы свое отдѣльное хозяйство, сразу же возвышало его надъ тѣмъ положе-

ніемъ, которое онъ занималъ до этого. То же мы видимъ и во франкскомъ обществѣ. Посаженные на землю франкскіе рабы (*servi casati*, иначе *mansionarii*, *mansuarii*, *hobarii* (отъ hoba-Hufe)), подобно древне-германскимъ рабамъ тацитовской эпохи, несли лишь опредѣленныя повинности, заключавшіяся теперь не въ одномъ оброкѣ, какъ это было въ эпоху Тацита, но и въ барщинѣ. Мало того. Постепенно стало правиломъ, что рабъ-землевладѣлецъ (носившій также названіе *servus peculiaris* отъ слова pecilium, которымъ обозначался, по римскому обычаю, его участокъ) не отчуждался отдѣльно отъ участка, на которомъ онъ сидѣлъ, и въ концѣ-концовъ рабъ и участокъ, имъ занимаемый, приняли характеръ юридически недѣлимаго хозяйственнаго и имущественнаго комплекса (рабъ не могъ быть отчуждаемъ безъ манса, а мансъ безъ раба, сидѣвшаго на немъ). Еще болѣе обезпеченнымъ было положеніе рабовъ, сидѣвшихъ на церковныхъ земляхъ и на земляхъ королевскихъ. Повинности церковныхъ рабовъ были фиксированы раньше другихъ. У нѣкоторыхъ германскихъ племенъ, входившихъ въ составъ франкскаго государства, церковные рабы находились подъ защитой тройной пени, грозившей тому, кто наносилъ тотъ или иной ущербъ церковному рабу, а по праву рипуарскихъ франковъ церковные рабы могли лично отвѣчать на судѣ и пользоваться процессуальными привилегіями. Впослѣдствіи церковные рабы слились съ полусвободными, сидѣвшими на церковныхъ земляхъ, въ одинъ классъ такъ называемыхъ *церковныхъ людей*, *homines ecclesiastici*. Еще въ болѣе привилегированномъ положеніи находились рабы, сидѣвшіе на королевскихъ домэнахъ, такъ называемые *servi fisci*, *servi fiscales*, позже извѣстные подъ названіемъ *fiscalini*. Какъ и церковные рабы, они были защищены тройными (и двойными) пенями, но, кромѣ того, они наслѣдственно владѣли своими участками и даже могли отчуждать ихъ людямъ своего положенія.

Постепенно поднялись въ своемъ положеніи и дворовые рабы, составлявшіе нерѣдко многочисленный штатъ прислуги крупнаго землевладѣльца и служебный персоналъ его помѣстій. Эти слуги (famuli), отроки (pueri, vassi, vassalli), министеріалы (vassi ad ministerium, ministeriales), по крайней мѣрѣ ихъ высшіе разряды, постепенно приблизились къ полусвободнымъ, а нѣкоторые изъ нихъ, входившіе въ составъ военныхъ дружинъ своихъ господъ, мало-помалу возвысились до положенія свободныхъ и даже знатныхъ людей. О королевскихъ министеріалахъ (pueri regis, иначе pueri aulici) и объ ихъ привилегированномъ положеніи, приравнивавшемъ ихъ къ литамъ, мы уже упоминали, равно какъ и о томъ, что они могли занимать должности сацебароновъ и графовъ.

Немало рабовъ перешло въ разрядъ полусвободныхъ и даже вполнѣ свободныхъ людей и путемъ формальнаго освобожденія, отпуска на волю, и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что вызывавшееся общими хозяйственными условіями эпохи фактическое уравненіе рабовъ съ выше ихъ стоявшими соціальными группами облегчало и ускоряло этотъ процессъ юридическаго освобожденія несвободныхъ элементовъ, непосредственно опредѣлявшагося въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отпуска на волю тѣми или иными вполнѣ конкретными мотивами отпускавшаго. Среди этихъ мотивовъ едва ли не первое мѣсто занимали мотивы религіозные, забота о спасеніи души. Церковь очень искусно эксплоатировала это мистическое безпокойство франкскихъ рабовладѣльцевъ въ своихъ собственныхъ, вполнѣ реальныхъ и земныхъ интересахъ и весьма настойчиво и успѣшно пропагандировала идею, что отпускъ рабовъ на волю, если онъ имѣлъ цѣлью спасеніе души отпускавшаго, долженъ былъ совершаться въ церкви, «in ecclesia», особымъ *церковнымъ* способомъ.

Согласно этому способу отпускавшій раба передавалъ его въ присутствіи клира въ руки епископа, и епископъ приказывалъ написать документъ объ отпускѣ его на волю. Такіе вольноотпущенники назывались *табуляріями (tabularii)* и становились подъ покровительство церкви и въ вѣчную наслѣдственную зависимость отъ нея, становились ея крѣпостными и обязаны были платить церкви (не церкви вообще, но той или иной опредѣленной церкви) чиншъ и работать на нее. Нужно замѣтить, что во франкскую эпоху отпускъ на волю раба, какъ общее правило, давалъ рабу, становившемуся такимъ образомъ вольноотпущенникомъ (libertus), лишь ограниченную свободу, не уничтожалъ его личной зависимости отъ отпускавшаго его или же ставилъ его подъ покровительство и подъ власть третьяго лица или учрежденія, какъ въ случаѣ освобожденія «in ecclesia». Въ какой мѣрѣ стремленіе церкви взять въ свои руки дѣло освобожденія рабовъ совпадало съ стремленіемъ проводить въ жизнь евангельскіе идеалы, объ этомъ можно судить и по такому факту: поощряя отпускъ на волю чужихъ рабовъ, церковь обставила большими затрудненіями отпускъ на волю своихъ собственныхъ рабовъ и, въ частности, провела въ жизнь постановленіе Толедскаго собора 633 года, въ силу котораго освободившій церковнаго раба и не оставившій освобожденнаго подъ покровительствомъ церкви долженъ былъ вознаградить церковь двумя рабами равной цѣнности каждый и съ равнымъ peculium'омъ.

Освобожденіе рабовъ совершалось и по особой *свѣтской* формѣ, состоявшей въ передачѣ рабу освободительной грамоты (carta), отъ которой такой вольноотпущенникъ назывался *картуляріемъ* (*car-*

tularius). Положеніе картулярія опредѣлялось выдаваемой ему грамотой, которая или дѣлала его совершенно ни отъ кого независимымъ свободнымъ человѣкомъ (ограниченіе его свободы заключалось при этомъ лишь въ томъ, что, такъ какъ этотъ новорожденный способный человѣкъ не принадлежалъ ни къ какому родовому союзу, къ которому могло бы поступать его наслѣдство въ случаѣ его бездѣтности и вергельдъ въ случаѣ его убійства, то наслѣдство это и этотъ вергельдъ получалъ фискъ), или же ставила его подъ покровительство и власть того или иного лица или учрежденія.

Поднявшись черезъ формальное освобожденіе до положенія полусвободнаго лита, франкскій рабъ могъ стать и совершенно полноправнымъ гражданиномъ. Франкское народное право знало такъ называемое *manumissio per denarium* (отпускъ на волю черезъ посредство денарія), или *denariatio*, которое давало литу всѣ права франкскаго гражданина и вергельдъ въ 200 солидовъ. Въ присутствіи короля литъ протягивалъ своему господину руку съ денаріемъ, представлявшимъ собою подушную подать лита, его litimonium, и господинъ вышибалъ монету изъ его руки въ знакъ того, что онъ отказывается отъ этой подати лита и этимъ признаетъ его независимымъ отъ себя человѣкомъ; по повелѣнію короля литу выдавали грамоту, въ которой онъ признавался вполнѣ свободнымъ, полноправнымъ членомъ франкскаго общества. Грамота эта называлась *praeceptum denariale*, *carta denarialis*, а получившій ее литъ — *homo denarialis*. Нерѣдко homo denarialis получалъ въ собственность или въ арендное держаніе участокъ, на которомъ онъ передъ этимъ сидѣлъ. Если homo denarialis умиралъ бездѣтнымъ, его наслѣдство получалъ король, который, впрочемъ, иногда имѣлъ право на него и въ обходъ наслѣдниковъ. Предназначенная первоначально для освобожденія литовъ форма manumissio per denarium со второй половины VII вѣка стала примѣняться и къ рабамъ, сразу превращая ихъ въ совершенно свободныхъ франковъ; сидѣвшіе на mansi serviles рабы (servi mansionarii) обыкновенно получали при этомъ отпускѣ на волю и мансъ, на которомъ сидѣли.

Если несвободные элементы франкскаго общества на почвѣ крупнаго землевладѣнія поднялись до положенія полусвободныхъ, то не мало и свободныхъ его элементовъ въ такой же мѣрѣ приблизилось къ этимъ послѣднимъ сверху. Если и было какое-либо различіе въ фактическомъ положеніи между сидѣвшимъ на mansus servilis рабомъ, занимавшимъ mansus litilis литомъ и державшимъ mansus ingenuilis свободнымъ франкомъ, то это было скорѣе количественное различіе, чѣмъ качественное, различіе въ количествѣ оброка и службъ, которые получалъ съ нихъ барскій дворъ, а не

въ качествѣ этого оброка и этихъ службъ. Къ тому же, какъ мы уже видѣли, нерѣдки бывали случаи, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе учащавшіеся, что свободный человѣкъ сидѣлъ на рабской гуфѣ, а рабъ на свободной.

Уже древнее римское право знало *прекарій*, *precarium*, какъ чисто фактическое пользованіе, которое патронъ предоставлялъ кліенту по просьбѣ (preces) этого послѣдняго въ отношеніи къ тому или иному участку своей земли, оставляя за собою право во всякій моментъ взять этотъ участокъ обратно. Съ теченіемъ времени вошло въ обычай, что получавшій прекарій, прекаристъ (имъ могъ быть теперь не только кліэнтъ даннаго землевладѣльца, но и всякій совершенно посторонній для него человѣкъ) письменно, «per epistolam», просилъ о выдачѣ ему земли. Документъ этотъ, въ который стали включать и заявленіе прекариста, что по его просьбѣ ему выдана земля на такихъ-то условіяхъ, назывался *epistola precaturia*, *epistola precaria*. Условія, на которыхъ прекаристъ получалъ землю, могли быть различны (мы разумѣемъ характеръ и размѣръ платежей и службъ и т. п.), равно какъ и срокъ, на который онъ ее получалъ (обыкновенно пятилѣтній срокъ, lustrum, по истеченіи котораго прекаристъ опять обращался съ «просьбой» къ собственнику земли); но при всѣхъ этихъ условіяхъ неизмѣннымъ оставалось одно: собственникъ земли сохранялъ за собою право во всякое время потребовать у прекариста свою землю назадъ; права этого онъ могъ не осуществлять десятилѣтіями, предоставляя прекаристу фактическую возможность пожизненно пользоваться даннымъ ему участкомъ и даже передавать его своему наслѣднику; но это не наносило его праву никакого ущерба. Развившись особенно богато на церковныхъ земляхъ, прекарій перешелъ и въ государство Меровинговъ, подвергшись здѣсь нѣкоторымъ измѣненіямъ и широко распространившись и въ чисто германскихъ частяхъ франкскаго королевства въ качествѣ формы, вполнѣ подходившей къ самостоятельно развивавшимся и здѣсь аналогичнымъ аграрнымъ отношеніямъ. Терминъ precar*ium*, прекар*ій*, постепенно уступилъ мѣсто термину precar*ia*, прекар*ія*, которымъ прежде, какъ мы видѣли, обозначали письменную просьбу (epistola precaria) прекариста, а теперь стали обозначать и право пользованія выданной прекаристу землею, и самую эту землю. Вошло въ обычай, что и выдававшій прекарію землевладѣлецъ съ своей стороны вручалъ прекаристу документъ, въ которомъ онъ отъ своего имени воспроизводилъ текстъ просьбы прекариста и выражалъ на нее свое согласіе; документъ этотъ носилъ названіе *epistola prestaria*.

Обыкновенно участокъ выдавался на срокъ жизни получавшаго

его; но уже рано прекарная аренда принимаетъ характеръ аренды наслѣдственной, и въ прекарный договоръ включается или лишь первый прямой наслѣдникъ прекариста, или же жена прекариста, его сынъ, опредѣленные родственники и все потомство. Прекаристъ можетъ во всякое время отказаться отъ прекарнаго участка, такъ какъ его отношеніе къ этому участку и къ его собственнику само посебѣ есть свободное отношеніе, которое онъ можетъ во всякое время порвать. Въ прекарныя отношенія могли вступать люди самого различнаго общественнаго положенія, преслѣдовавшіе при этомъ самыя разнообразныя цѣли: одни вступали въ прекарный договоръ какъ равный съ равнымъ, другіе искали при этомъ помощи и защиты и для этого становились зависимыми отъ землевладѣльца людьми, признавали надъ собою его частную власть со всѣми юридическими послѣдствіями этого положенія. Характерное для римскаго прекарія условіе, именно право собственника участка во всякое время взять его обратно, во франкской прекаріи уже отсутствуетъ. Никакихъ опредѣленныхъ хозяйственныхъ и соціальныхъ особенностей не было связано съ прекаріями, какъ думали прежде. Наоборотъ, прекарный договоръ даетъ самое широкое мѣсто разнообразію индивидуальныхъ комбинацій. Существеннымъ для прекаріи, что отличаетъ ее отъ другихъ видовъ земельной аренды, является то, что она возникаетъ черезъ посредство грамоты, въ которой желающій получить землю въ аренду проситъ объ этомъ собственника ея и признаетъ за этимъ послѣднимъ право собственности на нее.

Разсмотрѣнный нами видъ прекаріи носилъ названіе *precaria data*. Но на ряду съ нимъ на церковныхъ земляхъ развиваются и другіе виды прекарій, такъ называемыя *precariae oblatae* и *precariae remuneratoriae*. Въ восьмомъ и особенно въ девятомъ вѣкѣ все болѣе и болѣе распространяется какъ разъ эти два вида прекарій. Сущность перваго изъ нихъ (precaria oblata) заключается въ томъ, что прекаристомъ становился тотъ, кто сначала передавалъ церкви въ собственность свою собственную землю, а затѣмъ уже бралъ ее отъ церкви на прекарномъ правѣ; при этомъ нерѣдко кромѣ этой первоначально переданной имъ церкви земли онъ получалъ отъ церкви въ прекарное владѣніе еще и другую землю, и въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ precaria remuneratoria. Такимъ способомъ церкви и свѣтскимъ магнатамъ (особенно церкви) удавалось въ одно и то же время и расширять свои земельныя владѣнія, и обезпечивать для нихъ держателей.

Были въ распоряженіи крупнаго землевладѣльца и другіе юридическіе способы для обезпеченія своей земли рабочими руками, и среди нихъ слѣдуетъ упомянуть сдачу участковъ на колонатномъ

правѣ, которое, какъ и прекарія, перешло отъ Рима къ германцамъ главнымъ образомъ черезъ посредство церкви, на земляхъ которой оно прежде всего здѣсь примѣнялось, оставаясь живымъ институтомъ среди галло-римскаго населенія франкской державы. Нужно только прибавить, что въ чуждой обстановкѣ германскихъ правовыхъ воззрѣній римскій колонатъ утратилъ, какъ мы уже имѣли случай отмѣтить, нѣкоторыя свои специфическія особенности и постепенно слился съ другими видами зависимаго земельнаго держанія.

Но не одна общая аграрная почва сближала несвободныхъ, полусвободныхъ и свободныхъ держателей крупныхъ землевладѣльцевъ. Сближало ихъ не въ меньшей мѣрѣ и нахожденіе подъ частною властью, подъ mundium'омъ, крупнаго землевладѣльца, собственника ихъ участковъ.

О рабахъ и литахъ не будемъ распространяться: они по самому существу своего status'а были людьми, находившимися подъ частной властью. Немногимъ больше приходится сказать и о свободныхъ держателяхъ послѣ того, что уже приходилось намъ говорить о нихъ въ этомъ отношеніи въ аналогической аграрной обстановкѣ англо-саксонскаго общества.

И у франковъ, какъ и у англо-саксовъ, процессъ экономическаго приниженія свободной массы совершался одновременно съ разложеніемъ родовыхъ группъ и съ обезсиленіемъ государственной власти, и люди безземельные нуждались въ такой же мѣрѣ въ землѣ, какъ и въ охранѣ своей жизни и всего, что имѣли или могли имѣть, и эту охрану они могли найти тамъ же, гдѣ и землю, т.-е. у крупнаго землевладѣльца, индивидуальнаго или коллективнаго (какимъ являлась церковная корпорація). Правда, и во франкскомъ обществѣ, какъ и въ англо-саксонскомъ, возникла и другая форма частной, внѣгосударственной охраны, именно гильда; но и здѣсь, какъ и тамъ, она играла лишь второстепенную роль, да къ тому же встрѣтила въ отношеніи къ себѣ рѣшительно враждебное отношеніе со стороны государственной власти, и развилась она лишь впослѣдствіи, съ развитіемъ обмѣна, уже на городской почвѣ; въ изучаемую же нами эпоху и долго потомъ господствующимъ типомъ частной защиты былъ патронатъ сильныхъ людей (источники называютъ ихъ potentes, meliores и другими эпитетами) и церковныхъ корпорацій, которые въ то же время были и крупными землевладѣльцами. Мелкій и безземельный и въ то же время свободный людъ, какъ и въ англо-саксонскомъ обществѣ, коммендируется сильнымъ и многоземельнымъ, отдается подъ покровительство этихъ послѣднихъ и признаетъ ихъ частную власть, ищетъ защиты подъ

ихъ mundium'омъ (иначе mundeburdis, mundeburdum, mundiburdium), становится ихъ *людьми* (homines). Подобно англо-саксонскому глафорду, франкскій *сеньеръ* (senior) обыкновенно являлся и патрономъ для коммендировавшагося ему мелкаго человѣка, и собственникомъ земли, которой онъ снабжалъ этого послѣдняго, хотя юридически это были различныя по существу категоріи отношеній, и можно было находиться подъ mundium'омъ даннаго патрона и въ то же время не держать отъ него ни пяди земли.

Складываясь въ очерченныхъ хозяйственныхъ и соціальныхъ формахъ, крупное землевладѣніе все болѣе и болѣе становилось крупной общественной силою, все болѣе и болѣе притягивавшей къ себѣ соціально слабые элементы общества, подъ властью и защитой земельнаго магната находившіе то, чего не давалъ имъ государственный порядокъ, все болѣе и болѣе становившійся неспособнымъ обезпечивать личную и имущественную безопасность тѣхъ, кто не принадлежалъ къ богатымъ и сильнымъ. Государственной власти, все болѣе и болѣе слабѣвшей, оставалось лишь признать, какъ это было и у англо-саксовъ, все болѣе и болѣе развивавшіяся отношенія частной защиты и власти и частнаго подчиненія, санкціонировать коммендацію и сеньератъ и возложить на сеньеровъ часть того правительственнаго бремени, которое для нея самой оказывалось все болѣе и болѣе непосильнымъ. Какъ это было и у англо-саксовъ, сеньеръ отвѣчалъ за поведеніе коммендировавшихся ему людей и въ случаѣ совершенія ими преступленій представлялъ ихъ на судъ сотеннаго собранія; въ тѣхъ случаяхъ, когда сами они являлись потерпѣвшей стороною, онъ представлялъ ихъ интересы въ судебномъ собраніи сотни. Споры, возникавшіе между свободными людьми, находившимися подъ его мундіумомъ (не говоря уже о несвободныхъ), онъ улаживалъ собственной властью. Можетъ быть, правильнѣе будетъ не считать это право сеньера собственной властью рѣшать тяжбы (но не важныя уголовныя дѣла), возникавшія между его *людьми*, настоящей судебной властью, настоящей юрисдикціей и признать въ ней скорѣе дисциплинарную, полицейскую власть. Но она явилась точкой отправленія для настоящей юрисдикціи, которая развилась на владѣльческой территоріи силою королевскаго пожалованія, на почвѣ *иммунитета*.

И въ Римской имперіи въ послѣдніе ея вѣка существовалъ иммунитетъ. Въ понятіе *immunitas* здѣсь входило освобожденіе отъ экстренныхъ податей и нѣкоторыхъ видовъ натуральныхъ государственныхъ повинностей, отъ такъ называемыхъ *munera sordida*, а также отъ муниципальныхъ повинностей, очень тяжелыхъ и разорительныхъ. Привилегіями этими пользовались какъ цѣлыя обще-

ственныя группы (люди либеральныхъ профессій—доктора, профессора, архитектора, живописцы—но и агенты тайной полиціи—, а также нѣкоторыя коллегіи ремесленниковъ и торговцевъ), такъ и отдѣльныя лица; распространялись онѣ и на сидѣвшихъ на императорскихъ домэнахъ свободныхъ арендаторовъ и колоновъ, а также на населеніе церковныхъ земель.

Иной характеръ носилъ иммунитетъ во франкскомъ государствѣ, какъ и въ государствѣ англо-саксонскомъ и въ другихъ средневѣковыхъ государствахъ. Сущность франкскаго иммунитета (въ болѣе древнихъ памятникахъ онъ называется *emunitas*) заключалась въ запрещеніи представителямъ королевской власти (iudices, iudices publici) въ областяхъ (герцогамъ, графамъ, сотникамъ и т. п. и ихъ помощникамъ) вступать въ предѣлы владѣнія получившаго иммунитетную грамоту (praeceptio, praeceptum immunitatis, emunitas, immunitas regia) лица или корпораціи для отправленія здѣсь судебныхъ, административныхъ, полицейскихъ, фискальныхъ и всякихъ иныхъ обязанностей и въ передачѣ всѣхъ этихъ обязанностей самому владѣльцу иммунитета, который и исполнялъ ихъ лично или черезъ посредство своихъ собственныхъ агентовъ (iudices privati). Представители общественной власти не могли вступать въ предѣлы иммунитета (иммунитетомъ называлась и территорія пользовавшагося такой привилегіей владѣльца) («iudices publici non habeant introitum») иначе, какъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ, по спеціальному повелѣнію короля. Какъ общее правило, жизнь въ предѣлахъ иммунитета текла безъ ихъ вмѣшательства, «absque introitu iudicum»; они не имѣли права являться сюда «для слушанія судебныхъ дѣлъ, для взиманія судебныхъ штрафовъ и для требованія поручителей (ad causas audiendas, ad freda exigenda, ad fideiussores tollendos)» или для примѣненія къ жившимъ здѣсь людямъ принадлежавшей имъ, какъ должностнымъ лицамъ, принудительной власти для какихъ бы то ни было цѣлей («neque ad homines distringendos»), для взиманія налоговъ (functiones publicae, tributa, inferenda) и требованія государственныхъ натуральныхъ повинностей и т. п. Во всѣхъ этихъ функціяхъ ихъ замѣнялъ самъ иммунистъ и его агенты. Выдавая иммунитетную грамоту, король оказывалъ этимъ получавшему ее свою особую милость («ex nostra indulgentia»), для полученія которой иногда этотъ послѣдній обращался съ особой просьбой (preces, petitio) къ королю.

И это была дѣйствительно милость, это освобожденіе владѣній иммуниста и жившихъ подъ его властью людей отъ агентовъ королевской власти, отъ представителей областной администраціи, не дальше самого короля ушедшихъ въ пониманіи публичной власти,

смотрѣвшихъ на нее прежде всего съ точки зрѣнія частнаго права и хозяйства, видѣвшихъ въ данныхъ имъ королемъ полномочіяхъ прежде всего источникъ наживы и ни передъ какими насиліями не останавливавшихся для достиженія этой послѣдней цѣли. Избавляя населеніе, жившее на территоріи иммунитета, отъ своихъ агентовъ, король не освобождалъ его отъ лежавшихъ на немъ государственныхъ повинностей, и прежде всего военной повинности, и отъ слѣдуемыхъ королю взиманій. Оно попрежнему отбывало эти повинности и попрежнему платило; но требовали теперь отъ него всего этого не представители областной администраціи, не графы, сотники и т. п., но замѣнявшій ихъ самъ владѣлецъ иммунитета или его агенты. Иммунитетъ являлся милостью прежде всего для самого иммуниста, а не для находившихся подъ его властью людей: онъ надѣлялъ его въ сущности неограниченными и внѣ всякаго контроля находившимися полномочіями, принадлежавшими агентамъ королевской власти. Въ какой мѣрѣ выигрывало отъ этого населеніе, жившее на территоріи иммунитета, не такъ-то легко отвѣтить на этотъ вопросъ, хотя вовсе отрицать возможность для него какого бы то ни было выигрыша едва ли справедливо въ виду того, что населеніе это въ большинствѣ, если не исключительно, состояло изъ людей, хозяйственно и лично зависѣвшихъ отъ владѣльца иммунитета, и ослабленіе хозяйственной силы этихъ плативших ему оброки и несшихъ службы людей путемъ своекорыстнаго злоупотребленія переданными ему королемъ полномочіями едва ли могло быть въ его интересѣ.

Но одной передачей иммунисту полномочій агентовъ королевской власти дѣло не ограничивалось. Королевская милость въ отношеніи къ получавшему иммунитетную грамоту лицу или духовной корпораціи (церкви или монастырю) нерѣдко состояла не только въ этомъ. Передавая иммунисту права королевскаго агента, иммунитетная грамота обыкновенно передаетъ ему и право на взиманіе съ населенія иммунитета въ его собственную пользу всего того, что до этого шло королю какъ обладателю верховной власти въ государствѣ въ видѣ судебныхъ штрафовъ (за нарушеніе королевскаго мира) и всякаго рода иныхъ поступленій (главнымъ образомъ натурою), на которыя король смотрѣлъ какъ на свое частное имущество, подлежащее его свободному распоряженію («omnes fredos concessos debeat possidere et quicquid exinde fiscus forsitan de eorum hominibus... poterat sperare»). Само собой разумѣется, что отъ королевской щедрости («ex nostra munificencia») не должны были терпѣть ущербъ интересы государства: давая теперь владѣльцу иммунитета то, что прежде оно давало черезъ агентовъ королевской власти

королю, населеніе иммунитета не освобождалось отъ военной повинности и другихъ государственныхъ натуральныхъ повинностей (отъ связанной съ военной повинностью сторожевой службы, отъ повинности строить мосты и содержать въ порядкѣ дороги); только теперь король обращался къ населенію иммунитета съ требованіемъ этихъ повинностей не черезъ посредство графовъ, сотниковъ и другихъ представителей областной администраціи королевства, но черезъ владѣльца иммунитета, который и долженъ былъ смотрѣть за исправнымъ отбываніемъ находившимися подъ его властью людьми всего, что отъ нихъ требовало государство.

Останавливаясь, въ частности, на судебныхъ правахъ получавшаго иммунитетную грамоту лица или духовной корпораціи, укажемъ прежде всего на то, что эта юрисдикція, какъ и всякая иная, понималась тогда какъ право и обязанность созывать судебныя собранія подсудныхъ ея обладателю людей, предсѣдательствовать въ этихъ собраніяхъ и взымать въ свою пользу судебные штрафы. Такимъ образомъ, возникновеніе сеньеріальной юрисдиціи не производило ломки въ исконномъ судебномъ строѣ франкскаго общества; въ основѣ, какъ видимъ, онъ оставался прежнимъ, и отправленіе правосудія попрежнему оставалось натуральной государственной повинностью населенія и осуществлялось въ прежнихъ формахъ. Если и произошло какое-либо измѣненіе, то оно носило лишь внѣшній характеръ: мѣнялось лишь лицо, на обязанности котораго лежало созывать членовъ данной судебной группы (Gerichtsgemeinde, какъ выражаются нѣмецкіе историки-юристы) и которому принадлежало право собирать въ свою пользу прежде поступавшіе королю штрафы за нарушеніе общественнаго мира. Въ судебныхъ собраніяхъ населенія частновладѣльческой территоріи разбирались и рѣшались дѣла, возникавшія между жителяли этой территоріи, а также разсматривались иски противъ нихъ третьихъ лицъ, которыя могли отсюда апеллировать къ сотенному собранію (mallus). Въ случаяхъ исковъ свободныхъ жителей частновладѣльческой территоріи дѣло разбиралось въ сотенномъ собраніи, при чемъ интересы истцовъ представлялъ самъ сеньеръ или его уполномоченный (на церковныхъ земляхъ онъ назывался *фохтомъ*, Vogt, отъ латинскаго vocatus, advocatus). Прибавимъ къ этому, что по общему правилу суду судебнаго собранія на частновладѣльческой территоріи, сеньеріальному суду, не подлежали особенно важныя уголовныя дѣла, преступленія, влекшія за собою смертную казнь совершившаго ихъ, такъ называемыя *causae maiores*, и въ тѣхъ случаяхъ, когда такое преступленіе было совершено кѣмъ-либо изъ

людей, живших на территоріи иммунитета, владѣлецъ иммунитета обязанъ былъ выдать преступника для слѣдствія и суда представителямъ государственной власти; его сеньеріальному суду подлежали лишь *causae minores*, дѣла, влекшія за собою лишь выкупы (compositiones) въ пользу потерпѣвшаго и штрафы (freda) въ пользу короля (отъ короля переходившіе въ руки владѣльца иммунитета), что, впрочемъ, не должно внушать намъ мысли объ ограниченности компентенціи сеньеріальнаго суда, такъ какъ выкупами и штрафами возмѣщались тогда, какъ мы знаемъ, напримѣръ, изъ Салической Правды, самые широкіе разряды преступныхъ дѣяній, относимыхъ въ наше время въ категоріи уголовныхъ дѣлъ. Впрочемъ, съ теченіемъ времени нѣкоторые по крайней мѣрѣ владѣльцы иммунитетовъ распространили компетенцію своихъ сеньеріальныхъ судовъ и на causae maiores, на уголовныя и съ тогдашней точки зрѣнія дѣла; но это относится уже къ болѣе позднему времени.

Особенно широкаго развитія достигъ иммунитетъ на церковныхъ земляхъ, такъ что церковныя владѣнія прямо и назывались иммунитетами (immunitates).

И во франкскомъ государствѣ иммунитетъ являлся не только завершительнымъ моментомъ въ процессѣ развитія частной власти, но и его отправнымъ пунктомъ. Франкскіе короли, какъ и короли англо-саксонскіе, выдавали иммунитетныя грамоты не только землевладѣльцамъ, уже обладавшимъ и осуществлявшимъ частную власть въ отношеніи къ коммендировавшимся имъ безъ земли или съ землею людямъ, и тѣмъ расширяли ихъ чисто частную власть публично-правовыми полномочіями; они выдавали ихъ и безотносительно къ тому, обладали ли уже получавшіе ихъ частною властью надъ тѣми людьми, которые жили на территоріи, переходившей теперь благодаря этой грамотѣ подъ власть иммуниста. Франкскіе короли, какъ и короли англо-саксонскіе, смотрѣли на принадлежавшія имъ права политическаго верховенства какъ на свое частное достояніе и свободно передавали ихъ въ частныя руки, и было обычнымъ явленіемъ, что эти права попадали въ руки тѣхъ, кто до тѣхъ поръ не имѣлъ никакого отношенія къ данной территоріи и къ ея обитателямъ, которые до тѣхъ поръ могли и вовсе не знать надъ собою никакой частной власти и имѣли дѣло лишь съ королемъ и его агентами. Если самъ король понималъ свои права какъ главы государства въ терминахъ частнаго права и хозяйства, то въ рукахъ получавшаго ихъ отъ него иммуниста они еще болѣе проникались частнымъ характеромъ и создавали почву для возникновенія и на территоріи чистаго иммунитета тѣхъ формъ жизни, которыя въ другихъ случаяхъ складывались на почвѣ коммендаціи

и экономическаго преобладанія, какъ это мы уже видѣли въ англо-саксонскомъ государствѣ.

Передавая обладателямъ частной власти значительную долю своихъ заботъ о внутреннемъ мирѣ, меровингское государство привлекло ихъ къ участію въ дѣлѣ обезпеченія странѣ и внѣшняго мира. Сеньератъ мало-по-малу превращается и въ органъ военной организаціи франкскаго королевства. Произошло это, правда, уже къ концу меровингскаго періода и при Карлѣ Великомъ. Но уже и раньше мы часто видимъ сеньеровъ во главѣ своихъ *людей* выступающими въ походъ по приказу короля, когда король созывалъ ополченіе изъ всѣхъ способныхъ нести военную повинность людей своего королевства. Надо думать, что, какъ у древнихъ германцевъ а затѣмъ у англо-саксовъ, и у франковъ самые сильные и богатые люди уже въ первые вѣка существованія франкскаго королевства держали отряды вооруженныхъ людей, хотя документальныя свидѣтельства о такихъ дружинахъ франкскихъ магнатовъ начинаются лишь съ половины седьмого столѣтія. Соціальнымъ матеріаломъ для такихъ частныхъ дружинъ являлись тогда прежде всего несвободные элементы франкскаго общества, несвободные слуги этихъ магнатовъ, ихъ министеріалы, ихъ vassi, puerі, хотя едва ли мы имѣемъ право отрицать на ряду съ этими несвободными дружинниками существованіе уже тогда и дружинниковъ свободныхъ. Этотъ послѣдній элементъ выступаетъ постепенно на первый планъ въ составѣ частныхъ дружинъ по мѣрѣ развитія во франкскомъ обществѣ коммендаціи, отдававшей подъ частную власть сильнаго и богатаго человѣка совершенно свободныхъ людей, нуждавшихся въ защитѣ и нерѣдко и въ средствахъ къ существованію. Съ помощью дружинъ такихъ частныхъ солдатъ франкскіе магнаты вели тѣ хроническія междоусобныя войны, которыми такъ полна исторія меровингской эпохи. Войны эти могли лишь способствовать развитію во франкскомъ обществѣ дружиннаго быта, который и вырабатываетъ постепенно все болѣе и болѣе опредѣленныя формы въ соотвѣтствіи съ общими хозяйственными и политическими условіями, опредѣлявшими жизнь франкскаго общества и государства.

На ряду съ королевскими *антрустіонами* (antrustiones) мы видимъ, такимъ образомъ, въ государствѣ Меровинговъ дружинниковъ свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ, ихъ *газиндовъ* (gasindi), или, какъ ихъ стали позже называть (начиная съ восьмого вѣка), ихъ *вассовъ* (vassi), ихъ *вассаловъ* (vassalus). Дружинники франкскіе или жили въ домѣ своего вождя, какъ это было въ обычаѣ еще у древнихъ германцевъ, или же получали отъ него помѣстья въ пожизненное или въ наслѣдственное пользованіе, или же просто

въ собственность. Выдача дружинникамъ земельнаго обезпеченія, чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше становится распространеннымъ фактомъ, и это въ одинаковой мѣрѣ относится какъ къ королевскимъ дружинникамъ, такъ и къ дружинникамъ свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ. Вступая въ дружинники, или вассалы, сильнаго человѣка, свободный франкъ или галло-римлянинъ отдавалъ себя подъ его частную власть, коммендировался ему, признавалъ надъ собою его mundium, mundeburdis, который опредѣлялъ отношенія сеньера къ его *людямъ*; коммендація эта осложнялась въ такихъ случаяхъ тѣмъ, что сеньеръ вручалъ своему дружиннику, своему частному солдату, оружіе и боевого коня (какъ это дѣлалось у германцевъ еще въ тацитовскія времена).

Тотъ фактъ, что свободный франкъ или галло-римлянинъ (какъ и всякій другой свободный подданный франкскаго короля) коммендировался свѣтскому или духовному магнату и становился его лично зависимымъ дворовымъ, арендаторомъ или его частнымъ солдатомъ, не долженъ былъ освобождать его отъ его государственныхъ повинностей и, въ частности, военной повинности, обязанности участвовать въ ополченіи: обязанный выступать въ походъ по требованію своего сеньера и въ его интересахъ, дружинникъ, вассалъ, какъ и всякій другой *человѣкъ* (homo) сеньера, обязанъ былъ являться въ народное ополченіе по требованію короля, обращенному къ его сеньеру. Развитіе сеньерата не только не подрывало основъ военной организаціи франкскаго королевства, но въ извѣстной мѣрѣ поддерживало ее. Меровингамъ уже пришлось считаться съ дѣлавшимъ все большіе и большіе успѣхи обѣднѣніемъ массы франкскаго общества и съ невозможностью требовать несенія военной повинности отъ всѣхъ своихъ свободныхъ подданныхъ; и имъ приходилось уже прибѣгать къ мѣрѣ, которую такъ широко стали примѣнять Каролинги, приходилось призывать въ ополченіе лишь тѣхъ, кто имѣлъ достаточно средствъ (земли или движимости), чтобы на свой счетъ нести всѣ издержки похода, а людей недостаточныхъ организовать въ группы, обязанныя каждая поставлять одного вооруженнаго и снабженнаго всѣмъ необходимымъ воина. Совсѣмъ малоземельный и вовсе безземельный человѣкъ постепенно выбывалъ изъ строя и тѣмъ ослаблялъ военную силу государства; но, коммендировавшись свѣтскому или духовному магнату, ставъ его дружинникомъ и получивъ отъ него землю, онъ опять становился способнымъ нести военную повинность государству и опять призывался королемъ въ ополченіе, куда и являлся, но уже подъ командой своего сеньера, который и отвѣчалъ за исправное отбываніе имъ своей службы. Вся эта новая организація военнаго дѣла оконча-

тельно сложилась уже въ каролингскую эпоху, когда была сдѣлана грандіозная попытка организовать франкское государство на основѣ тѣхъ новыхъ общественныхъ формъ, которыя постепенно складывались въ государствѣ Меровинговъ въ результатѣ разсмотрѣнной нами соціальной и политической эволюціи, такъ напоминающей намъ тѣ перемѣны, которыя съ теченіемъ времени произошли, какъ мы видѣли, въ англо-саксонскомъ обществѣ и государствѣ.

IV.

Ростъ служилой и землевладѣльческой аристократіи во франкскомъ обществѣ представлялъ собою, какъ мы видѣли, не только соціальный процессъ, процессъ общественной дифференціаціи на основѣ частной силы въ ея чистомъ видѣ. Онъ являлся и процессомъ политическимъ, процессомъ возникновенія новыхъ органовъ политической власти, правомѣрнаго государственнаго воздѣйствія на общество въ лицѣ сеньеровъ, которымъ верховная власть передала свои собственныя права, фискальныя, судебныя, административныя, какъ она ихъ понимала, видя въ нихъ свое частное имущество, свободно отчуждаемое, какъ и всякое другое имущество. Но это не все. Несомнѣнно, частно-правовая точка зрѣнія на права политическаго верховенства, присущая варварской государственности, несла съ собой элементъ государственнаго разложенія. Щедрая раздача Меровингами иммунитетныхъ грамотъ должна была сильно истощать рессурсы королевской власти и все болѣе и болѣе ослаблять ее въ пользу тѣхъ, кто эти грамоты получалъ. Тѣ же результаты должна была имѣть и раздача домэновъ, на которую уже во второй половинѣ VI столѣтія жаловался король Хильперихъ. Духовные и свѣтскіе магнаты, обогащенные и усиленные королевскими щедротами, раздѣлившіе съ королемъ и его земли, и его верховныя права и тѣмъ еще болѣе расширившіе и укрѣпившіе и свою чисто соціальную власть надъ массой, должны были скоро создать для королевской власти положеніе, мало похожее на ту недосягаемую высоту, на которую ее поставилъ своими завоеваніями Хлодвигъ и его ближайшіе преемники. Междоусобія, которыми наполнена франкская исторія въ эпоху Меровинговъ, представляли чрезвычайно благопріятную почву для все большаго и большаго обогащенія и усиленія аристократіи и для соотвѣтствующаго ослабленія королевской власти, какъ фактическаго, такъ и юридическаго.

Уже въ эдиктѣ Хлотарія II (18 окт. 614 г.) (Chlotharii II Edictum) (*Capitularia Regum Francorum*, ed. Boretius, I, p.p. 20—23) королевская власть дѣлаетъ въ пользу духовныхъ и свѣтскихъ магна-

товъ рядъ серьезныхъ уступокъ, провозглашая свободу епископскихъ выборовъ, расширяя компетенцію церковныхъ судовъ, обѣщая не брать подъ свое частное покровительство клириковъ безъ согласія епископовъ, обязуясь не захватывать въ свою руку имущество умершаго безъ завѣщанія и предоставлять безпрепятственно вступать во владѣніе имъ родственникамъ умершаго, какъ это слѣдуетъ по закону, не нарушать судебныхъ правъ епископа въ отношеніи къ отданнымъ подъ его частную защиту вольноопущенниковъ, уничтожить несправедливые налоги («census novus impie addetus»), а также таможни и таможенные сборы, которыхъ не было при короляхъ Гунтрамнѣ, Хильперихѣ и Сигибертѣ, и назначать графовъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, а не изъ постороннихъ графскому округу людей. Послѣдній пунктъ особенно ярко подчеркиваетъ политическіе успѣхи, сдѣланные франкской аристократіей уже въ началѣ седьмого вѣка. Снабженная разнообразными и обширными полномочіями, графская должность становится достояніемъ мѣстной землевладѣльческой аристократіи и тѣмъ въ сущности совершенно ускользаетъ изъ рукъ короля, отдавая областное управленіе окончательно въ руки уже и безъ того всесильныхъ мѣстныхъ магнатовъ, уже и безъ того надѣленныхъ королемъ административными и судебными полномочіями. Въ другомъ своемъ повелѣніи, изданномъ между 584 и 628 годами (Chlotharii II Praeceptio) (*Capitularia*, I, 13—19), тотъ же король обязуется никого не наказывать безъ суда и наказаніе соразмѣрять съ родомъ преступленія. И тотъ, и другой указъ подтверждаютъ за духовными и свѣтскими магнатами всѣ сдѣланныя имъ предшествующими королями пожалованія.

Королевская власть все болѣе и болѣе становилась орудіемъ въ рукахъ магнатовъ, всѣхъ этихъ optimates, proceres, primates, преслѣдовавшихъ свои собственные интересы, а также интересы тѣхъ, кто былъ связанъ съ ними узами частнаго, вассальнаго подчиненія, и безъ ихъ совѣта и согласія король не могъ уже предпринять ни одного серьезнаго шага; даже земельныя и иммунитетныя пожалованія онъ могъ производить лишь съ ихъ согласія. Каждый отдѣльный членъ этой аристократіи, скажемъ словами Фюстель-де-Куланжа, «былъ богатъ землею, занималъ высокій рангъ, былъ могущественъ по своей должности и являлся абсолютнымъ владыкой части территоріи и населенія. А всѣ вмѣстѣ они составляли корпорацію, очень крѣпко сплотившуюся вокругъ королевской власти, но болѣе сильную, чѣмъ она сама» (F. de Coulanges, VI, 78). Собраніямъ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ начинаетъ принадлежать рѣшающая роль въ государственной жизни, какъ во внутреннихъ дѣлахъ, такъ и во внѣшнихъ. Въ руки аристократіи

вмѣстѣ съ областнымъ управленіемъ переходитъ и центральное управленіе, и, какъ мы имѣли уже случай указать при характеристикѣ этого послѣдняго (см. выше стр. 296) и, въ частности, когда шла рѣчь о должности майордома и той эволюціи, которой эта должность постепенно подверглась въ связи съ ростомъ франкскаго магнатства, аристократія начинаетъ оказывать рѣшительное вліяніе на замѣщеніе должности палатнаго мэра. Майордомъ становится представителемъ ея интересовъ передъ королевской властью, соединяя обширныя и разнообразныя полномочія всесильнаго главы всего государственнаго управленія съ положеніемъ могущественнаго главы феодальной аристократіи, самаго крупнаго магната франкскаго общества, болѣе сильнаго въ частномъ смыслѣ, чѣмъ король, потерявшій постепенно все то, что являлось базисомъ и его публично-правового, и его частноправового преобладанія, если только можно хотя бы теоретически разъединить эти такъ тѣсно переплетающіяся и постоянно переходящія одна въ другую стороны въ положеніи короля варварскаго государства. Теперь эти обѣ стороны въ одинаковой мѣрѣ были сильны въ положеніи майордома, и не удивительно, что къ нему мало-по-малу фактически переходитъ верховная власть въ государствѣ, а франкскій король превращается лишь въ номинальнаго главу франкскаго государства. Процессъ ослабленія и раздробленія центральной власти, выражаясь гегельянскимъ языкомъ марксистовъ, переходитъ, такимъ образомъ, въ свою противоположность. Процессъ политическаго разложенія франкскаго общества, представляющій собою политическую сторону разсмотрѣннаго уже нами процесса феодализаціи франкскаго общества, въ концѣ-концовъ создалъ новую централизованную комбинацію общественныхъ силъ, организованную на еще болѣе ярко выраженной частно-правовой основѣ, чѣмъ та комбинація, которую она смѣняла. Но и въ этой новой политической комбинаціи, какъ и въ той, которой она шла на смѣну, частно-правовые и публично-правовые элементы занимали то же положеніе, что и въ предшествовавшемъ ей государственномъ порядкѣ, только въ иныхъ конкретныхъ сочетаніяхъ.

Мы уже имѣли случай (см. выше, стр. 296—7) указывать на то, что въ каждомъ изъ трехъ королевствъ, на которыя распалась франкская держава, былъ свой отдѣльный палатный мэръ, а когда въ 613 году Австразія и Бургундія были соединены съ Нейстріей въ одно королевство, управленіе ими попрежнему оставалось въ рукахъ отдѣльныхъ для Австразіи и Бургундіи палатныхъ мэровъ. Указывали мы и на то, что съ этого времени войны между майордомами отдѣльныхъ, прежде самостоятельныхъ государствъ, входившихъ въ составъ франкской державы, заняли мѣсто тѣхъ кровавыхъ междо-

усобій, которыя происходили между ихъ королями, членами меровингскаго дома, и вызывались тѣми же причинами, что и эти послѣднія, т.-е. властолюбіемъ и корыстолюбіемъ самихъ палатныхъ мэровъ и тѣхъ магнатовъ, во главѣ которыхъ они стояли, и что въ результатѣ этихъ войнъ вся фактическая власть надъ всей франкской державой переходитъ къ австразійскому майордому Пиппину, мѣстному магнату и главѣ мѣстной аристократіи, носившему титулъ австразійскаго герцога (dux), который послѣ побѣды, одержанной имъ въ 687 году при Тертри надъ нейстрійскимъ майордомомъ Берхаромъ, превратилъ должность майордома всего франкскаго государства въ наслѣдственное достояніе своего рода. Если прежде дѣлили франкскую державу между своими сыновьями франкскіе короли, то теперь стали дѣлить ее между своими сыновьями франкскіе майордомы изъ рода Арнульфинтовъ, или Пиппинидовъ, передавая имъ вмѣстѣ съ тѣми или иными областями и титулъ палатнаго мэра, за Меровингами же оставляя пока только титулъ короля и внѣшній почетъ. Такъ, послѣ смерти своего сына, Гримоальда (въ 714 г.), котораго онъ сдѣлалъ палатнымъ мэромъ въ Нейстріи, Пиппинъ назначилъ его преемникомъ его малолѣтняго сына Теобальда, а сыновья умершаго старшаго сына Пиппина послѣ смерти Пиппина должны были наслѣдовать его власть въ Австразіи и были провозглашены палатными мэрами; но наслѣдствомъ этимъ, а потомъ и властью во всемъ франкскомъ королевствѣ завладѣлъ незаконный сынъ Пиппина Карлъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Карла Мартелла. Съ своей стороны и Карлъ Мартеллъ съ согласія магнатовъ раздѣлилъ въ 741 году управленіе франкскимъ королевствомъ между двумя своими сыновьями, которые вмѣстѣ съ титуломъ майордома получили: старшій, Карломанъ — Австразію, Швабію и Тюрингію, младшій, Пиппинъ, извѣстный подъ именемъ Пиппина Короткаго,—Нейстрію, Бургундію и Провансъ.

Майордомы изъ рода Арнульфинговъ уже были, какъ видимъ, настоящими государями франкской державы, principes Francorum или principes Francorum et Gallorum, какъ титулуютъ ихъ источники (или duces et principes Francorum), избѣгая сакральнаго титула rex, который принадлежалъ лишь царскому роду Меровинговъ, единственному законному его обладателю. Они предсѣдательствуютъ въ дворцовомъ судѣ, раздаютъ королевскіе домэны и иммунитетныя грамоты, назначаютъ на должности, принимаютъ клятву вѣрности отъ вассаловъ короля и называютъ ихъ, духовныхъ и свѣтскихъ магнатомъ королевства, своими вѣрными (fideles), издаютъ свои дипломы въ формѣ королевскихъ грамотъ и даже ставятъ свое имя на монетахъ. Мало того. Они уже даже назначаютъ самого короля. Такъ,

король Хильдерихъ III называетъ въ одной изъ своихъ грамотъ (отъ 744 г.) палатнаго мэра Карломана (сына Карла Мартелла) «правителемъ дворца нашего, который возвелъ насъ на тронъ королевства» (rector palatio nostro, qui nobis in solium regni instituit). Карлъ Мартеллъ и его сыновья долгое время и вовсе не назначали короля и правили безъ короля, но принять королевскій титулъ все же не рѣшались, считая святотатствомъ посягать на эту священную въ ихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ всего франкскаго общества, прерогативу еще не угасшаго, хотя и уже совершенно безсильнаго, царскаго рода. Младшій сынъ Карла Мартелла Пиппинъ Короткій наконецъ рѣшился на это. Но нужно было стеченіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ для того, чтобы сдѣланный имъ шагъ получилъ необходимую для него санкцію, чтобы духовный глава христіанскаго Запада снялъ заклятіе съ королевской короны Меровинговъ и посредствомъ мистическаго обряда помазанія, совершоннаго надъ Пиппиномъ и двумя его сыновьями, наложилъ на весь его родъ печать святости и тѣмъ сдѣлалъ его достойнымъ носить тотъ титулъ, который составлялъ послѣднее, до тѣхъ поръ неотъемлемое достояніе исконной франкской династіи.

Папство преслѣдовало здѣсь свои собственныя цѣли. Уже Карлъ Мартеллъ обратилъ на себя его вниманіе. Въ 732 году онъ одержалъ при Пуатье блестящую побѣду надъ надвигавшимися изъ завоеванной уже ими Испаніи арабами и тѣмъ остановилъ ихъ дальнѣйшіе успѣхи въ христіанской Европѣ. Избавивъ христіанскій Западъ отъ грозившей ему мусульманской опасности, Карлъ Мартеллъ оказалъ услуги западному христіанству и положительнымъ путемъ, взявъ подъ свое покровительство и защиту Бонифація въ его миссіонерской и церковно-организаторской дѣятельности въ остававшейся еще въ значительной мѣрѣ языческой Германіи. Къ нему обратился папа и за помощью противъ завоевавшихъ сѣверную Италію и угрожавшихъ Риму лангобардовъ. Карлъ Мартеллъ не нашелъ, однако, для себя возможнымъ «избавлять римлянъ отъ лангобардскаго утѣсненія». Дѣло это взяли на себя уже его преемники, связавшіе съ нимъ свои собственные династическіе интересы.

Въ 751 г. Пиппинъ Короткій «по совѣту и съ согласія всѣхъ франковъ» отправилъ къ папѣ Захаріи посольство, чтобы испросить у него совѣта «на предметъ королей, которые существовали тогда у франковъ и которые носили имя короля, не имѣя королевской власти». Папа высказался въ томъ смыслѣ, что «лучше называть королемъ того, кто имѣетъ власть, чѣмъ того, кто ея лишенъ». Получивъ этотъ отвѣтъ, Пиппинъ созвалъ «собраніе франкскаго народа»

въ Суассонѣ, и (въ ноябрѣ 751 г.) «послѣ избранія всѣми франками, освященія епископами и признанія магнатами онъ былъ посаженъ на тронъ, какъ и его жена Бертрада». Король Хильдерихъ III и его сынъ были заключены въ монастырь. Чтобы окончательно успокоить свою совѣсть и отблагодарить церковь, новый король взялъ подъ свое покровительство много монастырей и обогатилъ ихъ щедрыми дареніями.

Но не «всѣ франки» одинаково сочувствовали совершонному Пиппиномъ государственному перевороту. Если на его сторонѣ были, повидимому, духовные магнаты, то далеко не всѣ свѣтскіе магнаты находили его для себя желательнымъ. Можетъ быть, они видѣли для себя опасность въ этомъ шагѣ Пиппина, высоко поднимавшемъ его надъ ними, проводившемъ между нимъ и ими рѣзкую грань. Какъ бы то ни было, событіе 751 года сопровождалось волненіями во франкскомъ обществѣ, которыя, повидимому, долго не успокаивались. Въ началѣ 754 года прибылъ къ франкскому двору папа Стефанъ II, чтобы лично просить у франкскаго короля помощи противъ лангобардскаго короля Айстульфа. Онъ бросился на колѣни передъ Пиппиномъ и заклиналъ его «защитить дѣло св. Петра и римской республики». Пиппинъ далъ папѣ клятвенное обѣщаніе сдѣлать все, что было въ его власти, чтобы избавить его отъ лангобардовъ, и на осеннемъ собраніи франковъ было рѣшено предпринять походъ въ Италію. Но прежде, чѣмъ это собраніе было созвано и это рѣшеніе было постановлено, въ іюлѣ того же 754 года папа еще разъ совершилъ обрядъ помазанія надъ Пиппиномъ, его женой и дѣтьми и, подъ страхомъ отлученія, запретилъ франкамъ на будущее время избирать себѣ королей внѣ этой фамиліи, «которая была возвеличена божественной милостью и освящена, по заступничеству св. апостоловъ, руками ихъ намѣстника, верховнаго первосвященника». Помазаніе должно было поднять Пиппина и весь его родъ на недосягаемую высоту и дать его королевской власти религіозный характеръ. Поднявъ королевскую власть новой династіи съ помощью средствъ мистическаго воздѣйствія, папа тогда же возвеличилъ ее и инымъ способомъ, украсивъ Пиппина и его двухъ сыновей титуломъ «патриція римлянъ», который когда-то украшалъ Одоакра, Теодориха и другихъ варварскихъ вождей. Никакой власти надъ Римомъ титулъ этотъ новому королю франковъ не давалъ, но зато пріобщалъ его собственную власть къ кругу представленій, связанныхъ съ Римомъ, его былымъ величіемъ, его міровой державой, его цивилизаціей и еще много говорившихъ воображенію и чувству какъ романца, такъ и въ той или иной мѣрѣ романизованнаго варвара, и тѣмъ, по вы-

раженію одного изслѣдователя, смывалъ пятно, которое лежало на немъ какъ на выскочкѣ.

Новое положеніе налагало и новыя обязанности, и о нихъ безпрестанно напоминала Пиппину папская канцелярія, отправлявшая къ нему одно за другимъ письма, въ которыхъ ему указывалось, что самъ св. Петръ помазалъ его съ тѣмъ, чтобы черезъ него была возвеличена церковь, и тѣмъ сдѣлалъ его «освободителемъ и защитникомъ этой церкви». Магнатамъ франкскимъ очень не нравилась эта римская авантюра ихъ новаго короля. Въ лангобардахъ они видѣли союзный и дружескій народъ и не имѣли охоты воевать съ ними для освобожденія римской церкви. Въ виду этого Пиппинъ сдѣлалъ попытку уклониться отъ обѣщаннаго папѣ похода въ Италію и для этого обратился къ лангобардскому королю съ просьбой не выступать противъ Рима. Попытка не удалась, и пришлось двигаться въ Италію. Лангобардскій король былъ разбитъ. Но этотъ успѣхъ не примирилъ франкскихъ магнатовъ съ римской политикой Пиппина, и они грозили королю уходомъ. Черезъ ихъ посредство Айстульфу удалось, къ великому неудовольствію папы, склонить Пиппина къ миру. Лангобардскій король обязался отдать городъ Равенну и другіе взятые имъ города Равенскаго экзархата (намѣстничества), принадлежавшаго передъ тѣмъ Византіи, возмѣстить обиды, причиненныя апостольскому престолу, и впредь не чинить ему безпокойствъ. Возвращенные города (Равенна, Римини и еще девять другихъ) должны были быть переданы Айстульфомъ папѣ.

Лишь только франкское войско во главѣ съ королемъ покинуло Италію, Айстульфъ счелъ себя свободнымъ отъ взятыхъ на себя обязательствъ и опять осадилъ Римъ. Папа опять обратился къ франкскому королю за помощью. Франкскіе магнаты опять выразили нежеланіе воевать съ лангобардами. Тогда Стефанъ отправилъ письмо «Пиппину, его сыновьямъ и народу франкскому» уже отъ имени самого св. Петра. На майскомъ собраніи 756 года рѣшено было опять отправляться въ Италію. Походъ опять былъ удаченъ для франковъ. Условія мира были прежнія. Возвращенные Айстульфомъ города (Равенну, Римини и еще десять другихъ) Пиппинъ посредствомъ формальнаго акта даренія передалъ на вѣчныя времена «римской церкви, св. Петру и первосвященникамъ, преемникамъ его»; ключи отъ подаренныхъ городовъ и дарственная грамота были положена на гробъ св. Петра. Такъ положено было начало свѣтскому государству папъ и установлены тѣсныя связи новой франкской династіи съ папствомъ и съ Италіей, выгодныя для обѣихъ сторонъ и имѣвшія для нихъ важныя историческія послѣдствія.

Пиппинъ Короткій умеръ въ 768 году и оставилъ свое расши-

ренное и организованное государство двумъ своимъ сыновьямъ, Карлу и Карломану. Карлъ получилъ Австразію, Нейстрію къ сѣверу отъ Оазы и Аквитанію (за исключеніемъ церковной буржской провинціи), а Карломану досталась Бургундія, Провансъ и Септиманія, Эльзасъ и Аламанія, Тюрингія, Гессенъ, Нейстрія къ югу отъ Оазы и часть Аквитаніи, не вошедшая въ долю Карла; такъ что владѣнія Карла занимали сѣверную и западную части франкской державы, а владѣнія Карломана—юго-восточную. Въ 771 году Карломанъ умеръ, и все франкское королевство перешло въ руки Карла.

Карлъ Великій (768—814) энергично продолжалъ дѣло своего отца и непрерывнымъ рядомъ походовъ, наполняющихъ все его царствованіе, далеко раздвинулъ и укрѣпилъ границы франкской державы. Тридцатилѣтняя тяжелая и жестокая война съ саксами, окончившаяся ихъ покореніемъ, обращеніемъ въ христіанство и новой организаціей ихъ территоріи, полное подчиненіе Баваріи и ассимилированіе ея въ административномъ отношеніи съ остальными областями государства, походъ въ Испанію и образованіе и устройство испанской марки, войны съ аварами и истребленіе ихъ царства, войны съ славянами, съ датчанами, завоеваніе лангобардской Италіи и принятіе лангобардской короны, вѣнчаніе короной императоровъ Западной Римской имперіи въ 800 году,—достаточно только напомнить эти самые выдающіеся факты изъ исторіи царствованія Карла, чтобы передъ читателемъ со всей отчетливостью предстали грандіозныя черты колоссальной политической и культурной работы, которую сдѣлало франкское общество подъ руководствомъ этого великаго воина и организатора. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе конкретныхъ подробностей этой работы, не станемъ излагать всѣхъ тѣхъ событій, которыя составляютъ содержаніе названныхъ нами фактовъ. Наша задача иная. Мы должны разсмотрѣть основныя черты сложившейся при Карлѣ государственной организаціи, поскольку въ этой организаціи есть особенности, отличающія ее отъ государственной организаціи франкскаго общества эпохи Меровинговъ, а также ту соціальную и хозяйственную основу, на которой эта организація покоилась. Но прежде, чѣмъ приступить къ разрѣшенію этой задачи, мы должны привести нѣсколько фактическихъ данныхъ, относящихся къ римской политикѣ Карла и къ ея результатамъ.

И въ своей римской политикѣ Карлъ Великій является продолжателемъ своего отца. Послѣ смерти Пиппина лангобардскій король Дезидерій отнимаетъ у папы города, подаренные Стефану II. Преемникъ Стефана, папа Адріанъ обращается за помощью къ Карлу, который и отправляется въ Италію осенью 773 года и начинаетъ войну съ лангобардами. Весною 774 года онъ совершаетъ торже-

ственный въѣздъ въ Римъ и кладетъ на гробъ св. Петра грамоту новаго, болѣе обширнаго даренія, чѣмъ то, которое было сдѣлано папству Пиппиномъ. Послѣ сдачи Дезидеріемъ осажденной франкскими войсками Павіи, Карлъ принимаетъ (въ томъ же 774 г.) титулъ короля франковъ и лангобардовъ. Лангобардскій король кончилъ свою жизнь въ одномъ изъ франкскихъ монастырей.

Папа съ тревогой глядѣлъ на прочное утвержденіе франковъ въ Италіи, боясь, какъ бы на смѣну лангобардской опасности не явилась франкская. Тѣмъ болѣе было у него для этого основаній, что Карлъ теперь смотрѣлъ на Римъ какъ на одну изъ столицъ своего обширнаго государства, а въ своемъ званіи патриція видѣлъ право на властное руководительство его внутренними и внѣшними дѣлами. А между тѣмъ именно въ это время папство стало усиленно мечтать о свѣтскомъ владычествѣ, и какъ разъ при Адріанѣ появилась знаменитая въ исторіи папства фальсификація, извѣстная подъ именемъ *даренія Константина*, согласно которой императоръ Константинъ, принимая крещеніе изъ рукъ папы Сильвестра въ Латеранѣ (событіе явно миѳическое), будто бы передалъ папѣ императорскую власть надъ Римомъ, Италіей и всѣмъ Западомъ, вмѣстѣ съ внѣшними ея знаками—пурпурной хламидою и золотой короной. Въ глазахъ Адріана эта фальсификація имѣла значеніе подлиннаго документа, на который онъ и ссылался, давая отпоръ притязаніямъ Карла и указывая при этомъ на то, что дѣйствительный патриціатъ надъ Римомъ принадлежитъ самому апостолу Петру. Адріанъ готовъ былъ войти въ соглашеніе съ византійскимъ императоромъ и устроить для себя и для своихъ преемниковъ въ центрѣ Италіи государство, которое бы находилось подъ далекимъ протекторатомъ восточнаго кесаря, но фактически пользовалось бы полной самостоятельностью и явилось бы прочной точкой опоры для дальнѣйшихъ политическихъ успѣховъ папства.

Но все это были пока мечты. Дѣйствительность мало была на нихъ похожа. Насколько уже къ этому времени великъ былъ духовный авторитетъ папы на всемъ европейскомъ Западѣ, настолько безсильнымъ и безпомощнымъ являлся папа въ самомъ Римѣ, гдѣ все было въ рукахъ бароновъ, владѣвшихъ землями и замками въ его окрестностяхъ и не рѣдко заявлявшихъ притязаніе и на право распоряжаться апостольскимъ престоломъ. Самая безопасность папы не всегда была обезпечена. Особенно тяжелымъ оказалось положеніе преемника Адріана, папы Льва III, избраннаго противъ воли римской аристократіи. Ему прежде всего пришлось подумать о могущественномъ покровителѣ, и немедленно же послѣ своего избранія онъ отправилъ франкскому королю знамя Рима и обѣщаніе

вѣрности ему. Защита франкскаго короля ему скоро понадобилась. На одной изъ улицъ Рима онъ подвергся нападенію и побоямъ и бѣжалъ (въ 799 г.) къ Карлу въ Падерборнъ. Карлъ далъ ему вооруженный отрядъ, подъ защитой котораго онъ вернулся въ Римъ, куда скоро послѣ этого отправился и самъ Карлъ.

Въ концѣ ноября 800 г. Карлъ Великій совершилъ торжественный въѣздъ въ Римъ. По его повелѣнію было созвано собраніе духовенства и римскихъ и франкскихъ магнатовъ, которое должно было разобрать обвиненія, выставленныя противъ папы его противниками. На церковномъ собраніи, устроенномъ недѣли черезъ три, папа очистился отъ всѣхъ обвиненій посредствомъ клятвы, принесенной имъ на четырехъ евангеліяхъ. 25 декабря 800 г., въ праздникъ Рождества, въ церкви св. Петра папа возложилъ на молившагося у алтаря франкскаго короля корону римскаго императора при кликахъ собравшагося въ церкви народа, трижды возглашавшаго «Карлу, благочестивѣйшему Августу, коронованному Богомъ, великому и миролюбивому императору, многая лѣта и побѣду».

Такъ произошло возстановленіе Западной Римской имперіи.

Императорская корона не была неожиданностью для Карла. Съ мыслью о ней давно уже носились въ кругу близкихъ къ Карлу людей, воспитанныхъ на римской литературѣ и грезившихъ о возвращеніи того идеальнаго, какъ имъ казалось, порядка, когда міръ имѣлъ одного верховнаго главу, обезпечивавшаго миръ и охранявшаго вѣру, великаго христіанскаго императора, Константина, Валентиніана, Ѳеодосія. Мечты эти никогда не умирали въ умахъ образованныхъ людей Запада. Теперь онѣ лишь ожили съ новой силой и казались близкими къ осуществленію послѣ того, какъ Карлъ объединилъ подъ своею властью столько племенъ и народовъ и распространилъ славу своихъ завоеваній по всему міру, вмѣстѣ съ своей воинской славой ревностно распространяя среди покоренныхъ язычниковъ христіанскую вѣру, верховнымъ защитникомъ которой онъ теперь являлся въ качествѣ помазанника божьяго и римскаго патриція. Принятіе императорскаго титула являлось лишь завершительнымъ моментомъ, послѣднимъ штрихомъ. Уже и до этого Карлъ Великій былъ верховнымъ главою христіанскаго Запада, осуществлявшимъ идею міровой христіанской монархіи, усвоенную имъ и проводившуюся имъ въ жизнь съ помощью всѣхъ средствъ, какія были въ его распоряженіи. Императорская корона давала лишь окончательную формулировку занятаго уже Карломъ положенія.

Неожиданностью для Карла явилось, повидимому, то, что императорскую корону возложилъ на него самъ папа и тѣмъ какъ бы

поставилъ его въ зависимость отъ себя. Мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе тѣхъ мотивовъ, которыми руководствовался папа, передавая Карлу корону римскаго императора. Ограничимся лишь указаніемъ на то, что, дѣлая этотъ шагъ, папство рѣшительно и окончательно разрывало всякую связь съ императоромъ Восточной имперіи и въ сущности даже дѣлало ему прямой вызовъ, игнорируя его права на верховенство надъ міромъ, безспорно ему принадлежавшія, и окончательно связывало судьбу съ политическимъ главою Запада, подъ защитой котораго ему казались болѣе осуществимыми всѣ его планы и мечты. Тѣмъ легче папа могъ рѣшиться на этотъ шагъ, что въ Константинополѣ въ это время императорскій престолъ занимала женщина, Ирина, захватившая его съ помощью преступленія, отнявъ его у своего сына Константина VI, свергнутаго ею и ослѣпленнаго, и въ глазахъ папы императорскій престолъ могъ считаться вакантнымъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ и византійскій дворъ призналъ западнаго императора: въ 812 году императоръ Михаилъ отправилъ къ Карлу въ Ахенъ посольство, которое формально признало за Карломъ императорскій титулъ и привѣтствовало его какъ «басилевса».

V.

Принятіе Карломъ Великимъ императорскаго титула, превратившее его изъ короля франковъ и лангобардовъ («rex Francorum et Langobardorum») въ Августа, Богомъ коронованнаго великаго и миротворящаго римскаго императора и защитника церкви (Augustus Deo coronatus magnus et pacificus imperator Romanorum, defensor ecclesiae»), внесло въ пониманіе имъ своихъ правительственныхъ задачъ нѣчто такое, что было совершенно чуждо меровингской монархіи, но что уже было знакомо Пиппину Короткому послѣ того, какъ онъ былъ помазанъ на царство папой Стефаномъ II и принялъ отъ него титулъ римскаго патриція. Можно сказать, что сакральный элементъ, присущій монархической власти на самыхъ раннихъ ступеняхъ ея развитія въ обществахъ какъ древняго, такъ и новаго міра, въ императорской власти Карла Великаго возродился съ новой и необычной силой. Подобно царямъ-жрецамъ греческихъ или италійскихъ общинъ или царямъ восточныхъ монархій, Карлъ Великій становился посредникомъ между Богомъ и подвластнымъ ему народомъ и блюстителемъ божескихъ законовъ на землѣ. Требуя въ 802 году отъ своихъ подданныхъ въ качествѣ императора новой присяги, онъ разъясняетъ въ изданномъ съ этой цѣлью капитуляріи смыслъ и значеніе этой присяги. «И пусть всѣмъ

будетъ внушено, читаемъ мы въ этомъ капитуляріи, каждому сообразно его разумѣнію, какое великое значеніе имѣетъ эта присяга и какія обязанности она налагаетъ, не только, какъ многіе до сихъ поръ думаютъ, обязанность соблюдать вѣрность государю императору, не допуская въ царство его никакого врага, не помогая никому, нарушившему вѣрность, и не покрывая его, но и вотъ какое значеніе, да будетъ это вѣдомо всѣмъ, имѣетъ эта присяга: во-первыхъ, каждый за себя лично обязанъ служить Богу согласно Его велѣніямъ и своему обѣщанію по мѣрѣ разумѣнія и своихъ силъ, такъ какъ государь императоръ не можетъ заботиться о каждомъ въ отдѣльности и поучать его... Никто да не дерзнетъ обижать церкви Божіи, вдовъ, сиротъ или чужестранцевъ и отнимать у нихъ ихъ достояніе силой или обманомъ, ибо самъ государь императоръ послѣ Господа Бога и святыхъ Его поставленъ ихъ защитникомъ и покровителемъ» (Capitularia, I, 92—93, с. с. 2, 3, 5). Императоръ считаетъ себя признаннымъ направлять не только общій ходъ государственной жизни, но и внутренній міръ каждаго изъ своихъ подданныхъ и требуетъ поэтому отъ своихъ подданныхъ не только исполненія того, чего требуетъ отъ нихъ земной, государственный законъ, но и считаетъ себя уполномоченнымъ свыше требовать отъ нимъ выполненія велѣній ихъ внутренняго, религіознаго сознанія. Своей присягой его подданный обязуется передъ государственной властью не только не совершать правонарушеній, но и не грѣшить. Грѣхъ въ такой же мѣрѣ подлежитъ, въ представленіи имиератора, воздѣйствію государственной власти, какъ и преступленіе.

Государственная власть здѣсь превращается, такимъ образомъ, въ теократію, царь превращается въ первосвященника. Онъ не только управляетъ своимъ народомъ, но и путемъ религіозно-нравственныхъ назиданій, немедленно же переходящихъ въ властныя повелѣнія, ведетъ его къ вѣчному спасенію. Императоръ—въ такой же мѣрѣ глава государства, какъ и глава церкви, отвѣтственный передъ Богомъ за поведеніе своихъ подданныхъ. Органы государства, какъ и органы церкви, въ одинаковой мѣрѣ—его служебныя орудія для выполненія имъ такъ широко поставленной правительственной задачи. Если черезъ посредство своихъ графовъ, сотниковъ, викаріевъ и иныхъ представителей свѣтской администраціи императоръ принималъ мѣры для пресѣченія беззаконій, то черезъ посредство архіепископовъ, епископовъ, аббатовъ и другихъ представителей церковной іерархіи онъ оказывалъ воздѣйствіе на область грѣха съ помощью средствъ, соотвѣтствующихъ этой послѣдней цѣли, какими являлись общія моленія, покаянія и посты, налагавшіеся на все государство въ виду несомнѣнныхъ свидѣтельствъ грѣховности

народа въ тотъ или иной моментъ, знаменій, посылаемыхъ Богомъ въ видѣ наказанія за грѣхи (какими являлись голодъ, моръ и иныя напасти) или угрозъ близкихъ каръ (затменій луны или солнца и иныхъ чрезвычайныхъ явленій природы), знаменій, для пониманія и истолкованія которыхъ государь надѣленъ особымъ даромъ. Впрочемъ, Карлъ не признавалъ строгаго разграниченія функцій между церковными и свѣтскими властями, и въ тѣхъ, и въ другихъ видя лишь орудія своей многосторонней власти, и безразлично примѣнялъ тѣхъ и другихъ при разрѣшеніи самыхъ разнообразныхъ своихъ задачъ, поручая, напримѣръ, графу искоренять язычество, а епископу поручая сборъ пошлинъ, наблюденіе за наборомъ войска и даже личное доставленіе своего военнаго контингента къ мѣсту общаго сбора и т. п.

Являясь духовнымъ и свѣтскимъ главою христіанскаго міра (всѣ христіане, по убѣжденію, господствовавшему въ ту эпоху, составляли единое цѣлое, единый христіанскій народъ, populus christianus, не знавшій географическихъ и политическихъ границъ), посредникомъ между Богомъ и людьми, Карлъ Великій не могъ, конечно, признавать папу главою церкви, самъ являясь главою церкви, самъ имѣя всю власть и всѣ обязанности первосвященника въ качествѣ главы истинно-христіанскаго государства. Считая своей обязанностью какъ государя съ оружіемъ въ рукахъ повсюду защищать христіанскую церковь отъ язычниковъ и невѣрныхъ, а внутри государства наставлять всѣхъ въ истинной каѳолической вѣрѣ, Карлъ предоставляетъ папѣ лишь обязанность, воздымая руки къ Богу, молиться за успѣшность этой своей дѣятельности. Карлъ самъ, собственной волею, назначалъ епископовъ и аббатовъ и видѣлъ въ нихъ такихъ же своихъ «вѣрныхъ» («fideles») и «своихъ людей» (homines nostri), какъ и въ свѣтскихъ своихъ слугахъ, только лишь болѣе компетентныхъ въ религіозно-нравственной сферѣ и поэтому болѣе его свѣтскихъ слугъ способныхъ помочь государю въ дѣлѣ проведенія въ жизнь «божьяго закона» (lex Dei), составляющемъ его самую главную обязанность какъ главы христіанской монархіи. И въ чисто церковныхъ вопросахъ епископы и аббаты—всего лишь исполнители воли государя, который какъ глава церкви присутствуетъ на соборахъ и принимаетъ самое дѣятельное участіе въ ихъ засѣданіяхъ и даже редактируетъ соборныя постановленія.

Въ свое пониманіе религіозно-нравственныхъ задачъ государственнаго управленія Карлъ Великій, не возвышаясь въ этомъ случаѣ надъ общимъ культурнымъ уровнемъ своей эпохи, вносилъ своеобразный съ нашей точки зрѣнія смыслъ. Мы не можемъ отрицать, что высшей цѣлью своей политики какъ главы христіанской

имперіи Карлъ признавалъ вѣчное, небесное спасеніе и блаженство государя и подданныхъ, за которыхъ онъ отвѣчаетъ передъ Богомъ, ввѣрившимъ ихъ его попеченію. Но въ то же время насъ поражаетъ грубо-реальная секуляризація тѣхъ мистическихъ средствъ, которыя находятся въ распоряженіи религіозной организаціи тогдашняго общества и ея руководителей и органовъ, примѣненіе ихъ государственной властью въ цѣляхъ самаго реальнаго административнаго воздѣйствія для разрѣшенія самыхъ реальныхъ текущихъ задачъ государственнаго управленія.

Если преступленіе являлось грѣхомъ, то и грѣхъ, по понятіямъ людей того времени, являлся преступленіемъ, такъ какъ онъ можетъ навлечь гнѣвъ Божій на все государство, грозящій ему самыми реальными бѣдствіями въ видѣ голода, мора, нашествія иноплеменниковъ и иныхъ великихъ напастей. Борьба съ «дурными нравами», борьба съ грѣхомъ являлась въ глазахъ Карла Великаго и его современниковъ совершено реальной государственной задачей, входила въ область настоящей реальной политики. Забота о религіозно-нравственномъ преуспѣяніи подданныхъ являлась здѣсь настоящей государственной заботой. Самые прямые, самые реальные и осязательные интересы государственной и общественной безопасности налагали на императора эту обязанность неустанно заботиться о нравственно-религіозной жизни общества и постоянно бороться съ его грѣховностью и для этого внимательно слѣдить за всѣми знаменіями, за всѣми проявленіями грозящаго гнѣва Божьяго и съ помощью соотвѣтствующихъ мѣръ во-время предотвращать бѣду. Въ видѣ такихъ мѣръ въ распоряженіи государственной власти находилась цѣлая тщательно разработанная система молитвъ, постовъ, покаяній и увѣщаній. Въ глазахъ Карла и его современниковъ это были самыя дѣйствительныя, самыя реальныя средства борьбы съ наступающими или уже наступившими бѣдствіями, и притомъ единственно вѣрныя и возможныя. Вѣря въ истинно магическую силу молитвъ и постовъ, если ихъ примѣнять съ знаніемъ и умѣньемъ (а за государемъ христіанскаго государства признавался особый «вѣщій» даръ по знаменіямъ угадывать волю Божью и указывать подходящія средства для каждаго отдѣльнаго случая для предотвращенія гнѣва Божьяго или для его смягченія), и самъ Карлъ, и его сотрудники ни на минуту не сомнѣвались, что съ помощью ихъ они вели самую реальную экономическую и соціальную политику. И распространеніе христіанства, первая обязанность главы христіанскаго міра, обращается въ своеобразную мѣру внутренней политики. Обращеніе въ христіанство подданныхъ язычниковъ являлось настоятельной необходимостью для государя,

на котораго самимъ Богомъ возложена забота о благѣ его подданныхъ: того требовала безопасность государства, которое могло подвергаться великимъ опасностямъ, пока кто-либо изъ его подданныхъ коснѣлъ въ язычествѣ, слуга дьявола, ненавистный Богу, постоянный источникъ Его гнѣва, и король не долженъ былъ останавливаться передъ самыми жестокими мѣрами, чтобы сломить упорство обращаемыхъ.

Такимъ образомъ, грубо-матеріальное, элементарно-языческое пониманіе религіи лежало въ корнѣ этого смѣшенія божескаго и человѣческаго, которое такъ характерно для постановки государственной власти Карла Великаго какъ римскаго императора и защитника церкви. Но для постановки этой власти характерно и то, что теперь государственная власть выдвигаетъ на первый планъ заботы объ интересахъ политическаго цѣлаго, «республики», объ интересахъ общества, что интересы государства она не отожествляетъ съ собственными матеріальными, хозяйственными интересами. Власть является для Карла Великаго общественнымъ служеніемъ, тогда какъ для Меровинговъ она являлась прежде всего источникомъ обогащенія и соціальной силы ея носителя и его рода. Для Меровинговъ, какъ и для другихъ варварскихъ королей, государство, какъ мы знаемъ, являлось чѣмъ-то въ родѣ хозяйственнаго предпріятія, изъ котораго они старались извлечь какъ можно больше матеріальныхъ выгодъ. Государственные интересы въ собственномъ смыслѣ по существу имъ были чужды. Какъ далека отъ этого точка зрѣнія Карла Великаго съ его неустанными заботами о благѣ государства, съ его живымъ сознаніемъ отвѣтственности монарха передъ Богомъ за ввѣренный ему высшей волею народъ, какъ ни своеобразно съ нашей точки зрѣнія пониманіе имъ своихъ государственныхъ задачъ.

Такъ широко ставя задачи управленія, Карлъ Великій для разрѣшенія ихъ пользовался всѣми тѣми административными органами и средствами, какіе давала ему какъ государственная, такъ и церковная организація франкскаго королевства. Церковная организація въ такой же мѣрѣ, какъ и свѣтская, должна была служить проводникомъ всесторонняго воздѣйствія государственной власти на внѣшнюю и внутреннюю жизнь общества. При этомъ, мало довѣряя представителямъ свѣтской администраціи, въ частности графамъ, Карлъ Великій поручалъ епископамъ надзоръ надъ дѣятельностью этихъ послѣднихъ; впрочемъ, и графамъ онъ поручалъ наблюдать за дѣятельностью епископовъ. Для болѣе быстраго и рѣшительнаго воздѣйствія на жизнь своихъ подданныхъ Карлъ далъ очень широкую постановку учрежденію, которое существовало уже и при Меровин-

гахъ, но едва ли играло тогда сколько-нибудь значительную роль. Мы разумѣемъ «государевыхъ посланцевъ».

Уже Меровинги посылали иногда внутрь страны спеціальныхъ коммиссаровъ съ тѣми или иными порученіями административнаго или судебнаго характера. Эти королевскіе посланцы, missi dominici (такихъ королевскихъ посланцевъ мы встрѣчаетъ и въ другихъ варварскихъ королевствахъ; вспомнимъ, напримѣръ, остготскихъ сайоновъ), становятся въ рукахъ Карла Великаго могущественнымъ орудіемъ для проведенія по всѣмъ частямъ имперіи политики центра. Карлъ надѣлялъ своихъ посланцевъ чрезвычайными полномочіями и поручалъ имъ контролировать и восполнять дѣятельность обычныхъ областныхъ администраторовъ, свѣтскихъ и церковныхъ. Назначалъ онъ ихъ изъ высшихъ сановниковъ государства. Вся имперія раздѣлялась на цѣлый рядъ округовъ, такъ называемыхъ missatica, иначе legationes, и въ каждый изъ нихъ ежегодно императоръ отправлялъ по два missi, обыкновенно одного свѣтскаго сановника (графа, королевскаго вассала) и одного духовнаго (архіепископа, епископа или аббата) съ обстоятельной устной или письменной инструкціей императора. Кромѣ такихъ, такъ сказать, обычныхъ missi, посылавшихся на годъ въ опредѣленые округа, императоръ отправлялъ въ разные концы государства чрезвычайныхъ посланцевъ съ тѣми или иными спеціальными порученіями.

Для управленія окраинами государства, сосѣдними съ враждебными племенами, на соотвѣтствующихъ границахъ были организованы Карломъ Великимъ такъ называемыя *марки* (marca, limes), округа, во главѣ которыхъ были поставлены графы, надѣленные чрезвычайными полномочіями, такъ называемые *маркграфы* (по-латыни praefectus или custos limitis, praefectus или custos marcae, comes marcae, marchio, marchisus, иногда dux). Такихъ округовъ при Карлѣ Великомъ было устроено шесть: Испанская марка, Бретанская, Фріульская, Паннонская или Баварская, Датская и Сорабская.

Два раза въ годъ, какъ это было и при Меровингахъ, императоръ созывалъ собранія свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ королевства для обсужденія и совмѣстнаго съ нимъ рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ государства, одно осенью, другое весною. Весеннее собраніе было еще Пиппиномъ Короткимъ перенесено съ марта на май, такъ какъ на май былъ перенесенъ имъ и связанный съ собраніемъ военный смотръ, который, съ введеніемъ, подъ вліяніемъ войнъ съ арабами, конnаго строя, было удобнѣе производить не раньше мая, когда уже выростала необходимая для корма лошадей трава. Поэтому весеннее собраніе получило названіе *Майскаго поля* (campus Madius, Maifeld), хотя Карлъ Великій нерѣдко собиралъ

его въ іюнѣ, іюлѣ и даже августѣ. Эти весеннія собранія были очень многочисленны, такъ какъ на нихъ присутствовали всѣ свѣтскіе и духовные магнаты королевства, и служили для обсужденія и рѣшенія дѣлъ текущаго года. Однако, только самые значительные изъ магнатовъ приглашались для обсужденія предлагаемыхъ проектовъ и принятія ихъ, и это обсужденіе они производили иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней, тщательно разбирая параграфъ за параграфомъ, на открытомъ воздухѣ или, въ случаѣ дурной погоды, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ. Толпа менѣе значительныхъ лицъ находилась по сосѣдству съ ними. Въ ихъ рядахъ появлялся по временамъ Карлъ Великій, запросто бесѣдовалъ съ ними, распрашивая каждаго о томъ, что дѣлается въ той мѣстности, изъ которой онъ явился, и такимъ образомъ получалъ конкретное представленіе о положеніи народа, о его нуждахъ и потребностяхъ. Тутъ же онъ принималъ отъ нихъ принесенные ими ему по старинному обычаю подарки.

Одобренные и принятые проекты законовъ оповѣщались передъ всѣми собравшимися на Майское поле, чтобы получить на нихъ ихъ согласіе, и становились законами. Такъ какъ эти законы состояли изъ ряда параграфовъ, капитуловъ (capitula), то при Каролингахъ они получили названіе *капитуляріевъ* (capitularia). Если это были законодательные акты, вносившіе дополненія и поправки въ дѣйствовавшее народное право (Volksrecht) тѣхъ или иныхъ племенъ, входившихъ въ составъ франкской державы, то они въ особенности нуждались въ одобреніи собравшихся, такъ какъ самъ король не имѣлъ права измѣнять и дополнять народное право, составлявшее законъ въ собственномъ, строгомъ смыслѣ слова, то, что обозначалось словомъ lex, законъ, который строго отличали отъ королевскаго указа, создававшаго лишь королевское право (Königsrecht), отъ капитулярія въ собственномъ смыслѣ, и такіе одобренные собравшимся «народомъ» (populus) капитуляріи назывались *capitula legibus addenda*. Капитуляріи, не имѣвшіе въ виду дополнять или видоизмѣнять народное право и представлявшіе собою распоряженія короля, касавшіяся самыхъ различныхъ сторонъ государственной и общественной жизни, на какія только направлялось вниманіе короля и его правительства, не нуждались, строго говоря, въ одобреніи со стороны собиравшихся на Майское поле магнатовъ и ихъ вассаловъ, но и ихъ обыкновенно представляли на ихъ одобреніе или, по крайней мѣрѣ, оповѣщали ихъ здѣсь. Такіе капитуляріи носили названіе *capitula per se scribenda*. Къ нимъ близко примыкаетъ третья разновидность капитуляріевъ, *capitula missorum*, представлявшіе собою письменныя, часто очень пространныя, инструкціи, которыя король давалъ своимъ посланцамъ, missi, когда они отправлялись въ свои

округа. И эти капитуляріи возникали нерѣдко въ связи съ собраніями магнатовъ.

Весеннія собранія являлись и законодательными собраніями, и великимъ правительственнымъ и военнымъ совѣтомъ, и судебнымъ собраніемъ, высшимъ судебнымъ трибуналомъ, судившимъ и присуждавшимъ къ смерти особенно важныхъ государственныхъ преступниковъ, и, наконецъ, церковнымъ соборомъ, синодомъ, обсуждавшимъ и рѣшавшимъ вопросы церковной жизни и религіозно-нравственнаго благополучія общества, входившіе, какъ мы уже знаемъ, въ область внутренней политики каролингской монархіи. Сообразно съ такимъ разнообразіемъ предметовъ занятій весеннихъ собраній различны и термины, которыми источники обозначаютъ эти собранія (placitum generale, conventus generalis, synodus, concilium и т. п.).

Осеннее собраніе было менѣе многолюдно и торжественно. Оно являлось собственно правительственнымъ совѣтомъ, куда король приглашалъ лишь самыхъ видныхъ и самыхъ довѣренныхъ совѣтниковъ для обсужденія и рѣшенія неотложныхъ дѣлъ и для выработки, подъ покровомъ тайны, проектовъ, которые поступали затѣмъ на обсужденіе и утвержденіе весенняго собранія слѣдующаго года.

И организація военнаго дѣла въ каролингской монархіи представляла собою дальнѣйшее развитіе порядковъ, складывавшихся при Меровингахъ. Уже тогда военная повинность становилась все болѣе и болѣе тяжелой для массы, и государственной власти уже и тогда приходилось считаться съ этимъ фактомъ и привлекать къ отправленію этой натуральной государственной повинности лишь тѣхъ, кто могъ ее нести, имѣя достаточное для этого количество земли или соотвѣтствующее движимое имущество. И Карлъ Великій, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ его капитуляріи, требовалъ военной службы лишь отъ болѣе состоятельныхъ людей, а менѣе состоятельныхъ организовывалъ въ группы, изъ которыхъ каждая должна была на свой счетъ снарядить въ походъ одного изъ своей среды, заставляя ихъ для этого уплачивать соотвѣтствующее пособіе (*adiutorium, coniectus*). Разъ на всегда опредѣленной и неизмѣнной нормы земельнаго или движимаго имущества, обязывающаго къ личной военной повинности, не было при этомъ установлено. Въ 807 году такой нормой было 5, 4 и 3 манса земли или движимость въ 600 солидовъ; въ 808 году—4 манса, какъ собственной земли, такъ и взятой свободнымъ человѣкомъ у своего сеньера въ видѣ бенефиція. Опредѣлять для каждаго похода, кому идти на войну изъ каждой группы недостаточно обезпеченныхъ людей, а кому давать для его содержанія пособіе, было возложено на графовъ,

которые могли даже ставить на средства группъ и своихъ собственныхъ зависимыхъ людей.

Съ 8 вѣка во франкскомъ войскѣ начинаетъ получать преобладаніе конный строй надъ пѣшимъ, что, несомнѣнно, находится въ связи съ нападеніями арабовъ. Карлу Мартеллу пришлось сразу создавать для отпора арабамъ конные контингенты, и для этого онъ прибѣгъ къ рѣшительной мѣрѣ. Мы разумѣемъ произведенный имъ захватъ земельныхъ богатствъ франкской церкви, которыя онъ передалъ франкскимъ магнатамъ съ тѣмъ, чтобы они съ своей стороны роздали ихъ въ видѣ бенефиціевъ въ обезпеченіе конной службы возможно большаго числа людей. Захвату подверглись главнымъ образомъ земельныя владѣнія церкви въ Нейстріи, гдѣ церковь давно уже была чрезвычайно богата (къ началу 8 вѣка цѣлая треть земельной площади Галліи была въ рукахъ церкви) и гдѣ, къ тому же, прежде всего приходилось организовать военныя силы противъ арабовъ. Карлъ Мартеллъ, повидимому, совершенно игнорировалъ юридическую сторону дѣла, просто сажая на епископскія каѳедры и на мѣста аббатовъ своихъ военныхъ слугъ или сговорчивыхъ клириковъ, и тѣ по его требованію и указанію и раздавали церковныя земли для военныхъ надобностей. Уже преемникамъ Карла Мартелла, Пиппину Короткому и Карломану, а затѣмъ Карлу Великому пришлось вводить въ рамки права и закона совершонный имъ въ пылу военной тревоги переворотъ. Часть церковныхъ земель была возвращена, остальныя земли были оставлены въ рукахъ получившихъ ихъ королевскихъ бенефиціаріевъ (для раздачи въ видѣ военныхъ бенефиціевъ Пиппиномъ были произведены даже новые захваты церковныхъ земель), но право собственности на нихъ было признано принадлежащимъ церкви, въ отношеніи къ которой эти королевскіе бенефиціаріи являлись прекаристами, держателями на прекарномъ правѣ, а ихъ полученныя изъ рукъ короля въ видѣ бенефиціевъ церковныя помѣстья — прекаріями, съ которыхъ они должны были, съ Карла Великаго, платить церкви чиншъ въ видѣ двойной десятины (decima et nona) и помогать при реставрированіи церковныхъ зданій. Въ результатѣ произведенной Карломъ Мартелломъ и Пиппиномъ Короткимъ секуляризаціи церковныхъ земель явилась цѣлая масса такъ называемыхъ *прекарій по высочайшему повелѣнію, precariae verbo regis, precariae verbo dominico.*

Этотъ видъ прекарій не былъ совершенной новостью. Уже давно существовали онѣ во франкскомъ обществѣ, эти *precariae verbo potentum*, давая возможность королямъ, майордомамъ и другимъ духовнымъ и свѣтскимъ магнатамъ вознаграждать услуги своихъ людей изъ церковныхъ земель, которыя по ихъ требованію выдавала этимъ

выслужившимся передъ ними людямъ на прекарномъ правѣ та или иная церковная корпорація. У Карла Мартелла и у его преемниковъ были, такимъ образомъ, прецеденты, что, однако, не отнимаетъ у шага, сдѣланнаго Карломъ Мартелломъ, характера настоящаго насильственнаго переворота, сразу, однимъ ударомъ перемѣстившаго огромную массу церковныхъ владѣній въ другія руки. Розданныя военнымъ людямъ церковныя помѣстья были розданы имъ верховной властью въ видѣ бенефиціевъ, т.-е. какъ вознагражденіе за военную службу, которую они должны были въ качествѣ конныхъ воиновъ (caballarii) нести государству, и какъ обезпеченіе этой службы. Въ отношеніи къ королю, выдавшему имъ ихъ, эти помѣстья являлись, такимъ образомъ, бенефиціями; въ отношеніи же къ церкви, у которой они были для этого взяты, помѣстья эти въ рукахъ королевскихъ бенефиціаріевъ являлись прекаріями, держаніями, за которыя они должны были нести церкви опредѣленные платежи и полученіе которыхъ сопровождалось выдачей грамоты со стороны церковныхъ властей. Въ отличіе отъ обычныхъ прекарій, эти precariae verbo regis безъ воли короля не могли быть взяты церковью обратно, такъ какъ онѣ вѣдь были въ то же время и королевскими бенефиціями, съ помощью которыхъ удовлетворялась настоятельная государственная потребность, и въ случаѣ смерти прекариста-бенефиціарія земля не возвращалась церкви, а передавалась ею новому королевскому бенефиціарію.

Секуляризація церковныхъ земель сразу сильно увеличила контингентъ королевскихъ вассаловъ. Но государственная власть не ограничивается усиленіемъ непосредственно находящихся въ ея распоряженіи военныхъ контингентовъ. Она принимаетъ, кромѣ того, рядъ мѣръ къ тому, чтобы увеличить военныя силы государства и инымъ способомъ, чтобы сдѣлать какъ можно болѣе пригодными для военныхъ надобностей государства все болѣе и болѣе увеличивавшіеся, съ ростомъ земельнаго магнатства и съ развитіемъ во франкскомъ обществѣ коммендаціи, рессурсы частной власти, заставить какъ можно болѣе интенсивно служить военнымъ интересамъ государства находившіеся въ непосредственномъ распоряженіи этой послѣдней и все болѣе и болѣе умножавшіеся соціальные элементы и земельныя богатства, и для этого направляетъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы сообщить отношеніямъ, характернымъ для частной власти, возможно большую юридическую опредѣленность и, въ частности, поставить на возможно болѣе опредѣленную юридическую почву частный вассалитетъ и нормировать его отношенія къ государству и къ его военнымъ потребностямъ. Мы уже видѣли, что шаги въ этомъ направленіи дѣлались еще въ меровингскую эпоху, что уже тогда частные вассалы,

вассалы духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, по требованію короля должны были являться въ походъ вмѣстѣ съ своими сеньерами. Теперь королевская власть издаетъ цѣлый рядъ узаконеній, имѣвшихъ цѣлью связать сеньера и вассала болѣе тѣсными, возможно болѣе неразрывнымм узами и, возложивъ на сеньера отвѣтственность за военную годность своего военнаго слуги и за неукоснительное отбываніе имъ военной государственной повинности, превратить и многочисленные контингенты частныхъ вассаловъ въ военно-служилое сословіе государства.

Вассалъ есть слуга, какъ несвободмый, такъ и свободный, и служба его не ограничивается рамками какой-нибудь опредѣленной спеціальности, хотя во дворѣ крупнаго магната, располагавшаго цѣлыми кадрами слугъ, возможна была и нѣкоторая дифференціація среди нихъ; въ частности, изъ общей массы слугъ могла выдѣлиться группа военныхъ слугъ, составлявшихъ военную свиту магната и его военный отрядъ; но и эти военные слуги вовсе не были освобождены отъ разныхъ другихъ службъ во дворѣ магната и въ его хозяйствѣ. Войны и смуты меровингской эпохи, несомнѣнно, выдвинули на видное мѣсто военныхъ слугъ магнатовъ, такъ дѣятельно участвовавшихъ въ этихъ кровавыхъ распряхъ; да и помимо внутреннихъ междоусобій, общественная безопасность такъ мало была обезпечена во франкскомъ обществѣ, что не имѣть хорошо выученнаго военному дѣлу и хорошо вооруженнаго отряда военныхъ слугъ для тѣхъ, кто могъ его имѣть, было бы просто немыслимо. И число военныхъ вассаловъ все растетъ.

Свободный человѣкъ, становясь вассаломъ другого, коммендировался ему, вступалъ подъ его частную власть и защиту, становился *человѣкомъ*, homo, своего сеньера со всѣми вытекающими изъ этого положенія послѣдствіями, какъ частно-правового, такъ и публично-правового характера. Такимъ образомъ, всякій свободный вассалъ былъ homo, но вовсе не всякій homo былъ вассаломъ своего сеньера. Подъ частной властью сеньера могли находиться, въ результатѣ коммендаціи или иммунитета, большія группы земледѣльческаго населенія, цѣлыя группы деревень, а то и цѣлые округа, въ которыхъ онъ замѣнялъ собою и своими агентами представителей королевской администраціи. Все это были его homines, и они несли ему всякія повинности, и только нѣкоторые изъ нихъ могли быть еще и его вассалами. А между тѣмъ въ научной литературѣ очень рѣдко проводится вполнѣ ясное различіе между homines и вассалами, и эти два термина въ огромномъ большинствѣ случаевъ употребляются какъ синонимы въ ложной увѣренности, что если всякій вассалъ есть homo своего сеньера, то и всякій его homo есть его вассалъ.

Вознагражденіемъ за службу вассала было содержаніе, которое онъ получалъ, если жилъ во дворѣ своего сеньера. Но нерѣдко бывало, что вассалъ получалъ въ видѣ вознагражденія за свою службу земельный участокъ, которымъ онъ и владѣлъ, пока оставался на службѣ у своего сеньера, и этотъ участокъ носилъ названіе *бенефиція* (beneficium) безотносительно къ тому, служилъ ли онъ вознагражденіемъ за хозяйственную службу, которую вассалъ несъ въ качествѣ министеріала, завѣдующаго какой-либо отраслью сеньеріальнаго хозяйства, или же за службу военную, которую несъ вассалъ въ качествѣ военнаго слуги своего сеньера. Никакой органической связи между бенефиціемъ и вассаломъ не существуетъ; если же между ними и возникаетъ связь, то она является продуктомъ исторіи, и становится она все болѣе и болѣе частымъ фактомъ по мѣрѣ того, какъ частный вассалитетъ все болѣе и болѣе становится однимъ изъ фундаментовъ военной организаціи государства, построенной на земельной основѣ.

Желая поставить эту военную организацію на высоту широкихъ и сложныхъ потребностей міровой державы, Каролинги и должны были создать изъ частнаго вассалитета военно-служилое сословіе своего государства. Вассалы все болѣе и болѣе становятся военнымъ классомъ. Къ нимъ все болѣе и болѣе переходитъ военная повинность, лежащая на земельныхъ владѣніяхъ, сосредоточившихся въ рукахъ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ. Они, военные слуги магната, а не крестьянская масса, живущая подъ его частной властью и уже утратившая и матеріальную возможность нести государственную военную повинность, становившуюся все болѣе и болѣе тяжелой, и привычку къ военному дѣлу, болѣе всего были годны къ тому, чтобы отбывать, подъ отвѣтственностью своихъ сеньеровъ, лежащую на подвластной сеньерамъ территоріяхъ военную повинность. Вѣдь теперь сеньеръ отвѣчаетъ за лежащую на его землѣ и на землѣ подвластнаго ему крестьянскаго населенія военную повинность сообразно тому количеству военныхъ земельныхъ единицъ, изъ котораго состоитъ вся эта земельная территорія, и кому же ему поручить несеніе этой лежащей на этой территоріи повинности, какъ не своимъ военнымъ слугамъ, привычнымъ къ военному дѣлу; стоитъ только обезпечить ихъ необходимыми для этого военными надѣлами, военными бенефиціями, т.-е. предоставить имъ право получать въ свою пользу всѣ тѣ полученія, которыя до сихъ поръ поступали ему самому съ тѣхъ или иныхъ его собственныхъ земель и съ подвластнаго ему крестьянскаго населенія и которыя были бы достаточны, чтобы вполнѣ обезпечивать этимъ военнымъ слугамъ средства, необходимыя для исполненія ими ихъ нелегкихъ теперь

уже профессіональныхъ обязанностей; а если такихъ военныхъ слугъ у него было недостаточно, то увеличить ихъ число соотвѣтственно цифрѣ причитавшихся съ его владѣній военныхъ контингентовъ.

Разъ военная повинность все болѣе и болѣе переносилась съ массы на профессіональныхъ воиновъ, на военныхъ слугъ духовныхъ и свѣтскихъ сеньеровъ, то въ интересахъ государства было закрѣпить за магнатами, отвѣчавшими за военную повинность своихъ территорій, ихъ военныхъ слугъ, становившихся въ то же время и военными слугами государства, въ той или иной мѣрѣ прикрѣпить ихъ къ ихъ сеньерамъ. Вассалу предписывается всюду слѣдовать за сеньеромъ, не останавливаясь даже передъ необходимостью покинуть родину и семью. Вассалъ не имѣетъ права покинуть своего сеньера безъ его разрѣшенія. Только тогда имѣетъ право вассалъ оставить своего сеньера, если этотъ послѣдній сдѣлаетъ покушеніе на его жизнь, или кинется на него съ палкой, или захочетъ обезчестить его жену или дочь, или лишить его наслѣдственнаго имущества, или обратить его въ рабство, или броситься на него съ мечемъ, или откажетъ ему въ защитѣ («si senior vassalli sui defensionem facere potest postquam ipse manus suas in eius commendaverit et non fecerit») (*Capitularia*, I, 172, c. 16, 215, c. 8). Если сеньеръ ничего этого не дѣлаетъ, то только смерть его даетъ вассалу право коммендироваться другому сеньеру.

Мы не будемъ останавливаться на лежавшей на сеньерѣ отвѣтственности за поведеніе своихъ вассаловъ, какъ и всѣхъ другихъ своихъ *людей*. Укажемъ лишь на отвѣтственность сеньэра за поведеніе своихъ вассаловъ во время похода, куда они отправлялись подъ его командой («qui in suo obsequio in tali itinere pergunt») (*Capitularia*, I, 305, c. 17). Къ нему же непосредственно обращается правительство съ требованіемъ выступать въ походъ со своими вассалами, а не къ графу, который получаетъ приказъ собирать и вести на войну лишь тѣхъ изъ своихъ pagenses (жителей своего округа), которые отправляются на врага на средства съ своихъ собственныхъ земель, per se, какъ тогда выражались, а не въ качествѣ вассаловъ-бенефиціаріевъ. На сеньера была возложена государствомъ и обязанность обучать военному дѣлу своихъ вассаловъ и заботиться о томъ, чтобы они были надлежащимъ образомъ вооружены и имѣли боевого коня, какъ и другіе caballarii. Если вассалы, какъ свободные, такъ и несвободные, жили во дворѣ сеньера, то онъ самъ снабжалъ ихъ и конемъ, и вооруженіемъ; если же они имѣли полученные отъ сеньера и обезпечивавшіе ихъ бенефиціи и, слѣдовательно, жили въ выданныхъ имъ въ видѣ бенефиція земельныхъ владѣніяхъ, были, какъ тогда выражались, vassalli casati, то

сеньеръ лишь отвѣчалъ передъ государствомъ за то, что они выступятъ съ нимъ въ походъ въ полной мѣрѣ конны и оружны.

Возложивъ на сеньеровъ такія серьезныя обязанности передъ государствомъ, превративъ ихъ въ чрезвычайно важный органъ государственной военной организаціи, Каролинги рядомъ мѣропріятій стремились поставить въ болѣе тѣсную и непосредственную связь съ потребностями государства и другія стороны ихъ частной власти. Не говоря уже о дальнѣйшемъ развитіи ихъ полицейскихъ полномочій въ отношеніи къ зависимому отъ нихъ населенію, съ помощью которыхъ они должны были обезпечивать общественный порядокъ и общественную безопасность, а также принуждать подвластное имъ населеніе къ несенію натуральныхъ государственныхъ повинностей (содержаніе въ исправности дорогъ, мостовъ и укрѣпленій и т. п.), и судебныя функціи сеньеровъ, переданныя имъ иммунитетными грамотами, получили теперь еще болѣе ясно выраженное государственное значеніе. Иммунистамъ постоянно указывается на то, что они должны добросовѣстно исполнять свои судебныя обязанности— собирать населеніе иммунитетнаго округа на судебныя собранія округа, на *privatae audientiae,* какъ выражаются источники, противопоставляя эти privatae audientiae сотеннымъ собраніямъ (mallobergus), созывать которыя лежитъ на обязанности графа, какъ iudex publicus, и предсѣдательствовать на нихъ лично или поручая это своимъ должностнымъ лицамъ (iudices privati), своимъ фохтамъ (advocatus). Въ случаѣ нерадиваго отношенія иммуниста къ дѣлу правосудія ему грозятъ разныя принудительныя мѣры со стороны государственной власти; напримѣръ, въ его владѣнія пріѣзжаетъ королевскій missus (чрезвычайный посланецъ) съ соотвѣтствующей своему высокому рангу свитой и живетъ здѣсь на счетъ иммуниста до тѣхъ поръ, пока этотъ послѣдній не примется, наконецъ, за исполненіе своихъ судебныхъ обязанностей.

Иммунитетный округъ долженъ служить дѣлу правосудія такъ же, какъ и сотенные округа; онъ долженъ являться такимъ же, какъ и эти послѣдніе, органомъ государственной юстиціи. Сообразно съ этимъ упорядочивается компетенція судебныхъ собраній иммунитетнаго округа (privatae audientiae), и они становятся судебной инстанціей, которой нельзя обходить постороннимъ иммунитетному округу людямъ, когда они ведутъ тяжбу съ homines и съ вассалами иммунитетнаго владѣльца. Не удивительно, что должностное лицо иммунитета, вѣдающее судебное дѣло на территоріи иммунитета, фохтъ (advocatus), назначается на свою должность при участіи графа. «Въ замѣстители сеньеровъ, въ ихъ уполномоченные, въ фохты слѣдуетъ выбирать добрыхъ, правдивыхъ и добросердечныхъ людей при участіи графа

и народа», читаемъ мы въ одномъ изъ капитуляріевъ Карла Великаго [1]); а въ капитуляріи его сына Пиппина находимъ одинъ такой пунктъ: «Мы желаемъ, чтобы въ фохты въ присутствіи графа избирались люди, не пользующіеся дурной славой, но такіе, какихъ выбирать велитъ законъ» [2]). Впослѣдствіи, можетъ быть, уже къ концу 9 вѣка, фохты даже получали для осуществленія своихъ судебныхъ функцій, все расширявшихся, королевскій баннъ.

Государственная власть Каролинговъ стремилась подчинить непосредственно себѣ, сдѣлать непосредственно своими органами и народныя судебныя учрежденія. Мы разумѣемъ произведенную Карломъ Великимъ реорганизацію судебныхъ собраній франкскаго народа. Состояла эта судебная реформа въ томъ, что всеобщая судебная повинность свободныхъ была ограничена тремя placita generalia, тремя судебными собраніями каждой сотни, куда должны были являться всѣ свободные каждой данной сотни; на остальныя же сотенныя собранія должны были являться лишь предсѣдатель (графъ или сотникъ), стороны и свидѣтели и коллегія бывшихъ рахимбурговъ, теперь превратившихся въ такъ называемыхъ *скабиновъ* (scabini, по-нѣмецки Schöffen).

Вотъ эти-то скабины и являются живымъ свидѣтельствомъ того, что Карлъ Великій стремился расширить судебную компетенцію государственной власти на счетъ народнаго суда. Если ограниченіе общей повинности свободной массы, поскольку эта послѣдняя еще не вошла въ составъ населенія иммунитетныхъ округовъ, тремя placita generalia было продиктовано Карлу Великому желаніемъ облегчить тяжелое бремя судебной повинности, становившееся все болѣе и болѣе непосильнымъ для массы, то превращеніе рахимбурговъ въ скабиновъ, несомнѣнно, было вызвано сейчасъ указанной тенденціей королевской власти. Изъ группы, фактически выдѣлявшейся изъ всей массы присутствовавшихъ на судебномъ собраніи свободныхъ и бравшей на себя болѣе активное участіе въ судебномъ дѣйствіи, группы, фктически, можетъ быть, уже въ значительной мѣрѣ кристаллизовавшейся и состоявшей изъ смыхъ значительныхъ въ соціальномъ смыслѣ людей (boni homines), рахимбурги превращаются въ должностныхъ лицъ. Скабины занимаютъ должность, несутъ службу (ministerium) и ставятся въ рядъ съ другими должностными лицами, королевскими и иммунитетными чиновниками. «Пусть графы, фохты, уполномоченные сеньеровъ, сотники, ска-

[1]) Capitularia, I, 151, c. 22: Ut vicedomini, prepositi, advocati boni et veraces et mansueti cum comite et populo eligentur.

[2]) Ibid., I, 210, c. 11: Volumus ut advocati in presentia comitis eligantur, non habentes malam famam, sed tales eligantur quales lex iubet eligere.

бины назначаются для отправленія своихъ должностей изъ лучшихъ людей, какихъ только можно найти, и богобоязненныхъ», говоритъ Карлъ Великій въ своемъ ахенскомъ капитуляріи (отъ 809 года)[1]).

Должность скабина даже пожизненная. Скабиновъ назначали королевскіе missi, при содѣйствіи графа и народа, изъ meliores, которыми обыкновенно являлись, конечно, землевладѣльцы, и, вступая въ должность, скабины приносили клятву, что будутъ судить справедливо. За неудовлетворительное исполненіе ими своихъ обязанностей королевскіе missi отрѣшали ихъ отъ должности. Въ каждомъ графствѣ едва ли было болѣе двѣнадцати скабиновъ (шеффеновъ), и каждый изъ нихъ могъ участвовать въ любомъ сотенномъ судебномъ собраніи даннаго графства. Скабины носили еще названія iudices, auditores, legum latores, legum magistri, legis doctores, а иногда по-старому назывались и рахимбургами.

Разсмотрѣнные нами факты законодательной дѣятельности Каролинговъ, направленной къ обезпеченію въ государствѣ внѣшняго и внутренняго мира путемъ усиленія вліянія государственной власти во всѣхъ сферахъ жизни и подчиненія интересамъ государственнаго цѣлаго все болѣе и болѣе замыкавшихся въ узкіе самодовлѣющіе міры интересовъ частно-владѣльческихъ территорій и привлеченія на службу государству матеріальныхъ рессурсовъ такъ называемой частной власти и общественныхъ организацій, какъ онѣ складывались въ сферѣ вліянія частной власти, съ полной опредѣленностью свидѣтельствуетъ о томъ, что каролингская монархія сдѣлала очень крупный шагъ впередъ отъ той государственности, которую мы наблюдали, когда изучали государственный порядокъ и государственный смыслъ монархіи меровингской, смѣшивавшей интересы государства, во главѣ котораго стояли представители меровингской династіи, съ частно-правовыми и частно-хозяйственными интересами самой династіи и ея представителей.

И дѣйствительно, каролингской монархіи въ несравненно болѣе значительной мѣрѣ, чѣмъ монархіи меровингской, присущъ настоящій государственный смыслъ, и она съ неустанной энергіей проводитъ публично-правовую точку зрѣнія во всѣ области государственной жизни, переводитъ, можно сказать, на языкъ публичнаго права всѣ формы жизни, которыя все болѣе и болѣе превращались въ органы частныхъ, по преимуществу хозяйственныхъ интересовъ. Мы, несомнѣнно, присутствуемъ при возрожденіи на западѣ Европы въ очень широкомъ масштабѣ настоящей государственности въ самомъ пуб-

[1]) Ibid., I, 149, c. 11: Ut iudices, advocati, praepositi, centenarii, scabini, quales meliores inveniri possunt et Deum timentes, constituantur ad sua ministeria exercenda.

лично-правовомъ смыслѣ этого слова, какой здѣсь давно уже не знали, съ тѣхъ поръ, какъ стали достояніемъ исторіи лучшія времена Римской имперіи. Мы не можемъ совершенно отрицать загробнаго вліянія римской монархіи названной эпохи на пробужденіе широкаго государственнаго смысла въ политическихъ руководителяхъ западно-европейскаго общества 8 и 9 вѣка, зная характеръ и происхожденіе тѣхъ государственныхъ идей, которыми они сами руководились въ своей государственной дѣятельности. Но не слѣдуетъ слишкомъ настаивать на этомъ вліяніи и ослаблять значеніе тѣхъ реальныхъ государственныхъ задачъ, которыя повелительно ставила сама жизнь, какъ она складывалась въ то время на западѣ Европы и, въ частности, во франкской державѣ, которой приходилось напрягать всѣ свои силы, чтобы отстоять себя отъ натиска напиравшихъ чуть ли не со всѣхъ сторонъ на ея чрезвычайно растянувшіяся границы враговъ, всѣхъ этихъ арабовъ, фризовъ, саксовъ, аваровъ, сорабовъ. Приходилось поставить на службу государству все, что можно было поставить въ тогдашней хозяйственной, соціальной и политической обстановкѣ. Приходилось очень считаться съ этой обстановкой и лишь приспособлять ее къ настоятельнѣйшимъ интересамъ государственнаго цѣлаго.

Римская по названію и отчасти по идеологіи правящихъ круговъ, имперія Карла Великаго являлась широкой политической организаціей уже по существу феодальнаго общества, уже распавшагося въ очень большой мѣрѣ на уже достаточно замкнутые круги узкихъ интересовъ. И она стремилась по возможности ослабить эту замкнутость, заставить эти круги служить общегосударственнымъ интересамъ, ввести ихъ организаціи въ систему государственныхъ учрежденій, но не посягая при этомъ на самое ихъ существованіе, а отправляясь отъ нихъ въ своихъ реформаторскихъ попыткахъ, какъ отъ формъ общественной дѣйствительности. Въ этомъ смыслѣ можно признать справедливыми слова Ф. де-Куланжа, что каролингская имперія представляла собою централизованный феодализмъ (la féodalité centralisée) (VI, 614).

Нельзя только согласиться съ нимъ, что феодальныя учрежденія до Карла Великаго существовали лишь въ жизненной практикѣ и въ нравахъ франкскаго общества, но только при немъ вошли въ сферу права, были признаны и освящены монархической властью, стали нормальными и закономъ признанными учрежденіями (des institutions régulières et légales) (VI, 604). Уже и при Меровингахъ они въ той или иной мѣрѣ призваны были служить потребностямъ государства и прежде всего потребности въ обезпеченіи внутренняго и внѣшняго мира. Но только на нихъ лежала

тогда печать той государственности, которая ихъ уже тогда легализировала, той варварской государственности, которая слишкомъ легко подмѣняла государственные интересы частными интересами носителя государственной власти. Поэтому и на нихъ немедленно же сказался этотъ первородный грѣхъ варварской государственности, и получившіе отъ верховной власти свои публично-правовыя полномочія представители такъ называемой частной власти и частной силы стали трактовать эти свои полномочія совершенно въ такомъ же частно-правовомъ и частно-хозяйственномъ духѣ, въ какомъ трактовалъ свое политическое верховенство, отъ котораго эти полномочія были отщеплены, и самъ король. Каролингская монархія оживила публично-правовой смыслъ и самой верховной власти, и тѣхъ полномочій, которыми эта власть когда-то надѣлила и продолжала надѣлять представителей такъ называемой частной власти.

Является вопросъ: насколько проченъ былъ организованный Каролингами государственный порядокъ? Въ какой мѣрѣ удалось имъ заставить служить интересамъ государства союзы частной власти и частнаго подчиненія, которые они стремились совсѣмъ ввести въ систему государственныхъ учрежденій?

Современныя свидѣтельства даютъ весьма краснорѣчивый отвѣтъ на эти вопросы. Въ частности, капитуляріи Карла Великаго и его преемниковъ даютъ намъ массу указаній на то, что, стремясь поставить на службу государству всѣ частныя силы франкскаго общества и давая имъ болѣе приспособленную для этой цѣли организацію, каролингское правительство не могло сообщить имъ, при всемъ своемъ желаніи и стараніи, настоящаго государственнаго сознанія, что и произведенное имъ расширеніе судебной компетенціи иммунистовъ, и развитіе вассалитета служило лишь усиленію частной силы и могущества духовныхъ и свѣтскихъ магнатомъ, давало имъ въ руки лишь новыя средства расширять свои земельныя богатства на счетъ людей болѣе слабыхъ [1]), тѣхъ «бѣдныхъ» (pauperes), о которыхъ такъ печется правительство, и не останавливаться для этого ни передъ чѣмъ, а также умножать кадры подвластнаго имъ населенія, мало заботясь о тѣхъ требованіяхъ, съ которыми обращалась къ нимъ государственная власть, видѣвшая въ нихъ своихъ агентовъ и помощниковъ.

---

[1]) *Capitularia*, I, 125, c. 16: De oppressione pauperum liberorum hominum, ut non fiant a potentioribus per aliquod malum ingenium contra iustitiam oppressi, ita ut coacti res eorum vendant aut tradant. Ideo haec et supra et hic de liberis hominibus diximus, ne forte parentes contra iustitiam fiant exhereditati et regale obsequium minuatur et ipsi heredes propter indigentiam mendici vel latrones seu malefactores efficiantur...

Духовные и свѣтскіе магнаты не однимъ насиліемъ увеличиваютъ свое соціальное могущество. Чѣмъ сильнѣе они становятся, тѣмъ все въ большемъ и большемъ количествѣ добровольно идутъ подъ ихъ власть всѣ тѣ, кому трудно приходится въ этой атмосферѣ стихійной соціальной борьбы, которую не въ состояніи утишить государственая власть, а также и тѣ, кто стремится, какъ это мы наблюдали и въ подлинной Римской имперіи временъ Діоклетіана и Константина, уйти отъ тяжести государственныхъ повинностей sub umbra potentum (подъ сѣнь сильныхъ). Чтобы укрыться подъ защитою магнатовъ и могущественныхъ церковныхъ корпорацій отъ военной повинности и другихъ требованій государства («non propter paupertatem sed ob vitandam reipublicae itilitatem», «exercitu seu alia funccione regali fugiendo»), свободные люди (liberi homines) отдаютъ имъ свои земли («fraudolenter ac ingeniose res suas ecclesiis delegant») и получаютъ ихъ обратно на прекарномъ правѣ. Уклоняются отъ государственной военной повинности и профессіональные воины, военные вассаллы магнатовъ, стремясь проводить въ жизнь ту точку зрѣнія, что они тогда лишь обязаны идти въ походъ по требованію короля, когда въ походъ этотъ отправляются и ихъ сеньеры, и сеньеры вполнѣ раздѣляютъ эту точку зрѣнія и кромѣ того, даже отправляясь въ походъ, стараются подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ (будто бы для охраны своей семьи и дома и для разныхъ хозяйственно-административныхъ надобностей) оставить дома какъ можно больше своихъ военныхъ слугъ.

Но не одни представители частной силы и власти не желаютъ исполнять возложенныхъ на нихъ государственной властью обязанностей. Не въ меньшей мѣрѣ повинны въ этомъ и сами непосредственные слуги короля, представители областной администраціи, графы, сотники и другіе. И они смотрятъ на свое должностное положеніе какъ на средство, помогающее имъ удовлетворять свои частные интересы какъ сильныхъ въ частномъ смыслѣ людей и не останавливаются ни передъ какими насиліями надъ ввѣреннымъ ихъ заботамъ населеніемъ. Они, какъ и епископы и аббаты и ихъ фохты, отнимаютъ у бѣдныхъ ихъ собственность [1]). Если кто не захочетъ отдать имъ свою собственность, то противъ такого бѣднаго они возбуждаютъ судебные процессы, чтобы онъ подвергся осужденію, слишкомъ часто требуютъ отъ него исполненія военной повинности, пока онъ не будетъ вынужденъ волей-неволей передать или продать имъ свою

[1]) *Capitularia*, I, 165, c. 2: Quod pauperes se reclamant expoliatos esse de eorum proprietate; et hoc aequaliter clamant super episcopos et abbates et eorum advocatos et super comites et eorum centenarios.

собственность, а тѣ, кто уже передали имъ ее, спокойно остаются дома [1]). Они заставляютъ свободныхъ людей нести приличествующую рабамъ барщину, являться къ нимъ на полевыя работы [2]) и угнетаютъ ихъ всякими поборами и постоями [3]).

Каролингская монархія, какъ видимъ, предъявляла слишкомъ высокія требованія къ своимъ агентамъ, и ей на каждомъ шагу приходилось убѣждаться, что они далеко не стоятъ на высотѣ поставленной имъ задачи. И непосредственные помощники верховной власти, графы, центенары и другіе представители областной администраціи, и представители частной силы и власти, снабженные ею административными и судебными полномочіями, далеки были отъ пониманія государственнаго смысла возложенныхъ на нихъ обязанностей и не проявляли охоты ихъ исполнять и лишь пользовались переданными имъ властью правами какъ очень важнымъ дополнительнымъ рессурсомъ въ своемъ неутомимомъ и ни передъ чѣмъ не останавливавшемся стремленіи стать еще сильнѣе, стать еще могущественнѣе на счетъ подвластнаго имъ въ томъ или иномъ смыслѣ населенія.

Если государственная власть стремилась сблизить иммунитетный округъ и графство на почвѣ общаго служенія государственнымъ интересамъ въ качествѣ административныхъ округовъ большого политическаго цѣлаго, превращая иммунистовъ въ такихъ же своихъ агентовъ, какими были и графы, то жизнь сближала ихъ въ совсѣмъ обратномъ смыслѣ, все болѣе и болѣе превращала ихъ въ одинаково замкнутыя для общегосударственной власти территоріи, предназначенныя служить прежде всего партикулярнымъ интересамъ тѣхъ, кто стоялъ во главѣ ихъ, постепенно превращая населеніе графства въ такихъ же homines графа, какими являлось съ самого начала въ отношеніи къ иммунисту населеніе иммунитетнаго округа. Если еще оставалась какая-нибудь разница между графомъ и иммунистомъ, то она заключалась, въ сущности, лишь въ томъ, что связь графа съ его округомъ еще не была наслѣдственной. Но это былъ лишь вопросъ времени, и уже къ эпохѣ Карла Лысаго и эта разница исчезла, и графъ,

---

[1]) Ibid., I, 165, c. 3: Dicunt etiam, quod quicunque proprium suum episcopo, abbati vel comiti aut iudici vel centenario dare noluerit, occasiones quaerunt super illum pauperem, quomodo eum condempnare possint et illum semper in hostem faciant ire, usque dum pauper factus volens nolens suum proprium tradat aut vendat; alii vero qui traditum habent absque ullius inquietudine domi resideant.

[2]) Ibid., I, 201, c. 12: Placuit nobis, ut illos liberos homines comites nostri ad eorum opus servile non oppremant; et quicumque hoc fecerit, secundum quod iudicatum habemus emendet.

Ibid., I, 144, c. 2: Ut liberi homines nullum obsequium comitibus faciant nec vicariis neque in prato neque in messe neque in aratura aut vinea...

[3]) Ibid., I, 197, c. 6.

какъ это мы видимъ изъ *Кьерзійскаго капитулярія* этого императора отъ 877 года[1]), превратился въ наслѣдственнаго обладателя правъ, соединенныхъ съ его должностью, и его связь съ представителемъ верховной власти являлась не столько подчиненнымъ отношеніемъ чиновника, должностного лица, къ источнику своихъ должностныхъ полномочій, сколько вассальной связью могущественнаго потентата, вступавшаго въ договоръ съ королемъ, какъ равный съ равнымъ, и бравшаго на себя рядъ обязательствъ, которымъ соотвѣтствовали обязательства, взятыя на себя въ отношеніи къ нему королемъ. Графъ сталъ вассаломъ короля, а его графскій округъ сталъ его бенефиціемъ, обезпечивавшимъ выполненіе взятыхъ имъ на себя обязанностей и прежде всего обязанности являться по требованію короля на войну во главѣ своихъ собственныхъ вассаловъ. Графъ окончательно превратился въ военнаго вассала, въ военнаго слугу короля, административный округъ, во главѣ котораго онъ нѣкогда былъ поставленъ, окончательно превратился въ его бенефицій. Частно-правовыя отношенія окончательно восторжествовали и совершенно подавили публично-правовую сторону въ положеніи графа въ отношеніи къ королю.

Не слѣдуетъ только думать, что это была слишкомъ рѣзкая перемѣна. Скорѣе это было возвращеніе къ прежнему, къ тому, чѣмъ былъ графъ въ меровингской монархіи, очень далекой отъ истинно-государственнаго смысла и трактовавшей государственную власть въ терминахъ частнаго права и хозяйства. И тогда графъ являлся прежде всего частнымъ слугою короля, обязаннымъ блюсти въ ввѣренномъ ему округѣ прежде всего фискальные интересы своего господина и вооруженной рукою обезпечивать подчиненіе ему эксплоатируемаго имъ въ частномъ смыслѣ населенія округа. Каролинги стремились превратить его въ представителя настоящей государственной власти; но уже съ седьмого вѣка (эдиктъ Хлотарія II), пустивъ прочные мѣстные корни въ своемъ округѣ (см. выше стр. 330—331), къ каролингской эпохѣ графъ уже являлся крупной въ соціальномъ смыслѣ мѣстной силой, для которой военныя, административныя и судебныя полномочія являлись лишь прочной опорой дальнѣйшаго усиленія. И въ эпоху Меровинговъ, являясь больше частнымъ слугою *(vassus ad ministerium)* короля, понимавшимъ свою власть королевскаго слуги надъ населеніемъ ввѣреннаго ему административнаго округа какъ частное порученіе, данное ему королемъ, его господиномъ, преслѣдовавшимъ при этомъ свои частные, прежде всего хозяйственные, фискальные интересы, графъ не переставалъ имъ быть въ сущности никогда и никогда не научился смотрѣть на

[1]) Ibid., II, 355—361.

свои права надъ населеніемъ своего округа иначе, какъ на источникъ обогащенія и усиленія своего частнаго могущества, т.-е. ровно такъ же, какъ относились сами короли меровингской эпохи къ своей собственной власти, которую они сами понимали, какъ мы видѣли, въ терминахъ частнаго права и хозяйства. Превращеніе графа въ этой обстановкѣ въ мѣстнаго потентата лишь сдѣлало болѣе высокимъ и болѣе независимымъ его положеніе какъ частнаго слуги, вассала короля, а его округъ приравняло къ обыкновенному иммунитету и бенефицію, все болѣе и болѣе замыкавшемуся для непосредственнаго воздѣйствія центральной власти на живущее на его территоріи свободное населеніе.

Было бы большимъ заблужденіемъ думать, что населеніе это сплошь превратилось въ крѣпостныхъ носителя частной власти, и что на всемъ протяженіи подвластной магнату-графу или магнату-иммунисту территоріи восторжествовалъ вотчинный режимъ. Мы уже достаточно много говорили о томъ, что варварская государственность представляла собою наложенный на исконныя формы общественнаго и политическаго строя германскихъ обществъ фискально-полицейскій аппаратъ, который долженъ былъ служить прежде всего частнымъ интересамъ короля, эксплоатируя въ этихъ интересахъ эту исконную политическую и общественную организацію германцевъ и приспособляя ее въ той или иной мѣрѣ къ этимъ частно-правовымъ и частно-хозяйственнымъ интересамъ королевской власти, но по существу не разрушая ея основъ, и что и передача королемъ въ частныя руки своихъ правъ политическаго верховенства, которыя онъ понималъ какъ свое частное достояніе, въ отношеніи къ той или иной части территоріи королевства не вносила въ эти исконныя формы общественнаго существованія никакихъ существенныхъ измѣненій. Населеніе, напримѣръ, попрежнему собиралось на свои судебныя собранія, характеръ которыхъ не мѣнялся отъ того, собиралъ ли ихъ и предсѣдательствовалъ ими тунгинъ, сотникъ, графъ или же фохтъ иммунитета. Не измѣнилась по существу и организація деревенской группы отъ того, что деревенская община попала подъ частную власть сеньера въ результатѣ коммендаціи, завершенной иммунитетнымъ пожалованіемъ со стороны короля, или въ результатѣ одного лишь иммунитетнаго пожалованія, передавшаго иммунисту принадлежавшія королю права политическаго верховенства въ отношеніи жителей данной деревни и связанныя съ ними фискальныя права, но не превращавшія ея свободныхъ крестьянъ въ крѣпостныхъ сеньера, а самого сеньера въ собственника ихъ пахотной земли и ихъ общинныхъ угодій.

Мы уже имѣли случай (см. выше стр. 316) указывать на то,

что образованіе крупныхъ владѣній во франкскомъ обществѣ не разрушало общинныхъ распорядковъ деревни, которая къ тому же представляла собою не только аграрный союзъ, но и основную ячейку общественной организаціи, удовлетворявшую всѣ основныя потребности общежитія, отправлявшую, слѣдовательно, въ своихъ узкихъ предѣлахъ судебныя, полицейскія, административныя функціи. Подчиненіе власти сеньера могло въ той или иной мѣрѣ нанести ущербъ автономіи деревенской общины, которая могла выражать свою по существу политическую зависимость отъ сеньера какъ представителя публичной власти (какъ понималъ эту свою власть самъ сеньеръ, это вопросъ иной) въ самыхъ различныхъ формахъ въ зависимости отъ конкретныхъ особенностей каждаго отдѣльнаго случая: она давала сеньеру разнаго рода платежи деньгами или натурой и даже оказывала ему своимъ трудомъ рядъ чисто-хозяйственныхъ услугъ какъ своему патрону и носителю публичной власти, предлагала на его утвержденіе своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, которыхъ онъ иногда могъ и самъ назначать, испрашивала у него разрѣшеніе при выдѣленіи изъ альменды (общинныя пастбища, луга и лѣса) пахотныхъ участковъ и въ разныхъ иныхъ случаяхъ; но во всякомъ случаѣ общинная организація деревенской группы оставалась въ основѣ неизмѣнной, несмотря даже на то, что такъ рельефно изображаемыя каролингскими капитуляріями насилія сильныхъ (potentes) немало свободныхъ крестьянъ превратили въ настоящихъ крѣпостныхъ, иногда чуть не въ рабовъ духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, а ихъ земли въ частную собственность этихъ сеньеровъ.

Несомнѣнно, эти насилія сильныхъ въ очень большой мѣрѣ увеличили бывшими свободными людьми составъ такъ называемыхъ «фамилій» (familiae) сеньеровъ, т.-е. жившихъ въ ихъ помѣстьяхъ ихъ крѣпостныхъ, лично зависимыхъ отъ нихъ людей (hörige), которыхъ основной контингентъ составляли ихъ рабы и вольноотпущенники, жившіе во дворѣ сеньера или посаженные на рабскія или полусвободныя гуфы (мансы) (mansi serviles, mansi ingenuiles) его собственной земли, и тѣмъ увеличили чисто-хозяйственные рессурсы сеньеровъ, что облегчало ихъ дальнѣйшее увеличеніе и съ своей стороны увеличило опасность, грозившую со стороны сеньеровъ общинной автономіи. Но не слѣдуетъ забывать, что эти увеличившіяся въ числѣ господскія гуфы съ сидѣвшими на нихъ членами господской «фамиліи» или свободными людьми, были разбросаны по цѣлому ряду общинъ и, слѣдовательно, лишь тянули къ какимъ-нибудь хозяйственнымъ центрамъ, а не представляли сплошныхъ хозяйственныхъ образованій.

Помѣстье и община, такимъ образомъ, не совпадали, а существовали рядомъ, другъ друга не покрывая. Помѣстье, какъ территорія барской эксплоатаціи и хозяйственной организаціи, и община, какъ аграрный союзъ и ячейка общественной организаціи, существовали рядомъ и во многомъ соприкасались, находясь въ сферѣ власти и вліянія сеньера; но это совершенно различныя организаціи со своими собственными совершенно различными задачами. Во второй изъ нихъ сеньеръ есть представитель публичной власти и патронъ, публично-правовая категорія, сеньеръ въ собственномъ смыслѣ; въ первой онъ—прежде всего, если не исключительно, помѣщикъ, собственникъ своей земли и организаторъ ея хозяйственной эксплоатаціи съ помощью тѣхъ средствъ, которыя ему даетъ его положеніе собственника своей земли и господина своихъ рабовъ и крѣпостныхъ, но также и его положеніе сеньера въ отношеніи къ зависимой отъ него въ силу коммендаціи и иммунитета общинѣ, обязанной оказывать ему не только чисто фискальныя, но и прямо таки хозяйственныя услуги, и въ то же время заставляя его какъ помѣщика подчиняться своимъ общиннымъ хозяйственнымъ распорядкамъ при хозяйственной эксплоатаціи своихъ рабскихъ, полусвободныхъ и свободныхъ гуфъ, тоже вѣдь представлявшихъ собою обыкновенно общинные участки, состоявшіе изъ полосъ, разбросанныхъ вперемежку съ полосами общинниковъ по всѣмъ полямъ общины.

Каролингская эпоха не превратила свободныхъ крестьянъ франкской державы въ безправную крѣпостную массу, во всемъ подвластную волѣ сеньеровъ и вмѣстѣ со своей землей всецѣло отданную ихъ хозяйственной эксплоаціи. Какъ ни тяжела была подчасъ зависимость, въ которую попадала крестьянская община, но ея автономія не была разрушена, какъ ни тѣсны бывали поставленныя ей сеньеромъ рамки. Продолжая и подъ властью сеньеровъ сохранять формы своей исконной общественной организаціи, свободная крестьянская масса не стала и хозяйственнымъ орудіемъ сеньера, продолжала и подъ его властью жить своей собственной хозяйственной жизнью и лишь отдавала часть своихъ хозяйственныхъ рессурсовъ въ формѣ хозяйственнаго труда или его продуктовъ сеньеру для того, чтобы онъ могъ нести лежавшія на немъ государственныя натуральныя повинности и могъ вести свое собственное барское хозяйство, поскольку онъ велъ его и не могъ для его веденія ограничиться рабочими силами сидѣвшихъ на его собственной землѣ лично зависимыхъ отъ него или свободныхъ людей.

Господство натуральнаго хозяйства, отсутствіе у сеньера коммерческихъ цѣлей, которыя онъ могъ бы въ другой хозяйственной об-

становкѣ ставить своему барскому хозяйству, ставило сравнительно тѣсные предѣлы осуществляемой имъ эксплоатаціи хозяйственныхъ рессурсовъ зависимой отъ него въ силу коммендаціи и иммунитета общины. Предѣлы эти закрѣпляло въ той или иной мѣрѣ и право, которое не могло бы дать юридической санкціи его притязаніямъ на свободное распоряженіе пахотной землею и общинными угодьями общины, если бы это было возможно экономически. Интересы сеньера и интересы общины болѣе или менѣе мирно уживались, пока передъ сеньеромъ не открылись новыя хозяйственныя перспективы, пока развитіе мѣнового, денежнаго хозяйства не создало широкій рынокъ для сельскаго хозяйства и не поставило, такимъ образомъ, барскому хозяйству сеньера вмѣсто скромныхъ чисто-потребительныхъ цѣлей широкія коммерческія цѣли. Тогда по существу натуральное хозяйство сеньера стало быстро перестраиваться на новый, болѣе широкій, денежно-хозяйственный и народно-хозяйственный ладъ, разрывая всѣ до сихъ поръ связывавшія его общинныя путы и ломая всѣ стоявшія передъ нимъ какъ хозяйственныя, такъ и правовыя преграды и съ тѣмъ вмѣстѣ обрекая до тѣхъ поръ мирно сосуществовавшіе съ его интересами законнѣйшіе интересы общины на жертву своимъ новымъ, чисто хозяйственнымъ интересамъ, уже никакой связи не имѣвшимъ съ интересами общественнаго и государственнаго цѣлаго, которымъ онъ до тѣхъ поръ служилъ въ качествѣ представителя военнаго и правящаго сословія государства. Но это—уже явленія болѣе поздняго времени, выходящія за предѣлы среднихъ вѣковъ и ихъ феодальнаго строя и характеризующія процессъ разложенія средневѣковаго общественнаго порядка [1]).

Варварское государство и генетически связанная съ нимъ его разновидность, феодальное государство, характеризующіяся въ равной мѣрѣ одновременнымъ существованіемъ въ западно-европейскихъ обществахъ и механическимъ сочетаніемъ двухъ политическихъ порядковъ, исконнаго народоправства и единоличнаго властвованія—въ первомъ случаѣ короля, а во второмъ сеньеровъ, получившихъ отъ короля принадлежавшія ему права политическаго верховенства и въ этомъ смыслѣ являвшихся въ отношеніи къ зависимому отъ нихъ населенію тѣми же варварскими королями, но только въ меньшемъ масштабѣ, съ рѣзко выраженными частно-правовыми и частно-хозяйственными тенденціями, не разрушали основъ исконнаго государственнаго и общественнаго строя этихъ обществъ, а лишь въ

---

[1]) Процессомъ этимъ я занимаюсь въ своемъ изслѣдованіи *Возстаніе Уота Тайлера*. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи, ч. I—II. 1897—1901.

сущности поверхностно приспособляли его къ потребностямъ новой власти: въ первомъ случаѣ къ интересамъ короля и его рода и близкихъ къ нему людей, во-второмъ—къ интересамъ получившихъ въ той или иной мѣрѣ отъ короля эту же власть духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, по существу должностныхъ лицъ короля (безразлично, настоящіе ли они чиновники короля, или же иммунисты) въ областномъ управленіи. Общество продолжало жить въ узкихъ рамкахъ мѣстной жизни, находя здѣсь все, что необходимо было ему для удовлетворенія основныхъ потребностей общежитія. Только развѣ война напоминала ему, что есть общіе для цѣлаго ряда мѣстныхъ міровъ интересы. Не менѣе досаднымъ было напоминаніе о какихъ-то иныхъ, выходящихъ за узкіе предѣлы деревни, сотни и графства требованіяхъ, которыя нужно было удовлетворять въ видѣ всякаго рода поборовъ и поставокъ (подводъ и лошадей) для надобностей короля и его слугъ. Но все это были непріятныя случайности, бурно врывавшіяся въ захолустную жизнь свободнаго франка меровингской поры, но не связанныя органически съ той жизнью, какой жилъ онъ самъ и его commarcani и pagenses, въ предѣлахъ деревни, сотни и графства вполнѣ удовлетворявшіе и свои хозяйственныя потребности, и потребность въ правѣ и порядкѣ.

Въ частности, и хозяйственная жизнь франкскаго общества была раздроблена на цѣлый рядъ узкихъ и замкнутыхъ хозяйственныхъ міровъ и, слѣдовательно, находилась въ полной гармоніи съ общественнымъ и политическимъ (въ широкомъ смыслѣ) партикуляризмомъ, сейчасъ отмѣченнымъ. Широкаго хозяйственнаго и культурнаго взаимодѣйствія совсѣмъ не знало тогда франкское общество. Въ хозяйственномъ и культурномъ отношеніи франкское общество эпохи Меровинговъ совсѣмъ не являлось единымъ широкимъ цѣлымъ, единымъ хозяйственнымъ и культурнымъ организмомъ, имѣющимъ общіе для него, для всей массы населяющихъ его территорію индивидуумовъ и ихъ общественныхъ организацій хозяйственные и культурные интересы и нуждающимся для обезпеченія этихъ общихъ интересовъ въ широкой государственной организаціи, которая являлась бы, такимъ образомъ, органической потребностью и въ то же время и органическимъ продуктомъ уже единаго въ хозяйственномъ и въ культурномъ отношеніи широкаго общественнаго соединенія.

Такая широкая политическая организація являлась бы органической частью широкаго общественнаго цѣлаго и обладала бы той крѣпостью и прочностью, какой обладаютъ сами хозяйственныя и культурныя связи, соединяющія широкій общественный организмъ. Такой, какъ мы видѣли, была Римская имперія въ первые вѣка

своего существованія, когда она явилась широкой политической формой, въ которой нуждались объединенные римскимъ оружіемъ въ единый хозяйственный и культурный организмъ народы и племена, занимавшіе берега Средиземнаго моря. Таковы современныя государства. Но такой не была имперія Карла Великаго. Каролингская монархія не вывела жизнь франкскаго общества изъ узкихъ формъ хозяйственнаго и культурнаго существованія и не ввела ее въ широкое русло широкаго хозяйственнаго и культурнаго взаимодѣйствія, не превратила обширный конгломератъ племенъ и народовъ, признававшихъ власть франкскаго короля и римскаго императора, въ единый хозяйственный и культурный организмъ. И она не могла быть прочной политической организаціей западно-европейскаго общества и не могла заставить служить своимъ интересамъ узкіе общественные и политическіе круги, на которые давнымъ давно распадалось франкское общество, и которые являлись естественной и органически необходимой и потому единственно прочной формой его политической организаціи.

Міровая христіанская монархія Каролинговъ не разрушила феодальнаго порядка. Да она и не имѣла въ виду его разрушать, даже укрѣпляла и расширяла его, лишь стремясь заставить его служить своимъ широкимъ государственнымъ интересамъ. Произведенная Каролингами и вызванная преимущественно внѣшними причинами попытка организовать и укрѣпить міровую имперію на феодальномъ фундаментѣ должна была потерпѣть неудачу. Слишкомъ широкая политическая организація, въ которую они хотѣли ввести жизнь западно-европейскаго міра, находилась въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи съ хозяйственными и культурными условіями и формами, въ какихъ еще жили западно-европейскія общества. Въ этомъ основная причина недолговѣчности каролингской монархіи и полнаго торжества феодальнаго партикуляризма. И каролингская государственность, подобно варварской государственности Меровинговъ, явилась въ концѣ концовъ всего лишь внѣшнимъ приспособленіемъ интересовъ носителей власти, на этотъ разъ власти, проникнутой настоящимъ государственнымъ смысломъ и искреннимъ желаніемъ служить общественному благу «республики», къ исконнымъ узкимъ формамъ общественнаго существованія, которыя не могла и не имѣла въ виду разрушать и которыя вполнѣ соотвѣтствовали хозяйственнымъ и культурнымъ условіямъ, продолжавшимъ въ неизмѣнномъ видѣ существовать во франкскомъ обществѣ; и эти узкія формы безпрепятственно могли еще долгое время оставаться основными формами общественнаго и политическаго существованія Западной Европы, пока ходъ хозяйственной эволюціи не

разрушилъ постепенно натурально-хозяйственную структуру европейскихъ обществъ и не создалъ почву и для ихъ широкой и въ то же время прочной политической организаціи.

Для болѣе детальнаго ознакомленія со строемъ и съ эволюціей франкскаго общества и государства назовемъ слѣдующія книги:

Waitz (Georg). *Deutsche Verfassungsgeschichte,* B.B. I—II (3 Aufl., 1880, 1882), III—IV (2 Aufl. (1883, 1885).

Brunner (H.), *Deutsche Rechtsgeschichte,* B. I (2 Aufl., 1906), II (1892).

Schröder (R.) *Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte*, 5 Aufl., 1907 г.

Sohm (R.). *Fränkische Reichs-und Gerichtsverfassung.* 1871. (есть и новое изданіе 1911 года).

Roth (Paul). *Geschichte des Beneficialwesens.* 1850.

Roth (Paul). *Feudalität und Unterthanverband*, 1863.

Sybel (H. von) *Entstehung des deutschen Königthums.* (2 Aufl.) 1881 г.

Sohm (R.) *Der Process der Lex Salica.* 1867.

Waitz (G.). *Abhandlungen zur deutschen Verfassungs-und Rechtsgesichte.* Herausgegeben von K. Zeumer. 1896.

Inama-Sternegg (K. Th.). *Deutsche Wirtschaftsgeschichte*, 2-e Aufl. 1906.

Caro (G.). *Beiträge zur älteren deutschen Wirtschafts-und Verfassungsgeschichte.* 1905.

Seeliger (G.). *Die soziale und politische Bedeutung der Grundherrschaft im früheren Mittelalter.* 1903.

Seeliger (G.), *Staat und Grundherrschaft in der älteren deutschen Geschichte.* 1909.

Fustel de Coulanges. *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France*, Vol, I—VI. 1907 (всѣ томы, кромѣ шестого, переведены на русскій языкъ подъ ред. проф. Гревса).

Viollet (P.). *Histoire des institutions politiques et administratives de la France*, I. 1890.

Flach (J.). *Les origines de l'ancienne France,* I. 1886.

Lavisse (E.). *Histoire de France*, Tome II. 1903.

Гревсъ (И. М.). *Феодализмъ* (Энциклопедическій Словарь Брокгауза и Ефрона, полутомъ 70).

Егоровъ (Д. Н.). *Этюды о Карлѣ Великомъ.* (Журн. Мин Нар. Просв. 1902—3).

Вязигинъ (А. С.). *Идеалы «Божьяго царства» и монархія Карла Великаго.* С.-Пб. 1912 г.

Брайсъ (Джемсъ). *Священная Римская имперія.* Пер. съ англ. Д. М. Петрушевскій. М. 1891.

Терешковичъ (В.). *Ростъ частной власти по капитуляріямъ франкскихъ королей* (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912).

Удальцовъ (А. Д.). *Свободная деревня въ западной Нейстріи въ эпоху Меровинговъ и Каролинговъ.* Спб. 1912 (извлечено изъ Журн. Мин. Нар. Просв. 1912).

Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, изд. подъ ред. проф. Виноградова, т. I (статьи: *Варварскія Правды* М. Богословскаго, *Карлъ Великій* Н. Шамонина, *Возстановленіе Западной Римской имперіи* М. Н. Покровскаго, *Капитулярія Карла Великаго* В. Икономова) и т. II (статья проф. Виноградова *Подготовка феодализма*).

На русскомъ языкѣ существуетъ, кромѣ того, два школьныхъ изданія *Салической Правды* (Lex Salica); одно изъ нихъ сдѣлано Д. Н. Егоровымъ, который приготовилъ къ печати и снабдилъ примѣчаніями латинскій текстъ Салической Правды (*Сборникъ Законодательныхъ памятниковъ древняго западно-европейскаго права,* изд. подъ ред. П. Г. Виноградова и М. Ф. Владимірскаго-Буданова. Выпускъ первый. Lex Salica. Кіевъ. 1906) (во второмъ выпускѣ помѣщенъ текстъ *Lex Saxonum* съ примѣчаніями В. С. Протопопова и *Leges Alamannorum* съ введеніемъ и примѣчаніями М. Ф. Владимірскаго-Буданова), а другое представляетъ собою русскій переводъ Салической Правды, сдѣланный Н. П. Граціанскимъ и А. Г. Муравьевымъ и снабженный введеніемъ Н. П. Граціанскаго (Казань. 1913).

Заключеніе.

Намъ остается подвести итоги.

И въ Римской имперіи, и въ смѣнившихъ ее варварскихъ королевствахъ насъ интересовалъ на всемъ протяженіи нашихъ очерковъ прежде всего и главнымъ образомъ процессъ возникновенія тѣхъ политическихъ и соціальныхъ формъ, которыя характерны для такъ называемыхъ среднихъ вѣковъ. Генезисъ феодальнаго общества и феодальнаго государства на западѣ Европы изъ условій предшествующаго развитія,—вотъ тотъ основной вопросъ, который мы по мѣрѣ силъ старались разрѣшить на почвѣ римскаго и на почвѣ варварскаго развитія. Были ли въ Римской имперіи и въ варварскихъ королевствахъ общія для всѣхъ ихъ причины, приведшія и здѣсь, и тамъ къ возникновенію феодальныхъ формъ? Что дала Римская имперія для феодализаціи смѣнившихъ ее варварскихъ государствъ? На эти два органически связанные другъ съ другомъ вопроса мы должны дать отвѣтъ теперь, пользуясь данными всего предшествующаго изложенія и въ то же время подводя ему итогъ.

Мы подробно изучали процессъ постепеннаго возвращенія римскаго общества къ элементарнымъ формамъ хозяйственной жизни и видѣли, что въ процессѣ этомъ римская государственность съ ея болѣе и болѣе повышавшимися фискальными требованіями сыграла едва ли не главную роль. Въ результатѣ—широко поставленная и технически высоко развитая государственная организація имперіи, возникшая и развивавшаяся на почвѣ живого хозяйственнаго и культурнаго общенія объединенныхъ подъ ея властью государствъ и народовъ побережья Средиземнаго моря и съ своей стороны много сдѣлавшая для дальнѣйшаго развитія этого общенія, оказалась въ рѣзкомъ несоотвѣтствіи съ хозяйственными и культурными условіями, какія постепенно возобладали въ римскомъ обществѣ, и ей пришлось удовлетворять свои сложныя потребности съ помощью тѣхъ элементарныхъ средствъ, какія она могла найти въ условіяхъ уже элементарной хозяйственной дѣйствительности.

Уже съ Діоклетіана податная система рѣшительно принимаетъ натурально-хозяйственный характеръ. Производительные классы обще-

ства принуждаются теперь государственной властью отдавать государству часть продуктовъ своей хозяйственной дѣятельности натурой, а то и просто засаживаются ею за принудительную работу для надобностей государства. Государство дѣлаетъ грандіозную попытку организовать всю хозяйственную жизнь общества на крѣпостныхъ началахъ въ формѣ единой, направляемой и опредѣляемой потребительными надобностями государственнаго цѣлаго хозяйственной организаціи и для этого превращаетъ нѣкогда живыя и жизненныя общественныя организаціи въ безжизненные, механически дѣйствующіе органы извнѣ направляемаго механизма, чѣмъ наноситъ непоправимый ударъ хозяйственному и культурному развитію общества и ускоряетъ процессъ возвращенія общества къ элементарнымъ хозяйственнымъ формамъ. Промышленность и торговля замираютъ, а съ ними замираетъ и городская жизнь, и сильно ослабѣвшій пульсъ хозяйственной жизни римскаго общества перемѣщается въ деревню. Земля и земледѣлецъ становятся главными факторами хозяйственной жизни. Но земля уже давно постепенно сосредоточивалась въ рукахъ высшаго класса общества, а ростъ римской государственности съ ея непрерывно возраставшими фискальными требованіями съ своей стороны въ сильнѣйшей мѣрѣ способствовалъ обезземеленію среднихъ и мелкихъ землевладѣльцевъ и переходу ихъ земли въ руки крупныхъ землевладѣльцевъ. Земледѣлецъ, какъ общее правило, уже сидѣлъ на чужой землѣ, на землѣ крупнаго земельнаго магната. Возобладавшее въ римскомъ мірѣ крупное помѣстье не могло уже, съ возвращеніемъ римскаго общества на стадію натуральнаго хозяйства, организовать свое хозяйство въ формѣ крупнаго предпріятія, крупнаго хозяйства и дробилось на рядъ мелкихъ зависимыхъ, арендныхъ хозяйствъ. Но эти мелкія арендныя хозяйства не порывали связи съ владѣльческимъ центромъ. Въ интересахъ государства было сохранить и по возможности укрѣпить эту связь. Заставляя крестьянина работать прежде всего на себя, государство неразрывными узами связываетъ его съ землей, которую онъ долженъ прежде всего для него обрабатывать, прикрѣпляетъ его къ землѣ крупнаго землевладѣльца, а этому послѣднему поручаетъ контролировать его работу и передаетъ полицейскую власть надъ прикрѣпленными къ его землѣ земледѣльцами и возлагаетъ на него отвѣтственность за слѣдуемые государству результаты ихъ работы и за общее ихъ поведеніе. Вѣдь только онъ, землевладѣлецъ, можетъ обезпечить государству принудительную работу сидящаго на его землѣ земледѣльца, только онъ черезъ посредство служебнаго персонала помѣстья можетъ для этого вмѣшиваться въ мелочи хозяйственной дѣятельности сидящаго на его землѣ крестьянина, тѣмъ болѣе, что

это вмѣшательство было и въ его, землевладѣльца, собственныхъ интересахъ, обезпечивая и слѣдуемые ему самому результаты хозяйственной дѣятельности его колона. Та чисто экономическая власть, которую имѣлъ надъ сидѣвшимъ на его землѣ земледѣльцемъ земельный магнатъ, теперь, съ возвращеніемъ римскаго общества на стадію натуральнаго хозяйства и съ появленіемъ для государства необходимости удовлетворять свои потребности натурально-хозяйственнымъ способомъ, съ помощью натуральныхъ государственныхъ повинностей производительныхъ классовъ общества, осложняется полномочіями, которыя передаетъ теперь землевладѣльцу государство, не будучи въ состояніи справиться съ задачей становившагося для него все болѣе и болѣе необходимымъ мелочного вмѣшательства въ хозяйственную жизнь общества собственными средствами, съ помощью своихъ собственныхъ агентовъ, съ помощью которыхъ оно уже не могло справиться и съ другой своей задачей, съ основной своей задачей обезпеченія общественнаго мира, общественной безопасности.

Это послѣднее обстоятельство, это безсиліе государства въ дѣлѣ обезпеченія общественней безопасности въ царствѣ сильныхъ и богатыхъ, чѣмъ все больше и больше становилось римское государство, приводитъ къ тому, что подъ власть сильныхъ и богатыхъ, подъ частную власть крупныхъ землевладѣльцевъ попадаютъ не только препорученные имъ государствомъ сидѣвшіе на ихъ землѣ ихъ колоны, но и остатки до тѣхъ поръ совершенно свободныхъ и экономически независимыхъ людей. Все болѣе и болѣе развивавшійся институтъ патроциніевъ, несомнѣнно, не въ малой мѣрѣ способствовалъ окончательному превращенію земельныхъ магнатовъ въ почти независимыхъ отъ центральной власти и несклонныхъ считаться съ ея требованіями владѣтельныхъ князей съ экономической, административной и судебной властью надъ населеніемъ ихъ обширныхъ владѣльческихъ территорій. Раздробленіе верховной власти (то, что Гизо называлъ разсѣяніемъ суверенитета), переходъ ея къ земельнымъ магнатамъ,—эта характернѣйшая черта феодальнаго государства уже была налицо въ Римской имперіи IV и V вѣка.

Римское государство и римское общество уже сдѣлали, такимъ образомъ, очень крупные шаги въ направленіи къ феодальному порядку, но, какъ это мы сейчасъ увидимъ, Римская имперія до разложенія ея на рядъ варварскихъ королевствъ еще сохранила многое изъ той широкой политической организаціи, которая создалась въ ней при болѣе благопріятныхъ хозяйственныхъ и иныхъ культурныхъ условіяхъ, и *представляла собой переходный моментъ отъ централизованнаго бюрократическаго государства къ государ-*

ству феодальному. Такой же переходный характеръ носилъ въ это время и ея соціальный строй. Это станетъ для насъ вполнѣ яснымъ послѣ того, какъ мы бросимъ взглядъ на феодализаціонный процессъ въ варварскихъ, германскихъ королевствахъ и на его политическіе и соціальные результаты.

Если въ Римской имперіи несоотвѣтствіе между широкой и развитой государственной организаціей общества и его хозяйственнымъ строемъ возникло лишь постепенно, въ результатѣ продолжительнаго и сложнаго процесса политической и соціальной эволюціи, то въ государствахъ, основанныхъ германцами на территоріи имперіи, это несоотвѣтствіе обнаружилось и дало себя знать очень скоро.

Та сравнительно широкая и сложная государственность, къ которой германскія племена теперь перешли, не явилась органическимъ продуктомъ ихъ внутренняго роста, но была создана внѣшнимъ фактомъ ихъ встрѣчи съ римскимъ міромъ и тѣми отношеніями, враждебными и мирными, въ какія они съ нимъ вступили. Имъ сразу же пришлось разрѣшать сравнительно сложныя государственныя проблемы, удовлетворять свои сложныя государственныя потребности съ помощью все тѣхъ же простыхъ и элементарныхъ средствъ, съ помощью какихъ они удовлетворяли свои болѣе простыя и несложныя потребности, живя племенными государствами, возлагавшими на каждаго свободнаго германца несеніе натуральныхъ государственныхъ повинностей въ интересахъ обезпеченія обществу какъ внѣшняго, такъ и внутренняго мира. Теперь эти натуральныя государственныя повинности оказались для средняго германца несравненно тяжелѣе, чѣмъ они были прежде, и скоро мы видимъ германскую массу изнемогающей подъ ихъ бременемъ и постепенно теряющей матеріальную возможность ихъ отбывать. Масса бѣднѣетъ, разоряется подъ ихъ тяжестью, все болѣе и болѣе превращаясь изъ воиновъ-земледѣльцевъ въ занятую исключительно крестьянскимъ трудомъ рабочую массу, сидящую на все болѣе и болѣе дробившихся надѣлахъ. Въ то же время на ея счетъ, а также благодаря королевскимъ щедротамъ постепенно росло и развивалось крупное землевладѣніе, и государственной власти не оставалось ничего другого, какъ возложить ставшія непосильными для массы натуральныя государственныя повинности, и прежде всего военную повинность, на болѣе богатыхъ и болѣе сильныхъ. Къ тому же развивавшаяся военная техника требовала появленія профессіонально обученнаго военнаго класса. Изъ массы выдѣляется постепенно особый военный классъ, на который государство и возлагаетъ несеніе основной натуральной государственной повинности.

Но этотъ военный классъ постепенно становился и правящимъ

классомъ. По мѣрѣ разложенія родовыхъ союзовъ, въ которыхъ государство находило своего пособника въ дѣлѣ обезпеченія обществу внутренняго мира и безъ содѣйствія которыхъ оно оказывалось неспособнымъ справляться съ этой послѣдней задачей, масса оказывается вынужденной искать частной охраны своей жизни и имущества подъ частной властью сильныхъ людей, болѣе или менѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, подъ частной властью представителей военнаго класса, и нерѣдко брать у нихъ при этомъ и землю въ держаніе, и государственной власти остается лишь санкціонировать эти союзы частной власти и частнаго подчиненія и даже принуждать къ вступленію въ эти союзы тѣхъ, кто еще оставался подданнымъ одного лишь короля. Коммендація и сеньератъ (въ Англіи глафордатъ) дѣлаютъ все большіе и большіе успѣхи. Въ тѣхъ же интересахъ обезпеченія внутренняго и внѣшнаго мира государственная власть передаетъ въ частныя руки и непосредственно свои права надъ массой путемъ раздачи такъ называемыхъ иммунитетовъ, которая съ матеріальной стороны является передачей въ частныя руки движимаго имущества, принадлежащаго носителю государственнаго верховенства, и органически связанныя съ осуществленіемъ этого послѣдняго. Постепенно, такимъ образомъ, рабочая масса попадаетъ подъ частную власть высшаго военнаго и правящаго класса и отдаетъ ему часть продуктовъ своей хозяйственной дѣятельности, а съ теченіемъ времени и часть самаго своего труда и этимъ обезпечиваетъ ему возможность отправленія своихъ натуральныхъ государственныхъ повинностей, уже для массы непосильныхъ.

Осложненіе политической жизни и политическихъ задачъ ведетъ, такимъ образомъ, при господствѣ элементарныхъ хозяйственныхъ условій, къ осложненію соціальнаго строя германскаго общества, къ расчлененію его на классъ производительный въ экономическомъ смыслѣ и на классъ непроизводительный, но отъ этого не менѣе необходимый для цѣлей культурнаго общественнаго существованія, и къ передачѣ классу непроизводительному, классу прежде всего военному—къ нему необходимо прибавить и классъ служителей религіи—власти надъ трудящейся массой и права на часть продуктовъ ея производительной дѣятельности, обезпечивающую ему возможность отправленія имъ его необходимыхъ для политическаго цѣлаго государственныхъ натуральныхъ повинностей какъ военнаго и правящаго класса (или какъ класса, удовлетворяющаго религіозныя потребности общества, если идетъ рѣчь о духовномъ классѣ). Такимъ образомъ развивающаяся въ германскомъ обществѣ подъ вліяніемъ прежде всего осложненія его политическихъ задачъ соціальная дифференціація расчленяетъ нѣкогда

болѣе или менѣе однородную массу на классы производительный и непроизводительный въ экономическомъ смыслѣ и заставляетъ первый работать на второй и подчиняться его частной власти въ интересахъ политическаго цѣлаго.

И производительный классъ, и классъ непроизводительный необходимы для существованія цѣлаго, равно какъ и та зависимость, въ которой первый находится у второго: безъ этихъ классовъ и безъ этой ихъ зависимости сколько-нибудь значительное по своимъ размѣрамъ государство не могло существовать въ условіяхъ натуральнаго хозяйства и не могло удовлетворять своихъ основныхъ потребностей. Здѣсь мы видимъ то, что, за неимѣніемъ болѣе подходящаго термина, я бы позволилъ себѣ назвать *государственнымъ раздѣленіемъ труда;* понимая подъ нимъ постепенно, органическимъ путемъ складывающееся распредѣленіе между столь же постепенно и органически возникающими классами стоящаго на стадіи натуральнаго хозяйства общества дѣятельностей, непосредственно необходимыхъ для существованія его какъ политическаго цѣлаго, нуждающагося во внутренней и внѣшней защитѣ. Если въ платоновскомъ идеальномъ государствѣ такое государственное раздѣленіе занятій являлось непосредственнымъ результатомъ политической мысли и вполнѣ сознательной политики организаторовъ и руководителей государства, то въ государствахъ, основанныхъ германцами на территоріи Римской имперіи, оно являлось прежде всего неизбѣжнымъ результатомъ тѣхъ условій и прежде всего хозяйственныхъ условій, въ какія попали эти варварскія государства. Но и здѣсь элементъ сознательной правительственной политики очень скоро началъ играть важную роль.

Если мы станемъ расчленять на ея составные элементы ту власть, какую военный и правящій классъ феодальнаго общества осуществляетъ надъ классомъ производительнымъ, рабочимъ, то принуждены будемъ признать, что экономическое преобладаніе, власть собственника земли надъ его арендаторомъ, играетъ здѣсь далеко не главную роль, тѣмъ болѣе, что коммендація и иммунитетъ отдали подъ частную власть сеньера и заставили работать на него огромную массу мелкихъ землевладѣльцевъ. Можно даже сказать, что типичными для процесса феодализаціи средневѣковыхъ обществъ были случаи перехода подъ частную власть сеньера именно такихъ, еще не порвавшихъ связи съ собственной землей людей, свободныхъ сельскихъ общинъ. *Главнымъ, что создавало эту частную власть, была политическая необходимость,* необходимость обезпечить военному и правящему классу нужные для него продукты хозяйственной дѣятельности производительнаго класса, а этому послѣднему—

необходимую для него защиту, и это даетъ намъ право признавать частную *власть сеньера надъ крестьянской, рабочей массой* прежде всего и главнымъ образомъ *властью политической* и соотвѣтствующую этой власти зависимость крестьянства отъ сеньеровъ зависимостью также прежде всего и главнымъ образомъ политической.

Для огромнаго большинства рабочей массы раздѣленіе факторовъ производства и распредѣленіе ихъ по различнымъ общественнымъ классамъ землевладѣльцевъ, владѣльцевъ орудій производства и рабочихъ еще оставались неизвѣстны. Крестьянинъ въ огромномъ большинствѣ еще оставался собственникомъ земли, рабочаго инвентаря и рабочихъ рукъ одновременно, и въ силу этого въ хозяйственномъ отношеніи онъ былъ, пожалуй, еще болѣе независимъ, чѣмъ его сеньеръ, нуждавшійся въ продуктахъ его хозяйственной дѣятельности, а то и въ самой этой дѣятельности, и если онъ работалъ на своего сеньера и отдавалъ ему часть продуктовъ своего труда, то дѣлалъ онъ это не столько на экономическомъ основаніи, сколько по политическимъ причинамъ, завися отъ него не столько экономически, сколько политически, въ результатѣ коммендаціи или иммунитета, какъ частный подданный своего сеньера, представителя военнаго и правящаго класса. Расчлененіе факторовъ производства и распредѣленіе ихъ между различными экономическими классами—землевладѣльцами, владѣльцами капитала и рабочими,—создающее экономическую зависимость не имѣющихъ земли и капитала отъ имѣющихъ ихъ, еще сравнительно мало было знакомо варварскимъ обществамъ и не типично для феодальнаго режима; но и поскольку его знало стоявшее всецѣло на натурально-хозяйственномъ базисѣ феодальное общество, оно еще не являлось опредѣляющимъ моментомъ во взаимоотношеніи его общественныхъ группъ, которыя каждая въ своей сферѣ, въ процессѣ сложнаго сотрудничества работали въ интересахъ политическаго цѣлаго, поскольку онѣ являлись частями политическаго цѣлаго, и эти интересы опредѣляли ихъ взаимоотношеніе и, создавая зависимость одной группы отъ другой, отнимали у этой зависимости тотъ рѣзко противообщественный характеръ, какой присущъ чисто экономической зависимости неимущихъ отъ имущихъ, равно какъ и самому существу такого экономически-классового строенія общества. Сословное расчлененіе феодальнаго общества на сеньеровъ и вилановъ далеко отъ этого классового дѣленія, и, можетъ быть, послѣ всѣхъ сдѣланныхъ разъясненій и оговорокъ не покажется ужъ слишкомъ далекимъ отъ исторической истины, если мы скажемъ, что на немъ покоится санкція государственнаго въ самомъ широкомъ смыслѣ интереса и государственной необходимости, поскольку феодальное

общество живетъ въ рамкахъ болѣе или менѣе широкой политической организаціи, въ той или иной мѣрѣ представляя собою единое политическое цѣлое.

Если мы теперь сопоставимъ эту картину съ тѣмъ, что представляла собою съ политической и съ соціальной стороны Римская имперія четвертаго и пятаго вѣка, сдѣлавшая уже, какъ мы видѣли, серьезные шаги по пути къ феодализаціи, то для насъ станетъ вполнѣ очевиднымъ переходный характеръ ея политическаго и соціальнаго строя.

Вынужденная, съ возвращеніемъ римскаго общества на стадію натуральнаго хозяйства, закрѣпить крестьянскую массу за крупными землевладѣльцами юридически и передать имъ надъ ней и политическую власть, чтобы прежде всего гарантировать исправное отбываніе крестьянствомъ государственной барщины, а затѣмъ и обезпечить интересы общественнаго мира въ сельскихъ округахъ, и, такимъ образомъ, не въ малой мѣрѣ содѣйствуя возникновенію въ римскомъ обществѣ соціальныхъ и политическихъ формъ, характерныхъ для феодальнаго режима, имперія продолжала въ то же время сохранять и свой бюрократическій строй. Прикрѣпляя производительный классъ къ землѣ крупныхъ землевладѣльцевъ и отдавая его подъ ихъ власть, имперія не создавала изъ этихъ послѣднихъ военнаго класса, какой мы видимъ въ варварскихъ королевствахъ. Крупные землевладѣльцы не становились отъ этого военнымъ сословіемъ. Въ имперіи продолжалъ существовать особый военный классъ, который, какъ и другіе классы римскаго общества, постигло закрѣпощеніе и превращеніе въ наслѣдственную касту, и если онъ мало-по-малу уступалъ кому-либо свое мѣсто, то не классу крупныхъ землевладѣльцевъ, продолжавшему съ презрѣніемъ смотрѣть на военное дѣло и на военную профессію, а все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе замѣщавшимъ его варварскимъ отрядамъ.

Прикрѣпляя крестьянскую массу къ землѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, имперія, какъ и варварскія королевства, имѣла при этомъ въ виду едва ли не прежде всего интересы военной защиты государства; но въ то время, какъ варварскія королевства обезпечивали этимъ военную повинность самихъ землевладѣльцевъ, имперія гарантировала такимъ путемъ лишь исправное поступленіе въ казну продуктовъ хозяйственной дѣятельности крѣпостныхъ колоновъ, на которые она содержала особый профессіональный военный классъ, сохранившійся еще отъ прежней денежно-хозяйственной поры. Отъ этой же поры сохранился и фискъ, и центральная и мѣстная администрація, вся эта сложная бюрократическая машина, такъ пагубно воздѣйствовавшая на римское общество и попрежнему требовав-

шая отъ общества все новыхъ и новыхъ жертвъ, но уже продуктами хозяйственной дѣятельности его производительныхъ классовъ и самымъ ихъ трудомъ. Въ феодализовавшихся варварскихъ королевствахъ трудящаяся масса работала непосредственно на военный классъ; въ Римской имперіи она работала на фискъ, который уже отъ себя содержалъ особый военный классъ; и если въ то же время она работала и на крупныхъ землевладѣльцевъ, на землѣ которыхъ она сидѣла, то этимъ она не дѣлала этихъ послѣднихъ тѣмъ, чѣмъ были крупные землевладѣльцы въ варварскихъ государствахъ феодальной поры, не дѣлала ихъ несущимъ свою спеціальную натуральную государственную повинность сословіемъ, столь же необходимымъ для политическаго цѣлаго, какъ и производящая матеріальныя цѣнности трудящаяся масса, но лишь выполняла свои вытекавшія изъ арендnаго отношенія обязательства. Не ставъ военнымъ классомъ, крупные землевладѣльцы имперіи стали въ извѣстной мѣрѣ правящимъ классомъ, получивъ отъ государства административную и отчасти судебную власть надъ сидѣвшими на ихъ землѣ и отдававшимися подъ ихъ частный патронатъ людьми. Но и эта ихъ роль не могла затушевать ихъ соціальной сущности какъ паразитнаго, антиобщественнаго по своей природѣ соціальнаго образованія, сложившагося и развившагося еще въ обстановкѣ капиталистическаго строя и лишь приспособленнаго государствомъ въ уже иной, натурально-хозяйственной обстановкѣ къ своимъ и прежде всего фискальнымъ цѣлямъ, въ подмогу имперской бюрократіи.

Но время шло, бюрократическая организація имперіи, подтачивая постепенно свою хозяйственную основу, все ветшала, и волей-неволей приходилось государству все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе переходить къ все болѣе и болѣе элементарнымъ способамъ удовлетворенія своихъ основныхъ потребностей и тѣмъ все болѣе и болѣе приближаться къ феодальному государству. Въ особенности замѣтна эта эволюція въ организаціи военной силы. Постепенно военную силу имперіи стали представлять почти исключительно варварскіе отряды, нерѣдко состоявшіе изъ цѣлыхъ варварскихъ племенъ. Государство все болѣе и болѣе теряло возможность содержать ихъ прежнимъ способомъ, выдавая имъ жалованье, и принуждено было сажать ихъ на землю, превращать ихъ въ воиновъ-землевладѣльцевъ или размѣщать ихъ по домамъ мѣстнаго римскаго населенія, по усадьбамъ крупныхъ землевладѣльцевъ, принужденныхъ, такимъ образомъ, отдавать имъ часть продуктовъ хозяйственной дѣятельности своихъ колоновъ, а впослѣдствіи и вовсе передать въ ихъ руки часть своихъ земель вмѣстѣ съ тру-

домъ сидѣвшихъ на этихъ земляхъ людей. Но это уже была эпоха фактическаго расчлененія имперіи на рядъ варварскихъ государствъ, которое скоро положило конецъ и римскому фиску, и римской бюрократіи и привело къ окончательному торжеству натурально-хозяйственныхъ формъ и въ обществѣ, и въ государствѣ. Римской землевладѣльческой аристократіи оставалось или сойти со сцены, или превратиться въ несущій свою натуральную государственную повинность общественный классъ. И мы видимъ ее въ верхнихъ рядахъ духовнаго сословія и въ рядахъ военныхъ товарищей и вассаловъ варварскихъ королей, вмѣстѣ съ варварской знатью выступающей въ походы во главѣ своихъ вооруженныхъ людей. Варварское развитіе и развитіе римское встрѣтились и затѣмъ уже пошли по одному пути.

Разложеніе Западной Римской имперіи на рядъ варварскихъ королевствъ не разрушило римскаго помѣстнаго строя, уже принявшаго опредѣленно выраженный феодальный отпечатокъ, и онъ вошелъ органической частью въ соціальный строй, постепенно выработавшійся въ варварскихъ королевствахъ въ результатѣ процесса феодализаціи, которому они подверглись. Онъ только постепенно утратилъ тѣ свои особенности, которыми онъ былъ обязанъ римской государственности, пока она еще сохраняла, несмотря на все усиливавшійся переходъ римскаго общества къ элементарнымъ формамъ хозяйственнаго и общественнаго существованія, свой бюрократическій характеръ и продолжала предъявлять обществу все усиливавшіяся фискальныя требованія для разрѣшенія своихъ все еще сложныхъ политическихъ задачъ, и все болѣе и болѣе ассимилировался съ той новой, уже элементарной политической обстановкой, которая была создана варварской государственностью, и приближался къ помѣстному строю, который постепенно сложился среди самихъ германцевъ въ условіяхъ варварской государственности, быстро двигавшей германское общество по пути къ феодализму. Являясь традиціонной, хотя и нѣсколько видоизмѣнившейся въ новыхъ политическихъ условіяхъ, формой соціальныхъ отношеній среди романскихъ элементовъ населенія варварскихъ королевствъ, помѣстный строй, сложившійся въ Римской имперіи, съ своей стороны не остался безъ вліянія на помѣстный строй, самостоятельно слагавшійся среди его германскихъ элементовъ, въ томъ смыслѣ, что нѣкоторыя формы поземельныхъ отношеній (прекарій, колонатъ и др.), характерныя для перешедшаго отъ Рима помѣстья, были реципированы германцами и въ видоизмѣненномъ и приспособленномъ къ ихъ потребностямъ видѣ стали формами, въ которыя укладывались и поземельныя отношенія въ ихъ собственныхъ помѣстьяхъ. Во всякомъ случаѣ

и римское, и германское помѣстье стали играть въ варварскихъ королевствахъ одинаковую соціальную и политическую роль, необходимую въ хозяйственныхъ и политическихъ условіяхъ варварской государственности.

Сама эта варварская государственность, какъ и ея генетически связанная съ нею разновидность, феодальное государство, не вносила существенныхъ измѣненій въ исконныя основныя формы общественнаго существованія германцевъ, какъ онѣ очерчены еще Тацитомъ, и представляла собою, какъ и государственность феодальная, лишь поверхностное приспособленіе этихъ основныхъ формъ къ потребностямъ своеобразнаго политическаго режима, въ которомъ исконное народоправство механически сочеталось съ единоличнымъ властвованіемъ и его рѣзко выраженными частно-правовыми и частно-хозяйственными тенденціями. Широкія формы государственной жизни, къ которымъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ обстоятельствъ перешли германцы, утвердившіеся на территоріи Римской имперіи, оставили въ сущности неприкосновенными исконныя формы общественнаго существованія, которыя до тѣхъ поръ знали германцы, и которыя вполнѣ соотвѣтствовали общимъ хозяйственнымъ и культурнымъ условіямъ, вводившимъ общественную жизнь въ узкія рамки мѣстной жизни, въ замкнутые въ хозяйственномъ и культурномъ отношеніи кружки. Широкая государственность германцевъ была вызвана къ жизни не органическимъ путемъ; она возникла не въ результатѣ постепеннаго объединенія этихъ узкихъ замкнутыхъ круговъ въ единое хозяйственое и культурное цѣлое, нуждающееся въ широкой государственной организаціи, которая бы обезпечивала его широкіе хозяйственные и культурные интересы, а создана была чисто внѣшними причинами. Не удивительно, что она явилась лишь поверхностной надстройкой надъ органически выросшими исконными узкими формами, въ которыхъ продолжало жить германское общество, а также и римское общество (романскіе элементы населенія варварскихъ королевствъ), тоже вѣдь уже къ концу Римской имперіи разбившееся на узкіе самодовлѣющіе помѣстные міры, безсильной въ отношеніи къ нимъ и принужденной съ ними считаться и приспособляться къ нимъ въ своихъ собственныхъ интересахъ, и незамѣтно переходила въ феодальный режимъ, болѣе соотвѣтствовавшій общей хозяйственной и культурной обстановкѣ и, слѣдовательно, еще менѣе способный внести коренныя измѣненія въ исконныя узкія замкнутыя формы, въ которыхъ продолжали жить германскія общества.

Феодальный режимъ и являлся той политической формой, которая болѣе всего соотвѣтствовала общимъ хозяйственнымъ и культур-

нымъ условіямъ, въ которыхъ продолжало жить западно-европейское общество, и пока эти условія оставались неизмѣнными, пока общество продолжало разбиваться на замкнутые хозяйственно и культурно кружки, всякія попытки политически организовать общество на широкихъ началахъ должны были терпѣть неудачу и принуждены были оставлять феодальному режиму полную свободу дѣйствій. Такая участь постигла меровинческую монархію. Ту же участь испытала и Римская имперія Каролинговъ. Лишь по мѣрѣ того, какъ хозяйственная и культурная раздробленность и замкнутость западно-европейскихъ обществъ съ ходомъ ихъ хозяйственной и культурной эволюціи стала ослабѣвать, и общества эти стали мало-по-малу превращаться въ единые хозяйственные и культурные организмы, нуждавшіеся въ широкой государственной организаціи, которая бы обезпечивала ихъ широкіе хозяйственные и культурные интересы, лишь тогда явились и условія, дѣлавшія необходимыми и возможными большія государства, въ которыхъ широкая политическая форма органически связана со всѣми другими сторонами общественнаго организма и благодаря этому обладаетъ характерными особенностями сильнаго и прочнаго политическаго порядка. Тогда наступилъ конецъ и феодализму.

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

Изданія „НАУЧНАГО СЛОВА“.

И. И. Мечниковъ. Сорокъ лѣтъ исканія раціональнаго міровоззрѣнія. Съ портр. автора. Цѣна 2 руб.

Е. Бюрнэ. Микробы и токсины. Съ предисл. и подъ редакціей **И. И. Мечникова.** Цѣна 2 руб.

„Памяти Дарвина“. Сборникъ статей профессоровъ: Умова, Тимирязева, Мечникова, Ковалевскаго, Мензбира и Павлова. Съ фототип. портретами и рисунками. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 75 к.

И. И. Мечниковъ. Этюды о природѣ человѣка. 4-ое, дополненное изд. съ портр. автора и многочислен. рисунками (печатается).

И. И. Мечниковъ. Этюды оптимизма. Съ 27 рисунками и портретомъ автора. Изд. 2-ое. Цѣна 2 руб.

Н. В. Сперанскій. Вѣдьмы и вѣдовство. Цѣна 1 руб. 40 коп.

М. М. Покровскій. Очеркъ по сравнительной исторіи литературы (романъ Дидоны и Энея и его римскіе подражатели). Цѣна 60 к.

Г. К. Рахмановъ. Основы метеорологіи. Съ рисунк. и климатолог. картами. Кратк̀ій курсъ для студ. Изд. 3-ье. Ц. 1 р. 25 к.

Ю. И. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Съ фототип. портретами писателей. Выпускъ I. Изд. 3-ье. Ц. 2 р. 20 к.

Ю. И. Айхенвальдъ. Пушкинъ. Цѣна 80 коп.

Ю. И. Айхенвальдъ. Этюды о западныхъ писателяхъ. Съ фототип. портретами писателей (больш. формата). Цѣна 1 р. 80 к.

И. М. Сѣченовъ. Автобіографическія записки. Съ предисловіемъ **проф. Н. А. Умова** и портр. авт. Цѣна 1 руб. 30 коп.

П. П. Муратовъ. Образы Италіи. Томъ I. Съ 17 иллюстраціями. Изданіе 2-е исправленное и дополненное. Цѣна 2 р. 25 к. Томъ II. Съ 12 иллюстр. 2-е значительно дополненное изданіе. Цѣна 1 р. 85 к.

„Освобожденіе крестьянъ—дѣятели реформы“ *). Въ сборникѣ участвуютъ профессора и преп. Московскаго университета. Приложены портреты дѣятелей. Цѣна 3 р., въ пер. 3 р. 20 к.

В. Арнольди *). По островамъ Малайскаго архипелага. Съ картами и иллюстраціями. Цѣна 1 р. 80 к.

„В. О. Ключевскій“ — характеристики и воспоминанія. Съ 3-мя портр. Ключевскаго. Цѣна 1 р. 90 к., въ коленк. пер. 2 р. 40 к.

Д. М. Петрушевскій. Очерки изъ исторіи средневѣковаго общества и государства. Изданіе 3-ье, исправленное и значительно дополненное авторомъ. Цѣна 2 р. 60 к.

Всѣ книги высылаются наложеннымъ платежомъ; пересылка за счетъ издательства.

Складъ у издателя: Москва, Нѣмецкая улица, с. д., Г. К. Рахмановъ. Тел. 1-97.

---

*) ***Одобрена*** *Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній. 1912 г.*

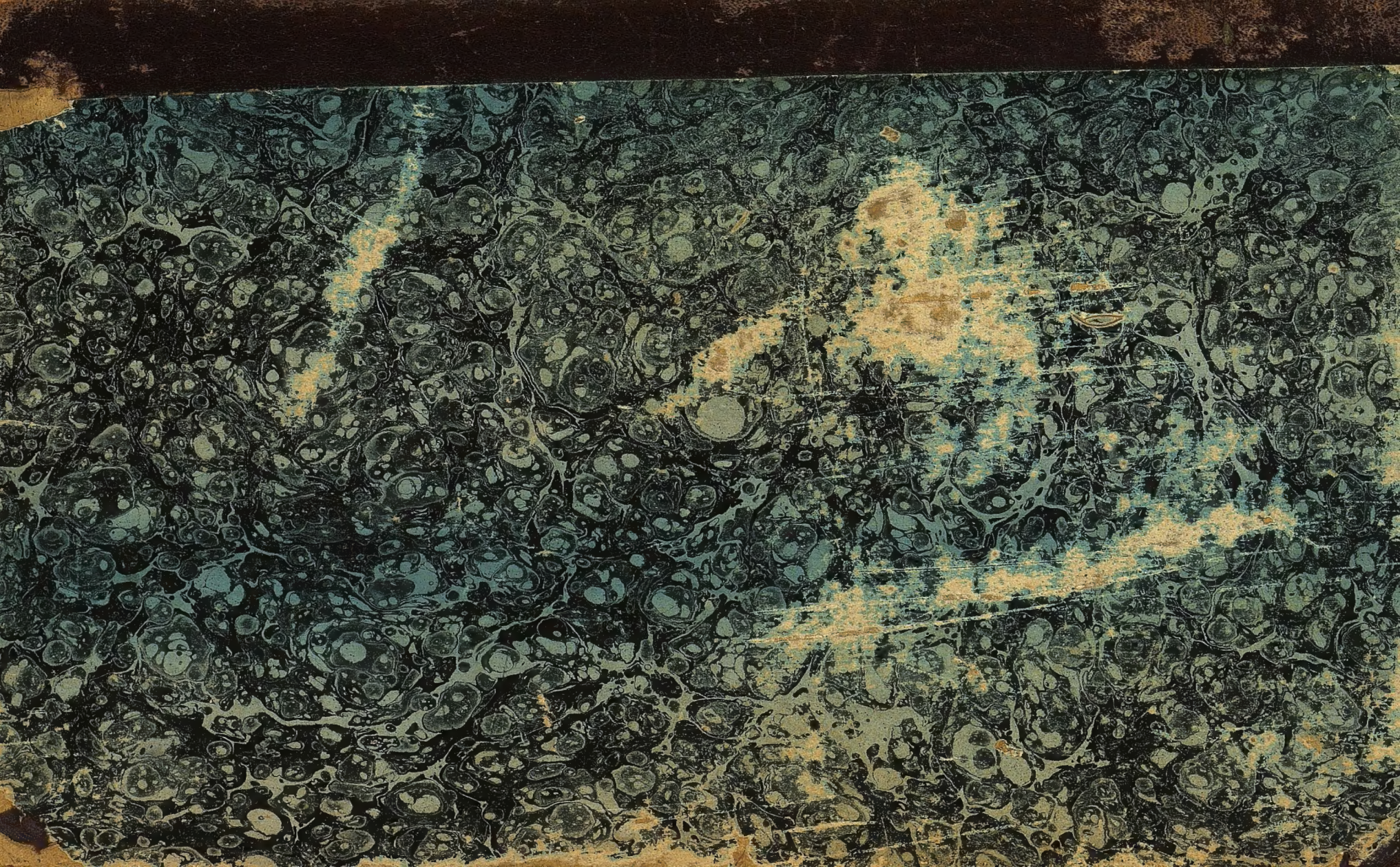
Того же автора.

Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи. Ч. I и II. Спб. и Москва. 1897—1901 (награждено Академіей Наукъ большой преміей митрополита Макарія).

Очерки изъ исторіи англійскаго государства и общества въ средніе вѣка. Часть первая. Изданіе второе. Спб. 1909 (изд. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ).

Великая Хартія Вольностей. Историческій очеркъ. 2-е изд. (съ русскимъ переводомъ Великой Хартіи). 1905.

Общество и государство у Гомера. Опытъ исторической характеристики. Изданіе 2-е. Москва. 1913.

типо-литографія
Т-ва Б. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°.
МОСКВА—1913.

Цѣна 2 р. 60 к.